

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2016

#3 (17) || May

№3 (17) || май

Stephanos
Сетевое издание
Рецензируемый мультиязычный научный журнал
Электронный проект
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:
докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова
докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская
докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина
докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен
канд. филол. наук доцент А.В. Уржа
канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:
старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., декан филологического факультета
Белградский университет (Сербия)

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерьёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak
(Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

- Maria Kalenchuk** PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
- Maxim Karanfilovsky** PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (Macedonia)*
- Leonid Krysin** PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
- Vesna Mojsova-Chepishavska** PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
- Jaye Padgett** PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
- Ivo Pospíšil**, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
- Helen Stergiopoulou** PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
- Alexandra Vranesh** PhD, Prof., Dean of the Faculty of Philology *University of Belgrade (Serbia)*
- Ekaterina Zhuravleva** PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

<i>Kadić Slobodan. Drugi svjetski rat u političkom i kulturnom diskursu suvremene Hrvatske / Вторая мировая война в политическом и культурном дискурсе современной Хорватии</i>	11
<i>Kaplanová Veronika. Vybrané psychologické aspekty výuky cizích jazyků s využitím moderních technologií</i>	19
<i>Пентковская Т.В. С русского на сербский, с сербского на русский: два опыта редактуры церковнославянского текста в XVII в.</i>	28
<i>Коростелева А.А. Тема правды и лжи в «Балладе о солдате» (материалы к киноуроку)</i>	59
<i>Ничипоров И.Б. Поэтика телесности в «Записках юного врача» М. Булгакова</i>	83
<i>Злочевская А.В. Два решения «шахматной темы»: «Защита лужина» В. Набокова и «Шахматная новелла» С. Цвейга</i>	89
<i>Зубарева Е.Ю. «Неистовое войско» («Das wütende Heer») или «Дикая охота» («Die wilde Jagd») в структуре традиционных мифологических представлений германских народов</i>	99

Материалы и сообщения

Научная конференция. Ломоносовские чтения. МГУ имени М.В. Ломоносова. Апрель 2016	
Доклады, прочитанные на пленарном заседании Секции филологических наук	
<i>Сидорова М.Ю. Лингвистическое изучение описаний изображений: параметры категоризации и приоритизации</i>	120
<i>Lipgart A. The 14th–16th Century English Religious Prose and Its Role in the Formation of the English National Literary Language</i>	138
<i>Пауткин А.А. Мединевистическое источниковедение литературы Нового времени в системе многоступенчатого филологического образования</i>	145
Научная конференция. Ломоносовские чтения. МГУ имени М.В. Ломоносова. Апрель 2016	
Секция филологических наук Подсекция «Современная русская литература постсоветского пространства»	
<i>Султанов К.К. Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования</i>	154

<i>Яровой А.С.</i> Современные украинская и белорусская литературы: проблемы и перспективы.....	163
<i>Крупчанов А.Л.</i> Отражение цивилизационно-культурного противостояния и проблема гуманизма в романах «Каменные сны» А. Айлисли, «Эпоха мертворожденных» Г. Боброва и «Путешествие Ханумана на Лолланд» А. Иванова	171
<i>Аскарова А.Ш.</i> Основные тенденции русскоязычной художественной литературы Казахстана в постсоветский период	185
XII Поспелоские чтения	
<i>Исаев С.Г.</i> Тезаурус на границах литературоведения («Записи и выписки» М.Л. Гаспарова)	192
<i>Владиминова Н.Г.</i> «Память термина» и его вариативность в английском филологическом романе («Обладать» А.С. Байетт)	199
<i>Семёнов В.Б.</i> Формы и жанры средневековой европейской литературы: проблемы тезауруса	211
<i>Богданова О.А.</i> О происхождении литературоведческого понятия «полифония»	220
Первый семинар по художественному переводу для молодежи (каталанский и русский языки). МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, февраль 2016	
<i>Брасас А.</i> I Seminari de Traducció Literària per a Joves Russoparlants. Rússia, MGU ...	227
<i>Кабал-Гуарро Микел.</i> Как переводить Платонова и не казаться самым бездарным переводчиком в мире.....	230
<i>Абрамова М.А.</i> Из истории переводов каталонской литературы в России.....	235
<i>Пронина М.К.</i> Об истории испанской интонологии	243
<i>Стефанчиков И.В.</i> Популизм как политическая стратегия (на примере дискурса партии «Подemos»).....	252

Библиографии

<i>Воропаев В.А.</i> Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2002–2004).....	262

Научная жизнь

III Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»	
<i>Панков Ф.И., Тресорукова И.В.</i> Выставка-презентация российских университетов в Солунском университете имени Аристотеля	350
<i>Пахарева Т.А.</i> Первая Международная научная конференция «Анализ и интерпретация художественного текста: проблемы, стратегии, опыты» (Киев, май 2016)	353

Яблоков Е.А. Михаил Булгаков в славянском мире..... 355

Критика. Библиография

Лешкова О.О. «Польско-русские очерки» Войцеха Кайтоха..... 360

Кормилов С.И. Долгова С.Р., Михайлова Н.И. «Края Москвы, края родные...»
А.С. Пушкин и Москва. М.: Вече, 2013. 320 с.; ил. 367

Темиришина О.Р. Сквозь литературу: Сборник статей к 80-летию
Леонида Генриховича Фризмана. Киев:
Издательский дом Дмитрия Бурого, 2015. 464 с. 375

Нестерова Е.А. Головачева И.В. Фантастика и фантастическое:
поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы.
СПб.: ИД «Петрополис», 2013. 412 с. 383

In Memoriam

Домогацкая Е.Г. Памяти Никиты Алексеевича Струве (16.02.1931–07.05.2016)..... 388

Content

Papers

<i>Kadić Slobodan</i> . The World War II in the Political Discourse of the Modern Croatia	11
<i>Kaplanová Veronika</i> . Selected Psychological Aspects of Foreign Language Teaching with the Use of Modern Technologies.....	19
<i>Pentkovskaya T.V.</i> From Russian to Serbian, from Serbian to Russian: Two Kinds of Revision of the Church Slavonic Texts in the 17th century	28
<i>Korosteleva A.A.</i> The Theme of Truth and Lie in the “Ballad of a Soldier” (the Material for a Cinema-Lesson)	59
<i>Nichiporov I.B.</i> Poetics of Physicality in “Notes of a young doctor” by Mikhail Bulgakov	83
<i>Zlochevskaya A.V.</i> Two Ways of Depicting “the Theme of Chess” of V. Nabokov’s “Defence” and S. Zveig’s “The Royal Game”	89
<i>Zubareva E.Yu.</i> “Frenzied Troops” (“Das wütende Heer”) or “The Wild Hunt” (“Die wilde Jagd”) in the Structure of Traditional Mythological Ideas of German People.....	99

Communications and Materials

Scientific Conference Lomonosov Readings Lomonosov Moscow State University April 2016	
Reports read at the Plenary Session Section of Philology	
<i>Sidorova M.Yu.</i> Linguistic Studies of Image Description: Parameters of Categorization and Prioritization	120
<i>Lipgart A.</i> The 14 th –16 th Century English Religious Prose and Its Role in the Formation of the English National Literary Language	138
<i>Pautkin A.A.</i> The Medieval Chronology of New Time Literature in the System of Multi level Philological Education	145
Scientific Conference Lomonosov Readings Section of Philology Reports read at the Subsection “Modern Russian Literature of Post-Soviet Space”	
<i>Sultanov K.K.</i> The Russian-language Literature as a Cultural Phenomenon and the Object of Study	154

<i>Yarovoi A.S.</i> Contemporary Ukrainian and Belarusian Literature: Problems and Perspectives	163
<i>Krupchanov A.L.</i> The Reverberation of the Civilizational and Cultural Opposition and the Problem of Humanism in the Novels “ Stone Dreams” by A. Aylisli, “The Epoch of Stillborn” by G. Bobrov and “Hanuman’s Travel at Lolland” by A. Ivanov	171
<i>Askarova A.Sh.</i> The Main Tendencies of Kazakhstan Literature in Russian in the Post-Soviet Period	185
The XII Pospelov’s Readings	
<i>Isaev S.G.</i> Thesaurus on the Borders of Literature (M.L. Gasparov’s «Records and Excerpts»)	192
<i>Vladimirova N.G.</i> “The Memory of a Term” and Its Variability in the English Philological Novel A.S. Bayette’s “To Possess”	199
<i>Semenov V.B.</i> Forms and Genres of Medieval European Literature: Thesaurus Issues.....	211
<i>Bogdanova O.A.</i> On the Origin of a Literary Concept “Polyphony”	220
The First Seminar on Literary Translation for Youth (Catalan and Russian). Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, February 2016	
<i>Brasas A.</i> The First Seminar in Literary Translation for Young Russian-Speaking People, Russia, Lomonosov Moscow State University	227
<i>Cabal Guarro Miquel.</i> How to Translate Platonov without Seeming to be the Dullest Translator in the Word.....	230
<i>Abramova M.A.</i> From the History of Catalan Literature Russian Translations	235
<i>Pronina M.K.</i> On the History of Spanish Intonation Studies.....	243
<i>Stefanchikov I.V.</i> Populism as a Political Strategy: A Study of “Podemos” Party Discourse.....	252

Bibliography

<i>Voropaev V.A.</i> The Bibliography of N.V. Gogol’s Works and Literature about Him in Russian. (2002–2004).....	262

Academic Life

III International Scientific Symposium “Slavic Languages and Cultures in the Modern World”	348
<i>Pankov F.I., Tresorukova I.V.</i> Exhibition-Presentation of Russian Universities in Aristotle Thessaloniki University	350

<i>Pakhareva T.A.</i> The First International Scientific Conference “Analysis and Interpretation of a Literary Text: Problems, Strategies, Experiences” (Kiev, May 2016)	353
<i>Yablokov E.A.</i> Mikhail Bulgakov in the Slavic World	355

Critique. Bibliography

<i>Leshkova O.O.</i> “Polish-Russian Sketches” of Wojciech Kaytoh	360
<i>Kormilov S.I.</i> Dolgova S.R., Mikhaylova N.I. “The Lands of Moscow, the Native Lands...” A.S. Pushkin and Moscow. Moscow. Veche Publ., 2013. 320 p., ill.	367
<i>Temirshina O.R.</i> Сквозь литературу: Through the Literature: Collection of Articles on the 80 th Anniversary of Leonid Genrikhovich Frizman. Kiev. Publishing House Dmitry Burago, 2015. 464 p.	375
<i>Nesterova E.A.</i> Golovacheva I.V. Science Fiction and the Fantastics, Poetics and Pragmatics in the Anglo-American Fiction. St.-Petersburg. ID “Petropolis”. 2013. 412 p.	383

In Memoriam

<i>Domogatskaya E.G.</i> In Memoriam of Nikita Struve (16.02.1931–07.05.2016)	388

Статъи

Articles

Slobodan Kadić

**Drugi svjetski rat u političkom i kulturnom diskursu suvremene Hrvatske /
Вторая мировая война в политическом и культурном дискурсе современной
Хорватии**

Sažetak: Upravo je Drugi svjetski rat ostavio snažan pečat na području bivše Jugoslavije, a suvremena Hrvatska itekako živi na njegovim osnovama koje se reflektiraju kroz politiku, političke stranke, ali i kroz umjetnost i književnost. Prema nepotpunim podacima u Socijalističkoj Federativnoj Republici Jugoslaviji podignuto je oko 15.000 spomenika posvećenih tzv. Narodnooslobodilačkom ratu. Mnogi ovi spomenici srušeni su ili oštećeni tijekom raspada SFRJ devedesetih godina. Dio hrvatske javnosti i dalje misli da je Drugi svjetski rat osim velike pobjede Hrvatskoj donio i puno lošega. Neki političari u svom diskursu kao da se boje pohvaliti Drugi svjetski rat jer smatraju da bi tako možda mogli izgubiti glasove na izborima.

Ključne riječi: Domovinski rat, Bleiburg, Jasenovac, Stjepan Mesić, spomenici, Narodnooslobodilački rat, Drugi svjetski rat, političari, selo Kamensko

Аннотация: Вторая мировая война оказала значительное влияние на судьбы стран, входивших в Югославию, и до сих пор ощущается не только в политической жизни Хорватии, но и в искусстве, в литературе в частности. По неполным статистическим данным в Социалистической Федеративной Республике Югославии было около 15 тысяч памятников, посвященных так называемой Национально-освободительной войне. Многие из этих памятников были полностью или частично разрушены во время распада Югославии в 1990-е. Часть хорватского общества убеждена, что Вторая мировая война, кроме великой победы, принесла много бед. Это вынуждает политиков быть крайне осторожными в оценках Второй мировой войны, чтобы не потерять поддержку электората на выборах.

Ключевые слова: Отечественная война в Хорватии (1991–1995), Блейбург, Ясеновац, Степан Месич, памятники, освободительная война, Вторая мировая война, политики, с. Каменско

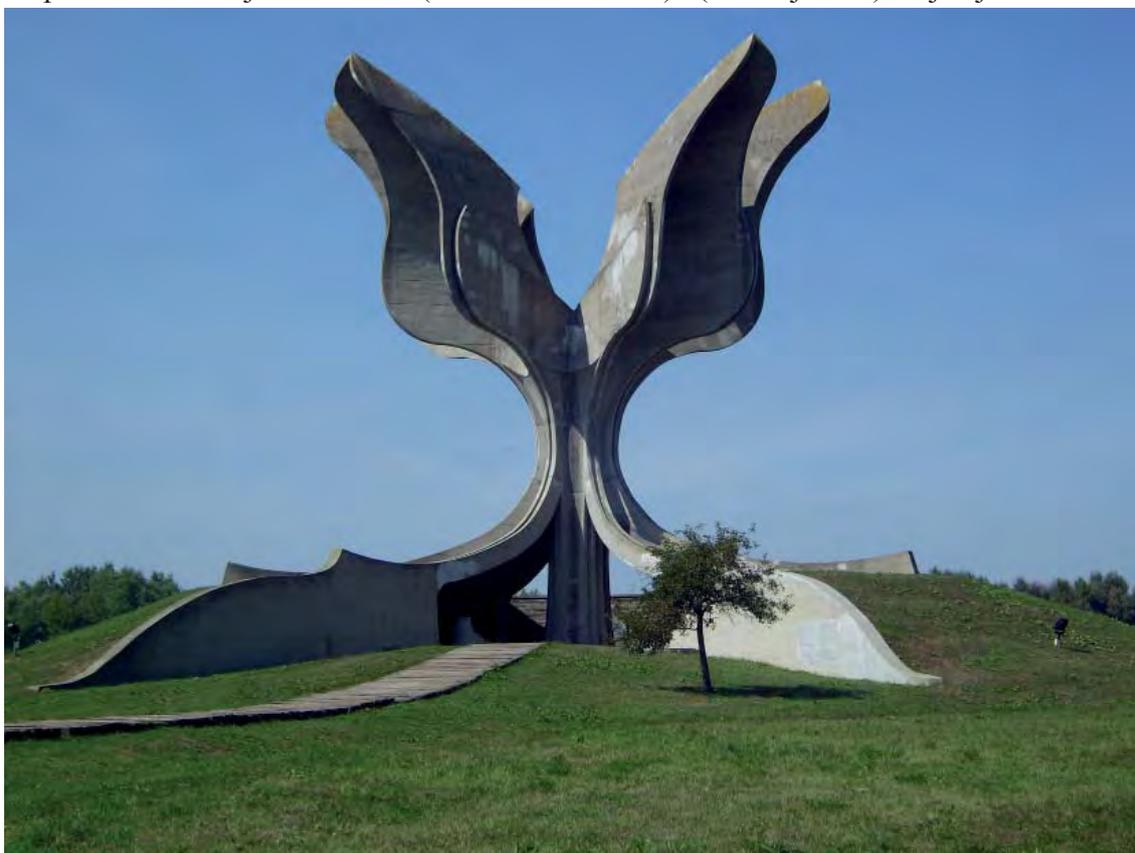
Abstract: World War II had great influence on the future of former Yugoslavia and the modern Croatia still makes itself felt not only in its politics, political parties, but also in art and literature. According to incomplete statistics, in the Socialist Federative Republic of Yugoslavia, have been about 15,000 monuments dedicated to the so-called National Liberation War. Many of these monuments were partly or completely destroyed or damaged

during the decay of Yugoslavia in the 1990-ies. Part of the Croatian society still believes that the World War II, except the great victory of Croatia – was a tragedy for Croatia people. Some politicians are rather accurate in the evaluation of the World War II because they are afraid to lose votes in the elections.

Key words: Croatian War for Independence, Bleiburg, Jasenovac, Stepan Mesić, monuments, Liberation War, World War II, politicians, Kamensko village

Posljednje godine 20. stoljeća i početak novog za Hrvatsku je bio izuzetno buran. Definicija i primjena diskursa mijenjala se i širila kroz nekoliko desetljeća, ali globalno, diskurs predstavlja apstraktnu kategoriju i u tom ga smislu proučavaju i nelingvističke discipline poput politologije.

Sam pojam političkog diskursa nudi najmanje dvije mogućnosti tumačenja. “Prva se odnosi na diskurs koji je sam po sebi politički, dakle, jezični ostvaraj o kakvoj političkoj temi, kakav govor političara ili pak politička debata. Druga mogućnost podrazumijeva analizu političkog diskursa samo kao vrste diskursa, bez eksplicitne reference na politički sadržaj ili kontekst (Wilson 2003: 398)” (Podboj 2011). Riječ je o diskursu

Fotografija 1.

Spomenik Kameni cvijet u Jasenovcu. Kipar: Bogdan Bogdanović 1966. Foto: Wikipedia

političara, vlade i institucija, a posebno trebamo biti svjesni da su tu moguće sve vrste manipulacije¹. Iskusne su to političke grupe koje su spremne na vrhunski politički jezik, a ujedno i na vješto korištenje činjenica iz Drugog svjetskog rata kako bi ostvarile svoje ciljeve i namamile birače da na izborima glasuju za njihovu pobjedu. Ipak, posljednjih godina 20. stoljeća politički diskurs se ipak sastojao od činjenica iz Domovinskog rata

¹ Ukoliko koncept političkog diskursa izuzetno pojednostavimo.

početkom devedesetih godina prošlog stoljeća, a Drugi svjetski rat koristio se tek u “tragovima”.

“Uopće nema sumnje da političari manipuliraju nama i čine to prvenstveno kroz jezik. Budući da imaju golemo financijska sredstva i pristup masovnim medijima, nije im teško doprijeti do velikog broja ljudi i lukavo manevriraju čiji jezičnim resursima oblikovati znanja i informacije tako da istaknu svoje *dobre* strane i *loše* strane onih drugih” (Podboj, 2011).

Još je bivši hrvatski predsjednik Ivo Josipović naglasio da je i Prvi svjetski rat u zajedničkoj negativnoj memoriji svih europskih naroda te da je Drugi svjetski rat bio samo njegov nastavak koji je ipak značajno odredio i sudbinu svijeta, pa i Hrvatske. Pritom je izrazio nadu da će 21. stoljeće biti vrijeme mira, a ne “raskusuravanja starih računa” (radiosarajevo.ba, 2014).

Blokovska je podjela učvršćena stvaranjem vojno-političkih saveza. Na jednoj je strani bio blok kojeg su predvodile SAD (kapitalistički sustav), a drugi je blok predvodio SSSR (socijalistički sustav). Mnogo država nije se željelo pridružiti nijednome bloku. Stoga su one, predvođene Indijom, Egiptom i Jugoslavijom, 1961. godine utemeljile Pokret nesvrstanih.

Upravo je Drugi svjetski rat ostavio snažan pečat na području bivše Jugoslavije, a suvremena Hrvatska itekako živi na njegovim osnovama koje se reflektiraju kroz politiku, političke stranke, ali i kroz umjetnost i književnost. Baš kao što su se nekada snimali filmovi o borbama u 2. svjetskom ratu, tako su se proteklih godina snimali filmovi i o Domovinskom ratu. Svako se vrijeme nastoji zapisati i na celuloidnoj vrpici i na papiru. Početkom rujna 2015. Treći Festival alternative i ljevice posvećen je 70. godišnjici završetka Drugog svjetskog rata i pobjede nad fašizmom s posebnom posvetom šibenskim partizanima, njih 1316 koji su se borili u bitki na Sutjesci. Bila je prigoda za razgovore o antifašizmu prigodom čega je postavljeno i pitanje zašto hrvatski branitelji po definiciji nisu i antifašisti jer su branili svoju zemlju kada je ona bila napadnuta od jedne fašističke politike. “Riječ je o pojmovima koji su u hrvatskom društvu i danas konfrontirajući iako i Drugi svjetski rat i Domovinski rat dosta toga povezuje i postoje mnoge sličnosti. I partizani i hrvatski branitelji borili su se protiv nadmoćnijeg neprijatelja prigodom čega se dogodila nivelizacija ideologija pa su partizansku uniformu nosili i Franjo Tuđman (prvi predsjednik Hrvatske) i Dobrica Ćosić (prvi predsjednik SR Jugoslavije)” (Slobodna Dalmacija, 2015).

Otkriven je i spomenik antifašizmu (2015. godine) – instalacija šibenskog umjetnika Borka Čelara koji je u stiroporu izradio poveću spomen ploču koja iz daljine podsjeća na uobičajena spomen obilježja od mramora. No, čim joj se priđe bliže jasno je da na njoj ne piše ništa niti ima ikakva obilježja, pa bi je bez straha da će biti išarana, skinuta ili razbijena mogli postaviti svi gradovi i općine u Hrvatskoj. Međutim, to se nikada neće dogoditi!

Rezultati Drugog svjetskog rata utjecali su i na brojne političke stranke. Neke od njih to ne žele otvoreno priznati poput Hrvatske demokratske zajednice (HDZ) čiji čelnici odlaze i na komemoracije u Bleiburg (Austrija) na Križni put - stradanje pripadnika poraženih snaga NDH i izbjeglih hrvatskih civila nakon izručenja Jugoslavenskoj armiji kraj Bleiburga 15. svibnja 1945. godine. S druge strane Socijaldemokratska partija Hrvatske (SDP) kao pravni sljednik Saveza komunista Hrvatske, vladajuće političke organizacije u Socijalističkoj Republici Hrvatskoj s ponosom spominje Hrvatsku kao pobjednicu u Drugom svjetskom ratu kao činjenicu kojom se svaki državljanin Hrvatske treba dčiti jer je sve ostalo prikrajanje povijesti.

Fotografija 2: Spomenik žrtvama u Bleiburgu (Austrija) Foto: Wikipedia

“Završetak Drugoga svjetskog rata i pobjeda nad nacizmom, kojoj je velik obol dao i hrvatski narod, označili su početak jednog od najtragičnijih poglavlja hrvatske povijesti... Iskazujući poštovanje žrtvama *Križnoga puta* na Bleiburgu, u Teznom i Macelju imam obvezu moralno osuditi režim koji je progonio i ubijao ljude. Zločin je zločin i nijednom se ideologijom ne može opravdati. Zato su mjesta stradanja i patnje ujedno mjesta pijeteta i spomena na sve žrtve, ali i opomena našem i budućim naraštajima koliko je važno bdjeti nad istinskom vrednotom svakog ljudskog života te koliko je važno promicati duh demokracije i suživota kao jamstva mira i bolje budućnosti”, izjava je predsjednice koja je citirana u priopćenju iz njezina ureda” (Jutarnji list 2015).

Politički diskurs nije samo ono što političar kaže već i njegov postupak kojim nešto želi reći. Mnogima je tada jasno da Grabar -Kitarović izjednačuje logor u Jasenovcu i Bleiburg. Na oba je mjesta otišla u tajnosti i primijenila isti princip i istu retoriku. Šaljući poruku da su oba ta stratišta potpuno jednaka u svojoj simbolici. Što je još i dobro, mogla je predsjednica ove subote na Bleiburgu držati govor. No uvijek joj ostaje iduća godina (Klauški 2015).

Dan kasnije, u Tezno kod Maribora otišli su i Zoran Milanović, premijer Hrvatske te Josip Leko⁴, predsjednik Hrvatskog sabora. Kako piše novinar Klauški, s njima pred-

¹ Više autora smatra taj broj prevelikom; drugi pak govore o više stotina tisuća žrtava logora.

² Za predsjednicu je izabrana kao kandidatkinja Hrvatske demokratske zajednice (HDZ).

³ Bleiburg je postao simbol i metafora svih hrvatskih stradanja od komunističkih pobjednika 1945., iako je samo manji dio vojnika i civila ubijen na samoj Bleiburškoj poljani i u okolici na kojem je prema demografu Vladimiru Žerjaviću stradalo 50.000 Hrvata.

⁴ Riječ je o političarima iz stranke SDP – Socijaldemokratske partije Hrvatske.

sjednica države nije željela biti viđena na istom događaju – ali razlika je u tome što su oni, za razliku od nje, ipak sudjelovali na komemoraciji u Jasenovcu i tamo poslali jasne poruke da je hrvatska država nastala na antifašizmu i osudili ustaške zločine.

Na Bleiburgu je do sada bilo nekoliko premijera i bivši predsjednik Josipović, ali su samo položili cvijeće kod spomen-ploče i na taj su način željeli iskazati pijetet civilima koji su se povlačili s pripadnicima neprijateljskih vojnih snaga.

Fotografija 3. Spomenik pobjedi revolucije naroda Slavonije. Postavljen 1968., srušen 1991. Fotografija: Wikipedia

Političari poput Stjepana Mesića u svom diskursu dotaknuli su se i spomenika posvećenih Drugom svjetskom ratu u Jugoslaviji od 1941. do 1945. Postavljani su diljem bivše Jugoslavije u formi spomenika, arhitektonskih objekata, spomen-mauzoleja, skulptura, spomen-bisti, spomen-ploča, spomen-zgrada, spomen-groblja i inih.

Prema nepotpunim podacima u Socijalističkoj Federativnoj Republici Jugoslaviji podignuto je oko 15.000 spomenika posvećenih tzv. Narodnooslobodilačkom ratu. Mnogi ovi spomenici srušeni su ili oštećeni tijekom raspada SFRJ devedesetih godina. Tijekom Velikosrpske agresije na Hrvatsku i BiH, uništeni su, uklonjeni, ili odstranjeni

brojni spomenici posvećeni tzv. "Narodnooslobodilačkoj borbi". Na području Hrvatske uklonjeno je ili uništeno više od 3.000 spomenika, a među njima su: Spomenik "Pobjede naroda Slavonije" u selu Kamenska, rad kipara Vojina Bakića, srušen 1991. godine; spomenik narodnom heroju Stjepanu Filipoviću u Opuzenu, rad Mire Vuče, srušen 1991. godine; spomenik "Tuđe nećemo – svoje nedamo" na Visu, rad Antuna Augustinčića iz 1964., uklonjen 1994. godine; Spomenik narodnom heroju Nikoli Miljanoviću Karauli u Podravskoj Slatini, srušen 1991. godine, i ini.

Hrvatska vlada novčano je poduprla obnavljanje Titovog kipa u Kumrovcu, spomenika "Poziv na ustanak" u Bjelovaru i spomenik tzv. ustanku u Srbu. Lokalne vlasti obnovile su dosad oko 300 spomenika manje umjetničke vrijednosti. U kolovozu 2011. godine, Savez antifašističkih boraca i antifašista Hrvatske pokrenuo je "Apel za obnovu sedam kapitalnih spomenika NOB-u". Inicijativni odbor apela predvodio je bivši hrvatski predsjednik Stjepan Mesić. Upravo je on naglašavao važnost Drugog svjetskog rata za suvremenu Hrvatsku kao jedan od rijetkih političara te i tako dobivao glasove na izborima.

Naglo srušen preko noći je spomenik Pobjedi revolucije naroda Slavonije u selu Kamenska na brdu Blažuj na padinama planine Papuk, radi kipara Bakića. Svečano je otvoren 1968., i bio je najveća apstraktna skulptura na svijetu.

Sam spomenik predstavljao je stilizirana krila u razlistanoj formi, koja pružaju otpor svim vjetrovima i zaboravu na antifašističku borbu. Sjaj nehrđajućeg čelika simbolizirao je pobjedu i polet života, odnosno trijumf nad smrću i porazom. Bakić je efektom prelijevanja volumena postigao istovremeno upijanje i odbijanje svjetla, što je čeličnom spomeniku davalo živost i pružalo dojam nezaustavljive snage. A onda je srušen nakon devetog miniranja Hrvatske vojske, a tadašnja likovna kritičarka Vesna Kusin napisala je da su spomenik srušili "četnici" ili da ga je oborilo jako nevrijeme (Wikipedia).

Spomenik još uvijek čeka obnovu i iako je pokrenuta obnova nekih poznatijih Bakićevih dela, za ovo će djelo trebati mnogo vremena kako bi se započelo s njegovom obnovom prvenstveno zbog relativno velikih materijalnih troškova i složene konstrukcije.

I 2015. godine niknuo je novi spomenik Drugom svjetskom ratu. Ali, ovdje je riječ o Spomeniku žrtvama jugoslavenskom komunizmu u središtu Vodica. Smješten je na dijelu zelene površine uz obalnu šetnicu nasuprot marine, a otkrio ga je dr. Zvonimir Šeparović, predsjednik Hrvatskog žrtvoslovnog društva. Kako piše Jutarnji list, spomenik je posvećen žrtvama Bleiburga i Križnog puta s vodičkog područja te nevinim civilima iz Vodica i susjednih mjesta koje su u razdoblju od 1943. do 1945. ubili partizani. Nikola Španja, predsjednik županijske udruge "Hrvatski domobran" rekao je da

Fotograf je 4 i 5. Spomenik žrtvama jugoslavenskog komunizma u Vodicama u dva dijela. Kipar: Kazimir Hraste 2015. Fotograf ja: Slobodna Dalmacija / N.Stipaničević / Cropix

je konačno ispunjena civilizacijska i moralna obveza prema ubijenim nevinim žrtvama partizansko-komunističkog terora te da bi spomenik trebao postati i temelj nacionalne pomirbe.

Glasnim političkim diskursom služe se i političke stranke. Hrvatska stranka prava je hrvatska konzervativna politička stranka. Osnovana je 25. veljače 1990. u Zagrebu, a njezini osnivači bili su Dobroslav Paraga, Ante Paradžik i Krešimir Pavelić, koji su preuzeli vodstvo stranke na čelu s Paragom. U lipnju 1991. stranka je osnovala i svoje paravojne postrojbe, Hrvatske obrambene snage (HOS), koje su se uskoro uključile u obranu Hrvatske u Domovinskom ratu, stičući posebne zasluge u obrani Vukovara. Stranku devedesetih godina simbolizira politički ekstremizam koji je bio izražen u veličanju ustaštva i pokušaju rehabilitacije stečevina iz NDH. Također, HSP pod Paraginim vodstvom žestoko kritizira hrvatsko političko vodstvo na čelu s Hrvatskom demokratskom zajednicom i prvim predsjednikom Franjom Tuđmanom, koje optužuju za autoritarizam, ostavštine komunizma, ratno profiterstvo i lopovluk. Ta stranka sada nema nijednog zastupnika u Saboru.

Nedavna rehabilitacija Draže Mihajlovića¹ u Srbiji zgrozila je hrvatske političare. Reagirali su mnogi, a Orsat Miljenić² je bio kratak i jasan: “*Svaki fašizam treba osuditi. Za nas je Draža Mihailović bio zločinac i ostao je zločinac. Bio je fašist i točka*”. Dodao je da na Srbiji ostaje hoće li graditi budućnost na temelju antifašizma kao cijela Europa ili će je graditi na temelju nečeg drugog (Hrvatska radio-televizija, 2015).

Dio hrvatske javnosti i dalje misli da je Drugi svjetski rat osim velike pobjede Hrvatskoj donio i puno lošega. Neki političari u svom diskursu kao da se boje pohvaliti Drugi svjetski rat jer smatraju da bi tako možda mogli izgubiti glasove na izborima! *Historia est magistra vitae* – kaže stara rimska poslovice. Međutim, je li to doista tako? To pitanje u današnja burna vremena traži komplicirani odgovor.

KNJIŽEVNOST

Blic (26. 4 2015). Dohvaćeno iz Bez Kolinde Grabar – Kitarović na komemoraciji u Jasenovcu: www.blic.rs/Vesti/Svet/553997/Bez-Kolinde-Grabar--Kitarovic-na-komemoraciji-u-Jasenovcu

Hrvatska radio-televizija. (14. 5 2015). Dohvaćeno iz Rehabilitacija Draže Mihajlovića zgrozila hrvatske političare: vijesti.hrt.hr/284492/mesec-rehabilitacije-draze-mihajlovica-je-pravosudni-i-politicki-skandal

Jutarnji list. (14. 5 2015). Dohvaćeno iz ‘Pobjeda nad nacizmom označila je početak jednog od najtragičnijih poglavlja naše povijesti’: www.jutarnji.hr/jutarnji-prvi-doznaje---predsjednica-kolinda--potajno-obisla-bleiburg--polozila-vijence-bez-najave/1348961/

Klauški T. (15. 5 2015). 24sata. Dohvaćeno iz Kolinda u pristupu izjednačila Bleiburg i logor u Jasenovcu: www.24sata.hr/politika/kolinda-u-pristupu-izjednacila-bleiburg-i-logor-u-jasenovcu-419395

Podboj M. (2011). Manipulacija u političkom diskursu – kritički pristup. *Hrvatistika – studentski jezikoslovni časopis*, str. 123–133. Dohvaćeno iz Manipulacija u političkom diskursu – kritički pristup: file:///C:/Users/Slobodan%20Kadi%C4%87/Downloads/11_manipulacija_u_politickom_diskursu.pdf

radiosarajevo.ba. (27. 6. 2014). Dohvaćeno iz Ivo Josipović: 21. stoljeće kao vrijeme mira i raskusuravanja starih računa: www.radiosarajevo.ba/novost/156701/ivo-josipovic-21-stoljece-kao-vrijeme-mira-i-raskusuravanja-starih-racuna

¹ Dragoljub Draža Mihailović bio je vođa četnika u Drugom svjetskom ratu.

² Ministar pravosuđa Republike Hrvatske u vladi Zorana Milanovića.

³ Povijest je učiteljica života (lat.).

Slobodna Dalmacija. (2. 9 2015). Dohvaćeno iz ‘Domovinski i Drugi svjetski rat u mnogom čemu su povezani’: www.slobodnadalmacija.hr/Prilozi/Automoto/tabid/90/articleType/ArticleView/articleId/298115/Default.aspx

Wikipedia (n.d.). Dohvaćeno iz Spomenik pobjedi naroda Slavonije.

O autoru:

Slobodan Kadić
Prof. hrvatskog jezika i književnosti i fonetike
lektor, novinar

Сведения об авторе:

Слободан Кадич,
профессор хорватского языка и литературы
лектор, журналист

Slobodan Kadić,
Professor of Croatian Language and Literature
Lecturer, Journalist

Veronika Kaplanová

Vybrané psychologické aspekty výuky cizích jazyků s využitím moderních technologií

Аннотация: Стаття посвящена некоторым аспектам, которые необходимо учитывать при преподавании иностранного языка с использованием современных информационных и коммуникационных технологий. Особое внимание уделяется коммуникативным актам и процессу коммуникации в Интернете, положительному и отрицательному языковому переносу, аудио и видео восприятию информации. В статье также уделено внимание тем знаниям и навыкам, которые учащемуся следует освоить и довести их до автоматизма. Еще одним условием успешного овладения иностранными языками является определение когнитивного стиля учащегося. В работе также обсуждается важность мотивационного аспекта в обучении.

Ключевые слова: преподавание иностранных языков, информационные и коммуникационные технологии

Abstract: The paper deals with selected psychological aspects which need to be taken into account in foreign language teaching using modern information and communication technologies. A special attention is paid to the communicative acts and the communication process on the Internet, positive and negative language transfer, audio and visual perception. It also deals with the relationship of knowledge, skills and automation which a student is supposed to acquire. Further aspect for successful foreign language education is determining the cognitive style of a student and consideration of his / her stage of mental development. The last aspect analysed in this paper is the key problem of motivation.

Key words: foreign language teaching, information and communication technologies

1. ÚVOD

Informační a komunikační technologie (ICT) jsou již po několik desetiletí neoddělitelnou součástí života, což se samozřejmě promítlo i do oblasti vzdělávání a výuky cizích jazyků. V procesu plánování a realizace výuky s pomocí těchto technologií (i bez nich) je nutné brát v úvahu nejen lingvistické, ale i pedagogické, didaktické a v neposlední řadě psychologické aspekty.

2. SPECIFIKA KOMUNIKAČNÍCH AKTŮ V PROSTŘEDÍ INTERNETU

“Řeč je jednou z nejdůležitějších obsahových i strukturálních složek psychiky. Je činitelem, který ovlivňuje všechny procesy vznikající, vyvíjející se a aktuálně probíhající v lidském organismu a v mezilidském styku. <...> Komunikovanými obsahy nejsou jen myšlenky, ale i emoce, úmysly a jiné psychické jevy” (Hendrich, 1988, s. 34, 36). Řečová činnost je nejdůležitějším předmětem komunikativně orientované výuky cizího jazyka.

Komunikační akt formuluje Hendrich (1988, s. 35) jako jednotlivý případ komunikace. Je to například rozhovor dvou lidí nebo vyučovací hodina. **Komunikační proces** se skládá z více komunikačních aktů, které mohou mít různé cíle: “informační (prostá výměna informací), kooperační (dohoda o společné činnosti), koordinační (společné úsilí, společný postup), konfliktový (vystupňování nebo utišování konfliktu), represivní (zlepšení situace na úkor partnera), submisivní (prosby, žádosti o určité výhody), persvazivní (přesvědčování partnera) a kontaktní (konvenční společenský kontakt). Dosaďování cizojazyčné vyučování trpí značnou jednostranností, když v mluvním výcviku i v písemném vyjadřování převažují nebo jsou dokonce jediným typem komunikační akty s informačním cílem” (Hendrich, 1988, s. 37). Informační technologie pomáhají tento nedostatek odstranit, neboť žáci jsou přirozeně motivováni ke střídání jednotlivých komunikačních aktů, protože se nacházejí v prostředí, kde musí vyjadřovat různé intence a řešit různé situace.

Elektronická komunikace snadno umožňuje mluvení jako primární řečovou činnost. Interakce probíhá stejně jako běžný kontakt spojením verbálních, neverbálních a paraverbálních prostředků, protože mluvčí mohou využít zvuk i obraz. Žáci mají výbornou příležitost setkat se s kulturně podmíněnými gesty rodilých mluvčích, což jim statická učebnice nemůže dobře nabídnout a až do relativně nedávné doby jim takovou příležitost poskytoval pouze pobyt v cizí zemi. Žák se dostane do kontaktu s autentickou, neadaptovanou a ve většině případů předem nepřipravenou řečí rodilých mluvčích. Tyto možnosti poskytuje např. služba Skype, která navíc umožňuje i psanou podobu komunikace.

Dalším specifickým komunikačním aktům v prostředí internetu je rychlé tempo, předpokládající absenci jazykové autokorekce a přesnosti, která je běžná pro jiné formy písemného styku, a má tedy blíže k ústní komunikaci. Nechybí zde ani elipsy, hovorové konstrukce, určitá stylová a interpunkční nedbalost. Mezi úskalí takové komunikace patří nesprávná interpretace typických krátkých a zkratkových zpráv. Pokud k tomu připojíme nedostatečnou znalost cizího jazyka včetně specifické slovní zásoby elektronické textové komunikace, uživatel může zažít velmi nepříjemné chvíle.

Jedním z faktorů je také závislost na technických prostředcích. Když pomíneme audiovizuální prostředky, uživatel komunikuje pomocí klávesnice a je tedy odkázán pouze na klávesové elementy. V neformálním písemném styku jsou neverbální a paraverbální prostředky běžně nahrazovány emotikony, které vyjadřují emoce komunikujících a komunikaci zkracují, protože nahrazují slovní popis názoru nebo emocionálního rozpoložení pisatele.

V internetové komunikaci může být jeden účastník stejně jako při tradiční komunikaci mluvčím i příjemcem. Hendrich (1988, s. 38) definuje **typy komunikačních aktů** podle počtu účastníků. 1. Komunikace mezi dvěma jedinci, např. vyprávění jedné osobě nebo soukromý dopis, kterou na internetu představuje e-mailová korespondence a prostředky audiovizuální a textové komunikace. 2. Komunikaci s více partnery umožňuje např. již zmíněný Skype, videokonference či chatové skupiny. ICT navíc umožňuje stírat rozdíly mezi kontaktem přímým a nepřímým.

Sít je využívána pro formální i neformální kontakt, který probíhá mezi rovnocennými partnery (např. přátelé), ale i v situaci, kdy jeden z partnerů dominuje (např. výuka pomocí Skype). “V cizojazyčném vyučování je žádoucí navazovat komunikační situace s rozdílnými kontakty a s rozmanitými vztahy mezi partnery” (Hendrich, 1988, s. 39).

3. MEZIJAZYKOVÝ TRANSFER

Hendrich (1988) hovoří o **pozitivním mezijazykovém transferu** a sekundárním mezijazykovém vlivu při výuce cizího jazyka. Beneš (1970, s. 35) definuje tento jev jako “schopnost neuvědoměle přenášet osvojenou strukturu na jiné jazykové materiály při stejném nebo analogickém mluvním záměru”. Do této kategorie patří například internacionální slova či slova z prvního cizího jazyka, kterým je často angličtina.

Učitelé však častěji než pozitivní transfer musejí řešit negativní přenos, tj. **interferenci**. Tento jev je definován jako “nežádoucí bezděčné aplikování struktur mateřštiny nebo jiného osvojeného jazyka na nový materiál” (Beneš, 1979, s. 35). Pro snížení interference je nutné studenty maximálně vystavovat vyučovanému jazyku. Moderní technologie pro to nabízejí např. výukové programy a online cvičení vhodné pro samostudium, pomocí kterých si mohou žáci nové znalosti procvičit a upevnit. Zejména v angličtině nelze podceňovat osvojování jazyka pomocí počítačových her.

4. SLUCHOVÉ A ZRAKOVÉ VNÍMÁNÍ

“Základem osvojování cizího jazyka je vnímání **zvukové řeči**. Podmínkou správné percepcie je chápání obsahu řeči z kontextu nebo situace a na základě předchozích zkušeností. Vnímání řeči probíhá podle zákona celku a částí, přičemž celek je syntéza, jež dává smysl skladebným složkám” (Beneš, 1970, s. 34). Podle Beneše (1979) správné pochopení mluvené řeči není možné bez správného vnímání její zvukové podoby a zároveň znalost celkového smyslu usnadňuje akustické vnímání částí. Percepcie řeči probíhá za součinnosti sluchových, zrakových, motorických a kinestetických počitků a za spoluúčasti paměti, tj. za využití dosavadní zkušenosti. Žáci slyší cizí jazyk ve fonetických hodnotách mateřské řeči, proto je nutné se systematicky věnovat cvičením zaměřeným na poslech. Učitel může využít speciálně vytvořené audio nahrávky nebo neadaptované nahrávky ve formě podcastů apod. Akustické vnímání ovlivňuje pak i dovednost mluvení, čtení a psaní.

V monografii Kodžaspirovové a Petrova (2002) se lze dočíst, že **zrakové analyzáto**ry mají mnohem větší kapacitu než sluchové. Lidské oko je schopné vnímat milión bliků za sekundu, avšak ucho pouze okolo deseti tisíc. Informace vnímaná zrakem bývá lépe pochopena a déle uchována v paměti. Autoři dále porovnávají údaje týkající se identifikace jednoduchého neznámého předmětu: člověk potřebuje na základě slovního popisu 2,8 vteřiny, na základě jednoduchého nákresu 1,5 vteřiny, na základě barevné fotografie 0,9 vteřiny, na základě filmového zobrazení 0,7 vteřiny, na reálný předmět je třeba pouze 0,4 vteřiny. Z výše uvedeného vyplývá, že se audiovizuální zobrazení téměř od originálu neodlišuje. Pokud člověk informaci pouze slyší, zapamatuje si 15%, pokud ji vidí 25% a pokud ji vidí i slyší 65%. Nezbytnost využití audiovizuálních prostředků, které mohou působit na různé smyslové orgány, je tedy nepochybná. Z výše uvedených důvodů by učitel měl maximálně rozšířit soubor zrakových a zrakově-sluchových prostředků, užívaných při výkladu.

V souvislosti s audiovizuální názorností autoři dále uvádějí výzkum ruského fyziologa I.P. Pavlova a jeho orientační reflex: člověk zaostřuje na předmět ve svém zorném poli za účelem jeho identifikace. Dokonce, i když zvuk pouze slyší, snaží se o či-

ma najít jeho zdroj, aby si vnímání sluchové informace usnadnil. Z toho vyplývá, že nejkvalitnější osvojení (zejména v počáteční etapě – označuje se jako percepce) vzniká při přímém spolupůsobení zvuku a grafického znázornění. Signály vnímané smyslovými orgány jsou logicky zpracovávány a dále se dostávají do sféry abstraktního myšlení. Větší využívání zrakových a sluchových analyzátorů v tomto případě vytváří základ pro úspěšný posun k následující etapě poznávacího procesu – pochopení. Poslech audionahrávek, spojujících v sobě slovo a hudbu, rozvíjí stabilitu pozornosti, sluchovou paměť, představivost a formuje estetický vkus. Názornost multimédií rovněž kladně ovlivňuje osvojování pojmů, usnadňuje formování úsudků a závěrů či odhalování souvislostí. Audiovizuální materiály tedy pomáhají vytvářet vhodné podmínky nezbytné pro proces myšlení.

5. VĚDOMOSTI, DOVEDNOSTI, NÁVYKY A AUTOMATIZACE

“Chápání a tvoření vět vyžaduje také odpověď na otázku, jaký je psychologický základ a vzájemný vztah v vědomostech, dovednostech a návycích. **Vědomosti** jsou soustavy představ a pojmů o jazyce jako systému znaků. Podílejí se na nich obě signální soustavy, neboť zahrnují také názorné představy” (Beneš, 1970, s. 41). Kvalita vědomostí je hodnocena přesností, trvalostí, použitelností apod., avšak postupem času se může měnit. Vědomosti jsou často získávány kombinací intuitivního a analytického (vědomého) osvojování (Malíř, 1967).

“Dobrá použitelnost vědomostí o jazykovém materiálu přechází v řečovou **dovednost**. Je to učením získaná pohotovost ke správnému vnímání, chápání a tvoření cizojazyčných sdělovacích celků v podobě akustické a grafické. Základními parametry dovedností jsou stupeň osvojení a stupeň zobecnění. První je charakterizován kvalitativními znaky (např. chybovostí), druhý rozsahem uplatnění, tj. počtem variant aplikace” (Beneš, 1970, s. 41). Hranici mezi dovednostmi a **návykem** je těžké oddělit. Návyk vzniká na základě procvičování a upevňuje se častým opakováním.

“Nácvik jazykových složek probíhá jednak uvědoměle, jednak bezděčně. Cílem nácviku je částečná **automatizace** řeči” (Beneš, 1970, s. 34). Beneš (1970) varuje před nadměrným využíváním imitačních cvičení. Pouze imitační cvičení nestačí, neboť jejich účinnost důsledkem poklesu pozornosti klesá a ztrácí se i povědomí o smyslu zadání. Proces automatizace se zrychluje uvědomělou pozorností a pochopením problematiky. Není však správné dávat jednostranně přednost pouze uvědomělým postupům, nebo drilovým cvičením. Optimální je kombinace. Stupeň automatizace jazykových prostředků se pak projevuje v rychlosti a správnosti jazykové reakce. Informační technologie nabízejí zejména mnoho drilových gramatických cvičení a cvičení zaměřených na slovní zásobu, ať už v textové či zvukové formě. Žák je může dle potřeby opakovat. ICT tak napomáhají získávání návyků a automatizaci.

6. JAZYKOVÝ CIT

Podle Malíře (1967) je znalost jazyka jako prostředku komunikace založena především na jazykovém citu a rovněž v různé míře na znalosti teorie. Autor vnímá jazykový cit jako složitou strukturu, která zahrnuje fonetické aspekty (shody a rozdíly ve zvucích, rytmus, dynamika, melodika), lexikální aspekty (cit pro význam a správné použití slova), gramatické a stylistické aspekty.

Děti do předškolního věku používají svůj rodný jazyk výhradně na základě citu. Podobně používají lidé cizí jazyk, který si osvojili bez znalosti teorie (včetně osvojení ja-

zyka pomocí přímé metody). (Malíř, 1967) Pouze jazykový cit často využívají také lidé, kteří se naučili cizí jazyk při hraní počítačových her či sledování filmů, neboť k osvojování cizího jazyka zde dochází intuitivně.

7. KOGNITIVNÍ STYLY

Každý učitel cizího jazyka musí být do značné míry i psychologem, neboť studium cizího jazyka je složitý psychologický fenomén realizovaný v procesu výuky. Učitel musí brát v úvahu důležité faktory jako věk, délku paměti, učební styl žáka i jeho povahové charakteristiky (Veliyeva, 2016).

ICT pomáhají učiteli i žákovi využít nejvíce vyhovující **kognitivní styl**, tj. “způsob, jakým subjekt přistupuje k realizaci poznávacích činností a kterému dává přednost, kdykoliv si může svobodně vybrat. Nemožnost tento styl realizovat, se může stát i překážkou v jednání. Příkladem mohou být zábrany v cizojazyčné komunikaci u žáků, kteří v projevu nemohou uplatnit svůj navyklý způsob myšlení pro malou nebo neodpovídající slovní zásobu” (Hendrich, 1988, s. 58).

ICT poskytnou oporu žákovi preferujícímu **reproduktivní kognitivní styl**, tj. takovému, který volí spíše bezrizikové postupy jako je opakování, nápodobu apod., i žákovi, kterému je vlastní **produktivní kognitivní styl**, neboť může vyhledávat zdroje a jazykový materiál vlastní cestou, může ihned komunikovat s rodilými mluvčími apod. (Hendrich, 1988, s. 58).

Moderní technologie dokážou podpořit všechny druhy poznávacích psychických procesů (produktivní vnímání, produktivní paměť, produktivní myšlení). (Hendrich, 1988) Učitel může pro své žáky na internetu vyhledávat různé druhy obrázků a fotografií, které nejlépe odpovídají jeho požadavkům a které může využít k podpoře rozvoje žákovy schopnosti **sémantizace**¹. ICT mohou být účelně využity i v procesu **vizualizace**², tj. převodu pojmů do grafického obrazu.

Produktivní (dlouhodobá) paměť je pro schopnost komunikace v cizím jazyce nezbytná. Žák musí být při komunikaci schopen si v paměti uchovat velké množství informací po dlouhou dobu. K tomu je nezbytné mnohonásobné opakování a časově přiměřené osvěžování. Bez používání jazyka jsou znalosti a dovednosti zapomínány. ICT jsou vhodnou pomůckou pro procvičování i automatizaci osvojované látky nebo alespoň poskytují možnost pasivního kontaktu s cizím jazykem (filmy, písňe apod.).

V cizojazyčném vyučování je nutné brát v potaz rovněž **kognitivní strukturu osobnosti** a jednotlivé typy převládající orientace. (Hendrich, 1988) ICT jsou výborným pomocníkem především pro tři z nich. **Typ s převládající vizuální orientací** preferuje informace, které lze přijmout a zpracovat zrakem. ICT takovému žákovi nabízejí množství schémat, tabulek, textů, obrázků a fotografií. **Typu s převládající auditivní orientací** moderní technologie usnadňují přístup k různým audio textům, podcastům či písňím. Žák si může učební látku nahrát a poté se ji učit poslechem. Může využívat drilové audio texty apod. Poslednímu typu, tedy typu **s převládající smyslově pohybovou orientací**, může vyučující nabídnout například interaktivní tabuli i různé typy cvičení, kde žák myší nebo prstem na obrazovce propojující přesouvá objekty. “Změnit typologické vlastnosti poznávacích procesů je velmi obtížné. Při osvojování cizího jazyka je proto od samého začátku třeba vést žáky, aby si vytvořili svůj učební styl založený na

¹ Soustava poznávacích procesů odhalujících smysl obrazu, jeho výpovědní hodnotu, jeho komunikativní záměr (Hendrich, 1988, s. 58).

² Soustava poznávacích procesů umožňujících znázornění myšlenky, vyjádření pravidla, pojmu (Hendrich, 1988, s. 58–59).

přednostech jejich poznávacího stylu. Podmínkou pro to je ovšem možnost značné individualizace” (Hendrich, 1988, s. 62).

Dmitrijeová (1997) píše o existenci **komunikativních a nekomunikativních typů studentů**. Pro komunikativní typ jsou charakteristické velký objem sluchové percepcce a sluchové operativní paměti a dobrá schopnost zpracování nové informace. Tento typ zaznamenává úspěchy při uvědomělém i neuvědomělém zapamatování. Pro nekomunikativní typ je charakteristické uvědomělé zapamatování a nezbytnost zrakové opory. Zmíněné charakteristiky studentů ovlivňují organizaci hodiny i samostatné práce (např. individuální tempo, styl činnosti při práci s počítačem či tabletem).

Poznatky z kognitivní psychologie pomáhají nalézt optimální **strategie pro osvojování a zapamatování**. Tyto strategie je možné rozdělit na přímé (paměťové, kognitivní a kompenzační) a nepřímé (metakognitivní, emocionální a sociální). Přímé strategie zahrnují schopnost se soustředit, plánovat svoji činnost a hodnotit její výsledky. Jejich aplikace v osvojování cizího jazyka se projevuje v oblasti získávání znalostí a formování dovedností, uchovávání v paměti (např. pomocí klíčových slov, seskupování slov podle určitých znaků), opakování a vybavování. Ve vyučování je velká pozornost věnována formování kompenzačních strategií (Smejkalová, 2014), tj. “intuitivního odhadování kontextu, jazykového citu, tvořivého používání synonym a opisů místo chybějícího výrazu” (Slovník cizích slov – Kompenzační učební strategie). Zde mohou ICT žákům velmi dobře pomoci. Nejrozličnější videonahrávky a obrázky poskytují kontext mluvenému nebo psanému slovu. Žák pomocí obrazu lépe odhadne smysl. Sociální strategie, které zahrnují dovednosti spolupráce, kladení otázek a získávání informací, pak lze uplatnit v elektronické komunikaci, ať už prostřednictvím e-mailů, chatů, nebo videohovorů s rodilými mluvčími, jinými žáky i učiteli.

8. DUŠEVNÍ VÝVOJ A MOTIVACE

Už malé děti mají k ICT velmi blízko a rády je používají. ICT lze tedy využít při výuce cizího jazyka od samého začátku. Děti se mohou dívat na ruské pohádky. Učitel může využít specializované aplikace a vytvořit pro ně různé hry, např. pexeso, bingo apod. Využití ICT je relativně snadné přizpůsobit věku i úrovni žáka a najít pro každého přiměřené vyučovací metody a učivo, které vyhovuje věku, znalostem i schopnostem žáků a současně podporuje jejich další vývoj.

Počítače rozvíjejí u žáků dovednosti srovnávat, analyzovat, vytvářet závěry a dodávají nové úhly pohledu na daný vyučovací předmět. Znalosti získané pomocí audiovizuálních prostředků zabezpečují přechod k vyššímu stupni poznání – pojmům a teoretickým závěrům, a napomáhají formování abstraktního logického myšlení studentů. (Kodžaspirovová, Petrov, 2002)

Pomocí ICT lze rovněž korigovat problém nadměrné, nebo naopak nedostatečné záležitosti žáků (Hendrich, 1988), a tak motivovat nadprůměrně i podprůměrně zdatné žáky, neboť pozitivní motivace je zásadním faktorem vyučovacího procesu. Důležitou podmínkou úspěchu je získání kladného vztahu k cizímu jazyku i k učení obecně. Multimedialnost a interaktivita moderních technologií může přispět ke zvýšení či udržení motivace, pozornosti žáků a k lepšímu zapamatování nových informací. Různé hry a kvízy rovněž podporují soutěživost, která je spolu s aktivností, tvořivostí a zábavností důležitým motivačním prvkem. Zapojení internetové komunikace do hodiny cizího jazyka pomůže výuku ozvláštnit, individualizovat i zefektivnit.

Ščukin (2010) v souvislosti s motivací upozorňuje na komunikativní (extroverti) a nekomunikativní (introverti) typy studentů, jejichž zvláštnosti musí brát učiteli při při-

pravě hodiny v úvahu. Introverti analyzují jazykový materiál, dávají přednost výuce, kde převládá výklad a komunikují spíše neradi. Pro učitele je těžké je “rozmluvit”. Takovým žákům budou jistě vyhovovat interaktivní výukové programy.

Naproti tomu extroverti rádi komunikují, vyhovují jim aktivity typu role-play (hraní rolí), jsou lépe schopni odhadovat význam slova apod. Moderní technologie umožňují žákům použít osvojovaný jazyk v reálné komunikaci, což naplňuje jejich přirozené komunikativní potřeby.

Internet má velmi dobré motivační schopnosti i mimo vyučování, neboť pomáhá zkracovat vzdálenosti. Žák může v podstatě zdarma komunikovat s rodilými mluvčími a ihned si tak ověřit nově nabyté znalosti a dovednosti z hodiny cizího jazyka.

V běžné online komunikaci pravděpodobně nikdo nebude opravovat chyby. Žák může rovněž motivovat i jistá míra anonymity internetu, která je zbaví ostychu z komunikace. Své komunikační dovednosti si mohou vyzkoušet bez rizika zesměšnění se před svými přáteli a spolužáky z reálného života. Na internetu navíc ustupují sociální rozdíly aktérů.

Videokonference ale již anonymní nejsou. Motivující však může být to, že je předem známo téma. Účastníci si mohou tedy vyhledat předpokládanou potřebnou slovní zásobu a na diskusi se připravit, tím mohou snížit stres a trému z mluveného projevu a posílit své sebevědomí.

Webové blogy mohou být vhodnou podporou při výuce cizích jazyků i motivačním činitelem. Žáci mohou komunikovat s jejich tvůrci v cizím jazyce nebo si sami svůj blog založit, sdílet informace, publikovat své postřehy a učit se tak formulovat i obhájit svůj názor.

Díky moderním ICT žák může pocítit úspěch, což je pro jeho motivaci k dalšímu učení a zdokonalování velmi důležité. Současné technologie pomáhají žákovi získat integrativní motivaci k učení. Taková motivace se podle Gardnera (2005) vyznačuje mimo jiné tím, že žáci pocítují silnou potřebu dosáhnout vytyčeného cíle a aktivity vedoucí k cíli je baví¹. Na druhou stranu však žák může získat klamný dojem, že si zejména v oblasti gramatiky vystačí s málem.

9. ZÁVĚR

ICT mohou být při vhodném použití velmi dobrým pomocníkem při naplňování psychologických aspektů didaktiky cizích jazyků. S jejich pomocí lze vytvořit prostředí pro simulaci různých typů komunikačních aktů nebo přímo jejich přirozenou realizaci umožnit. V takových podmínkách mohou žáci využívat svůj jazykový cit a jazyk si tak alespoň částečně osvojovat i bez znalostí teoretických pravidel a rozvíjet své produktivní i receptivní řečové dovednosti.

Učitelům i žákům ICT rovněž pomáhají využívat pozitivní mezijazykový transfer, stejně tak mohou různé aplikace pomoci vyrovnat se s interferencemi, a to zejména díky různým cvičením, které žáci mohou libovolně opakovat. Technologie mohou rovněž pomoci žákům při získávání znalostí cizího jazyka, osvojování dovedností a jejich následné automatizace.

Nespornou výhodnou moderních technologií je i jejich názornost a možnost využít zesílené kombinace účinnosti sluchových, zrakových, motorických a kinestetických pocitků. ICT učitelé usnadňují výběr takových prostředků a typů činností, aby byly uspokojeny potřeby všech žáků, co se týče kognitivních stylů, převládající orientace i typů paměti.

¹ Integrativní motivace je zde uváděna v protikladu s instrumentální.

Způsob využití moderních technologií může učitel snadno modifikovat rovněž podle věku a schopností žáků, tak aby všichni mohli zažít pocit úspěchů a byli motivováni k dalšímu studiu cizího jazyka, neboť motivace je klíčem k úspěchu. I v tomto aspektu se ICT dokážou ve výuce cizích jazyků velice dobře uplatnit.

LITERATURA

Beneš E. et al. Metodika cizích jazyků. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1970. 268 s.

Veliyeva M.A. Interference Phenomena in Mastering Foreign Languages and the Methods of Preventing Them. *International Journal of English Linguistics* [online]. Canadian Center of Science and Education, 2016, (1), 165–170 [cit. 2016-02-28]. DOI: [dx.doi.org/10.5539/ijel.v6n1p165](https://doi.org/10.5539/ijel.v6n1p165). ISSN 1923-8703. Dostupné z: www.ccsenet.org/journal/index.php/ijel/article/view/55602

Gardner R.C. Integrative Motivation and Second Language Acquisition. The University of Western Ontario Publish Web Server [online]. London (Ontario, Canada), 2005, 30.05.2005 [cit. 2016-02-28]. Dostupné z: publish.uwo.ca/~gardner/docs/caaltalk5final.pdf

Hendrich J. Didaktika cizích jazyků. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1988.

Дмитриева Е.И. О перспективах и возможностях дистанционного обучения иностранным языкам с использованием компьютерных телекоммуникационных сетей // Иностранные языки в школе. 1997. № 2. С. 11–15.

Коджаспирова К.В., Петров Г.М. Технические средства обучения и методика их использования. М: Академия, 2006. 256 с.

Малирж Ф. Методика обучения русскому языку. Прага: Государственное педагогическое издательство, 1967. 295 с.

Smejkalová K. K problematice osvojování cizích jazyků na vysokých školách. *Andragogika: čtvrtletník pro vzdělávání dospělých*. roč. 2014, č. 2, s. 7–15. DOI: 1211–6378.

Шукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учебное пособие. М: Высшая школа, 2010. 348, [1] с.

REFERENCES

Beneš E. et al. Metodika cizích jazyků. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1970. 268 s.

Veliyeva M.A. Interference Phenomena in Mastering Foreign Languages and the Methods of Preventing Them. *International Journal of English Linguistics* [online]. Canadian Center of Science and Education, 2016, (1), 165–170 [cit. 2016-02-28]. DOI: [dx.doi.org/10.5539/ijel.v6n1p165](https://doi.org/10.5539/ijel.v6n1p165). ISSN 1923-8703. Dostupné z: www.ccsenet.org/journal/index.php/ijel/article/view/55602

Gardner R.C. Integrative Motivation and Second Language Acquisition. The University of Western Ontario Publish Web Server [online]. London (Ontario, Canada), 2005, 30.05.2005 [cit. 2016-02-28]. Dostupné z: publish.uwo.ca/~gardner/docs/caaltalk5final.pdf

Hendrich J. Didaktika cizích jazyků. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1988.

Dmitrieva E.I. On the Prospects and Possibilities of Distance Learning Foreign Languages with Use of Computer Telecommunications networks. *Foreign languages at School*. 1997. No 2, pp. 11–15.

Kodzhaspirova G.M, Petrov G.V. (2006) Technical Means of Training and Methods of Their Use. Moscow. Academia Publ. 256 p.

Malirzh F. (1967) Methodics of Teaching Russian Language. Prague: State Pedagogical Publishing House. 295 p.

Smejkalová K. K problematice osvojování cizích jazyků na vysokých školách. *Andragogika: čtvrtletník pro vzdělávání dospělých*. roč. 2014, č. 2, s. 7–15. DOI: 1211–6378.

Shchukin A.N. (2010) Methodics of Teaching Russian as a Foreign Language: Textbook. Moscow. Vysshaya Shkola Publ. 348, [1] p.

Сведения об авторе:

Veronika Kaplanová,
doktorand
Katedra rusistiky a lingvodidaktiky
Pedagogická fakulta
Univerzita Karlova v Praze
Veronika Kaplanová

Вероника Капланова,
докторант
кафедра русистики и лингводидактики
педагогический факультет
Карлов университет в Праге

Veronika Kaplanová
PhD student
Russian and Language Teaching Methodology Department
Charles University in Prague
veronika.kaplanova@gmail.com

Т.В. Пентковская

**С русского на сербский, с сербского на русский:
два опыта редактуры церковнославянского текста в XVII в.**

Аннотация: В работе обсуждаются два опыта редактирования церковнославянских переводов гомилий Иоанна Златоуста, соотносящиеся с сербской и русской языковой средой. В 1615 г. сербский монах Иов Шишатовач на Афоне адаптировал к сербскому варианту церковнославянского языка русский перевод Бесед на Евангелие от Матфея, выполненный в 1524 г. старцем Силуаном и Максимом Греком. Не позднее 80-х гг. XVII в. московский книжник Евфимий Чудовский отредактировал сербский перевод проповедей Иоанна Златоуста «О статуях». Анализ исправлений в рукописях двух переводов приводит к выводу, что несходства в подходе к их редактированию объясняются не только разницей языка исходных переводов, но и общностью представлений сербского и русского редакторов о стандарте церковнославянского языка.

Ключевые слова: церковнославянские переводы Иоанна Златоуста, редакция XVII века, региональная лексика, глоссирование

Abstract: The paper discusses two kinds of revision of the Church Slavonic translations of St. John Chrysostom homilies, correlated with the Serbian and Russian language environment. In 1615 on Mount Athos the Serbian monk Job Shishatovac adapted the Russian translation of homilies on the Gospel of St. Matthew of St. John Chrysostom, made by the monk Silvanus and Maxim the Greek in 1524, to the Serbian variant of Church Slavonic. Not later than the 80-ies of the 17th cent. Moscow monk Euthymios Chudovsky made amendments to the Serbian translation of John Chrysostom sermons "About statues". Analysis of the amendments in two manuscripts of both translations leads to the conclusion that the dissimilarity in their approach to revision are explained not only by the difference of original language translations, but also by the common notion of the Serbian and the Russian revisers about the standard of the Church Slavonic language.

Key words: Church Slavonic translations of St. John Chrysostom, the 17th cent. revision, regional vocabulary, marginalia

XVII век в истории церковнославянского языка – это особый этап в его развитии, предвосхитивший многие лингвистические новации первой трети XVIII в. В этот период получает развитие новый подход к библейским переводам и к переводчес-

кой практике в целом, что выражается прежде всего в одновременном обращении к нескольким конфессиональным традициям, соотносящимся с разными лингвистическими системами (церковнославянский, греческий, латинский, с одной стороны, национальные славянские языки – с другой), к грамматическим правилам, а также в новом оформлении переводного текста, сопровождающегося научно-критическим аппаратом [Бобрик 1990: 70–81; Успенский 2002: 411–471; Пентковская 2016]. В этих переводах находят воплощение складывающиеся на различных территориях славянства концепции нового литературного языка [Толстой 1998: 102–181].

Меняющиеся представления о книжном стандарте отражают два опыта перевода-редактуры церковнославянского текста, соотносящиеся с сербской и русской языковой средой. Один из них принадлежит сербскому монаху, книгописцу и переводчику, Иову Шишатовцу (Јов Шишатовац), который на Афоне в 1615 г. по заказу иеромонаха Дамаскина создал для монастыря Студеница особую версию Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (рукопись РНБ. F.I. 763). Беседы на Евангелие от Матфея впервые были переведены с греческого в Московской Руси в 1524 г. учеником Максима Грека монахом Силуаном при возможном участии самого Максима. По всей вероятности, в греческом оригинале, бывшем в распоряжении у Силуана, была пропущена 45-я Беседа. Эта часть позднее была восполнена текстами из «Нового Маргарита» А. Курбского [Калугин 1998: 256–267]. Следует отметить, что 45-я Беседа присутствует в рукописи И. Шишатовца (лл. 245–247 об.). Западно-русский след в орфографии сербской рукописи отражен, в частности, в написании дѣкѣмѣ ‘догму’ (л. 193) и некоторых других. Это коррелирует с предположениями о том, что возможным оригиналом Иова Шишатовца была рукопись украинско-белорусского происхождения, которая поступила в Хиландарскую библиотеку из Речи Посполитой в 1611–1612 гг. и хранится в ней под номером 412 [Загребин 2006: 280; Турилов 2011: 320–321]. Неоднократно публиковавшаяся выходная запись¹ сообщает об обстоятельствах труда сербского книжника и о сложностях работы с русским протографом: **И паки да вѣсть ваша стѣина ѿци и братѣа. изводѣ ѿ коо писахѣ, велми вѣ тѣжакѣ, почто вѣще рѣскѣи рѣкописѣ, и азѣ невѣжа еззыкѣ том. и великѣ трѣдѣ поѣ, точѣю бѣ вѣ, наипа сѣтаханѣ. тогѣ ради писахѣ и показахѣ, аще кто кога начне прѣписовати и прочитати да ванимле добрѣ и впасно** (л. 472 об.). Перевод, предназначенный Силуаном «русскому московскому народу», переадресован Иовом народу сербскому: переписанное им слово «московский» зачеркнуто и исправлено на «сръбский» [Ангелов 1981: 326–327].

Другой опыт перевода-редактуры представлен текстом, близким по жанру к предыдущему. Сборник проповедей св. Иоанна Златоуста «О статуях» (Εἰς τοὺς ἀνδριάντας), произнесенных в 387 г. в связи с восстанием в Антиохии, во время

¹ **Бѣговолкнѣемѣ и помощію ѿ вѣ трехѣ ипостасѣ славимагѣ ба. написаны выше книги сѣе вѣсѣди іевлскѣе, іованна хрисостома. вѣ стѣи гѣрѣ аѣ ѿ ѿсѣѣи, близѣ сѣще тѣгѣ стѣго вѣрѣха. вѣ ските лаварскомѣ. на келѣи дѣвннѣа ритѣра. Сѣа книга писа се мѣнастырѣ великѣе лаври сръпскон стоуденици. храмѣ оуспеніе прѣсѣтѣе вѣѣ. вѣнтѣлы прѣпѣвѣнагѣ ѿца нашего сѣмевна новаго мѣрѣца (!) вѣ лѣто ѿ сѣзѣанѣа мѣра ѣ, рѣ, кѣ. А ѿ вѣпльшѣнѣа гѣ ба и сѣса нашего іѣ хѣа ѣа, хѣ, еѣ, настоанѣемѣ дамаскина ермона, и да вѣдетѣ емѣ вѣ вѣчнѣи поменѣ. Чѣмѣже и азѣ хѣдѣи мѣногѣгрѣшѣи (!) іѣвѣ шншатѣвѣцѣ построѣгѣмѣ. мѣю вы ѿци и братѣа, и колѣномѣ касая се. аще не рѣкою нѣ еззыкѣмѣ. аще вѣудѣ что погрѣшено, чѣѣще любве ради хѣе исправланте. и на оусерѣдно трѣдѣвшѣи се ѿ сѣмѣ вѣвнѣте, а не кльнѣте. Да и вын оуѣдѣчѣте оуслышати страшнагѣ и нелицѣмѣрнагѣ сѣдѣе глѣ. Прѣидѣте вѣвенѣи ѿца моегѣ, наслѣдѣѣте оуготованное вамѣ цѣрѣвѣе ѿ сѣложенѣа мѣрѣ. нѣже вѣуди вѣсѣмѣ намѣ полѣчѣти, блѣгѣтѣю и члѣвѣколюбѣемѣ гѣа нашего іѣ хѣа. сѣ ними же ѿцѣ вѣкѣпѣ сѣ стѣымѣ дѣхѣмѣ. слава дѣрѣжава. чѣтѣ и поклонанѣе нѣна и прѣно и вѣ вѣкѣи вѣкѣмѣ, аминѣ:~ (л. 472 об.).**

которого народ сбрасывал императорские статуи, несколько раз переводился на церковнославянский язык. Выборка из Андриант была переведена или составлена в Болгарии в X в. и сохранилась в русских списках XII–XVII вв. Полный перевод (в 22 главах) был сделан в середине XV в. в Ватопедском монастыре на Афоне сербским монахом Антонием и получил известность в русской традиции с XVI в. [Турилов 2001: 410].

Не позднее 80-х годов XVII в. известный московский книжник Евфимий Чудовский внес исправления в русскую рукопись полного перевода (ГИМ, Син. 104), сверив ее с греческим и латинским текстом. Результатом исправления стал фактически новый перевод в характерной для Евфимия буквальной технике [Горский, Невоструев 1859: 111–119; Мушинская 2003: 28; Турилов 2001: 410]. Кодекс Син. 104 XVI в., с золоченой заставкой перед первой гомилией, киноварными заголовками, написанный аккуратным крупным полууставом, Евфимий использовал как черновик. В нем он вписывал в пространство между строками и на полях свои варианты, зачастую зачеркивая исходный текст и даже выскабливая отдельные написания (если имеющаяся грамматическая или орфографическая форма принципиально расходилась с его представлениями).

Таким образом, исходным вариантом для Иова Шишатовца является церковнославянский текст русской редакции (прошедший возможное юго-западнорусское посредство), а исходным для Евфимия Чудовского служит, наоборот, текст на сербском церковнославянском, обращающийся более века в русской среде. Далее будут рассмотрены принципы работы обоих книжников с исходным для них текстом.

Отметим, что оба произведения имеют сходное устройство и принадлежат к разряду конфессионально-учительных текстов. Они представляют собой гомилии, в которых нередко цитируется Св. Писание, прежде всего фрагменты Нового Завета. Отношение сербского и русского книжника к таким цитатам разное. Для Иова Шишатовца характерно сохранение облика цитируемого евангельского текста. Цитаты в F.I.763 совпадают с евангельским текстом по другим спискам Бесед. Общее текстуальное совпадение включает в себя и специфические для цитат лингвистические признаки (сохранение настоящего исторического, калькированных конструкций с субстантивированным инфинитивом, грамматических буквализмов)¹: Беседа 83-я: Мф. 26:36 F.I.763 **тогда приходи съ ними іс въ странѣ глѣкѣю геѡсиманію и гла оученикѣ**^М (л. 439 об.) – *Τότε ἔρχεται μετ' αὐτῶν ὁ Ἰησοῦς εἰς χωρίον λεγόμενον Γεθσημανὶ καὶ λέγει τοῖς μαθηταῖς*. То же ТСЛ 95 (л. 291). Настоящее историческое читается здесь в Чуд. рукописи (**приходи**)^Б [Евангелие от Матфея 2005: 144], которая была основным источником новозаветного текста Бесед [Пентковская 2015].

Подход Евфимия к цитируемому новозаветному тексту кардинально отличается от подхода сербского книжника. Если Иов Шишатовец не меняет облика цитат в составе Бесед, то Евфимий в Андриантах регулярно правит цитаты. Результат исправлений чаще всего сближается с НЗЕ.

Гомилия 1-я, Син. 102² **Таже пакн рече** [сверху: **глѣтѣ**]. **Вина мало рече прѣемли** [ѡтребляй] **сырица ради** [ради стомаха] **своего** [испр. на **Твоего**], **и частыхъ твоихъ тазъ** [немощей] (л. 3 об.)³. На поле проставлена ссылка **а, тї, ѳ, кг**. Ср. 1

¹ Больше примеров представлено в работе [Пентковская 2016б].

² Правка Евфимия помещена в квадратных скобках.

³ Та же цитата с теми же исправлениями повторяется на л. 4. В этой же гомилии находим исправления *ω здравіи сырициѣмъ* [сверху: *стомаха*] (л. 7) – *ὑπὲρ τῆς ὑγείας τοῦ στομάχου*; но *ω алчьбы* [поста] и *воѣнаго[до] питїа сырициѣю* [стомаха] *овори* [низложи] *моць* (л. 7) – *ἀλλ' ὑπὸ*

Тим. 5:23 в переводе Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого, в котором Евфимий принимал самое деятельное участие (далее – НЗЕ): Син. 472 **не еше** [на поле глосса к томѢ] **водопій, но вина мало ѡпотребляй, ради стомаха твоегѡ, и частыхъ твоихъ немощій** [сверху помета чю^д] (л. 387) – μηκέτι ὑδροπότει, ἀλλ’ οἶνον ὀλίγον χρῶ διὰ τὸν στόμαχον σου, καὶ τὰς πικνάς σου ἀσθενείας.

Лексема **сырице** ‘желудок’ (от **сыръ** ‘влажный, полный соками’) встречается в переводах древнеболгарского происхождения в соответствии с греч. ὁ στόμαχος (Изборник 1073 г., Синайский Патерик, сочинения Ефрема Сирина, Житие Феодора Студита) [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 29: 144].

Грецизм **стомахъ** содержит болгарский Апостол из собрания монастыря Каракаллу Slav. 1: **мало вина прикми стомаха ради и частыхъ твоихъ неджгъ**. Тот же грецизм отмечается и в сербском Матицином Апостоле XIII в.: **вина мало прикми стомаха си ради и честыхъ недюгъ** (л. 149). В Чудовском Новом Завете (ЧНЗ) XIV в., важнейшем славянском источнике НЗЕ, читается **вина мало прикми желюдка ради твоѣ и часты немощии** (л. 137 г). В Апостоле F.I.657 XV в. афонской редакции находим **мало вина приемли стомаха ради своего**. На поле глосса **желѣка ра^д** (л. 265). Следовательно, в древней редакции Апостола содержался грецизм, который впоследствии был усвоен афонской редакцией. ЧНЗ содержит его славянский эквивалент, отразившийся в глоссе F.I.657. Лексема **сырице**, по всей вероятности, была характерна для преславских текстов (ср. ее наличие в Изборнике 1073 г.). Пре-позиция **ради** характерна для переводов и правленных редакций богослужебных книг начиная с XIV в. [Афанасьева 2004: 94–95; Норовская Псалтырь 1989: 71–72].

Томилия 1-я, Син. 102 **акн [акѡже] нѣкто крилатъ [пѡперенъ] коринѣѣмъ [коринѡ.анѡ^м] посылаа гла[ше:]. боюса еда како[ѡ] ин[ы]мъ проповѣдавъ [вѣствовавъ,] самъ неискѡсенъ вѣдѡ. да аще пав[ѡ]елъ вонтса е-тацѣмн [по таковыхъ] и та[о]лицѣмн[хъ] исправленіи[х], възмоги реци[.]: како[ѡ] мнѣ мнѣрѣ распса [ѡкрѣтовася]. а [и] азъ мирови [мирѡ] вельмн [многимъ] паче вонтса намъ пѡва (!) [тревствѣ^т] (л. 8 об.) – καθάπερ τις ὑποπτερός, Κορινθίοις ἐπιστέλλων ἔλεγε: Φοβοῦμαι μὴ πως ἄλλοις κηρύξας αὐτὸς ἀδόκιμος γένομαι. Εἰ δὲ Παῦλος φοβεῖται μετὰ τοιαῦτα καὶ τοσαῦτα κατορθώματα, ὁ δυνηθεὶς εἰπεῖν, ὅτι Ἐμοὶ κόσμος ἐσταύρωται, καὶ γὰρ τῷ κόσμῳ, πολλῶ μᾶλλον ἡμᾶς δεδοικέναι χρή [PG 49: 20]. На поле в соответствующих местах проставлены ссылки на Апостольские Послания. Ср. 1 Кор. 9:27 НЗЕ Син. 472 **да не какѡ ины^м проповѣдавъ** [сверху помета чю^д] **самъ неискѡсенъ вѣдѡ** (л. 323); Гал. 6:14 НЗЕ Син. 472 **мнѣ мирѡ ѡкрѣтовася, и азъ мирѡ** (л. 356).**

Пара κηρύξας – **проповѣдавъ** : **вѣствовавъ** должна рассматриваться в качестве синонимов-произвольников: Евфимий не зачеркивает вариант исходного текста, а надписывает второй вариант сверху, оставляя, таким образом, обе лексемы. В НЗЕ этому соответствует чтение **проповѣдавъ**, заимствованное из ЧНЗ, однако глагол **вѣствовати** вообще характерен для переводов Евфимия. Замена **ἐσταύρωται** – **распса** : **ѡкрѣтовася** представляет собой систематическую правку на словоупотребление, которому Евфимий неукоснительно следовал в своей практике. Появление данного глагола обязано механизму двойного соотносе-

νηστείας καὶ ὑδροποσίας τοῦ στόμαχου κατέβαλε τὴν ἰσχὺν [PG 49: 19]. Данное исправление входит в ряд вводимых Евфимием книжных грецизмов, о которых см. далее.

ния церковнославянского словообразования с польским *ukrzyżować* и греческим *σταυρώω* [Пентковская 2016]¹.

Томилия 12-я, Син. 102 а) исходный текст: **вою бо сѧ еда в тои днѣ слышѸ, пронирывыи рабе и ленивыи пѡдоба ти положити сребро мое прѣ^д вѣскѸпѣ творащїими; б) текст с исправлениями Евфимия **воюса бо да вѣ оный слышѸ днѣ, лѡкаве рабе и лѣниве подобаше тебѣ^ѣ положити** [поле: *καταβαλεῖν*]² **сребро мое прѣ^д трапезники** [поле: *πῆνα-*] (л. 184) – *δέδοικα γὰρ μήποτε κατ' ἐκείνην ἀκούσω τὴν ἡμέραν*. *Ποιηρὲ δοῦλε καὶ ὀκνηρὲ, ἕδει σε καταβαλεῖν τὸ ἀργύριόν μου ἐπὶ τοὺς τραπεζίτας* [PG 49: 135]. Ср. Син. греч. 473 **лѡкаве рабе и лѣниве ... подобаше тебѣ^ѣ дати** [поле: *вергнѸти*] **сребро мое пѣназникѡмѣ** [поле: *трапе-*] (л. 38 об.). Экспансия варианта **лоукавыи** характерна для переводов и новых редакций богослужебных книг XIV в.: эта лексема читается в данном стихе в ЧРНЗ и в афонской редакции Евангелия, а кроме того, в цитате из него в Беседах Силуана [Пентковская 2015: 12]. Сербский перевод характеризуется в данном случае особым набором чтений, не отмеченным в этом стихе в богослужебных редакциях Евангелия. Это касается и варианта **прѣ^д вѣскѸпѣ творащїими**, который заменяется Евфимием на лексему **трапезникомѣ** (она отмечена и в рукописи Погод. 21 XIV в. – представителе ЧРНЗ) [Евангелие от Матфея 2005: 138]. Евфимий, однако, предлагает глоссу **пѣназники**, которая является основным чтением в Син. греч. 473 (если отвлечься от разницы в выборе предложно-падежной формы, обусловленной разницей греческого текста Евангелия и цитаты в гомилиях). Лексема **пѣназъ** и ее производные весьма характерны для словоупотребления Евфимия и должны рассматриваться как актуализированные полонизмы (ср. ее соответствием польск. *pieniądze* в аргументах к НЗЕ) [Пентковская 2016].**

Отметим также исправление *ἐκείνην* – **тои : оный**. Передача мест. *ἐκεῖνος* как **онѣ, оныи** является характерным признаком перевода Бесед Силуана и Максима Грека (она отражается без изменений и Иовом Шишатовцом) и не находит соответствия в редакциях Евангелия. Вызвано это стремлением разграничить при переводе греческие местоимения *ἐκεῖνος* и *αὐτός* [Пентковская 2015: 22].

Таким образом, исправления, вносимые Евфимием, восходят к традиции буквализированных переводов, ориентированных на греческий оригинал.

¹ За пределами этих цитат следует отметить предлагаемый Евфимием поморфемный перевод *ὕποπτερος* – **крилатѣ : пѡперенѣ**; перевод имперфектом, а не аористом формы *ἔλεγε* – **гѡла : гѡлаше**; иной, по сравнению с исходным вариантом, перевод предлога *μετά*; замена наречия на склоняемую форму (тв. п. в соответствии с греч. д. п.) *πολλῶ* – **вельми : многимѣ**; экспансия лексем с суффиксом *-ств-*, отраженная в замене *χρή* – **пѡва (!) : тревствѸѣ**. Практически все замены направлены на формальное сближение с греческим. Последний случай имеет более сложный генезис, отражая характерное для позднего московского варианта церковнославянского языка влияние так называемых полонизирующих словообразовательных моделей, ср. [Целунова 2006: 123]. Правке подвергается пунктуация (расстановка запятых) и орфография, причем выделяются замены, отражающие греческое написание *в* → *υ* в имени Павел (*Παῦλος*), и замены, следующие орфографическим предписаниям грамматик, в частности, грамматики М. Смотрицкого в ее московском издании 1648 г.: конечная омега в несклоняемых словах типа **пакѡ, какѡ** и в формах д. п. мн. ч. (**коринѡланѡ^м**), ср. реализацию подобных установок в беловом экземпляре перевода Атласа Блау, переписанном московским книжником во второй половине XVII в. с черновика Епифания Славинецкого [Николенкова 2016: 13–16].

² Вынесение на поле глагола *καταβαλεῖν* отмечает расхождение гомилий с греческим текстом Евангелия, ср. Ср. Мф. 25:26–27: *Ποιηρὲ δοῦλε καὶ ὀκνηρὲ ... ἕδει σε οὖν βαλεῖν τὸ ἀργύριόν μου τοῖς τραπεζίταις*, что в Син. греч. 473 дает варианты **дати / вергнѸти**.

Перевод Бесед Силуана и Максима Грека 1524 г., редактируемый И. Шишатовцом, также относится к числу переводов, стремящихся к воспроизведению церковнославянскими средствами лексико-грамматических особенностей греческого оригинала. Особенности языка Максима Грека, усвоенные его учеником Силуаном, неоднократно были предметом лингвистического анализа [Кравец 1991: 247–279, Вернер 2013: 104–127, Пентковская 2015: 7–41]. Эти особенности не подвергаются в рукописи Шишатовца каким-либо существенным изменениям. Это касается различного рода грамматических буквализмов, в частности, калькированных конструкций с субстантивированным инфинитивом: F.I.763 **аще Ѹбо сїе кто Ѹвѣсть и ѿ еже оудобнѣ послѹшати, и ѿ ѿ вса оставити** (л. 77) – καὶ ἐκ τοῦ ῥαδίως ὑπακούσαι, καὶ ἐκ τοῦ πάντα ἀφεῖναι [PG 57: 219]. То же в ТСЛ 94 (л. 136 об.).

Иначе складывается ситуация в редактируемом Евфимием переводе Андриант. Сербский переводчик XV в., адекватно передавая смысл оригинала, не стремился к формальной передаче всех особенностей греческого текста. Поэтому конструкции с субстантивированным инфинитивом он переводил на славянский различными средствами, выработанными в процессе развития переводческой техники. Эти формальные расхождения стремится устранить Евфимий, в результате чего появляется конструкция с поэлементным соотношением составляющих: Син. 104 ἐν τῷ λέγειν: **на гланиѣ – во еже глати** (л. 4); περὶ τοῦ φέρειν: **іакоже тр[-]пѣти ѡ еже терпѣти** (л. 81 об.) и т. д.

Конечный результат в редакции Андриант, таким образом, в этом пункте сходен с тем состоянием, которым уже характеризовался исходный текст Бесед в переводе Силуана. Следует отметить, что подобные искусственные конструкции, будучи по происхождению калькой с греческого, в XVII в. употребляются не только в переводах с греческого, но и в переводах с других языков, например с латыни и польского. Так, оборот **во еже возвратитися** находится в тексте послания Папы Климента X от 5 ноября 1672 г., перевод которого был выполнен с латыни в Москве в Посольском приказе (оригинал неизвестен) [Корнилаева, Кузнецова, Шамин 2015: 141]. Тот же тип конструкций отмечается в переводе Большого Атласа Блау, сделанном Епифанием Славинецким и книжниками его круга, ср. cum scamben hanc toties rescoherint Geographi – **за еже оуже многажды Географѡмъ ѡ семъ вѣществати** (цит. по [Николенкова 2013: 603]). Субстантивированный инфинитив зафиксирован в переводе аргументов к Апостолу НЗЕ, представляющих собой перевод аргументов польского Нового Завета Я. Вуйка, автором которого является, по всей вероятности, Евфимий Чудовский [Пентковская 2016], в переводе книги Иова иеромонаха Моисея Чудовского 39.1 **во еже Ѹповати бг҃Ѹ** (л. 107) – ufác w ránu Bogu (л. 288) [Пентковская 2016в] и в переводе аргументов Псалтыри Фирсова: Пс. 4:7 **еже Ѹповати** – ufác (цит. по [Целунова, 2006: 388]).

Редактирование Иова Шишатовца затрагивает главным образом лексику Бесед, причем основным приемом введения лексических замен является глоссирование. Следует отметить, что некоторое количество глосс содержится и в русских списках Беседы, при этом такие глоссы могут элиминироваться в сербском варианте. В частности, в сербском варианте устранены некоторые глоссы-регионализмы русских списков (на первом месте вариант основного текста): **скѡтопаственикѡмъ – нагаѣ^М** (τοὺς νομάδας), **сложеніѣ – кавалѸ** (συμβόλαιον) [Пентковская 2016а]. В то же время в рукописи Иова Шишатовца имеются две глоссы, отличающиеся от прочего материала, что заставляет поднять вопрос об

их происхождении. Одна из них находится в нравоучении к 70-й Беседе: F.I.763 **ѡтѣ оувѣми трапезѣ прѣлагати бесчисльнѣ испльнѣнѣ бл҃гы. сладчаншѣ, непроторнѣ** [гlossa на поле: **не има спенѣзѣ**], **попеченїа свобоженѣ** (л. 380 об.) – **εκεῖθεν εἰσόμεθα τράπεζα παρατίθεσθαι μυρίων γέμουσαν ἀγαθῶν, ἡδίστην, ἀδάπανον, φροντίδος ἀπηλλαγμένην** [PG 58: 661] Прил. **непроторныи**, переводящее **ἀδάπανος** ‘не требующий издержек’, образовано от сущ. **проторъ/ь** ‘убытки, ущерб’, которое в данном значении фигурирует в новгородской бессудной грамоте на бересте 40–70-х гг. XIV в., а в более узких значениях ‘судебные издержки’, ‘расходы, связанные с содержанием представителей Орды’, ‘побор’, ‘ущерб’ в различных русских деловых источниках, включая Русскую Правду [СДРЯ XI–XIV вв., IX: 248–249; СлРЯз XI–XVII вв., вып. 20: 266–267; Срз II: 1597–1598].

Аналогичная гlossa имеется в нравоучении к Беседе 74-й: F.I.763 **ни во вни мѣзѣ ѡ снхъ истезою. ни о цѣлкнїи, нѣже състроаю въ нѣждѣ те протораю** [гlossa на поле: **спенжаю**] (л. 398) – **οὔτε γὰρ αὐτοὶ μισθὸν ὑπὲρ αὐτῶ ἀπαιτοῦσιν, οὔτε ὑπὲρ φαρμάκων, ὧν κατασκευάζουσιν, εἰς ἀνάγκην σε δαπάνης ἐμβάλλουσι** [PG 59: 684]¹. Словарями отмечается только глагол **проторити** ‘расходовать, тратить’, ‘вводить в расходы’ (с XV в.) [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 20: 266]. Две этих гlossы представляют особый интерес в виду польск. *spędzać* ‘тратить’. По всей вероятности, они могли быть перенесены в сербский вариант из западнорусского протографа.

Подавляющее большинство гloss представляет собой результат редакторской деятельности сербского книжника. Чаще всего регионализм русского перевода гlossируется в сербском тексте южнославянским регионализмом (под последним подразумевается не только в узком смысле «местная» лексема, но и такие лексемы, нормативное употребление которых по крайней мере в рассматриваемый период характерно именно для южнославянского варианта церковнославянского языка).

Беседа 34-я F.I.763 **и что глѡ съмръть. иво въ самои жизни покажѣ те како вса добра соутѣ. аще ѣсладит се свороворинные цвѣты** [на поле гlossa **шипко**] **посипан на лице** (л. 197 об.). В ТСЛ 94 нет гlossы (л. 363) – **Καὶ τί λέγω τὸν θάνατον; Καὶ γὰρ ἐν αὐτῇ τῇ ζωῇ δείκνυμί σοι, πῶς πάντα αὐτῆς ἐστὶ τὰ καλά. Ἄν τε γὰρ ἦσθῃ, ῥόδα κατέπασε τῶν παρεῖων** [PG 57: 404]. Ср. совр. сербск. *шипак* ‘шиповник’, болг. *шипка* ‘то же’.

Прил. **свороворинныи** образовано от **свороворина** ‘дикая роза, шиповник’. Оба слова встречаются в поздних русских источниках, в частности в Травнике Николая Любчанина 1534 г., переведенном с немецкого, а также в Назирателе, переведенном с польского в XVI в. [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 23: 195]. В F.I.763 подобран точный эквивалент, употребительный у южных славян. В свою очередь, гlossу **свороворинни** находим в Андриантах Евфимия Чудовского: Гомилия 6-я, Син. 104 **сїи николи** [исправлено на **никогда**] **же цвѣти не ѡздаютѣ** [сверху гlossa **рѡжи влѣднѣтѣ**] – **τὰὐτα οὐδέποτε τὰ ῥόδα μαραίνονται** [PG 49: 90]. На поле **свороворїни** (л. 116 об.).

Беседа 51-я: F.I.763 **и оставивше ... кѣкшины и мѣдныє съсоуды** (л. 273) **καὶ ἀφέντες ... τοὺς ξέστας καὶ τὰ χαλκεῖα** [PG 58: 510]. На поле гlossa **та сирѣ медь**. Лексема **кѣкшинъ** (и **кѣвшинъ**) отмечается в русских памятниках с XV в. [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 8: 103, 113]. М. Фасмер считает ее возможным заимствованием из лит. *kaušinas* ‘большой ковш’ [Фасмер 1996, II: 397–398].

¹ ‘Они не требуют награды ни за свои труды, ни за лекарства, ими приготовляемые... не принуждают тебя ни к каким издержкам’ azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_51/74#sel=20:223,20:251

Нравоучение к 56-й Беседе: F.I.763 **что во тѣчанше ѿ въ займь даати, и о лихва^х и о прѣменкнѣи^х пеши се. и испорѣченїа истезати и боати се и трепетати о жало^хзе, о главно^м, о списани^х, о ростѣ^х** [гlossa на поле **о довице^х**] (л. 305 об.) – *Τί γὰρ δυσκολώτερον τοῦ δανείζειν, καὶ ὑπὲρ τόκων καὶ συναλλάγματων φροντίζειν, καὶ ἐγγύας ἀπαιτεῖν, καὶ δεδοικέναι καὶ τρέμειν ὑπὲρ ἐνεχύρων, ὑπὲρ τοῦ κεφαλαίου, ὑπὲρ τῶν γραμματείων, ὑπὲρ τῶν τόκων* [PG 58: 556]. Ср. совр. сербск. *добитак* ‘прибыль, барыш, выгода’. Лексема **ростѣ** соответствует греческому *τόκος* ‘процент, прибыль’. Не являясь собственно русизмом (она употребляется, в частности, в Пятикнижии Моисеевом и в Законе Судном людем), в значении ‘проценты’ активно используется в русских оригинальных источниках XVI–XVII вв. [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 22: 219; СДРЯ XI–XIV вв., X: 456].

Нравоучение к 59-й Беседе: F.I.763 **въ градѣ ѿбо толико твори^м тыцанїе, пакѣ^ж въ пѣсте мѣстѣ, и въ ларѣ^х** [гlossa на поле **въ коцѣ^х**] **затворити звѣри** (л. 324) – *Καὶ ἐν μὲν τῇ πόλει τοσαύτην ποιούμεθα σπουδῆν, ὡς ἐν ἐρήμῳ τόπῳ καὶ ἐν γαλεάγραις καθεύρειν τὰ θηρία* [PG 58: 582]¹. Лексема **ларь** – это древнее заимствование из древнешведского *larr* ‘выдвижной ящик’. Оно употребляется, в частности, в переводах с греческого домонгольского периода (Пандекты Никона Черногорца, Пчела, История Иудейской войны) в соответствии с *λάρναξ* и *κιβώτιον* [Пичхадзе 2011: 86–87]. В данном контексте выступает эквивалентом греч. *ἡ γαλεάγρα* ‘ловушка для куниц, железная клетка’. В позднем значении ‘клетка для зверя’ эта лексема фиксируется в Никоновской летописи XVI в. (под 1413 г.) и в Козмографии по списку 1670 г. [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 8: 173]. В свою очередь употребленное в глоссе **котыць** также отмечается в более ранних переводах с греческого, например, в древнем переводе Хронике Георгия Амартола XI в., Пандектах Никона Черногорца, Мериле Праведном [СДРЯ XI–XIV вв., IV: 278]. Ср. совр. сербск. *котац* ‘загон’.

Нравоучение к 69-й Беседе: F.I.763 **нѣ пакѣ^ж мы не ѿбо спѣблагѣ^м се что рещи^х в ниже мравїи по дирка^м** [гlossa на поле **дупка^м**] **и по нора^м дѣиствѣю^т, сице ни^ж вни что в ниже творимъ мы, нѣ о црїи сѣще горѣ** (л. 375 об.) – *ἀλλ’ ὥσπερ ἡμεῖς οὐκ ἂν ἀξιῴσαμεν τι εἰπεῖν περὶ ὧν οἱ μύρμηκες κατὰ τὰς ὀπὰς καὶ τοὺς χηραμοὺς πρᾶττουσιν, οὕτως οὐδὲ ἐκεῖνοι, τί ποιῶμεν ἡμεῖς, ἀλλὰ περὶ τοῦ βασιλέως τοῦ ἄνω* [PG 58: 633–634]². Ср. совр. болг. *дупка* ‘отверстие’. Лексема **дирка** (**дырка**) впервые фиксируется словарями в Травнике Любчанина 1534 г. (по списку XVII в.) [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 4: 396]. Наличие ее в Беседах удревняет первую фиксацию слова примерно на десятилетие.

То же нравоучение к 69-й Беседе: F.I.763 **Оуслыши паково на телигахѣ** [гlossa на поле **на кола^х**] **живѣщы^х сквѣжь житїе** (л. 374 об.)³ – *Ἄκουσον οἶος τῶν ἀμαξοβίων Σκυθῶν ὁ βίος* [PG 58: 652]. То же, но без глоссы в ТСЛ 95 (л. 191 об.), ТСЛ 97 (л. 179), ТСЛ 92 (л. 331 об.), ТСЛ 93 (л. 246). Тюркизм **телѣга** встречается в русских летописях начиная с Повести временных лет [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 29:

¹ ‘Живя в городе, мы весьма строго смотрим за зверями, заключаем их в местах безлюдных и в пещерах’: azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_51/59#sel=25:597,25:632.

² ‘И как мы не считаем достойным нашего разговора то, что делают муравьи в своих муравейниках, так и они не говорят о том, что делаем мы, а говорят о небесном царстве’: azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_51/69#sel=21:197,21:237.

³ Возможно, данным контекстом обусловлено сложение, попавшее в Алфавит по списку XVII в. (БАН, Арх.д. № 446): Амаксвиусъ [ἀμαξοβίος] – **телѣгожитель, еже есть нагайтянинъ** [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 29: 269]. Напомним, что в русских списках Беседы в продолжении этого фрагмента имеется глосса к слову **сквѣтопаственикѣмъ** (τοὺς νομάδας) – **нагаи** [Пентковская 2016а].

268]. Выражение **тѣлѣжныи пѣтъ** ‘проезжая дорога’ встречается, в частности, в близком к Беседам тексте – старшем переводе Толкового Евангелия от Матфея Феофилакта Болгарского восточнославянского происхождения [Алексеев 1999: 179]. Совр. сербск. *кола* – ‘повозка, телега’.

Ниже в том же нравоучении выражение **шьлковыѣ платы** снабжено маргинальной глоссой **свилкнїѣ** (л. 374 об.)¹, ср. – *φάρη* *κροκωτὰ* ‘плащи шафранового цвета’ [PG 58: 652]. Сербск. *свиле* – ‘шелк’. В Андриантах же восточнославянский регионализм вносится Евфимием, см. 18-я гомилия: **не червленыхъ** [сверху: **шелковыхъ**] **ризъ** (л. 262 об.) – *μὴ σπρικῶν ἱματίων* [PG 49: 186].

Нравоучение к 70-й Беседе: F.I.763 **ѡзриши многъ соръ** [на поле глосса **гомила**] **нечистъ потокъ, и повъплкнїи гробъ** (л. 380) – *ὄψει τὸν πολλὸν φορτὸν, καὶ τὸν ἀκάθαρτον ὄχετον, καὶ τὸν κεκονιαμένον τάφον* [PG 58: 660] В исторических словарях это слово проиллюстрировано только русскими источниками, притом поздними (вторая половина XVI в.) [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 26: 176–177]. Ср. совр. сербск. *гомила* ‘куча’.

Нравоучение к Беседе 73-й: F.I.763 **понїже и шѣтѣ** [глосса на поле: **маскара**] **сїи хѣдѣнше слыше** (л. 392 об.) – *ἐπεὶ καὶ οἱ παράσιτοι τούτων καταδέεστερα ἀκούσι* [PG 58: 673]. В оригинале речь идет о мужьях-нахлебниках, живущих за счет богатства жены. Лексема **шѣтъ** не является русизмом: ср. **шютъ** ‘осмеянный’ в Изборнике 1076 г. [Срз III: 1601], болг. *вшутявам се* ‘глупо, по-детски веду себя’ [Фасмер 1996, IV: 491]. Здесь, однако, интересен феномен адаптирующего перевода: паразит, т. е. нахлебник, оригинала на русской почве преобразуется в профессионального шута.

Беседа 76-я: F.I.763 **Како ли ѡбо малѣнїа павлаетсе. не тревѣт проповѣдающаго. нъ и въ храмнїѣ сѣщїимъ. и иже въ комната** [на поле глосса **въ клѣтѣ**], **въ малѣншемъ часѣ по всей въселеннїи показуѣтсе. сице вѣдѣ пришьствїѣ оно** (л. 406) – *Πῶς οὖν ἡ ἀστραπὴ φαίνεται; Οὐ δεῖται ἀπαγγέλλοντος, οὐ δεῖται κήρυκος, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἐν οἰκίαις καθημένοις, καὶ ταῖς ἐν θαλάμοις, ἐν ἀκαριαίᾳ ῥοπῇ κατὰ τὴν οἰκουμένην δείκνυται πᾶσαν. Οὕτως ἔσται ἡ παρουσία ἐκείνη* [PG 58: 697]. Лексема **клѣтъ** употребляется уже в старославянских памятниках в значении ‘каморка, хижина; келья’ [Цейтлин и др. 1994: 285]. Ср. совр. сербск. *клет* ‘комнатка, чулан’.

Нравоучение к Беседе 85-й: F.I.763 **сїи же ѡ ниже данщикы** [глосса на поле: **прїетели**], **и прїатели, и истезателкїи, и казначей** [глосса на поле: **хазнаѣри**] **пекѣтсе. ѡ сїи на всакъ днѣ троужаѣтсе** (л. 451) – *οἱ δὲ, ὑπὲρ ὧν ὑποδέκται καὶ фороλόγοι καὶ λογισταὶ καὶ ταμίαι μεριμνῶσιν, ὑπὲρ τούτων καθ’ ἐκάστην κόπτονται τὴν ἡμέραν* [PG 58: 762].

Лексема **данщикъ** имеет здесь значение ‘тот, кто собирает дань, подать, пошлину’. В этом значении она употребляется в русских грамотах с XIV в. [СДРЯ XI–XIV вв., II: 427; СлРЯз XI–XVII вв., вып. 4: 170]. Употребленное в соответствии с греч. *φορολόγος* ‘сборщик податей’ слово **приатель** должно иметь в данном контексте значение ‘тот, кто взыскивает, отбирает что-либо по закону’ (ср. соответствующее значение глагола **приати**). Это значение не зафиксировано историческими словарями. Ср. тж. **приатник** ‘получение, доход’ (*λήσις*) в Пандектах Антиоха [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 20: 88–89; Срз. II: 1505]. Тюркское заимствование **казначей** (*ταμίας* ‘казначей’) появляется в русских источниках с XIV в.

¹ См. тж. **шьлковыми – свиленими** (л. 271 об.) [Загребин 2006: 285].

[СлРЯз XI–XVII вв., вып. 7: 23; СДРЯ XI–XIV вв., IV: 188; Фасмер 1996, II: 160]. Сербск. *казнадар* ‘казначей’ – заимствование из турецкого (ср. тур. *kaznadžy*).

Помимо собственно южнославянских регионализмов, в глоссах отмечается ряд нейтральных для церковнославянского языка лексем. Нравоучение к 58-й Беседе: F.I.763 **възыди далѣйше дѣдъ и прѣдѣдъ и многы негли обрѣщеши, поваровъ, и извошниквъ (!)** [глосса на поле **прокзниковъ**], и **кръчмниквъ** (л. 316) – Ἀνάβηθι περαιτέρω τῶν πάππων καὶ τῶν προπάππων, καὶ πολλοὺς ἴσως εὐρήσεις μαγείρους, καὶ ὀνηλάτας, καὶ καπήλους [PG 58: 570]. Греческое слово ὁ ὀνηλάτης означает ‘погонщик ослов’, так что перевод представляет собой случай адаптации реалий.

Нравоучение к 59-й Беседе: F.I.763 **и аще оубо и мѣскоу имѣеть кто много попеченіе іако вы извоцика** [глосса на поле **проѣника**] **обрѣсти изредна и ни неразумна, ни тата (!), ни пїаницѣ, ни ходѣства неенкоусна** (л. 325)¹ – Καὶν μὲν ἡμίονόν τις ἔχη, πολλὴ ἢ φροντὶς ὥστε, ὀνηλάτην εὐρεῖν ἄριστον, καὶ μήτε ἀγνώμονα, μὴ κλέπτην, μὴ μέθυσον, μὴ τῆς τέχνης ἀπειρον [PG 58: 584]. Отметим, что первая словарная фиксация лексемы *изво(з)щикъ* относится к 1544 г. [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 6: 130].

Нравоучение к 78-й Беседе: F.I.763 **нѣси петра и іованна простѣиши. и и невѣжи и неграмотни бѣше** (л. 418)² – Οὐ γὰρ εἶ τῆς χήρας ἐκείνης πενέστερος, οὐκ εἶ Πέτρον καὶ Ἰωάννου ἀγροικότερος, οἳ καὶ ἰδιῶται καὶ ἀγράμματοι ἦσαν [PG 58: 714]. На поле глосса **вѣкнижни**. Единственная словарная фиксация лексемы *безграмотный* ‘не умеющий читать и писать’ приходится на 1624 г.: **колмаки люди многие и воинские... и ссылкъ быть с ними не о чем, люди неученые, безграмотные, к ним грамотъ посылать не для чего, прочитатъ не знаютъ, и сами писатъ не умѣютъ** (Отп. Тюменск. воев.)³ [СлРЯз. XI–XVII вв., вып. 1: 103], данный же пример в Беседах восходит к 1524 г.

Глоссируются в сербской рукописи и такие лексемы русского первоисточника, которые, не являясь в узком смысле лексическими русизмами, не были характерны для сербской редакции церковнославянского языка.

Беседа 40-я: F.I.763 **на мене ли крѣчините се** [на поле глосса **гнѣваѣ се**], **іако въсегѣ чѣка зѣва сътвори** (л. 222) – ἐμοὶ χολᾶτε, ὅτι ὅλον ἄνθρωπον ὑγίη ἐποίησα [PG 57: 439]. Это соотносится с чтением Ио. 7:23, однако в евангельских редакциях глагол *χολᾶτε* переводится только как **гнѣвакте сѧ** (представители всех редакций, кроме Пог. 21 – особой ветви Чудовской редакции Нового Завета, где находим **зазиракте**) [Евангелие от Иоанна 1998: 33]. Глагол **кρούчинити сѧ** в поздних русских источниках зафиксирован со значением ‘испытывать гнев, сердиться’ (в частности, в Посланиях Ивана Грозного), оно сохранялось у него и в диалектах [СРНГ, вып. 15: 336]. Однако это же значение отмечается и у глагола **кρούчиньствовати сѧ**, употребленного в Синайском Патерике [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 8: 91], то есть оно не является собственно русским. Тем не менее нехарактерность подобного словоупотребления для евангельского текста стала

¹ ‘Если кто имеет лошака, то всячески старается найти лучшего конюха, который бы был честен, не вор, не пьяница, и знал свое дело’: azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_51/59#sel=26:565,26:586

² ‘Ты не беднее той вдовицы, не ниже по званию Петра и Иоанна, которые были из простого народа и необразованные’: azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_51/78#sel=19:318,19:336.

³ Тот же контекст, впрочем, отмечается и в грамоте из Приказа Казанского дворца тобольскому воеводе Ю.Я. Сулешеву о запрещении отпускать в Москву послов калмыцких тайшей и Алтын-хана от 30 октября 1623 года: www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Rus_mong_1/61-80/68.phtml?id=13498.

причиной появления глоссы, восстанавливающей свойственное богослужебным редакциям Евангелия чтение.

Беседа 56-я: F.I.763 **ОВЪ ВО МЕДЛЕННОЕЗЫЧНЬ** (л. 302) – ὁ μὲν γὰρ βραδύγλωστος [PG 58: 552]. Над первой частью этого композита теми же чернилами приписано сверху **кѣсно**.

Беседа 88: F.I.763 **НЬ НЕДОТННЬ^х И ИЗГВЛАЕ, И ТОУТОШНАГО** [глосса на поле: **здѣшнѣгѡ**] **прѣвыванїа** (л. 461) – ἀλλ' ἀναξίους αὐτοὺς ἀποφαίνων καὶ τῆς ἐκεῖ διατριβῆς [PG 58: 776]. Лексема **ТОУТОШНИЙ** фиксируется в русских источниках с XV в. [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 30: 234–235].

Такого рода глоссы, целью которых является подбор собственного эквивалента к лексическим регионализмам, составляют принцип работы сербского книжника над русским текстом и отражают процесс адаптации инославянского текста на лексическом уровне [Загребин 2006: 285].

С подобной адаптацией лексики при переходе из одной славянской среды в другую мы встречаемся в более раннее время в рукописной традиции Жития Андрея Юродивого. В болгарской редакции древнерусского перевода, представленной в списке XIV в. (РГБ, ф. 236, № 93.2), содержится целый ряд лексических замен, при которых неактуальные для болгарского варианта церковнославянского языка лексемы актуализируются. В частности, русизм **зядьница** ‘наследство’ заменяется на **наслѣдикъ**, **лыскаръ** на **мотика**, **свѣтъць** на **свѣтын** и пр. [Молдован 2000: 47].

Отличие в том, что в сербском позднем варианте Бесед присутствуют оба лексических варианта – исходный русский и «новый» сербский. Но глоссирование как способ подбора лексических эквивалентов не является уникальным фактом текстологической истории перевода Бесед. Так, в редакции Б Жития Андрея Юродивого имеется по крайней мере два списка (РГБ, Усов. 10 и РНБ, Кир-Бел. 21), в которых ряд слов в тексте помечен кавычками и глоссируется на поле, например, **хрѣтающеся – рѣгающеся, москолоудми – смѣхотворцы, тицати – терпѣти** и др., что свидетельствует о продолжающейся редакторской работе [Молдован 2000: 46].

Глоссы в F.I.763 используются не только для адаптации регионализмов. Появление ряда маргинальных вариантов в сербском источнике объясняется выравниванием чтения по тексту Евангелия, причем, по всей вероятности, обращения к самому Евангелию не происходило, потому что контекст был хорошо известен и мог цитироваться по памяти¹. В цитируемом евангельском тексте: Беседа 34-я, F.I.763 **ДА НЕ УБО УСТРАШАИТЕ СЕ, МНОГЫ^х ВОРОБЬЕВЪ** [-оро- исправлено здесь на -ѣръ-], **лѣчше есте вы** (л. 195). На поле глосса **пти^ц** – Μῆ οὖν φοβηθήτε· πολλῶν στρουθίων διαφέρετε ὑμεῖς [PG 57: 401]. В переводе актуализировано значение греческого слова ‘мелкие птицы, воробьи’. ТСЛ 94 **МНОГЫ^х ВОРОБЬЕВЪ** (л. 358 об.).

По всей вероятности, глоссирование вызвано стремлением восстановить традиционное чтение этого места (ср. Мф. 10:31), ср. выше Мф. 10:29 **НЕ ДВѢ ЛИ ПТИЦѢ НА ДССАРІИ ПРОДАЕТА СЕ. И НИ ЕДИНА Ѡ НИ НЕ ПАДАЕ^т ВЪ СѢТЬ КРОМѢ ѠЦА ВАШЕГѡ НБНАГѡ. ВАШИ ЖЕ И ВЛАСИ ГЛАВНІИ ИЗЪЧЪТЕНИ СОУ^т** (л. 195). Ср. ТСЛ 94 **ГЛАВЫ ВСИ** (л. 358 об.). Чтение **главнїи** отмечено в ЧРНЗ, афонской редакции В и Острожской Библии, а также нескольких более ранних источниках [Евангелие от Матфея 2005: 58]. При этом Галицкое Евангелие 1144 г. содержит в данном

¹ О цитировании важнейших новозаветных текстов по памяти см., например [Гардзанити 2013: 115–124].

фрагменте вариант **НЕ ДЪВА ЛИ ОΥΤΟ ВΡΑΒΗΝΑ** [Евангелие от Матфея 2005: 58]. Это объясняет механизм появления нестандартного чтения в Мф. 10:31 в переводе Силуана. Οὐχὶ δύο στρουθία ἄσσανοῦ πωλεῖται; καὶ ἓξ αὐτῶν οὐ πεσεῖται εἰς παγίδα ἄνευ τοῦ Πατρὸς ὑμῶν τοῦ ἐν οὐρανοῖς. Ὑμῶν δὲ καὶ αἱ τρίχες τῆς κεφαλῆς πάσαι ἠριθμημέναι εἰσὶ [PG 57: 400–401].

Еще один случай восстановления в маргиналии традиционного чтения находится в Беседе 75-й: F.I.763 **ТЪ ЛЪЖЕХРИСТИ, И ЛЪЖЕВРАТЪА. ТЪ ИЗЪЧЕЗНЕ** [на поле глосса **ИЗСЕКНЕ**^T] **ЛЮБОВЬ, Ё ВСЪ ЗЛЫ КЪ ВИНОВНО** (л. 401 об.) – εἶτα ψευδόχριστοι καὶ ψευδάδελφοι: εἶτα, ψυγήσεται ἡ ἀγάπη, τὸ πάντων αἴτιον τῶν κακῶν [PG 58: 691]. Ср. Мф. 24:12 **ἰ ζα οἰμῆνοζηνне безаконнѣ исакнетъ любви мѣногыхъ** (Мар.) – καὶ διὰ τὸ πληθυνθῆναι ψυγήσεται ἡ ἀγάπη τῶν πολλῶν. Чтение **ИСАКНЕТЪ** характеризует подавляющее большинство источников евангельского текста, а вариант Бесед является индивидуальным переводческим решением [Евангелие от Матфея 2005: 129].

В 50-й Беседе глоссируется так называемым произвольником лексема в чтении, восходящем к Мф. 14:36: F.I.763 **КОСНЕМ СЕ УВО И МЫ ПОДЪЛКЪ РИЗЫ ЕГΩ** (л. 270 об.) – ἀψώμεθα τοῖνον καὶ ἡμεῖς τοῦ κρασπέδου τοῦ ἱματίου αὐτοῦ [PG 58: 507]. На поле глосса **ВЪСКРАИ**. При этом основной вариант, как и в большинстве случаев, отражает чтение древнейшей редакции Толкового Евангелия и Чудовской редакции Нового Завета, т. е. связан с преимущественным функционированием в русской языковой среде, ср. Мар. и др. **ВЪСКРИЛИ** [Евангелие от Матфея 2005: 82].

Еще одно такое употребление находится в Беседе 72: F.I.763 **РАЗШИРАЮТЪ ВО ХРАНИЛИЩА СВОА РЕ, И ВЕЛИЧАЮТЪ ПОДОЛКЫ РИЗЬ СВОИ** (л. 386) – Πλατύνουσι γὰρ τὰ φυλακτήρια αὐτῶν, φησὶ, καὶ μεγαλύνουσι τὰ κράσπεδα τῶν ἱματίων αὐτῶν [PG 58: 669]¹. На поле киноварная глосса **ВЪСКРАИ**. Это цитата из Мф. 23:5. Чтение **ПОДОЛЪКЫ** характеризует группу апракосов в основном русского происхождения (а также сербский апракос из собрания Гильфердинга 1284 г.) и тетр Чудовской редакции Погод. 21. Лексема **ВЪСКРАИ** не зафиксирована в своде источников богослужебных редакций Евангелия, однако близко стоит форма **КРАИ** в Орбельском Евангелии (болгарском кратком апракосе XIII–XIV вв.) [Евангелие от Матфея 2005: 122]. Очевидно, несмотря на знакомство сербской традиции с вариантом основного текста, как и в предыдущем случае, актуальным для сербского книжника XVII в. является вариант, вынесенный на поле.

В эту же группу можно отнести и глоссу в нравоучении к Беседе 68-й: F.I.763 **НЪ СВЪРИЛИ** [на поле глосса **ПИСКОВИ**]² **СЪГЛАШАЮТЪ ВНѢМЪ НЕЗНАМЕНИТЫМЪ ГЛѢМЪ, И НЕЛѢПЫ ЗРѢНІЕМЪ ЧЕЛЮСТЕ И НАДИМАЕМЫ, И ЖИЛА РАСТРЪЗАЕМЫ** (л. 369) – Ἀλλὰ σύριγγες συνηχοῦσιν ἐκείνοις ἀσήμῳ φωνῇ καὶ ἀτερπεῖ τῇ ὕψει, τῶν γνάθων αὐτοῖς φουσμένων, καὶ τῶν νεύρων διασπασμένων [PG 58: 645]².

Слово **СВИРѢЛЬ** – общеславянское суффиксальное производное от *svirati ‘играть на флейте’, известное как русскому, так и сербскому языку [Фасмер 1996: 579]. В данном контексте употреблено в точном соответствии с греч. ἡ σύριγξ ‘дудка, свистулька, свирель’. Появление синонима **ПИСКЪ** на поле, вероятно, связано со

¹ В продолжении этого текста глоссы нет: **и котораа сѣа соѣтѣ хранилища и подолкы** (л. 386) – καὶ τῶν αὐτῶν ἐστὶ τὰ φυλακτήρια καὶ τὰ κράσπεδα; [PG 58: 669].

² ‘Там сами трубы издают звук, соответственный их нескладному голосу и уродливому виду, когда они надувают щеки и натягивают жилы’: azbyka.ru/otechnik/loann_Zlatoust/tolk_51/68#sel=20:91,20:163

стремлением дать более книжный эквивалент, связанный с актуализацией евангельского узуса, ср. Мф. 11:17 (и Лк. 7:32) **пискахомъ вамъ** – ἠὐλήσαμεν ὑμῖν ‘играли на свирели’ [Срз. II: 937].

В качестве глоссы к славянской кальке может выступать грецизм. Беседа 6-я: F.I.763 **не во сѣ свѣзѣ законѣ дѣло кѣ, ѿ свѣзѣ видѣти ражаемы, нь ѿ врѣмены ражаемы провъзглашати хотееще быти** (л. 28) – οὐ γὰρ δὴ τοῦτο ἀστρονομίας ἔργον ἐστὶν, ἀπὸ τῶν ἄστρον εἰδέναι τοὺς τικτομένους, ἀλλ’ ἀπὸ τῆς ὥρας τῶν τικτομένων προαναφωνεῖν τὰ μέλλοντα ἔσεσθαι [PG 57: 62]. На поле глосса **астрономѣи**. Глосса отсутствует в ТСЛ 94 (л. 53 об.), ТСЛ 96 (л. 51 об.) и в ТСЛ 94 (л. 30). Такого рода обратное соответствие можно было привести и не обращаясь к греческому тексту: грецизм **астрономѣи** был освоен славянской традицией в ранний период ее функционирования – он отмечается уже в Хронике Георгия Амартола, переведенной в XI в. [СДРЯ XI–XIV вв., I: 98].

Чаще же в сербской рукописи представлена иная ситуация, когда глоссируется грецизм основного текста.

Беседа 34-я: F.I.763 **и в малѣ словѣ гаже о бесмртѣи въ нѣ въдрѣжаетъ догматы. И въ двою и трѣ ренѣи дѣкгмѣ спителнѣ** [на поле глосса: **прѣдани оуставѣ**] **насадивъ и ѿ помыслѣ и нынѣ оутешае** (л. 193) – καὶ ἐν βραχεὶ λόγῳ τὰ περὶ ἀθανασίας ψυχῆς ἐν αὐτοῖς πῆγνυσι δόγματα· καὶ ἐν δύο καὶ τρισὶ λέξεσι δόγμα σωτήριον καταφυτεύσας, καὶ ἀπὸ λογισμῶν αὐτοῦς ἐτέρων παραμυθεῖται [PG 57: 400]. В ТСЛ 94 нет глоссы (л. 358).

Нравоучение к Беседе 54-й: F.I.763 **помысли что постражеть дѣаволь и вѣсвве, орѣжѣ зреще имже всакѣ силѣ и разрѣши хс, и драконѣ** [на поле **змѣи**] **ѿсѣче главѣ** (л. 292 об.) – ἐννόησον τί πείσεται ὁ διάβολος, τὸ ὄπλον ὄρων δι’ οὗ πᾶσαν τὴν δύναμιν αὐτοῦ ἔλυσεν ὁ Χριστὸς, καὶ τὴν τοῦ δράκοντος ἀπέτεμε κεφαλὴν [PG 58: 537]¹. То же, но без глоссы ТСЛ 95 (л. 66 об.). Грецизм встречается в русских сочинениях в XVI в., прежде всего в произведениях Максима Грека (где он непосредственно возводится к греческому δράκων) [Фасмер 1996, I: 534], а также в Луцидариусе и у Курбского [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 4: 349]. Употребление его связано одновременно и с западноевропейским влиянием (ср. лат. draco, -ōnis): так, Луцидариус восходит к немецкому оригиналу², ср. также **дракъ** < чешск. drak в переведенной в сер. XVII в. Повести о Брунцвике [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 4: 349].

Принципиально обратное соотношение в этой паре лексем представлено в Андриантах Евфимия: гомилия 3-я, Син. 104 **пакы[и] сице нѣкакѣ[w] глѣше: елени на селѣ родиша и ѿ[w]ставиша. Нонеже [Зане] не вѣ вылі[е]: дивнага ослѣта [онагри] сташа на възгорѣихъ [холмѣхъ] привлекоша вѣтрѣ: акн-змѣи [пакв драквнѣ]³ **нечезоша [вскѣдѣ] очеса ихъ** (л. 56 об.) – πάλιν οὕτωςί πως ἔλεγεν ἔλαφοι ἐν ἀγρῷ ἔτεκον, καὶ ἐγκατέλιπον, ὅτι οὐκ ἦν βοτάνη ὄναγροι ἔστησαν ἐπὶ νάπαις, εἰλκυσαν ἄνεμον ὡς δράκων· ἐξέλιπον οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ὅτι οὐκ ἦν χόρτος. Ср. тж. лат. sicut draco [PG 49: 52]. В тексте представлена цитата**

¹ Лексема **змѣи** возникает в F.I.763 еще один раз в основном тексте, однако в данном случае этот вариант не является первичным, так как не соответствует греческому чтению. Беседа 40-я: F.I.763 **ѿсѣцѣмъ ѣво многоглавнаго змѣи** [глосса на поле **звѣра**] **и во многы види зависти** (л. 224 об.) – Ἐκκόψωμεν τοῖνυν τὸ πολυκέφαλον θηρίον. Καὶ γὰρ πολλὰ τὰ εἶδη τῆς βασκανίας [PG 57: 443]. Ср. ТСЛ 94 **ѿсѣцѣ ѣво многоглавнаго звѣра. и во многи виды зависти** (л. 412).

² Буланина Т.В. Луцидариус: www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2947.

³ На поле глосса **драконѣвѣ**.

из Иерем. 14:5–6¹. Такая лексическая замена проводится Евфимием регулярно, причем в его трактате «О исправлении *неких* погрешений в преждепечатных книгах Минеях» она обосновывается тем, что *змеи* является понятием родовым, а *дракон* – видовым: *змѣи има нарицательное, или общее многихъ плѣжныхъ, имже именовъ зоветься малый плѣжный гадъ гадовитый ѱжь, и инѣи подобни тому. Драконъ же има собственное или частное, величайшаго нѣкоегѡ плѣжнагѡ, могущагѡ члѣкы, и кони, и волы, и инаа величайшаа животнаа поглотати* [Никольский 1896: 125]. В обоснование своего решения он ссылается на переводческую практику Максима Грека, который употребляет данный грецизм в переводе Толковой Псалтыри 1519–1522 гг. Эти же соображения повторяются и в специальной записке Евфимия в рукописи ГИМ, Син. 366 (л. 82), написанной приблизительно в то же время, что и трактат [Успенский 2002: 463–464; Горский, Невоструев 1857: 44–45]. Грецизм *драконъ* характерен, в частности, для перевода Нового Завета 2-й половины XVII в., в котором Евфимий принимал самое активное участие, причем он появляется там не только в основном тексте, переведенном с греческого, но и в соответствии с польским *smok* в переводе аргументов [Пентковская 2016].

Глоссируются в Беседах непонятные вне античной традиции реалии. Это глоссы-толкования. Дважды в сербской версии снабжается глоссой грецизм *ὁ ἀνδριᾶς* ‘статуя’.

Беседа 34-я, нравоучение: F.I.763 *аще не сѣе было бы, ни ^ж грѡвы выше, нь грады видѣль бы еси въ мѣсто андреатовъ* [глосса на поле *кѡмѣи*] *мрътвые имѣюща. коемѡждѡ своегѡ зрѣти желаящѣ*^x (л. 197–197 об.) – *Εἰ δὲ μὴ τοῦτο ἦν, οὐδὲ μνήματα ἦν, ἀλλὰ τὰς πόλεις εἶδες ἂν ἀντὶ ἀνδριάντων νεκροὺς ἐχούσας, ἐκάστου τὸν ἑαυτοῦ βλέπειν ἐπιθυμοῦντος* [PG 57: 404]. В ТСЛ 94 нет глоссы (л. 362 об.)².

В Беседе 80-й соотношение глоссы и основного варианта противоположно их соотношению в русских списках: ТСЛ 95 *ибо и андѣанды* [на поле глосса *обра мѣданъ*] *возѡвигше и законы положивше* (л. 269) – *καίτοι καὶ ἀνδριάντας ἀναστήσαντες καὶ νόμους θέντες*. То же в ТСЛ 92 *андианды* – *вбра мѣданъ* (л. 371). В ТСЛ 97 над словом *андѣанды* стоят киноварные кавычки, указывающие на глоссирование, далее выскоблено место глоссы – продолжение строки (л. 255). Ср. F.I.763 *ибо и вбразъ мѣденъ въѡвигше, и законы положивше* (л. 425 об.). На поле глосса *и андрианды* (д-р – лигатура, что объясняет «выпадение» р в этом слове в русских списках).

Сама эта греческая лексема должна была быть знакома и русским, и сербским книжникам по разного рода выдержкам и извлечениям из Андриант. В частности, два извлечения из этих гомилий имеются в составе Пандект Никона Черногорца, где они предваряются заголовками «от андриант», «от андрианта», «от андран-

¹ Ср. Синодальный перевод: Даже и лань рождает на поле и оставляет *детей*, потому что нет травы. И дикие ослы стоят на возвышенных местах и глотают, *подобно шакалам*, воздух; глаза их *потускли*, потому что нет травы: www.patriarchia.ru/bible/jer/14/.

² При этом выше в том же 34-м нравоучении грецизм, как и в русских списках, остается без глоссы: F.I.763 *сегѡ ради наипаче радовати се побѣе, ꙗко сѡмръ растлѣвает се, и мрътвость погивае, а не сѡщѣство тѣлесе. ни бо аще андреанда оувидиши сливаема, погивель приречешн вываемое, нь лѡчшее прѣстроение* (л. 196 об.) – *καὶ διὰ τοῦτο μάλιστα χαίρειν δεῖ, ὅτι ὁ θάνατος φθειρεται, καὶ ἡ θνητότης ἀπόλλυται, οὐχ ἡ οὐσία τοῦ σώματος. Οὐδὲ γὰρ εἰ ἀνδριάντα ἴδοις χωνευόμενον, ἀπώλειαν προσερεῖς τὸ γινόμενον, ἀλλὰ βελτίω κατασκευήν* [PG 57: 403]. То же ТСЛ 94 (л. 361).

та», причем выборка была сделана уже для греческого текста Пандект. Выборка из Андриант включена в состав древнерусского Троицкого сборника XII–XIII вв. [Мушинская 2003: 27–28]. Имеется этот грецизм и в переводе-редактуре Евфимия: В 5-й гомилии Син. 104 читается **ОБРАЗЫ ЦѢСАРА СВЕРГОША** [с- исправлено Евфимием на **низ-**] – τοὺς ἀνδριάντας καθέϊλον [PG 49: 73], что правится Евфимием на поле на **Андрианты** statuas. Направление правки здесь такое же, как и в Беседе 80-й у И. Шишатовца.

Дважды в Беседах упомянуты мифические многоглавые чудовища Сцилла и Гидра. В Беседе 70-й говорится о том, что у пьянства, как у баснословной Сциллы и Гидры, много голов: здесь вырастает у него блуд, там гнев; здесь тупость ума и сердца, а там постыдная любовь¹. В F.I.763 в этом фрагменте читается следующее: **ѿко̑ во ѿпасно (!) творимы^{х2} скеле ѿидре, сице и въ пѣанствѣ многы ѿ главы видѣти** (л. 379) – Καθάπερ γὰρ ἐπὶ τῆς μυθολοιοῦμένης Σκύλλης καὶ Ὑδρας, οὕτω καὶ ἐπὶ μέθης πολλὰς ἔστι κεφαλὰς ἰδεῖν [PG 58: 659]. На поле глосса киноварью **нѣкое свѣре многоглавно** [Загребин 2006: 284]. Эта глосса отсутствует в просмотренных русских рукописях Бесед, поэтому ее следует считать принадлежащей Иову Шишатовцу. Ср. ТСЛ 95 **ѿко̑ во ѿ баснотворимы^х скеле и идрѣ, сице и въ пѣанствѣ многы ѿ главы видѣти** (л. 139). То же в ТСЛ 97 (л. 187).

Сходный пассаж имеется и в Беседе 90-й, в которой бедность сравнивается со «скромной, невинной, прекрасной девицей, корыстолюбие же подобно жене зверонравной, чудовищной Скилле, Гидре и другим подобным же чудовищам, вымышленным баснотворцами»³.

В F.I.763 основной текст глоссируется тем же выражением, что и в предыдущем случае: **мнѣ во нищета отръковницы нѣкоей краснѣи и добрѣи блговидной ѿпѣвити се видит се. сребролюбѣ свѣрообразной женѣ, скилѣ нѣкоей и идрѣ** (л. 471 об.) – Ἐμοὶ γὰρ ἡ πενία κόρη τινὶ κοσμίῳ καὶ καλῇ καιεὐεῖδει προσεοικέναι δοκεῖ ἢ δὲ φιλαργυρία θηριομόρφῳ γυναικί, Σκύλλη τινὶ καὶ Ὑδρᾷ [PG 58: 791]. На поле та же глосса киноварью **нѣкое свѣре многоглавно** [Загребин 2006: 284]. В ТСЛ 95-я глосса отсутствует (л. 339), в ТСЛ 97 отсутствует Беседа 90-я.

Употребление лексемы **идра / гидра** (в значениях ‘мифологическое чудовище’ и ‘водяная змея’) отмечается словарями только в источниках начиная с XVIII в. [СлРЯз XVIII в., вып. 5]⁴. Ср. толкование этого слова в славянском переводе четырехязычного лексикона Германа Влаха, принадлежащем А.К. Барсову, справщику московского Печатного двора (его владельческая запись на издании относится к 1714 г.): **идра, змий седмоглавный адский по баснотворцем** (ὑδρα, hydra) [Ховрина 2015: 371].

Еще одно слово из этой группы, снабженное сербским редактором глоссой, встречается в нравоучении к Беседе 64-й, в которой имеются рассуждения о том, какие жертвы и когда приносили фарисеи: F.I.763 **сирѣчь ѿ о грѣсѣ, ѿ о чищеніи, ѿ въ празнице. ѿ въ новилени. ѿ въ ѿсѣченіи длъгъвъ, и въ ѿпѣщеніи рабѣ, и занимствованіемъ, свобоженыхъ лихвъ** (л. 348) – οἶον τὰ ὑπὲρ ἀμαρτημάτων, τὰ ὑπὲρ καθαρισμῶν, τὰ ἐν ἑορταῖς, τὰ ἐν ἰωβηλαίῳ, τὰ ἐν ταῖς τῶν χρεῶν ἀποκοπαῖς, καὶ ταῖς τῶν οἰκετῶν ἀφέσεσι, καὶ τοῖς δανείσμασι τοῖς

¹ azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_51/70.

² Вместо *о баснотворимыхъ.

³ azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_51/90.

⁴ feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/.

τόκων ἀπὸ ἀλλοαγμένοις [PG 58 : 615]. К лексеме **новилей** подводится глосса **пранн^зк^к** **ῶποῦтни**. В ТСЛ 95 и ТСЛ 97 (л. 141 об.) глоссы нет.

Греческая и латинская лексемы (известные с IV в.) восходят к др.-еврейск. *jôbê l*, обозначающему бараний рог и сделанную из него трубу, звук которой возвещал приход юбилейного года, наступавшего раз в пятьдесят лет (Левит, 25:10–12) [Бударагина 2014: 61-62].

Книга Левит входит в состав Пятикнижия (Восьмикнижия) Моисеева, перевод которого появился в Болгарии в симоновскую эпоху [Алексеев 1999: 119]. Однако в Септуагинте, в отличие от Вульгаты (где в соответствующих стихах находим лексему *iubilaeus*), слова «юбилей» нет, там используется выражение *ἀφέσεως σημασία* (напр., Левит 25: 11–12 и т. д.), что в преславском переводе закономерно передается как **лѣта оставленья** (ТСЛ 1, XIV в., л. 167).

Грецизированный вариант заимствования находится в Слове св. Григория Богослова на Пятидесятницу в составе сборника 16 слов, перевод которых был сделан в Болгарии в X в. [Турилов 2006: 668–712, Молдован 2013: 14]¹.

Это же Слово (41-е) представлено в составе сборника 13-ти Слов Григория Богослова РНБ, Q.p.I.16 (XI в.), на лл. 356б–372г, причем текст его практически не отличается от текста в сборнике 16 Слов. Рукопись Q.p.I.16 является копией конволюта, составленного на славянской почве, одной из частей которого был блок из 8 Слов, входящих в состав Сборника 16 Слов Григория Богослова [Молдован 2013: 5–15]. В существующих выпусках словарей древнерусского и церковнославянского языка данная лексема не зафиксирована.

Так же, как и в предыдущем случае, грецизм должен был быть известен русским и сербским книжникам, знакомым с церковнославянским текстом Григория Богослова. Примечательно, что Максим Грек впоследствии (приблизительно в 1548 г.) комментировал античные мифы в посланиях, основываясь на Словах Григория Богослова [Буланин 1977: 275–289].

К более позднему времени относятся два варианта этого заимствования (**новилей** и **юбилей**), восходящие соответственно к греческому и латыни, в значении ‘юбилейный год в Римско-католической церкви’. Они отмечаются в послании Папы Римского Климента X от 5 ноября 1672 г. [Корнилаева, Кузнецова, Шамина 2015: 135].

Беседа 75-я: **Ѳ.І.763 и аще хощеши гавствѣнѣише сѣ оувѣдѣти, глады глѣю и гѣбителства, троусы, и нныє горкѣ повѣсти. исторію** [на поле глосса **повѣсть**] **гѣ w си, Ѳснвѣ (!) сѣложеню прочти, и все оувѣдаеши сѣ впасеніемъ** (л. 401) – *Καὶ εἰ βούλει σαφέστερον ταῦτα μαθεῖν, τοὺς λιμοὺς λέγω, τοὺς λοιμοὺς, τοὺς σεισμοὺς, τὰς ἄλλας τραγωδίας, τὴν ἱστορίαν τὴν περὶ τούτων Ἰωσηπῶ συγκεκριμένην ἔπελθε, καὶ πάντα εἴση μετὰ ἀκριβείας* [PG 58: 690]².

¹ В списках древнейшей редакции 16-ти Слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского это место читается так: ГИМ, Син. 43 **днни же оубо седморица ражають панткостно нарочны и сѣтъ в нихъ днѣ. лѣтнѣага кже новилеонъ въ нихъ прозываето такоже и земан оставление нмы и равомъ свободу. и селомъ купленомъ оступление** (л. 245в). Толкование к этому Слову: **седмерѣцѣ же глѣть не токмо днѣмъ но и лѣтомъ(ъ) въ днѣхъ во седмьне(д)ль. сѣтваряють патъдесѣтницю. бѣ наречены днѣ ѿ жидовѣ. лѣта же свѣршають. новилеона кже речетса оставление** (Там же, л. 246а-б) – *τὸν Ἰωβιλαῖον* [PG 36: 432]. Сердечно благодарю А.М. Молдована, указавшего мне этот фрагмент.

² Следует отметить перевод по смыслу слова *τραγωδία*, ср. в Андриантах буквальный вариант Евфимия Чудовского (гомилия 4-я): Син. 104 **истоцнса ѡвѣ торжище, и наполниса цркви. оно трагчю** [траг- приходится на конец строки, далее Евфимием дописано **-вдѣн**. На поле глосса **козло-**

Нравоучение к 90-й Беседе: F.I.763 **которыє во органы** [на поле глосса **ορδία**] **имехъ аплн сїи, толико исправивше** (л. 470 об.) – Ποῖα γὰρ ὄργανα εἶχον οἱ ἄλόστολοι οὗτοι τοσαῦτα κατορθώσαντες; [PG 58: 790].

Наконец, грецизм может глоссироваться по-разному в русских списках и в версии Иова Шишатовца. Нравоучение к Беседе 72-й: ТСЛ 95 **и птици лѣтающїа зрїть. и дрєвеса зыблєма. и зѣфїра дышжца** (л. 213) – καὶ ὄρνιθας ἵπταμένας ὄρᾳ, καὶ δένδρα σειόμενα, καὶ ζέφυρον πνέοντα [PG 57: 205]. На поле глосса **ветра**. В ТСЛ 97 глосса отсутствует: **и зѣфїра дышжца** (л. 200). Отсутствует она и в ТСЛ 93 **и зєфїра дышжца** (л. 255 а). В F.I.763 к слову **зєфїра** подведена объяснительная глосса **въздъ**^к (л. 388).

Отметим, что наиболее ранний пример употребления сущ. **зєфїрѣ** ‘западный, юго-западный ветер’ представлен в Златоструе (XII в., по списку XVI в.), два других относятся к XVI в. (Назиратель) и XVII в. (книга Алфавит) [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 5: 385–386]. См. также прил. **зєфїрный** в переводе Географии генеральной 1718 г. [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 5: 386].

Важной особенностью оформления рукописи является наличие особого знака на поле напротив строки со словом, которое уже было глоссировано в предыдущих случаях [Загребин 2006: 285]. Наличие специального знака в маргиналиях вообще характерно для поздней церковнославянской традиции и соотносится с системой помет западноевропейских источников.

В отличие от редактуры Иова Шишатовца, затрагивающей только определенные лексические единицы, редакторская деятельность Евфимия Чудовского сочетает несколько видов замен: лексическая правка, грамматическая правка, глоссирование, замена целых фрагментов и предложений. Вот как выглядит, например, заголовок 5-й гомилии **ἔτι παράκλησις πρὸς τὸν λαὸν περὶ τοῦ φέρειν γενναίως τὴν ἐπικειμένην ἀπειλὴν, ἔχοντα παραδείγματα ἐκ τῶν συμβάντων τῷ τε Ἰωβ καὶ τοῖς Νινευίταις· καὶ ὅτι οὐ χρὴ δεδιέναι τὸν θάνατον, ἀλλὰ τὴν ἁμαρτίαν· καὶ τί τὸ κακῶς ἀποθανεῖν· καὶ περὶ τοῦ μετὰ πάσης σπουδῆς φεύγειν τοὺς ὄρκους· καὶ εἰς τὸν σεισμόν** [PG 49: 67–68]: а) в изначальном варианте (в квадратных скобках – орфографические исправления Евфимия): **еще [Ѹ]тѣшенїе к̄ людемъ такоже тр[-]пѣти крѣпце належимое преценїе, имеющимъ притча юва и [Нї]невгиты, и тако не пѣ^{до}баец[ъ] богатиса смерти, н[о] грѣха. еже не клатиса. пошченїе. гла. ѳ. б)** с учетом евфимиевской правки (которая осуществляется с помощью зачеркиваний и глоссирования)¹: **еще наказанїе к̄ людѣ ѡ еже терпѣти доблественнѣ^{до} належащее преценїе, имѣщѣ приказы ѡ слѣчившихса ювѣ и Нїневїтанѡмъ, и такѡ не пѣ^{до}баецъ богатиса смерти, но грѣха. и что еже слѣѣ смерти; и ѡ еже со всякимъ тѣпанїемъ бѣгати рѡтъ; и на трѣсъ. бесѣда ѳ.** (л. 81 об.).

В целом исправления Евфимия направлены на сближение с греческим (ср. перевод субстантивированного инфинитива **περὶ τοῦ φέρειν**). Так, в первоначальном варианте конец заголовка не дословно соответствует греческому: или в рас-

пѣнїа] вина (л. 67 об.) – Εκένονται μὲν ἡ ἀγορὰ, ἡ δὲ ἐκκλησία πεπλήρωται ἐκεῖνη τραγωδίας ὑπόθεσις [PG 49: 59]. Этим грецизмом Евфимий заменяет и другие славянские соответствия: **и пачѣ** [трагѡдію] **домѣ того** [онаго] **видѣше** (гомилия 11-я, л. 159 об.) – καὶ τὴν τραγωδίαν τῆς οἰκίας ἐκεῖνης ἰδόντες [PG 49: 119]; **сицѣ горцѣ повѣсти** [трагѡдіи. На поле глосса **козлопѣсни**] **нѣдими тогда слѣжити** (гомилия 13-я, л. 188) – οὕτω πικρᾶ τραγωδία ἀναγκαζόμενοι τότε ὑπηρετεῖν [PG 49: 138]; **доволнѣ вы** [ваше] **оумачи срѣце повѣсть** [трагѡдіа] **гланыхъ** [речен-] (гомилия 13-я, л. 190 об.) – Τάχα ἰκανῶς ὑμῶν κατεμάκαξε τὴν καρδίαν ἡ τραγωδία τῶν εἰρημένων [PG 49: 139].

¹ Акцентуация, которая тоже входит в сферу правки Евфимия, не передается, так как должна составлять отдельный предмет исследования.

поряжении сербского переводчика был несколько иной вид греческого текста, или сама позиция заголовка не требовала пословного перевода. Вариант Евфимия текстологически полностью совпадает с печатным греческим текстом. Особого комментария требует замена **къ людемъ** → **къ людѣ** πρὸς τὸν λαόν. Выбор собирательного сущ. ед.ч. в трудах Евфимия обусловлен не только греч. ед. ч. λαός, но и польским сущ. *lud* [Пентковская 2016].

Приведем другие примеры этой комплексной правки. Беседа 1-я, Син. 104: Ποιοῦμεν δὲ τοῦτο οὐ φιλοτιμίας ἔνεκεν, οὐδὲ τῆς ἐν τῷ λέγειν δυνάμεως παρασχεῖν ἐπίδειξιν σπουδάζοντες [PG 49: 17]: а) исходный вариант: **творимы же се не любочестїа ра^дни силы на гланїе показанїа подагати спѣшаще**; б) вариант с исправлениями Евфимия, которые вписаны над строкой: **творимъ же сїе, не любочестїа ра^дниже во еже глати мощь подати** [под словом подписано: παρασχεῖν] **показанїе спѣшаще** (л. 4)¹. Отметим, что Евфимий, помимо орфографических исправлений, вводит в текст новую пунктуацию (в данном случае ставит запятую).

Характерной для правки Евфимия является замена лексемы **сила** на **мощь**. В НЗЕ **мощь** систематически соответствует греч. δύναμις, а в аргументах – польскому *mos*, что предполагает не только типичное для буквалистических переводов с греческого расподобление синонимов, но и формально-семантическое влияние польского слова (возможно, через посредство украинско-белорусской книжности) [Пентковская, в печати]. Правится перевод субстантивированного инфинитива, в результате чего появляется конструкция с поэментным соотношением составляющих (см. выше).

Евфимий переводит целые фразы, прибегая одновременно к лексическим и грамматическим калькам: 3-я гомилия **рысь почиетъ с козлицѣ^м** заменяется на **пардалїсъ съвъпочїетъ козлицѣ** (л. 51 об.) – καὶ πάρδαλις συναναπαύσεται ἐρίφῳ [PG 49: 49]. На поле глоссы и грамматическое примечание: **рысь: женск.** Ср. Исая 11:6 Библия 1663 г.: **и рысь почиетъ ѿ козлицемъ** (л. 259 об.). Ср. **пардалъ** ‘леопард, барс, гепард’ – πάρδαλις в Великих Минеях Четых XVI в. (в переводе Дионисия Ареопажита), а также **пардусъ (пардосъ)** ‘то же’ и **пардусица** ‘самка барса, леопарда’ [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 14: 152]. М. Фасмер приводит еще вариант *пардалей* ‘рысь, барс’ с пометой церк. [Фасмер 1996, III: 205]. Сопоставление всех вариантов заимствования показывает, что максимальная ориентация на греческую орфографию и грамматическое оформление слова характерна для Евфимия. Калькируется в этой фразе и управление глагола с приставкой **συν-** / **съ-**, и наличие самой приставки, причем эта модель управления имеет долгую историю в церковнославянском языке [Пентковская 2009: 12–24]. Та же черта характерна и для Бесед в переводе Силуана и не подвергается правке Иовом Шишатовцом [Пентковская 2015: 11].

К морфологической правке относится частотное исправление окончания в род. п. мн. ч. м. р., например в 13-й гомилии **ѿ врагъ[-овъ]** (л. 193) – παρ’ ἐχθρῶν [PG 49: 141]. Такая практика, направленная на устранение грамматической омонимии, восходит к переводам книжного круга Максима Грека и воспроизводится никоновскими справщиками [Успенский 2002: 450–451]. Употребление окончания **-овъ** у сущ. м. р. мн. ч. скл. на *ѣ характеризует и перевод Бесед Силуана [Пентковская 2015: 26–27].

¹ Совр. перевод: Не по честолюбию делаем мы это, и не из стремления похвалиться даром слова: azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/statues/1.

Евфимий регулярно заменяет прилагательное в сочетании с сущ. на сущ. в род. п. приименном, например в начальных фразах 6-й гомилии находим сразу несколько таких исправлений: [PG 49: 81] τὸ φάρμακον τῆς παραμυθίας – **быліе ѡвѣтное** → **балство ѡтвѣшенія**; ἰατρῶν παῖδες – **врачевьстїи сынове** → **врачевъ дѣти**; ἕλκος ψυχῆς – **гнои дѡшевныи** → **стрѡпъ дѡи** (л. 101 об.). Объяснение этой правки находится в трактате Евфимия об исправлении Миней и соответствует правилу грамматики М. Смотрицкого: **Бгъ Авраама. Бгъ, и Авраамъ, имена сѹть сѹществителнаа. грамматїка же ѹчитъ сице: два сѹществителна различныхъ вещей стекающаася, другое ихъ ѳ родително^М полагается. такъ Бгъ Авраама Ѡца твоего** [Никольский 1896: 95; Успенский 2002: 452–458].

Дат. приименной правится на род. приименной: **въ вѣки вѣкомъ** → **въ вѣки вѣкѡвъ** (5-я гомилия, л. 101 об.) – εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων [PG 49: 82]. Отметим при этом ударения югозападнорусского типа, проставленные Евфимием [Успенский 2002: 440, 451–452].

В области глагольных форм значимым для практики книжников 2-й половины XVII в. является систематическая замена аориста во 2 л. ед. ч. на перфект со связкой, в частности **видѣ ли** → **видѣлъ ли еси** (1-я гомилия, л. 8) – εἶδες [PG 49:20]. Такие исправления становятся регулярными в период афоно-тырновской книжной sprawy XIV в. и имеют целью устранение морфологической омонимии. Введение перфекта в парадигму аориста практиковал и Максим Грек; усвоил этот принцип и старец Силуан, который использовал его в Беседах [Успенский 2002: 225–247; Пентковская 2015: 11].

Регулярной для Евфимия является замена тв. п. беспредложного конструкции **чрезъ** + вин. п., например в 18-й гомилии и **радостїю тою** заменяется на **и чре³ радость тѡю**, причем на поле выписано греческое и латинское соответствие: καὶ διὰ τῆς χαρᾶς / et per hanc letitiam (л. 259 об.).

Идеологическое объяснение этой систематической правки содержится в сочинении Евфимия «О исправлении неких погрешений в преждепечатных книгах Миней»: **Греческое διὰ, сочиненное родителному падежу, славенски полагаемо имать быти ѳ винителны^М падежемъ, чре³ и сквозѣ, такъ чре³ тебе дѡ прѡвѣщася Бгъ члкомъ, гла Бгъ чре³ пророкы. Ѡвергүющїи же славенское реченїе чре³, Ѡвергүющїи греческое διὰ, Ѡвергүющїи же діа, и чре³, растлѣвають сѹщенное писанїе, такъ писаша сѹтїи апли и Ѡци, Ѡверженїемъ и Ѡатїемъ сѹ частицы чре³** [Никольский 1896: 112].

Примечательно, что сходные рассуждения о предлоге **чрезъ**, апеллирующие к греческому языку, находятся и у современника и оппонента Евфимия Симеона Полоцкого. Комментируя фразу «**Чрезъ егоже дхъ стїи исходитъ**» в полемическом рассуждении об исхождении Св. Духа от Отца и от Сына в составленных им «Беседах», Симеон Полоцкий замечает: **Ѡ тогѡ исходи^Т. [ибо, чрезъ и Ѡ, вродѣ вины дѡющїа, тожде знаменѡютъ, такъ чрезъ сѹна мїръ создася. оубо Ѡ сѹна мїръ создася] но дхъ стїи исходитъ чрезъ сѹна и Ѡ сѹна. Ѡвѣтъ. Ѡрицаю бѡлшее. И ко оутверженїю Ѡвѣщаю: чрезъ и Ѡ тожде знаменѡютъ ѳ вѣтѣвѣ. ко еже внѣтръ, Ѡрицаю, ко еже внѣ сонзволаю. Къ томѡ во Гречестемъ писанїи, предлогъ діа вземлется за сїнъ, сирѣчь за сѡ, и кѡпнѡ. Кѡпнѡ во со снѡмъ дхъ стїи исходитъ Ѡ оца** (ГИМ, Син. 289, л. 7 об.).

Следует иметь в виду, что экспансия данной конструкции вообще была характерна для церковнославянского языка XVII в., и частотность ее употребления в текстах обусловлена одновременной соотносимостью не только с греческой кон-

струкцией с предлогом διὰ, но и с латинской с *per*, а также с польской с *przez* [Пентковская 2016в]. Отметим ее употребление в уже упоминавшемся послании Папы Климента X, перевод которого не связан с деятельностью Евфимия и его книжного круга¹: **ради насытнго своего желанія чрез негоже жаелаетъ владѣти; чрез повелѣнне их, или чрез нихъ иже попечение дѣшах имѣют** и др. [Корнилаева, Кузнецова, Шамин 2015: 141, 143].

Таким образом, во многих пунктах грамматические исправления Евфимия согласуются с практикой никоновской книжной справы.

Особенностью проводимой Евфимием лексической правки является выравнивание словоупотребления во всех его переводах. Характерные для него лексемы переходят из текста в текст. Приведем несколько выборочных примеров. Гомолия 11-я **дрѣзи [любимичи] пришѣше, тогоѡ ра^д Ювови** (л. 159 об.) – οἱ τοῦ Ἰωβ φίλοι παραγενόμενοι [PG 49: 119]; гомолия 13-я **ѡгы дрѡгомъ [любимичи любимичемъ]** (л. 193) – καὶ φίλους τοῖς φίλοις [PG 49: 141].

Гомолия 2-я **ед[дв]а мож разврести [разѣати] ѡста[о] и ѡврести ѡстнѣ[а] и подвигнѣти аззыкъ и словеса [глы] [про]изнести [поле: пропѣстити]** (л. 29) – μόλις ἰσχύω διᾶραι στόμα, καὶ ἀνοῖξαι χεῖλη, καὶ κινῆσαι γλώτταν, καὶ ῥήματα προέσθαι [PG 49: 34].

Пара **оуста** и **оустнѣ** соответствует греческому στόμα и χεῖλη. Четкое распределение между ними складывается в эпоху афонской книжной справы. Евфимий, однако, не только воспроизводит это синонимическое распределение, но и калькирует грамматические характеристики греческих слов – в первом случае ср.р. ед.ч., во втором случае он отказывается от дв.ч. в пользу мн.ч., так как дв.ч. отсутствует в греческом как грамматическая категория. Грамматическая калька **оусто** регулярно употребляется в НЗЕ, например Мф. 4:4 **чрез оусто вѣе** (Син. греч. 473, л. 4) [Исаченко 2015: 182].

Характерной для Евфимия калькой с греческого является лексема **сорабъ** в соответствии с σύνδουλος (она употребляется и в НЗЕ), см., например, 3-я гомолия **ѡ сѡжденіа еже о клевети ти бысть** → ~~ѡ на сѡраби бывшагѡ сѡжденіа~~. На поле вариант с иным порядком слов: **ѡ сѡженіа на сѡраби бывшагѡ** (л. 61 об.) – ἀπὸ τῆς εἰς τὸν σύνδουλόν σου παρὰ σοῦ γεγενημένης κρίσεως [PG 49: 55]. Примечательно, что буквально следует за греческим порядком слов вариант, зачеркнутый Евфимием.

Лексическая правка Евфимия, так же как практика Максима Грека и Силуана, включает в себя активное введение грецизмов. Во многих случаях грецизмы появляются на месте архаичной лексики перевода XV в. или слов, имеющих в разговорном языке другое значение: Так, **книгы ѡ цѣсарѡ** правятся на **ѡ цѣрѡ грамматы** (л. 88) – παρὰ βασιλέως τὰ γράμματα [PG 49: 73], **чистителе** на **іерее** (6-я гомолия, л. 102 и далее) – ἱερεῖς [PG 49: 81]; **кѡща** на **скинїа** (17-я гомолия, л. 242) – τὰς σκηνὰς [PG 49: 172]; **владь** на **впокритство** (поле: hypocrisis; 17-я гомолия, л. 246) – ὑπόκρισις [PG 49: 175]; **сынъ неповѣди** на **пнргъ неповорный**

¹ Впрочем, отсутствие прямой связи не означает отсутствия сообщения между толмачами Посольского приказа и справщиками богослужебных книг московского Печатного двора. Известно, например, что Борис Богомольцев, занимавший должность переводчика с греческого языка Посольского приказа в 20–70 гг. XVII в. (он проработал там более 50 лет), из-за преклонного возраста отказался от службы в приказе и попросил перевести его в Чудов монастырь, бывший центром книжной справы [Степанова 2015: 225]. Произошло это в 1673 г., как раз тогда, когда по благословению Московского Собора справщики под руководством Епифания Славинецкого приступили к новому переводу Библии. Среди них, как известно, был и Евфимий Чудовский.

(15-я гомилия, л. 217) – πύργος ἀκαταγώνιστος [PG 49: 156]. Этот грецизм отмечается в НЗЕ, в частности, в Мф. 21:23 и **созда пургъ**, в остальных редакциях **столпъ**. Его употребляет и Епифаний Славинецкий в своих переводах с латыни в соответствии с *turris* [Николенкова 2015: 226–228].

Осмыслением внутренней формы греческого слова вызвано появление окказионального грецизма ***тетрада: видѣхомъ средѣ** [гlossa сверху: **тетрадѣ**], на поле гlossa: **четвертый днь** (13-я гомилия, л. 185 об.) – εἶδομεν τετράδα [PG 49: 135]. В таком случае гlossa не вытесняет основной вариант. Можно отметить также колебания при выборе грецизма или его славянского эквивалента в случае обозначения проповедей (греч. ὁμιλία): до 12-й проповеди Евфимий выбирает название **веседа**, начиная с 12-й – **омилія**.

Если же грецизм является давним заимствованием и с древнейших времен входит в лексический фонд церковнославянского языка, Евфимий вторично грецизирует его форму: **мраморы** [**мармарами**] (2-я гомилия, л. 38 об.) – μαρμάρους [PG 49: 41]. Сюда же относятся типологически и формы **Рѡмъ**, **рѡмскій**, которые распространяются в книжности XVI–XVII вв. и широко употребляются Евфимием под влиянием греческой и латинской форм этого слова (Ῥώμη, Ῥωμαῖος) [Соболевский 1903: 439; Фасмер 1996, III: 483–484].

В правке Евфимия появляются восточнославянские регионализмы: 2-я гомилия и **сковрадники ѿ[ѡ]бращетъ лежащ[ы]**. На поле гlossa **пирогы** (л. 43 об.) – κὰν πλακοῦντας εὔρη κεϊμένους [PG 49: 44]. Примечательно, что лексема **пирогы** имеется и в переводе Бесед Силуана, при этом она не гlossируется Иовом Шишатовцем [Загребин 2006: 287].

В некоторых случаях Евфимий предлагает несколько вариантов замены слова, которые для него не являются равнозначными: 2-я гомилия **кѣпѣ** [**хижѣ**] **поткнѣвъ**. На поле выписано греческое соответствие καλύβην и зачеркнут вариант **сѣнь** (л. 38 об.) – καλύβην πηξάμενος [PG 49: 41].

Зачастую на полях Евфимий выписывает греческие, а в некоторых случаях и латинские соответствия, а иногда и целые фразы текста. Дважды встречаются польские гlossы, принадлежащие руке Евфимия (при отсутствии польского перевода Андриант¹): 2-я гомилия **молчаніе всюдѣ грозы** [**дриженіа**] **полно сѣще и пѣстота и сланыи** [сверху: **и желан-**] **онѣ мнѡ[о]жества ѿгасе плищѣ**. Поле: ὁ ποθεινός, rożondany (л. 31 об.)², ср. совр. польск. *rożqdany* – Σιγὴ πανταχοῦ φρικῆς γέμουσα καὶ ἐρημία, καὶ ὁ ποθεινός ἐκεῖνος τοῦ πλήθους ἔσβεσθαι θόρυβος [PG 49: 36].

19-я гомилия: **егда дѣша хлѣпящаго [припросителя] всако[а]го[ѡ] горчѣе** [**ѡкаанше**] **ѿ[ѡ]дѣ[а]на вѣдетъ** (л. 269) – ὅταν ἡ ψυχὴ προσαίτου παντὸς ἀθλιώτερον ἐσταλμένη ἦ [PG 49: 190]. На поле гlossa *zebraka*. Ср. совр. польск. *zebrak* ‘нищий’. Подобного рода гlossы могли быть заимствованы из киевских изданий, которыми пользовались справщики НЗЕ [Пентковская 2016a]. Кроме того, появление этих гloss может отражать использование мультязычных лексиконов, включающих в себя польский материал. Известно, что Евфимий пользовался в своей работе мультязычным словарем А. Калепино, базельское издание 1590 г. которого включало в себя 11 языков, в том числе польский, а также греко-латино-славянским лексиконом Епифания Славинецкого, при создании которого ис-

¹ За консультацию по данному вопросу благодарю Я. Страдомского.

² Совр. перевод: Везде страшное безмолвие и пустота; исчез приятный шум многолюдства: azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/statues/2#sel=14:264,14:272;15:480,15:488.

пользовались латино-польско-греческий словарь польского лексикографа Григория Кнапского и «Лексикон словеноросский и имен толкование» Памвы Беринды [Бовсуновская 2009: 6–8; Брайловский 1890: 236–250; Евфимий 2008: 411].

Ссылки на польский имеются и в других сочинениях, в работе над которыми принимал участие Евфимий Чудовский, в частности в НЗЕ, а также в так называемом «Алфавитаре ради учения малых детей», созданном во второй половине 80-х гг. XVII в.: *такъ и во иныхъ дїалектахъ гречестѣмъ гавленнѣмъ, латїнстѣмъ, и полстѣмъ пишеться* [Подтергера 2015: 237–238].

Итак, евфимиевская версия Андриант представляет собой пример межславянского позднего перевода с редактурой по греческому оригиналу, при которой исходный текст подвергается существенным исправлениям на всех уровнях языка. Многочисленные системные исправления Евфимия направлены на сближение с греческим текстом и проводятся в рамках церковнославянского узуса второй половины XVII в., сложившегося в книжной школе Чудова монастыря. Правке подвергаются элементы предшествующего перевода Андриант, противоречащие актуальным представлениям о языке московских книжников: лексические архаизмы и конструкции, не соответствующие в формальном отношении греческому оригиналу. По многим параметрам исправления Евфимия соответствуют переводческой практике Максима Грека и его ученика Силуана (наличие книжных грецизмов, род. п. примененного в сочетании с сущ., окончание *-овъ* во мн. ч. скл. на **ѣ*, конструкции с субстантивированным инфинитивом и некоторые другие синтаксические кальки). Такая ситуация не является случайной: переводы Максима Грека, в том числе и Беседы на Евангелие от Матфея, были источниками, которые Евфимий и книжники его круга использовали при своей работе [Исаченко 2015: 156].

Из вышеизложенного следует, что многие черты, присущие языку Евфимия, не являются индивидуальными, а следуют определенному направлению, которое вырабатывалось в течение нескольких веков у южных славян (афоно-тырновская книжно-литургическая реформа), а позднее в Юго-Западной и Московской Руси. Очевидно, что сходный тип языка мог быть актуальным и на Афоне, где проходила книжная деятельность Иова Шишатовца. Именно поэтому сербский книжник мог не подвергать свой русский протограф существенной грамматической переработке.

Таким образом, отсутствие сколько-нибудь значимых результатов грамматических исправлений в рукописи Иова Шишатовца объясняется не только трудностями, с которыми сталкивался сербский книжник при передаче русского церковнославянского текста. Как уже отмечалось выше, тип языка в переводе Бесед старца Силуана и Максима Грека весьма близок по грамматическим параметрам строго нормированному церковнославянскому языку ученой элиты XVII в., ориентированному в конечном итоге на грамматические структуры греческого языка. Этот язык близок к языку богослужебных книг поздних редакций, кодифицирующих многие синтаксические кальки, выработанные еще в период афоно-тырновской sprawy XIV в. Такие тексты не требовали существенных изменений при переходе с одного извода на другой, при их копировании могла правиться только орфография. Таковы, например, изменения в языке Псалтыри, переписанной Гавриилом из черногорского монастыря св. Троицы в 1643 г. с русского оригинала, содержащей немало характерных для позднего церковнославянского синтаксических грецизмов [Псалтир Гавриила 1992: 99–137].

Однако в сложившийся эталон книжного языка не входили региональные лексические элементы, которые, следовательно, подлежали замене при вхождении церковнославянских текстов в инославянскую среду. На этот счет в поздней традиции имелись своего рода инструкции. Тот же хиландарский иеромонах Дамаскин, настоянием которого Иов Шишатовец переписал Беседы Иоанна Златоуста с «русской» рукописи, в 1633 г. переписал Шестоднев Иоанна Златоуста с русского оригинала (№ 188 по каталогу Д. Богдановича). В сопроводительной записи Дамаскин предлагает два варианта адаптации текстов на русском церковнославянском языке к сербской языковой среде, выбор между которыми зависит от компетенции пишущего, – редаKTура лексики либо копирование: **ХОТѢИ ПРѢПИСАТИ ДА СЕ ВЪНИМАЕТЕ АЩЕ МОЖЕТЪ ИСПРАВЛЯТИ РОУСКІЕ РЕЧИ НА СВОИ ЕЗЫКЪ ДОБРО И БЛАГО, АЩЕ ЛИ НЕ МОЖЕТЪ А ОН ДА ПИШЕТЪ ТАКОЖЕ ОБРѢЩЕТЪ ВЪ ИЗВОДЕ** (л. 3) [Богдановић 1978: 105; Трифуновић 2009: 124–156].

Иов Шишатовец избрал редаKTуру. При этом основным способом работы сербского книжника с лексикой явилось глоссирование. Обращаясь к данной теме, В.М. Загребин задавался вопросом, почему Иов Шишатовец «не заменил прямо в тексте иностранное слово своим, абсолютно адекватно передающим значение чужого? Вопрос, который требует отдельного обсуждения» [Загребин 2006: 285]. Здесь следует обратить внимание на то, что глоссирование лексики является общим способом для двух рассматриваемых редаKTур. Изучение других работ Евфимия и книжников его времени показывает, что глоссы не являются исключительно признаком черновика. Их наличие связано с демонстрацией синонимических возможностей церковнославянского языка, а также с выстраиванием лексических рядов различных идиомов, образующих культурно-лингвистическую ситуацию в данном социуме. Поэтому зачастую маргинальная глосса сопровождает исправление, сделанное в тексте, то есть является его синонимом.

В XVII в. составление «произвольников», т. е. лексических вариантов перевода, один из которых выносится на поля рукописи, было «неотъемлемой частью работы переводчиков и исправителей церковных текстов». Задачей было, во-первых, прояснить значение слова с помощью синонима, а во-вторых, сопоставить лексику живого и книжного языка, выстроив своего рода оппозиции. Такие глоссы характерны, в частности, для перевода Псалтыри А. Фирсова 1683 г. [Целунова 2006: 115]. По крайней мере, часть глосс в Беседах, отредаKTированных Иовом Шишатовцем, может быть интерпретирована в этом ключе. В Беседах Иова Шишатовца представлен еще один тип задачи – сопоставить русские и сербские лексические регионализмы, подобрать сербский эквивалент к русской лексеме. Эта задача, безусловно, совмещается с задачей выявления значения слова, однако следует вспомнить, что не все русские регионализмы подвергнуты глоссированию.

Подобная практика глоссирования на Балканах была свойственна, например, хорватским протестантам XVI в., которые в своих публикациях приводили рядом несколько синонимов, отмечали специальным знаком непонятные слова, а на полях давали их объяснение, причем лексема-толкование могла быть взята из другого диалекта [Капетанович 2012: 226].

Отсутствие грамматической справки и прямых лексических замен в основном тексте сербского варианта Бесед имеет и еще одно наиболее общее объяснение – это престиж, которым обладал в XVII в. русский вариант церковнославянского языка, породивший на рубеже XVII–XVIII вв. феномен, известный как русскославянский язык (далее сменившийся славеносербским языком) [Младеновић 2005:

517–527]. Распространение среди сербов печатных церковных книг на церковнославянском языке русского типа началось как раз в XVII в. [Толстой 1998: 178].

Несомненно, труд Иова Шишатовца стоит в связи с другими южнославянскими опытами исправления книг на базе русского и украинского церковнославянского языка данной эпохи. Так, в Риме Р. Левакович (1597?–1649) исправил по восточнославянскому образцу язык хорватских церковных книг, а его последователи занимались этим вплоть до конца XVIII в. (так называемая «русификация», «рутенизация», «восточнославянизация») [Капетанович 2012: 226–227]. Сходные процессы разворачивались и на сербской почве.

Сопоставление двух опытов исправления церковнославянских переводов – сербского и русского – приводит к следующему выводу. Парадоксальным образом несходства в подходе к редактированию двух близких по жанру и характеру функционирования текстов объясняются во многом общим представлением о стандарте книжного языка конфессионально-учительных текстов, в частности, и церковнославянского языка как литературного в целом, которое существовало и на Афоне, и в Московской Руси, т. е. у книжников, принадлежащих к системе *Slavia Orthodoxa*.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1999 – *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 272 с.

Ангелов 1981 – *Ангелов Б.* Книжовна дейност на Йов Шишатовец // Текстологија средновековних јужнословенских књижевности. Београд, 1981. С. 320–328.

Афанасьева 2004 – *Афанасьева Т.И.* Славянская литургия Преждеосвященных Даров XII–XIV вв. Текстология и язык. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 216 с.

Бобрик 1990 – *Бобрик М.А.* Представления о правильности текста и языка в истории книжной справы в России // Вопросы языкознания. 1990. № 4. С. 61–85.

Бовсуновская 2009 – *Бовсуновская А.И.* Формы субстантивного словообразования в славяно-латинских лексиконах Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского XVII века: Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.

Богдановић 1978 – *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд: Српска Академија наука и уметности, 1978. 321 с.

Брайловский 1890 – *Брайловский С.* Филологические труды Епифания (Славинецкого) / Русский филологический вестник. 1890. Т. 24. № 2. С. 236–250.

Буланин 1977 – *Буланин Д.М.* Комментарии Максима Грека к словам Григория Богослова // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXII. Л., 1977. С. 275–289.

Вернер 2013 – *Вернер И.В.* Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. // XIV Международный съезд славистов. Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. М., 2013. С. 104–127.

Гардзанити 2013 – *Гардзанити М.* Послания Павла между традицией текста и экзегетической переработкой в литературе *Slavia Orthodoxa* // Славянский Апостол. История текста и язык / Сост. М. Бобрик. Verlag Otto Sagner. München; Berlin; Washington, D.C. 2013. P. 115–124.

Горский, Невоструев 1857 – *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II. Ч. 1: Толкование Священного Писания. М., 1857. 209 с.

Горский, Невоструев 1859 – *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки: Отд. 2. Писания святых отцов. Ч. 2. Пи-

сания догматические и духовно-нравственные / Горский А.В., Невоструев К.И. М.: Книга по Требованию, 2011. 723 с.

Евангелие от Матфея 2005 – Евангелие от Матфея в славянской традиции / Изд. подготовили А.А. Алексеев, И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева и др. СПб.: Российское Библейское общество, 2005. 182 с.

Евангелие от Иоанна 1998 – Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подготовили А.А. Алексеев, А.А. Пичхадзе, М.Б. Бабицкая и др. СПб.: Российское Библейское общество, 1998. 176 с.

Евфимий 2008 – Евфимий Чудовский // Православная энциклопедия. Т. XVII. М.: Православная энциклопедия, 2008. С. 408–411.

Загребин 2006 – *Загребин В.М.* Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности / Сост. и ред. Ж.Л. Левшина: Сб. стат. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 304 с.

Исаченко 2015 – *Исаченко Т.А.* Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в. М.: Азбуковник, 2015. 384 с.

Калугин 1998 – *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. 418 с.

Капетанович 2012 – *Капетанович А.* Многовековые направления в языковой интеграции хорватского общества // *Slovène. International Journal of Slavic Studies.* 2012. № 1. С. 222–243.

Корнилаева, Кузнецова, Шамин 2015 – *Корнилаева И.А., Кузнецова А.В., Шамин С.М.* Неизвестный перевод грамоты Папы Климента X в РГАДА // Труды института русского языка имени В.В. Виноградова. V. Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2014–2015. М.: Ин-т русского языка, 2015. С. 127–148.

Кравец 1991 – *Кравец Е.В.* Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI в. // *Russian linguistics.* 15 (1991). P 247–279.

Младеновић 2005 – *Младеновић А.* Београдски митрополит Мојсије Петровић (1713–1730) и почетак стварања српског књижевног језика новијег времена // *Археографски прилози* 26–27. 2004–2005. Београд, 2005. С. 517–527.

Молдован 2000 – *Молдован А.М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000. 760 с.

Молдован 2013 – *Молдован А.М.* О составе сборника 13 Слов Григория Богослова // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012–2013).* М.: Древлехранилище, 2013. С. 5–15.

Мушинская 2003 – *Мушинская М.С.* Адрианты Иоанна Златоуста в южнославянских и русских памятниках // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2002–2003).* М.: Древлехранилище, 2003. С. 27–74.

Николенкова 2013 – *Николенкова Н.В.* Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Влаеу) // *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г.: Доклады российской делегации.* М.: Индрик, 2013. С. 590–609.

Николенкова 2015 – *Николенкова Н.В.* Грецизмы в церковнославянском переводе латинского текста XVII века как этап становления переводческой школы Епифания Славинецкого // *Перевод как средство взаимодействия культур. II Международная научная конференция, Краков, Польша, 17–21 декабря 2015 г.: Материалы конференции.* М.: МАКС Пресс, 2015. С. 221–230.

Николенкова 2016 – *Николенкова Н.В.* Орфографические особенности двух рукописей XVII в.: об авторстве черновика и беловика // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2016, № 1. С. 8–19.

Никольский 1896 – *Никольский К.Т.* Материалы для истории исправления богослужебных книг. Об исправлении устава церковного в 1682 г. и месячных миней в 1689–1691 гг. // Памятники духовной письменности. Т. 115. СПб., 1896 (= Памятники древней письменности. Т. СХI).

Норовская Псалтырь 1989 – *Чешко Е.В., Бунина И.К., Дыбо В.А., Князевская О.А., Намуенко Л.А.* Норовская Псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV в. Ч. 1. София: Изд-во БАН, 1989.

Пентковская 2009 – *Пентковская Т.В.* К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М.: МАКС Пресс, 2009. 296 с.

Пентковская 2015 – *Пентковская Т.В.* Евангелие от Матфея в составе перевода Бесед старца Силуана: к вопросу об источниках комментируемого текста // Вестник Моск. ун-та. Серия 9, Филология. 2015. № 2. С. 7–41.

Пентковская 2016 – *Пентковская Т.В.* Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (в печати).

Пентковская 2016а – *Пентковская Т.В.* Адаптирующие глоссы в поздних церковнославянских переводах с греческого // Вестник Моск. ун-та. Серия 9, Филология. 2016. № 1 (в печати).

Пентковская 2016б – *Пентковская Т.В.* Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея в сербской рукописи РНБ, F.I.763: перевод или редакция? // X Загребинские чтения (в печати).

Пентковская 2016в – *Пентковская Т.В.* Перевод аргументов к книге Иова 1671 г. на фоне московских библейских переводов с польского конца XVII столетия // Вестник Моск. ун-та. Серия 9, Филология. 2016. № 2. С. 10–39.

Подтергера 2015 – *Подтергера И.А.* Грамматическая часть в «Алфавитаре ради учения малых детей»: структура, содержание, источники // Труды института русского языка имени В.В. Виноградова. V. Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2014–2015. М.: Ин-т русского языка, 2015. С. 233–288.

Псалтир Гавриила 1992 – *Ђирилске рукописне књиге Библиотеке Матице српске.* Књ. III. Псалтир Гавриила Тројичанина из 1643. године. Нови Сад, 1992.

СДРЯ XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка. Т. I–X. М.: Азбуковник, 1988–2013.

СлРЯз XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2015.

СлРЯз XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. Л.; СПб.: Наука, 1984–2011.

Соболевский 1903 – *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. М., 1903. 460 с.

Срз. – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Репринтное издание. Т. I–III. М., 1989.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–46. Л.; СПб., 1966–2013.

Степанова 2015 – *Степанова Е.С.* «У руки государя». Переводчики с греческого языка в Посольском приказе 1620–1670 гг. Борис Богомольцев // Россия и христианский Восток. Выпуск IV–V. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2015. С. 220–227.

Толстой 1998 – *Толстой Н.И.* Изб. тр. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Языки русской культуры, 1998. 544 с.

Турилов 2001 – *Турилов А.А.* Андрианты // Православная энциклопедия. Т. II. М.: Православная энциклопедия, 2001. С. 410.

Турилов 2006 – *Турилов А.А.* Переводы сочинений Григория Богослова на славянский язык до XIX в., рукописная и старопечатная традиция / Григорий Богослов // Православная энциклопедия. Т. XII. М.: Православная энциклопедия, 2006. С. 668–712.

Турилов 2011 – *Турилов А.А.* Иов Шишатовец // Православная энциклопедия. Т. XXV. М.: Православная энциклопедия, 2011. С. 320–321.

Трифуновић 2009 – *Трифуновић Ђорђе.* Вавилонска кула и схватање језика у старој српској књижевности // Трифуновић Ђ. Стара Српска књижевност. Београд: Чигоја, 2009. С. 124–156.

Успенский 2002 – *Успенский Б.А.* История русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

Фасмер 1996 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–3. 3-е изд. СПб., 1996.

Ховрина 2015 – *Ховрина Т.К.* Четырехязычный тезаурус Герасима Влаха в переводе справщиков Московского Печатного двора // Россия и христианский Восток. Вып. IV–V. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2015. С. 362–375.

Цейтлин и др. 1994 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10 000 слова / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.

Целунова 2006 – *Целунова Е.А.* Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова: Текст, словоуказатель, исследование. М.: Языки русской культуры, 2006. 624 с.

PG 36 – *Patrologiae cursus completus. Seriaes Graeca.* Т. XXXVI. S. Gregorii Theologi... opera. Ed. J.-P. Migne. Parisii, 1858.

PG 49, 57 и 58 – *Patrologiae cursus completus. Seriaes Graeca.* Т. XLIX, LVII–LVIII. S. Joannes Chrysostomes. Ed. J.-P. Migne. Parisii, 1862.

REFERENCES

Alekseev 1999 – *Alekseev A.A.* (1999) Textual Criticism of Slavonic Bible. St.-Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ. 272 p.

Angelov 1981 – *Angelov B.* Writing activity of Job Šišatovac. In: Textual Criticism of Medieval South Slavic literature. Beograd. 1981, pp. 320–328.

Afanasyeva 2004 – *Afanasyeva T.I.* (2004) Slavic Liturgy of Presanctified Gifts from the 12th to the 13th centuries. Textual Criticism and Language. St. Petersburg University Press. 2004. 216 p.

Bobrik 1990 – *Bobrik M.A.* Ideas about Textual and Linguistic Correctness of Text in the History of Book Translation in Russia. *Questions of Linguistics.* 1990. No 4, pp. 61–85.

Bovsunovskaya 2009 – *Bovsunovskaya A.I.* (2009) Forms of Substantive Word-formation in the Slavic-Latin Lexicons of E. Slavinetsky and A. Koretsky-Satanovsky in the 17th century: Thesis. Kazan.

Bogdanović 1978 – *Bogdanović D.* (1978) Catalog of Cyrillic Manuscripts from Chilandar Monastery / Serbian Academy of Sciences and Arts Belgrade. 321 p.

Brailovsky 1890 – *Brailovsky S.* Philological Works of Epiphany (Slavinetsky). *Bulletin of Russian Philology.* 1890. Vol. 24. No 2, pp. 236–250.

Bulanin 1977 – Bulanin D.M. Commentaries of Maxim the Greek to the Homilies of Gregory Theologian. *Proceedings of the Department of Old Russian literature*. Vol. XXXII. Leningrad. 1977, pp. 275–289.

Verner 2013 – Verner I.V. Grammatical Revision of Maximus the Greek in Psalter of 1552. In: XIV International Congress of Slavists. Writing, Literature, Folklore of the Slavic Peoples. The History of Slavic Studies. Moscow. 2013, pp. 104–127.

Gardzaniti 2013 – Gardzaniti M. St. Paul's Epistles between Tradition and Exegetical Text Processing in the Literature of Slavia Orthodoxa. In: *Slavic Apostle. Language and Textual History / Comp. M. Bobryk*. Verlag Otto Sagner. München; Berlin; Washington, D.C. 2013, pp. 115–124.

Gorsky, Nevostruev 1857 – Gorsky A.V., Nevostruev K.I. (1857) Catalogue of the Slavic Manuscripts of Moscow Synodal Library. Unit II. Part 1: Commentary on the Holy Scripture. Moscow. 209 p.

Gorsky, Nevostruev 1859 – Gorsky A.V., Nevostruev K.I. (1859) Catalogue of the Slavic Manuscripts of Moscow Synodal Library. Unit II. Part 2: Dogmatic, Spiritual and Moral Scriptures. Moscow, 1859. 723 p.

The Gospel of Matthew 2005 – The Gospel of Matthew in the Slavic Tradition / Ed. by A.A. Alekseev, I.V. Azarov, E.L. Alekseeva et al. St.-Petersburg. The Russian Bible Society Publ. 2005. 182 p.

The Gospel of John 1998 – The Gospel of John in the Slavic tradition / Ed. by A.A. Alekseev, A.A. Pichkhadze et al. St.-Petersburg. The Russian Bible Society Publ. 1998. 176 p.

Euthymios 2008 – Euthymios Chudovsky. In: *Orthodox Encyclopedia*. T. VIII. M. The Orthodox Encyclopedia Publ. 2008, pp. 408–411.

Zagrebin 2006 – Zagrebin V.M. (2006) Study of Old Russian and South Slavic literary monuments / Comp. and ed. by J.L. Levshina. Moscow; St.-Petersburg. Alliance Arkheo Publ. 304 p.

Isachenko 2015 – Isachenko T.A. (2015) Faith and Resistance in Responses and Denunciations of the seventies – eighties of the 17th century. Moscow. Azbukovnik Publ. 384 p.

Kalugin 1998 – Kalugin V.V. (1998) Andrei Kurbsky and Ivan the Terrible (Theoretical Views and Literary Technique of the Old Russian Writer). Moscow. 418 p.

Kapetanović 2012 – Kapetanović A. The Centuries-old Trends in Linguistic Integration of Croatian society. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2012. No 1, pp. 222–243.

Kornilaeva, Kuznetsov, Shamin 2015 – Kornilaeva I.A., Kuznetsov A.V., Shamin S.M. The Unknown Translation of the Letter of Pope Clement X in Russian State Archive of Ancient Acts. In: *Studies of V.V. Vinogradov Russian Language Institute*. V. Linguistic Source Studies and History of Russian Language 2014–2015 / Institute of Russian Language. Moscow. 2015, pp. 127–148.

Kravets 1991 – Kravets E.V. Books Revision and Maximus the Greek's Translations as the Experience of the Normalization of Church Slavonic Language in the 16th century. *Russian linguistics*. 15 (1991), pp. 247–279.

Mladenović 2005 – Mladenović A. Belgrade Metropolitan Moses Petrović (1713–1730) and the Beginning of the Creation of Modern Serbian Literary Language. In: *Archeographic Contributions 26–27*. 2004–2005. Beograd, 2005, pp. 517–527.

Moldovan 2000 – Moldovan A.M. (2000) «The Life of St. Andrew the Fool» in Slavonic Literature. Moscow. Azbukovnik Publ. 760 p.

Moldovan 2013 – Moldovan A.M. About Contents of Miscellanea of 13 Words of Gregory The Theologian. *Linguistic Source Studies and History of Russian Language (2012–2013)*. Moscow. Drevlehranilische Publ. 2013, pp. 5–15.

Mushinskaya 2003 – Mushinskaya M.S. “On the statues” of John Chrysostom in South Slavic and Russian Compositions. *Linguistic Source Studies and History of Russian Language* (2002–2003). Moscow. Drevlekhranilishche Publ. 2003, pp. 27–74.

Nikolenkova 2013 – Nikolenkova N.V. Strategy for the Formation of the Church Slavonic Language as the Language of Science in the 17th century (on the basis of Atlas Blaeu translation). In: *Slavic Linguistics. XV International Congress of Slavists*. Minsk, 2013. Reports of the Russian delegation. Moscow. Indrik Publ. 2013, pp. 590–609.

Nikolenkova 2015 – Nikolenkova N.V. Greek Borrowings in Church Slavonic Translation of the Latin Text of the 17th century as a Stage of Formation of the Translation School of Epiphanius Slavinsky. In: *Translation as a Means of Interaction between Cultures. II International Scientific Conference, Krakow, Poland, 17–21 December, 2015*. Proceedings of the Conference. Moscow. MAKS Press. 2015, pp. 221–230.

Nikolenkova 2016 – Nikolenkova N.V. Spelling Features in Two Manuscripts of the 17th century: about the Authorship of Draft and the Fair Copy. *Philology (Research Papers of High School)*. 2016. No 1, pp. 8–19.

Nikolsky 1896 – Nikolsky K.T. Materials for the History of the Revision of the Liturgical Books. About the Revision of Typikon in 1682, and Monthly Menaeon in 1689–1691. *Monuments of Spiritual Literature*. Vol. 115. St.-Petersburg. 1896 (= *Monuments of Medieval Literature V. CXI*).

Norovskaya Psalter 1989 – Cheshko E.V., Bunina I.K., Dybo V.A., Knâzevskaya O.A., Nauhenko L.A. *Norovskaya Psalter. The Middle Bulgarian Manuscript of the 14th century. Part 1 / Bulgarian Academy of Sciences*. Sofia. 1989.

Pentkovskaya 2009 – Pentkovskaya T.V. (2009) Towards the History of the Revision of the Liturgical Books in Old Russia in the 14th century: New Testament of Chudov monastery's version. Moscow. MAKS Press. 296 p.

Pentkovskaya 2015 – Pentkovskaya T.V. The Gospel of Matthew as Part of the monk Silvanus Translation of St. John Chrysostom's Homilies on the Gospel: the Sources of the Commented Text. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 2015. No 2, pp. 7–41.

Pentkovskaya 2016 – Pentkovskaya T.V. The New Testament in Translation of Epiphanius Slavinsky milieu and the Polish New Testament Translations of the 16th century: Translation of Summa to the Acts and Epistles of the Apostles. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2016. No 1 (in print).

Pentkovskaya 2016a – Pentkovskaya T.V. Vernacular marginalia in the Later Church Slavonic Translations from Greek. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 2016, No 1 (in print).

Pentkovskaya 2016b – Pentkovskaya T.V. St. John Chrysostom Homilies on the Gospel of Matthew in the Serbian Manuscripts of Russian National Library F.I.763: Translation or Revision? In: *X Readings in memory of V. M. Zagrebin* (in print).

Pentkovskaya 2016c – Pentkovskaya T.V. The Translation of Summa to the Book of Job of 1671 amidst of Moscow Biblical Translations from Polish at the End of the 17th century. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 2016, No 2, pp. 10–39.

Podtergera 2015 – Podtergera I.A. The Chapters on Grammar in the “Alfavitar Radi Učeniya Malych Detej”: Structure, Content, Sources. In: *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute. V. Linguistic Sources Studies and History of Russian Language 2014–2015 / Institute of Russian Language*. Moscow. 2015, pp. 233–288.

Psalter of Gavriil 1992 – *Cyrillic Manuscripts in the Matica Srpska Library*. Vol. III. Psalter of Gavriil Trojicanin of 1643. Novi Sad. 1992.

DORL 11–14 – *Dictionary of Old Russian Language from the 11th to the 14th centuries*. Vol. I–X. Moscow. Azbukovnik Press. 1988–2013.

- DORL 11–17 – Dictionary of Russian Language from the 11th to the 17th centuries. Issue 1–30. Moscow. Nauka Publ. 1975–2015.
- DRL 18 – Dictionary of Russian Language of the 18th century. Is. 1–19. St.-Petersburg g. Nauka Publ. 1984–2011.
- Sobolevsky 1903 – Sobolevsky A.I. (1903) Translated Literature of Muscovy from the 14th to the 17th centuries. Bibliographic materials. Moscow. 460 p.
- Sreznevsky 1989 – Sreznevsky I.I. (1989) Materials for the Dictionary of the Old Russian Language. Vol. I–III. Moscow. (Reprint)
- Stepanova 2015 – Stepanova E.S. “At the Hands of Sovereign”. Interpreters from Greek in the Ambassadorial Order in 1620–1670. Boris Bogomoltsev. In: Russia and the Christian East. Issue IV–V. Moscow. Languages of the Slavic Culture Publ. 2015, pp. 220–227.
- Tolstoy 1998 – Tolstoy N.I. (1998) Selected works. Vol. II. Slavic Literary and Linguistic Situation. Moscow. Languages of Russian Culture Publ. 544 p.
- Turilov 2001 – Turilov A.A. On the Statues. In: Orthodox Encyclopedia. Vol. II. Moscow. The Orthodox Encyclopedia Publ. 2001. p. 410.
- Turilov 2006 – Turilov A.A. Translations of Works of Gregory the Theologian to the Slavic Language before the 19th century: Manuscripts and Printed Tradition / Gregory the Theologian. In: Orthodox Encyclopedia. Vol. XII. Moscow. The Orthodox Encyclopedia Publ. 2006, pp. 668–712.
- Turilov 2011 – Turilov A.A. Job Šišatovac. In: Orthodox Encyclopedia. Vol. XXV. Moscow. The Orthodox Encyclopedia Publ. 2011, pp. 320–321.
- Trifunović 2009 – Trifunović Đ. Tower of Babel and the Understanding of Language of Old Serbian Literature. In: Trifunović Đ. Old Serbian Literature. Belgrade. Ćigoja Publ. 2009, pp. 124–156.
- Uspensky 2002 – Uspensky B.A. (2002) History of the Russian Literary Language from the 11th to the 17th centuries. Moscow. Aspekt Press. 558 p.
- Fasmer 1996 – Fasmer M. Etymological Dictionary of Russian Language. Vol. 1–3. 3rd ed. St.-Petersburg, 1996.
- Khovrina 2015 – Khovrina T.K. Four-lingual Thesaurus of Gerasimos Vlach in Translation of the Editors of Moscow Print Yard. In: Russia and the Christian Middle East. Issue IV–V. Moscow. Languages of Slavic Culture Publ. 2015, pp. 362–375.
- Tseitlin et al. 1994 – Old Church Slavonic Dictionary (on the basis of the manuscripts from the 10th to the 11th centuries) / Ed. by R.M. Tseitlin, R. Večerka, E. Blagova. Moscow. Russian language Publ. 1994.
- Tselunova 2006 – Tselunova E.A. (2006) Book of Psalms of 1683 translated by Abramius Firsov: Text, Word index, Research. Moscow. Languages of Russian Culture Publ. 624 p.
- PG 36 – Patrologiae cursus completus. Seriaes Graeca. T. XXXVI. S. Gregorii Theologi... opera / Ed. J.-P. Migne. Parisii. 1858.
- PG 49, 57, 58 – Patrologiae cursus completus. Seriaes Graeca. T. XLIX, LVII–LVIII. S. Joannes Chrysostomes / Ed. J.P. Migne. Parisii. 1862.

Сведения об авторе:
Татьяна Викторовна Пентковская,
докт. филол. наук
профессор
кафедра русского языка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana V. Pentkovskaya,
Doctor of Philology
Professor
Department of Russian Language
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
pentkovskaia@gmail.com

А.А. Коростелева

Тема правды и лжи в «Балладе о солдате» (материалы к киноуроку)

Аннотация: В работе показано, как средствами коммуникативного уровня русского языка формируется мотив правды и лжи в кинофильме «Баллада о солдате» (1959). Обосновывается необходимость применения метода семантического коммуникативного анализа русистами, в частности, в преподавании русского языка как иностранного. Автор демонстрирует, как важные коммуникативные смыслы, характеризующие персонажей и ситуацию и образующие коммуникативную композицию фильма, утрачиваются при переводе. Предлагается анализ коммуникативной семантики звучащих диалогов фильма, который может быть использован при преподавании данного аспекта как в иностранной, так и в русскоязычной студенческой аудитории.

Ключевые слова: коммуникативная семантика, эстетическая нагрузка коммуникативных средств, звучащий кинодиалог, стратегии коммуникативного поведения, русский язык как иностранный

Abstract: The article demonstrates how the motif of truth and lies in the film “The Ballad of a Soldier” (1959) is formed with the communicative level means. It proves the necessity to use the semantic communicative analysis method by the Russian language specialists, in particular, during the teaching of Russian as a foreign language. The author shows how important communicative values that describe characters, situations and form the communicative design of the movie, are lost in translation. The communicative semantics analysis of spoken movie dialogue is suggested. It may be used in teaching this aspect Russian native speaking and foreign students.

Keywords: communicative semantics, aesthetic function of communicative means, spoken film dialogue, strategies of communicative behaviour, Russian as a foreign language

Предложенный М.Г. Безяевой метод семантического коммуникативного анализа [Безяева 2002, 2005, 2006, 2008*a, б*, 2010*a, б*, 2012, 2013*a, б*, 2014, 2015*a, б*] открывает широчайшие возможности по исследованию устройства русской коммуникативной системы и функционирования ее в различных условиях, на различном материале. Результаты, полученные названным методом, имеют множество практических приложений, в частности, в сфере преподавания русского языка как иностранного. Метод семантического коммуникативного анализа предполагает выделение в рамках системы языка двух уровней (двух отдельных систем, принципиально различно организованных, со своими законами функционирования) – номинативного и коммуникативного. Семантика единиц номинативного уровня свя-

зана с передачей информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего. Семантика коммуникативного уровня языка связана с соотношением позиции говорящего, позиции слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации. Система коммуникативных средств до относительно недавнего времени оставалась практически неизученной, исследования русистов были сосредоточены на материале номинативного уровня. Последние достижения в области коммуникативной семантики позволяют поднять на принципиально новый уровень в том числе и преподавание РКИ.

Коммуникативный уровень русского языка включает в себя чрезвычайно разнообразные единицы – от *собственно коммуникативных* (наклонения, частицы, междометия, интонация, другие средства звучания, порядок слов) до *средств, способных выполнять наряду с коммуникативной и номинативную функцию* (словоформы полнозначных лексических единиц, части речи, грамматические категории). Организуемыми понятиями для коммуникативного уровня являются понятия *целю-установки, вариативного ряда конструкций, ее обслуживающих, и инвариантных параметров средств*, входящих в эти конструкции. Коммуникативная конструкция объединяет в себе конкретные реализации инвариантных параметров единиц, подчиняющиеся особому алгоритму развертывания семантических параметров. Почти все инварианты русских коммуникативных единиц способны к антонимическому развертыванию. Помимо этого, сами параметры и их реализации могут относиться к позиции говорящего, к позиции слушающего или к ситуации, быть распределены между ними и т. д. Возможно также варьирование по отнесенности к различным временным планам и по аспекту реальности-ирреальности¹.

В работе используется описание системы русской интонации, принадлежащее Е.А. Брызгуновой, и разработанная ею усложненная интонационная транскрипция [Брызгунова 1980, 1982]².

Звучащий кинодиалог представляет собой привлекательный материал для преподавания русской коммуникативной семантики иностранным учащимся – так они знакомятся с русской коммуникативной системой в ее естественном функционировании. Обратной же стороной медали является то, что постичь в полном объеме замысел создателей фильма, как правило, можно, только будучи знакомым с устройством русской коммуникативной системы, которой носители языка пользуются интуитивно.

Рассмотрим эту проблему на примере классики русского кинематографа – «Баллады о солдате» (1959). Одна из важнейших тем «Баллады о солдате», заставляющая нас обратиться к особенностям функционирования средств коммуникативного уровня, – это тема правды и лжи.

В показанных в фильме диалогах на фронте звучит только правда, собеседники верят друг другу и сами не пытаются обмануть – там все на виду, там царит дух фронтового братства, там слишком дорого пришлось бы платить за ложь тому, кто вздумает солгать. Так, в начале фильма, в ситуации представления к награде, когда нет причин не похвастаться двумя подбитыми танками, Алеша Скворцов

¹ При анализе материала мы опираемся на труды М.Г. Безяевой (см. список литературы), а также на курсы «Инвариантные параметры коммуникативных средств русского языка» и «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста», читавшиеся ею на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 2006–2015 гг.

² Также Е.А. Брызгуновой принадлежат первые образцы анализа интонационных средств в русском художественном тексте [Брызгунова 1984].

объявляет: «Я⁶, товарищ генерал... / честно скажу: струсил. // Уж очень они близко подошли / ну и... / испугался я». Даже когда у генерала возникает сомнение: «Постой. // А может, это не ты их подбил, а кто-то другой?» – простодушный ответ Скворцова: «Я-а», – полностью успокаивает присутствующих и снимает всякие подозрения. Таким образом, фронт – это территория правды.

Только когда Алеша, отпросившись в отпуск домой, добирается до железной дороги и начинается его путешествие на попутных поездах, в фильме возникает сквозная тема правды и лжи. Фронтовик-инвалид собирается дать лживую телеграмму жене (якобы он не хочет возвращаться домой), и до глубины души возмущена этой ложью работница почты; лжет часовой, охраняющий товарный состав; лжет Шура – о том, что у нее есть жених-летчик... С разной ложью приходится сталкиваться солдату по пути домой, и самая примечательная ее разновидность – ложь во благо; ее много вокруг Алеши, и не случайно она расцветает повсеместно именно во времена войны¹.

Проследим один сюжет из множества переплетенных в фильме сюжетных линий, а именно историю передачи с фронта – двух кусков мыла. Незнакомый боец, земляк, случайно встретившийся Алеше на переправе, просит передать весточку жене. Мыло, которое всей ротой тут же великодушно отдают в качестве подарка для жены, путешествует в Алешином вещмешке и наконец попадает в нужные руки.

Прежде всего рассмотрим фронт как место, где царит правда и складываются исключительные человеческие взаимоотношения, проявляющиеся именно в повседневных мелочах.

На переправе. Проходившая мимо рота бойцов помогает шофёру и Алёше вытолкнуть застрявшую машину. Они благодарят их и прощаются.

Боец: Стой! // Парень! // Куда? // Погоди! // Стой! // Ты, что ль, в отпуск едешь?

Алёша: Ну, я.

Боец: До Георгиевска?

Алёша: Да!

Боец (улыбается, хлопает Алёшу по плечу): Так я ж с Узловой! // Земляки мы с тобой, друг! // Зайди по этому адресу.

Алёша: Время – в обрез. // Не могу.

Боец: Да у тебя ж на Узловой пересадка. // Улица Чехова, / недалеко от станции. // Зайди, браток.

Алёша: Ну, зайду. // А что передать-то?

¹ Связь военной тематики и мотива лжи во благо традиционна для нашего кинематографа. См., например, к/ф «Аты-баты, шли солдаты...» (1977), «Марат, Лика, Леонидик» (1961) (последний фильм снят по пьесе А. Арбузова «Мой бедный Марат», где идея лжи во благо приобретает сюжетобразующие масштабы).

Боец: Передай, что видел меня. // Лизе, / жене, / скажи, мол, жив твой Серёжка-то,
/ живой, / сам, мол, видел!

Второй боец: Ты его Лизавете / скажи, что он об ей, будто по[жэ]т какой, / день и
ночь мечтает.

Третий боец: Что из того? // Серёг! // Ты бы ей хоть подарок подарил какой-
нибудь!

Второй боец: А [ч'о] ему подарить? // У него ж всё казённое!

Старшина: Кончай разговоры!

Третий боец: О , / старшина ! // Дай кусок мы ла. // Серге ю. // Пу сть жене
отправит, / а ?

Старшина: Ему осьмушка положена, о[ды]н раз помыться.

Второй боец: А ты дай кусок.

Старшина: Да у меня всего два куска на всю команду.

Второй боец: Ну, ты и дай один.

Старшина: Не положено.

Бойцы: Товарищ старшина! // Да не жмись ты, старшина! // Ну дай ему один
кусок, / ну чего ж тебе жалко, / ну? // Жене!

Старшина (махнув рукой): Открывай.

Четвёртый боец: Обрадуется...

Второй боец: Мыло теперь деликатес.

Пятый боец: Дефицит, / темнота!

Второй боец: Ну, дефицит – / всё одно ж бабе приятно! (Смеются. Голос: «[Эт]
точно!...»)

Старшина: На.

Боец из Грузии: А ну... // давай второй кусок!

Четвёртый боец: Правильно кацо говорит, / старшина!

Старшина: Да что такое... (Общий шум. Голос: «Давай, старшина!...»)

Пятый боец: Товарищ старшина!

Старшина: Та шо мени, больше всех нужно? // Бери! // Закрывай!

Боец (кричит вслед): Улица Чехова, / семь!

Алёша (кричит):² Найду-у-у!

Обратим внимание на то, как именно выражена радость незнакомого бойца, когда тот узнает, что Алёша будет проездом в его родном городе: «Так я ж с Узловой!»² Единица *так* говорит о бенефактивных следствиях, которые обнаруживаются на фоне несоответствия выявленной ситуации представлениям говорящего о норме («оказывается, мы так близко живем, могли бы быть знакомы, но не знакомы – это непорядок»), *же* частично дублирует значение *так*, вводя смысл «должное не имеет места» («земляки, могли и раньше знать друг о друге, но почему-то прежде не встречались»). Знаменательным образом формулируется просьба бойца к Алеше; по выбору структуры она сближается с бытовым рас-¹решением в ситуации близкого знакомства: «Зайди по этому адресу». Здесь использован императив в значении воздействия говорящего на слушающего, интонационный центр сдвинут с глагола на конец синтагмы (отчего возникает смысл «то, что ты зайдешь, само собой разумеется, важно сказать, куда»), при этом ИК-1 маркирует вводимую информацию как лежащую в пределах нормы, а ИК-2 выделяет желательный вариант развития событий, противопоставляя его всем прочим (что более характерно для требования, чем для вежливой просьбы). Для сравнения представим себе, что была бы выбрана структура с ИК-3 на глаголе³ (*Зайди по этому адресу; Не зайдешь по этому адресу?*), с финальным *а* (*Зайди по этому адресу, / а?*). ИК-3 в таком случае сообщала бы о желании говорящего сориентировать слушающего на свою позицию, на свои нужды (при одновременной вежливой ориентированности самого говорящего на позицию собе-³седника), значение *а* развертывалось бы как «очень хочу ввести тебя в эту новую по сравнению с нормой ситуацию при безусловном учете твоей позиции», в то³ время как форма будущего времени глагола (*не зайдешь?*) подчеркивала бы необязательность совершения действия. Во всех рассмотренных случаях перед нами была бы типичная русская вежливая просьба – *но это совершенно не то, что диктуется условиями фронтового братства*. Выбранная в фильме структура могла появиться только на фоне всеобщего стремления ко взаимопомощи, которое подразумевается и не обсуждается; она даже в большей степени, чем обращение *друг*, передает атмосферу фронтовой дружбы и доверия «по умолчанию». Не удивительно, что при попытке Алёши сослаться на нехватку времени (в обосновании отказа использована безглагольная структура *Время – в обрез*, что указывает на импульс ситуации, «ситуация не предоставляет возможности»), в обосновании и уговаривании возникают *да* в значении «твоя позиция неадекватна ситуации», *жс* в значении «должное не имеет места: ты сам должен был прикинуть, что у тебя есть возможность зайти по адресу» и вновь ИК-2 на императиве, указывающая на один-единственный приемлемый вариант поведения² (*Да у тебя ж на Узловой пересадка. //...Зайди, браток*).²

Начальное *ну* в обещании Алёши (*Ну, зайду*)² говорит о решении соответствовать ожиданиям слушающего («вижу, что ты очень ждешь моего согласия, поэтому обещаю зайти»). Модальная реализация ИК-² со всплеском тона в пред-

центре выражает идею сходства на фоне расхождения, в данном случае – обещание выполнить просьбу (в соответствии с желанием слушающего) при наличии известного препятствия (малое время, отпущенное на поездку домой), на фоне первоначальной попытки отказаться. Наконец, здесь акцентирована обязательность исполнения действия (будущее время глагола). Таким образом, Алеша дает обещание *неохотное, но твердое*. Обмануть, подвести он уже не вправе. Тот же параметр обязательности выполнения действия, но уже с ИК-2 (‘будет реализован именно этот вариант’) дублируется в финальной фразе сцены: «Найду-у-у!»

Сравним это обещание с конструкциями *Может, / зайду, Постараюсь (зайти)* и др., которые могли бы снизить степень решительности обещания. Начальное *может* указывало бы на учет факторов, препятствующих исполнению каузируемого действия, и т. д. Затем Алеша торопливо интересуется деталями поручения

(*А что передать-то?*), где *a* обозначает вход и ввод слушающего в новую ситуацию, *-то* указывает на несоответствие реализованной ситуации представлению говорящего о норме (просят зайти по адресу, а что передать – не известно). Заметим, что у русского *то* есть еще один очень значимый в данном случае параметр – *затронутость сферы личных интересов* (говорящего, слушающего, третьего лица). Используя эту единицу, Алеша дает понять, что уже рассматривает взятое на себя поручение как свое личное дело, нечто входящее в сферу его личных интересов.

Нетрудно увидеть, как при просмотре этого фрагмента с английскими субтитрами¹ бесследно теряются десятки русских коммуникативных смыслов (в правом столбце выделены средства с параметрами, аналоги которых в переводе не обнаруживаются):

Hey, friend! Wait a minute! Are you going on leave? <i>(Эй, друг! Подожди минуту! Ты едешь в отпуск?)</i> Yes. <i>(Да)</i>. To Georgievsk? <i>(В Георгиевск?)</i> Yes. <i>(Да)</i>. I'm from Uzlovaya. We're neighbours! Stop by at this address. <i>(Я с Узловой. Мы соседи! Зайди по этому адресу)</i>. I won't have enough time. I can't. <i>(У меня будет недостаточно времени. Я не могу)</i>. You have to change trains at Uzlovaya anyway. Chekhov street. Not far from the station. Stop by, friend! <i>(Тебе все равно надо делать пересадку на Узловой. Недалеко от станции. Зайди, друг!)</i>	² Так я ж с Узловой! ² Да у тебя ж на Узловой пересадка.

¹ Мы воспользовались в данном случае не единственными, но наиболее широкодоступными английскими субтитрами к фильму – «Ballad of a Soldier», киноконцерт «Мосфильм».

Okay. What should I say?
(О'кей. Что я должен сказать?)

Ну, зайду // А что передать-то?!!

Практически все смыслы и оттенки смыслов из приведенного выше разбора в субтитрах отсутствуют, передана лишь номинативная составляющая реплик.

Посмотрим далее, как бойцы из роты Павлова собирают для него передачу, уговаривая старшину расстаться с ротным имуществом, какие смыслы оказываются прописаны здесь на коммуникативном уровне:

– конечное ³ *а* (² *Пусть жене отправит, / а?*) – призыв войти в ситуацию, пусть и новую по сравнению с нормой (*а*), и сориентироваться на требования момента и на позицию всех бойцов роты (ИК-3);

– начальное ² *а* (*А ты дай кусок*) – повторный ввод в уже не новую ситуацию, в которую старшина упорно не хочет входить;

– ИК-2 с удлинением гласного (на слове *кусок*) – ‘следует реализовать именно названный вариант’ (ИК-2) в сочетании с попыткой давления, запечатления общей воли (удлинение гласного); то же в интонационном оформлении упрощения ² *Товарищ старшина!*;

– ² *ну, и (Ну, ты и дай один)* – соответствие ожидаемому (*ну*) плюс соответствие предполагаемому, действие по аналогии (*и*): ‘сам говоришь, что у тебя два куска, отдать один из них будет логичным и естественным’;

– начальное ² *да* (*Да не жмись ты, старшина!*) – неадекватность позиции слушающего в ситуации; *ты* в постпозиции – ‘слушающий является препятствием для осуществления желаемого’;

– тройное ² *ну* (*Ну дай ему один кусок, / ну чего ж тебе жалко, / ну?*) – указание на всеобщее ожидание, призыв соответствовать этому ожиданию; *что (чего)* – ‘отклонение от известной говорящему сложившейся нормы ситуации – не должно быть солдату жалко куска мыла для товарища’; *же (ж)* – ‘должное не имеет места: собеседник должен был бы вести себя иначе, не скупиться’;

– ИК-2³ (² *Ну?* // ² *Жене!*) – ‘сориентируйся (ИК-3) на норму ожидания (*ну*) и обстоятельства – не каждый день у бойца появляется возможность передать гостинец жене, – и реализуй тот единственный вариант поведения (ИК-2), которого все ждут (*ну*)’;

– ⁶ *а ну, ИК-2* (² *А ну... // давай второй кусок!*) – ‘войди в новую ситуацию (*а*) – слушающий думал ограничиться одним куском, – и реализуй тот единственный вариант (ИК-2), который будет соответствовать нашей норме ожидания (*ну*)’.

Интересно, что на первый взгляд номинативное ⁶ *давай* в высказывании ² *А ну... // давай второй кусок!* обладает мощной коммуникативной составляющей и прекрасно интерпретируется через коммуникативные параметры – указание на известную говорящему бенефактивную норму развития данной ситуации при демонстративном неучете позиции слушающего (‘хочешь – не хочешь, а давай’). В действительности коммуникативная составляющая в значении единицы здесь

превалирует, что будет не очевидным для иностранного учащегося без комментария преподавателя.

Решившись пожертвовать мыло, старшина использует модальную реализацию ИК-2 с сильным всплеском тона в предцентральной части, передающую сходство на фоне расхождения (*Открывай*) ('хотя я упорствовал поначалу, но вы меня уговорили' или 'не согласен я с вами, но спорить – себе дороже'). Значение выполняемого синхронно с этим жестом *махнуть рукой* – 'говорящий отвлекается от препятствия («не положено») во имя действия'.

В конечном счете старшина, на протяжении всего спора использовавший начальное *да* (*Да у меня всего два куска на всю команду; Да что такое...*) для указания на неадекватность позиции и поведения слушающих, использует все то же *да* (точнее, *та*, но украинизм в данном случае не отменяет реализованности в высказывании русских коммуникативных параметров) в диаметрально противоположном значении: «Та шо мени, больше всех нужно? // *Бери!*» ('неадекватен будет тот, кто думает, что мне больше всех нужно, и неадекватен был я сам, пытаюсь в этой ситуации отстоять ротное имущество и приберечь его на будущее'). Такое «зеркальное» использование одной и той же единицы, переключаясь между двумя ее полярных реализаций встретится в фильме еще не единожды. Здесь же возникает несовершенный вид императива (*Бери!*); благодаря коммуникативному параметру несовершенного вида действие возводится в ранг должного, необходимого, нужного (ср. *Возьми!*). Остаточная досада в речи хозяйственного старшины маркируется интонационно: отдавая мыло, он использует ИК-7 (расхождение позиций говорящего и слушающих, здесь – загнанное внутрь сожаление).

Имеющиеся в нашем распоряжении английские субтитры к фильму вновь приходится признать коммуникативно неадекватными:

Sergeant, give Sergei a cake of soap! It's for his wife! (<i>Сержант, дай Сергею кусок мыла! Это для его жены!</i>) His ration is only for one washing. (<i>Его доля – только на одну помывку</i>). Give him a whole cake. (<i>Дай ему весь кусок</i>). I have only two cakes for the entire platoon. (<i>У меня только два куска на весь взвод</i>). Well¹, give him one. (<i>Что ж, дай ему один</i>). That's against regulations. (<i>Это против правил</i>). Come on, Comrade Sergeant! Don't be stingy! It's for his wife. (<i>Давай, товарищ сержант! Не скупись! Это для его жены</i>). Open it. (<i>Открывай / Открой</i>).	А ты дай кусок.² Ну, ты и дай один.² Товарищ старшина! // Да не жмись ты, старшина! // Ну дай ему один кусок, / ну чего ж тебе²

¹ Используемое здесь английское *well* трудно считать функциональным аналогом начального *ну* в оригинале, оно скорее сближается с русским *что ж*. Приемлемым аналогом здесь могло бы быть *so*.

	жалко, / ну? ² // Жене! ²
(...) Let him have the second one, too! (<i>Пусть берет второй тоже!</i>)	А ну... ⁶ // давай ² второй кусок!
He's right, Sergeant! (<i>Он прав, сержант!</i>)	
Come on, Sergeant. (<i>Давай, сержант.</i>)	Та шо ² мени, больше ³ всех нужно?
Comrade Sergeant... (<i>Товарищ сержант...</i>)	// Бери! ² // Закрывай! ⁷
Here. Take it! (<i>Вот. Бери! / Возьми!</i>)	

Очевидно, что при просмотре фильма с опорой на приведенные субтитры зритель теряет большое количество информации из области соотношения позиций говорящего, слушающего и ситуации в диалоге, т. е. из области взаимоотношений персонажей, нюансов показанных ситуаций, человеческих характеристик героев.

ЗАДАНИЕ 1¹. Поясните значение начального *a* и *ж* (*же*) в приведенной ниже реплике бойца на переправе, с которой начался спор, приведший к решению отправить в подарок мыло. Определите целеустановки.

– А [ч'о]^x ему подарить?² // У него ж¹ всё казённое!

Ключ: Перед нами возражение и обоснование. Инвариантное значение *a* (наличие либо отсутствие входа в новую ситуацию) разворачивается в данном случае как 'я не могу войти в обрисованную тобой новую ситуацию: не вижу возможности для Сергея выделить что-нибудь для подарка' (смычка голосовых связок дополнительно маркирует здесь расхождение позиций). Инвариантный параметр *же* реализуется здесь как 'должное не имеет места: слушающий и сам должен учитывать, что солдату нечего послать из армии, но почему-то не учел этого'.

ЗАДАНИЕ 2. Как разворачивается инвариантное значение ИК-6, повторяющейся в диалоге, когда бойцы обсуждают, каким хорошим подарком для жены станет мыло?

– Обрадуется...⁶

– Мыло теперь деликатес.⁶

Ключ: Инвариантный параметр ИК-6 (указание на названную либо не названную информацию, известную / неизвестную одному из собеседников и неизвестную / известную другому) реализуется в данном случае следующим образом: 'говорящий отсылает собеседников к за кадровой информации, неназываемой, однако известной каждому' (можно предположить, что в обоих случаях это зрительный образ обрадованной женщины и ее реакция при получении посылки, легко достраиваемые слушающими в уме).

¹ Предлагаем несколько примеров заданий, которые могут быть использованы при занятиях коммуникативной семантикой как в русской, так и в иностранной аудитории.

Обратимся теперь к проблеме искренности и неискренности, правдивости и фальши и, наконец, феномену лжи во благо, порождаемой войной. Необходимость передать весточку с фронта приводит Алешу и Шуру к дому номер семь по улице Чехова в Узловой.

Шура: Этот Павлов – твой товарищ?

Алёша: Да нет, / я его совсем не знаю. // Случайно встретились. // Он с товарищами на фронт шёл. // (Смотрят на указатель). Улица Чехова.

Шура: Как близко!

(Подбегают к руинам дома, оставшимся после бомбёжки).

Алёша: Бабушка! // Бабушка! // Скажите, / где седьмой номер?

Старушка: А вот он. // А вы к кому?

Алёша: Нам Павловых.

Старушка (улыбается): Живы. // Живы, / живы. // Вы к Лизавете Петровне или к старику?

Алёша: Нам к Елизавете Петровне.

Старушка: ↑ Ах, / ↑ Лизавета Петровна! (Всплескивает руками) // Лизавета Петровна / сейчас живёт на Семёновской, / а старик – / в институте, / там разбомблённых поместили.

Алёша: Куда ближе?

Старушка: На Семёновскую. // А вот Митя вас проводит // Митя! // Митя!

Мальчик: Бабушка! // Бабушка! // Гляди, чего я нашёл!

Старушка: Хорошо? // Митенька, / проводи товарищей к Лизавете Петровне. // (Мальчик заводит найденный будильник). Ну, Митенька! // Товарищ с фронта.

Шура: Он же на поезд опаздывает! // Пойдем. // Ну пошли!

Мальчик (махнув рукой): Пошли!

Теперь герой фильма уже не на фронте, а в тылу, но и здесь на каждое сказанное слово влияют исключительные обстоятельства войны. Вот посторонний человек – случайно встретившаяся пожилая женщина – помогает Алеше с Шурой найти родню Павлова. В ее речи проскальзывает первый тревожный сигнал, первая нотка фальши, намек для нас, зрителей, на то, что исполняемое Алешей поручение окажется не столь простым. Пропустить эту недомолвку, не заметить ее при слабом владении русской коммуникативной системой очень легко, в то время как русские безошибочно улавливают нужный коммуникативный смысл. Рассмотрим этот разговор детальнее.

Говоря машинально и обыденно: «А вот он» (*a* – ‘ввожу вас в новую для вас, но не новую для меня ситуацию’, *вот* – ‘реализован вариант, соответствующий вашим интересам: эти руины – и есть бывший дом номер семь’; модальная реализация ИК-2^ с сильными колебаниями тона в постцентре – ‘следствием из вводимой информации является то, что дальше искать вам не надо, вы уже пришли’), – старушка еще как будто не уяснила себе, что такой ответ должен ошеломить прохожих. Сообразив это, она спохватывается. Трижды повторив, что Павловы живы (первый раз с ИК-4 – ‘говорящий соотносит запрос с имеющимися у него сведениями’, а затем с интонационным оформлением 6/2 (ИК-6 указывает на закадровое знание говорящего о предмете речи, ИК-2 сообщает, что реализован именно этот вариант), она, помимо собственно ответной реплики, вводит, таким образом, успокаивание. Как мы увидим далее, английские субтитры никакого повтора в этом месте не содержат.

Когда выясняется, что молодые люди разыскивают именно Елизавету Петровну, реакцией на это становится переспрос: «Ах, / Лизавета Петровна!»³ Повышение фонетического регистра маркирует информацию как нерядовую, указывает на некоторое фоновое отклонение от нормы. *Ах* говорит о непосредственности восприятия говорящим новой информации, существенной для успешной деятельности говорящего и, возможно, слушающего (не позволяющей добиться желаемого результата), т. е. собеседница Алеши предпочла бы, чтобы «товарищ с фронта» не разыскивал жену Павлова и не встречался с ней. Модальная реализация ИК-3' с резким подъемом тона передает смысл ‘говорящий не может сориентироваться в создавшейся ситуации’ и в то же время – деланную чрезмерную ориентированность говорящего на позицию слушающего; жест *всплеснуть руками* говорит об отсутствии у говорящего средств контроля над ситуацией. Таким образом формируется оттенок растерянности. Алеша и Шура в спешке игнорируют этот сигнал о явном отклонении ситуации от нормы, но мимо внимания зрителя он пройти не может. Еще одним указанием на текущее положение дел является выбор в пользу единицы *сейчас*⁶ в высказывании *Лизавета Петровна /¹ сейчас живёт на Семёновской*. Если бы Елизавета Петровна переселилась на Семеновскую после бомбежки, когда был разрушен дом на Чехова, логичен был бы выбор в пользу единицы *теперь*, которая актуализировала бы параметр следствия из прошлых событий, рассмотрения текущего положения дел на фоне прошлого. Использование *сейчас* показывает, что причинно-следственной зависимости между разрушением прежнего дома при бомбежке и переселением на Семеновскую нет.

Обратим внимание на то, что в английских субтитрах реплика «↑ Ах, / Лизавета Петровна!»³ (ключевая для данной сцены с точки зрения развития мотива правды и лжи) целиком опущена как несущественная. Это одновременно абсурдно и ожидаемо (поскольку приверженность номинативному содержанию в ущерб коммуникативным смыслам характеризует тексты определенных жанров, субтитры в том числе). *Теперь* и *сейчас* совпадают в английском *now*, что исключает опору на семантический контраст двух единиц при интерпретации высказывания.

Grandma, where's building 7? <i>(Бабушка, где дом номер 7?)</i> Right here. Who are you looking for? <i>(Прямо здесь. Кого вы ищете?)</i> The Pavlovs. <i>(Павловых).</i> They're alive! Are you looking for Lizaveta Petrovna or the old man? <i>(Они живы! Вам нужна Лизавета Петровна или старик?)</i> Lizaveta Petrovna. <i>(Лизавета Петровна).</i> She now lives on Semyonovskaya street. <i>(Она сейчас / теперь живет на улице Семеновской).</i>	² ^^ ² А вот он // А вы к кому? ⁴ ⁶ ² Живы // Живы, / живы. ³ ↑ Ах, / ↑ Лизавета Петровна!

С этого места в фильме начинается тема «благородной лжи», лжи во благо, контрастирующей с обыкновенной ложью. Именно по этому принципу противопоставлены друг другу две анализируемые ниже сцены. Речь Елизаветы Петровны пропитана ложью, хотя она нигде напрямую не лжет (если говорить о номинативном содержании). Ложь пронизывает все ее высказывания именно на коммуникативном уровне.

Мальчишка на лестнице пускает мыльные пузыри.

²
Мальчишка: Не трогай мои пузыри!

² ³ ³
Алёша: Мальчик! // Павловы здесь живут, / а?

²
Митя: Елизавета Петровна!

² ² \ ²
Мальчишка: Вон квартира! // Стучать надо, / звонок не работает.

¹
Алёша: Нам Елизавету Петровну.

⁴ ² ⁶
Женщина: Пожалуйста. // Это я. // А-а... вы, вероятно...?

² ¹
Алёша: Я с фронта, / вам посылку привёз.

⁶ ³
Елизавета Петровна: А это, вероятно... / от Павлова?

²
Алёша: Да.

² ² ³ ¹
Елизавета Петровна: Заходите, пожалуйста. // Извините, / одну минуточку. //
³ ¹
Я сейчас.

Алёша и Шура переглядываются. Алёша машет рукой.

Елизавета Петровна (шёпотом, в другой комнате): Там приехали с фронта, / от Павлова привезли посылку. // Что делать?

Мужской голос (шёпотом): Скажи то, что есть.

Елизавета Петровна (шёпотом): Я не могу этого сделать.

² ²
Мужской голос: В чём дело? // По крайней мере, он будет знать правду!

Елизавета Петровна (шёпотом): Я умоляю тебя!

Мужской голос (шёпотом): Ну хорошо.

Елизавета Петровна: Вы извините меня, пожалуйста. // Это так неожиданно. //
Так вы... / с фронта?

Алёша: С фронта. // (Громко) Я от вашего мужа. // Он просил передать вам вот
это.

Елизавета Петровна: Что это?

Алёша: Мыло.

Елизавета Петровна: Ах, / мыло. // Спасибо. // Может быть, чайку?

Алёша: Нет, / мы пойдём.

Елизавета Петровна: Ну, почему же?

Алёша: Времени нет.

Елизавета Петровна: Скажите: // как он там?

Алёша: Павлов-то? // Ничего, / здоров, / беспокоился о вас.

Елизавета Петровна (мелко кивает): Спасибо. // Не говорите ему о том, что
видели. // А впрочем... / лучше правда. // Не смотрите на меня так. // Вы ещё очень
молоды.

(Уйдя было, Алёша возвращается в квартиру и молча забирает мыло).

В речи Елизаветы Петровны чрезвычайно много этикетных оборотов (фактически ее речь целиком из них состоит: *Пожалуйста; Заходите, пожалуйста. // Извините, / одну минутку. / Я сейчас; Вы извините меня, пожалуйста. // Это так неожиданно; Спасибо. // Может быть, чайку?; Ну почему же?* и т. д.), и это составляет особенно резкий контраст с речью ее мужа, Сергея (обращение на *ты*, полное отсутствие этикетных оборотов, именованья *друг, браток*, ничем не смягченные императивы, «невежливые» показатели отклонения поведения / позиции собеседника от нормы типа *что ль, да, же, так*, характерные для регистра близкого знакомства, и др.). Регулярно возникающая в высказываниях Елизаветы Петровны ИК-4 (*Пожалуйста; Спасибо. // Может быть, чайку?*) создает эффект официального дистанцирования. Елизавета Петровна подчеркнуто дистанцируется от гостей, принесших привет с фронта, в то время как Павлов максимально сокращал дистанцию между собой и собеседником, сразу начиная общение в дружеском регистре. ИК-3 используется Елизаветой Петровной в значении ложной, этикетной ориентированности на позицию слушающих (*одну минутку*) либо как вежливый призыв сориентироваться на ее собственные затруднения (*Это так неожиданно*). Не случайно неискренность сближается в контексте фильма с этикетной вежливостью, а искренность – с идеей включенности

собеседника в личную сферу говорящего (друг, брат, земляк) при формальной «невежливости»; это отражает особенность устройства русской коммуникативной системы. Интересно также, что слово *правда* произносят в фильме именно те, кто живет не по правде. Единица *правда* предстает здесь в номинативном использовании (*А впрочем... / лучше правда*), что не мешает актуализации присутствующих в ее семантике коммуникативных параметров: говорящий указывает на вариант, который соответствует действительности и в силу этого должен быть принят во внимание, при учете небенефактивности его для третьего лица (Павлова) и при наличии иного варианта развития ситуации (не знать правды), который оценивается как небенефактивный в соответствии с представлениями социума. На самом деле учет небенефактивности данного варианта развития ситуации для третьего лица, как и приверженность представлениям социума о бенефактивном-небенефактивном в данном случае ложные, наигранные.

Итак, коммуникативные средства в речи Елизаветы Петровны, обращенной к гостям, транслируют выхолощенные этикетные смыслы: *пожалуйста* – ‘я позитивно оцениваю такое положение дел, при котором вы... (зайдете / расскажете о Павлове)’, *ну* – ‘вы нарушаете мои ожидания, отказываясь от чая’, *же* – ‘хотелось бы, чтобы должное имело место: говорящий якобы хочет услышать причину, по которой гости спешат уйти’; за большинством этих смыслов кроется очевидная фальшь.

Когда же она обращается к мужчине в соседней комнате, коммуникативные средства в ее речи выражают дистанцирование от мужа, воюющего на фронте (*там* – дистанцирование и непричастность говорящего к предмету речи, коммуникативное множественное число глаголов – *приехали, привезли* – подчеркнутое дистанцирование от вестника с фронта), и панику: *что* с параметром незнания говорящим сложившейся нормы ситуации, инфинитив несовершенного вида – необходимость ориентироваться на норму социума (*Что делать?*).

Сцена посещения жены Павлова и сцена посещения института объединены одной фразой. При вручении мыла сначала жена Павлова, а затем и девочка в институте, принимающая подарок от имени всех размещенных в казенном здании, пострадавших при бомбежках людей, восклицают: «Ах, мыло!» Идентичные при такой записи реплики принципиально различаются звучанием. Реакция Елизаветы Петровны реализована в звучании как «Ах, / мыло» (*ах* – спонтанное восприятие новой информации, несущественной для успешной деятельности говорящего, ИК-2 с удлинением гласного – ‘реализованный вариант якобы производит на говорящего большое впечатление, то есть вовсе не производит’) – безразличие с оттенком насмешки. Действительно, она не знает нужды, ее трудно удивить мылом; о ее благополучии говорит визуальный ряд в фильме и, в частности, мальчик, пускающий мыльные пузыри на лестнице.

В отличие от нее, девочка, получив в руки подарок с фронта, произносит *ах* на вдохе, а само слово *мыло* – с ИК-6, склонной к 3: «Ах... / мыло!» Здесь *ах* говорит о спонтанном восприятии новой информации, существенной для успешной деятельности самого говорящего и третьих лиц (*мыло* – большая ценность), значение ИК-6³ раскрывается как указание на закадровое знание говорящего и всего минисоциума о том, сколько пользы они смогут извлечь теперь из обладания мылом, и на изначальное отсутствие у говорящего представления о том, что

ему в руки попадет такое сокровище (знание и незнание – две реализации семантического параметра ИК-6), а кроме того – это призыв ко всем сориентироваться на имеющееся положение дел (ИК-3). С точки зрения целеустановки это выражение восторга.

Различие этих двух реализаций реплики символично: атмосфера, в которую попадают Алеша и Шура в институте, – это атмосфера огромной заинтересованности в любых мелочах, во всех подробностях, которые Алеша может сообщить, и она противопоставлена атмосфере безразличия и неловкости из предшествующего эпизода во многом за счет используемых здесь коммуникативных средств языка.

В приводимом ниже фрагменте множество коммуникативных показателей «встречи своих», указаний на то, что в этом месте вестников с фронта встречают как своих и разговор здесь ведется как между своими. Перед нами разворачивается целый спектр единиц и конструкций, работающих на своеобразный русский этикет: в отличие от формальных и принужденных *спасибо*, *пожалуйста* и *извините* Елизаветы Петровны, которыми она встречает ненужные и неинтересные ей вести от мужа, старик, Василий Егорович, хотя в его речи встречаются единичные *спасибо* и *пожалуйста*, оперирует во множестве более тонкими и более типичными для русского языка средствами выказать свое расположение гостям.

В бывшем спортзале института, где поселили людей, оставшихся без крова после бомбёжки.

Старушка с внучкой: Вы к кому?^{6 2}

Алёша: А мы к Павлову.²

Митя: Василию Егорычу.²

Старушка: Так это ж...⁶

Отец Павлова: Это ко мне! // От Серёжи! // Что с ним?^{2 2 2}

Алёша: Вы не волнуйтесь. // Всё хорошо. // Я от вашего сына // Вот, / он прислал вам / посылочку.^{1 2}

Женщина: Что там?

Девочка (на вдохе): Ах... / мьлю!^{6 2}

Отец Павлова: А что такое? // Он жив?^{2 3}

Девочка: ↑ Конечно, жив!^{6 2}

Отец Павлова: Жив. // Значит... / жив. // (Кивает) Спасибо. // А это / от него, значит, / подарок.^{2 6 2 6 6}

Девочка: Дедушка, вы ложитесь, / вам же нельзя.^{2 2}

Отец Павлова: ↓ Он... не ранен?³

Алёша: Да нет, / совершенно здоров.^{2 6 1}

Отец Павлова: Ах... Да что ж это я! // Вы... садитесь, / садитесь, пожалуйста... //
 Дайте, / дайте тубареточки им кто-нибудь, / дайте! // Ну-ка... // Дайте... // Вот. //
 Садитесь, садитесь // Рассказывайте, рассказывайте. // Как он там? // А?
Алёша: Ну... // Воюет он... / в общем... / хорошо. // (*Шура кивает ему*). Даже,
 можно сказать, / отлично! // Товарищи его уважают... за смелость. // Он смелый
 человек. // А командир прямо так и говорит: // «Вот берите пример с Павлова. //
 И боец стойкий, / и товарища не выдаст». // У нас все² в полку его любят.
Отец Павлова: Да-да. // Его и мальчишкой... все... л-любили.
Алёша: Ну... // нам пора.
Женщина: Чайку, пожалуйста!
Алёша: Нет, нет, / большое спасибо, / нам некогда. // Мы пойдём.
Шура: Вы извините, / ему очень-очень нужно ехать.
Отец Павлова (кивает): Понимаю. / дело военное. // Э... Передайте Серёже, / что
 я доволен им. // Ну... живём мы хорошо, / ну, а об этом / не говорите, / это... всё
 временно. // Пусть он будет спокоен. // Скажите ещё вот что: // что Лиза, / жена
 его, / работает, / шлёт привет, / ждёт.
Алёша: Скажу.

С самого начала и Алёша вступает в общение свободно и дружески, делая
 выбор в пользу структуры с начальным *a*: «Вы к кому? — А мы к Павлову», где *a*
 означает ‘я хочу ввести вас в новую для вас ситуацию, более бенефактивную, чем
 предшествующая’ (ср. «Мы к Павлову» или «К Павлову»). Ответ встретившейся
 им у дверей пожилой женщины не похож на реакцию людей посторонних – это
 отклик человека, с ходу активно включившегося в ситуацию: «Так это ж...»
 (*так* – ‘несоответствие информации представлению говорящего о норме (откло-
 нением от нормы является то, что мы медлим, в то время как среди нас
 действительно есть Павлов Василий Егорыч), следствием чего должны стать
 наши срочные действия – пригласить товарищей, провести их к старику’; *же* –
 ‘должное не имеет места – я в первый же миг должна была сообразить, кто нужен
 вошедшим, но почему-то делаю это с запозданием’, ИК-б – указание на закад-
 ровую информацию, хорошо известную говорящему, но пока не известную посе-
 тителям. Такой хлопотливый отклик являет собой противоположность равноду-
 шию; дело в том, что прибытие вестника с фронта касается всех и затрагивает
 интересы всех. Люди, размещенные в здании института, представляют собой еди-
 ное целое, сплоченный коллектив, именно поэтому уместен заинтересованный

вопрос одной из женщин о посылке – «Что там?» (где коммуникативное *там* означает желание говорящего сократить дистанцию между собой и объектом интереса). Здесь всё общее, здесь делятся друг с другом любой крохой и радость при виде драгоценного мыла – всеобщая. Трогательно ухаживающая за стариком ⁶ жая девочка опережает Алешу с ответом на вопрос, жив ли Сергей: «↑ Конечно, ² жив!» Повышение фонетического регистра маркирует вводимую информацию как исключительно важную, *конечно* указывает на предварительно известную говорящему норму (если прислал посылку – значит, жив, но есть здесь и более глубокий уровень трактовки: нельзя допускать даже мысли о возможной его гибели, заведомая норма – считать человека живым), ИК-2 на слове *жив* – ‘реализован именно этот, единственно возможный вариант’. Та же реализация – в речи Василия Егоровича: старик берет в руку мыло со словами: «Жив // Значит... / жив», – мыло становится для него как бы подтверждением, материальным доказательством того, что сын и вправду жив. Сходным образом отвечает и Алеша на следующий ³ вопрос старика: «↓ Он... не ранен? — Да нет, / совершенно здоров». Начальное *да* ² маркирует неадекватность предположения слушающего действительному положению дел, формируя энергичное, поспешное отрицание. Так же заботливо и ² торопливо Алеша вводил информацию, представляясь: «Вы не волнуйтесь. // Всё ² хорошо. // Я от вашего сына. // Вот, / он прислал вам / посылочку», фиксируя при помощи кратной ИК-2 смысл ‘реализуйте / реализован именно этот вариант’, чтобы Василий Егорович не успел встревожиться. *Вот* здесь передает значение ‘реализован вариант, соответствующий моей цели и вашим интересам: я доставил посылку кому следует, а вы ее получили’. Та же единица сопровождала вручение ⁶ мыла Елизавете Петровне («Я от вашего мужа. // Он просил передать вам *вот* ¹ это»), где *вот* означало ‘я реализую вариант, соответствующий целям вашего мужа: он просил, я передаю’), но только теперь Алеша уверен, что наконец принес фронтовую передачу по правильному адресу.

Узнав главное – что сын жив и не ранен, – Василий Егорович вспоминает об ² этикете, и здесь возникает замечательно русский самоупрек: «Ах... Да что ж это я!» (*ах* – ‘спонтанное восприятие говорящим новой информации, существенной для успешной деятельности всего минисоциума, – он забыл предложить гостям *сесть*, что, с его точки зрения, позорит их как хозяев’, *да* – ‘говорящий маркирует неадекватность собственного поведения в данной ситуации’, *что* – ‘говорящий отклонился от известной ему сложившейся нормы ситуации – нельзя заставлять гостей стоять’, *ж* (*же*) – ‘должное не имеет места – я знал, что за гостями положено поухаживать, но забыл на радостях’, *это* – ‘недолжная качественная характеристика ситуации имеет место: посетителям, да еще принесшим добрую весть, до сих пор не предложили даже *сесть*’, ИК-2 – ‘реализованный вариант собственного поведения выделен говорящим из ряда возможных вариантов и маркирован как отклоняющийся

от нормы'). Далее заинтересованность в обустройстве гостей выражается в многократных повторах глаголов с центрами ИК-2 на каждом¹:

– Вы... садитесь, / садитесь, пожалуйста... // Дайте, / дайте тубареточки им кто-нибудь, / дайте! // Ну-ка... // Дайте... // Вот. // Садитесь, садитесь. // Рассказывайте, рассказывайте. // Как он там? // А?

Финальное А? в этой реплике (а – 'войди в новую ситуацию – подробного рассказа', ИК-3 – 'сориентируй меня в обстоятельствах: как воюет мой сын на фронте') сподвигает (вероятно, впервые в жизни) простодушного, не умеющего лгать и сочинять Алешу на ту самую «благородную ложь», которая и ему, и Шуру представляется в данном случае необходимой:

Алёша: Ну... // Воюет он... / в общем... / хорошо. // (Шура кивает ему). Даже, можно сказать, / отлично! // Товарищи его уважают... за смелость. // Он смелый человек. // А командир прямо так и говорит: // «Вот берите пример с Павлова. // И боец стойкий, / и товарища не выдаст». // У нас все² в полку его любят.

Здесь много показателей затруднения и растерянности, которые неизбежны при том, что прямой и бесхитростный парень на ходу пытается выдумывать характеристику незнакомого ему человека: ну – 'я пытаюсь соответствовать вашим ожиданиям и приступаю к рассказу только лишь оттого, что вы очень ждете', ИК-6 – 'впереди – несформулированная пока информация, в равной степени неизвестная как вам, так и мне самому'. Но дальше Алеша понемногу входит в роль рассказчика, поддержка Шуры ободряет его, и в его речи появляются уверенная ИК-2 и ее модальная реализация с высоким падением тона ('именно такой вариант и реализован, как я сказал'), ИК-3 в значении 'сориентируйтесь на интересное продолжение' и модальная реализация ИК-1² с удлинением гласного в значении желания говорящего произвести определенное впечатление на слушающих. Шура во время Алешина рассказа кивает, полностью солидаризуясь с его позицией, и ее кивок при налаженном визуальном контакте с Алешей однозначно интерпретируется зрителем именно как разрешение продолжать, как подтверждение того, что Алешина ложь полностью оправдана.

Словно в ответ на утешительную Алешину выдумку о знакомом ему бойце минутой позже прибегает ко лжи во благо Василий Егорович:

Отец Павлова: Передайте Серёже, / что я доволен им. // Ну... живём мы хорошо; / ну, а об этом / не говорите, / это... всё временно. // Пусть он будет спокоен. // Скажите ещё вот что: // что Лиза, / жена его, / работает, / шлёт привет, / ждёт.

В интонационном оформлении преобладает ИК-1, маркирующая всю вводимую информацию как находящуюся в пределах нормы. Алеша с Шурой не подаёт вида, что им известно об измене жены Сергея, и молчаливо поддерживают обман старика. Это уже утешение, следующее от тыла фронту, чтобы боец мог воевать, не беспокоясь о доме и семье. Взаимная ложь во благо, которая в других обстоятельствах могла бы показаться жалкой, в этом контексте возвышает и обла-

¹ Нет нужды говорить о том, что в субтитрах все эти повторы опущены как «лишняя» информация.

гораживает всех участников ситуации. Для тех, кто живет по правде, даже публичная ложь оказывается некой высшей правдой.

И последнюю ложь произносит в этом эпизоде Алеша, закольцовывая структуру диалога: «Скажу»². Разумеется, ничего сказать Павлову Алеша не может, он больше никогда не встретит его, однако обещание его звучит твердо (будущее время глагола связано с обязательностью совершения действия, ИК-2 означает, что этот вариант развития событий будет реализован непременно).

«Коммуникативные потери» в переводных субтитрах обусловлены тремя причинами: 1) тенденцией к сжатию текста, приводящей к сохранению «информативной» (читай: номинативной) его части и игнорированию коммуникативной дорожки; 2) отсутствием приемлемых функциональных аналогов многих русских коммуникативных единиц, отсутствием способов передачи нужной семантики; 3) принципиальными различиями в коммуникативных чертежах языков (как, например, тот факт, что базовой западной категории вежливости в русском приблизительно соответствует идея включенности либо невключенности адресата в личную сферу говорящего), из-за которых речевое поведение русских героев в целом движется по другому руслу.

Сопоставление аутентичных диалогов фильма с английскими субтитрами имеет своей целью показать не столько смысловой урон, который терпит иноязычный зритель, не делающий попытки ознакомиться с репликами героев в оригинале. Дело в том, что нередко подобным же образом резко обедненными, «очищенными» от коммуникативных средств оказываются учебные тексты, подвергшиеся адаптации. Отличающиеся относительно простой лексикой и грамматикой (и оттого привлекательные для преподавателя русского языка как иностранного) диалоги из фильма «Баллада о солдате» объединены стройной и отнюдь не примитивной коммуникативной композицией, нагружены коммуникативными смыслами, часть из которых способны понять только учащиеся продвинутого уровня. Однако стремление «упростить» текст, позаботившись о донесении до студентов номинативного содержания, опасно тем, что легко может привести к утрате эстетического замысла авторов фильма. Элиминация коммуникативных смыслов как якобы «не столь существенных» количественно и качественно приравнивает вынесенный студентами из просмотра смысл к тому, что содержится в продемонстрированных выше субтитрах. Таким образом, субтитры служат убедительным и наглядным предостережением, которое должно удержать нас от соблазна адаптировать текст за счет урезания коммуникативной составляющей при обсуждении его в иноязычной аудитории.

ЗАДАНИЕ 3. Семантика какой из единиц реализуется в приведенных ниже двух примерах антонимически (полярно противоположным образом) и о каком семантическом параметре идет речь? Что это добавляет к коммуникативной композиции фильма?

О чем говорит выбор совершенного вида глагола в реплике жены Павлова (*скажите*) и несовершенного вида – в реплике отца (*рассказывайте*)?

1) *Елизавета Петровна (о Павлове):* Скажите: // каж он там?^{2 3}

2) *Отец Павлова:* Рассказывайте, рассказывайте. // Каж он там? // А?^{2 3}

Ключ: Семантический параметр *дистанцирования от ситуации / от объекта* либо, наоборот, *сокращения дистанции*, свойственный русскому *там*, реализован в данных примерах противоположным образом. Елизавета Петровна маркирует с помощью коммуникативной семантики *там* дистанцированность и от мужа, которому она изменила, и от людей, воюющих на фронте (несмотря на войну, она ведет благополучную, обеспеченную жизнь). Она мысленно отдалилась от мужа давно, ей нечего сказать ему и не так уж важно знать новости о нем. Ей удобно, что он *там*, а не *тут*. За ее *там* стоит смысл и пространственной, и эмоциональной удаленности.

В отличие от нее, Василий Егорович, задавая тот же вопрос, использует *там* в значении 'говорящий хотел бы сократить дистанцию между собой и объектом речи'. Для старика родной сын, мысли и беспокойство о нем всегда близко, всегда рядом, и своим *там* он мысленно уничтожает разделяющее их расстояние.

Выбор совершенного вида глагола (*скажите*) в речи Елизаветы Петровны обусловлен тем, что перед нами – просто обычная вежливая просьба. Инвариантный параметр совершенного вида (способность, возможность) реализуется здесь следующим образом: 'говорящий предоставляет слушающему возможность рассказать что-нибудь о Павлове (однако тот может как воспользоваться ею, так и не воспользоваться): вы можете говорить или можете не говорить'. В отличие от этого, в реплике Василия Егоровича, передающей нетерпение, несовершенный вид глагола (*Рассказывайте, рассказывайте*) акцентирует *необходимость* рассказа (инвариантное значение несовершенного вида – должное, нужное, необходимое). Говорящему необходимо знать, необходимо услышать рассказ о сыне, и необходимость эта, с его точки зрения, в равной степени осознается и слушающими.

В композиции фильма это контрастное использование одной и той же структуры сходно с ролью дважды звучащей в картине репликой «Ах, мыло!» (см. выше). С помощью контекста и звучания создатели фильма показывают нам, как могут одни и те же слова выглядеть искренними и фальшивыми в зависимости от того, в чьи уста они вложены. Это еще один штрих к щедро выписанному коммуникативными средствами контрасту *правда – ложь*.

ЗАДАНИЕ 4. Обратите внимание на то, как именно Алеша с Шурой отказываются от чая в доме Елизаветы Петровны и в институте. Проанализируйте использованные всеми участниками диалога коммуникативные средства. Какую эстетическую функцию выполняют здесь эти единицы?

1) Елизавета Петровна: Ах, / ⁶мыло. // ²Спасибо. // ⁴Может быть, чайку? ⁴

Алеша: Нет, / ²мы пойдём. ¹

Елизавета Петровна: Ну, ²почему же?

Алеша: Времени нет.

2) Алеша: Ну... // ⁶нам пора. ²

Женщина: Чайку, пожалуйста!

Алеша: Нет, нет, / ²большое спасибо, / ²нам некогда. // ¹Мы пойдём.

Шура: Вы извините, / ему очень-очень нужно ехать.

Ключ: Различия начинаются с самого способа, которым героям предлагается угощение. Елизавета Петровна, отметив с насмешкой убогость подарка и формально, холодно поблагодарив (*Спасибо*), столь же отстраненно предлагает: «Может быть, чайку?» (вводное *может быть* маркирует ненастойчивый ввод варианта действий, нарушающего норму развития ситуации, при учете факторов, препятствующих исполнению каузируемого действия, в том числе и нормы сложившегося поведения, отношений говорящего и слушающего; ИК-4 с параметром соотношения позиций создает эффект светского дистанцирования). Во втором случае женщина вторгается со своим предложением (*Чайку, пожалуйста!*) в ситуацию прощания, уже после того, как Алеша объявил: «Нам пора», и предложение это самое искреннее (*пожалуйста* – ‘я – как и все присутствующие – позитивно оцениваю такой вариант развития событий, при котором вы останетесь на чай’, ИК-2 – ‘непрерывно следует реализовать названный вариант’).

Равным образом и отказ гостей различается по интенсивности и степени дистанцированности – интимизации. В первом случае дается сухой отказ и максимально сжатое обоснование, граничащее с грубостью. Во втором эпизоде на первый план выступает типично русское коммуникативное дублирование – нанизывание конструкций отказа и обоснования отказа. Примечательно использование здесь ИК-5 со значением высокой степени срочности отъезда (‘вы не представляете себе, до какой степени он опаздывает’) и повторы (*нет-нет, очень-очень*). Коммуникативное дублирование вызывается здесь значительно более активной позицией хозяев и эмоциональной вовлеченностью всех в ситуацию (Алеша с Шурой понимают, что эти люди действительно будут жалеть о том, что не успели их ничем угостить).

С точки зрения эстетической нагрузки в фильме отбор коммуникативных средств направлен на то, чтобы противопоставить *разговор чужих* *разговору своих*.

ЗАДАНИЕ 5. Прослушайте повторно монолог Алеши, рассказывающего о Павлове:

Алеша: Ну... // Воюет он... / в общем... / хорошо. // (*Шура кивает ему*). Даже, можно сказать, / отлично! // Товарищи его уважают... за смелость. // Он смелый человек. // А командир прямо так и говорит: // «Вот берите пример с Павлова. // И боец стойкий, / и товарища не выдаст». // У нас все² в полку его любят.

Как могла бы выглядеть речь Алеши, если бы он и вправду знал Павлова? Чем его рассказ отличался бы от прозвучавшего? Составьте свой вариант такого рассказа.

Ключ: Представленный в фильме текст на уровне отбора как коммуникативных, так и номинативных средств обладает такими характеристиками, как отстраненность, неконкретность, отсутствие показателей включенности в личную сферу. Очевидно, что говорящий дистанцирован от предмета речи так, как если бы его попросили составить заметку для газеты о незнакомом бойце. Говоря о близком человеке, боевом товарище, вместе с которым он прошел огонь и воду, Алеша

должен был бы отбирать совершенно другие средства и строить всю свою речь иначе. Изменились бы именованья упомянутых в монологе лиц, в рассказе появились бы живые их характеристики и конкретные детали (на номинативном уровне) и, вероятно, показатели затронутости личной сферы говорящего (на коммуникативном). Слушающие Алешу, вне всякого сомнения, понимают, что он в действительности не знаком с сыном Василия Егоровича и никогда с ним вместе не воевал.

ЛИТЕРАТУРА

Безьева М.Г. Инвариантные коммуникативные параметры русского *вон* (материалы к словарю коммуникативных средств) // Язык, культура, коммуникация. М., 2013а. С. 58–73.

Безьева М.Г. К вопросу о коммуникативных параметрах вводных слов *главное* и *между прочим* // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 11. М., 2015а. С. 18–41.

Безьева М.Г. Коммуникативная семантика как объект филологического исследования // Филология вечная и молодая. М., 2012. С. 63–78.

Безьева М.Г. Коммуникативное поле как единица языка и текста // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XV. М., 2014. С. 101–118.

Безьева М.Г. О коммуникативных параметрах сакральных единиц русского языка (Господи, Боже). Материалы к словарю коммуникативных средств // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 10. М., 2008а. С. 10–27.

Безьева М.Г. О номинативном и коммуникативном в значении слова. На примере русского «тут» // Язык, культура, человек. М., 2008б. С. 11–38.

Безьева М.Г. О семантических основаниях коммуникативной моды // Вопросы русского языкознания. Вып. 13. Фонетика и грамматика. Настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010б. С. 159–170.

Безьева М.Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 2, 2013б. С. 19–36.

Безьева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002. 752 с.

Безьева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 7. М., 2005. С. 105–129.

Безьева М.Г. Слово *правда* как средство коммуникативного уровня русского языка // Stephanos. 2015б. № 6. С. 35–59.

Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1. М., 1980; Т. 2, М., 1982. 1492 с.

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. 116 с.

Коростелева А.А. Диалогизация монологической речи в процессе создания образа (К.Ю. Хабенский в «Утиной охоте») // Язык, литература, культура. Вып. 6. М., 2010. С. 152–170.

Коростелева А.А. О возможностях русских коммуникативных средств при создании принципиально противоположных образов в кино (коммуникативное противопоставление персонажей в к/с «Небесный суд») // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 14. М., 2013. С. 103–121.

Коростелева А.А. О введении семантических параметров коммуникативных единиц при обучении РКИ на начальном этапе // Язык, литература, культура. Вып. 8. М., 2012. С. 221–238.

Коростелева А.А. О применении метода семантического коммуникативного анализа к описанию невербальных средств языка в преподавании РКИ // Русский язык @Литература @Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом: III Международная научно-практическая интернет-конференция: Труды и материалы. М., 2011а. С. 130–141.

Коростелева А.А. Об одном из приемов преподавания коммуникативной системы русского языка в иностранной аудитории (переводы зарубежных фильмов) // Язык, литература, культура. Вып. 7. М., 2011б. С. 298–309.

REFERENCES

Bezyaeva M.G. (2013a.) Invariant Communicative Parameters of Russian ‘von’ (Materials to the Dictionary of Communicative Means). In: Language, Culture, Communication. Moscow, pp. 58–73.

Bezyaeva M.G. (2015a.) Towards Communicative Characteristics of the Words ‘главное’ (glavnoe) and ‘между прочим’ (mezhdu prochim). In: Language, Literature, Culture. Actual Problems of Learning and Teaching: Collection of Scientific and Methodological Articles. Vol. 11. Moscow, pp. 18–41.

Bezyaeva M.G. (2010a.) Communicative Semantics of Sounding Literary Text. In: The Fourth International Congress “Russian Language: Its Historical Destiny and Present State”. Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty. March 20–23, 2010. Moscow University Press, p. 751.

Bezyaeva M.G. (2012) Communicative Semantics as an Object of Philological Research. In: Philology: Everlasting and Young. Collected Articles for Prof. Marina L. Remneva’s Anniversary. Moscow University Press, pp. 63–78.

Bezyaeva M.G. (2014) Communicative Field as a Unit of Language and Text. Word. Grammar. Speech. Vol. 15. Moscow, pp. 101–118.

Bezyaeva M.G. (2008a.) On Communicative Parameters of Sacred Units of the Russian Language (Lord, God). Materials to the Dictionary of Communicative Means. In: Word. Grammar. Speech. Vol. 10. Moscow, pp. 10–27.

Bezyaeva M.G. (2008b.) On Nominative and Communicative in a Meaning of a Word (Russian ‘tut’). In: Language, Culture, Person. Moscow, pp. 11–38.

Bezyaeva M.G. (2010b.) On the Semantic Basis of Communicative Fashion. In: Problems of Russian Linguistics. Phonetics and Grammar. Present, Past, Future. Vol. 13. Moscow, pp. 159–170.

Bezyaeva M.G. (2013b.) On the Specifics of the Communicative Interpretation of the Text (on a material of correlation of the written and sounding versions). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology.* No 2, pp. 19–36.

Bezyaeva M.G. (2002) Semantics of Communicative Level of Sounding Language. Moscow, 752 p.

Bezyaeva M.G. (2005) The Semantic Device of Communicative Level of Language (theoretical and methodological foundations of the investigation). In: Word. Grammar. Speech. Vol. 7. Moscow, pp. 105–129.

Bezyaeva M.G. The Word ‘pravda’ as a Unit of Communicative Level of Russian Language. *Stephanos.* 2015b. No 6, pp. 35–59.

Bryzgunova E.A. Intonation. Russian Grammar. Vol. 1. Moscow, 1980; Vol. 2. Moscow, 1982.

Bryzgunova E.A. (1984) Emotional and Stylistic Differences of Russian Sounding Speech. Moscow. 116 p.

Korosteleva A.A. (2010) Monologic Speech Dialogization Creating a Character (K. Khabensky in A. Vampilov's "Duck Hunting"). In: Language, Literature, Culture. Actual Problems of Learning and Teaching: Collection of Scientific and Methodological Articles. Vol. 6. Moscow, pp. 152–170.

Korosteleva A.A. (2013) The Russian Communicative Means Potential Creating the Fundamentally Opposed Movie Personages (communicative contrast of the personages from the *Celestial Court* movie). In: Word. Grammar. Speech. Vol. 14. Moscow, pp. 103–121.

Korosteleva A.A. (2012) Introduction of the Semantic Parameters of Communicative Units at the First Steps of Russian as a Foreign Language Training. In: Language, Literature, Culture. Actual Problems of Learning and Teaching: Collection of Scientific and Methodological Articles. Vol. 8. Moscow, pp. 221–238.

Korosteleva A.A. (2011a.) On the Application of Semantic Communicative Analysis Method to the Description of Non-verbal Language Means in Russian as Foreign Language Teaching. In: Russian Language @Literature @Culture: Actual Problems of Studying and Teaching in Russia and Abroad: III International Scientific and Practical Internet-conference... Works and papers. Moscow. MAKS Press, pp. 130–141.

Korosteleva A.A. (2011b.) On One of the Methods of Teaching the Russian Language Communicative System for the Foreign Audience (overseas movie translations). In: Language, Literature, Culture. Actual Problems of Learning and Teaching: Collection of Scientific and Methodological Articles. Vol. 7. Moscow, pp. 298–309.

Сведения об авторе:

Анна Александровна Коростелева
канд. филол. наук
доцент
кафедра русского языка
для иностранных учащихся
естественных факультетов
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anna A. Korosteleva
PhD
Assistant Professor
The Department of Russian Language
for Foreign Students of Natural Sciences
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
korosteleva.a@gmail.com

Поэтика телесности в «Записках юного врача» М. Булгакова

Аннотация: В статье рассмотрены образный мир и проблематика цикла М. Булгакова «Записки юного врача» и повести «Морфий». Главное внимание уделено способам художественного изображения телесной жизни человека как сложно организованного «текста», который становится предметом научно-медицинской, эстетической, нравственной, социальной рефлексии, а также входит в пространство коллективного сознания и бессознательного, что особенно ярко проявилось в рассказах «Стальное горло» и «Тьма египетская». Осмысливается и образ булгаковского врача: в цикле «Записки юного врача» это личность, которая через соприкосновение с телесной жизнью пациентов проходит школу возрастания, повесть же «Морфий» интерпретируется как трагическое повествование о капитуляции человека перед нравственно поврежденной стихией телесности. В «медицинской» прозе Булгакова дневниковые, исповедальные элементы соединяются с резко очерченными сюжетными рисунками, психологическими и социокультурными обобщениями.

Ключевые слова: Булгаков, медицинская проза, поэтика телесности, образ врача, изображение болезни

Abstract: The article describes the imaginative world and the problems of the cycle by Mikhail Bulgakov “Notes of a young doctor” and the story “Morphine”. The main attention is paid to the methods of artistic images of bodily life as a complexly organized “text”, which became the subject of scientific and medical, esthetic, moral, social reflection, and is included in the space of collective consciousness and the unconscious, which is especially apparent in the stories of “Steel throat” and “Darkness Egyptian”. Conceptualize and image Bulgakov the doctor: in a series of “Notes of a young doctor” is a person who through contact with the bodily life of the patient passes increase school novel as “Morphine” is interpreted as a tragic story about the surrender of the person in front of morally corrupted elements of physicality. The “medical” prose of Bulgakov’s diary, confessional elements combine with sharply outlined plot drawings, psychological and socio-cultural generalizations.

Key words: Bulgakov, medical prose poetics of physicality, the image of the doctor, the disease picture

В прозе М. Булгакова – от «Записок юного врача», «Необыкновенных приключений доктора», «Морфия», «Собачьего сердца» до «Мастера и Маргариты» – ме-

дицинский угол зрения на реальность формировал особый художественный опыт познания бытия, личности, явлений современной действительности.

В цикле рассказов «Записки юного врача» (1925–1927), действие которых разворачивается в 1916–1918 гг., художественное единство основано не только на взаимной хронологической соотнесенности произведений и их автобиографическом характере, но и на значимой для всего цикла поэтике телесности. Разнообразные телесные, возрастные, психосоматические состояния становятся здесь «как объектом изображения, так и инструментом познания и описания мира»¹, причем телесность предстает как «биологическая и психологическая категория»² и реализуется «в разных образно-мотивных парадигмах»³.

В открывающем цикл рассказе «Полотенце с петухом» (1926), где набрасываются первые штрихи к портрету прибывшего в Мурьинскую больницу 23-летнего доктора с видом студента и пятнадцатью пятерками в дипломе, саморефлексия повествователя начинается с осмысления им собственных душевно-телесных переживаний. Смятение перед предстоящей практикой побуждает его напряженно прислушиваться к тревожным импульсам своего тела, которое уподобляется «тексту, требующему перевода»⁴: «Стоял я в таком виде: ноги окостенели, и настолько, что я смутно тут же, во дворе, мысленно перелистывал страницы учебников, тупо стараясь припомнить – существует ли действительно, или мне это померещилось во вчерашнем сне... болезнь, при которой у человека окостеневают мышцы? Как ее, проклятую, зовут по-латыни? Каждая из мышц этих болела нестерпимой болью, напоминающей зубную боль...»⁵ Стеснение от собственного слишком юного для дипломированного доктора внешнего облика порождает стремление искусственно противостоять законам телесного естества («Говорить пытался размеренно и веско, порывистые движения по возможности сдерживать, не бегать, как бегают люди в двадцать три года, окончившие университет, а ходить») и усугубляет страх перед иррациональной стихией тела, его недугами и непредсказуемыми состояниями: «Каково будет чувствовать себя больной с грыжей у меня под руками?.. А гнойный аппендицит? Га! А дифтерийный круп у деревенских ребят? Когда трахеотомия показана?.. А... а... роды! Роды-то забыл! Неправильные положения. Что ж я буду делать?»

Центральный событийный ряд рассказа, сопряженный с ампутацией раздавленной и переломанной ноги молодой девушки, представлен в пульсирующей сюжетной динамике. Намеренно отходя от автобиографической достоверности, герой Булгакова подчеркивает свою абсолютную неопытность в хирургическом деле⁶ и выдвигает на первый план человеческую, врачебную интуицию о мощной, противостоящей смерти витальной энергии организма: «За десять верст вытекло все через раздробленные ноги, и неизвестно даже, чувствует ли она что-нибудь сейчас, слышит ли... С суеверным ужасом я вглядывался в угасший глаз, приподымая хо-

¹ Кельметр Э.В. Поэтика телесности в лирике Иннокентия Анненского: Дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2015. С. 16.

² Там же. С. 26.

³ Кихней Л.Г., Полтаробатько Е.Д. Телесный код в поэзии акмеизма. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2014. С. 12.

⁴ Кельметр Э.В. Поэтика телесности в лирике Иннокентия Анненского. С. 37.

⁵ Тексты произведений М.А. Булгакова цитируются по изд.: Булгаков М. Морфий: повесть, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.

⁶ «На самом деле Булгаков действительно имел уже определенный хирургический опыт» (Лосев В.И. Комментарии // Булгаков М. Морфий: повесть, рассказы. С. 171).

лодное веко. Ничего не постигаю. Как может жить полутруп?.. А девушка жила». Эпизод срочной, судорожно производимой хирургической операции выведен в рассказе на грани предметного и метафизического измерений. Телесность предстает здесь как сфера парадоксального соприкосновения невыразимой красоты земного естества (на ее лице «потухала действительно редкостная красота») и его обезображивающей смертности, проступающей в том, как «потухает изорванный человек». В финальных картинах произведения подаренное выжившей пациенткой «длинное снежно-белое полотенце с безыскусственным красным вышитым петухом» становится «вещным» воплощением тайны тела – с его как колоссальным зарядом жизненной силы, так и неизбежной обреченностью на тлен и забвение: «И много лет оно висело у меня в спальне в Мурьине, потом странствовало со мной. Наконец обветшало, стерлось, продырявилось и наконец исчезло, как стираются и исчезают воспоминания».

Расширение бытийного фона при изображении телесного недуга происходит в рассказе «Стальное горло» (1925). Мучающие повествователя фатальные несоответствия медицинских учебников, анатомических атласов и практики реального взаимодействия с человеческим телом, бросающие его в холодный пот раздумья о всевозможных заболеваниях, оперирование девочки с забитым от дифтерийного крупы горлом – предстают на фоне зловещих стихий «ноябрьской тьмы с вертящимся снегом», вьюги, близко подступающей смерти... В образном мире произведения этим первостихиям мироздания противостоят лишь хрупкая телесность, снедаемая болезнью и подернутая «странной мутью» детская красота, а также усилия человеческой воли, заставляющие продолжать операцию в бездне страха и отчаяния.

В «Стальном горле», в ряде иных «врачебных» произведений Булгакова герой-медик обрисован как «интеллигент, заброшенный во взбаламученное море народной жизни»¹. Его этически насыщенная мыслительная работа, интеллектуально-практическое противодействие болезни и смерти увидены на пестром фоне профанной мифологии о медицине, о тайных возможностях человеческого тела. Молва о замене обычного горла на стальное в «Стальном горле», изображение широкого спектра народных псевдомедицинских мер вплоть до «сахара-рафинада» «в родовом канале» роженицы, «помогающего» при трудных родах «выманить... младенчика... на Божий свет», в рассказе «Тьма египетская» (1926) представляют телесную жизнь не только в контексте научно-медицинской, онтологической, эстетической рефлексии, но и в архаическом, мифологизированном пространстве коллективного сознания и бессознательного.

Личностное и профессиональное взаимодействие повествователя со стихией телесности отражается в сквозных для цикла мотивах бездорожья, слякоти, вьюги, черной мглы, становящихся препятствием для оказания врачебной помощи и являющих неподвластную рациональному анализу сферу материального бытия. Превозможание многообразных стихийных сил приводит булгаковского героя к коренной переоценке прежних психологических стереотипов и учебных схем. В рассказе «Крещение поворотом» (1925) его медицинская «инициация» при приеме родов с «поперечным положением» сопровождается поначалу невольным, самозащитным «остраннением» возникших обстоятельств: «Что, спрашивается, я буду делать с захлороформированной женщиной из деревни Дульцево?» Динамика кульминационного эпизода основана на стремительном вытеснении

¹ Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 67.

умозрительных представлений о теле вчувствованием в непосредственные ритмы телесной жизни, в которой обнаруживается расположенность к сопротивлению небытию и которая становится предметом натуралистически выпуклого, любовного живописания: «Лужа крови. Мои руки по локоть в крови. Кровяные пятна на простынях. Красные сгустки и комки марли. А Пелагея Ивановна уже встряхивает младенца и похлопывает его... Младенца погружают то в холодную, то в горячую воду. Он молчит, и голова его безжизненно, словно на ниточке, болтается из стороны в сторону. Но вот вдруг не то скрип, не то вздох, а за ним слабый, хриплый первый крик... Все прежние темные места сделались совершенно понятными, словно налились светом, и здесь, при свете лампы, ночью, в глуши, я понял, что значит настоящее знание».

Притом что в целом «Записки юного врача» справедливо воспринимаются как «очень радостная»¹ книга, где «много иронии и самоиронии, юмора, света, оптимизма»², срединное в композиционном и смысловом отношении место занимает здесь все же рассказ о поражении человека перед лицом смерти («Вьюга», 1926), что бросает на образный мир и сюжетный рисунок всего цикла трагедийный отсвет.

В экспозиционной части «Вьюги» психофизические состояния рассказчика становятся гранью его саморефлексии. «Сновидческое» измерение внутренней жизни («Ночью я видел в зыбком тумане неудачные операции, обнаженные ребра, а руки свои в человеческой крови...») оказывается производным от физической сопричастности врача болевому опыту пациентов, которая крепнет в процессе неустанной «расшифровки» «текстов» их телесного существования: «Темная влажность появилась у меня в глазах, а над переносицей легла вертикальная складка, как червяк... Остановившись у постели, на которой, тая в жару и жалобно дыша, болел человек, я выжимал из своего мозга все, что в нем было. Пальцы мои шарили по сухой, пылающей коже, я смотрел в зрачки, постукивал по ребрам, слушал, как таинственно бьет в глубине сердце, и нес в себе одну мысль: как его спасти?» Мелькнувшая рефлексия о беззащитности собственного, распаренного баней организма перед предстоящей дорогой во вьюге таинственно предвосхищает прочувствованную у смертного одра погибшей невесты конторщика уязвимость еще более ужасающую – при лицезрении тела, побежденного смертью: «У меня похолодело привычно под ложечкой, как всегда, когда я в упор видел смерть... Нижняя челюсть девушки задергалась, она словно давилась, потом обвисла, тело напряглось под одеялом, как бы замерло, потом ослабело. И последняя нитка пропала у меня под пальцами». Переданный отрывистыми, экспрессивными штрихами опыт прямого предстояния смерти придает символический смысл последующим полудремотным, наполненным спутанными диагнозами и воспоминаниями блужданиям во вьюге и контрастно выражается в финальной реплике, запечатлевшей инстинктивное изживание случившегося потрясения:

– Померла, – ответил я равнодушно.

Потребность художественно «артикулировать мир в терминах телесности»³ актуализирует в булгаковском литературно-медицинском дискурсе диалогический потенциал. В «Звездной сыпи» (1926) диагностирование «дурной» болезни происходит в напряженной драматургии разговора повествователя как с самим заболевшим, так и с его женой. Поверхностная симптоматика («глотка вот захрипла»)

¹ Варламов А.Н. Михаил Булгаков. С. 66.

² Там же.

³ Кельметр Э.В. Поэтика телесности в лирике Иннокентия Анненского. С. 163.

обращивается прозрением не только телесной, но и душевной ущербности, а сам процесс врачевания недуга, который, подобно одушевленному существу, «пошел передо мной разнообразный и коварный», входит в нравственное пространство: «Где-то в глубине моей души, еще не притупившейся к человеческому страданию, я разыскал теплые слова. Прежде всего я постарался убить в ней страх».

Финальную позицию занимает в цикле рассказ «Пропавший глаз» (1926), где по прошествии года медицинской службы выведен психологический автопортрет героя, построенный на контрасте с былой претенциозностью университетского, причесанного на «косой пробор» выпускника, на «отелеснивании» приобретенного им профессионального и эмоционального опыта: «Глаза стали строже и беспокойнее, а рот увереннее и мужественнее, складка на переносице останется на всю жизнь, как останутся мои воспоминания». Собственное «недобритое» состояние становится телесным «кодом» его саморефлексии и воспоминаний, в которых особенно прочно отложились моменты растерянности перед загадками тела, не прощающего высоколобой, «ученой» самонадеянности. Коллизии этого поединка с собой, со спонтанными проявлениями организма отразились в мозаике «анекдотических» эпизодов с «переломленной» детской ручкой, неловко вырванным у солдата зубом, с нелепым диагностированием гнояника на нижнем веке младенца...

Как в «Записках юного врача», так и в тематически и хронологически примыкающей к ним автобиографической повести «Морфий» (1927), «тело... становится аксиологическим пространством, в рамках которого происходит перестройка представлений о мире»¹. Однако если в «Записках...» рефлексия о телесном бытии, проникновение в его тайные ритмы, как правило, служат для героя школой личностного и профессионального возрастания, то повесть «Морфий» выстраивается как трагическая история о капитуляции души, волевых способностей героя перед нравственно поврежденной жизнью тела. «Сгущенная» натуралистичность описания мучительной смерти застрелившегося доктора становится смысловым итогом его напряженного психосоматического самоанализа. В признаниях морфиниста примечательна эволюция оценок наркотического воздействия как «высшей точки проявления духовной силы человека», позднее в качестве энергии, вовлекающей человека во все более фантастические самооправдания («Да и велик ли распад?... Рассуждаю совершенно здраво... Великолепно справляюсь с операциями»), и, наконец, как источника необратимого разрушения своего «заживо погребенного» «я», превратившегося в «смесь дьявола с моей кровью» и не существующего отдельно от «кристаллического растворимого божка». Исповедальные мотивы, намеченные в «Записках юного врача», в «Морфии» разворачиваются в объемное дневниковое полотно, представляя тело как сложно организованный «текст», открывающий личности перспективы самопознания и вместе с тем таящий в себе деструктивные интенции.

Таким образом, художественно-медицинское исследование телесности как пространства встречи и напряженного взаимодействия материального и сверхчувственного планов бытия становится циклообразующим фактором в «Записках юного врача», предопределяет проблематику и поэтику повести «Морфий». Телесная жизнь предстает в этих произведениях в диапазоне от появления человека на свет до его многообразных физических, душевных страданий и смерти. Сквозное изображение болезненных состояний тела выводит у Булгакова к постижению

¹ Кельметр Э.В. Поэтика телесности в лирике Иннокентия Анненского. С. 162.

сокрытых в нем могущественных ресурсов восстановления и продолжения жизни. Исповедально-лирические признания сочетаются в его «медицинской» прозе с динамичной драматургией эпизодов, диалогических сцен, с выходами к масштабным социокультурным обобщениям.

ЛИТЕРАТУРА

Булгаков М. Морфий: повесть, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 192 с.

Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. 840 с.

Кельметр Э.В. Поэтика телесности в лирике Иннокентия Анненского. Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2015.

Кихней Л.Г., Полтаробатко Е.Д. Телесный код в поэзии акмеизма. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2014. 156 с.

REFERENCES

Bulgakov M. (2015) Morphine: Novel, Short Stories. St.-Petersbur g. Azbuka, Azbuka-Atticus Publ. 192 p.

Varlamov A.N. (2008) Michael Bulgakov. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ. 840 p.

Kelmetr E.V. (2015) Poetics of Physicality in the L yrics of Innocenty Annensky: Thesis. Tyumen.

Kihney L.G., Poltarobatko E.D. (2014) Flesh Code Acmeism Poetry. Moscow. A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics Press. 156 p.

Сведения об авторе:
Илья Борисович Ничипоров,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ilya B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

А.В. Злочевская

**Два решения «шахматной темы»:
«Защита лужина» В. Набокова и «Шахматная новелла» С. Цвейга¹**

Аннотация: В статье проанализирована контактно-типологическая параллель двух художественных текстов: «Защита Лужина» В. Сирина (1930) и «Шахматная новелла» С. Цвейга. Обнаружена корреляция не только тематическая, но и на уровне проблематики, сюжета, образов персонажей и др. Хронологический парадокс параллели заключается в том, что традиционная, реалистическая манера отличает новеллу Цвейга, написанную десятью годами позже «Защиты Лужина», – романа, который знаменовал рождение нового художественного метода мистической метапрозы.

Ключевые слова: В. Набоков / Сирин, С. Цвейг, «Защита Лужина», «Шахматная новелла», шахматная тема, проза

Abstract: The article concerns the contact-typological parallel of two literary texts – “Zashita” (“Defence”) by V. Nabokov / Sirin (1930) and “Schachnovelle” (“The Royal Game”) by S. Zweig. The author of the article discovered the thematic similarity correlation as well as correlation at the levels of the problems, plot, characters etc. The chronological paradox of the parallel lies in the fact that it is Zweig’s novel that stands out for its traditional, realistic manner, although it was written 10 years later than “Defence”, a novel that marked the birth of a new style –that is of mystical Metafiction.

Key words: V. Nabokov / Sirin, S. Zweig, «Defense», «The Royal Game», chess theme, prose

Параллель В. Набоков – С. Цвейг для исследователя тема неблагоприятная, ибо взаимный интерес и контакты писателей минимальны. Набоков об авторе «Письма незнакомки» отзывался редко и исключительно пренебрежительно, причисляя его к классу писателей-реалистов, создателей «литературы великих идей». Нет и свидетельств тому, что проза В. Сирина входила в круг если не творческих, то хотя бы читательских интересов С. Цвейга. За одним исключением, анализу которого и посвящена статья.

«Великая шахматная лихорадка», охватившая умы европейцев в 1920–1930-е гг., породила два замечательных художественных произведения – «Защиту Лужина»

¹ Статья написана на основании доклада, прочитанного на Ломоносовских чтениях (МГУ имени М.В. Ломоносова, апрель 2016).

В. Сирина (1930) и «Шахматную новеллу» С. Цвейга (1938–1941). Оба – о феномене «королевской игры». Эта параллель уже была отмечена в литературе, однако по преимуществу в плане тематическом¹. Задача этой работы – проанализировать сходства-расхождения двух текстов на уровне художественного стиля.

Речь, впрочем, не идет о сознательном следовании Цвейга за Набоковым или полемическом отталкивании от него – «Защита Лужина» словно просвечивает сквозь художественную ткань «Шахматной новеллы».

«Общие точки» между этими двумя текстами очевидны. Прежде всего это портретное сходство героев: медлительность и неуклюжесть, а главное – глаза: «полуприкрытые тяжелыми веками»² – у Лужина и «тяжелые веки», которые «почти совсем прикрыли глаза»³, – у героя «Шахматной новеллы», Чентовича.

Оба героя – вундеркинды. Как и В. Сирин, Цвейг отмечает, что, в отличие от обычных шахматистов, эти не играют, а «священнодействуют» (Н., 2: 341 – Ц., 1: 593). Сходны и основные этапы стремительной шахматной карьеры: неожиданное открытие дара, серия блестящих побед и появление предприимчивого антрепренера, затем бесконечное путешествие по международным турнирам и, наконец, поединок с достойным противником, едва не закончившийся поражением героя.

Оба писателя подчеркивают парадоксальное противоречие между шахматной одаренностью этих гениев и их неразвитостью, отрешенностью даже в детстве от свойственных возрасту игр и увлечений. Собственно, у Чентовича, как и у Лужина, не было настоящего детства – было некое «дошахматное» предсуществование, состояние выжидательной прострации, когда он «сидел, устремив вдаль бессмысленный, как у пасущейся овцы, взгляд, не проявляя ни малейшего интереса к тому, что творилось вокруг» (Ц., 1: 585).

Очень похоже на маленького Лужина – угрюмого, ничем не интересующегося мальчика. В герое Цвейга все, конечно, гораздо грубее и примитивнее, и однако... – «Хмурый, молчаливый, неразвитый» (Ц., 1: 588), этот набор эпитетов неизменно сопровождает не только Чентовича, но столь же характерен и для Лужина. Общая у обоих героев гуманитарная неразвитость – абсолютная у Чентовича (он безграмотен) и в более мягком варианте у Лужина: «книжки были столь же скучны, как “Слепой музыкант” или “Фрегат Паллада”. Большой том Пушкина, с портретом толстогубого курчавого мальчика, не открывался никогда» (Н., 2: 320).

Разная степень неразвитости, конечно, легко объяснима разницей культурной среды: в то время как Мирко Чентович – простой сербский крестьянин, Лужин рос и воспитывался в интеллигентной дворянской семье. Впрочем... Равнодушие к Пушкину в глазах Набокова едва ли не равносильно безграмотности.

Но чем больше сходство героев, тем отчетливее видны принципиальные различия между ними. Набоковский образ шахматного гения несравненно сложнее и противоречивее, чем у Цвейга. В Лужине под внешней оболочкой малоподвижного и ко всему, как кажется, индифферентного существа скрыто много детского, милого и симпатичного, что абсолютно чуждо Чентовичу.

¹ См., например: Гук Е. Шахматы в художественной литературе // Наука и жизнь. 2007. № 7 (www.nkj.ru/archive/articles/11063).

² Набоков В.В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т. 2. СПб. 2000. С. 354. Русскоязычные произведения Набокова цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы с пометой Н.

³ Цвейг С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1963. С. 601. Повесть Цвейга статьи цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы и пометой Ц.

Но нравственное чувство Цвейга, очевидно, и не допускало, чтобы высокая страсть к шахматам могла владеть существом абсолютно неразвитым во всех остальных, кроме шахмат, сферах интеллектуальной деятельности. Ведь «это особые гении, которым полет фантазии, настойчивость и мастерство точности свойственны не меньше, чем математикам, поэтам и композиторам <...> такая единственная в своем роде, гениальная игра должна порождать и достойных слугителей» (Ц., 1: 592).

И тогда в «Шахматной новелле» герой В. Сирина как бы расщепляется: у тупого славянина Мирко появляется «светлый» двойник – его антипод и шахматный противник, благородный доктор Б., личность с тонкой психической организацией.

У Цвейга именно доктор Б. наследует то идеальное, духовное, как, впрочем, и человеческое, высокоинтеллектуальное начало, что было скрыто под грубой физической оболочкой в Лужине. Один из знаков преемственности двух текстов – ключевой в обоих сюжетах эпизод, когда герои находят карманные *шахматы* и сборник *шахматных* партий *в кармане* халата и офицерской шинели соответственно (см.: Н., 2: 440 – Ц., 1: 614–615). Причем оба героя свою находку поначалу приняли за обычную *книжку*. В судьбах как Лужина, так и доктора Б. эта находка сыграла решающую роль.

Оба героя-шахматиста Цвейга родились из набоковского Лужина.

Качественные различия между двумя произведениями проявились и в самом понимании и интерпретации феномена шахмат.

Для Цвейга так и остается непостижимой «эта работа человеческого мозга, полностью сосредоточенная на небольшом пространстве, разделенном на шестьдесят четыре черных и белых квадрата» (Ц., 1: 591).

Великая «королевская игра» вызывает у писателя восхищение, его тревожит ощущение некой тайны, которая в ней сокрыта, нечто не поддающееся объяснению: «Чем больше я старался понять этот тип людей, тем непостижимее казалась мне эта работа человеческого мозга, полностью сосредоточенная на небольшом пространстве, разделенном на шестьдесят четыре черных и белых квадрата. По личному опыту мне было знакомо таинственное очарование “королевской игры”, единственной из игр, изобретенных человеком, которая не зависит от прихоти случая и венчает лаврами только разум, или, вернее, особенную форму умственной одаренности. Но разве узкое определение “игра” не оскорбительно для шахмат? Однако это и не наука и не искусство, вернее, нечто среднее, витающее между двумя этими понятиями, подобно тому, как витает между небом и землей гроб Магомета. В этой игре сочетаются самые противоречивые понятия: она и древняя и вечно новая; механическая в своей основе, но приносящая победу только тому, кто обладает фантазией; ограниченная тесным геометрическим пространством – и в то же время безграничная в своих комбинациях; непрерывно развивающаяся – и совершенно бесплодная; мысль без вывода, математика без результатов, искусство без произведений, архитектура без камня. И, однако, эта игра выдержала испытание временем лучше, чем все книги и творения людей, это единственная игра, которая принадлежит всем народам и эпохам, и никому не известно имя божества, принесшего ее на землю, чтобы рассеивать скуку, изощрять ум, ободрять душу. Где начало ее и где конец? Ее простые правила может выучить любой ребенок, в ней пробует силы каждый любитель, и в то же время в ее неизменно тесных квадратах рождаются совсем особенные, ни с кем не сравнимые мастера – люди, одаренные исключительно способностями шахматистов» (Ц., 1: 591).

И все же перед загадкой «королевской игры» писатель останавливается в недоумении – и переключается на нравственно-психологические, а отчасти политические ее аспекты. Его интересует столкновение двух противоположных характеров: *ограниченного и высокомерного, неотесанного парня* (Ц., 1: 589) Чентовича, который использует свой талант, чтобы «заработать как можно больше денег, проявляя при этом мелочную и нередко грубую жадность» (Ц., 1: 589), – и благородного доктора Б., жертвы нацизма, которого шахматы спасли в камере-одиночке от психологической и интеллектуальной деградации. Отсюда и противостояние двух стилей в игре: железной, холодной логики и нервной изобретательности воображения и т. п.

Взгляд Цвейга – это все же взгляд стороннего наблюдателя, любителя, способного воспринять лишь внешнюю сторону феномена и плохо понимающего внутренний смысл его.

«Мне было всегда трудно, почти невозможно представить себе жизнь человека, обладающего деятельным умом и в то же время ограничившего свой мир небольшим бело-черным пространством и способного находить радость бытия в передвижении туда и сюда тридцати двух фигур. Я не мог понять психологии человека, который верит в то, что ход конем, а не пешкой может принести ему славу и обеспечить местечко среди бессмертных, выражающееся в коротеньком примечании к руководству по шахматной игре, разумного, мыслящего человека, который, не будучи сумасшедшим, в течение десяти, двадцати, тридцати, сорока лет снова и снова посвящает всю силу своего ума нелепому занятию – во что бы то ни стало загнать в угол деревянной доски деревянного короля» (Ц., 1: 592).

А вот Набоков не просто наблюдатель – автор «Защиты Лужина» не раз признавался в своей страстной увлеченности шахматами, называя себя *скромным, но пламенным поклонником Каиссы* (Н., 2: 643). Он сам прекрасный шахматист, поэтому ему открыты сокровенные глубины явления.

Немаловажно при этом, что игре с противником, к которой он относится с оттенком пренебрежения, Набоков предпочитал занятие еще более эфемерное – составление шахматных композиций: «Это сложное, восхитительное и ничемное искусство стоит особняком: с обыкновенной игрой, с борьбой на доске, оно связано только в том смысле, как, скажем, одинаковыми свойствами шара пользуется и жонглер, чтобы выработать в воздухе свой хрупкий художественный космос, и теннисист, чтобы как можно скорее и основательнее разгромить противника» (Н., 5: 319).

Искусство составления шахматных задач, как писал уже зрелый Набоков в «Других берегах», имеет «точки соприкосновения с сочинительством» (Н., 5: 321). И, быть может, именно шахматы помогли молодому писателю В. Сирину найти новый принцип эстетического освоения реальности. Лужин, в отличие от своего Автора, «составлением задач <...> не увлекся» (Н., 2: 342).

Излишне добавлять, что для Цвейга сочинение шахматных композиций – сфера не просто загадочная, но абсолютно закрытая. Зато азарт, накал страстей и эйфорию шахматной борьбы писатель показал великолепно.

Цвейг воспринимает «королевскую игру» как нечто хотя и загадочное, но, в конечном счете, все же вполне «от мира сего». Набоков видит скрытые под физической оболочкой процессы метафизические, ирреальные и даже метафизические.

Достаточно вспомнить известный эпизод с составлением писателем Федором, героем «Дара», шахматной композиции: «ключ, первый ход белых, был замаски-

рован своей мнимой нелепостью, – но именно расстоянием между ней и ослепительным разрядом смысла измерялось одно из главных художественных достоинств задачи, а в том, как одна фигура, точно смазанная маслом, гладко заходила за другую, скользнув через всё поле и забравшись к ней подмышку, была почти телесная приятность, щекочущее ощущение ладности. На доске звездно сияло восхитительное произведение искусства» (Н., 4: 352).

Перед нами не просто шахматы, но их поэтическая жизнь, открытая взору Набокова – шахматиста и художника.

Разная степень личного «соучастия» в игре, погруженности в нее – важный фактор, предопределивший различия в интерпретации Набоковым и Цвейгом «шахматного феномена».

По-разному решают писатели и самую «шахматную» тему: Цвейг – в манере реалистической, в плоскостном измерении; В. Сирин – в двухуровневой модели «художественного двоемирия».

Набоков акцентирует внимание на *мистико-трансцендентном* подтексте «шахматного феномена». «Великая литература идет по краю иррационального»¹, – писал Набоков. Цель искусства – постигать «тайны иррационального... при помощи рациональной речи» (Н1., 1: 443), проникая за видимую поверхность жизни в некую идеальную сущность вещей.

Так в «Защите Лужина» В. Сирин видит в подтексте чисто физической игры бытие и активность мистико-трансцендентных сил.

Поэтому если Чентович – просто личность, наделенная крайне *однобоким, необычайным талантом* (Ц., 1: 586), то набоковский герой принадлежит к разряду людей «с одним лишним измерением»². Как писал Набоков в романе «Пнин»: «Люди – как числа, есть среди них простые, есть иррациональные» (Н1., 3: 40). Такие люди живут в мире абсолютно бесполезных мыслей, знаний, умозаключений и размышлений, и ничто иное их не интересует.

И в отличие от Чентовича, у которого за тяжелыми веками лишь тупость, отсутствие всякой мысли и чувства, полуопущенные веки Лужина прикрывают некую инобытийную реальность. Отрешенно, словно из «потусторонности» глядят на мир его «удивительные глаза, узкие, слегка раскосые, полуприкрытые тяжелыми веками и как бы запыленные чем-то. Но сквозь эту пушистую пыль пробивался синеватый, влажный блеск, в котором было что-то безумное и привлекательное» (Н., 2: 354).

Лужин и в самом деле человек «другого измерения, особой формы и окраски, не совместимый ни с кем и ни с чем» (Н., 2: 366). И речь его не просто неразвита, «неуклюжа, полна безобразных, нелепых слов» (Н., 2: 408) – «иногда вздрагивала в ней интонация неведомая, намекающая на какие-то другие слова, живые, насыщенные тонким смыслом, которые он выговорить не мог <...>. Лужин таил в себе едва уловимую вибрацию, тень звуков, когда-то слышанных им» (Н., 2: 408).

Сама шахматная игра происходит у В. Сирина отнюдь не на доске, а в измерении *трансцендентном*. «На самом-то деле, – отмечает американский исследователь русского происхождения В. Александров, – Лужин играет “в неземном измерении”»³.

Вот, например, партия Лужина с Турати: «Сперва шло тихо, тихо, словно скрипки под сурдинку. Игроки осторожно занимали позиции, кое-что выдвига-

¹ Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. Т. 1. СПб., 1997. С. 503. Англоязычные произведения писателя цитируются по этому изданию с пометой Н1.

² Гессе Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. СПб., 1994. С. 334.

³ Александров В.Е. Набоков и потусторонность: Метафизика, этика, эстетика. СПб., 1999. С. 89.

ли вперед, но вежливо, без всякого признака угрозы, – а если угроза и была, то вполне условная, – скорее намек противнику, что вон там хорошо бы устроить прикрытие, и противник, с улыбкой, словно это было все незначительной шуткой, укреплял, где нужно, и сам чуть-чуть выступал. Затем, ни с того, ни с сего, нежно запела струна. Это одна из сил Турати заняла диагональную линию. Но сразу и у Лужина тихохонько наметилась какая-то мелодия. На мгновение протрепетали таинственные возможности, и потом опять – тишина: Турати отошел, втянулся. И снова некоторое время оба противника, будто и не думая наступать, занялись прихорашиванием собственных квадратов, – что-то у себя пестовали, переставляли, приглаживали, – и вдруг опять неожиданная вспышка, быстрое сочетание звуков: сшиблись две мелкие силы, и обе сразу были сметены: мгновенное виртуозное движение пальцев, и Лужин снял и поставил рядом на стол уже не бесплотную силу, а тяжелую желтую пешку; сверкнули в воздухе пальцы Турати, и в свою очередь опустилась на стол косная черная пешка с бликом на голове. И, отделавшись от этих двух внезапно одеревеневших шахматных величин, игроки как будто успокоились, забыли мгновенную вспышку: на этом месте доски, однако, еще не совсем остыл трепет, что-то все еще пыталось оформиться... Но этим звукам не удалось войти в желанное сочетание, – какая-то другая, густая, низкая нота загудела в стороне, и оба игрока, покинув еще дрожавший квадрат, заинтересовались другим краем доски. Но и тут все кончилось впустую. Трубными голосами перекликнулись несколько раз крупнейшие на доске силы, – и опять был размен, опять преобразование двух шахматных сил в резные, блестящие лаком куклы. И потом было долгое, долгое раздумье, во время которого Лужин из одной точки на доске вывел и проиграл последовательно десяток мнимых партии, и вдруг нащупал очаровательную, хрустально-хрупкую комбинацию, – и с легким звоном она рассыпалась после первого же ответа Турати. Но и Турати ничего не мог дальше сделать и, выигрывая время, – ибо время в шахматной вселенной беспощадно, – оба противника несколько раз повторили одни и те же два хода, угроза и защита, угроза и защита, – но при этом оба думали о сложнейшей комбинации, ничего общего не имевшей с этими механическими ходами. И Турати, наконец, на эту комбинацию решился, – и сразу какая-то музыкальная буря охватила доску, и Лужин упорно в ней искал нужный ему отчетливый маленький звук, чтобы в свою очередь раздуть его в громовую гармонию. Теперь все на доске дышало жизнью, все сосредоточилось на одном, туже и туже сматывалось; на мгновение полегчало от исчезновения двух фигур, и опять – фуриозо» (Н., 2: 387–389).

Фрагмент решен в музыкальных терминах и образах. «Шахматная тема» в романе, как это уже давно замечено исследователями, неизменно подсвечена темой музыкальной, то сплетаясь с ней, то развиваясь параллельно¹. У Цвейга также мелькает аналогия *шахмат с музыкой* (Ц., 1: 588).

Надо заметить, однако, что в «Защите Лужина» такая корреляция в каждом случае имеет разный смысл. Так мечты Лужина-старшего, писателя, о сыне-вундеркинде «музыкального» типа, как и то, что в глазах общества Лужин-шахматист «неудачным музыкантом или что-то вроде этого» (Н., 2: 426), – все это проникнуто авторским сарказмом и лишь призвано показать невежественность и ограниченность *пошлого* большинства: эти люди просто не в состоянии представить себе

¹ См., например: Александров В.Е. Набоков и потусторонность. С. 76–78; Бойд Б. Владимир Набоков: Русские годы. Биография. СПб., 2010. С. 391–397; Барабтарло Г. Сочинение Набокова. СПб., 2011. С. 129–134.

гения иного, чем музыкального или артистического типа. Невесте Лужин тоже представлялся чем-то похожим на *музыканта* – просто потому, что с шахматистами она раньше не встречалась, а оба дара рождали ассоциацию «с гениальными чудаками» (Н., 2: 355). Здесь уже отнюдь не сарказм, но лишь мягкая ирония.

Серьезный, провидческий смысл заключала в себе фраза знаменитого скрипака из «дошахматного» детства Лужина: «Какая игра, какая игра <...>. Комбинации, как мелодии. Я, понимаете ли, просто слышу ходы» (Н., 2: 326).

В процитированном фрагменте партии с Турати *музыкальная* образность отнюдь не самостоятельна, но обретает важную художественную функцию – воплощения *мистико-иррациональной* реальности. Об этом говорит последняя фраза приведенного пассажа о партии с Турати: «В упоительных и ужасных дебрях бродила мысль Лужина, встречая в них изредка тревожную мысль Турати, искавшую того же, что и он» (Н., 2: 389).

Музыка, самое абстрактное из искусств, идеально подходит для воплощения трансцендентности – она есть средство воплощения бытия сознания, человеческой мысли. В этом идеальном измерении мира шахмат и протекает настоящая жизнь Лужина.

В комплекс шахматного феномена у обоих писателей входит *игра вслепую*, а также *шахматное безумие*, хотя решены эти темы в «Защите Лужина» и «Шахматной новелле» по-разному.

Не случайно именно *игра вслепую*, «которую он вел в неземном измерении, орудуя бесплотными величинами» (Н., 2: 358), доставляла Лужину глубочайшее наслаждение. Он «отчетливо чувствовал, что тот или другой воображаемый квадрат занят определенной сосредоточенной силой, так что движение фигуры представлялось ему как разряд, как удар, как молния, – и все шахматное поле трепетало от напряжения, и над этим напряжением он властвовал, тут собирая, там освобождая электрическую силу» (Н., 2: 358).

Лужину *зримые, слышимые, осязаемые фигуры* «своей вычурной резьбой, деревянной своей вещественностью, всегда мешали <...>, всегда <...> казались грубой, земной оболочкой прелестных, незримых шахматных сил» (Н., 2: 358).

И в то время как обитатели курортного городка видели нечто из области безумия: Лужин «сидит за пустой шахматной доской» (Н., 2: 357), – сам он переживал в шахматной «потусторонности» бури страстей, драмы и трагедии.

Чентович в «Шахматной новелле», напротив, «был абсолютно не способен воссоздать в своем воображении шахматную доску. Ему было совершенно необходимо иметь перед глазами настоящую, в шестьдесят четыре черных и белых квадрата доску и тридцать две фигуры» (Ц., 1: 588).

У Цвейга игрой вслепую в совершенстве овладел антипод грубого Чентовича – доктор Б. Очевидно, Цвейг не мог допустить, чтобы столь идеальная способность, как игра в воображении, которая предполагают в личности высокий уровень интеллекта и духовности, могла сочетаться с тотальной неразвитостью.

По-разному решают писатели и тему шахматного *безумия*. Цвейг исследует медико-психологические аспекты феномена: доктора Б. вынужден был, заключенный нацистами в одиночную камеру, скрывать от своих преследователей свое увлечение и оттого долгое время играл вслепую, причем в конце концов уже за обе стороны – и за черных, и за белых. Так развилась шахматная шизофрения.

Лужин, как и доктор Б., тоже начал играть с самим собой, когда «все партии в старом журнале были изучены, все задачи решены» (Н., 2: 337), однако игра за

обе стороны не причинила никакого вреда его здоровью. Все просто «безнадежно кончалось разменом всех фигур и вялой ничьей» (Н., 2: 337).

И хотя на первый взгляд может показаться, будто и набоковский герой, как доктор Б., заболел от переутомления, от сверхчеловеческого умственного перенапряжения, причины его *безумия* абсолютно иного, чем у доктора Б., порядка – они иррациональны.

В свое время В. Ходасевич причину трагедии героя В. Сирина видел в том, что он всецело принадлежит миру «отвлеченного искусства»¹.

«В лице Лужина, – писал критик, – показан самый ужас <...> профессионализма, показано, как постоянное пребывание в творческом мире из художника, если он талант, а не гений, словно бы высасывает человеческую кровь, превращая его в автомат, не приспособленный к действительности и погибающий от соприкосновения с ней»².

Объяснение выглядит убедительно... Но, может быть, слишком «реалистическим» и простым для такого сочинителя, как Набоков. К тому же ведь в финале романа, совершенно четко сказано, погиб Лужин от соприкосновения отнюдь не с действительностью, а с «шахматными безднами». Повиснув на карнизе, за мгновение до того, как отпустить руки, Лужин «глянул вниз. Там шло какое-то торопливое подготовление: собирались, выравнивались отражения окон, вся бездна распадалась на бледные и темные квадраты, и в тот миг, что Лужин разжал руки, в тот миг, что хлынул в рот стремительный ледяной воздух, он увидел, какая именно вечность угодливо и неумолимо раскинулась перед ним» (Н., 2: 465).

Так что же на самом деле погубило «бедного» Лужина?

В продолжении романа за героя и его судьбу ведут борьбу две силы: «живая жизнь», с одной стороны, и рок, шахматное инобытие – с другой. Лужин вовсе не та личность, которая свободно выбирает свой путь в жизни. Представитель шахматного рока в романе – бездушный антрепренер Валентинов. Своего представителя – молодую любящую женщину – посылают «бедному» Лужину, пытаюсь спасти его, и силы «живой жизни».

Мнения исследователей об этом персонаже разнятся: большинство, доверяясь словам самого автора в тексте романа, относятся к девушке с симпатией, иногда снисходительной³. Но вот Э. Найман⁴ считает ее едва ли губительницей Лужина, пытающейся всеми силами вырвать Лужина из родственной ему шахматной сферы, чтобы привязать к себе и окончательно переместить в обычную жизнь. Думаю, точка зрения Э. Наймана некорректна. Ведь невеста-жена Лужина любила своего избранника вполне бескорыстно, даже самоотверженно. Она ничего не имела против шахмат, хотя и ничего в них не понимала, и гордилась успехами Лужина-шахматиста. Но, когда игра стала грозить здоровью и самой жизни любимого человека, женщина, естественно, попыталась спасти его, оторвав от шахмат.

¹ Ходасевич В. «Защита Лужина» // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М., 2000. С. 65–66.

² Ходасевич В. О Сирине // В.В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 249.

³ См.: Connolly J.W. Nabokov's Early Fiction: Patterns of Self and Other . Cambridge, 1993. P. 291; Александров В.Е. Набоков и потусторонность. С. 79-82; Бойд Б. Владимир Набоков: Русские годы. С. 380, 392; Барабтарло Г. Сочинение Набокова. С. 125, 129, 134; Джонсон Д.Б. Миры и антимирсы Владимира Набокова. СПб., 2011. С. 122–132 и др.

⁴ См.: Найман Э. Литландия: аллегорическая поэтика «Защиты Лужина» // Поэтика Набокова. НЛО. 2002. № 54. С. 59–61.

В конце концов шахматная «потусторонность» поглотила своего вассала, бедного Лужина, ибо тот все время предпринимал попытки бежать от нее.

Сравнительно-типологический анализ двух «шахматных» текстов обнаруживает их корреляцию, причем не только тематическую, но не в меньшей мере на уровне проблематики, сюжета, образов героев и др. Хронологический парадокс этой параллели в том, что традиционная, реалистическая манера отличает именно новеллу Цвейга, написанную десятью годами позже «Защиты Лужина», – романа, который знаменовал рождение нового художественного метода. Очевидно, прекрасный писатель Цвейг, сочинив новеллу о шахматах, взялся все же не за свою тему.

18 апреля 2016 г.

ЛИТЕРАТУРА

Александров В.Е. Набоков и потусторонность: Метафизика, этика, эстетика. СПб., 1999. 320 с.

Барабтарло Г. Сочинение Набокова. СПб., 2011. 462 с.

Бойд Б. Владимир Набоков: Русские годы. Биография. СПб., 2010. 720 с.

Гессе Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. СПб., 1994. 416 с.

Гик Е. Шахматы в художественной литературе // Наука и жизнь. 2007. № 7 (www.nkj.ru/archive/articles/11063).

Джонсон Д.Б. Миры и антимирсы Владимира Набокова. СПб., 2011. 352 с.

Набоков В.В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т. 2. СПб., 2000. 784 с.

Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. Т. 1. СПб., 1997. 608 с.

Найман Э. Литландия: аллегорическая поэтика «Защиты Лужина» // Поэтика Набокова. НЛЮ. 2002. № 54. С. 59–61.

Ходасевич В. «Защита Лужина» // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М., 2000. С. 64–67.

Ходасевич В. О Сирине // В.В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 238–244.

Цвейг С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1963. 635 с.

Connolly J.W. Nabokov's Early Fiction: Patterns of Self and Other Cambridge, 1993. 295 p.

REFERENCES

Aleksandrov V.Ye. (1999) Nabokov and Otherworldliness: Metaphysics, Ethics, and Aesthetics. St.-Petersburg. 320 p.

Barabtarlo G. (2011) Nabokov's Work. St.-Petersburg. 462 p.

Brian B. (1993) Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton University Press. 619 p.

Connolly J.W. Nabokov's Early Fiction: Patterns of Self and Other Cambridge, 1993. 295 p.

Gik Ye. Chess in Fiction. *Nauka i Zhizn*. 2007. No 7 (www.nkj.ru/archive/articles/11063).

Hesse H. (1927) Der Steppenwolf. Berlin. S. Fischer. 289 S.

Johnson D.B. (1985) Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov. Ann Arbor, Mich. Ardis. 1985. X, 223 p.: ill.

Nabokov V.V. The Collected Works of Russian Period: In 5 v. Vol. 2. St.-Petersburg. 2000. 784 p.

Nabokov V.V. The Collected Works of American Period: In 5 v. V. 1. St.-Petersburg. 1997. 608 p.

Nayman E. Litlandia: Allegorical Poetics of “Zashita Luzhina” (“The Luzhin Defence”). *Poetics of Nabokov. NLO*. 2002. No 54, pp. 59–61.

Khodasevich V. “Zashita Luzhina” (“The Luzhin Defence”) The Writer without Retouching. *The Literary World on Vladimir Nabokov*. Moscow. 2000, pp. 64–67.

Khodasevich V. On Sirin. In: V.V. Nabokov: Pro et Contra. St.-Petersburg. 1997, pp. 238–244.

Zweig S. Schachnovelle. Frankfurt. Verlag: Fischer. 1983. 95 S. (Seiten Erstaussgabe: Stockholm. 1942)

Сведения об авторе:
Алла Владимировна Злочевская,
докт. филол. наук
ст. науч. сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla V. Zlochevskaya,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zlocevskaya@mail.ru

Е.Ю. Зубарева

**«Неистовое войско» («Das wütende Heer»)
или «Дикая охота» («Die wilde Jagd»)
в структуре традиционных мифологических
представлений германских народов**

Аннотация: В статье анализируются образы «Неистового войска» («Das wütende Heer») или «Дикой охоты» («Die wilde Jagd») и их место в структуре традиционных мифологических представлений германских народов. В основе своей этот образ немецкой народной мифологии восходит к древнегерманским религиозным представлениям о Водане (Одине), о Вальхалле как месте пребывания душ погибших в бою героев. Позднее к теме «дикой охоты» или «неистового войска» обратились и немецкие поэты эпохи романтизма. Многие поэты и писатели в своем творчестве вдохновлялись воинственными образами древнегерманской мифологии, среди которых образ «дикой охоты» или «дикого войска» был одним из самых ярких. Так, известный поэт эпохи Войны за освобождение Германии К.Т. Кёрнер озаглавил свое знаменитое стихотворение, написанное им в апреле 1813 г., «Дикая отчаянная охота Лютцова» («Lützows wilde verwegene Jagd»). Другим поэтом, который также неоднократно обращался к традиционным героям древнегерманских религиозных верований, был Готтфрид Август Бюргер. Одна из его знаменитых баллад прямо называется «Дикий охотник» («Der Wilde Jäger»). «Неистовое войско», в котором проносятся над землей души «павших от меча» воинов, с необычайной силой изображено Г.А. Бюргером в его прославленной «Леноре», переведенной на множество иностранных языков (в том числе и на русский язык В.А. Жуковским). Если «Дикая отчаянная охота Лютцова» создана К.Т. Кёрнером в годы Освободительной войны немецкого народа против Наполеона, то в «Леноре» нашли отражение события Семилетней войны (1756–1863). Вместе с тем образы «дикой охоты» и «неистового войска» восходят не только к древнегерманской, но и к общеиндоевропейской традиции (Протесилай и Лаодамия в религии, литературе и искусстве Древней Греции и Рима).

Ключевые слова: «Неистовое войско», «Дикая охота», Водан (Один), Вальхалла, Ганс Закс, Иоганн Преториус, К.Т. Кёрнер, «Дикая отчаянная охота Лютцова», А. фон Лютцов, Г.А. Бюргер, «Дикий охотник», «Ленора», Освободительная война 1813 года против Наполеона

Abstract: The article discusses the images of «Das Wütende Heer» and «Die Wilde Jagd» in the traditional German mythology. A lot of the famous poems in the German literature – «Lützows wilde verwegene Jagd» of K.T. Körner and «Der Wilde Jäger» of G.A. Bürger are closely connected with the images of the German mythology and the German national folklore tradition. In the poem of K.T. Körner the heroic struggle of the German people against Napoleon is considered simultaneously with the well-known theme of the German mythology – «die wilde Jagd», «das wütende Heer» with the principal German God Wodan (Odin) at the head. The poem «Der wilde Jäger» of G.A. Bürger is consecrated **with** the traditional image of the German Mythology.

Key words: «Das Wüten de Heer», «Die Wilde Jagd», Wodan (Odin), Walhalla, H. Sachs, J. Prätorius, K.T. Körner, «Lützows wilde ver wegene Jagd», A. von Lützow, G.A. Bürger, «Der Wilde Jäger», «Lenora», the German liberation war against Napoleon

Одним из наиболее ярких образов традиционных мифологических представлений германских народов является образ «дикой охоты» («die wilde Jagd») или «неистового войска» («das wütende Heer»). В основе своей этот образ немецкой народной мифологии восходит к древнегерманским религиозным представлениям. Позднее к теме «дикой охоты» или «неистового войска» обратились и немецкие поэты эпохи романтизма. Войны германских государств против наполеоновской Франции и особенно Освободительная война 1813 года, которая привела к избавлению Германии от чужеземного владычества, усилили интерес немецкого общества к своему прошлому, к национальной культурной и мифологической традиции. В такой ситуации многие поэты и писатели в своем творчестве вдохновлялись воинственными образами древнегерманской мифологии, среди которых образ «дикой охоты» или «дикого войска» был одним из самых ярких. Так известный поэт эпохи Войны за освобождение Германии К.Т. Кёрнер озаглавил свое знаменитое стихотворение, написанное им в апреле 1813 г., «Дикая отчаянная охота Лютцова» («Lützows wilde verwegene Jagd»). В этом стихотворении К.Т. Кёрнер, который сам вступил в отряд майора (затем подполковника) прусской армии А. фон Лютцова в качестве добровольца, сравнивает своих товарищей по Добровольческому «черному корпусу» А. фон Лютцова (добровольцы корпуса Лютцова носили черную униформу в память о страданиях немецкого народа под чужеземной властью) с воинами «неистового войска» немецкой народной мифологии¹. Впоследствии стихотворение К.Т. Кёрнера, положенное на музыку знаменитым немецким композитором-романтиком К.М. фон Вебером, стало одной из самых известных немецких народных песен.

Первые письменные упоминания о «дикой охоте», встречающиеся в немецкой литературе, относятся к эпохе правления Франконской (Салической) династии (1024–1125), к последним годам правления императора Генриха V (1106–1125).

Во «Всеобщей хронике» Эккехарда из Ауры от 1123 г. сообщается о множестве вооруженных всадников, которых в установленное время можно видеть в окрестностях Вормса. Эти всадники – души воинов, которые незадолго до этого погибли в сражении (*animae militum non longe antehac interfectorum*). Они появляются из недр горы и с наступлением утра, когда истекает время, отпущенное духам для

¹ Körner Th. Sämtliche Werke in zwei Bänden. Bd. I. Berlin. S. 27–28; о корпусе А. фон Лютцова и стихотворении К.Т. Кёрнера см: Lange F. (Hrsg.) Die Lützower. Erinnerungen, Berichte, Dokumente. Berlin, 1953. S. 5–7.

пребывания на земле, вновь возвращаются в подземное царство¹. Здесь следует только добавить, что представления о «Totenberg'ах», волшебных горах, в недрах которых пребывают души умерших и даже целые роды и семьи, часто встречаются в немецкой традиции. Здесь можно вспомнить и Карла Великого, находящегося в горе Оденберг (Odenberg), и Фридриха Барбароссу, который, согласно немецким преданиям, пребывает в горе Кифхойзер (Kyffhäuser), и основателя Саксонской династии Генриха Птицелова, в конце своей жизни отправившегося в недра горы Зудемерберг (Sudemerberg), и Карла V, который, согласно преданию, после своего отречения и смерти скрылся в горе Унтерсберг (Untersberg) возле Зальцбурга. Представления о «Totenberg'ах», т. е. о волшебных горах, в недрах которых пребывают души умерших, носят общегерманский характер, причем их связь с древнегерманской мифологией является совершенно прозрачной; так, в Швеции эти «Totenberg'и» даже именуется «Valhall»².

Парижский архиепископ Гийом Овернский, писавший в XIII в., также упоминает о призрачном войске духов, которое, по его словам, состоит прежде всего из вооруженных воинов и особенно из тех, кто «принял смерть от удара меча» (*gladio interfecti*)³. Многочисленные упоминания воинов, которые преобладают среди призраков «дикой охоты», позволили известному германисту О. Хёфлеру сопоставить «*die wilde Jagd*» или «*das wütende Heer*» с «*feralis ex ercitus*» (дословный пер. с лат. – «неистовое, мрачное, свирепое войско», в соответствии с контекстом прилагательного «*feralis*» явно связанное с загробным миром) германского племени хариев, описанным Тацитом в его «Германии». Тацит писал: «А теперь о хариях: превосходя силою перечисленные только что племена и свирепые от природы, они с помощью всевозможных ухищрений и используя темноту, добиваются того, что кажутся еще более дикими: щиты у них черные, тела раскрашены; для сражений они избирают непроглядно темные ночи и мрачным обликом своего как бы призрачного и замогильного войска вселяют во врагов такой ужас, что никто не может вынести это невиданное и словно уводящее в преисподнюю зрелище; ведь во всех сражениях глаза побеждаются первыми»⁴. Согласно «*Reallexikon der germanischen Altertumskunde*» «*Narii*» Тацита переводятся как «принадлежащие к призрачному войску духов»⁵, а в комментариях к «Германии» Тацита, написанных известным немецким гуманистом и деятелем Реформации А. Альтамером (A. Althamer), есть следующее примечание: «И в наши дни в нижней Германии можно встретить отряды воинов, которые именуют себя “дьявольским войском”. Их оружие, копья, одежды и даже лица – все адски черного цвета, что наводит небывалый ужас на врагов» (*nostra aetate militum manus in inferiori Germania se Diabolos appellarunt, ad incutiendum terrorem ijs aduersum quos mittebantur . Vestes erant nigrae, hastae nigrae, uultus ipsi nihilo candidiores. Et certe multis juxta nomen perniciem attulerunt, donec crebris bellis consumarentur*)⁶.

¹ Waitz G. (Hrsg.) Ekkehardi Uraugensis chronica. In: Pertz G.H. u.a. (Hrsg.) Monumenta Germaniae Historica. I Hauptabteilung: Scriptorum 6: Chronica at annales aevi Salici. Hannover, 1844. VI. S. 261.

² Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. Frankfurt am Main, 1934. S. 224.

³ Hotot F. (Éd.) Guilielmus Alverniensis Episcopus Parisiensis. Opera omnia. 2 vol., apud Andream Pralard. Orléans-Paris, 1674 (rééd. anast. Frankfurt-am-Main, 1963). S. 1066f.; Grimm J. Deutsche Mythologie. Bd. II. Graz, 1968. S. 785–786.

⁴ www.hist.msu.ru/ER/Etext/tacit.htm

⁵ Hoops J. (Hrsg.) Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd. II. Straßburg, 1914. S. 450.

⁶ Andreae Althameri Commentaria Germaniae. In: P.C. Taciti. libellus de situ, moribus et populis Germanorum. Ausg., 1536. S. 308f.

К XIV в. относится Мюнхенский заговор («Münchener Nachtsegen»), где также упоминаются «Wutanes her und alle sine man»¹.

В XVI–XVII вв. упоминания о «дикой охоте» или «яростном войске» становятся все более многочисленными. В «Страсбургской хронике» («Straßburger Chronik») за 1516 г. говорится: «Не только в этом году, но и прежде во всех наших немецких землях и особенно в Эльзасе и Брейсгау можно было видеть “яростное войско”. Появлялось сие войско не только ночью, но и днем в горах и в лесной местности. Ночью дикое войско проносилось с великим шумом над пустынными полями и лесами, видели его и в городах, сопровождаемое огнями и музыкой. В сем призрачном войске можно видеть 50, 80, 100 и даже 200 духов. Один несет голову, у другого – в руках крест, третий держит руку или ногу, в соответствии с тем, кто из них и каким образом окончил свой земной путь в кровавой битве. Призрачное войско сие окружено сиянием, так что легко можно узнать, кто из призраков погиб в каком сражении и каким образом он расстался с жизнью. Впереди войска шествует грозный дух, который восклицает: Прочь, прочь с дороги! Берегись вреда!» (Disses Jahr nit allein, sondern auch viel Jahr her, hatte man ihn allen Landten, insonder ihm Elsass, Brissgaw undt anders wo das Wüetten-Hör genandt, nit allein bey Nacht, sondern auch am Tag, ihn Wäldten und Bergen gehört. Bey Nacht lieffen sie mit Drummen undt Pfeiffen über die Felder, auch durch die Statt mit grossem Geschrey, mit Liechtern. Solche Gespenst lieffen 50, 80, auch oft 100 undt 200 miteinander. Der Ein drug der Kopf, der Ander das Kröss ihn Händen, etwann ein Arm oder Schenkel, wie sie im Krieg wahren umb kommen. Sie hatten Liechter mit Lauffen, also dass man sie erkennen möchte, wer sie sindt gewesen undt zuuor ahn ihn kriegem undt anderswo umb kommen. Es lieff abwegen Einer voraus, der schreye stetz: abweg, abweg, das Niemandt nichts schähe...)².

В «Швабской хронике» Мартина Краузе (Крузия), относящейся к середине XVI в., говорится о «яростном войске» («exercitum furiosum»), в котором проносятся над землей души детей, умерших до крещения, души всех воинов, которые погибли в битвах, всех, охваченных яростью, души которых не обрели покоя» («in quo essent omnes infantes non baptizati, omnes in pugna caesi, omnes ecstatici, in quorum corpora animae, quae evolassent, non rediissent...»)³.

К концу 50-х годов XVI в. относится стихотворение известного поэта-майстерзингера Ганса Закса «Беседа о вознесении на небо маркграфа Альбрехта» («Gesprech von der himelfart mar graff Albrechtz anno 1557»), где речь идет о маркграфе Бранденбургском Альбрехте Алквивиаде, известном своей воинственностью и активным участием в бурных военных и политических конфликтах эпохи Реформации. В стихотворении говорится о таинственном видении поэта, которое перенесло его в царство мертвых:

...И вот мы достигли долины адской реки Стикс;
15. Там пребывало великое множество душ, изрубленных,
с еще кровоточащими ранами, смертельно бледных,
Исполненных скорби и великой горести;
Некоторые с веревкой вокруг шеи,
20. И они были подобны призракам «яростного войска»...

¹ Münchener Nachtsegen. Hrsg. von Th. von Grienberger. Im: Zeitschrift für deutsches Altertum. Heft 41. S. 335–363. (Zeitschrift für deutsches Altertum далее ZfdA. – E.3.)

² Panzer Fr. Deutsche Heldensage im Breisgau. Heidelberg, 1904, S. 83, Anm. 109.

³ Uhland L. Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage. Hrsg. von HollandW.L., Keller A. von und Pfeffer F. Stuttgart, 1865–1873. Bd. VII. S. 606.

36. ...Он сказал: «Здесь собраны те, кто окончил свою жизнь в кровавом бою...»
 ...Nach dem kamen wir weiter hin an das hellwasser Stix zu thal;
 15. Darbei stund ein unzelig zal, zerhackt, verwundt, noch also blutig,
 Tödlich blaich, traurig und unmutig, wie ghenckte köpf war ir anblick;
 Mancher het noch am hals ein strick,
 20. Und stunden da aller gestalt, wie man das wüttend here malt..
 36. ...Er sprach: «Das ist die ganze sumb, die in dem kriegem kamen umb...»¹

Тот факт, что в стихотворении Ганса Закса упоминаются повешенные («mancher het noch am hals ein strick»), не должен вызывать удивления, если вспомнить, что, согласно древнегерманским представлениям, Один (Водан), – этот, по словам Отто Хёфлера, «самый таинственный из германских богов»² («der rätselhafteste von allen germanischen Götter»), – был не только богом воинского и поэтического экстаза (на это указывают его многочисленные эпитеты, такие как Sigmundr, Nerjan, Hjarrandi, Hnikarr (der zum Kampf aufhetzende)³, поэзия как farmr Одина или как Yggs full⁴, и т. д., но и богом, в той или иной степени связанным с повешенными. Эта его функция также нашла отражение в многочисленных эпитетах, таких как Hangatyr, Hangi, galga farmr⁵ и т. д. В Германии и скандинавских странах сложилась прочная традиция, согласно которой Одина (Водана) в образе таинственного одноглазого старика можно было встретить в пустынных местах около виселиц, рядом с раскачивающимися на ветру телами повешенных.

По мнению большинства ученых, жертвоприношения Одину (Водану) совершались обычно двумя способами: во-первых, жертву пронзали копьем, причем рану копьем германцы наносили и умирающим естественным путем, чтобы они тем самым могли избежать позорной смерти от болезни или старости и уйти подобно воинам, павшим в бою⁶. В «Саге об Инглингах» говорится, что сам Один (Водан) повелел ударить себя копьем, чтобы уподобиться погибшим в сражении героям, души которых принадлежат ему⁷. Здесь следует отметить, что из всех видов оружия копье не только «принадлежало» Одину (Водану), как, к примеру, молния – Зевсу, трезубец – Посейдону, а лук и стрелы – Аполлону, но и было любимым оружием германцев, на котором чаще всего можно встретить магические рунические надписи.

При объявлении войны в сторону вражеского войска метали копье, посвящая врагов в жертву Одину (Водану) и прося у него победы в бою⁸. Так, по словам Тацита, во время войны хаттов и гермундуров одни посвятили своих врагов в жертву Марсу (т. е. в римской интерпретации богу Циу, божеству неба и войны у германцев), другие – Меркурию (т. е. Одину – Водану)⁹. Позднее, в эпоху средневековья, копье стало символом власти средневековых германских императоров и

¹ Hans Sachs' Werke. Erster Teil. Hrsg. von B. Arnold. Berlin u. Stuttgart, 1885. S. 298–307.

² Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. Frankfurt a. Main, 1934. S. 324–325.

³ Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. II. Berlin u. Leipzig, 1937. S. 173; см. также: Falk H. Odensheite. Kristiania: Dybwad, 1924.

⁴ Ibid. S. 180; см. также: Falk H. Odensheite. Kristiania, 1924.

⁵ Ibid. S. 169; см. также: Falk H. Odensheite, Kristiania, 1924.

⁶ См.: Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. II. S. 159–167.

⁷ «Сага об Инглингах», гл. 9 (*Снорри Стурлусон*. Круг Земной = Heimskringla / Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980); см. также: Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. II. S. 169.

⁸ Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. II. S. 169.

⁹ *Тацит Корнелий*. Соч.: В 2 т. Т. 1: Анналы. Л., 1969 (13; 57); Grimm J. Deutsche Mythologie. Bd. I. S. 36; Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. Bd. I–V. Berlin, 1870–1908; Bd. IV. S. 214.

священной реликвией Германской империи (так называемое «Die heilige Lanze»), но в данном случае оно уже было связано, конечно, не с культом Водана, а с кругом христианских представлений об искупительной жертве Христа и об исцелении сотника Лонгина, являясь интересным примером соединения древнегерманской и христианской традиций¹.

Другим характерным способом жертвоприношения Одину (Водану) было повешение. В германской традиции этот вид жертвоприношения также был связан с Одином (Воданом), который сам принес себя в жертву и в течение девяти дней висел на мировом древе, приобретая таким образом таинственное знание магических рун². Жертвоприношение в форме повешения распространялось на самые разные категории лиц. С одной стороны, германцы вешали военнопленных, рабов, преступников, т. е. повешение было прежде всего позорным видом казни³. Вместе с тем к нему прибегали могущественные и грозные конунги, доблестные воины, которые по примеру самого бога приносили себя в жертву Одину (Водану), чтобы «самый таинственный из германских богов» даровал их народу победу в войне, урожайный год и т. д., или же потому, что таким образом посвящали себя Одину (Водану)⁴. Иногда жертвоприношение в форме повешения сочеталось с ударом копья (повешенного пронзали копьем)⁵. Таким образом, повешение воспринималось германцами двояко. С одной стороны, это была позорная казнь, к которой приговаривали прежде всего воров, перебежчиков, предателей и совершивших преступления военнопленных. С другой стороны, как и удар копьем, это был магический культовый акт, уподоблявший жертву самому Одину (Водану). Он был связан с самыми глубокими религиозными представлениями германцев и был привилегией свободных и аристократии.

К XVII в. относится еще одно интересное описание «дикой охоты», принадлежащее известному проповеднику и эрудиту Иоганну Преториусу.

В своем сочинении «Blockes-Berges Verrichtung» (1668) он пишет: «...у нас в Тюрингии, особенно на Адвент, Рождество и Масленицу можно видеть великое множество духов, кои являются не только, как обычно, среди лесов, полей и прочих пустынных мест, но и в городах и деревнях; все это явно свидетельствует об обмане и ухищрениях дьявола. Среди духов можно увидеть и умерших, особенно погибших на войне, и живых людей; некоторые мчатся верхом точно рыцари, другие шествуют подобно мушкетерам и так они проносятся вихрем и маршируют туда и обратно. Все эти призраки пребывают обычно в горе Хёрсельберг. Ко всему вышесказанному я могу еще добавить, что сие призрачное войско является не только у нас, но и в графстве Мансфельд, и в лесах Гарца, во Франконии, Швабии, повсюду можно повстречать этих таинственных духов» (in unserm Thü-

¹ См.: Höfler O. Das germanische Kontinuitätsproblem. Im: Schriften des Reichsinstituts für Geschichte des neuen Deutschlands. Hamburg, 1937; Höfler O. Das Opfer im Semnonenhain und die Edda; Schneider H. (Hrsg.) Edda, Skalden, Saga. Heidelberg, 1952. S. 43.

² «Речи Высокого, 138–142» (Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Пер. А.И. Корсуна; Примеч. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1975).

³ См.: Amira K. von. Die germanischen Todesstrafen. Untersuchungen zur Rechts- und Religionsgeschichte. Im: Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische und historische Klasse. Bd. 31, 3. München, 1922.

⁴ Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. S. 230–231; Herrmann P. Erläuterungen zu den ersten neun Büchern der dänischen Geschichte des Saxo Grammaticus. Bd. II: Kommentar. Leipzig, 1901–1922. S. 417

⁵ Boor de H. Eine griechische Romanstelle und ein nordischer Opferbrauch. Im: Festschrift, tillägnad H. Pip-ping. Helsingfors, 1924. S. 25.

ringen... sonderlich ümb die heiligen Weynächten und Fastnachten nicht allein aufm Felde welches gemeinlich geschehen pf eget; sondern auch in den Städten und Dörfern selbst eine zieleche Menge Gespänster Betrüggnüssen und Teuffels Gauckeleyen gesehen; unter welchen so wohl lebendiger als todter Leute Gesichter in grosser Anzahl offte erkandt werden; welche bisweilen wie eine Schwatrone Reiter bisweilen wie ein Trop Mussquetirer sich erzeigen indem sie also hin und wieder streifen und marchiren. Dieser Gespönster Aufenthalt ist Hörselberg... Zu dem vorbesagten will ich noch zweyerley hinzu thun; Erstlich das dieser Gespenster Kriegs-Heer nicht allein bei uns: sondern auch in der Graffschaft Mansfeld, beym Hartz-Walde in Francken Schwaben ja auch andere Oerter herumb schweiffen sollen...)¹.

Одно из наиболее интересных описаний «дикой охоты» можно найти у А. Бирлингера в его описании швабских народных обычаев и преданий. Так, по его словам, в одной области Швабии, недалеко от деревушки Клингенштайн, находятся развалины старинного замка, который носит то же самое имя. Тропинка, ведущая к замку, давно заброшена и вся заросла густой травой и кустарником. Но есть еще одна причина, по которой окрестные жители боятся навещать эти места: местность эта пользуется дурной славой. По ночам (особенно на Адвент и Рождество) на тропинке и около замка слышны голоса, ржание коней, звон оружия, видны огни и таинственное мерцание. Это возвращается с охоты «яростное войско» во главе со своим предводителем. Сами собой взлетают в небо огромные массы песка и камней, во дворе и в окрестностях замка из земли бьют многочисленные источники. Кто осмелится показаться на пути «дикой охоты», тому приходится плохо. Однако наступает положенный час – и сами собой исчезают таинственные источники, не видно волшебных огней, не слышно звона оружия, ржания коней и лая собак. В заброшенном замке и окрестных глухих лесах вновь царят торжественная тишина и пустыньность².

Здесь следует отметить, что, согласно немецкой традиции, *der wilde Jäger* и *der Schimmelreiter* нередко появляются из внезапно возникшего из-под земли источника, который при их исчезновении удивительным образом иссякает³.

Вообще, согласно немецким и скандинавским народным верованиям, появление «дикой охоты» или «неистового войска» почти всегда сопровождается таинственными призрачными огнями и мерцанием, которые внезапно появляются глухой ночью в облетевших осенних и зимних лесах, в заброшенных замках, на пустынных лесных дорогах. Сам предводитель «дикой охоты» обычно является в образе призрака или вороного скакуна с огненными очами, его глаза излучают столь нестерпимый свет, что на них больно смотреть. Свору окружающих его призрачных собак можно заметить не только по лаю, но и по необычным, пылающим, как раскаленные угли, глазам⁴. Если запоздалому путнику довелось встретить «дикую охоту», то он должен броситься на землю и не поднимать головы, пока призрачное войско не исчезнет, в противном случае его ожидает суровое

¹ Prätorius J. Blockes-Berges Verrichtung. Leipzig, 1668. S. 16–17. Цит. по: www.deutschestextarchiv.de/book/show/praetorius_verrichtung_1668

² Birlinger A. Volkstümliches aus Schwaben. Bd. I. Freiburg im Breisgau, 1861. S. 32–33.

³ Kuhn A., Schwarz W. (Hrsg.) Norddeutsche Sagen. Märchen und Gebräuche. Leipzig, 1848 (№ 182, 183, 265); Grimm J. Deutsche Mythologie. Bd. II. S. 782–787; Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. S. 46–48.

⁴ Freudenthal H. Das Feuer im deutschen Glauben und Brauch. Berlin u. Leipzig, 1931. S. 496.

наказание¹. Здесь следует отметить, что одним из имен Одина (Водана) в древнегерманской традиции является «Váleygr», что означает «огненный глаз»².

Иногда при появлении «неистового войска» можно услышать музыку необычайной красоты. Так, согласно встречающемуся в Баварии поверью, «в сочельник накануне Рождества появляется “призрачное войско”. Оно выходит из горы Гельбирг (Gelbirg), что возле Хайденхайма, окруженное таинственными мерцающими огнями. Когда призраки “дикой охоты” проносятся над землей, то звучит нежная, невыразимо прекрасная музыка»³. Другое баварское предание рассказывает: «На святые праздники и особенно на Рождественский сочельник жители городка Оттобойрен (Ottobeuren) прежде слышали удивительную исполненную печали музыку. Многие внимали ей как зачарованные, но старые люди предупреждали, что музыка сия сопровождает шествие “призрачного войска”, именуемого в наших краях Wuetes. Кто, околдованный волшебной музыкой, последует за призраками, с тем приключится недоброе...»⁴. Представления о шествии «призрачного войска», сопровождаемого удивительной музыкой, встречаются и в немецкой Швейцарии. Писец магистрата города Люцерн Ренварт Цизат (Renwart Cysat) записал: «В месяц январь 1608 года в городе Люцерн и его окрестностях можно было встретить удивительный и ужасный призрак. И при явлении сего призрака в глухую полночь можно было слышать самую чудесную музыку, как если бы сами собой играли арфы, лютни, скрипки, виолы, цитры и тому подобные музыкальные инструменты»⁵. Предания о шествии «призрачного войска», сопровождаемого невыразимо прекрасной музыкой, встречаются и на севере Германии, т. е. они носят общегерманский характер. К XVII в. относится следующее свидетельство из Саксонии: «Недалеко от Грюнхайна (Grünhain) пастор из Шайбенберга (Scheibenberg) Кристиан Леман (Christian Lehmann) повстречал ночью «призрачное войско», которое шествовало по горным лесам, а вокруг звучала самая удивительная и нежная музыка»⁶.

К этому нужно добавить, что именно в Швабии и в Швейцарии часто встречается обозначение «дикой охоты» как «Wuotisheer», что, по мнению германистов, восходит к более древнему наименованию «яростного войска» как «Wuotanes her»⁷. Не менее прозрачным является наименование аналогичного «дикой охоте» явления в скандинавских странах. В Дании и Швеции, согласно народным поверьям, «яростное войско» духов обычно появляется в конце ноября – в декабре, там оно именуется «Odensjakt», т. е. «охота Одина»⁸. В октябре 1639 г. в шведском городе Финстрём («Finström») состоялся процесс, в ходе которого один из жителей города обвинялся в том, что он скакал верхом вместе с Odens Männern⁹.

В Норвегии появление «дикой охоты» также приходится на конец осени – начало зимы, но там это явление носит название «jolareidi» или «oskoreidi», что

См., например: Rocholz E.L. *Schweizersagen aus dem Aargau*. Bd. I–II. Aarau, 1856. Bd. I. S. 175; Kuhn A., Schwartz W. *Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Mecklenburg, Pommern, der Mark, Sachsen, Thüringen, Braunschweig, Hannover, Oldenburg und Westfalen*. Leipzig, 1848. S. 76.

² Falk H. *Odensheite*. Kristiania, 1924. S. 4.

³ Panzer Fr. *Bayerische Sagen und Bräuche*. Bd. I–II. Bd. I. München, 1848. S. 133.

⁴ Panzer Fr. *Bayerische Sagen und Bräuche*. Bd. I–II. Bd. II. München, 1855. S. 66–67.

⁵ Brandstetter R. *Die Wuotansage im alten Luzern. Der Geschichtsfreund: Mitteilungen des Historischen Vereins Zentralschweiz*. 1907. Vol. 62. S. 139.

⁶ Meiche A. *Sagenbuch des Königreichs Sachsen*. Leipzig, 1903. S. 17.

⁷ См.: Brandstetter R. *Die Wuotansage im alten Luzern. Der Geschichtsfreund: Mitteilungen des Historischen Vereins Zentralschweiz*. 1907. Vol. 62. S. 101–160.

⁸ Höfler O. *Kultische Geheimbünde der Germanen*. Bd. I. S. 78, 82–83.

⁹ Höfler O. *Kultische Geheimbünde der Germanen*. Bd. I. S. 44.

связано с празднованием праздника «jul»¹. В свою очередь Один (Водан) в древнегерманской традиции именуется «Jólnir»². Согласно распространенным в скандинавских странах и особенно в Швеции верованиям в новогоднюю ночь можно увидеть Одина (Водана) во главе войска призрачных духов³.

В скандинавских странах зимнее шествие духов может также именоваться «Lussefärden», поскольку приходится на день святой Люции – 13 декабря, который в странах с германской культурной традицией рассматривался как самый короткий день в году и поэтому считался серединой осенне-зимних праздников⁴. Само имя Люции производят от «lux», «licht», «lys» – свет. Согласно представлениям германских народов в эту самую длинную ночь перед поворотом солнца зарождался свет, а вместе с ним и жизнь наступающего года. В Германии, Австрии и скандинавских странах считалось, что со дня Св. Люции наступает Новый год, поскольку начинает прибавляться свет, в связи с этим нередко носили и скатывали с гор зажженные колеса. В некоторых областях Германии, Австрии и в Швеции бытует поверье, что на рассвете над замерзшими озерами и лесами можно увидеть призрачных духов и Люцию со светящейся короной на голове⁵. Вместе с тем Люция отнюдь не всегда настроена благожелательно по отношению к тем, кому довелось ее встретить.

Нередко в Германии и Австрии ее образ напоминает образ фрау Холле (Frau Holle), фрау Гауден (Frau Gauden) или Перхты (Percht), которые также могут проноситься по воздуху вместе с «дикой охотой». Так, в «Сатурналиях» Иоганна Преториуса («Saturnalia») говорится: «на святое Рождество является Диана со своим яростным войском» («Am Heil. Weynachten zeugt die Diana mit ihrem wütenden Krieges-Heer»)⁶. В другом месте И. Преториус говорит: «После Нового года и дня Трех королей Фрау Холле вновь должна вернуться в свой Хёрсельберг («Weiter soll solche Frau Holle aufs große neue Jahr oder am Heiligen 3 Könige Tage wiederümme kehren nach ihrem Horselberge»)⁷. Здесь следует вспомнить, что в древнегерманской мифологии Одину (Водану) принадлежит только половина душ убитых героев, другую же половину забирает Фрейя, которая таким образом тоже является повелительницей душ погибших воинов⁸. Фрейя подобно валькирии мчится на небесном коне, чтобы увлечь в царство мертвых души героев. И в сказании о битве Хедина и Хёгни именно колдовство Фрейи стало причиной того, что продолжается вечное сражение Хедина и Хёгни, которые, благодаря чародейству валькирии Хильд, каждый раз вновь и вновь оживают и, подобно героям Вальхаллы, устремляются в нескончаемый смертельный бой⁹.

¹ См.: Feilberg H.F. Jul. Kopenhagen, 1904; Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I. Berlin, 1970. S. 445–457; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники / Отв. ред. С.А. Токарев; Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М., 1973. С. 103–134

² Falk H. Odensheite. Kristiania, 1924. S. 20f.

³ См.: Feilberg H.F. Jul. Kopenhagen, 1904. S. 32, 325; Celander K.H. Nordisk jul. Stockholm, 1922.

⁴ Feilberg H.F. Jul. S. 53f., 334, 375; Celander K.H. Nordisk jul. Stockholm, 1922. S. 32ff.

⁵ Celander K.H. Nordisk jul. S. 39, Hammerstedt E. Lussi. In: Meddelanden fran Nordiska Museet. Stockholm, 1898 (1900); Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники. С. 104

⁶ Prätorius J. Saturnalia: Das ist eine Compagnie Weinachts-Fratzen. Leipzig, 1663. S. 395.

⁷ Prätorius J. Saturnalia. S. 403.

⁸ «Речи Гримнира, 14» (Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Пер. А.И. Корсуна; Примеч. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1975).

⁹ «Прядь о Сёрли» (Самые забавные лживые саги: Сб. статей в честь Г.В. Глазыриной / Ред. Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова. М., 2012).

Предания о «дикой охоте» встречаются не только в Германии, Австрии и скандинавских странах, они присутствуют также в Бельгии и Нидерландах, а также в Италии и во Франции, прежде всего на севере страны и в Нормандии, что еще раз указывает на связь этого образа с германской традицией. В Нидерландах, Бельгии, а также в романских странах «дикая охота» также появляется в конце осени – начале зимы и носит название «Chasse St. Huber» (во Франции и Бургундии в средние века со дня святого Гумберта начинался сезон охоты) или «mesnie Herlequin». В Бельгии, Нидерландах и романских странах представления о «дикой охоте» также тесно связаны с воинской и, можно даже сказать, рыцарской традицией. Предводителями «дикой охоты» в этих странах обычно являются Карл Великий, Роланд или король Артур¹.

В Швабии и в других областях Германии предводителя «дикой охоты» также именуют «Breithut» или «Langhut», т. е. «в шляпе с широкими полями», причем в Лаулице даже уточняют цвет этой шляпы – голубой², что также хорошо соотносится с древнегерманской традицией. В древнескандинавских источниках Один (Водан) описывается как одноглазый старик в шляпе с нависшими полями и голубом плаще (Hattr)³. В Германии предводителя «дикой охоты» также иногда именуют Wode или Wüder, иногда им становится der Schimmelreiter, der wilde Jäger, der schwarze Reiter, der schwarze Fuhrmann, der Wolf und der Ross mit den feurigen Augen⁴.

Конь издавна был тесно связан с Одином (Воданом), на это указывают некоторые из его имен, такие как Hrossharsgrani⁵. В честь Одина (Водана) совершалось жертвоприношение коня, по словам О. Хёфлера, «das berühmte germanische Pferdeopfer»⁶. Нередко сам предводитель «дикой охоты» принимал облик коня или всадника, скачущего на волшебном огненном коне. Согласно преданию, бытующему в одной из местностей Рейнской области, «в здешних лесах на Рождество и на прочие святые праздники иногда случается удивительное... Ночью в самой лесной глуши можно встретить белого скакуна. Из глаз и ноздрей у коня вырывается пламя, а верхом на нем мчится грозный всадник и бывает этот всадник то огромным, так что он достает до верхушек деревьев, то таким маленьким, что его трудно заметить. Иногда всадник вихрем проносится впереди призрачного войска и тогда можно слышать лай собак, стук копыт, звон оружия и видеть бесчисленные огни. Всё это именуют у нас “огненной охотой” (die fürige Jagd)»⁷. Согласно народным преданиям, в Норвегии во главе «дикой охоты» также находится «Guro Rysserova», что обычно переводится как Гудрун с конским хвостом⁸.

¹ См.: Driesen O. Der Ursprung des Harlekin. Im: Forschungen zur neueren Literaturgeschichte. Hrsg. Fr. von Muncker Fr. Bd. XXV. Berlin, 1904; Rühlemann M. Etymologie des Wortes harlequin und verwandter Wörter. Halle, 1912; Gamillscheg E. Romania Germanica. Bd. I–III. Berlin u. Leipzig, 1934–1936; Vries V. Volk van Nederland. Amsterdam, 1943.

² Meier E. Deutsche Sitten, Sagen und Gebräuche aus Schwaben. Bd. I–II. Bd. I. Stuttgart, 1852, S. 93f.; Siebs Th. (Hrsg.) Schlesiens volkstümliche Überlieferungen. Bd. IV. Leipzig, 1904. S. 447f.

³ Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. II. S. 191; см. также: Falk H. Odensheite. Kristiania, 1924.

⁴ Quensel P. Thüringer Sagen. Weimar, 1922. S. 166; Sartori P. Sitte und Brauch. Bd. I–III. Leipzig, 1910–1914. Bd. III. S. 60; Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. II. S. 196.

⁵ Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. II. S. 179–180.

⁶ Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. S. 143.

⁷ Zaunert P. Rheinland Sagen. Zweiter Band. Das Rheintal von Bonn bis Mainz. Jena, 1924. S. 236f.

⁸ Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I. Berlin, 1970. S. 453; см. также: Feilberg H.F. Jul. Kopenhagen, 1904. s. 329f.

Помимо коня с Одином (Воданом) был тесно связан волк, который с глубокой древности являлся хтоническим животным и был связан с подземным царством¹. Один (Водан) был богом воинского экстаза, воинской ярости². В «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусон писал: «Один умел делать так, что в битве его враги слепли или глохли, или их охватывал страх, или их мечи становились не острее, чем палки, а его люди шли в бой без доспехов и были словно бешеные собаки и волки, кусали щиты и сравнивались силой с медведями и быками. Они убивали людей, и их было не взять ни огнем, ни железом. Это называется впасть в ярость берсерка»³. Посвященные Одину (Водану) воины именовались «berserker» («медвежья шкура») или «ulfednag» («волчья шкура»). Именно такой воин, одетый в волчью шкуру, изображен на известной пластинке из Торслунда⁴. Существует и другой вариант перевод слова «ulfednag» – «воин в образе волка», «воин-оборотень», т. е. знаменитый «Werwolf» немецкой народной мифологии⁵.

Подобно «дикой охоте», волки-оборотни («Werwolf»ы) появлялись обычно поздней осенью или зимой⁶. Архиепископ Уппсалы Олаф Магнус сообщает в своей «Historia de gentibus septentrionalibus» («Истории северных народов», середина XVI в.): «Жители Пруссии, Лифляндии и Литвы каждый год терпят великий урон от разбойничьих набегов волков, и, однако, по их единодушному мнению, ущерб сей намного меньше того великого зла, которое могут причинить люди, принявшие облик волков. Ибо на Адвент и на Рождество Христово с наступлением ночи в некоем удаленном и пустынном месте собирается великое множество волков, кои прежде были людьми, и волки сии с неслыханной свирепостью обрушиваются на людей и на все живое и причиняют им гораздо больший ущерб, чем могут причинить настоящие волки. Как достоверно известно, они с небывалой дикостью и зверством осаждают жилища живущих в лесу людей и пытаются даже выломать двери, дабы погубить внутри всякое живое существо. Они врываются в погреба и выпивают там целые бочки пива и меда, а затем, словно в насмешку, водружают эти бочки в середине погреба; этим они отличаются от настоящих волков. Между Литвой, Самогитией и Курляндией имеется некая стена, развалины древнего заброшенного бурга, и там в определенное время года собираются целые тысячи этих волков-оборотней. И как утверждают, среди сих оборотней нередко находятся самые первенствующие люди той земли и самые знатные мужи из дворянства»⁷.

О происходящих на Рождество таинственных превращениях волков-оборотней сообщал в 1557 г. Ф. Меланхтону один корреспондент из Лифляндии; его Ф. Меланхтон назвал «достойнейшим мужем» (*vir dignissimus*), «которому можно верить» (*quem scio non falsa scribere*)⁸. Корреспондент Ф. Меланхтона сообщил ему о некоем «лифляндском муже», который перед казнью признался, что во вре-

¹ Vries J. de. *Altgermanische Religionsgeschichte*. Bd. II. S. 177; Krappe A.H. *Etudes de mythologie et de folklore germaniques*. Paris, 1928. P. 16–18.

² Vries J. de. *Altgermanische Religionsgeschichte*. Bd. II. S. 173–177.

³ «Сага об Инглингах», гл. 9 (Снорри Стурлусон. *Круг Земной = Heimskringla* / Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980).

⁴ Об интерпретации пластинки из Торслунда см.: *Нессельштраус Ц.Г.* Искусство раннего средневековья. СПб., 2000. С. 214–215.

⁵ Höfler O. *Kultische Geheimbünde der Germanen* Bd. I. S. 57.

⁶ См.: Hertz W. von. *Der Werwolf*. Stuttgart, 1862.

⁷ Olaus Magnus. *Historia de gentibus septentrionalibus*. Liber XVIII. Cap. XLV, XLVI. Roma, 1555. P. 642–643.

⁸ *Corpus Reformatorum: Philipp Melancthon. Opera quae Supersunt Omnia*. I–XXVIII Bände. Brett-schneide K.G., Bindseil H.E. (Hrsg.) Bd. XX. Brunsvigae, 1854. S. 552.

мя так называемого «Великого Нового года» (Grossneujahr, Hochneujahr, согласно народным представлениям германских народов, – это время между Рождеством, бывшим когда-то у германцев Новым годом (Jul), и днем Трех волхвов¹) он на 12 дней превращался в волка-оборотня и вместе с другими подобными ему присоединялся к «дикой охоте», неистовствовавшей в пустынных заснеженных лесах. Ф. Меланхтон завершил свой рассказ следующими словами: «На этом примере можно видеть, сколь огромной властью обладает Дьявол, ибо если он и не может вредить так, как он хочет, однако же, при любой возможности, стремится причинять зло людям, но Бог не позволяет этого; Ежели бы на сие было позволение Божие, то весь человеческий род погиб бы в одно мгновение» (Ibi videtis, quod Diabolus habeat potestatem quasi circumspectam autoritate divina, ita ut non possit nocere tantum, quantum vellet, certe noceret hominibus, sed Deus non concedit ei; si concederet ipse, totum genus humanum perderet in una hora)².

Вместе с тем, согласно немецкой традиции, волки являются «собаками Бога» («Gottes Hunde»), а в скандинавских странах их именуют просто «Odens hunde»³. Эти народные представления отражены в стихах Ганса Закса:

Nach dem der Herr all creatur auff erd beschuff gar rein und pur,
Die wolff er im erwelen kund und het sie bey im für jagdhund,
das er sicher inn den ref ren wer von den andren wilden thieren⁴.

Волки-оборотни враждебны злым ведьмам и колдунам, они беспощадно преследуют их, помогая процветанию и плодородию природы и людей, которым колдуны и ведьмы пытаются нанести ущерб. Так, в протоколе лифляндского суда от 1691 г. некто «старый Тис» («der alte Thieß»), обвиняемый в том, что он был вервольфом, отвечает: «Волки-оборотни не служат дьяволу... Они настолько ненавистны ему, что злой дух не может переносить их присутствие и готов разить их стальным бичом и изгонять как собак. Вервольфы и есть собаки Господа... Злые колдуны же служат дьяволу и совершают всё по его воле, поэтому их души принадлежат дьяволу; напротив, всё, что делают волки-оборотни, направлено на благо, и эти свои слова он готов подтвердить под клятвой» (wahrwölffe dieneden dem teüffel nicht, denn sie nehmen ihm das jenige weg, was die zäuberer ihm zu-brächten und deswegen wäre der teüffel ihnen so feind, dasz er sie nicht leyden könnte, sondern sie mit eisern peitschen als wie hunde, denn sie auch Gottes hunde wären, ausztreiben liesze, die zäuberer aber dieneden dem teüffel und thäten alles nach seinem willen, darumb gehörten ihm auch ihre seelen zu; alles was sie, die wahrwölffe, thäten, gereichete den menschen zum besten, denn wenn sie wären und dem teüffel den seegen wieder wegstiehlen oder raubeten, so würde aller seegen in der welt weg seyn, und solches bestätigte er mit einem eyde)⁵.

Подобно волкам-оборотням, воины «дикой охоты» и ее предводитель также враждебны злым духам и ведьмам и ожесточенно преследуют их. В то же время появление «дикой охоты» способствует расцвету сил природы. Так, в Швабии полагают, что если поздней осенью или зимой «дикая охота» особенно неистовству-

¹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники. С. 153.

² Corpus Reformatorum: Philipp Melancthon. Opera quae Supersunt Omnia. S. 552.

³ Grimm J. Deutsche Mythologie. Bd. II. Graz, 1968. S. 555–557; Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. S. 356–357.

⁴ Keller A. von. Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart. Bd. 105 (Hans Sachs). Stuttgart, 1870. S. 143.

⁵ Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. S. 348.

ет, то это сулит хороший урожайный год¹. Те участки поля, над которыми в завываниях ветра и порывах снега бушевало «неистовое войско», принесут особенно хороший урожай. В Шварцвальде также считают, что год будет урожайным, если поздней осенью над землей проносилась «дикая охота»². И в Тюрингии, народная традиция которой известна своими особенно подробными описаниями «дикой охоты», также полагают, что если поздней осенью или зимой появляется «дикая охота», то год будет хорошим и счастливым³.

Предводителем «яростного войска» («das wütende Heer») немецкая народная традиция считает Wode. Само имя Водана (Одина) нередко сопоставляется с древневерхненемецким «Wuot» или современным немецким словом «der Wut». Это в свою очередь хорошо подходит к определению Адама Бременского: «Wodan, id est furor»⁴. Другое имя Водана (Одина) – Herjann интерпретируется как «der Herr des Heeres», т. е. предводитель войска душ погибших воинов «einherjar». Само наименование воинов Вальхаллы – «einherjar» обычно переводится как «Kämpfer eines Heeres»⁵. Еще одно из имен Одина – Хрофт (Hroptr) также тесно связано с воинской традицией. В «Речах Гримнира» говорится, что каждодневно Хрофт «избирает ратных мужей, в битве убитых»⁶.

Большой интерес представляет другой эпитет Одина (Водана) – Veratyr, что обычно переводится как «бог мужей»⁷. Это имя хорошо соотносится с германскими религиозными представлениями об Одине (Водане) как о повелителе Вальхаллы и предводителе воинства душ погибших героев. В Вальхаллу, а следовательно, и в войско Одина (Водана) попадали, естественно, только мужи. Собственно «die wilde Jagd» и «das wütende Heer» представляет собой такое войско душ мужей-героев под предводительством Одина (Водана). Это, в свою очередь, полностью соответствует знаменитому отрывку из «Германии» Тацита, где говорится, что германцы из всех богов больше всего почитают Меркурия (Deorum maxime Mercuriam colunt), ведь Меркурий у римлян, как и Гермес у греков, был не только богом торговли, но прежде всего богом чародейства и магических заклинаний, а также «психопомпом» – проводником душ в царство теней⁸.

Время появления «дикой охоты» обычно приходится на конец осени – начало зимы. Это Адвент (начинался после дня св. Екатерины, 25 ноября), день св. Люции (13 декабря), который считался у германских народов началом Нового года, Рождество, время между Рождеством и Днем трех королей, почитаемое у немцев большим, наивысшим Новым годом (Großneujahr, Hochneujahr)⁹. Это свидетель-

¹ Meier E. Deutsche Sitten, Sagen und Gebräuche aus Schwaben. S. 131.

² Zaunert P. (Hrsg.) Schwarzwald-Sagen. Alemannische Stammeskunde I (Mit 35 Bildtafeln und 34 Abbildungen im Text). Jena, 1930. S. 104.

³ Quensel P. Thüringer Sagen. S. 165.

⁴ Об интерпретации имени Водана (Одина) см.: Mahr A. Wodan in der deutschen Volksüberlieferung. *Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien*. 1928, No 58. S. 143–167; см. также: Waitz G. (Hrsg.) Ekkehardi Uraugensis chronica. Im: Pertz G.H. u.a. (Hrsg.) Monumenta Germaniae Historica. I Hauptabteilung: Scriptorum 6: Chronica at annales aevi Salici. VII. Hannover, 1844. S. 379.

⁵ Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. S. 243.

⁶ «Речи Гримнира, 8» (Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975); Vries J. de. *Altgermanische Religionsgeschichte*. Bd. II. S. 185–186.

⁷ Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. S. 329.

⁸ См.: «О происхождении германцев и местоположении Германии» (9) (*Тацит Корнелий*. Соч.: В 2 т. Т. 1. Л., 1969).

⁹ См.: Meier E. Deutsche Sitten, Sagen und Gebräuche aus Schwaben. Bd. I–II. Bd. I. Stuttgart, 1852. S. 138–140; Kuhn A., Schwarz W. (Hrsg.) Norddeutsche Sagen. Märchen und Gebräuche. Leipzig, 1848.

ствуется о сохранившихся у немцев и других германских народов прочных традициях празднования древнегерманского праздника середины зимы, так называемого праздника «Jul», связанного с поминовением душ умерших и зимним солнцеворотом. Среди исследователей нет единой точки зрения относительно точной даты этого праздника. Большинство считает, что он приходился на ноябрь – вторую половину января, т. е. как раз на то время, когда, в соответствии с традициями германских народов, появляется «дикая охота»¹. Многие германисты полагают, что этот праздник относится к общеиндоевропейской традиции; так, в Индии зима носит название «pitrāyaṇam», т. е. «путь отцов» и в это время года там отмечается праздник почитания духов предков. Согласно существующим в Германии, Австрии и скандинавских странах поверьям духи мертвых в это время посещают жилища людей, для них готовят специальную комнату, накрывают на стол, приносят жертвы. К этому же времени относится и распространенное в этих странах сказание о человеке, получившем от подземного духа волшебный кубок. Поздней осенью или в начале зимы он должен отправиться к кургану и пригласить пребывающего там духа на пир².

Вместе с тем праздник «Jul», как и день св. Люции, являлся праздником солнцеворота, связанным с зарождением света и жизни наступающего года. По данным источников, одним из непеременимых атрибутов «дикой охоты» были колеса (Räder), которые несли в руках духи, светящиеся короны и т. д., что, по мнению ученых, символизировало культ солнца, прибавление дня после зимнего солнцестояния³. Согласно народным представлениям немцев встреча с «дикой охотой» могла принести несчастье, особенно для тех, кто осмеливался не проявить к ней должного почтения⁴. Поэтому в немецких сказаниях, посвященных «дикой охоте», говорится, что при появлении «дикой охоты» путнику лучше не искушать судьбу и броситься на землю, закрыв глаза и не поднимая головы⁵. Вместе с тем, как уже говорилось выше, согласно немецкой и в целом германской народной традиции присутствие «яростного войска» сулило счастливый и урожайный год.

Таким образом «дикая охота», как и ее предводитель, несмотря на явно демонический характер, была прочно связана с идеей борьбы со всяческим злом: ведьмами, злыми подземными духами, змеями, чудовищами и и т. д. Эти представления также находят параллель в древнегерманских верованиях. Согласно религиозным представлениям древних германцев герои-воины, пребывавшие в Вальхалле, во время последней решающей битвы между добром и злом будут

S. 2, 275; Müllenhoff K. Sagen, Märchen und Lieder der Herzogtümer Schleswig, Holstein und Lauenburg. Kiel, 1845. S. 372, Bartsch K. Sagen, Märchen und Gebräuche aus Mecklenburg. Bd. I–II. Bd. I. Wien, 1879. S. 4f.

¹ О празднике «Jul» см.: Feilberg H.F. Jul. Kopenhagen, 1904; Celander K.H. Nordisk jul. Stockholm, 1922; Unwerth W. Untersuchungen über Totenkult und Odinverehrung bei Nordgermanen und Lappen mit Exkursen zur altnordischen Literaturgeschichte (Germanistische Abhandlungen 37) Breslau, 1911.

² Vries J. de Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I. S. 449.

³ См.: Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. S. 112–120; Erich O.A., Beitz R. Wörterbuch der deutschen Volkskunde. Leipzig, 1936. S. 466; Fehrle E. Feste und Volksbräuche im Jahreslauf europäischer Völker. Kassel, 1955. S. 30–35.

⁴ Kuhn A., Schwarz W. Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche. Leipzig, 1848. S. 3; Kuhn B. Märkische Sagen und Märchen. Berlin, 1843. S. 25f., Schambach G., Müller W. Niedersächsische Sagen und Märchen. Göttingen, 1855. S. 69, 74; Zaunert P. Westfälische Sagen. Jena, 1927. S. 51; Plischke H. Die Sage vom wilden Heer im deutschen Volke. Eulenburg, 1914. S. 72.

⁵ См.: Plischke H. Die Sage vom wilden Heer im deutschen Volke. S. 75f.; Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. S. 145.

союзниками Одина (Водана). Скальд вопрошает Одина: «Как мог Один (Водан) допустить смерть столь великих мужей и воинов?» И получает ответ: их души нужны Одину (Водану), чтобы сражаться рядом с богами в последней решающей битве против сил зла¹.

В заключение можно сказать следующее.

Образы «дикой охоты» или «неистового войска» относятся к миру образов и представлений немецких народных верований и древнегерманской мифологии. Верховный бог древних германцев Водан (у северных германцев – Один) считался богом поэтического и воинского экстаза, неистовства, богом-провидцем, создателем волшебных, исполненных тайного знания рун. В страшном кровавом бою одержимый неистовым экстазом воин, если он сражался до конца, приобретал волшебный дар поэзии и провидения, дар знания тайной рунической мудрости, он становился воином Водана (Одина)².

Водан (Один) царил в небесном чертоге Вальхаллы, куда валькирии на небесных крылатых конях увлекали души воинов, погибших геройской смертью в кровавой битве. Души погибших воинов-героев, пребывавшие в Вальхалле, этом небесном «чертоге мертвых» (слово «Вальхалла» дословно означает «чертог погибших в бою»³), образовывали сумрачную грозную дружину, предводителем (конунгом) которой был Водан (Один). Согласно древнегерманским религиозным представлениям души погибших воинов-героев становились «Einherjar» Водана (Одина). Отсюда одно из священных имен Водана (Одина) в древнегерманской мифологии – Hejar – от того же корня, что и слово «das Heer» в немецком языке, т. е. «предводитель войска (душ погибших героев)». Во время последней битвы богов с чудовищными порождениями сил зла и смерти небесная дружина во главе с Воданом (Одином) будет сражаться рядом с богами, чтобы погибнуть вместе с ними в огне страшного мирового пожара и затем возродиться вновь⁴.

После того как германцы приняли христианство, прежние древнегерманские религиозные представления не исчезли, а образовали важную часть народных верований и мифологии. Одним из наиболее ярких образов этого мира немецких народных верований был образ «дикой охоты» («die wilde Jagd», «da swütende Heer»). В глухие дни ноября – начала декабря, перед зимним солнцестоянием, когда ночь длинна, а день краток, в пустынных облетевших лесах, на горных перевалах и в долинах, на вересковых пустошах, на безлюдных перекрестках дорог в сумерки, ночью или в пасмурный день внезапно налетает страшная буря, в ее шуме мерцают призрачные таинственные огни, раздаются бешеный лай невидимых собак, звон оружия, боевые возгласы воинов, ржанье невидимых коней. Это в бешеных порывах бури и снега, при неистовых завываниях ветра мчится невидимая дружина душ погибших воинов со своим грозным предводителем во главе («der wilde Jäger, der wütende Jäger»). Горе тому несчастному прохожему, который

¹ Vries J. de. *Altgermanische Religionsgeschichte*. Bd. II. S. 175–176.

² О Водане (Одине) см.: Grimm J. *Deutsche Mythologie*. Bd. I. Graz, 1968. S. 109–138; Vries J. de. *De Altgermanische Religionsgeschichte*. Bd. II. Berlin und Leipzig, 1937. S. 168–205; Ганина Н.А. *Готская языческая лексика*. М., 2001. С. 51–55.

³ Ганина Н.А. *Готская языческая лексика*. С. 28–29.

⁴ Grimm J. *Deutsche Mythologie*. Bd. II. Graz, 1968. S. 682–688; Vries J. de. *Altgermanische Religionsgeschichte*. Bd. II. S. 173–177, 384–385, 401; см. также: Höfler O. *Festgabe (Festschrift)*. Hrsg. von H. Birkhan und O. Geschwantler. Bd. I–II. Wien; Stuttgart, 1976.

окажется на пути «бешеной охоты», – он или бесследно исчезает, унесенный неистовым воинством, или погибает, или, в лучшем случае, навсегда теряет разум¹.

Эти образы надолго сохранились в мифологическом сознании немцев и других германских народов, получили они отражение также и в художественных и литературных произведениях, в частности в стихотворении знаменитого поэта-романтика времен войны за Освобождение Германии К.Т. Кёрнера «Дикая отчаянная охота Лютцова»². Другим поэтом, который также неоднократно обращался к традиционным героям древнегерманских религиозных верований, был Готтфрид Август Бюргер. Одна из его знаменитых баллад так и называется – «Дикий охотник» («Der Wilde Jäger»³). «Неистовое войско», в котором проносятся над землей души «павших от меча» воинов, с необычайной силой изображено Г.А. Бюргером в его прославленной «Леноре»⁴, переведенной на множество иностранных языков (в том числе и на русский язык В.А. Жуковским) и на протяжении вот уже двух столетий вдохновляющей композиторов, художников и скульпторов. Если «Дикая отчаянная охота Лютцова» создана К.Т. Кёрнером в годы Освободительной войны немецкого народа против Наполеона (сам К.Т. Кёрнер погиб в августе 1813 г. в сражении с французскими войсками), то в «Леноре» нашли отражение события Семилетней войны (1756–1863), однако настоящая слава пришла к этой балладе в годы наполеоновских войн и особенно после столь трагических для Германии и немецкого народы событий 1914–1945 гг. (этот период истории в Германии нередко называют «второй Тридцатилетней войной»). В центре баллады девушка, потерявшая на войне своего жениха, отказывающаяся смириться и упорно, хотя и без всякой надежды, ожидающая его возвращения, ее погибший жених-офицер, весь израненный и покрытый запекшейся кровью, который в глухую полночь под рев ветра является ей. Ленора без малейшего раздумья соглашается следовать за ним. Изображен безумный полет Леноры и ее жениха на волшебных конях Водана (Одина) среди облачного неба и облетевших ночных лесов, под шум бури, среди духов «неистового войска», таинственных мерцающих огней, среди лая невидимых собак и звона оружия призрачного войска и, наконец, согласие Леноры уйти вслед за своим женихом в ту таинственную область, откуда поздней осенью и зимой иногда является в наш мир «неистовое войско», – все эти образы оказались необычайно близки немцам, ведь они восходят к традиционным верованиям германцев. Вместе с тем, на мой взгляд, огромный интерес к произведениям К.Т. Кёрнера и Г.А. Бюргера в других странах объясняется тем, что образы «дикой охоты» и «неистового войска» восходят не только к древнегерманской, но и к общеиндоевропейской традиции (Протесилай⁵ и Лаодамия⁶ в религии, литературе и искусстве Древней Греции и Рима), однако это уже тема для другой статьи.

¹ Grimm J. Deutsche Mythologie. Bd. II. Graz, 1968. S. 770–777; Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. II. S. 195–197.

² Körner Th. Sämtliche Werke in zwei Bänden. Bd. I. Leipzig, 1910. S. 27–28.

³ Gottfried August Bürger's "Gedichte" / Reinhard K. (Hrsg.) Wien, 1796, Bd. I. S. 72-82

⁴ Ibid. Bd. II. S. 60–71.

⁵ Roscher W.H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. III. Abt. II, Leipzig, 1909.

⁶ Roscher W.H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. II. Abt. II. Leipzig, 1897.

ЛИТЕРАТУРА

- Ганина Н.А.* Готская языческая лексика. М., 2001. 177 с.
- Нессельштраус Ц.Г.* Искусство раннего средневековья. СПб.: Азбука, 2000. 383 с.
- Самые забавные лживые саги : сб. статей в честь Галины Васильевны Глазыриной / Ред.: Т. Н. Джаксон, ред.: Е. А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 248 с.
- Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Пер. А.И. Корсуна; Примеч. М.И. Стеблин-Каменского. М.: Художественная литература, 1975. 751 с.
- Снорри Стурлусон. Круг Земной = Heimskringla / М.И. Стеблин-Каменский (отв. ред.), А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая. М.: Наука, 1980. 688 с. (Литературные памятники)
- Тацит Корнелий.* Соч.: В 2 т. Т. 1. Л.: Наука, 1969. 499 с. (Литературные памятники)
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники / Отв. ред. С.А. Токарев; Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.: Наука, 1973. 353 с.

REFERENCES

- Ganina Natalija. (2001) *The Gothic Heathen Vocabulary*. Moscow. Moscow University Press. 178 p.
- Nesselshtaus Ts.G. (2000) *Art of the Early Middle Ages*. St.-Petersburg. Azbuka Publ. 383 p.
- Jackson T.N., Melnikova E.A. (Eds.) *The Funniest False Sagas: Collection of Articles in Honor of Galina Glazyrin*. Moscow. Russian Foundation for Education and Science Publ. 2012. 248 p.
- Beowulf. Elder Edda. Song of the Nibelungs /Trans. of A.I. Korsun; Comment. of M.I. Steblin-Kamensky. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1975. 164 c.
- Snorri Sturluson. Earth's Circle = Heimskringla / M.I. Steblin-Kamensky (executive ed.), A.Ya. Gurevich, Yu.K. Kuzmenko, O.A. Smirnitskaya. Moscow. Nauka Publ. 1980. 687 p. (Literary Monuments)
- Publius Cornelius Tacitus. *Be Origine Et Situ Germanorum*. Createspace Publ. 2014. 26 p.
- The Calendar Customs and Traditions in Foreign Countries of Europe: Winter's Feast* / S.A. Tokarev (executive ed.); N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology. RAS. Moscow. Nauka Publ. 1973. 352 p.
- Andreae Althameri *Commentaria Germaniae in P.C. Taciti.. libellum de situ, moribus et populis Germanorum*, Augsburg. 1536. 343 S.
- Amira K. von *Die germanischen Todesstrafen. Untersuchungen zur Rechts- und Religionsgeschichte / Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische und historische Klasse. Bd. 31, 3. München, 1922. 415 S.*
- Bartsch K. *Sagen, Märchen und Gebräuche aus Mecklenburg*. Bd. I. Wien, 1879. 544 S.; Bd. II. Wien. 1880. 512 S.
- Beitl R. *Wörterbuch der deutschen Volkskunde*. Leipzig, 1936. 864 S.
- Birlinger A. *Volkstümliches aus Schwaben*. Bd. I. Freiburg im Breisgau. 1861. 534 S. Bd. II. Freiburg im Breisgau, 1862. 482 S.
- Boor de H. *Eine griechische Romanstelle und ein nordischer Opferbrauch*. Im: *Festschrift, tillägnad H. Pipping*. Helsingfors, 1924. S. 25–37.

Brandstetter R. Die Wuotansage im alten Luzern. Im: Schweitzer Geschichtsfreund. Bd. 62. 1907. S. 101–160.

Gottfried August Bürger's "Gedichte". Reinhard K. (Hrsg.). Bd. I. Wien, 1796. 252; Bd. II. Wien, 1796. 268 S.

Celander K.H. Nordisk jul. Stockholm, 1922. 365 S.

Driesen O. Der Ursprung des Harlekin. Im: Forschungen zur neueren Literaturgeschichte / Hrsg. von Muncker Fr. Bd. XXV. Berlin, 1904. 286 S.

Falk H. Odensheite (Videnskapskapets skrifter. II. Hist.-filos. Klasse 10). Kristiania, 1924. 46 S.

Feilberg H.F. Jul. Bd. I. Kopenhagen. 1904. 379 S.; Bd. II. Kopenhagen. 1904. 315 S.

Fehrle E. Feste und Volksbräuche im Jahreslauf europäischer Völker. Kassel, 1955. 219 S.

Freudenthal H. Das Feuer im deutschen Glauben und Brauch. Berlin und Leipzig, 1931. 571 S.

Gamillscheg E. Romania Germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden des alten Römerreiches. Bd. I. Berlin und Leipzig, 1934. 434 S.; Bd. II. Berlin und Leipzig. 1935. 329 S.; Bd. III. Berlin und Leipzig. 1936. 337 S.

Grimm J. Deutsche Mythologie. Bd. I. Graz, 1968. 535 S.; Bd. II. Graz, 1968. 504 S.; Bd. III. Graz. 1968. 541 S.

Hammerstedt E. Lussi. Meddelanden fran Nordiska Museet, Stockholm, 1898 (1900). S. 38.

Herrmann P. Erläuterungen zu den ersten neun Büchern der dänischen Geschichte des Saxo Grammaticus. Bd. I–II. Leipzig, 1901–1922. de.wikisource.org/wiki/Erl%C3%A4uterungen_zu_den_ersten_neun_B%C3%BCchern_der_D%C3%A4nischen_Geschichte_des_Saxo_Grammaticus_Teil_I_B%C3%BCcher_I-V

Hertz W. von. Der Werwolf. Stuttgart, 1862. 134 S.

Höfer O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. Frankfurt am Main, 1934. 357 S.

Höfer O. Das germanische Kontinuitätsproblem. Im: Schriften des Reichsinstituts für Geschichte des neuen Deutschlands. Hamburg, 1937. 27 S.

Höfer O. Das Opfer im Semnonenhain und die Edda Im: Schneider H. (Hrsg.) Edda, Skalden, Saga. Heidelberg, 1952. S. 1–67.

Höfer O. Festgabe (Festschrift) / Hrsg. von H. Birkhan und O. Geschwantler. Bd. I–II. Wien; Stuttgart, 1976. 597 S.

Hoops J. (Hrsg.). Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd. II. Straßburg, 1914. 631 S.

Hotot F. (Hrsg.) Guillelmus Alverniensis Episcopus Parisiensis "Opera omnia". Paris; Orleans, 1674. (Bd. I. 1074 S.; Bd. 266 S.; Nachgedruckt – Frankfurt am Main, 1963).

Keller A. von. Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart. Bd. 105 (Hans Sachs). Stuttgart, 1870. 459 S.

Körner Th. Sämtliche Werke in zwei Bänden. Bd. I–II (in einem Band). Berlin und Leipzig, 1910. 800 S.

Krappe A.H. Etudes de mythologie et de folklore germaniques. Paris, 1928. 189 S.

Kuhn B. Märkische Sagen und Märchen. Berlin, 1843. 388 S.

Kuhn A., Schwartz W. Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Mecklenburg, Pommern, der Mark, Sachsen, Thüringen, Braunschweig, Hannover, Oldenburg und Westfalen. Leipzig, 1848. 560 S.

Lange F. (Hrsg.) Die Lützower. Erinnerungen, Berichte, Dokumente. Berlin, 1953. 203 S.

- Olaus Magnus. *Historia de gentibus septentrionalibus*. Roma, 1555. 821 S.
- Mahr A. Wodan in der deutschen Volksüberlieferung. *Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien*. 1928. No 58. S. 143–167.
- Meiche A. *Sagenbuch des Königreichs Sachsen*. Leipzig, 1903. 1085 S.
- Meier E. *Deutsche Sitten, Sagen und Gebräuche aus Schwaben*. Bd. I–II. Bd. I. Stuttgart, 1852. 535 S.
- Corpus Reformatorum: Philipp Melanchthon. *Opera quae Supersunt Omnia*. I–XXVIII Bände / Bretschneider K.G., Bindseil H.E. (Hrsg.) Bd. XX. Brunsvigae, 1854. 804 S.
- Müllenhoff K. *Sagen, Märchen und Lieder der Herzogtümer Schleswig, Holstein und Lauenburg*. Kiel, 1845. 627 S.
- Müllenhoff K. *Deutsche Altertumskunde*. Bd. I–V. Berlin, 1870–1908.
- Müller W. *Niedersächsische Sagen und Märchen*. Göttingen, 1855. www.eno.org/Literatur/M/Schambach,+Georg/M%C3%A4rchen+und+Sagen/Nieders%C3%A4chsische+Sagen+und+M%C3%A4rchen/D.+Abhandlungen/3.+Zur+Sage+von+dem+wilden+J%C3%A4ger
- Münchener Nachtsegen. Im: *Zeitschrift für deutsches Altertum* / Hrsg. von Th. von Grienberger. Heft 41. S. 335–363.
- Panzer Fr. *Bayerische Sagen und Bräuche*. Beitrag zur deutschen Mythologie. Bd. I–II. Bd. I. München, 1848. 607 S.; Bd. II. München, 1855. 609 s.
- Panzer Fr. *Deutsche Heldensage im Breisgau* (Neujahrsblätter der Badischen Historischen Kommission., Neue Folge. 7), Heidelberg, 1904. 90 S.
- Plischke H. *Die Sage vom wilden Heer im deutschen Volke*. Eulenburg, 1914. 83 S.
- Prätorius J. *Saturnalia: Das ist eine Compagnie Weinachts-Fratzen*. Leipzig, 1663. 414 S.
- Prätorius J. *Blockes-Berges Verrichtung*. Leipzig, 1668. S. 16–17. Цит. по: www.deutschestextarchiv.de/book/show/praetorius_verrichtung_1668
- Quensel P. *Thüringer Sagen*. Weimar, 1922. 379 S.
- Rocholz E.L. *Schweizersagen aus dem Aargau*. Bd. I–II. Bd. I. Aarau, 1856. 399 S.
- Roscher W.H. *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*. Bd. II. Abt. II. Leipzig, 1897. 3322 S.; Bd. III. Abt. II. Leipzig, 1909. 3357 S.
- Rühlemann M. *Etymologie des Wortes harlequin und verwandter Wörter*. Halle. 1912. 114 S.
- Hans Sachs' Werke. Erster Teil / Hrsg. von B.Arnold. Berlin und Stuttgart, 1885.
- Sartori P. *Sitte und Brauch*. Bd. I–III. Bd. III. Leipzig, 1914. 357 S.
- Schambach G., Müller W. *Niedersächsische Sagen und Märchen*. Göttingen, 1855. 432 S.
- Siebs Th. (Hrsg.) *Schlesiens volkstümliche Überlieferungen*. Leipzig, 1904. 377 S.
- Unwerth W. *Untersuchungen über Totenkult und Odinverehrung bei Nordgermanen und Lappen mit Exkursen zur altnordischen Literaturgeschichte*. (Germanistische Abhandlungen 37.) Breslau, 1911. 144 S.
- Vries J. de. *Altgermanische Religionsgeschichte*. Bd. I–II. Bd. I. Berlin und Leipzig, 1937. 505 S.; Bd. II. Berlin und Leipzig, 1937. 497 S.
- Vries V. *Volk van Nederland*. Amsterdam, 1943. 79 S.
- Waitz G. (Hrsg.) *Ekkehardi Uraugensis chronica* / Hrsg. Pertz G.H. u.a. *Monumenta Germaniae Historica*. I Hauptabteilung: *Scriptores* 6: *Chronica at annales aevi Salici*. Hannover, 1844. VII. 1076 S.
- Zaunert P (Hrsg.). *Alemannische Stammeskunde (Schwarzwald-Sagen)*. Jena, 1930. 397 S.

Uhland L. Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage / Hrsg. von Holland W.L., Keller A. von und Pfeffer F. Stuttgart, 1865–1873. Bd. VII. 479 S.

Сведения об авторе:
Елена Юрьевна Зубарева,
канд. ист. наук
доцент
кафедра новой и новейшей истории
исторический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena Yu. Zubareva,
Candidate of Historical Sciences
Docent
Department of Modern and Contemporary History
Historical Faculty
Lomonosov Moscow State University
zubarev-elena@yandex.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

**Научная конференция
Ломоносовские чтения
МГУ имени М.В. Ломоносова
Апрель 2016**

**Доклады, прочитанные на пленарном заседании
Секции филологических наук**

Лингвистическое изучение описаний изображений: параметры категоризации и приоритизации

Аннотация: Одной из важнейших проблем моделирования речевой деятельности для собственно лингвистических и междисциплинарных целей является выявление нормы (стандарта) и отклонения (искажений) при решении говорящим тех или иных коммуникативных задач, в частности при создании текста определенного типа в естественной или сконструированной коммуникативной ситуации. Эти нормы и отклонения могут проявляться как в выборе и комбинации конкретных языковых средств, так и на уровне тактики и стратегии автора текста. В статье рассматриваются проявления вариативности в описании сложных реальных цветных изображений у нормальных (без диагностированных когнитивных и речевых нарушений) говорящих на русском языке и обсуждается возможность использования некоторых из варьирующихся параметров для психиатрических исследований (в частности, расстройств шизофренического спектра). Операции «селекции и комбинации» в применении к описанию изображений включают, с одной стороны, выбор упоминаемых объектов и объединение их в сцену, с другой – выбор номинаций для этих объектов и всей сцены и синтаксических способов комбинации этих номинаций, что имеет результатом разную категоризацию и приоритизацию объектов в описаниях. Сопоставление по этим двум параметрам позволяет выделить центральную и периферическую зону в описаниях одного изображения и типизировать значимые «отклонения».

Ключевые слова: описание изображений, моделирование речевой деятельности, категоризация, приоритизация, лингвистический эксперимент

Abstract: One of the main voice activity modeling problems for the properly linguistic and interdisciplinary purposes is to identify the normal (standard) and deviations (distortion), when the speaker enters into communion, among their number where the speaker creates text of particular type in conditions of natural or constructed communicative situation. These standards and deviations may occur both for the selection and combination of specific linguistic resources, and at the level of tactics and strategy of the author of the text. The article deals with the variation in the description of complex real color images of the normal speaker (without cognitive and speech disorders), and discussed the possibility of using some variative parameters for psychiatric research (in particular, schizophrenia spectrum disorders). Operation of «selection and combination»

as applied to the description of the image include, on the one hand, the choice of referenced objects and combining them into a scene, on the other – the choice of nominations for these objects, and the whole scene and syntactic methods of combination of these nominations for the purpose of a various categorization and prioritization these objects in descriptions. Comparison with using these two parameters allows to distinguish the central and peripheral zone in the descriptions of a single image and typify the significant «deviations».

Key words: image description, speech modelling, categorization, prioritization, linguistic experiment

Одной из важнейших проблем моделирования речевой деятельности (в том смысле, в котором термин «моделирование» используется А.А. Леонтьевым¹) для собственно лингвистических и междисциплинарных целей является выявление нормы (стандарта) и отклонения (искажений) при решении говорящим тех или иных коммуникативных задач, в частности при создании текста определенного типа в естественной или сконструированной коммуникативной ситуации. Эти нормы и отклонения могут проявляться как в выборе и комбинации конкретных языковых средств, так и на уровне тактики и стратегии автора текста. В статье рассматриваются проявления вариативности в описании сложных реальных цветных изображений у нормальных (без диагностированных когнитивных и речевых нарушений) говорящих на русском языке и обсуждается возможность использования некоторых из варьирующихся параметров для психиатрических исследований (в частности, расстройств шизофренического спектра).

Материалом служат более 3000 описаний, полученных от респондентов разного возраста и профессиональной принадлежности по экспериментальному заданию, в котором требовалось письменно описать демонстрировавшиеся на проекторе или мониторе изображения. Изображения демонстрировались сериями – от 10 до 20 штук. На описание каждого изображения давалось от 20 сек до 1 мин (время его демонстрации), что существенно не влияло на полученные результаты. Единственное уточнение, которое добавлялось к заданию, – просьба дать описание не в одном слове, а в нескольких, но при этом не писать развернутый текст (до 5–7 слов). Тем не менее результаты респондентов, использовавших для описания одно слово, учитывались, если такие описания давались не на все или не на подавляющее большинство картинок, т. е. респондент признавался добросовестным: он стремился выполнить задание, однако иногда (сознательно или незосознательно) игнорировал дополнительное условие. Общее количество изображений – 100 единиц, разделенных на группы, получившие условное название «Корова на лугу», «Картина на стене», «Тюлени и олени». В основу отбора материала и компоновки сетов была положена идея о возможности управления параметрами изображения, а следовательно – и описания, на базе полевого подхода². Именно управляемостью параметров референта определяется ценность описаний изображений как материала для изучения речевой деятельности. Изменяя масштаб и расположение фигуры относительно фона и наблюдателя (фотографа), манипулируя стандартными и нестандартными атрибутами фигуры, добавляя к изображению конкурирующие

¹ Леонтьев А.А. (Ред.). Основы теории речевой деятельности. М., 1974. 368 с.

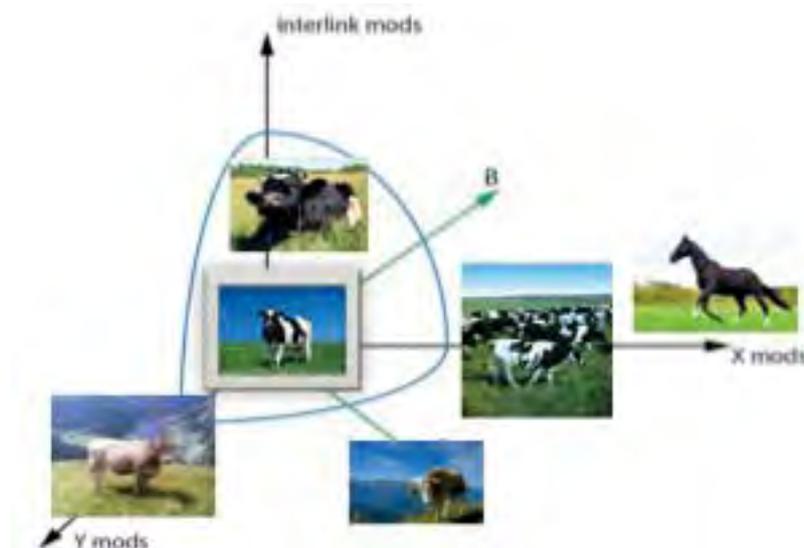
² Гостев П.П., Сидорова М.Ю. Индексирование и именование изображений: проблемы вне русской грамматики или для русской грамматики? // Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. Структуры и функции: исследования по русистике. 2015. Т. 2. № 1. С. 94–138.

за внимание субъекта наблюдения и речи фигуры и т. п., можно «заставлять» респондентов генерировать описания с заданными языковыми характеристиками. Так, из прототипической «Коровы на лугу» (условное название изображению дается по статистически преобладающей модели описания) можно, варьируя указанные параметры, получить набор описаний типа «Корова с бубенчиком», «Корова лежит на лугу», «Корова с ромашкой», «Девочка и корова», «Красивый луг,

на нем пасется корова» и т. д. (рис. 1).

Для простейшего типа изображений «фигура X – локативный релятор – фон У» нами была предложена систематизация таких описаний в пространстве, задаваемом тремя осями, одна из которых определяет модификации фигуры (например, корова – теленок – корова с теленком – бык – стадо – конь...), вторая – фона (луг – горный луг – горы – река...), третья – релятора (локативный предлог – стоит – лежит – пасется...)¹ – рис. 2. Возможны модификации прототипическо-

¹ См.: Гостев П.П., Сидорова М.Ю. Индексирование и именование изображений: проблемы вне русской грамматики или для русской грамматики? // Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. Структуры и функции: исследования по русистике. 2015. Т. 2. № 1. С. 94–138.

го изображения и соответственно его описаний одновременно по двум или трем осям: *Корова на лугу* → *Бык в горах*.

Полученный в результате наших экспериментов материал, с одной стороны, демонстрирует большее разнообразие конкретных языковых средств, а главное – стратегий и тактик описания, чем обычно бывает представлено в базах, используемых для разработки и тестирования методик компьютерного генерирования описаний изображений и тегирования и поиска изображений в Интернете (обзор существующих баз см.: visionandlanguage.net), с другой – более наглядно, чем эти базы, демонстрирует системную зависимость вербального облика описаний от характеристик изображений (т. е. перцептивного стимула) и субъекта описания. Так, например, в базе UIUC Pascal sentence dataset ¹ в наборе изображений с коровами представлены два, описываемые следующим образом (рис. 3аб):

a) *The large cows hover over the young calf.
Three adult cows and one baby cow stand on the grass.
Three brown cows and a small calf in a field.
Three cows in a green pasture surrounding a baby cow.
Three large brown cows stand over a calf in the pasture.*

б) *A field with many black cows in it.
A group of black cows and calf in a field.
Black cows with tagged ears are standing in a hay-covered field.
Small black cows are near big black cows.
These feedlot cattle are sporting numbered ear tags that help their owner identify them as his property.*

Если рассматривать эти изображения не отдельно, а как две реализации прототипической модели «Корова – локативный релятор – луг», то выявляются не только общее и различия в пяти представленных в базе описаниях каждого изображения, но и системные отношения между данными двумя группами описаний, обусловленные характером модификации прототипа в каждом изображении. Значимость (salience) телят, вокруг которого «собрались» три взрослые коровы на первой фотографии, «мешает» респондентам заметить при описании ear tag (этикетку на ухе), такую же, как на соседней фотографии. Количественная оппозиция (1–3), легко воспринимаемая зрительно, заставляет респондентов указывать число коров при описании первой фотографии (в описаниях второй число коров

¹ *Rashtchian C., Young P., Hodosh M., Hockenmaier J. Collecting Image Annotations Using Amazon's Mechanical Turk. // Proceedings of the NAACL HLT 2010 Workshop on Creating Speech and Language Data with Amazon's Mechanical Turk 2010. P. 139 – 147.*

проигнорировано). Визуально разная «фактура» фона приводит к различиям в его номинации. И т. п.

В целом, как мы видим, эти описания мало выходят за пределы предметного содержания картинки (примеры, подобные последнему в п. б) немногочисленны), что достигается путем отбора примеров и/или уточнения задания «Опишите изображение», например так, как это сделано в инструкции для респондентов Microsoft COCO Caption dataset and evaluation server¹ (наш жирный шрифт соответствует цветовому выделению на сайте):

- *Опишите все **важные части** сцены.*
- ***Не** начинайте предложения с «There is...»*
- ***Не** описывайте неважные детали.*
- ***Не** описывайте то, что могло случиться в прошлом или может случиться в будущем.*
- ***Не** описывайте то, что мог бы сказать человек [изображенный на картинке. – М.С.].*
- ***Не** давайте людям собственных имен.*
- *Предложение должно содержать по меньшей мере **8 слов**.*

Наш материал показывает, что получаемые от респондентов описания куда более разнообразны, чем можно было предположить. Это разнообразие выявляется на всех уровнях анализа текста по четырехступенчатой модели Г.А. Золотовой² и отражает известные в современных когнитивных науках закономерности активного восприятия человеком окружающего мира и взаимодействия языка с другими когнитивными феноменами, такими, например, как внимание и память. Возможность выбора респондентом синтаксической стратегии устной или письменной речи освещалась в наших докладах на Виноградовских чтениях в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2016 г. и на Международной научной филологической конференции в СПбГУ³. Разработана типология коммуникативных стратегий, объясняющая разную степень «приверженности» респондента к отражению предметного плана картинки и способы субъективного переосмысления внешнего задания «Опишите изображение»⁴. В настоящей статье мы остановимся на двух из трех параметров, в которых непосредственно проявляется связь языка и мышления и которые, по нашему предположению, могут использоваться для выяснения границ нормы / стандарта описания и типизации отклонений от него. Эти параметры – категоризация и приоритизация (эмоционально-оценочному параметру будет посвящена отдельная статья).

В психиатрии известно, что эти речемыслительные характеристики могут в разной степени и разным образом искажаться при психиатрических заболеваниях-

¹ Chen X. et al. Microsoft COCO Captions: Data Collection and Evaluation Server vision.cornell.edu/se3/wpcontent/uploads/2015/04/1504.00325v2.pdf

² Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004; Сидорова М.Ю. К развитию четырехступенчатой модели анализа текста // Gramatyka a tekst. Red. Henryk Fontański, Jolanta Lubocha-Kruglik. Т. 4. Katowice, 2014. С. 6–29.

³ Сидорова М.Ю. Новые аргументы к дискуссии о двусоставности / односоставности предложения // XLV Международная филологическая научная конференция. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2016. С. 371–372.

⁴ Гостев П.П. К вопросу о стратегиях описания изображений // XLV Международная филологическая научная конференция. Санкт-Петербург, 2016. С. 221–222; Сидорова М.Ю., Гостев П.П. Коммуникативные стратегии описания изображений: от предметности к ассоциативности // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей к юбилею проф. В.Н. Телия. М., 2016 (в печати).

ях, в том числе шизофренического спектра. Категоризация – центральный компонент семантической памяти. Нарушение категоризации типично для шизофрении и может, в частности, выражаться в нарушении координации между перцептивным и понятийным компонентами категоризационного акта¹. Смещение, затемнение или чрезмерное расширение границ категорий при шизофрении, а также затруднения в принятии решений по категоризации по сравнению с здоровыми респондентами свидетельствуют об изъянах в семантической сети, интегрирующей перцептивную и понятийную информацию².

Известно, что категоризация объектов в языке может происходить на разных уровнях обобщения, один из которых признается базовым: *овчарка – собака – млекопитающее – животное*. В классических работах Э. Рош был выделен³ и последующими экспериментальными исследованиями подтвержден⁴ набор признаков, которыми обладает базовый уровень категоризации как уровень, имеющий «привилегированный» статус в языке и мышлении, т. е. уровень, на котором формируется единый ментальный образ, члены категории имеют выраженное формальное сходство, для взаимодействия с ними используются одинаковые моторные акты и категоризация осуществляется быстрее, чем на более высоких и более низких уровнях и т. п.

Однако этим возможные различия в категоризации одного объекта не ограничиваются, что неоднократно продемонстрировано в лингвистических и психологических исследованиях. Так, люди могут категоризоваться по-разному в зависимости от выбранного критерия (возраст, пол, семейное положение...) и выполняемой в актуальной ситуации или узуально роли: один и тот же человек на футбольном поле может категоризоваться как защитник, в кабинете врача – как пациент, на родительском собрании в школе – как отец и т. п.

В категоризации артефактов участвуют и иногда конфликтуют перцептивный и функциональный критерии, причем способность индивида одновременно оперировать этими критериями и «наклеивать» на объект в зависимости от ситуации разные вербальные «этикетки» формируется с возрастом. В целом ряде когнитивных исследований отмечается неспособность детей трехлетнего возраста (в отличие от пятилетних) применять за пределами игровой ситуации (например, использование банана как телефонной трубки) к одному предмету разные типы

¹ *Shallice T., Burgess P.W., Frith C.D.* Can the Neuropsychological Case-study Approach be Applied in Schizophrenia? // *Psychological Medicine*. 1991. № 21. P. 661–673; *Chen E.Y.H., Wilkins A.J., McKenna P.J.* Semantic Memory is Both Impaired and Anomalous in Schizophrenia // *Psychological Medicine*. 1994. № 24. P. 193–202.

² *Keri S., Szekeres Q., Szendi I., Antal A., Kovacs Z., Janka Z., Benedek Q.* Category Learning and Perceptual Categorization in Schizophrenia // *Schizophrenia Bulletin*. 1999. Vol. 25. № 3. P. 593–600; *Moelter S.T., Hill S.K., Hughett P., Gur R.C., Gur R.E., Ragland J.D.* Organization of Semantic Category Exemplars in Schizophrenia // *Schizophrenia Research*. 2005. Vol. 78. P. 209–217. *Brébion G., Stephan-Otto C., Huerta-Ramos E., Usall J., Ochoa S., Roca M., Abellán-Vega H., Haro J.M.* Abnormal Functioning of the Semantic Network in Schizophrenia Patients with Thought Disorganization. An Exemplar Production Task // *Psychiatry Research*. 2013. Vol. 205(1–2). P. 1–6.

³ См., например: *Rosch E., Mervis C.B., Gray W.D., Johnson D.M., Boyes-Braem P.* Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1976. № 8. P. 382–439; *Rosch E.* Human Categorization // *Warren N.* (Ed.). *Advances in Cross-cultural Psychology*. Vol. 1. London: Academic Press, 1977.

⁴ См., например: *Jolicoeur P., Gluck M.A., Kosslyn S.M.* Pictures and Names: Making the Connection // *Cognitive Psychology*. 1984. № 16. P. 243–275; *Murphy G.L., Brownell H.H.* Category Differentiation in Object Recognition: Typicality Constraints on the Basic Category Advantage // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. Vol. 11(1). Jan. 1985. P. 70–84.

категоризации¹. Однако в работе М. Abelev, Е.М. Markman 2006 г.² показано, что уже трехлетние дети способны понять «двойную идентичность» (dual identity) предметов, форма которых «не совпадает» с функцией, например, использование бутылки как емкости для хранения карандашей или мусорного ведра как табуретки (X is being used as Y), хотя и испытывают трудности в осмыслении предметов с «обманчивой внешностью» (deceptive appearance), например, свечи в виде яблока или точилки для карандашей в форме картофелины (X looks like Y). Из результатов исследования вытекает предположение, что «children are able to distinguish extrinsic object properties from intrinsic ones (function vs. category-membership) better than they can distinguish superficial object properties from deep ones (appearance vs. category-membership)»³. Таким образом, дети могут выполнять правильную «двойную» категоризацию не только при игровой субституции одного предмета другим, но и при функциональной. Подчеркнем, что в подобных случаях категоризация зависит от ситуации: от того непосредственного наблюдения за применением предмета и его внешним обликом, которое выполняет ребенок (экспериментатор стучит вилками, как барабанными палочками, по барабану и т. п.).

В психиатрии для диагностики категоризирующей способности используются разнообразные тесты, такие как сортировка изображений объектов по различным категориям, называние слов, обозначающих членов одной категории, сопоставление слов и картинок и пр. В этих тестах испытуемый работает с номинациями или изображениями объектов, не вовлеченными в контекст (ситуацию), влияющий на категоризацию. То же самое происходит в экспериментах по называнию картинок, таких, которые проводятся, например, для установления норм называния для разных языков⁴. В реальности, действие, представленное на картинке, «правильным ответом» на которую является «копать», может быть с точки зрения целеполагания частью другого действия (закапывать, сажать или хоронить, например); действие «бежать» – догонять или убежать и т. п. Такое соотношение характерно для большей части действий – ср., например, выделение Т.А. Ван Дейком сложных («turning the pages of a book when reading, mixing concrete for laying the foundations in building a house, dialling when calling somebody on the phone») и составных дей-

¹ *Inhelder B., Piaget J.* The Early Growth of Logic in the Child: Classification and Seriation. New York: Norton, 1964; *Markman E.M.* Constraints on Word Learning: Speculations about Their Nature, Origins, and Domain Specificity // Gunnar M.R., Maratsos M. (Eds.). Modularity and constraints in language and cognition. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. P. 59–101; *Flavell J.* The Development of Children's Knowledge about the Mind: from Cognitive Connections to Mental Representations // Astington J., Harris P., Olson D. (Eds.) Developing Theories of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 244–267

² *Abelev M., Markman E.M.* Young Children's Understanding of Multiple Object Identity: Appearance, Pretense, and Function // *Developmental Science*. 2006. № 9. P. 591–597.

³ *Abelev M., Markman E.M.* Young Children's Understanding of Multiple Object Identity: Appearance, Pretense, and Function. P. 591.

⁴ См., например: *Kohnert K.J., Hernandez A.E., Bates E.* Bilingual Performance on the Boston Naming Test: Preliminary Norms in Spanish and English // *Brain and language*. 1998. № 65. P. 422–440; *Alario F.-X., Ferrand L.* A Set of 400 Pictures Standardized for French: Norms for Name Agreement, Image Agreement, Familiarity, Visual Complexity, Image Variability, and Age of Acquisition // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 1999. № 31. P. 531–552; *Dimitropoulou M., Duñabeitia J.A., Blitsas P., Carreiras M.* A Standardized Set of 260 Pictures for Modern Greek: Norms for Name Agreement, Age of Acquisition, and Visual Complexity // *Behavior Research Methods*. 2009. № 41. P. 584–589; *Bonin P., Guillemard-Tsaparina D., Méot A.* Determinants of Naming Latencies, Object Comprehension Times, and New Norms for the Russian Standardized Set of the Colorized Version of the Snodgrass and Vanderwart Pictures // *Behavior Research Methods*. September 2013. Vol. 45. Issue 3. P. 731–745.

ствий («When laying the foundations of a house I am building a house at the same time»)¹. То же касается и категоризации одушевленных и неодушевленных объектов. Наличие рядом с ними других объектов порождает варианты категоризации, основанные на воображаемых наблюдателем отношениях между объектами². Иначе говоря, категоризация определяется фреймом (сценарием), привлекаемым на основе перцепции. Так, корова, изображенная рядом с теленком, может категоризоваться как «мама», в отличие от коровы, сфотографированной отдельно. В полученных от наших респондентов описаниях изображения – рис. 4 – встречаются следующие варианты категоризации одной из двух главных фигур:

- по возрасту: *Бабка / Бабушка / Бабуся / Бабуля / Бабулька / Старуха / Старушка / Пожилая женщина;*
- по полу: *Женщина; Баба;*
- по месту проживания: *Сельчанка / Деревенская жительница;*
- по роду деятельности: *(Старая) пастушка / Пожилая доярка;*
- по отношению к второй фигуре: *Заботливая хозяйка.*

Первые два варианта основаны на собственных характеристиках объекта, в третий вовлекаются фон и вторая фигура, четвертый и пятый основаны на инференции возможных отношений между фигурами на изображении, на применении фреймов, которые кажутся говорящему подходящими, исходя из предметного содержания изображения. Возможно также объединение нескольких критериев категоризации в номинации объекта (*Пожилая сельская женщина*), а также совместная категоризация обеих фигур (*Женщины / Подружки*). Респонденты демонстрируют и варианты категоризации изображения в целом: по технике исполнения (*Фотография внуку на память; Совместное фото старушки и коровы; Типичная корова со старушкой фотографируются на лугу*) и по предметной области – изображаемое воспринимается как частная репрезентация более общей ситуации (*В деревне; Картина из деревенской жизни; Деревенский пейзаж с коровой и пастушкой; Деревня*).

Вариативность категоризации фигур, фона и всего изображения в целом сама по себе является нормой. Можно ли в этой вариативности обнаружить случаи,

¹ Van Dijk T.A. Philosophy of Action and Theory of Narrative. Philosophy of Action and Theory of Narrative // Poetics. 1976. № 5. P. 287–338.

² Friedman A. Framing Pictures: The Role of Knowledge in Automatized Encoding and Memory for Gist // Journal of Experimental Psychology: General. 1979. № 08. P. 316–355.

которые на фоне остальных будут выглядеть как нестандартные (ошибки категоризации)?

На рис. 5 подавляющее большинство респондентов видит «девочку и корову», причем такой вариативности в номинациях, какую мы наблюдали относительно рис. 4, не обнаруживается. На фотографии, по мнению респондентов:

Корова и девочка;

Девочка несет молоко в ведрах от коровы;

Маленькая девочка принесла воды корове;

Девочка несет ведра, а сзади пасется корова;

Корова пасется на лугу;

Девочка несет два ведра;

Корова и девочка с ведрами и т. п.

Респонденты могут называть одну или две фигуры, имеющиеся на изображении, связывать девочку с коровой в единый фрейм (напоить / подоить) посредством ведер или не устанавливать такой связи, но только один из 70 респондентов использовал категоризацию, выходящую за пределы возможных для данной ситуации фреймов: *Доярка и корова*.

Другой пример – рис. 6.

Фотография представляет ситуацию со многими участниками (пастух, коровы, лошадь, собака), вовлеченными в единый процесс. Респонденты могут допустить ошибки в категоризации как отдельной фигуры, так и всей ситуации: *Выгулка собаки; Собака прогуливается на пастбище; Наездник на лошади; Коровье поле с охотником*. Подчеркнем, что, для того чтобы подобные номинации трактовались именно как ошибки в категоризации, нужно рассматривать их в контексте ситуации, представленной на картинке. Этим ошибки категоризации отличаются от ошибок в передаче предметного содержания изображения типа *Лошади на перевале* (респондент по какой-то причине принял коров за лошадей, на картинке только одна лошадь); *Пастушья лошадь и корова пасутся на лугу*. Человек на коне на изображении присутствует и, «вырезанный» из данного контекста, вполне мог бы именоваться наездником. С другой стороны, изображение можно отредактировать так, что оно действительно превратится в «выгулку собаки» или «выезд на охоту» (убрать коров). Но в данном случае перцептивно присутствуют компоненты, в совокупности требующие другой категоризации и человека на лошади, и всей ситуации в целом на основе фрейма «выпас коров». Отступление от этой категоризации, неспособность связать присутствующие в перцептивном поле объекты в единую ситуацию, диктующую имена участников, является выходом за пределы нормы. Такие отступления, сигнализирующие о том, что респондент не смог подобрать правильный сценарий ситуации и вывести правильную категоризацию из совокупности участников, их признаков и отношений, нельзя диагностировать тестами, построенными на отдельных словах или изображениях отдельных объектов на белом фоне.

У специалистов по человеческому восприятию (визуальному и компьютерному) имеется значительное количество исследований, демонстрирующих влияние контекста – окружающих объектов (local context), общего типа и конфигурации визуальной сцены (global context) – на категоризацию объекта, влияние наличия в наблюдаемой сцене визуально значимых (salient) соответствующих или не соответствующих ей (congruent / incongruent) объектов на быстроту и уверенность категоризации сцены и под.¹ Эти работы убедительно доказывают, что категоризация объекта в реальной ситуации наблюдения, где он не вырван из пространственно-временного континуума, представляет собой гораздо более сложный процесс, чем просто переход от узнавания, основанного на визуальных признаках самого объекта, к принятию решения о категоризации и затем – к вербализации, и включает установление пространственных и семантических отношений (также отдельно выделяются отношения масштаба, размерности – scale context) между объектами, находящимися в поле зрения, и диалектическое взаимодействие обработки изображения «от общего к частному» и «от частного к общему» (top-down and bottom-up). Взаимодействие категоризации, основанной на внешнем виде объекта (appearance-based), с категоризацией на основе контекстуальных параметров (context-based)

¹ Biederman I. Perceiving Real-world Scenes // Science. 1972. № 177(7). P. 77–80; Fischler M., Etschlager R. The Representation and Matching of Pictorial Structures // IEEE Transactions on Computers. 1973. № 100(22). P. 67–92; Oliva A., Itti L., Rees G., Tsotsos J. K. Gist of the scene // Neurobiology of Attention. San Diego, CA, 2005. P. 251–256; Joubert O. R., Fize D., Rousselet G.A., Fabre-Thorpe M. Early Interference of Context Congruence on Object Processing in Rapid Visual Categorization of Natural Scenes // Journal of Vision. 2008. № 8(13): 11. P. 1–18. Joubert O.R., Rousselet G.A., Fize D., Fabre-Thorpe M. Processing Scene Context: Fast Categorization and Object Interference // Vision Research. 2007. № 47. P. 3286–3297; Galleguillos C., Belongie S. Context Based Object Categorization: A Critical Survey // Computer Vision and Image Understanding (CVIU). 2010. № 114. P. 712–722.

подразумевает согласованное функционирование целого ряда когнитивных механизмов человека, что служит дополнительным аргументом в пользу релевантности изучаемого нами материала для моделирования речевой деятельности. Однако, как уже было сказано, известные нам исследования в этой области концентрируются в сфере компьютерного и человеческого зрения (распознавание визуальных объектов и сцен) и не распространяются на принципы вербализации результатов этого распознавания. Кроме того, как следствие общего вектора этих исследований, контекст в них понимается достаточно узко и ограничивается пределами наблюдаемой сцены, тогда как наш материал показывает, что, выбирая номинации для участников ситуации и все ситуации в целом, говорящие могут выходить достаточно далеко за рамки предметного содержания изображения, примеряя различные, более или менее объективные / субъективные сценарии, ср.: *Бабушка и черно-белая корова; Бабушка рядом со своей коровой; Около хозяина; Мать-кормилица; Моя кормилица; Заботливая хозяйка; Единственная корова бабушки; Бабушка выгуливает единственную корову; Старушка возле своей любимицы*. Как видно из этих примеров, соположение фигур на изображении может интерпретироваться в описании через посессивные отношения или эмоционально-оценочные, что, безусловно, выходит за рамки прямого наблюдения.

Следующий важный параметр, по которому варьируются описания и использование которого возможно для установления границ нормы (стандарта), – приоритизация (фигуры и фона, участников ситуации, их признаков). Этот параметр удобно наблюдать в русском языке как языке со свободным порядком слов и падежным выражением синтаксических ролей. Приведем список описаний, полученных для рис. 6 (всего – 136 описаний), систематизировав их согласно приоритизируемому компоненту ситуации.

Пастух (59 описаний): *Пастух и стадо; Пастух на лошади и с собакой пасет коров на лугу; Работа пастуха; Пастух на лошади, пастушья собака и коровы на поле; Пастух-всадник и его собака; Пастух пасет коров; Чучмек и телочки; Экипированный пастух; Пастух на лошади и стадо коров на лугу; Пастух и стадо коров, собака; Пастух на коне, рядом собака – охраняют стадо коров; Фото – пастух на коне с собакой пасет коров; Пастух на лошади с собакой и коровами; Пастух на лошади с собакой пасет коров; Пастух на лошади и с собакой пасет стадо; Пастух верхом на лошади и с собакой охраняет стадо; Пастух и коровы; Пастух на лошади пасёт коров; Пастух, пёс и коровы; Пастух пасёт коров; Пастух с собакой и стадом; Казак-пастух с собакой; Наездник на лошади; Всадник с собакой на фоне коров; Пастух на лошади с собакой и коровы; Человек на лошади на коровьем пастбище; Мужик и собака пасут коров; Человек пасёт коров; Пастух коров на лошади; Друзья: пастух и собака; Человек на лошади и пасут стадо; Пастух и собака смотрят за стадом коров; Пастух на коне, справа собака; Пастух на лошади следит за стадом коров; Алтайский пастух верхом и с собакой; Мужчина на коне, собака, стадо коров; Пастух с собакой около стадо; Пастух с собакой около стада коров; Мужчина на коне, рядом лес; Пастух с собакой; Наездник скачет по лугу; Пастух на лошади с собакой заняты делом; Пастух с собакой стерегут стадо; Пастух отвлекается; Пастух на лошади с собакой и стадо коров; Пастух пасет стадо коров; Всадники с собакой пасут коров; Человек на лошади (с собакой) пасет коров в поле; Наездник на лошади в поле и собака; Пастух верхом на лошади; Пастух на лошади среди стада и собака; Пастух на лошади и собака пасут скот; Мужик на лошади и собака; Пастух*

на коне с собакой на фоне пасущегося стада; Пастух приглядывает за стадом; Пастух на лошади и с собакой; Пастбище. Пастух на коне и с собакой; Пастух со стадом и собакой.

При анализе приоритизации способ номинации объекта не важен, важен сам факт его упоминания в первой позиции в описании (*Пастух на лошади среди стада и собака*) или в качестве единственного вербализуемого (*Наездник скачет по лугу*). При включении в описание двух и более объектов остальные присоединяются к приоритизированному сочинительной (*Пастух и стадо коров, собака*), подчинительной (*Казак-пастух с собакой*) или предикативной (*Пастух пасет стадо коров*) связью.

Коровы, стадо, скот (18 описаний): *Стадо коров и пастух* (2 раза); *Стадо коров, а спереди пастух*; *Коровье стадо на пастбище*; *Коровы на пастбище*; *Коровы и человек на коне*; *Скот пасётся*; *Пастбище коров*; *Стадо коров*; *Загон скота домой*; *Так пасут коров*; *Выпас коров. Пастух с собакой*; *Поле. Коровы пасутся. Пастух*; *Коровы пасутся на лугу*; *Стадо под охраной*; *Коровы под строгим надзором*; *Коровы, их пастух на лошади и овчарка*; *Коровы пасутся в поле*.

Собака (20 описаний): *Собака и стадо коров*; *Выгулка собаки*; *Верный пес не отстаёт от пастуха*; *Собака и пастух*; *Собака прогуливается на пастбище*; *Собачий эскорт*; *Помощница пастуха*; *Пёс, пасущий коров, на фоне стада*; *Собака сторожит стадо коров*; *Пёс сторожит стадо*; *Поле и чёрная собака, похожая на шакала*; *Собака*; *Собака и пастух стерегут коров*; *Собака - друг человека!*; *Верный охранник и преданный друг*; *Собака, пасущая стадо*; *Собака, наездник, лошадь и опять корова*; *Собака пасёт стадо коров (и лошадь)*; *Симбиоз псины и коровы*; *Собака, лошадь, коровы. Собака следит за коровами*.

Лошадь (8 описаний): *Лошади на перевале*; *Лошадь и собака на пастбище*; *Лошадь и собака (как же без коров)*; *Лошади*; *Лошадки, коровы и собака*; *Лошади, наездник и собака*; *Лошадь, овчарка, коровы вдали*; *Пастушья лошадь и корова пасутся на лугу*.

Описания, не содержащие номинаций отдельных участников ситуации, т. е. не приоритизирующие никого из них (31): *Пастбище* (8 раз); *На пастбище* (2 раза); *День в селе*; *Общий сбор*; *Пастбище, защита*; *Много животных*; *Ограниченные условия*; *Лето*; *Преданность, любовь, терпение, помощь*; *Застывшее движение*; *Свобода и возвращение к корням*; *На выпасе*; *Организованная прогулка*; *Пригород в глуши*; *Дозор*; *Бдят*; *Плохая фотография*; *За всеми надо присматривать*; *Всякая работа хороша*; *Под надёжной защитой*; *Пасутся*; *Такие разные, но заняты общим делом*; *Взаимопомощь*.

Безусловно, эта сортировка сделана с известной долей условности. Так, в единый список внесены *коровы – стадо – скот*. Однако описание *Много животных* отнесено к «не приоритизирующим», так как номинация *животные* объединяет и коров, и лошадь, и собаку. Не учитываются ошибки опознания. Не учитывается приоритизация фона над фигурами. Описания, в которых использованы имена участников ситуации в Род. пад. при абстрактных или предметных именах, рассматриваются как приоритизирующие названного участника ситуации. Субъектная структура однословных описаний с неэксплицированным субъектом типа *на выпасе, пасутся* или *дозор, бдят* не рассматривается как приоритизирующая тех или иных участников ситуации. Номинация *верный охранник и преданный друг* отнесена к собаке.

Таким образом, операции «селекции и комбинации», которые (по В.В. Виноградову и Р.О. Якобсону) составляют суть речевой деятельности говорящего, в применении к описанию изображений включают, с одной стороны, выбор упоминаемых объектов и объединение их в сцену, с другой – выбор номинаций для этих объектов и всей сцены и синтаксических способов комбинации этих номинаций в структуре описания. Открытыми остаются вопросы о механизме и степени взаимодействия этих операций, в частности о том, насколько выбор упоминаемого объекта определяется его визуальной значимостью, структурой языка (в том смысле, в котором ее влияние понимается в концепции «thinking for speaking»), субъективными характеристиками говорящего (например, присутствием / отсутствием имени объекта в его лексиконе), формулировкой задания. Тем не менее, имея в своем распоряжении а) достаточное количество описаний каждого изображения, выполненных разными информантами, и б) данные одним респондентом описания 20 изображений с закономерно варьирующимися параметрами (один экспериментальный набор), мы можем довольно уверенно говорить о том, какие варианты категоризации и приоритизации являются центральными, а какие – периферийными для отдельных изображений, какие типы «отклонений» встречаются, и оценивать общую степень «центральности» описаний, полученных от отдельного респондента.

ЛИТЕРАТУРА

- Леонтьев А.А. (Ред.). Основы теории речевой деятельности. М., 1974. 368 с.
- Гостев П.П., Сидорова М.Ю.* Индексирование и именование изображений: проблемы вне русской грамматики или для русской грамматики? // Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. Структуры и функции: исследования по русистике. 2015. Т. 2. № 1. С. 94–138.
- Rashtchian C., Young P., Hodosh M., Hockenmaier J.* Collecting Image Annotations Using Amazon's Mechanical Turk // Proceedings of the NAACL HLT 2010 Workshop on Creating Speech and Language Data with Amazon's Mechanical Turk. Los Angeles. California, 2010. P. 139–147.
- Chen X. et al.* Microsoft COCO Captions: Data Collection and Evaluation Server vision. cornell.edu/se3/wpcontent/uploads/2015/04/1504.00325v2.pdf
- Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
- Сидорова М.Ю.* К развитию четырехступенчатой модели анализа текста // Gramatyka a Tekst. Red. Henryk Fontański, Jolanta Lubocha-Kruglik. Т. 4. Katowice, 2014. С. 6–29.
- Сидорова М.Ю.* Новые аргументы к дискуссии о двусоставности / односоставности предложения // XLV Международная филологическая научная конференция. СПб., 2016. С. 371–372.
- Гостев П.П.* К вопросу о стратегиях описания изображений // XLV Международная филологическая научная конференция. СПб., 2016. С. 221–222.
- Сидорова М.Ю., Гостев П.П.* Коммуникативные стратегии описания изображений: от предметности к ассоциативности // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 53. М., 2016 (в печати).
- Shallice T., Burgess P.W., Frith C.D.* Can the Neuropsychological Case-study Approach Be Applied in Schizophrenia? // Psychological Medicine. 1991. № 21. P. 661–673.
- Chen E.Y.H., Wilkins A.J., McKenna P.J.* Semantic Memory is Both Impaired and Anomalous in Schizophrenia // Psychological Medicine. 1994. № 24. P. 193–202.

- Spitzer M., Braun U., Hemle L., Maier S.* Associative Semantic Network Dysfunction in Thought Disordered Schizophrenic Patients: Direct Evidence from Indirect Semantic Priming // *Biological Psychiatry*. 1993. № 34. P. 864–877.
- David A.* Dysmodularity: A Neurocognitive Model for Schizophrenia // *Schizophrenia Bulletin*. 1994. № 20. P. 249–253.
- Vandenbergh R., Price C., Wise R., Josephs O., Frackowiak R.S.J.* Functional Anatomy of a Common Semantic System for Words and Pictures // *Nature*. 1996. № 383. P. 254–256.
- Rosch E., Mervis C.B., Gray W.D., Johnson D.M., Boyes-Braem P.* Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1976. № 8. P. 382–439.
- Rosch E.* Human Categorization // N. Warren (Ed.) *Advances in Cross-cultural Psychology*. Vol. 1. London: Academic Press, 1977.
- Jolicoeur P., Gluck M.A., Kosslyn S.M.* Pictures and Names: Making the Connection // *Cognitive Psychology*. 1984. № 16. P. 243–275.
- Murphy G.L., Brownell H.H.* Category Differentiation in Object Recognition: Typicality Constraints on the Basic Category Advantage // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1985. Vol. 11(1). Jan. P. 70–84.
- Inhelder B., Piaget J.* *The Early Growth of Logic in the Child: Classification and Seriation*. New York: Norton, 1964. 302 p.
- Markman E.M.* Constraints on Word Learning: Speculations about Their Nature, Origins, and Domain Specificity // Gunnar M.R., Maratsos M. (Eds.) *Modularity and Constraints in Language and Cognition*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. P. 59–101.
- Flavell J.* The Development of Children's Knowledge about the Mind: from Cognitive Connections to Mental Representations // Astington J., Harris P., Olson D. (Eds.) *Developing Theories of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 244 – 267.
- Abelev M., Markman E.M.* Young Children's Understanding of Multiple Object Identity: Appearance, Pretense, and Function // *Developmental Science*. 2006. № 9. P. 591–597.
- Kohnert K.J., Hernandez A.E., Bates E.* Bilingual Performance on the Boston Naming Test: Preliminary Norms in Spanish and English // *Brain and language*. 1998. № 65. P. 422–440.
- Alario F.-X., Ferrand L.* A Set of 400 Pictures Standardized for French: Norms for Name Agreement, Image Agreement, Familiarity, Visual Complexity, Image Variability, and Age of Acquisition // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 1999. № 31. P. 531–552.
- Dimitropoulou M., Duñabeitia J.A., Blitsas P., Carreiras M.* A Standardized Set of 260 Pictures for Modern Greek: Norms for Name Agreement, Age of Acquisition, and Visual Complexity // *Behavior Research Methods*. 2009. № 41. P. 584–589.
- Bonin P., Guillemard-Tsaparina D., Méot A.* Determinants of Naming Latencies, Object Comprehension Times, and New Norms for the Russian Standardized Set of the Colorized Version of the Snodgrass and Vanderwart Pictures // *Behavior Research Methods*. September 2013. Vol. 45. Issue 3. P. 731–745.
- Van Dijk T.A.* Philosophy of Action and Theory of Narrative // *Poetics*. 1976. № 5. P. 287–338.
- Friedman A.* Framing Pictures: The Role of Knowledge in Automated Encoding and Memory for Gist // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1979. № 08. P. 316–355.
- Biederman I.* Perceiving Real-world Scenes // *Science*. 1972. № 177(7). P. 77–80.
- Fischler M., Emswiler R.* The Representation and Matching of Pictorial Structures // *IEEE Transactions on Computers*. 1973. № 100(22). P. 67–92.
- Oliva A., Itti L., Rees G., Tsotsos J.K.* Gist of the Scene // *Neurobiology of Attention*. San Diego, CA, 2005. P. 251–256.

Joubert O.R., Fize D., Rousselet G.A., Fabre-Thorpe M. Early Interference of Context Congruence on Object Processing in Rapid Visual Categorization of Natural Scenes // *Journal of Vision*. 2008. № 8(13): 11. P. 1–18.

Joubert O.R., Rousselet G.A., Fize D., Fabre-Thorpe M. Processing Scene Context: Fast Categorization and Object Interference // *Vision Research*. 2007. № 47. P. 3286–3297.

Galleguillos C., Belongie S. Context Based Object Categorization: A Critical Survey // *Computer Vision and Image Understanding (CVIU)*. 2010. № 114. P. 712–722.

REFERENCES

Leontyev A.A. (Ed.). *Foundations of Speech Theory*. Moscow. 1974. 368 p.

Gostev P.P., Sidorova M.Yu. Image Indexing and Naming: a Task Beyond the Russian Grammar or for the Russian Grammar. *Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics*. 2015. Vol. 2. № 1, pp. 94–138.

Rashtchian C., Young P., Hodosh M., Hockenmaier J. Collecting Image Annotations Using Amazon's Mechanical Turk. In: *Proceedings of the NAACL HLT 2010 Workshop on Creating Speech and Language Data with Amazon's Mechanical Turk 2010*, pp. 139–147.

Chen X. et al. Microsoft COCO Captions: Data Collection and Evaluation Server vision. cornell.edu/se3/wpcontent/uploads/2015/04/1504.00325v2.pdf

Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. (2004) *Communicative Grammar of Russian*. Moscow. 544 p.

Sidorova M.Yu. Towards the Development of the 4-stage Text Analysis Model. In: *Grammar and Text / Henryk Fontański, Jolanta Lubocha-Kruglik. (Eds.) Vol. 4. Katowice. 2014*, pp. 6–29.

Sidorova M.Yu. New Arguments for the Discussion of Two-component / One-component Sentence Structure. In: *XLV International Scientific Philological Conference. St.-Petersburg, 2016*, pp. 371–372.

Gostev P.P. Towards Image Description Strategies. In: *XLV International Scientific Philological Conference. St.-Petersburg. 2016. P. 221–222*.

Sidorova M.Yu, Gostev P.P. Communicative Strategies for Image Descriptions: from Concreteness to Associativity. In: *Language – Mind – Communication. Issue 51 / Krasnykh, V.V., Izotov A.I. (Eds.). Issue 53. Moscow. MAKS Press. 2016 (in print)*.

Shallice T., Burgess P.W., Frith C.D. Can the Neuropsychological Case-study Approach Be Applied in Schizophrenia? *Psychological Medicine*. 1991. № 21, pp. 661–673.

Chen E.Y.H., Wilkins A.J., McKenna P.J. Semantic Memory is Both Impaired and Anomalous in Schizophrenia. *Psychological Medicine*. 1994. № 24, pp. 193–202.

Spitzer M., Braun U., Hemle L., Maier S. Associative Semantic Network Dysfunction in Thought Disordered Schizophrenic Patients: Direct Evidence from Indirect Semantic Priming. *Biological Psychiatry*. 1993. № 34, pp. 864–877.

David A. Dysmodularity: A Neurocognitive Model for Schizophrenia. *Schizophrenia Bulletin*. 1994. № 20, pp. 249–253.

Vandenberghe R., Price C., Wise R., Josephs O., Frackowiak R.S.J. Functional Anatomy of a Common Semantic System for Words and Pictures. *Nature*. 1996. № 383, pp. 254–256.

Rosch E., Mervis C.B., Gray W.D., Johnson D.M., Boyes-Braem P. Basic Objects in Natural Categories. *Cognitive Psychology*. 1976. № 8, pp. 382–439.

Rosch E. Human Categorization. In: N. Warren (Ed.) *Advances in Cross-cultural Psychology*. Vol. 1. London. Academic Press. 1977.

- Jolicoeur P., Gluck M.A., Kosslyn S.M. Pictures and Names: Making the Connection. *Cognitive Psychology*. 1984. № 16, pp. 243–275.
- Murphy G.L., Brownell H.H. Category Differentiation in Object Recognition: Typicality Constraints on the Basic Category Advantage. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1985. Vol. 11(1). Jan., pp. 70–84.
- Inhelder B., Piaget J. (1964) *The Early Growth of Logic in the Child: Classification and Seriation*. New York. Norton. 302 p.
- Markman E.M. Constraints on Word Learning: Speculations about Their Nature, Origins, and Domain Specificity. In: Gunnar M.R., Maratsos M. (Eds.) *Modularity and Constraints in Language and Cognition*. Hillsdale, NJ. Lawrence Erlbaum Associates, 1992, pp. 59–101.
- Flavell J. The Development of Children's Knowledge about the Mind: from Cognitive Connections to Mental Representations. In: Astington J., Harris P., Olson D. (Eds.) *Developing Theories of Mind*. Cambridge. Cambridge University Press. 1988, pp. 244 – 267.
- Abelev M., Markman E.M. Young Children's Understanding of Multiple Object Identity: Appearance, Pretense, and Function. *Developmental Science*. 2006. № 9, pp. 591–597.
- Kohnert K.J., Hernandez A.E., Bates E. Bilingual Performance on the Boston Naming Test: Preliminary Norms in Spanish and English. *Brain and Language*. 1998. № 65, pp. 422–440.
- Alario F.-X., Ferrand L. A Set of 400 Pictures Standardized for French: Norms for Name Agreement, Image Agreement, Familiarity, Visual Complexity, Image Variability, and Age of Acquisition. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 1999. № 31, pp. 531–552.
- Dimitropoulou M., Duñabeitia J.A., Blitsas P., Carreiras M. A Standardized Set of 260 Pictures for Modern Greek: Norms for Name Agreement, Age of Acquisition, and Visual Complexity. *Behavior Research Methods*. 2009. № 41, pp. 584–589.
- Bonin P., Guillemard-Tsaparina D., Méot A. Determinants of Naming Latencies, Object Comprehension Times, and New Norms for the Russian Standardized Set of the Colorized Version of the Snodgrass and Vanderwart Pictures. *Behavior Research Methods*. September 2013. Vol. 45. Issue 3. P. 731–745.
- Van Dijk T.A. Philosophy of Action and Theory of Narrative. *Poetics*. 1976. № 5, pp. 287–338.
- Friedman A. Framing Pictures: The Role of Knowledge in Automated Encoding and Memory for Gist. *Journal of Experimental Psychology: General*. 1979. № 08, pp. 316–355.
- Biederman I. Perceiving Real-world Scenes. *Science*. 1972. № 177(7), pp. 77–80.
- Fischler M., Eshelager R. The Representation and Matching of Pictorial Structures. *IEEE Transactions on Computers*. 1973. № 100(22), pp. 67–92.
- Oliva A., Itti L., Rees G., Tsotsos J.K. Gist of the Scene. In: *Neurobiology of Attention*. San Diego. CA, 2005. P. 251–256.
- Joubert O.R., Fize D., Rousset G.A., Fabre-Thorpe M. Early Interference of Context Congruence on Object Processing in Rapid Visual Categorization of Natural Scenes. *Journal of Vision*. 2008. № 8(13): 11, pp. 1–18.
- Joubert O.R., Rousset G.A., Fize D., Fabre-Thorpe M. Processing Scene Context: Fast Categorization and Object Interference. *Vision Research*. 2007. № 47, pp. 3286–3297.
- Galleguillos C., Belongie S. Context Based Object Categorization: A Critical Survey. *Computer Vision and Image Understanding (CVIU)*. 2010. № 114, pp. 712–722.

Сведения об авторе:
 Марина Юрьевна Сидорова,
 докт. филол. наук
 доцент

профессор кафедры русского языка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina Yu. Sidorova,
Doctor of Philology
Docent
Professor of the Department of Russian Language
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
sidorovadoma@mail.ru

A. Lipgart

The 14th–16th Century English Religious Prose and Its Role in the Formation of the English National Literary Language

Abstract: Among the more persistent myths concerning the history of the English language there is the one connected with the exceptional role of Chaucer's writings and of the King James Bible in the development of the national standard. Important though these texts were, the former at the time of its creation coexisted not only with the works of Gower and Langland, but also with the linguistically much more influential official and religious writings, while the latter was a derivative once removed of the original translation of the Bible into English by William Tyndale and Miles Coverdale. The present article views the complex picture of the interaction between various 14th–16th century English religious writings and other devotional and non-devotional texts, considered against the general background of the English history of the period specified.

Key words: English religious prose, the Wycliffe Bibles, the Coverdale Bible, the Great Bible, the Geneva Bible, the Bishops' Bible, the King James Bible, John Wycliffe's polemic against Catholicism

Аннотация: Среди устойчивых мифов, касающихся истории развития английского языка, особое место занимает идея об исключительной роли текстов Джеффри Чосера и Библии Короля Иакова в становлении национального языкового стандарта. При всей важности этих текстов работы Чосера следует рассматривать не только в одном контексте с произведениями Гауэра и Лэнгленда, но и в связи с намного более значимыми, с точки зрения лингвистики, официальными и религиозными текстами, в то время как Библия Короля Иакова является примером вторичного или даже третичного текста, созданного на основе оригинального английского перевода Библии, который был осуществлен Уильямом Тиндейлом и Майлзом Ковердейлом. В настоящей статье на фоне широкого исторического контекста описывается сложная картина взаимодействия английской религиозной литературы XIV–XVI вв. с другими текстами духовного и светского характера.

Ключевые слова: английская религиозная проза, Библии Уиклиффа, Библия Ковердейла, Великая Библия, Библия епископов, Библия Короля Иакова, полемическая антикатолические труды Джона Уиклиффа

The King James Bible (1611) is generally considered to be the utmost achievement comparable only to the Shakespearean canon in the English national literary tradition. Among its many credentials are the 28 pages the popular citations from it occupy in *The*

*Oxford Dictionary of Quotations*¹ with its 587 pages of the main text, these citations ranging in size between the gnomic phrases like “Am I my brother’s keeper?” and the full-length passages such as the incomparable eight initial verses of Ecclesiastes 12, beginning with “Remember now thy Creator in the days of thy youth, while the evil days come not, nor the years draw nigh, when thou shalt say, I have no pleasure in them”².

Thus far it has been fact; but with the Authorized Version ever so near fact lingers fiction. The very subtitle of the immortal book is suggestive of subterfuge, for it was never authorized. Equally misleading is the wide-spread legend that the King James Bible is the **original** work collectively produced by a group of geniuses providentially appointed in 1604 at the Hampton Court conference by the monarch eager to put an end to the unending altercations among clergy and laymen concerning various religious issues related to the true meaning of the Biblical text. Collective work indeed it was; originality, however, was the last thing even a moderately decent member of the Committee would have ever claimed.

Actually King James did appoint a committee of some 50 persons (47 according to some calculations, 54 according to some other) whose sole task was to revise the latinized Bishops’ Bible (1568); this is fact. And here comes fiction: the scholars never disappointed their monarch doing exactly what they had been told (according to some accounts they had produced a new translation from the original languages). In fact, contrary to the express desire of the monarch, the 6 groups of scholars (two groups in Westminster, two in Cambridge and two in Oxford) quietly disregarded the King’s recommendations and based their work – with several other earlier sources involved – almost entirely on revising the hugely popular text of the Geneva Bible (1560) which in its turn had been a revision of several other Bible translations: Coverdale’s Bible (1535), ‘Matthew’s’ Bible (1537) and the Great Bible (1539). The latter three were the result of the decades-long labour of just a pair of translators, William Tyndale (c. 1482–1536) and Miles Coverdale (1488–1569), true men of genius who had authored the translations of the New Testament and some opening parts of the Old Testament (Tyndale) and the rest of the Old Testament (Coverdale).

To see how closely the King James Committee followed the texts they had not been invited to follow suffice it to have a look at the first verse of *Ecclesiastes 12* as rep-

¹ The Oxford Dictionary of Quotations. 2nd ed. London: Oxford University Press, 1975.

² The full text of Ecclesiastes 12:1–8 in the King James Version runs as follows:

“Remember now thy Creator in the days of thy youth, while the evil days come not, nor the years draw nigh, when thou shalt say, I have no pleasure in them;

2 While the sun, or the light, or the moon, or the stars, be not darkened, nor the clouds return after the rain.

3 In the day when the keepers of the house shall tremble, and the strong men shall bow themselves, and the grinders cease because they are few, and those that look out of the windows be darkened,

4 And the doors shall be shut in the streets, when the sound of the grinding is low, and he shall rise up at the voice of the bird, and all the daughters of music shall be brought low;

5 Also when they shall be afraid of that which is high, and fears shall be in the way, and the almond tree shall flourish, and the grasshopper shall be a burden, and desire shall fail: because man goeth to his long home, and the mourners go about the streets.

6 Or ever the silver cord be loosed, or the golden bowl be broken, or the pitcher be broken at the fountain, or the wheel broken at the cistern.

7 Then shall the dust return to the earth as it was: and the spirit shall return unto God who gave it.

8 Vanity of vanities, saith the preacher; all is vanity”.

resented in the Geneva Bible (1560): “Remember now thy Creator in the daies of thy youth, whiles the evil daies come not, nor the yeres approche, wherein thou shalt say , I have no pleasure in them”¹. “The yeres approche” as well as “wherein thou” may be considered rhythmically inferior to “the years draw nigh” and “when thou” found in the King James Bible, but still it is a far cry from producing a truly authentic translation of the Hebrew and Ancient Greek original. Tempting though it is to glorify the collective genius of Edward Lively, John Richardson, Laurence Chaderton, Roger Andrewes, Thomas Harrison, Robert Spaulding, Andrew Bing and Francis Dillingham, the members of the First Cambridge Company responsible among other things for giving the Book of Ecclesiastes its final form, out of common fairness one should acknowledge the merits of the true author: in this case it was Miles Coverdale.

Nor is that all. Tyndale and Coverdale, perfectly prepared to work from scratch, would always be ready to accept help when help was forthcoming. The 14th century Bible translation originally carried out by John Wycliffe (c. 1320–1384) and Nicholas of Hereford (date of birth unknown; died c.1420) and later revised by John Purvey (c.1354–1414) in 1388, was not an ideal source of reference material for them, since the Wycliffite Bible had been translated from St. Jerome’s Vulgate texts and not from the original. Not consulting it at all, however, would have been a serious error of judgement, the one never to have been made by this conscientious and learned pair of scholars. Hence the lexical indebtedness to the Wycliffe wording “Whanne the keperis of the hous schulen be mouyd, and strongeste men schulen tremble; and grynderis schulen be idel, whanne the noubre schal be maad lesse, and seeris bi the hoolis schulen wexe derk” (Ecclesiastes 12:3) in the Geneva Bible, for example: “When the keepers of the house shal tremble, and the strong men shal bowe themselves, and the gronders shal cease, because thei are fewe, and they waxe darke that loke out by the windows” and the nearly verbatim reproduction of the latter in the King James version: “In the day when the keepers of the house shall tremble, and the strong men shall bow themselves, and the grinders cease because they are few, and those that look out of the windows be darkened”². And so on, *ad infinitum*.

¹ The full text of Ecclesiastes 12:1–8 in the Geneva Version runs as follows:

“Remember now thy Creator in the daies of thy youth, whiles the evil daies come not, nor the yeres approche, wherein thou shalt say, I have no pleasure in them:

2 Whiles thy sunne is not darke, not the light, nor the moone, nor the strarres, nor the cloudes returne after the raine:

3 When the keepers of the house shal tremble, and the strong men shal bowe themselves, and the gronders shal cease, because thei are fewe, and they waxe darke that loke out by the windows:

4 And the dores shal be shut without by the base sound of the grinding, and he shal rise up at the voice of the birde: and all the daughters of the singing shalbe a-based.

5 Also thei shalbe afraied of the hie thing, and feare shalbe in the way and the almond tre shal florish and the grasshopper shalbe a burden, and concupiscence shalbe driven away: for man goeth to the house of his age, and the mourners go about in the street.

6 Whiles the silver corde is not lengthened, nor the golden ewer broken, nor the pitcher broke at the well, nor the whele broken at the cisterne:

7 And dust returne to the earth as it was, and the spirit returne to God that gave it.

8 Vanitie of vanities, saith the Preacher, all is vanitie”.

² The full text of *Ecclesiastes 12:1–8* in the *Wycliffe Version* runs as follows:

“1 Haue thou mynde on thi creatour in the daies of thi yongthe, bifore that the tyme of thi turment come, and the yeris of thi deth neiy, of whiche thou schalt seie, Tho plesen not me. 2 `Haue thou mynde on thi creatour, bifor that the sunne be derk, and the liyt, and sterrys, and the mone; and cloude turne ayen

The obfuscation of the textual history of the so-called Authorized Version is revolting and unprecedented, though the reasons for it are not difficult to disclose. Wycliffe was a heretic once condemned by the official English Catholic Church and by a no less august body than the Council of Constance (1415), which resulted years later (1428) in his dead body being exhumed and burned and his ashes cast into the River Swift; an awkward candidate indeed for the exalted position of a national genius doing the pioneering top-priority work, however anti-Catholic and – anachronistically – pro-Protestant his religious beliefs could be. Tyndale is an equally ugly customer: sentenced to death by the Holy Roman Empire officials and strangled at Vilvorde castle near Brussels (his dead body in the truly Wycliffian, but much less gruesome manner, burnt immediately afterwards, the ash-casting omitted), technically he had been a wanted man in the already Anglican England and charges against him had never been dropped. Within this context the King James committee seems a known and reliable quantity to be safely entrusted with the top priority project management, especially as the very inconceivability of their collective success lends the desirable air of mystery to the whole unlikely story.

With this by way of introduction let us turn to the subject of the present article: the influence of religious prose on the 14th–16th century England and on the consolidation of its language. Predictably, John Wycliffe and his followers are going to be the central figures in this narration, side by side with their later successors William Tyndale and Miles Coverdale.

It is common knowledge that by the year 1066 England could boast of impressive literary achievements. Due to the efforts of King Alfred the Great (849–899), who spared no financial resources and practiced various other forms of allurements and cajoling, scholars of international repute began to settle in his native kingdom of Wessex, and in the 10th century his policy was continued by St. Dunstan (924–988). Their joint educational policy eventually brought forth the so-called Benedictine Renaissance, when writing in the vernacular became the standard practice in England and the didactic, historical, romantic and other genres proliferated. This gradual evolutionary process came to an abrupt end in 1066, the year of the Norman Conquest. Not that the national English language based on the Wessex dialect disintegrated immediately; not that all English people began to use the language of the invaders at once; but the tradition of using English in all spheres of human communication on a nation-wide scale was unquestionably broken. The language was speedily deteriorating into a collection of dialects, some of them mutually incomprehensible and used almost exclusively in the elementary everyday oral communication. The perspectives looked grim, and the only hope for the survival of the English language could be vested in the occurrence of yet another political event of epic magnitude capable of reversing the linguistic situation in the country.

after reyn. 3 Whanne the keperis of the hous schulen be mouyd, and strongeste men schulen tremble; and grynderis schulen be idel, whanne the noumbre schal be maad lesse, and seeris bi the hoolis schulen wexe derk; 4 and schulen close the doris in the street, in the lownesse of vois of a gryndere; and thei schulen rise at the vois of a brid, and alle the douytris of song schulen wexe deef. 5 And hiy thingis schulen drede, and schulen be aferd in the weie; an alemaunde tre schal floure, a locuste schal be maad fat, and capparis schal be distried; for a man schal go in to the hous of his euerlastyngnesse, and weileris schulen go aboute in the street. 6 Haue thou mynde on thi creatour, byfore that a siluerne roop be brokun, and a goldun lace renne ayen, and a watir pot be al to-brokun on the welle, and a wheele be brokun togidere on the cisterne; 7 and dust turne ayen in to his erthe, wherof it was, and the spirit turne ayen to God, that yaf it. 8 The vanyte of vanytees, seide Ecclesiastes, the vanyte of vanytees, and alle thingis ben vanyte”.

Fate was slow to oblige, but in 1337 oblige it did. The beginning of the Hundred Years' War with France brought about the necessity to think of a more patriotic way of communication, and the official status of the slightly anglicized French language as the state language of England had to be reconsidered. The first ever opening of the Parliament in English in 1362 marked the unmistakable shift in the national linguistic policy, and thereafter things moved rapidly. Geoffrey Chaucer, William Langland, John Gower – the supreme literary authorities in the land – began to write their texts in the vernacular (more specifically, in the London dialect now), when necessary enriching it with the massive borrowings which invariably underwent assimilation in accordance with the phonetic, morphological and derivational properties of the receptor language.

No less significant and by far more productive was the activity of the numerous clerks of the Chancery who were responsible for translating the already existing legal material from French and Latin and for producing the new orders, writs and charters in the English language only. Chancery clerks were a closely knit group of people who had received education in Oxford or Cambridge and who spoke and wrote the same fairly uniform London dialect the contemporary great writers like Chaucer were employing in their texts. Papers of the Chancery were spread all over England, imitating their style became a must for any provincial clerk eager to move to the capital and carve out for himself some kind of career there. In a situation when printing was non-existent, quantity mattered at least as much as quality, and quantitatively the overall impact of the Chancery papers must have been much greater than that of Chaucer's or Gower's works, especially as the real mastery of the language is acquired most effectively through active imitation and repetition which the English officials felt compelled to undertake, and not by passive mute comprehension which was the case with so many readers of texts of verbal art.

Chancery papers are mentioned only rarely when Middle English is discussed, all the glory being reserved for the great writers of the 14th century. The status of the religious prose of the period in modern investigations is even more problematic, either due to the ignorance of people involved in such discussions or because their opinion is ideologically biased. Be as it may, the vernacular religious writings should have had an even more universal appeal than the Chancery papers, they would have been read much more regularly and learnt by heart with greater enthusiasm than Chaucer's texts, for example. Hence the impossibility to avoid the issue when speaking about the 14th–16th century English language and the inadequacy of studies ignoring this all-important phenomenon.

John Wycliffe, a graduate of Oxford and then a fellow there, the very probable co-author of the Middle English translation of the Bible and definitely the sole author of numerous Latin and English treatises defying the dogmatic foundations of the Catholic Church and plainly calling contemporary Popes the servants of Anti-Christ, was allowed to get away with it and to remain unscathed until the very end of his life due to the extraordinary political circumstances under which he developed his unorthodox ideas. The Avignon captivity of the Popes (1305–1378), heavily dependent on the French support during these 7 decades and feeling called upon – sometimes grudgingly – to express their gratitude, did much to diminish the authority of the very institution of Papacy and gave plain evidence of its active involvement in matters secular which to any person having at least a rudimentary knowledge of the New Testament would seem a gross violation of Jesus Christ's doctrine. The riches of the Church of the poor similarly caused the disgust of those who took the word of the Scriptures seriously, and in 1370s Wycliffe started an active polemic against the practices of the Catholic Church.

Wycliffe was not the first to voice such ideas: it was not for nothing that in 1209 Pope Innocent III had initiated the Albigensian (or the Cathar) crusade aimed at eliminating Wycliffe's ideological forefathers in Languedoc; he was not the first to have a sympathetic ear of secular rulers, Raymond VI – Count of Toulouse – having given a powerful backing to the Cathar initiatives; but Wycliffe was the first 1) to receive the royal support for his services to the crown, which he was uniquely qualified to offer specifically due to his religious views, 2) to publish his prolific writings and 3) to make his living by getting money from the very organization he detested. Edward III (r.1327–1377) and John of Gaunt, Edward's son and the future regent of England in the years of King Richard II's minority, were delighted to discover in Wycliffe an eloquent advocate of the idea of royal supremacy, a professional ready to provide a legal footing for their disinclination to continue the English Church's annual payments to the de facto Avignon Catholic Church and for their inclination to have this money to themselves. The tax reversal granted for the time being, Wycliffe was held in great esteem by his grateful clients who repeatedly shielded him from the attacks of the disgruntled English clerics until in the year 1382 he overreached himself poaching on forbidden territory: questioning not only the Pope's authority but also the theory of transubstantiation and other principal dogmas of Christianity. It cost him the patronage of John of Gaunt and the like, but even after that no excommunication or imprisonment followed. He died two years later and was never to see the violence the Catholic Church would display against him and his writings.

John Wycliffe's vernacular writings apart from his contribution to the Bible translation comprise three densely printed volumes of text, some of his treatises being of the distinctly polemical nature: cf. "But we schul beleve that no prayer is worse, but in als muche as God hym selfe heris hit, and applies this prayere to prof te of the man. Lord! Whether God hym selfe wolde gladlier here the preyere that a false man had contrevded to hym, then the generale preyere that he hym selfe made?"¹ This energetic prose, precise lexically and comprehensive syntactically, survived in hand-written copies in spite of the joint efforts of the Government and the Church in the decades to come to eradicate the last vestiges of Wycliffe's memory and his teaching. Stylistically very different from Chaucer and Gower, his texts still made an enormous impact on the way future generations of learned Englishmen would shape their thoughts through the medium of their mother tongue.

In 1408 during the reign of the usurper-king Henry IV the so-called Constitutions of Oxford were adopted making it a capital offense punishable by death to translate the Bible, to read it in English or to give it to other people. Never secure and ever suspicious, Henry IV could not afford alienating the Church with its impressive record of propaganda coups and did all he could to receive the support of this powerful institution. The newly invigorated Church was eager to cooperate and to take care of its own interests simultaneously, suppressing the malcontents and making sure that no theologian of Wycliffe's calibre and convictions would ever be allowed to speak up, either in Latin or in English. It took an invention, a reformation and a tyrant to reverse the situation.

The invention of printing in the middle of the 15th century marked the advent of a new era in the intellectual life of Europe. Ideas spread with the hitherto unknown speed, and the barely remembered convictions of Wycliffe (the Bible being the only and the ultimate authority in all questions pertaining to religion among them), voiced anew

¹ Select English Works of John Wycliffe. Vol. III. Miscellaneous Works. Oxford: Clarendon Press, 1871. P. 441–442.

by the German and Swiss reformers, all of a sudden conquered the minds of excitable English visionaries. History seemed to be repeating itself: yet another Bible translator and anti-Catholic polemicist, yet another group of adherents and supporters, yet another king in conflict with Rome. But similarities here are as striking as are the differences. In contrast to Wycliffe who was working in the relative comfort of Oxford and numerous other places of residence, Tyndale spent his life on the run, in the imminent danger of arrest and execution; his chief antagonists were not the ineffectual and distant Pope or the temporarily toothless English clergy, but the highly efficient Chancellor of England never too distant even when separated from Tyndale by the Channel; his sponsors and protectors were not the governmental elite at home, but the rich English merchants harbouring him in Germany and having very little influence with the legal system of the foreign country; and, crucially, his monarch was not the practical man like Edward III, but the larger than life and increasingly paranoid Henry VIII. This erstwhile Defender of the Faith invented a religion all his own, and he needed no guidance or advice from a heretic whom he was prepared to tolerate only so long as the culprit in question advanced the idea of royal supremacy and whom he would start hating in earnest once Tyndale had spoken against 'the King's Great Matter' – i.e. the annulment of Henry's marriage with Catherine of Aragon.

Yet against all the odds Tyndale's writings survived their creator, and together with Miles Coverdale's magnificent contribution they comprise the books which under various fake names bear the unique imprint of the personalities of their true authors. It was Tyndale's and Coverdale's text that inspired the ubiquitous Thomas Cranmer in his work on *The Book of Common Prayer* and that forms the core of the numerous Bibles beginning with the 16th century variants and reaching as far as the Authorized Version of 1611 and the English Revised Version of 1881–1894. And it was Wycliffe's, Tyndale's and Coverdale's literary talent that lent the English language its elegance and lucidity.

REFERENCES

The Oxford Dictionary of Quotations. 2nd ed. London. Oxford University Press, 1975. 1003 p.

Select English Works of John Wycliffe. Vol. III. Miscellaneous Works. Oxford: Clarendon Press, 1871. 545 p.

Сведения об авторе:
Андрей Александрович Липгарт,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Andrey A. Lipgart,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a_lipgart@mail.ru

Медиевистическое источниковедение литературы Нового времени в системе многоступенчатого филологического образования

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы художественной рецепции древнерусской литературы в связи с потребностями и методикой преподавания в магистратуре. Изучение, определение и поиск средневековых источников, использованных в произведениях нового времени, служат расширению компетенций и практических навыков магистрантов-филологов, способствуют более углубленному пониманию как архаического литературного творчества, так и интерпретации современных текстов.

Ключевые слова: источниковедение, древнерусская книжность, средневековая и новая литература, рецепция, межтекстовые связи, магистратура, методика, уровни компетенций

Abstract: The article deals with the problems of teaching of Old Russian literature in a magister's program. The study, identification and search of medieval sources used now help to improve competencies and skills studying philologists, contribute to a better understanding the archaic literary creation interpreted in contemporary texts.

Key words: studying of sources, old booklore, medieval and new literature, reception, intertextual connections, Magistrate, methodics, competence levels

Курс истории древнерусской литературы, как и большинство учебников, обычно завершается на оптимистической ноте. Говорится о традициях средневековой книжности в литературе нового времени. Для медиевиста это звучит утешительно: предмет, приобретая новое качество, жив и после XVII в., стародавние тексты – явление влиятельное, непреходящее. Но для студентов это всегда невнятная скороговорка с маловыразительными примерами самого общего свойства. Специалисты же по литературе новой, естественно, не испытывают по этому поводу особого энтузиазма. Им хватает своих забот, или они попросту не отмечают следы древних текстов. Можно с уверенностью утверждать, что при чтении курса истории русской литературы XVIII в. не найдется достаточно времени и возможности поведать о творчестве братьев Денисовых или анализировать стихотворные фации. А ведь Древняя Русь – после Древней Руси – какое-то время живет по инерции в формах первозданных, так сказать, пока не «износится подлинное платье».

В борениях минувшего и зарождающегося постепенно древняя книжность станет источником чего-то совершенно иного. Эта интереснейшая и весьма разнообразная область филологических наблюдений не нова, но в то же время далека от исчерпанности и, что особенно существенно, практически неведома нашим студентам. Проблемы художественной рецепции древнерусских произведений, как представляется, приобретают особую актуальность сегодня, когда осуществляется разграничение учебного материала, предлагаемого бакалаврам и магистрантам. Более внимательное обращение к этим вопросам в преподавательской практике позволит преодолеть хронологическую герметичность предмета и, конечно, вновь подчеркнет фундаментальность дисциплины, с которой будущий филолог сталкивается в самом начале обучения, еще не обладая должными навыками и кругозором. При определении стратегии многоуровневого обучения, подразумевающего поэтапный выход на более глубокие горизонты, данная проблематика может придать особый импульс как в изучении самого архаического литературного творчества, так и в освоении инструментария, необходимого при анализе текстов нового времени. Словом, так могут расширяться границы компетенций в рамках магистратуры.

Когда-нибудь будет написана история обращений к древнерусским произведениям писателей XVIII–XX вв. Отдельных наблюдений сделано немало, а вот систематизация, выявление закономерностей в этой сфере – пока что дело будущего. Ведь степень внимания авторов разных времен к средневековым текстам, глубина их понимания – величина непостоянная, зависящая от множества факторов.

За последние полтора-два десятка лет немало написано на темы, закрытые не только в советское, но и в дореволюционное время. Тут и библеизмы, и христианство и русская литература. Всё это важно, но я имею в виду иное. Не следует смешивать подобные исследования и их результаты, подпадающие под понятие традиции, с областью, которая более конкретна и осязаема. Она в чем-то уже понятия традиции и в то же время объемнее того, что мы называем реминисценциями. Назовем ее медиевистическим источниковедением новой литературы. Речь не идет о том, какой образ Древней Руси создал тот или иной писатель или определенная литературная эпоха. Речь об использовании источников, типологии методов работы с ними, преобладании интереса к тем или иным текстам во времени, наконец, о вскрытии «сокровенного слова» в литературе нового времени. Подобный подход подразумевает сопоставление текстов, созданных в разных обществах, учет своеобразия интерпретации источников и, как следствие, более наглядное определение специфики литературного творчества в средневековье. Здесь важна конкретика анализа, а не обзоры общего характера. Наконец, при подобном подходе наглядно предстает история взаимодействия науки и литературы. Поиск и определение древних источников, нередко явленных в «сокровении словес», давших писателю тему, мотив, образ, композиционное решение, повлиявших на выбор жанровой формы, – дело увлекательное и существенное. Объяснение с этой точки зрения авторского замысла, практики использования источника подчас дает неожиданные результаты.

Соотношение старой и новой литератур (в том числе и теоретические аспекты этого соотношения, например связанные со спецификой того или иного литературного рода), – вопросы, находящиеся за рамками собственно медиевистики. Здесь своеобразная порубежная территория, сулящая студенту соприкосновение с целым рядом гуманитарных дисциплин. Кроме того, синтетическая сфера позво-

ляет затронуть внелитературную реальность (воздействие определенной эпохи, ее культурных запросов, общественных представлений, политики, идеологии). Внимание писателей к конкретному периоду книжности XI–XVII вв., исторической фигуре, жанру, стилю, источнику может быть обусловлено внешними влияниями. Здесь присутствуют свои закономерности и некоторая цикличность, не только авторская воля; например, особый интерес к эпохе рубежа XVI–XVII вв. у писателей второй половины XVIII – начала XIX в. или множественные обращения к фигуре и правлению Ивана IV в пореформенной России (А.К. Толстой, И.И. Лажечников, Л.А. Мей, Д.В. Аверкиев, А.Н. Островский), а также в 1930–1940-е гг.

Конечно, наиболее влиятельным оказалось «Слово о полку Игореве». Его многоплановое воздействие на литературу XIX–XX вв. изучено лучше, включая поэтические переложения. Оно, по понятным причинам, гораздо заметнее. Но и тут возможны неожиданные наблюдения, проявления эвристического источниковедения. Например, если в повести Б. Лавренева «Полынь-трава» (1925) пространные периоды текста, восходящие к «Слову», заметны любому читателю, то в небольшом «Слове о гибели земли русской» А. Ремизова (1917) все не так наглядно.

Предлагая вашему вниманию ряд конкретных примеров обращений писателей нового времени к средневековым источникам, буду приводить факты, о которых мне самому приходилось писать. Этот материал разнообразен по форме, но, безусловно, не претендует на какую-либо систематизацию.

Так, в широко известном историческом романе Генрика Сенкевича «Огнем и мечом» (1883–1884) имеются скрытые цитаты из «Слова о полку Игореве»¹. Полонисты этого не замечали. Ведь по своему пафосу это самая антирусская книга польского классика. Другое дело, что Сенкевич использовал «Слово» для создания украинского колорита XVII в. Казачий фольклор, думы – вот фон, на котором неожиданно блеснуло «Слово» в польском историческом повествовании.

Превращение архаического образа в иной, новый художественный образ, например романного повествования, интересно и с теоретико-литературной точки зрения. Здесь не всё укладывается в рамки так называемой интертекстуальности. Например, все мы помним оборот: «седя на санех» из «Поучения» Владимира Мономаха. Обычно его объясняют как намек на древний славянский похоронный обряд. То есть Мономах уже стар и пишет свое «Поучение», прожив долгую, богатую событиями жизнь. Но было и другое толкование этого образа: князь обращается к потомкам, находясь в дальнем странствии зимой. Не будем касаться вопроса убедительности той или иной трактовки. Важно, что необычное словосочетание «седя на санех» стало стержневым для романа Ант. Ладинского «Последний путь Владимира Мономаха» (первая публ. – 1966). Князь едет в санях из Киева в Переяславль и вспоминает всю свою многотрудную жизнь. Это и многозначный образ, и основа композиции нового произведения, да и к поэтике названия имеет отношение. Так Ладинский «примирил» две противоположные позиции, восходящие еще ко временам А.И. Мусина-Пушкина и М.П. Погодина. Его главный герой стар, но в то же время совершает реальное санное путешествие («на далечи пути, да на санех седя»)².

¹ См.: Пауткин А.А. «Слово о полку Игореве» в историческом повествовании Г. Сенкевича // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000. С. 616–624.

² См.: Пауткин А.А. Древнерусские источники XI–XIII вв. в историческом повествовании Ант. Ладинского и Н. Иртениной // Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования. М., 2015. С. 418–436.

В историческом романе перед нами особый вид художественной актуализации средневековых источников, когда устанавливаются непосредственные межтекстовые связи, в отличие от разнообразных вариантов опосредованных обращений к древнерусскому книжному наследию. Конкретное произведение (или произведения) средневековой традиции способствуют созданию новой художественной реальности.

Сюжет средневекового произведения, использованный современным писателем, обычно легко распознается читателем. Так, «Повесть о Петре и Февронии муромских» (1951) А. Ремизова не требует особых источниковедческих объяснений. Не подразумевает их и ряд повестей Н.С. Лескова, основанных на патериковых легендах (например, «Лев старца Герасима» (1888) – Синайский патерик). Но есть у Лескова и тексты с секретом. Так, пасхальный рассказ «Сошествие во ад (апокрифическое сказание)» (1894) нуждается в особом комментировании. В ряде собраний сочинений писателя этот рассказ с интересующей нас стороны никак не комментируется. Сообщается очевидная вещь, вроде: «Далее следует текст на церковнославянском языке». Словом, тут нужен поиск источника и сокровенного смысла. Один знаток творчества Лескова как-то сказал: «Да сам писатель и придумал апокриф. Чего только он не изобретал, учитывая его жанровые искания». Действительно, фантазия и стилизаторские способности писателя были неистощимы. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что в основе всего популярное на Руси апокрифическое Никодимово Евангелие. Для объяснения художественного строя рассказа достаточно верно определить этот источник¹.

Ю.М. Лотман писал, что «Слово о полку Игореве» не открылось перед писателями начала XIX в.² Во многом это так. Штампами стали, например, сравнения «Боян – Гомер», «Боян – полночный Оссиан». И в то же время совершенно иное, более глубокое понимание древнерусских текстов дает не высокая литература, а мемуарная проза. Капитан-артиллерист Г.П. Мешетич, участник войны 1812 г., решил последовать призывам Ф.Н. Глинки писать историю Отечественной войны в духе «Сказания о Мамаевом побоище» и русских летописей. В своих «Исторических записках войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814, 1815 годов» (1818), не предназначавшихся для печати, Мешетич, действительно, сумел прибегнуть к стилистическим приемам воинских повестей Древней Руси³.

Проблема «писатель и древнерусский источник» включает в себя еще один аспект, связанный с поэтапным освоением книжного наследия средневековья. На разных стадиях этого процесса значение исторических сочинений, выполнявших роль посредника, могло меняться. Так, в XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. литераторы, обратившиеся к прошлому Руси, опирались на труды В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова и, конечно, Н.М. Карамзина. Непосредственный контакт с источником был затруднителен и редок. Совмещение исторических исследований с литературной деятельностью давало в этом смысле явное преимущество. Например, Ломоносов в трагедии «Тамира и Селим» (1750) опирался на

¹ См.: Пауткин А.А. В поисках сокровенного. Древняя книжность и иконопись в рассказе Н.С. Лескова «Сошествие во ад» // Русская литература XIX в. и христианство. М., 1997. С. 224–228.

² См.: Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // «Слово о полку Игореве» – памятник XII в. М.; Л., 1962.

³ См.: Пауткин А.А. Традиции древнерусской литературы в «Исторических записках» участника Отечественной войны 1812 г. капитана Г.П. Мешетича // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. М., 1995. С. 197–203.

известные ему рукописные редакции «Сказания о Мамаевом побоище» и списки летописей¹.

С расширением публикаторской деятельности, введением в читательский оборот всё новых произведений XI–XVII вв. использование сведений или отрывков средневекового сочинения, содержащихся в том или ином историческом труде, всё больше уступает место непосредственному обращению к самому памятнику. Наглядным примером может служить описание внешности Григория Отрепьева в сцене «Корчма на литовской границе» в пушкинской трагедии «Борис Годунов» (1825) и поэтическое переложение М. Волошиным финальной части «Летописной книги», приписываемой С.И. Шаховскому («Надписание вкратце о царех московских и о образех ихъ и о возрастехъ и о нравехъ») в стихотворении «Написание о царях московских» (1919). Если в первом случае Пушкин опирался на материалы XI т. «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина и конкретный отрывок сочинения Шаховского из примечания ко второй главе (примеч. 205), то Волошин обращается ко всему объему «Надписания», добавляя в свой текст два новых стилизованных портрета (Марины Мнишек и Филарета), воспользовавшись, по всей видимости, фундаментальным изданием Русской исторической библиотеки (т. XIII)².

Путь от научного труда-посредника к работе с полным текстом источника может проследиваться и в творчестве конкретного автора. В раннем сборнике «Лимонарь, сиречь Луг духовный» (1907) А. Ремизов опирался главным образом на труд А.Н. Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха». Расширение познаний в области древнерусской книжной культуры дало писателю возможность разнообразить круг источников своих произведений.

В XIX в. вместе с углублением научных познаний о древностях все более основательным и глубоким становилось их художественное прочтение. Наука и литература шли рука об руку. Трудно переоценить роль первого издания «Жития» Аввакума, осуществленного академиком Н.С. Тихонравовым в 1861 г. Постепенно менялось отношение к раскольникам и к Аввакуму (от разоблачительства религиозного фанатизма до основательного, документированного изучения этого движения). Менялись и литературные отклики на раскол. В.М. Гаршин в своей рецензии на суриковскую боярыню Морозову («Заметки о художественных выставках», 1887) цитирует и «Житие», и послания протопопа, и более позднюю «Повесть о боярыне Морозовой», а видит в этих людях лишь темных фанатиков, пытается даже поспорить с художником. Его позиция – отражение времени, когда обличал раскольников профессор Н.И. Субботин, и не только он. Столь ранимый и тонко чувствующий жизнь писатель неожиданно остается в рамках официальных воззрений³.

В XX в. Аввакума и его писания ждет совсем иная судьба. Он и воплощение драматизма российской действительности (очерки А.В. Амфитеатрова; поэмы М. Волошина «Протопоп Аввакум», 1919; В. Шаламова «Аввакум в Пустозерске», 1954), и пример непреклонной стойкости (как для красных, так и для белых). В далеком Харбине Арс. Несмелов пишет поэму на материале «Жития» («Протопопи-

¹ О рецепции древнерусских текстов в XVIII в. см.: *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980.

² См.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. СПб., 1909.

³ См.: *Пауткин А.А.* Опыт источниковедческого прочтения статьи В.М. Гаршина «Заметки о художественных выставках» // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. М., 2008. № 4. С. 113–120.

ца», 1938–1939). А один и тот же аввакумовский текст мог цитироваться на Первом съезде советских писателей и в парижском эмигрантском издании (например, очерк И.С. Лукаша «Потерянное слово»¹, 1936), но совсем с иным смыслом. Имею в виду диалог Аввакума с многострадальной Марковной на льду Байкала.

Современные школьники и наши студенты уже не знают о существовании очерка М. Горького «В.И. Ленин». Еще сравнительно недавно он входил в программу для поступающих в вузы. Но и тогда мало кто подозревал, что Горький сравнил в первой редакции Ленина с Аввакумом и Василием Шуйским. Так в прижизненном издании собрания сочинений конца 1920-х гг., но, конечно, не в тридцатитомном. Вот такая занятая текстология. Особая тема – использование писаний Аввакума прозаиками от Д.Л. Мордовцева («Великий раскол», 1880) и Ал. Алтаева (псевд. М. Ямшиковой; «Разоренные гнезда», 1908) до Вл. Бахревского («Тишайший», 1984; «Никон», 1988; «Аввакум», 1997), Д. Жукова («Владимир Иванович», 1979), Ю. Нагибина («Огненный протопоп», 1974) и В. Личутина («Раскол», 1997).

Мы давно ушли от восхваления реформаторской деятельности Ивана Грозного, потребности видеть в опричниках «прогрессивное войско». Правда, и сегодня можно услышать, что царь Иван IV оболган историей еще со времен Н.М. Карамзина. Наши студенты-бакалавры мало что знают об идеологической трансформации образа деспотичного правителя, произвольной, идеализирующей работе литераторов с источниками XVI в. Образ Ивана Грозного и его тексты совершенно по-разному подавались писателями в эпоху реформ Александра II и в сталинские времена. Но, между прочим, в 1930–1940 гг., несмотря на идеологическое давление и заданность прочтения, писатели обладали бóльшим числом источников, позволявших им дать более объемную картину жизни Московской Руси².

Размышлять о характере художественного освоения древнерусского источника писателем нового времени наш студент, конечно, может уже в первом семестре бакалавриата. Вот только понимание того, что средневековая литература – это не только далекое прошлое книжного слова, но и важный инструмент для объяснения текстов гораздо более близких, приходит гораздо позже, когда уже что-то известно о радищевском «Житии Федора Васильевича Ушакова», толстовском «Отце Сергии» и многом ином. Вероятно, уже после ознакомления с литературным процессом XX в. студент-филолог в состоянии рассуждать о том, находился ли А.Н. Толстой под обаянием фигуры Даниила Заточника, когда создавал в «Хождении по мукам» образ освобожденного революцией расстриги Кузьмы Нефедова³, или какими жанровыми ориентирами располагала М. Кучерская, работая над «Современным патериком» (2005). Иными словами, магистрант-русист вполне может, как пелось в некогда популярной песне: «Оглянуться посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я».

¹ И.С. Лукаш писал: «Я напомнил об Аввакуме потому, что он со своей протопопицей, ребятами и черной курочкой должен быть близок всем изгнанным и гонимым, мучаемым и замученным совершенной бесхитростной своей простотой в испытаниях. Это простодушие сильных духом... С улыбкой он поднялся на костер. Он знал то слово о Руси, которое потом мы все потеряли» (цит. по: *Лукаш Иван. Потерянное слово // Родина. 1996. № 1. С. 109.*

² См.: *Пауткин А.А. Иван Грозный: Интермедальность и трансформация образа // Сборник трудов памяти Николая Ивановича Либана. М., 2015. С. 166–173.*

³ См.: *Пауткин А.А. Древнерусская книжность в художественном мире А.Н. Толстого (к проблеме соотношения средневековой и новой литературы) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 14. М., 2010. С. 733–743.*

В заключение отмечу, что при подобном подходе к материалу весьма существенен аксиологический аспект, когда внимание уделяется не только определению и объяснению межтекстовых связей, но и степени адекватности, глубине и художественности прочтения, а также трансформации средневекового источника в современном тексте. Особенно это важно при анализе произведений рубежа XX–XXI вв., так как очевидны утрата прежнего интереса к источнику, документу, субъективное восприятие прошлого, подкрепляемые постмодернистскими приемами. Сегодня заметно ослабление позиций исторического жанра как основного потребителя средневековых источников. Возникает даже особая линия в современной прозе – «неисторический роман»¹². Именно такой подзаголовок дал своей книге признающийся в своей нелюбви к историческому роману Е.Г. Водолазкин – лауреат премии «Большая книга» 2013 г. Но декларируемая автором «неисторичность» романа «Лавр» отнюдь не означает отсутствия в тексте различных отголосков древнерусских произведений: явных (например, «Александрия», «Физиолог», «Пчела», Киево-печерский патерик) и в значительной мере переосмысленных, завуалированных (жития, в том числе юродивых, рукописные лечебники, литература хождений), умышленно лишенных конкретики источника (например, финальная сцена романа, восходящая к летописному известию 1159 г. о кончине киевского митрополита Константина).

Причины ослабления интереса к историческому жанру кроются не только в изменении вкусов и читательских запросов. Слишком глубоки социальные перемены, дискредитировавшие массовые представления о поступательном историческом развитии, предсказуемости общественных процессов. В профессиональном сообществе уже давно начался поиск новых методов в подходе к исторической информации, иных способов «организации диалога историка с источником»¹³. Думается, медиевистическое источниковедение новой литературы как часть профессиональной подготовки магистрантов не только способно продемонстрировать студенту различие между подлинно художественной реставрацией прошлого и его безоглядной реконструкцией, но и расширит практические навыки анализа текстов различных эпох.

ЛИТЕРАТУРА

Данилевский И.Н. «Повесть временных лет»: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. 383 с.

Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // «Слово о полку Игореве» – памятник XII в. М.; Л., 1962. С. 330–405.

Лукаш Иван. Потерянное слово // Родина. 1996. № 1. С. 106–109.

Маглий А.Д. Неисторический роман XXI века // Stephanos. 2016. № 1(15). С. 65–73.

Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980. 264 с.

Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. Л., 1925. 864 с. (Русская историческая библиотека. Т. 13)

Пауткин А.А. Традиции древнерусской литературы в «Исторических записках» участника Отечественной войны 1812 г. капитана Г.П. Мешетича // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. М., 1995. С. 197–203.

Пауткин А.А. В поисках сокровенного. Древняя книжность и иконопись в рассказе Н.С. Лескова «Сошествие во ад» // Русская литература XIX в. и христианство. М., 1997. С. 224–228.

Пауткин А.А. «Слово о полку Игореве» в историческом повествовании Г. Сенкевича // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000. С. 616–624.

Пауткин А.А. Опыт источниковедческого прочтения статьи В.М. Гаршина «Заметки о художественных выставках» // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. М., 2008. № 4. С. 113–120.

Пауткин А.А. Древнерусская книжность в художественном мире А.Н. Толстого (к проблеме соотношения средневековой и новой литературы) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 14. М., 2010. С. 733–743.

Пауткин А.А. Древнерусские источники XI–XIII вв. в историческом повествовании Ант. Ладинского и Н. Иртеневой // Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования. М., 2015. С. 418–436.

Пауткин А.А. Иван Грозный: Интермедальность и трансформация образа // Сборник трудов памяти Николая Ивановича Либана. М., 2015. С. 166–173.

REFERENCES

- Danilevsky I.N. (2004) “The Tale of Bygone Years”: Hermeneutical Bases of Studying of Annalistic Texts. Moscow. 383 p.
- Lotman Yu.M. The Song of Igor’s Campaign, The Lay of Igor’s Campaign – a Monument of XII century. Moscow; Leningrad. 1962, pp. 330–405.
- Lukash Ivan. The Lost Word. *Rodina*. 1996. No 1, pp. 106–109.
- Magliy A.D. Non-Historical Novel of the XXIst century. *Stephanos*. 2016. No 1(15), pp. 65–73.
- Moiseeva G.N. (1980) Old Russian Literature in the Artistic Consciousness and Historical Thought of the XVIIIth century in Russia. Leningrad. 264 p.
- Monuments of Old Russian Cyrillic Literature, Relating to the Time of Troubles. Leningrad. 1925. 864 p. (Russian Historical Library. Vol. 13)
- Pautkin A.A. Traditions of Old Russian Literature in the “Historical Notes” of Captain G.P. Meshetich, a Participant of the Patriotic War of 1812. In: Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 8. Moscow. 1995, pp. 197–203.
- Pautkin A.A. In Search of the Hidden. The Old Russian Booklore and Iconography in Leskov’s Story “Soshestvie vo Ad”. In: Russian Literature of the XIXth century and Christianity. Moscow. 1997, pp. 224–228.
- Pautkin A.A. “The Tale of Igor’s Campaign” in the Historical Narrative of H. Sienkiewicz. In: Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 10. Moscow. 2000, pp. 616–624.
- Pautkin A.A. The Experience of Studying of the Sources of V.M. Garshin’s Article “Notes on the Art Exhibitions”. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 2008. No 4. С. 113–120.
- Pautkin A.A. The Old Russian Booklore in the Literary Work of A.H. Tolstoy (on the problem of the relation of medieval and contemporary literature). In: Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 14. Moscow. 2010, pp. 733–743.
- Pautkin A.A. Old Russian Sources of XI–XIII centuries in the Historical Narrative of Ant. Ladinsky and N. Irtenina. In: Ancient Russia: The Space of the Book Word. Historical and Philological Studies. Moscow. 2015, pp. 418–436.
- Pautkin A.A. Ivan the Terrible: Intermediality and Transformation of the Image. In: The Collected Materials of Nikolai Ivanovich Liban Memory. Moscow. 2015, pp. 166–173.

Сведения об авторе:
Алексей Аркадьевич Пауткин,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
apautkin@yandex.ru

Научная конференция
Ломоносовские чтения
МГУ имени М.В. Ломоносова
Апрель 2016

Секция филологических наук
Подсекция:
«Современная русская литература постсоветского пространства»

К.К. Султанов

Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования

Аннотация: В статье рассматриваются концептуальный сдвиг от русского как «языка межнационального общения» к русскому как языку самовыражения в национальных литературах и осознанность выбора русскоязычия, воспринятого не только в контексте межкультурной коммуникации, но и как имманентный фактор национально-литературного самоопределения.

Уместно говорить об опыте взаимооткрытия креативных возможностей: русский язык, находясь в иной национально-культурной семиосфере, не может не вбирать в себя новые краски и смысловые интенции и, с другой стороны, русскоязычная национальная (казахская, азербайджанская, татарская, калмыцкая и др.) литература не может не обновлять горизонт миропонимания, находясь в сфере действия одного из мировых языков и существенно расширяя масштаб читательской аудитории.

Обращение к речевым формам другого языка, сам факт свободного выбора языковой идентичности не отменяют проблематику самоидентификации, столь важную для каждой национальной литературы. Методологический спрос на предметное изучение литературного русскоязычия на постсоветском пространстве возрастает, требуя большего внимания к вариативности национальных литературных практик.

Ключевые слова: ментальность, творческая идентичность, креативный потенциал, культурное пограничье, самоидентификация, формы самовыражения

Abstract: The article deals with the conceptual shift from Russian as «the language of interethnic communication» to the Russian language as a means of self-expression in national literatures in a result of deliberate choice, because Russian language is not the means of intercultural communication, but the immanent factor for the setting of the national identity.

It is appropriate to talk about the opening of new creative possibilities both for the Russian language, which exists in the diverse national-cultural spaces, and consequently absorbs the new meanings and semantic tones, and the Russian-speaking national (Kazakh, Azerbaijani, Tatar, Kalmyk, and others.) writers that broaden their horizons and attract new readers.

Appeal to the speech forms of another language, the free choice of language not override the problems of identity, so important for each of the national literature. The necessity for objective study of works of Russian-speaking writers of the former Soviet Union is increasing, requiring greater attention to the variability of national literary practices.

Key words: mentality of nation, identity of creative person, creative potential, cultural borderlands, self-identity, means of self-expression

Начнем с формулировки вопроса, ответом на который должен стать предлагаемый доклад: «Творчество на неродном языке – расширение диапазона возможностей национальной литературы или разрыв с “материнской” культурой?»

Мы рассматриваем русскоязычную национальную, т. е. нерусскую, литературу или русскоязычный текст этнически нерусского автора, опираясь на два основополагающих тезиса: принцип, или презумпция, равноправия языков самовыражения и русскоязычие как фактор национально-литературного самоопределения.

В недавно полученном мною приглашении на конференцию «Творчество Олжаса Сулейменова и вопросы национального самосознания» была указана проблематика предстоящего обсуждения, но никак не был сформулирован вопрос о русском языке казахского поэта. Иначе говоря, его обращение к русскому языку специально не проблематизируется, исходя, видимо, из того, что это обращение настолько органично, что воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Неоднократно и определенно отстаивая особый статус русского языка, О. Сулейменов говорил о нем как неотъемлемой части родной культуры – этот подход достаточно популярен в культурной практике центральноазиатских государств.

Не стоит, однако, недооценивать при этом позицию апологетов националистически ориентированной концепции, которые традиционно оценивают русскоязычие как рецедив былого колониализма. Эта тенденция формируется в рамках более широкой интерпретации и политизации этногенеза, когда во главу угла ставятся конструирование нарратива о великих предках, хронологическое удлинение национальной истории, поиск древней прародины и прародителей (Маргиана, Парфия, уходящие вглубь веков, саки, массагеты и т. п.), борьба за приоритетное приобщение к престижному «арийскому наследию» или столкновение пантюркистской и славяно-арийской версий после открытия Аркаима – древнейшего городища в Челябинской области эпохи средней бронзы рубежа III–II тыс. до н. э., объявленного центром арийства.

Тем не менее можно констатировать концептуальный сдвиг от русского как «языка межнационального общения» к русскому как языку самовыражения, востребованность которого никак не связана с директивной установкой и продиктована исключительно творческими соображениями. Чувство приобщенности к сообществу русскоговорящих независимо от ареала их проживания позволяет примирить советское – как прошлое и национальное – как настоящее, тем самым преодолевая возникший после распада СССР негативный эффект отчуждающей культурной дистанции.

Принципиальный признак русскоязычия – единственность языка творчества. Раньше в ходу была как бы оправдывающая писателей билингвистическая оговорка: Ч. Айтматов писал на русском, но первые повести создавал на киргизском языке, Э. Капиев начинал на лакском языке, Ю. Рытхейу – на чукотском, Ф. Искандер писал на русском, но знал абхазский язык.

Русскоязычие – это осознанный выбор языка самовыражения независимо от того, родной он или нет. Изданная в Риге антология «Латышская / русская поэзия: стихи латышских поэтов, написанные на русском языке» (2011) – это не русскоязычная латышская литература, а русские стихи латышских поэтов. Если прислушаться к признанию А. Имерманиса, то можно называть его русскоязычным латышским поэтом: он, как оказалось, всегда считал себя русским поэтом, но вынужден был оригинальные стихи на русском печатать как «переводы» несуществовавших латышских текстов.

Последняя книга Я. Каплинского «Белые бабочки ночи» (2014) вышла на русском языке, хотя он всегда писал стихи только на эстонском языке, но и здесь перед нами русские стихи эстонского поэта, а не русскоязычная эстонская литература. Русскоязычную казахскую литературу представляет не только О. Сулейменов: алма-атинский поэт И. Полторацкий утверждает, что в Казахстане вся современная казахская поэзия русскоязычная. Русскоязычная туркменская литература – это, к примеру, А. Вельсапар, который эмигрировал в Швецию и там написал роман на русском языке. Русскоязычная азербайджанская литература – это «Шестой этаж пятиэтажного дома» Анара, «День казни» Ю. Самедоглы, «Звук свирели» И. Гусейнова, «Магомед, Мамед, Мамиш» Ч. Гусейнова. Добавим к этому современную постмодернистскую национальную литературу с ее контаминацией «высоких» и «низких» жанров и гибридными жанрово-стилевыми моделями: гипертекст-роман, роман-антимиф, роман-притча, кинороман и т. д.

Ощущение некоторой недосказанности оставляет статья Т. Колмогоровой «Этнокультурное своеобразие картины мира». Она открывается дотошным выяснением этнической принадлежности каждого из пяти среднеазиатских русскоязычных авторов: русско-узбекское происхождение А. Торка, он же А. Ниязов (отец узбек, мать русская, крестившая сына; родился в Таджикистане, живет в Кыргызстане), Е. Абдуллаев, принадлежность которого узбекско-еврейская, но и он принял православие и преподает в Ташкентской духовной семинарии, И. Одегов – русский из Алматы, принявший ислам.

Герои их произведений, как и сами сочинители, пребывают на границе культур, этносов, конфессий (популярна тема обращения в другую веру – в рассказе С. Янышева «Зоя-Зумрад» Зумрад становится «Зоей во Христе»). Повествователь в рассказе «Проснуться в Ташкенте» Е. Абдуллаева аттестует себя как «продукт советской межнациональной алхимии».

Автор не критически поддерживает предложенную в манифесте «Ташкентской поэтической школы» концепцию полукровства как новой «микрорасы» со своим особым менталитетом¹. Некритически в том смысле, что никому в голову не приходило выделять, например, эфиопский или турецкий компоненты семейного этногенеза А. Пушкина и В. Жуковского (мать турчанка), чтобы от-

¹ Колмогорова Т. Этнокультурное своеобразие картины мира // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 274, 262–263.

нести их к «микрорасе» и приписать им особый менталитет, всецело связывая его с происхождением.

Активно используя понятия «пограничные писатели», «интегрированная ментальность», автор, однако, ни разу не сочла нужным внести необходимое уточнение – что все-таки перед нами: «русскоязычная узбекская / киргизская литература» или «русские писатели»? Первая формулировка ни разу не упомянута в статье, вторая только однажды – в связи с С. Янышевым.

Т. Колмогорова не прибегает к словосочетанию «русская литература вне России», но именно оно вынесено в название беседы с Е. Абдуллаевым, во многом проясняя ситуацию.

На вопрос, «остается ли особая или формируется метисная, композитная русскоязычная среднеазиатская культура», он ответил: «Я не знаю, создается ли. Она была и пока есть»¹.

Очевидно, что «не знаю» и «пока есть» означают не что иное, как отрефлексированную непричастность к литературе «русскоязычной» как всего лишь «композитной».

Русскоязычие может стать дискуссионной проблемой, если подходить к нему с позиции так называемого «лингвистического национализма», – но по сути является возможностью: устоять на ветру истории почти невозможно без жизненно важного расширения читательской аудитории, без выхода за пределы национального канона ради новой креативности.

Речь идет о взаимооткрытии новых возможностей, учитывая тот факт, что русскоязычие возвращает смысл потускневшему и выпавшему из оборота слову «взаимообогащение»: русский язык, находясь в иной национально-культурной семиосфере, не может не вбирать в себя новые краски и смысловые интенции. И национальная литература, оказываясь в сфере прямого действия русского языка, т. е. в расширившемся контексте, не может не обновлять горизонт миропонимания, вовлекаясь в циркуляцию идей и преодолевая комплекс культурного аутсайдерства. В этом контексте русскоязычие – не прерывание или разрыв с традицией, а шанс на ее творческое продление через обращение к речевым формам другого языка.

Внутреннюю диалектичность ситуации точно уловил пишущий на трех языках (русский, немецкий, казахский) Г. Бельгер: «немыслимо развивать родную литературу без родного языка», но «способствовать ее развитию, служить ей можно и с помощью другого языка»².

Факт обращения к русскому языку – не повод для отлучения автора от проблематики самоидентификации, если он ею озабочен, как был, например, перманентно озабочен Ф. Искандер абхазской темой, имплицитно связанной с проблемой неуклонной эрозии традиционных этических ценностей.

Достаточно вспомнить дореволюционный русскоязычный опыт просветителей – от чуваша И. Яковлева, удмурта Г. Верещагина, осетина И. Канукова, ингуша Ч. Ахриева до казаха Ч. Валиханова, – чтобы высказать «крамольную» мысль: при всей неоспоримой важности языка он не является единственным индикатором менталитета и самоидентификации.

¹ Русская литература вне России: борьба с несуществованием или новое рождение? (23.12.2015) gefter.ru/archive/17057

² Бельгер Г. В тенетах стереотипов // Бельгер Г. Помни имя свое: Статьи и выступления о литературе и культуре российских немцев. Алматы: Гылым, 1999. С. 85.

Никто и никогда не отлучал М.-Ф. Ахундова от азербайджанской литературы только на том основании, что его поэма «На смерть Пушкина» изначально была написана на персидском, затем он же сделал русский подстрочный перевод и «Московский телеграф» в 1837 г. опубликовал его без купюр как первый перевод на русский, хотя первым поэтическим переводом на русский язык считается перевод его друга А. Бестужева-Марлинского.

В книге М. Чудаковой о русскоязычном лакце Э. Капиеве, изданной в серии ЖЗЛ, его стилевые новации оцениваются в ряду поисков Ю. Олеси, И. Бабея, М. Зощенко, но Э. Капиев при этом неотделим от дагестанской литературы. Невозможно всерьез отделять русскоязычного Ч. Айтматова от киргизской литературы, хотя приходилось слышать и о том, что он не вполне киргизский писатель из-за связи с советской культурой и «языком межнационального общения», в роли которого выступал русский язык. Попытки отлучить О. Сулейменова от казахской литературы, Ф. Искандера от абхазской, Р. Кутуя от татарской заведомо несостоятельны – и это при том, что они действительно привнесли в русскую литературу неповторимую личностную интонацию и узнаваемую «стилевую походку».

При всей значимости инноваций Г. Айги для современной авангардной русской поэзии его также невозможно представить вне чувашских корней. На недавней конференции Центра лингвистических исследований мировой поэзии Института языкознания РАН «Язык и языки поэзии», посвященной 80-летию Г. Айги, был представлен доклад «Чувашезычная и русскоязычная картины мира у Айги» А. Хузангая, в котором прослеживается перекрестная эволюция двух языков в творчестве поэта. Прозвучал также доклад Масанори Гото из Университета Хоккайдо «Не-представление Волги в русских стихотворениях Айги» о принципах концептуализации в русскоязычной и чувашезычной поэзии Айги: для русскоязычной поэзии Айги характерны абстрактные концепты (поле, лес), для чувашезычной поэзии – более конкретные (Волга).

Выделим два взаимосвязанных положения: для национальной литературы нет и не должно быть ничего заведомо чуждого и свободный выбор языка творчества не отменяет проблематизацию идентичности. Вопрос, «как мыслить идентичность», остается в силе, и та же русскоязычная казахская литература нисколько не посягает на национально-культурную субъектность и идентификационную самоактуализацию. Можно разделять тревогу Г. Гачева, «останется ли казахство или растопится, бомбардируемое мощными влияниями»¹, – но лучше отойти от метафоры осажденной крепости, вряд ли проясняющей внутреннюю диалектику и оксюморонность русскоязычного литературного процесса, которая сказывается в сосуществовании национальной идентичности и вненациональной языковой идентичности, этнокультурного кода и лингвокреативного потенциала русского языка.

Понятие «идентичность» подразумевает, считает А. Бадью, два смысла: положительный («я» поддерживает себя своей собственной способностью к различению») и отрицательный («я» защищает себя от порчи со стороны “другого”; оно должно блюсти свою чистоту, работать на очищение»). Идентичность, взятая в диалектике «созидания» и «очищения», вписывается в пространство «великого принципа единства мира». Если признавать их органическую совместимость, то необходимо сделать и следующий шаг: «любой ценой поддерживать все, что по-

¹ Гачев Г. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. С. 281.

зволяет творческой идентичности преобладать над очищающей идентичностью, сознавая при этом, что последняя никогда полностью не исчезнет»¹.

Чрезвычайно важная для каждой национальной литературы идея «творческой идентичности», не сводимая исключительно к этнокультурным константам, нередко ускользает в нынешних разговорах о самоидентификации. Если русскоязычие рассматривать в контексте «развития себя», т. е. под знаком творческой идентичности, то сакраментальный вопрос, может ли национальная литература оставаться национальной, прибегая к инонациональному языку, перестает восприниматься как покушение на святая святых – родной язык. Если же во главу угла поставить противопоставление «другому» как условие этнокультурной самозащиты, то возникает дискурс культурной травмы, синонимически соотносимый с денационализацией, когда переход на другой язык ассоциируется со сломом идентичности.

Концептуальная сила родного языка не то что утрачивается, но становится одним из составляющих существования и выживания национальной литературы в современном мире – малой литературы, по терминологии Ж. Делёза. В его совместной с Ф. Гваттари работе «Кафка: за малую литературу» есть важный нюанс: «малое» есть не только незначимое, вторичное, но может обернуться и вызовом «большому» или миноризацией большой литературы, чреватой уходом или программным оспариванием языка большой литературы². Если верить Википедии, то, «будучи узбеком, Ш. Абдуллаев пишет исключительно на русском языке, который *используется* (курсив наш. – К.С.) им (и другими авторами “ферганской школы”) как язык межкультурного взаимодействия, позволяющий на нейтральной почве развернуть диалог восточного менталитета и западной просодии, противопоставить среднеазиатское и американско-европейское начала, *минуя* (курсив наш. – К.С.) русскую поэтическую (равно как культурную и мыслительную) традицию».

Возрождающийся регионализм, вездесущая транскультуральность, подвижность оппозиции «центр – периферия», культурная гибридность – эти влиятельные тенденции концептуально оспаривают привычное доминирование национального канона, размыкая его границы и стимулируя мобильность национальной литературы, связь которой с «постоянным местом прописки» перестает быть абсолютной. В статье «“Малые и большие литературы” в меняющемся формате истории литературы» Г. Тиханов пишет о транснационализме как противоядии от национального канона, о подозрительных притязаниях национальной литературы «на собственный угол, на небольшой участок особенного», ссылаясь на новую «Оксфордскую историю английской литературы» в 13 томах, два тома которой посвящены периоду после Второй мировой войны: названием одного тома стало «Прощание с Англией», другого – «Интернационализация английской литературы». По мнению Г. Тиханова, данная история литературы «пытается перевести (но не вполне отменяет) изрядно истощенное национальное повествование в то-нальность мультикультурного глобализма»³.

¹ Бадью А. Коммунизм приезжего: афинская лекция. 25.01.2014. gefter.ru/archive/11873

² Делёз Ж., Гваттари Ф. Кафка: за малую литературу. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015.

³ Тиханов Г. «Малые и большие литературы» в меняющемся формате истории литературы // Вопросы литературы. 2014. № 6. С. 267.

Не стоит, однако, переоценивать декларации о прощании и истощенности – суть проблемы не в поминках по английскости, а в напряженной амбивалентности современного национального нарратива, внутренне мотивированной неизбежностью поиска новых форм самовыражения и радикальной трансформацией феномена национальной литературы в современном мире. В этом контексте русскоязычие объективно выступает индикатором открытости национальной литературы, ее приобщения к одному из мировых языков. Великая битва за мир без границ – эта формула с легкой руки З. Баумана стала устойчивой аттестацией глобализации, но не забудем, что акторами этой битвы стали набирающие силу мировые языки, к числу которых, безусловно, относится и русский язык.

Русскоязычный ренессанс заявил о себе в постсоветский период, когда никому ничего не навязывал, когда утратили смысл разговоры на местах о добровольно-принудительном изучении русского языка. Активизация русскоязычной литературной практики за пределами России – самое, может быть, выразительное свидетельство многозначительного несовпадения культурных границ с границами государственными, что само по себе становится проблемой первостепенной важности.

Изучение литературного русскоязычия пока не нашло своего места в системе современного гуманитарного знания: русскоязычная литература уже заявила о себе как явление, но еще не стала предметом серьезной литературоведческой аналитики. Вспоминается книга тридцатилетней давности «Азербайджанская проза на русском языке» Т. Халиловой, но трудно назвать современный труд, ориентированный на предметное изучение интенсивного и внеидеологического расширения сферы литературного русскоязычия на постсоветском пространстве. Превалирует больше увлеченный поиск заветной ниши, куда можно раз и навсегда поместить автора, прибегая, как правило, к зыбким дефинициям; сошлюсь на экстравагантное определение П. Алешковским творчества Ф. Искандера: абхазский писатель, пишущий по-русски на абхазском языке. Достаточно популярным стал тезис, не выдерживающий, на наш взгляд, критики: пишущий на русском языке – русский писатель. Очевидно, что писать на русском вовсе не означает быть русским писателем – сам факт обращения к языку никому и ничего не гарантирует, тем более пропуск в русскую литературу. Сошлемся только на один пример, чтобы не ломиться в открытую дверь: А. Фет – русский поэт не только потому, что писал на русском языке, но прежде всего потому, что был Поэтом, прошедшим школу русской и мировой культуры (вспомним его переводы из А. Шопенгауэра), что само по себе не нуждается в апелляции к тем или иным этническим корням.

Нынешний методологический спрос на описание и осмысление русскоязычных национальных литератур потребует литературоведческого пробуждения таких «спящих» категорий, как «аккультурация», «вариативность», «гибридизация», «культурное пограничье», «единство многообразия», «интерференция», «граница», «трансгрессия»; большей чуткости к вариативности национальных литературных практик и меньшей склонности к категорическим суждениям и полярным позициям: пишущий на русском – русский писатель и с другой стороны – русскоязычие есть не что иное, как форма отчуждения от национальной идентичности или даже разрыва с ней.

ЛИТЕРАТУРА

Колмогорова Т. Этнокультурное своеобразие картины мира // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 260–283.

Русская литература вне России: борьба с несуществованием или новое рождение? (23.12.2015) gefter.ru/archive/17057

Бельгер Г. Помни имя свое: Статьи и выступления о литературе и культуре российских немцев. Алматы: Гылым, 1999. 296 с.

Гачев Г. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с.

Бадью А. Коммунизм приезжего: афинская лекция. (25.01.2014) gefter.ru/archive/11873

Делёз Ж., Гваттари Ф. Кафка: за малую литературу. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 112 с.

Тиханов Г. «Малые и большие литературы» в меняющемся формате истории литературы // Вопросы литературы. 2014. № 6. С. 253–278.

REFERENCES

Kolmogorova T. Ethno-cultural Originality of the World Picture. *Voprosy Literaturny*. 2015. No 1, pp. 260–283.

Russian Literature beyond Russia: Struggle with the Non-existence or the New Birth? (December 23, 2015) gefter.ru/archive/17057

Belger G. (1999) Remember Thy Name: Articles and Speeches on Russian Literature and Culture of the Germans. Almaty. Gylm Publ. 296 p.

Gachev G. (1999) National Images of the World. Eurasia – Cosmos of a Nomad and a Mountaineer. Moscow. Institut DI-DIK Publ. 368 p.

Badiou Alain. The New-comer's Communism: Athenian Lecture. (January 25, 2014) gefter.ru/archive/11873

Deleuze G., Guattari F. (2003) Kafka: Towards a Minor Literature. London. University of Minnesota Press, 2003. 98 p.

Tikhonov G. “Small and Big Literatures” in the Changing Format of the History of Literature. *Voprosy Literaturny*. 2014. No 6, pp. 253–278.

Сведения об авторе:

Казбек Камилович Султанов,

докт. филол. наук

заведующий отделом литератур народов РФ и СНГ

Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,

профессор

филологический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова

Автор более 400 публикаций в российской и зарубежной печати, в том числе семи книг.

Сфера научных интересов: литература и идентичность;

история и методология изучения литератур народов России: поиск новой парадигмы;

«свое – чужое»: рецепция инационального мира как литературоведческая проблема;

«кавказский текст» русской литературы: коммуникативный аспект;

литература и национальное самосознание в эпоху глобализации.

Kazbek K. Sultanov,
Doctor of Philology
Head of Department of Literatures of the Peoples of Russia and CIS
Gorky Institute of World Literature RAS,
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University.

Honored Scientist of the Republic of Dagestan
member of the Writers' Union and the Russian Union of Journalists.

Author of more than 400 publication
in the Russian and foreign press,
including seven books.

Sphere of scientific interests: literature and identity,
history and methodology of the literature of peoples of Russia study;
search for a new paradigm;
«native – alien»: the problem of the perception of the alien world
as an object of literary criticism;
«Caucasian text» of Russian literature:
communicative aspect;
literature and national identity in the era of globalization.

А.С. Яровой

Современные украинская и белорусская литературы: проблемы и перспективы

Аннотация: В статье рассматриваются особенности современного литературного процесса Украины и Беларуси. Поставлены вопросы теоретического плана (периодизация, классификация явлений; трудности объективной оценки неоднозначных творческих биографий и произведений). В историко-литературном плане предпринята попытка установить причинно-следственные связи в развитии восточнославянских литератур после 1991 г. на фоне общественно-политических изменений (что особенно касается Украины). Предмет исследования – литература двух бывших советских республик, создаваемая на русском и национальных языках.

Ключевые слова: восточнославянские литературы, современный литературный процесс, культура Украины, культура Беларуси, критика, идеология, постсоветская литература

Abstract: The article concerns features of the contemporary literary process in Ukraine and Belarus. Some theoretical issues are raised in it: periodization and phenomenology e.g. diff culties of unbiased evaluation of ambiguous originative biographies and pieces of writing. In the historical and literary aspect an attempt is undertaken to see the cause-and-effect relations in the development of East Slavic literatures after 1991 considering social and political changes (especially for Ukraine).

The subject of research is the literature of the two ex-Soviet republics in Russian and national languages.

Key words: East Slavic literatures, contemporary literary process, culture of Ukraine, culture of Belarus, criticism, ideology, post-Soviet literature

Отметим сразу: беремся мы за малоподъемный и неудобноносимый, огромный комплекс проблем, дабы очертить их хотя бы пунктирно. Можно упомянуть вначале о самых мелких, таких как унификация написания фамилий: Борис Олейник (или «Олейнык»)? Микола, Мыкола, Николай Винграновский?.. Пятрусь или Петрусь Бровка?.. И далее – до атрибуции: куда, в какие классификационные форматы помещаем, например, Виталия Коротича, дебютировавшего в свое время как украинский поэт-шестидесятник, далее – русского и украинского публициста, литератора, пишущего на украинском, русском, английском языках, проживавшего в Киеве, Бостоне, Москве?.. Доходим до вопросов покрупнее, как периодизация:

выделять ли поколения в литпроцессе (-ах), или это теоретическая условность? Плюс говорим не только о литературе на национальных языках, но, естественно, и о русскоязычных авторах Украины и Беларуси. Кроме теоретико-методологических и практических (текстовый анализ...) аспектов изучения – вопрос читательского восприятия, да еще на фоне общественной ситуации...

Около четверти века умножаются знаки вопроса на заявленной площади изучения, но она так и стоит перед нами, как «терра инкогнита»...

Конечно, упоминая о перспективах, мы будем, в основном, констатировать факты *современной* литературной ситуации, а уж она и дает почву для самого широкого прогностического диапазона.

Словом, по некоторым главнейшим, с нашей точки зрения, проблемным блокам и «пройдемся». Чуть ли не к каждому из них применима схема запыленного анекдота о «хорошей» и «плохой» новости.

Первое открытие – не ошеломляющее, ожидаемое, но – важное.

Литература волей-неволей, в большей или меньшей степени продолжает быть «пристегнутой» к идеологии (-ям), вмонтированной в контекст общественно-исторической и – как ни скучно, как ни банально – политической ситуации. В Беларуси в меньшей степени. На Украине – в огромной... Немножко вернемся в прошлое. Еще в 1958 г. украинский эмигрант Дмитрий Донцов (как ни странно, русский по происхождению), теоретик так называемого «интегрального национализма» (т. е. сторонник тотального господства в обществе националистической идеологии), издал в Торонто (Канада) книгу «Две литературы нашей эпохи» («Дві літератури нашої доби»)¹. В ней он выделяет (подобно В. Ленину, писавшему о двух культурах – буржуазной и пролетарской – в каждой национальной культуре) «литературу борцов» и «литературу рабов». Он не был литературоведом, как и большинство *современных* украинских идеологов, формирующих общественное культурное сознание на разных уровнях (как и Донцов, они подменяют смысл понятий) «Рабы» – это, естественно, сторонники если не политического, то, по крайней мере, культурного единения с Россией. Эта черно-белая схема раздела стала, конечно, несколько более «серой», сглаженно-размытой к сегодняшнему дню. Но совершенно в таком же русле, к примеру, трактовал творческую личность Н.В. Гоголя в 2000-х гг. украинский прозаик В. Яворивский, прошедший, как и Д. Павлычко, неудивительную эволюцию от апологета «советских ценностей» до правоверного радикального националиста. «Раб царского трона» Гоголь у него искусственно противопоставляется «Шевченко-борцу». Конечно, это совершенно иная тема, хотя к интерпретации творческой личности Тараса Шевченко (довольно резкой, эпатажной) Олесем Бузиной, убитым год назад русским писателем из Киева, было бы нелишне обратиться заинтересованным исследователям.

В/на Украине одна из заметных культурных бед – идеологизация критики; в Беларуси – ее неполнота и малодостаточность, что ли. Относительно функционирования литературоведческой сферы у «сябров» есть самая свежая обнадеживающая новость: зимой этого года создан (как отдельная структура белорусской Академии наук) Институт литературоведения имени Янки Купалы – пять научных отделов, полсотни сотрудников². Возглавил организацию доктор филологических наук профессор Иван Саверченко; сам он литератор, антологист, исследователь

¹ Донцов Д. Дві літератури нашої доби. Репринтне відтворення видання 1958 року. Львів: Про-світа, 1991.

² ru.wikipedia.org/wiki/Саверченко_Иван_Васильевич

памяток белорусского культурного наследия и составитель их академических изданий. Примечательно, что около года назад И. Саверченко заявил во время круглого стола «Значение литературы в Союзном государстве»: «Нет ничего дороже в современном мире, чем дружба между народами». И даже отметил: «Мне кажется, что возможность напечататься и получить поддержку на высшем государственном уровне – это счастье». Почему-то четверть века мы считаем чуть ли не «кошунством» заявлять о необходимости государственной поддержки литературы – во всех трех восточнославянских республиках (в наименьшей мере в Беларуси, конечно); это привыкли считать «дурным тоном». Причины? В неудобозабываемые 1990-е, с началом «парада суверенитетов» и в благородном порыве борьбы с «наследием мрачных времен», была запущена в ход крайне лукавая формула: в литературе якобы *тоже* все регулируется законами рынка, «ценное всегда пробьет себе дорогу». (Кстати, эту пропагандистскую химеру, прикрывающую факт абсолютной *ненужности* литературы в «парадигме развала», оригинально осмыслил в мемуарно-сатирической повести начала 1990-х украинский прозаик-шестидесятник Владимир Дрозд – «Музей живого писателя, или Моя долгая дорога в рынок (Повесть-шоу)».)

Но если уж такая «государственная поддержка», как в современной Украине, то «хай Господь одводить». Все историческое бытие украинского народа (и, конечно же, культурную, литературную его составляющие) уже давно, а сейчас особенно принято рассматривать как имеющую смысл только в противостоянии с Россией, русским; все самые разнородные явления интерпретируются лишь как *инструменты* «одвічного прагнення нації до незалежності», что, конечно, во множестве случаев просто-напросто «притянуто за уши».

Идеологизированное литературоведение по форме может сохранять наукоподобность, но это – отравленная вода вражды... Яркий пример – появление на известном украинском интернет-ресурсе «ЛитАкцент» (19 марта 2015 года) статьи видного украинского критика, теоретика и историка литературы, члена-корреспондента НАНУ Мыколы Сулимы «Никогда мы не будем братьями»¹. Это добросовестный свод якобы программных проявлений антиукраинства в русской литературе, у русскоязычных авторов, в культурном сознании российского общества. Вменяется во грех еще К. Аксакову, что в рецензии на «Мертвые души» он назвал Малороссию «живой частью России»... Напоминается, что Горький в резкой форме отказался от перевода романа «Мать» на украинский язык. Даже Венедикт Ерофеев, «страшно далекий» от украинских вопросов, укоряется за четыре слова в записной книжке 1972 г. («...от гуцульства к бЕндеровщине»), причем аттестуется он исключительно как «певец горилки»(!) – и так до И. Бродского с его стихотворением «На независимость Украины», до современных писателей и журналистов, до самой «свежатины» – оппонентов так называемого «евромайдана», которые «отрабатывают сребреники новых хозяев» и т. д. Вывод содержится, собственно, уже в первой фразе: «Издавна для России нас, нашего языка и культуры или не было совсем, или мы были чьей-то выдумкой, проектом, фейком...». Обидно, однако. Горькие, несправедливые, конъюнктурные упреки. Непредвзятому исследователю – историку, филологу, культурологу – совершенно очевидно, что если бы не Переяславская рада 1654 года, не протекторат Москвы (царской, потом советской), украинской нации, не говоря уже о развитии и расцвете ее литературы, – более трех с половиной столетий – просто бы *не существовало*. Та-

¹ litakcent.com/2015/03/19/nykohda-my-ne-budem-bratjamy/

кие вот плоды активной «дерусификации» и декоммунизации¹... Это притом, что даже противники советской системы, как друг С. Довлатова – Е. Рейн, признавали, что советский XX век поднял литературу на высоту, небывалую *никогда и нигде* в мировой истории! Это время вершинных достижений украинской литературы, а для белорусской – *ядро* ее исторического существования, пик формирования и развития!

Но «официальная» Украина сегодня активно декларирует ориентацию на «психологическую Европу», провозглашенную еще в 1920–1930-х гг. Мыколой Хвильевым (тоже, кстати, русский – Фитилев...), с его лозунгом «Геть від Москви!» («Прочь от Москвы!»).

В начале апреля 2016 г. Киев посетила Светлана Алексиевич, и, конечно, «западнические» круги писательского и читательского сообщества, координируемые «вокруг события» писательницей-феминисткой Оксаной Забужко (ее проза переведена и в Москве, как и произведения Ю. Андруховича, С. Жадана), оценили визит как триумфальный. «Украинская писательская газета»² сообщает об аншлагах, километровых (буквально!) очередях за автографами, о «пятикнижии» (довольно претенциозное жанровое самоопределение, однако...) нобелиантки – «Голоса Утопии». В Киеве нобелевский лауреат поделилась несколько банальными, но неопровержимыми суждениями типа: «Литература – форма связи между людьми», «Нужно приумножать добро, а не ненависть», «Мы живем в мире, где очень много боли»...

Выбор Нобелевского комитета, несомненно, был политически мотивированным, логически он вполне объясним. Уроженка Ивано-Франковской области Украины; пишет на русском языке; белорусский оппозиционер... «Все сестрам по серьгам» – но, впрочем, ни одной!.. Фигура «*как бы*» (подчеркнем!) находящаяся в средоточии трех восточнославянских культур и в полной мере каким-то необъяснимым образом ни одной из них не принадлежащая. (Оставляем вне зоны внимания карьерное начало в советском прошлом и – пусть это субъективное мнение, но... – как маломасштабность замыслов, так и малозапоминающуюся, малооригинальную манеру изложения.)

Исходя из констатации некоторого «измельчания масштабов», выделяем еще одну проблему, *действительно проблему* трех наших литератур – отход в вечность «последних классиков». Очевидно, говоря так, подразумеваем надежду на приход классиков новых – но эта перспектива уж слишком отдаленна и загадочна.

Еще в девяностых умер знаменитый украинский прозаик-мыслитель, фронтовик Олесь Гончар (автор известной трилогии «Знаменосцы», написанной сразу по горячим следам войны, посвященной освободительной миссии Красной армии в Европе; глубоко национальный писатель, синтезировавший реализм и романтизм в романах «Собор», «Человек и оружие», «Твоя заря»; автор, прославившийся блестящей афористичностью своих философских отступлений: «У справедливых армий судьба всегда прекрасна», «Берегите соборы ваших душ»). Угас Василь Быков – масштабная, неповторимая творческая фигура в истории новейшей белорусской литературы Русская литература не так давно утратила неповторимого Валентина Распутина; уходят шестидесятники. По воспоминаниям М. Хейфеца, в СССР 1960-х гг. гремели две поэтические четверки – по одной в России и на Украине. Из российской «четверки знаменитостей» остался один Е. Евтушенко; в

¹ Яровой А.С. Русская литература как «зарубежная» // Наш современник. М., 2016. № 3. С. 266–270.

² litgazeta.com.ua/

Киеве ситуация «зеркальная»: умер только М. Винграновский (продолжают быть фигурантами литературной жизни «стартовавший» как украинский поэт В. Коротич, И. Драч; Лина Костенко уже после 80-ти лет «дебютировала в прозе», выступив с довольно неоднозначным, отягощенным публицистикой, но читабельным романом «Записки украинского сумасшедшего»).

Представители старших поколений в современном литпроцессе – отдельная тема и проблема. Уже покойный Павло Загребельный, выдающийся украинский прозаик, автор исторических, интеллектуальных романов, оставался популярным и переводимым, как ни удивительно, и после распада СССР. На закате писательской биографии он оставил роман о современности «Брухт» («Металлолом») 2003 г., констатирующий деградацию человека и общества в эпоху цивилизационных катаклизмов. Здесь он экспериментирует с собственным стилем, привнося постмодернистские элементы.

Поэт Иван Драч, прославившийся смелыми художественными поисками еще как дебютант, и дебютант «громкий» («Подсолнух», «Нож в Солнце»; более поздние антитрадиционные «Баллады будней»...), в 2005 г. пишет цикл «Противные строфы» – с нарочитой газетно-публицистической акцентацией, сатирическими приемами, даже употреблением ненормативной лексики и «оголенными» средствами примитивизации высказывания (стихотворения «Помаранчевые комиссары», «Дважды Ю», «Галицкий образок», «Говорила баба деду...», «Одиссей и Пенелопа»).

Український Одісей,
Вдома він пасе гусей...
Лає тяжко Пенелопу,
Що чкурнула у Європу...

Кстати, 2016-й принес тяжелую утрату для славянских литератур: умер Нил Гилевич, последний *Народный поэт Беларуси* – там существует такое официальное звание. С нами остаются пронзительные стихи тонкого лирика-философа, влюбленного в Родину, в красоту мира и человека: «Ісціна, адвечная, як свет: / Шчасце ходзіць толькі ў пары з горам». Именно так, несколько «лиризируя» наше изложение, мы можем подчеркнуть, что почти любой аспект литературной жизни Украины и Беларуси имеет как позитивно-оптимистическую, так и отрицательную сторону. Белорусские власти готовы поддерживать искусство – но заметных культурных феноменов не так и много... Талантливый русский поэт Беларуси Владимир Некляев находится в политической оппозиции, как и представитель младшего поколения, пишущий на белорусском, Андрей Хаданович... Но не всегда ситуация «больше, чем поэт...», активно инкорпорировавшийся в общественно-политическую сферу, «имеет место быть». Обращают на себя читательское внимание, в том числе в России, и «неполитические авторы», дети постсоветской эпохи, как Мария Малиновская (1994 г. р.)

Новых прочтений, вероятно, ждет оригинальное поэтическое наследие Вениамина Блаженного (вариант псевдонима до 1980-х – «Блаженных»; настоящее имя – Вениамин Михайлович Айзенштадт, 1921–1999), самобытного автора, существовавшего вне «советской парадигмы», как и его последователя (в чем-то) Дмитрия Строцева (род. в 1963), подчеркнута остающегося «параллельным» относительно современного литпроцесса Беларуси... Несомненно, читатели России и Украины с интересом откроют для себя творчество рано ушедшей Евгении Янищиц, автора хрестоматийного для белорусов стихотворения «Гавары са мной па-беларуску».

Вообще же складывается впечатление, что после 1991 г. больше можно говорить об успехе, прежде всего, белорусского кинематографа, в меньшей мере – эстрадной музыки, театра, чем литературы. Большую популярность завоевали кинокартины «В августе 1944» (совместное производство России и Беларуси). В 2014 г. на экраны вышел фильм «Белые росы. Возвращение» (Беларусь, автор сценария и режиссер Александра Бутор, уже не одно десятилетие работающая на этой ниве). В фильме осмысляется тема возвращения человека к истокам, родовым корням.

В свое время В. Астафьев высоко оценил белорусскую военную прозу. К партизанской теме (как одной из ключевых в белорусской истории) ищет подходы даже так называемое «альтернативное» кино, хотя, конечно, трактуется она довольно спорно с этической и художественной точек зрения.

Таким образом, сегодня белорусская литература представлена, в основном, *военной темой; темой Чернобыля*; отдельно, особняком, стоит *детская литература* довольно качественного уровня (специалисты квалифицируют белорусский фольклор как один из самых ярких и красочных по образам и мотивам в славянских культурах, а ведь «детские авторы» немало черпают из фольклора). Есть и пласт «бестселлерных попыток», именно «хорошо продаваемой» массовой литературы, представленной фэнтези, различными «сагами о вампирах» и т. д.

Впрочем, о современной белорусской литературе в большой мере можно сказать словами из эссе хорватской писательницы Дубравки Угрешич: «Как писателю, мне не хватает читателя. Как читателю, мне не хватает писателя» (высказывание из ее эссе «Читать запрещено» – очерки 1990-х гг. о судьбах литературы в бывшем «социалистическом лагере»). С некоторым оттенком пессимизма говорит о состоянии национальной словесности писатель и критик из Гродно Инга Ласмане (статья «Белорусская художественная литература сегодня не в моде»)¹. Особенно заметны трудности в сфере самой литературной критики Беларуси.

Собственно, проблемы и явления в двух национальных литературах можно выделять и выделять...

Ждет своего исследователя творчество убитого киевского писателя Олеся Бузины – чуть ли не единственного, позиционировавшего себя в украинской литературной среде после 1991 г. одновременно украинцем и русским, последовательно отстаивавшим идею цивилизационного единства трех восточнославянских народов.

Интересен вопрос диалектики традиций и новаторства: за пределами Украины практически неизвестна, например, визуальная поэзия И. Иова, М. Мирошниченко, А. Мойсиенко, а это отнюдь не «забавки» – это своеобразная художественная философия на порубежье двух искусств (в Беларуси данная поэтическая ветвь, насколько известно, не представлена).

Эксперименты с соцреалистической эстетикой, даже полемические, тоже могут быть материалом для будущих исследований (киевлянин Иван Коломиец, выступающий под псевдонимом Ваню Крюгер, со сборником «Ласковая улыбка Берии» – «Ласкава посмішка Берії»).

Серьезное и *новейшее*, только-только возникшее явление – две литературы о Донецкой войне! Появились 1) «киевский» ракурс, представленный, например, повестью печально известного ксенофобией В. Шкляра «Черное солнце» – само название отсылает читателя к черному «коловороту» на шевронах карательного батальона, и 2) литература писателей Донбасса – первичное впечатление о ней

¹ www.litkritika.by/categories/literatura/raznoe/2272.html

вполне может дать антология «Строки мужества и боли» (Москва, 2015). «Посередине» находится очень малочисленная группа литераторов, главный представитель которой – поэт Роман Скиба. Они отвергают войну, придерживаясь позиции нейтралитета.

Тема примирения народов, антивоенная литература развиваются и литераторами-«патриархами»: в 2012 г. участник штурма Берлина, лауреат Национальной премии имени Т. Шевченко, романист и эссеист Александр Сизоненко подарил читателям книгу «Валькирии не прилетят (Берлинские хроники)». В ней очевидец страшной мировой войны идет в русле «Крымских рассказов» Л. Толстого, прозы Э. Хемингуэя; книга подтверждает очевидную истину, что настоящая военная проза – всегда антивоенна.

Писателями среднего поколения возрождаются традиции философской, гуманистической прозы и поэзии; возвращаются с «игрища шутов» 1990-х к глубинным, онтологическим, вечным проблемам украинцы М. Дочинец, В. Слапчук, П. Вольвач.

Это, конечно, – больше констатации. А прогнозы? Они базируются на констатациях.

Трудности есть, их много, но не погибли, существуют, развиваются две значительные славянские литературы. Это внушает обоснованный убедительными фактами исследовательский и читательский оптимизм.

ЛИТЕРАТУРА

Донцов Д. Дві літератури нашої доби. Репринтне відтворення видання 1958 року. Львів: Просвіта, 1991. 295 с.

ru.wikipedia.org/wiki/Саверченко_Иван_Васильевич

litakcent.com/2015/03/19/nykohda-my-ne-budem-bratjamy/

Яровой А.С. Русская литература как «зарубежная» // Наш современник. М., 2016. № 3. С. 266–270.

litgazeta.com.ua/

www.litkritika.by/categories/literatura/raznoe/2272.html

REFERENCES

Dontsov D. (1991) Two Literature of Our Time (Reprint of Edition 1958). Lvov . Prosvita Publ. 295 p.

ru.wikipedia.org/wiki/Саверченко_Иван_Васильевич

litakcent.com/2015/03/19/nykohda-my-ne-budem-bratjamy/

Yarovo A.S. Russian Literature as “Foreign”. *Nash Sovremennik*. 2016. No 3, pp. 266-270.

litgazeta.com.ua/

www.litkritika.by/categories/literatura/raznoe/2272.html

Сведения об авторе:
Александр Степанович Яровой,
канд. филол. наук
доцент
кафедра истории новейшей русской
литературы и современного литературного процесса

филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexandr Yarovoi,
PhD
Docent
Department of the History of Newest Russian Literature
and Contemporary Literary Process
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
alexyarov70@mail.ru

А.Л. Крупчанов

**Отражение цивилизационно-культурного противостояния
и проблема гуманизма в романах «Каменные сны» А. Айлисли,
«Эпоха мертворожденных» Г. Боброва
и «Путешествие Ханумана на Лолланд» А. Иванова**

Аннотация: Автор выдвигает мысль о возникновении в современной русской литературе четвертой волны эмиграции, вызванной распадом СССР и образованием русскоязычных литературных диаспор на постсоветском пространстве. Анализируются романы А. Айлисли (Азербайджан) «Каменные сны», Г. Боброва (Украина, ЛНР) «Эпоха мертворожденных» и А. Иванова (Эстония) «Путешествие Ханумана на Лолланд» с точки зрения противостояния и взаимопроникновения азербайджанской, армянской, русской, украинской, западноевропейских, азиатских и других типов культур.

Ключевые слова: современная русская литература, четвертая волна эмиграции, русскоязычные литературные диаспоры на постсоветском пространстве

Abstract: The author develops an idea that the fourth wave of emigration in contemporary Russian literature is a result of the collapse of the USSR and the formation of the Russian-speaking diaspora literature in the former Soviet space. The novels “Kamennye Sny” (“Stone Dreams”) by A. Aylisli (Azerbaijan), “Epokha Mertvorozhdennykh” (“The Epoch of Stillborn”) by G. Bobrov (Ukraine, LNR) and “Puteshestvie Khanumana na Lolland” (“Hanuman’s Travel at Lolland”) by A. Ivanov (Estonia) is analyzed in terms of confrontation and interpenetration of the Azerbaijani, Armenian, Russian, Ukrainian, Western, Asian and other types of culture.

Key words: contemporary Russian Literature, the fourth wave of emigration, Russian-speaking literary diaspora literature in post-Soviet space

Со времени распада «единой многонациональной советской литературы» прошло уже 25 лет. Если поначалу на себя обращали внимание такие позитивные явления, как отказ государства от цензуры, декларация принципа свободы слова, прекращение противостояния литературы метрополии и зарубежья, усиление фактора национального самосознания в литературах на постсоветском пространстве, многообразии художественных систем, то впоследствии проявились и негативные стороны историко-культурного процесса. Возникновение на пространстве СССР национальных государств привело не только к росту национального

самосознания, но и к обострению межнациональных конфликтов, вылившихся в военные противостояния. Сильно ослабли, в ряде случаев почти прекратились, литературные и культурные связи. Разумеется, этот процесс в разных республиках протекал по-разному. Где-то, как, например, в Казахстане и Белоруссии, государственная политика была ориентирована на сохранение связей; где-то, как, например, в Прибалтике, Грузии, политическая элита последовательно разрушала эти связи, но в целом взаимодействие литератур и культур существенно ослабло. Этот процесс объективен.

Что касается русской литературы, то уже в первой половине 1990-х гг. возникло явление, которое, на наш взгляд, вполне могло быть названо «четвертой волной эмиграции». Оно включало в себя как минимум два разнонаправленных процесса. Первый был обусловлен тем, что в начале 1990-х очень многие писатели покинули страну и обосновались в США, Франции, Израиле, Германии и др. странах. Причины выезда этих авторов поначалу рассматривались как материальные и бытовые, а не идеологические. Большинство из этих писателей не порывали окончательно связь с Россией, публикуя здесь свои произведения. Однако после событий 2008, 2012 и особенно 2014 годов довольно отчетливо проявилась тенденция к тяготению ряда уехавших авторов к политической оппозиционности в отношении к нынешней российской власти. В качестве примера можно вспомнить позицию Б. Акунина и Л. Улицкой. В целом идейные взгляды подавляющего большинства из этих литераторов можно назвать либеральными.

Другую группу авторов составили те, кто и вовсе не уезжал. Если угодно, это страна «уехала» от них. С 1990-х гг. практически во всех государствах – бывших республиках СССР сформировались русскоязычные диаспоры, там продолжали издаваться старые и стали возникать новые журналы на русском языке, появлялись пишущие по-русски прозаики и поэты. Идейные и эстетические установки этих авторов весьма различны. Большинство таких писателей стремятся упрочить связи с культурами стран, ставших новой родиной, и вместе с тем поддерживать связь с русской культурой. Эти авторы также, одними из первых на постсоветском пространстве, столкнулись с «издержками» процессов национальной самоидентификации – различными формами проявления национализма. Отчетливо выявился в сложившихся условиях и мотив «поиска утраченного рая», локализованного либо в отдалившейся и ставшей отчужденной, но все еще духовно «своей» России, либо во внешне очень привлекательных, но глубинно чуждых странах Западной Европы и США. В отличие от литературы первой волны эмиграции, которая изучалась и продолжает системно изучаться, литература современных диаспор в Прибалтике, Молдавии, Закавказье, Средней Азии, на Украине еще ждет своих исследователей.

Ряд писателей, представителей инациональных культур, счел необходимым и в новых условиях поддерживать взаимосвязь с русской литературой и культурой. Публикуя произведения на своих родных языках, они вместе с тем переводят эти книги на русский, что также в значительной мере способствует взаимному обогащению литератур и культур. Кроме того, русский язык становится языком-посредником, поскольку написанные на нем тексты воспринимаются читателями любых национальностей на всей территории бывшего СССР. Вместе с тем появилось немало написанных по-русски произведений, авторы которых декларируют разрыв с Россией и ее культурой.

В данном случае ключевыми вопросами становятся проблема противостояния и взаимодействия различных культур, столкновения и взаимопроникновения различных цивилизационных систем и проблема способности или неспособности современных людей сохранить такие человеческие качества, как совесть и сострадание в нынешних условиях. Национальные, религиозные, культурные, мировоззренческие различия, властные и материальные амбиции, действия третьих сил, неспособность не только широких масс, но и культурных слоев населения, интеллигенции к духовному и нравственному противостоянию насилию, мелочный эгоизм и трусость, попытки навязать чуждые системы ценностей, резкое обнищание широких масс приводят к войнам, этническим чисткам, вынужденной или добровольной массовой миграции. Данные проблемы нашли наиболее яркое отражение в трех знаковых произведениях современных авторов – романах «Каменные сны» А. Айлисли, «Эпоха мертворожденных» Г. Боброва и «Путешествие Ханумана на Лолланд» А. Иванова.

Эти писатели – представители различных культур. Кроме того, они принадлежат к разным поколениям. А. Айлисли (Наибов) родился в 1937 г. в Азербайджане, Г. Бобров – в 1964 на востоке Украины, а А. Иванов – в 1971 в Эстонии. Если для первого, начавшего печататься еще в конце 1950-х гг., его книга – результат всей его жизни, то для последнего – это лишь самое начало творческого пути. За плечами Акрама Айлисли – учеба в литинституте, многочисленные книги, работа главным редактором ряда журналов, секретарем Союза писателей Азербайджана, избрание депутатом азербайджанского парламента, скандал вокруг публикации романа «Каменные сны» и лишение звания «Народный писатель Азербайджана». Глеб Бобров – участник войны в Афганистане, работал преподавателем НВП, менеджером, занимался журналистикой, перешел к художественной литературе, был избран председателем Союза писателей ЛНР. Андрей Иванов, закончивший Таллинский государственный педагогический университет, – филолог по образованию. Несколько лет провел в Западной Европе. Жил в лагерях для перемещенных лиц в Дании и Норвегии. Работал сварщиком, дворником, оператором телефонной станции. Художественно отразил свой личный опыт в книгах, «за особые заслуги» получил эстонское гражданство и стал членом Союза эстонских писателей.

А. Айлисли, по-видимому, начал работать над текстом по «горячим следам» известных событий рубежа 1980–1990-х (карабахский конфликт, массовые беспорядки в Сумгаите и Баку), а закончил азербайджанский вариант в 2006–2007 гг. Перевод романа на русский язык был завершён к 2012 г. (опубликован в декабрьском номере журнала «Дружба народов»). «Эпоха мертворожденных» Г. Боброва увидела свет в 2008 г. в издательстве «Эксмо» и стала, по мысли автора, результатом «трехлетних размышлений, полутора годов кропотливой работы и одного обширного инфаркта». А. Иванов начал писать свое «Путешествие...» в 1998 г., роман был опубликован сначала в 2009 г. в Германии на немецком языке и лишь спустя два года, в 2011, – в России издательством «АСТ».

В жанровом отношении А. Айлисли определил свое произведение как роман-реквием. Книгу Г. Боброва в критике называли футурологическим романом, но чаще романом-антиутопией. Сам автор назвал свою книгу романом «о реальном настоящем и возможном будущем». Произведение А. Иванова построено преимущественно по канонам авантюрно-приключенческого романа или романа-путешествия.

А. Айлисли показывает взаимоотношения армян и азербайджанцев. Г. Бобров предсказывает, что раскол русско-украинской цивилизации и попытка цивилизационной переориентации на Европу неизбежно приведет к гражданской войне. А. Иванов рисует взаимное отталкивание европейской и других типов культур (ближневосточной, индийской, армянской, славянской, цыганской и т. д.) в эпоху заката политики мультикультурализма, призванной включить представителей различных народов в европейскую действительность и избавиться от тех, кто по каким-либо причинам не может или не желает отказываться от своих взглядов.

Для того чтобы показать столь сложное и многоплановое явление, как цивилизационно-культурное взаимодействие, авторам приходится обращаться к изображению таких аспектов, как система ценностей, семейно-бытовой и религиозный уклады, общественная организация, специфика государственного-политического устройства, языковые вопросы, исторические взаимоотношения, обращение к архаичной или создание новой мифологии. Для решения этих задач авторы используют сложные пространственно-временные системы организации текстов, а Г. Бобров и А. Иванов также включают очень большое число действующих лиц и усложняют повествование за счет многочисленных связанных с этими лицами микросюжетов. И все же в каждом из произведений есть основные пространственно-временные планы, главные персонажи и сюжетные линии. Кроме того, можно выделить и основную проблему, соединяющую весь комплекс в единое целое. Так, главным героем «Каменных снов» является талантливый актер Садай Садыглы, а стержневым элементом проблематики становится традиционная, сформулированная еще А.С. Пушкиным максима: «...гений и злодейство – Две вещи несовместные». Именно неспособность героя промолчать, отойти в сторону, самоустраниться даже в опасной для жизни ситуации – он пытается спасти избиваемого ожесточившейся толпой совершенно незнакомого пожилого армянина – приводит и самого артиста в реанимацию. Далее в повествовании перемежаются картины, изображающие реальность больницы, и воспоминания о прошлом, возникающие в сознании искалеченного Садая.

Главный герой «Эпохи мертворожденных» – бывший журналист, ставший командиром диверсионно-разведывательного подразделения, Деркулов, которого западные журналисты называют Дракула, – попадает в российский фильтрационный лагерь. По запросу международного трибунала Деркулова разыскивают как военного преступника. Следователь военной прокуратуры, сочувствующий герою, предлагает ему самому выбрать дальнейшую судьбу. Деркулов выбирает трибунал, считая, что сможет противостоять лицемерию. Дальнейшее повествование строится как ответы на вопросы следователя.

Андрей Иванов в качестве основных персонажей использует своеобразный тандем. Повествование ведется от лица русского «эстонца» Евгения, которого называют «Юдж». Его напарник – индус Хануман (Ханни). Соединенные судьбой в поисках «утраченного рая», они путешествуют по Дании и Германии. Не имея законных оснований находиться в Дании, они оказываются в лагере для мигрантов. Ими движет мечта получить каким-либо образом вид на жительство и деньги и отправиться на Лолланд, датский остров счастья. То приворовывая, то продавая просроченные продукты, то разбирая на запчасти выброшенную на свалку технику, ввязываясь в различные авантюры, постоянно ожидая ареста и депортации, герои с трудом получают деньги на дешевую еду, алкоголь и наркотики. Пове-

ствование, таким образом, перестает быть линейно последовательным, поскольку зависит от состояния героев.

Все три автора включают в свои произведения сильный элемент автобиографии. Герой А. Айлисли – азербайджанец, не знающий ни одного слова по-армянски, родился и вырос в Айлисе (армянское название Акулис или Агулис). Это по нынешним меркам небольшое село писатель называет чуть ли не древней культурной столицей Армении. По преданию, именно там Месроп Маштоц создавал армянский алфавит. Практически все армяне в Айлисе были вырезаны еще в 1919 г. турецкими войсками и их немногочисленными приспешниками из местного азербайджанского населения. Чудом удалось выжить только двум женщинам. Образы этих женщин, уже постаревших, но сильных духом, навсегда врезались в память Садая Садыглы. Как и для автора, для героя особое значение имеют горы и чудом сохранившиеся армянские церкви. Айлис – это средоточие системы ценностей, соединяющее в себе ключевые образы детства и символ веры.

Г. Бобров, создавая образ Деркулова, также делает его луганским журналистом. Кроме того, наделяет его опытом афганской войны. Бывшие афганцы составляют костяк его подразделения и руководствуются в жизни теми же правилами, что и 25 лет назад. Герой, как и автор, не только хорошо знает и может описать, как работают различные машины смерти, но также, например, обучает молодых добровольцев стрельбе из снайперской винтовки (сам Г. Бобров служил в Афганистане снайпером).

Как и его Евгений-Юдж, А. Иванов уезжает из Эстонии к своим родственникам в Данию, но в конце концов герой понимает, что он для родственников становится обузой, мешает, и тогда принимает решение уйти, – но это уход в никуда для человека, не имеющего вида на жительство и работы. Всю боль, пережитую во время скитаний, всю неприглядную «изнанку» действительности автор трансформирует в свой текст.

Безусловно, каждый автор абсолютно индивидуален в выборе своего ракурса изображения. Герой А. Айлисли сразу назван гением. Эту характеристику дает ему его друг, артист Нувариш Карабахлы, который привозит избитого Садаю в больницу. В романе акцентируется внимание на том, что Садаю сыграл главные роли во всех спектаклях классического национального репертуара. Но он также и основной исполнитель в постановках классиков – Шекспира и Сервантеса. Да и сама эта пара, Садаю и Нувариш, напоминает Дон Кихота и Санчо Пансу. Донкихотство героя – обратная сторона его гениальности. Он показан человеком, с детства не выносившим любую несправедливость. Он буквально заболел от этого. Несколько раз в тексте повторяется сцена убийства маленького лисенка, которая навсегда врезалась в память Садаю. Позже, стремясь заступиться за оскорбленную девочку, он бросается в драку со своим другом, с самым сильным мальчишкой в округе. Став знаменитым артистом, он считает, что ничего не должен ожидать от власти («никогда и ничего не просите...»). Когда он узнает о намерении первого секретаря ЦК Азербайджана выделить ему квартиру, он во всеуслышание заявляет: «Положенную каждому государственную квартиру дает с таким одолжением, будто все дома в городе достались ему от его покойного отца», – и остается жить в своем старом жилье. Не получает он и звания Народного артиста. Однако когда бывший всемогущий хозяин республики оказывается отстраненным от власти и Садаю Садыглы предлагают сыграть главную роль в обличительной пьесе, артист с негодованием отказывается. Он считает бывшего Первого хоть и автори-

тарным, но умным и талантливым, а его новоявленных клеймителей, еще вчера прославлявших его, – людьми и неумными, и бесчестными. Отказавшись в свое время от Государственной премии и заявив одному из членов ЦК: «...то, что у вас в кармане, – это не партбилет, а пистолет. Своим пистолетом вы запугиваете народ, держите его в страхе, чтобы самим жить без страха», – он также выступал и против ортодоксальной религиозности. Будучи приглашенным в славившийся набожностью его жителей район Баку Нардаран на праздник по случаю обрезания, он вместо поздравлений воскликнул: «Если бы в теле человека было что-то лишнее, разве же Бог был слеп, чтобы не видеть этого?.. Да кто велел вашему Пророку исправлять ошибку Бога?» Фактически этот же вопрос прозвучит из уст русской жены доктора Фарзани. Сделанное сыну обрезание станет причиной распада семьи – ухода жены и отчуждения сына. Этот же вопрос, по сути, содержится в знаменитой шутке Егише Чаренца: «мы им не дали... отрезать с того места жалкого кусочка ненужной кожи, а это дало им на редкость благовидный повод, чтобы зарезать всю нашу нацию». Религиозные традиции не должны становиться поводами к преследованию народов, распаду семей, какой бы то ни было вражде.

Жена артиста Азада ханум уверена в том, что ее мужу в первую очередь нужно подумать не о других, а о себе. Она считает, что современные армяне отнюдь не «ангелы небесные». Ведь в расправах над армянами в Баку в первую очередь принимают участие так называемые «еразы» (сокращенно ереванские азербайджанцы), изгнанные из Армении и Карабаха, лишённые своих домов и родины. Особенным ударом для Азады ханум становится высказанное мужем желание отправиться в Эчмиадзин и принять там христианство. Однако ее отец доктор Абасалиев объясняет дочери, что Садай этого никогда не сделает, потому что его Айлис и есть его Эчмиадзин, то есть святыня. «...Не в том дело, какими стали теперешние армяне, а в том – какие сейчас мы». Напомнив дочери сюжет поэмы «Лейли и Меджнун», доктор подытожил: любовь это – «чистое зеркало... в ней отражаются только доброта и милосердие. Она не от жизни, а от Бога». Садай Садыглы не может не попытаться спасти заведомо беззащитных, беспомощных людей. Он уверен, что при этом он защищает и все лучшее в его родном азербайджанском народе. Когда в его «каменных снах» перед ним возникают образы армян, то они прежде всего предстают трудолюбивыми, милосердными, верующими, ценящими прекрасное, носителями древней культуры и, наконец, приветливыми соседями. Как бы просто это ни звучало, для артиста нет плохих народов, но есть плохие люди. Злоба и ненависть в конечном счете приносят несчастье и тем, кто разрешил себе переступить через кровь невинных людей. Страдают не только они сами, но и их дети. Доктор Абасалиев указывает Садаю, что во всех домах, в которых пролилась невинная кровь, и спустя многие десятилетия происходят страшные события: дети и внуки убийц болеют тяжелыми наследственными заболеваниями. Кроме того, преступления рождают преступления уже и в новое время. Преступник, выбросивший из окна старую армянку и завладевший ее квартирой, уже не может на этом остановиться и проделывает то же самое с азербайджанцем. Герои Айлисли осознают, что всё, что происходит, не случайно, что есть и какие-то центры, из которых руководят толпой. Бывший одноклассник артиста, ставший крупным партийным деятелем, публикует в журнале «Коммунист» статью, в которой «доказывается», что Айлис и Карабах – исконные азербайджанские земли и что само слово «армянин» – это производное от азербайджанского. Но если стремление власти использовать низменные инстинкты толпы

в своих целях – явление хоть и бесчестное, но, к сожалению, не редкое, то особое значение приобретает роль интеллигенции. Садай Садаглы обвиняет власть, как прошлую, так и нынешнюю, как местную, так и союзную, но всё же основной упрек герой Айлисли бросает интеллигенции. Ее представители не только не выступили против кровопролития. Некоторые из них оказались прямыми подстрекателями. Так, например, автор поэмы о Ленине поэт Халилуллах Халилов, взявший себе псевдоним Улурух Туранмекан и написавший новое произведение «Карабах – ты моя святыня», призывает поджечь армянскую церковь. Для Айлисли человек, по-настоящему имеющий представление о святом, не может уничтожать чужие святыни и, конечно, не имеет права призывать к этому народ.

Главный герой Г. Боброва решает выступить перед международным трибуналом по нескольким причинам; это причины как личного, так и цивилизационного плана. Во-первых, в западной прессе его оклеветали и приписали преступления, которые он не совершал. Во-вторых, он рассчитывает использовать эту трибуну для того, чтобы рассказать о чудовищных преступлениях, которые совершались именем борьбы за утверждение европейских ценностей и о которых средства массовой информации, разумеется, умолчали. В-третьих, голос совести заставляет его рассказать и о том, что он сделал лично или что было сделано по его приказу. Это задачи, которые ставил перед собой герой. Автор же преследовал гораздо более сложную цель. Она заключалась в том, чтобы предупредить о надвигающейся катастрофе. Писатель считал, что идеология украинского национализма построена лишь на отрицании всего русского, а на отрицании построить ничего невозможно. Попытка насильственной украинизации должна была привести к конфликту с теми гражданами страны, для которых Россия и Украина были частями единого целого, одной цивилизации. Следствием данной политики неминуемо становился распад украинского государства. Обращаясь со страниц своего сайта к носителям новой украинской идеологии, Г. Бобров заявил: «...я свою часть общей работы сделал: смоделировал крайний сценарий развития событий... Теперь ваш черед – сделайте так, чтобы описанное будущее не стало реальностью». Спустя восемь лет можно констатировать: представленная в книге модель разрушения общества и государства, к сожалению, обрела реальные очертания. Сам Г. Бобров в своем интервью, данном второго июня 2014 РИА новости, говорил о том, что не совпало два момента: у Донбасса нет единого командования и на его территорию официально не введены войска НАТО. Очевидно и то, что Украина распалась не на три государства (Галицию, Центрально-Украинскую республику и Восточную конфедерацию), а на два. Не раскололся и Евросоюз. Однако большинство предсказанных в романе событий стало реальностью. Некоторые географические точки, упомянутые и описанные в романе, получили печальную известность в 2014–2015 гг.: Изварино, Лисичанск, Аэропорт, Дебальцево, Новый Айдар. Предсказана в книге и попытка ВСУ разрезать Донецкую и Луганскую республики надвое. Рисуя образы комбата Деркулова и его солдат и офицеров, писатель стремился подчеркнуть, что началом, их объединяющим, является не национальная идея и не противопоставление русского и украинского. В армии «Конфедерации» воюют представители разных национальностей – эта сила интернациональна, как интернационален и сам Донбасс. Они и говорят кто на русском, кто на украинском, кто с татарским акцентом. Изначально в группе Деркулова они собрались по разным причинам: по идейным соображениям, из желания отомстить, волею случая, по приказу начальства и т. д. – и вместе с тем они не приемлют навя-

звания им ненависти ко всему русскому. Костяк группы составляют афганцы. Безусловно, изображенная в романе действительность далека от идеальной, показан и переворот военных, которые свергли и расстреляли олигархическое правительство в Донбассе, толпы беженцев, разгул преступности, угрюмое равнодушие части населения, нехватка вооружения. Далеко не ангелы бойцы, и отношения между ними иногда остроконфликтные. Главный же вывод заключается в том, что гражданская война – явление страшное: она калечит человеческие души. Деркулову предъявляют обвинение в том, что он организовал нападение на воинскую часть «младоевропейцев». Никаких угрызений совести герой по этому поводу не испытывает: их было во много раз больше и вооружены они были несоизмеримо лучше. Устроив на них засаду, он хотел быстро отойти, но во время отхода был тяжело ранен один из его бойцов. Не имея возможности забрать его с собой и не желая оставлять на поругание врагу, Деркулов убивает его (ср. «Конармия» Бабеля). Каждая последующая ситуация оказывается все более и более трагичной. Командир приказывает расстрелять пленных, поскольку вывести их невозможно. Он уничтожает вражеский санитарный вертолет во время погрузки туда раненых, так как из этого вертолета был открыт огонь по его группе и убит его боец. Не удастся главному герою и защититься от расправы пленного летчика. Местные жители сжигают его заживо. Деркулов принимает участие в убийстве польского корреспондента: это был именно тот мерзавец, который на весь мир назвал Деркулова Дракулой, приписав ему расправу над мирными жителями, которую на самом деле учинили националисты. Наконец Деркулов приказывает повесить главаря бандитов, грабивших, насилующих и убивавших мирных жителей. Все это приводит героя к нежеланию жить и презрению к людям: «...вершина пищевой цепи не человек, а аскариды... Те – хоть беззлобные. Мы же всю историю кромсаем друг друга, и краёв привычному безумию не видно». И всё же Деркулов, оглядываясь в прошлое, сопоставляя Советский Союз, Афганистан и Украину, заявляет: «...мы жили в Стране и, вдруг, попали на задворки цивилизации, в государство второго сорта... хочешь изменить что-то к лучшему – готовься к жертве, к кресту. Так уж повелось на нашем шарике – всё на заклании держится... либо – с гранатой под танк – героем, либо под нож мясника – бараном. Так что нет никакой проблемы “потерянного поколения”. Всё, о чем мы говорим, – категория потерянной эпохи... Эпохи мертворожденных!» В конце концов герой Г. Боброва приходит к выводу, что войну надо вести не при помощи оружия: «Войны теперь ведут не полководцы... а те, кто на общественное мнение влияет». Так происходит понимание внутренней сущности новой разновидности войны, которую в последние годы стали называть «гибридной». Именно поэтому Деркулов и принимает решение «лишить их самой сути этой битвы» – предстать перед судом, выступить с обличительной речью, расстаться с жизнью, но «спасти свою бессмертную душу».

Герои А. Иванова, как и персонаж Г. Боброва, не претендуют на роль гениев. Тем не менее это люди глубоко образованные, интеллектуально развитые, разбирающиеся в вопросах философии, истории, культуры. Сложная система взаимоотношений, установившаяся между ними, изначально напоминает сформулированный Пушкиным тип «от делать нечего друзья». Да и русского интеллектуала зовут, как пушкинского героя, чье имя, как известно, в переводе означает «благородный». Его приятель, правда, уже не «полурусский», а индус, которого зовут так же, как царя обезьян в «Махабхарате». Как и между пушкинскими героями, между Юджем и Ханни много противоречий, однако спорить с часто впадающим

в истерику Хануманом очень сложно, поэтому первый обычно предпочитает воздерживаться от комментариев, либо комментирует про себя. Как и пушкинские герои, они оказываются непонятыми и не востребованными ни у себя дома, ни в Европе. Однако, в отличие от Онегина и Ленского, Юдж и Хануман – изгои, находящиеся вне общества, не вписывающиеся даже в систему жизни в лагере мигрантов. Чужими оказываются они в конечном итоге и в приютившей их коммуне хиппи. Не нужны они и своим родственникам. Причем ситуация с родственниками с пушкинских времен заметно усугубилась. «... Чем лучше им, тем почему-то хуже мне; и чем хуже мне, тем отчего-то лучше им! Еще – они имеют свойство помирать, ничего тебе не оставляя, кроме осадка невысказанных упреков... Ну их к черту!» – заявляет Евгений. Надо ли говорить о том, что ни своей Татьяны ни даже Ольги у героев А. Иванова нет, хотя у Ханумана, если верить его рассказам, остались жены сразу в нескольких государствах, через которые он добирался до Дании. Впрочем, он «ненадежный нарратор». Однако всё же проблема не в степени правдивости рассказчика, а в том, что никакого взаимопонимания между мужчинами и женщинами в художественном мире романа не существует. Персонажи произведения экзистенциально одиноки, что делает их в данном отношении скорее более близкими к персонажам романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени». Они были чужими везде, не только в Европе: «Я думать не хотел о том, что могло меня ждать в Эстонии; он просто не хотел возвращаться к своему прошлому». Чувствуя себя, как и герои И. Ильфа и Е. Петрова, чужими «на этом празднике жизни», они вполне могли бы заявить: «Никто нас не любит, кроме уголовного розыска, да и тот нас тоже не любит». «В этом тщательно расчисленном мире все было предусмотрено; найти закуток и затаиться двум таким вошкам, как я и Ханни, – считал Юдж, – практически невозможно. Всюду были глаза и камеры. Каждый был на телефоне. Даже деревья, посаженные особым образом, казалось, следили за нами и подавали сигналы кому-то, кто непременно следил за деревьями». Особенно опасной, если не сказать фатальной, могла стать встреча с полицией («ментами», как их на русский манер называл Юдж). Это грозило немедленной депортацией. Конечным пунктом путешествия для Ханумана, как и для героя «Золотого телёнка», была Америка. Правда, не Южная, а Северная. Поэтому Дания была лишь промежуточной ступенью в его планах. Отличало Ханни от Остапа и полное отсутствие черт мелкого беса, искусителя. Сам автор проводил параллель между своим героем и персонажем Диккенса: «Хануман – плутовской герой, актер, экстраверт, трикстер, писать его не так сложно. В нем есть черты Джингля из “Записок Пиквикского клуба”». Хануман не старался быть последовательным. Он мог сначала почти в стихах изъясняться в любви к Индии, а через некоторое время заявить: «Страна... в которой придумали буддизм и испытывают атомное оружие, это самая лицемерная страна в мире... и в ней я жить не буду!»

И вместе с тем двум постоянно «воевавшим» с друг с другом главным персонажам романа приходится помогать, а подчас и в буквальном смысле слова спасать друг друга. В ходе разнообразных эскапад им удается не только выживать, но давать образные и содержательные характеристики окружающей действительности. Герои видят перед собой европейцев – датчан, немцев, англичан, шведов, сербов. Казалось бы, Хануман и Евгений должны были испытывать чувство радости от того, что попали в страну с наиболее развитой цивилизацией. Однако вместо радости герои испытывают страх. «Особенно страшны были люди. Неприступные,

как бастионы. Гладкие плащи; выверенные жесты. Холодные, как безжалостные рельсы. Блеск очков; белизна зубов. Надежно сработанные, как столбы, подпирающие тусклое небо. За каждым числились определенные заслуги. Полезность обществу умножали списки ими регулярно посещаемых курсов. Над каждым светила неугасаемая звезда специализации. Каждого незримым флером оберегала сила какой-нибудь могущественной корпорации. Существа, рассчитанные на многие лета. Гарантийный срок покрывали страховые компании. Все было учтено. Даже случай...» В этом описании, данном интровертом Евгением, угадываются образы замятинских «Островитян». Импульсивный экстраверт Хануман кричит: «В этом Богом проклятом мире мы можем только изворачиваться! Эти гиены нам не оставили ни шанса! Эти шакалы все растаскали!.. Нам бросили кости сгнившей собаки! Стервятники! Они заперли любовь в банках, в сейфах! Акции розданы! Инфляция! Для таких, как мы, – очередь за пособием по безработице! Тарелка супа! Блохастые бомжи! А эти гниды, жирные особи неизвестно какого пола, они царственно и благородно дают нам тепло в кредит! Забирая последний вздох! ...Гнильца в глянце! Целлулоидные гуманоиды! Богоподобные андрониды в лимузинах! Все испортил европеец! Гот, гунн, гуингнм! Западноевропейский мозг все испохабил! ...Ты – славянин! Я – индус! Мы с тобой оба жертвы европейской цивилизации! Как же ты не поймешь этого! Ты же читал Кастанеду!...» Подобные выпады можно было бы воспринимать как ответную реакцию двух неудачников, не сумевших вписаться в иную реальность, однако это не так. Эта реальность оказывается мнимой, исполненной фальши, одним словом такой, в которую герои не хотят вписываться, потому что она экзистенциально чужеродна. Вместе с тем Хануман и Евгений достаточно наблюдательны для того, чтобы рассмотреть и осмыслить чужую жизнь. А. Иванов создает, если угодно, энциклопедию западноевропейской действительности. Точнее, это энциклопедия обратной стороны, антимира. Главные персонажи романа недоумевают, на каком основании датчане всё еще с гордостью именуют себя потомками викингов? Ведь история для современных людей – это не более чем часть туристического бизнеса. От национальной идентичности остается лишь внешняя атрибутика – флаги, путеводители и диакритические знаки на дорожных указателях. «Выросли из викингов в космополитов», – резюмирует Хануман.

Суду героев подвергаются также семейный уклад, отношения между мужчинами и женщинами, воспитание детей, стремление избавиться от стариков, исполнение профессиональных обязанностей, отношение к религии. Так, например, с точки зрения индуса и русского, оказываются несовместимы западноевропейская проповедь Христианской любви и стремление сдать пожилых родственников в приют. Обсуждают Юдж и Ханни и такие явления, как демократия и конституционная монархия, работа миграционного департамента в Дании. Служащие департамента, рассматривая различные ‘кейсы’ (так называются заявления мигрантов о предоставлении убежища), почти всегда отказывают просителям в праве остаться в стране. Исключение может составить разве что случай с непальцем, который, будучи гомосексуалистом, написал, что в случае экстрадиции на родину его могут там подвергнуть преследованиям. Очень образно и зачастую саркастично отображаются европейские города, транспорт, улицы, фирмы, бары, магазины, дискотеки, дома, квартиры, окна, двери, одежда, еда. Особенно ценными для героев являются городские свалки, где, например, можно погреться в машинах, тем более что в баках некоторых автомобилей хозяева оставили бензин, или разобрать

выброшенные компьютеры на запчасти, из которых впоследствии можно собрать работающий экземпляр и продать его.

Антимир этого антимира, т. е. еще более «расчеловеченный» уровень, создан в романе прежде всего за счет образов мигрантов, представителей различных диаспор. Албанцы, афганцы, цыгане, сербы, армяне, выходцы из бывшего СССР воруя, ведут незаконную торговлю наркотиками, бензином, просроченными продуктами, табачными изделиями, документами и т. д. Таких персонажей десятки, и с большинством из них связан отдельный микросюжет, что в итоге формирует масштабную и весьма многоплановую картину жизни.

Средоточием мира мигрантов становится образ лагеря. У главных персонажей романа А. Иванова вызывает отторжение практически всё: пейзаж, интерьеры, звуки, доносящиеся с улицы или из соседней комнаты, даже запахи. Хотя Евгений и утверждает поначалу, что гнилая картошка, которую жарят по вечерам албанцы, не так воняет, как запах удобрений, доносящийся с датских полей через раскрытое окно, причем окно должно быть открыто в любое время года, даже зимой, чтобы в случае появления «ментов» успеть выпрыгнуть и скрыться. Это противопоставление запахов в конечном итоге, разумеется, оказывается мнимым и снимается, поскольку реальность жизни в лагере мигрантов ничуть не лучше жизни в обществе, как в прошлом, так и в настоящем. «И в чаду сквозь сон думалось мне, что таков мир, в который я вляпался, как в дерьмо, родившись не под той звездой. На кумарах думалось мне, что якобы было так предначертано, чтоб, выбившись однажды из мне привычного круга, оторвавшись от мерзкой, но привычно мерзкой жизни, от обычного хода вещей, я, как колесо, снявшееся с оси родной телеги, должен был покатиться да и угодить неизбежно сюда... в кювет... Потому что почти вся мерзость мира сконцентрировалась в этих стенах, среди отбросов, грязи, воров, наркоманов, беглых террористов, симулянтов, спекулянтов, оборотней-ублюдков, притворяющихся беженцами, жуликов, бежавших в эту страну в поисках сладкой жизни, а оказавшихся в этом курятнике, в этой вонючей клоаке» – так охарактеризовал мир лагеря Евгений. Из этого фрагмента отчетливо видно, что экзистенциальная тошнота, постоянно подкатывающая к горлу героя, является не просто одним из художественных средств, а основополагающим принципом изображения. Ни о каком «культурном взаимодействии между представителями различных цивилизаций», кроме отторжения, в такой ситуации говорить не приходится. Заселившись от безысходности в комнату непальца, Хануман и Евгений при малейшей возможности пытаются уйти оттуда, но вновь и вновь вынуждены возвращаться.

Одним из ключевых мотивов, если не лейтмотивом романа, становится мотив разложения. Хануман «доходил до того, что уже просто называл Данию двумя буквами – ДК, и произносил он их не иначе как “decay”».

В прямом и переносном смысле разложению подвергается все, что окружает героев. Однако они научились жить в такой среде. Даже когда умирает хозяин бара, сделавший заказ на дизайнерское оформление своего заведения, герои продолжают жить в доме покойника, и вовсе не запах разлагающегося тела, а вероятность скорого появления полиции заставляет их вернуться в лагерь. В мире, где все выставляется на продажу, подвергается разложению и искусство. С острым сарказмом создан образ русского художника Михаила Потапова, который каждое утро ругает свою маленькую дочь Лизу. «Он человеком быть не умеет, а еще художником хочет называться», – констатирует Хануман. В конечном итоге «карти-

ны», которые рисовали на пятидолларовых холстах специально обученные слоны, продавались с гораздо большим успехом, чем то, что смогли создать люди, называющие себя современными художниками.

Впрочем, распад имеет в романе не только отталкивающую, но и притягательную ипостась. В противовес окружающей действительности Ханни создает для себя «идеальный» мир острова Лолланд, датского аналога знаменитой Ибицы, псевдорая, где для людей с деньгами доступно всё: дорогой алкоголь, наркотики, любовь. Там, в зависимости от количества средств, можно почувствовать себя человеком если не первого, то хотя бы второго сорта. Правда, этот идеал ускользает от героев, как ускользает Рио-де-Жанейро от Остапа Бендера и Петушки от героя Венечки.

В финале романа Евгений, мошенническим путем раздобывший деньги якобы для возвращения в Эстонию, во что поверили все, даже плут Хануман, предлагает своему приятелю отправиться таки на Лолланд. Хануман потрясен и счастлив, однако у читателя создается ощущение, что и на этот раз героям не удастся осуществить задуманное. Во всяком случае, концовка остается открытой.

Таким образом, А. Айлисли, Г. Бобров и А. Иванов, каждый по-своему, показывают деградацию культуры и распад системы ценностей. В разных частях Европы и Азии герои А. Айлисли и Г. Боброва стремятся противостоять расчеловечиванию при помощи прямого действия, однако характер этих действий различен. Персонаж А. Айлисли пытается спасти невинных людей и, приняв удар на себя, погибает. Он, единственный из выросших среди руин чужой цивилизации, сумел воспринять всё лучшее в ней, вобрать ее в себя. Дар перевоплощения открылся в нем с детства, по-видимому, поэтому он стал гениальным артистом. Вместе с тем он вобрал в себя также и все лучшее, что было в его родной азербайджанской культуре, – правдивость, честность и милосердие. Без праведника, способного из чистой любви сострадать людям, общество ждут тяжелые времена. Возможно, именно эту мысль подчеркнул автор, указав в финале дату похорон Садая – 12 января 1990 г. События 13–19 января 1990 г. и последовавший за ними ввод войск в Баку стали одними из самых трагических страниц в новейшей истории Азербайджана.

Герой Б. Боброва сначала вступает в вооруженную борьбу с тем, что он считает злом, однако впоследствии отказывается от кровопролития и, приняв решение сдаться международному трибуналу, переносит противостояние в сферу духа.

Его цель – доказать, что попытка оторвать одну часть русской цивилизации и культуры от другой и якобы присоединиться к европейской цивилизации и культуре является ложным выбором, поскольку европейская культура вовсе не единое целое. А кроме того у Г. Боброва изображена попытка агрессии в культурное ядро нации. Целевой аудиторией атаки является прежде всего молодежь. Главной задачей становится отрыв молодого поколения от традиционных ценностей и воспитание потребительства под видом прогресса и вседозволенности, подменяющей свободу. Герой писателя осознает, что полем сражения в нынешних условиях становятся умы и сердца людей, и видит свою главную цель в том, чтобы не дать осуществиться программе по созданию нового поколения потребителей, живущих для удовлетворения своих физиологических инстинктов.

А. Иванов, в отличие от других авторов, показывает человека, не готового ни воевать, ни защищать кого-либо. Его герои стремятся найти себе место в этом мире, тем более что западноевропейский путь развития еще совсем недавно объ-

являлся безальтернативным и магистральным путем всего человечества. А. Иванов побуждает читателя осознать, что, в значительной степени утратив свои национальные культуры, европейские народы новую единую культуру не создали. Как известно, Л. Толстой определял добро как то, что объединяет людей. Современная же цивилизация, напротив, разъединяет, точнее – атомизирует общество, чтобы затем использовать стандартизированные человеческие единицы при создании различных фирм и корпораций. Люди-атомы должны в конкурентной борьбе занимать соответствующие их потенциалу места, формируя сначала молекулы, а затем ткани и органы современного общественного организма. Одним из наиболее безжалостных «инструментов человеческой стандартизации» становится лагерь для мигрантов, где «на аршине пространства» (Ф. Достоевский) сталкиваются между собой представители различных культур. Западное общество, в котором потребляют не только предметы, но и людей, в изображении писателя оказывается лишенным какой бы то ни было привлекательности.

Особое внимание все три автора уделяют попыткам реставрации архаичных мифов, неомифологизации и демифологизации как средствам работы с массовым сознанием. Ярко рисуются современные способы «штурма» традиционных культурных символов и табу. Авторское же отношение к этим явлениям определяется, прежде всего, нравственными критериями.

Подводя итог анализу произведений русскоязычной литературы и литературы диаспор, можно сделать вывод, что современные авторы создали целый ряд произведений, заслуживающих пристального внимания и изучения, как в самостоятельном аспекте, так и в контексте рассмотрения литературы метрополии, и что вопросы взаимодействия культур в современных условиях оказываются одними из наиболее значимых.

ЛИТЕРАТУРА

Айлисли А. Каменные сны // Дружба народов. 2012. № 12 (magazines.russ.ru/druzhba/2012/12/aa5.html)

Боброва Г. Эпоха мертворожденных. М.: Эксмо, 2015. 384 с.

Иванов А. Путешествие Ханумана на Лолланд. М.: Аст; Астрель, 2011. 416 с.

REFERENCES

Aylisli A. Kamennyje Sny (Stone Dreams). *Druzhba Narodov*. 2012. No 12 (magazines.russ.ru/druzhba/2012/12/aa5.html).

Bobrov G. (2015) *Epokha Mertvorozhdennykh* (The Epoch of Deadborn). Moscow. Eksmo Publ. 384 p.

Ivanov A. (2011) *Puteshestvie Khanumana na Lolland* (Hanuman's Trip to Lolland). Moscow. Ast; Astrel Publ. 416 p.

Сведения об авторе:
Андрей Леонидович Крупчанов,
канд. филол. наук
доцент
кафедра истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Andrey L. Krupchanov,
PhD
Docent
Department of the History of Newest Russian Literature
and Contemporary Literary Process
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

А.Ш. Аскарова

Основные тенденции русскоязычной художественной литературы Казахстана в постсоветский период

Аннотация: В статье рассматриваются основные тенденции русскоязычной литературы Казахстана в постсоветский период. Хронологические рамки исследования охватывают 1991–2015 гг. Автор исследует сущность данного художественного явления (привлекая к анализу прозу тех писателей, творчество которых признано интеллектуальным сообществом), выявляет основные тренды и тенденции развития, прогнозирует перспективы, опираясь на современные общетеоретические методы науки в целом и литературоведения.

Ключевые слова: русскоязычная казахская литература, постсоветский период, основные тенденции развития современной русскоязычной казахской прозы, жанр романа

Abstract: The article concerns the main trends of the Russian-language literature of Kazakhstan in the post-Soviet period. The chronological frameworks of investigation embrace the period of 1991–2015. The author investigates the essence of this artistic phenomenon, analyzing the prose of those writers whose creative work is recognized by the intellectual community, to identifying the main trends and tendencies of development and predicts the prospects relying on the modern theoretical methods of Science and Literary studies.

Key words: Russian-language literature of Kazakhstan, post-Soviet period, the main trends of contemporary proze of Kazakhstan, novel genre

Одной из ветвей казахской художественной литературы является русскоязычная литература, которая берет свое начало из советской эпохи. Опирающаяся на советскую идеологию и представляющая собой интернациональное творческое явление, она формировалась, развивалась, а также получила мощную мотивацию и подпитку – как в моральном, так и в материальном плане – со стороны государства в лице коммунистической партии. Хотя русскоязычных писателей в Казахстане было немало, их творчество тем не менее не пользовалось особой популярностью у казахской аудитории, не считая произведений Олжаса Сулейменова, Роллана Сейсенбаева, Герольда Бельгера и др. Последний в основном известен как переводчик произведений казахских писателей на русский язык.

После распада Советского Союза произошли кардинальные изменения не только в политическо-экономической сфере страны, но и в культурной, духовной жизни общества. Безусловно, казахская литература в целом, и русскоязычная художественная литература не остались в стороне от этих процессов. Отмена цензуры, плюрализм мнений, право на свободу, слова представленные на высшем законодательном уровне государством, благоприятно и плодотворно повлияли на развитие литературного процесса Казахстана, открыв перед писателями новые возможности в идейном, тематическом, жанровом, экспериментальном планах, способствовали их полному творческому раскрепощению.

Считаем, что постсоветский период русскоязычной художественной литературы Казахстана имеет колоссальный потенциал для исследования – как особое художественное явление, в котором переплетены различные стилевые, методологические, духовные, идейно-тематические искания. Эта тема пока еще мало изучена в казахском литературоведении, поэтому исследования такого рода будут актуальны и интересны как для отечественных, так и для зарубежных литературоведов.

Принимая во внимание актуальность данной темы, мы сделаем попытку раскрыть сущность этого художественного явления, проанализировать прозу писателей, творчество которых признано интеллектуальным сообществом, выявить основные тенденции развития и перспективы, применяя системный, структурный, сравнительный анализ, индукцию и дедукцию, типологию, прогнозирование, моделирование и др. Хронологические рамки данного исследования охватывают 1991–2015 гг.

Как известно, казахская литература богата своим философско-литературным и духовно-культурным содержанием, характеризуется разнообразием художественных методов и новаторским подходом, что, не в последнюю очередь, связано с поисками новой эстетической парадигмы в условиях глобального усиления межкультурной и межстрановой коммуникации, дальнейшего расширения диалога культур Востока и Запада и – одновременно – с необходимостью сохранения и развития своей национально-культурной самобытности. Для полноценного понимания особенностей русскоязычной казахской литературы обратимся к истокам этого явления.

ИСТОКИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ В КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В интенсивном развитии новейшей казахской литературы занимают соответствующее место произведения русскоязычных поэтов и писателей. Период возникновения профессиональной русскоязычной казахской литературы – шестидесятые годы прошлого века. Поток истинного вдохновения, полет окрыленной мысли, мощь художественного воплощения, подлинного таланта продемонстрировали писатели-билингвисты Роллан Сейсенбаев и Герольд Бельгер, наставники молодых. У истока формирования русскоязычной казахской литературы был поэт и писатель Олжас Сулейменов, автор нескольких поэтических сборников, написанные на русском языке. Он известен и как автор ряда работ, посвященных «Слову о полку Игореве», получившей большую известность книги «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя»¹. О своей концепции Сулейменов формулировал так: «Я впервые заявил, что “Слово о полку Игореве” было написано для двуязычного читателя двуязычным автором. Допустим, русским, который владел и тюркскими языками. Значит, на Руси тогда существовал билингвизм. Я попы-

¹ Сулейменов О. Аз и Я. Алматы, 1991.

тался это доказать, опираясь на данные многих древнерусских источников. В советской исторической науке считалось, что в русский язык за время половецкого и татаро-монгольского нашествия попало всего несколько тюркских слов, таких как аркан или кумыс. Я же говорил о *невидимых* тюркизмах, которые всегда считались русскими. Вот это и потрясло академиков. Я, как ни странно, оказался первым двуязычным читателем “Слова о полку Игореве”¹.

В 1968 г. Сатимжан Санбаев пишет повесть «Белая аруана», которая была посвящена судьбе белой верблюдицы – аруаны, непреклонно бегущей по степи в сторону своей Родины. Верность аруаны родным местам символизирует тоску тех, кто не по своей воле оказался в чужой стране.

В начале 1970-х в казахской литературе на русском языке уже издавались романы. Вышла в свет историческая трилогия «Гонец» А. Алижанова². В романе автор создал широкую панораму трагической эпохи «актабан шубурынды», рассказал историю своего народа, противостоящего агрессии джунгар в первой трети XVIII в.

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Новейшая русскоязычная художественная проза периода независимости в истории казахской литературы занимает значительное место. Она отличается жанровым разнообразием, новым идейно-тематическим содержанием и поисками оригинального стиля. За последние 15–20 лет появились романы «Отчаяние, или Мертвые бродят в песках» Роллана Сейсенбаева, «Гибель Отрара», «Созвездия близнецов» Хасена Адибаева, «Сны окаянных» (тетралогия) Аслана Жаксылыкова, «Круг пепла» и «Тень ветра» Д. Накипова, повесть «Порог невозврата» Ауезхана Кодара. Вышли в свет книги современного казахстанского писателя Ильи Одегова: «Звук, с которым встает Солнце», «Без двух один», «Любая любовь», «Тимур и его лето» – и другие. Произведения этих писателей интересны своим философско-эстетическим содержанием, причем каждого писателя отличает индивидуальный подход к творчеству.

Роллан Сейсенбаев, пишущий на двух языках (на родном казахском и на русском), занимает заметное место в новейшей истории казахской русскоязычной литературы. Автор романов, повестей, рассказов, Р. Сейсенбаев в своих произведениях умело сочетает знание национальной среды со способностью воспринимать ценности других духовных миров.

В начале 1990-х гг. Р. Сейсенбаев издал роман «Отчаяние, или Мертвые бродят в песках»³. В романе повествуется о проблемах Аральского моря и о людях, живущих на его берегах. Немало горьких страниц посвящено также ядерному полигону в Семипалатинске. В этой книге отразилась боль и трагедия казахского народа за последние сорок лет. Природа и человек предстают в произведении Роллана Сейсенбаева в неразделимом единстве; судьбы людей рушатся из-за бесконечных потрясений, страшных природных и социально-политических катаклизмов.

Эпоха независимости и демократии выдвинула на главенствующее место произведения на национальные темы. В романе Х. Адибаева «Гибель Отрара»⁴ повествуется об историческом событии – о нашествии монголов на древний город От-

¹ См.: Сулейменов О. Мне нужна ситуация борьбы и соперничества // Фергана. Информационное агенство. 2007. 15 февр.

² Алимжанов А. Гонец. Алматы, 2005.

³ Сейсенбаев Р. Мертвые бродят в песках. Алматы: МКА, 2006.

⁴ Адибаев Х. Гибель Отрара. Алматы: Знание, 1997.

рар и его разрушении. В этом романе, сочетающем новаторские и традиционные приемы, переплетается несколько сюжетных линий; он насыщен мифологическими реминисценциями; в нем фигурируют ангелы и демоны, пророк Иисус, Иуда; есть концептуальные образы, такие как мост Сират, ад – Тозак, рай – Жумак и др. Как отмечает ряд исследователей, роман – «сложное, элитное произведение», парадоксальное образование, роман-мозаика, обнаруживающий диалектическую связь времен, соединяющий публицистику и литературоведческий эстетизм¹. Как утверждает А.Ж. Жаксылыков, в созданных в последнее время казахскими писателями произведениях доминируют «мотивы экзистенциального мироощущения, формы потока сознания, необычные формы взаимодействия голоса автора-повествователя и голосов-персонажей, интенсивность мифопоэтического мышления». Исследователь трактует роман как экспериментальное произведение, открывающее «новые возможности на пути эстетических, духовно-философских поисков писателей в современной казахской литературе, способствуя очищению от схематизма, стереотипности, задогматизированности прошлых десятилетий»².

По представлению С.М. Алтыбаевой, «роман “Гибель Отрара” – это сложное многоплановое произведение с разветвленной системой мотивов, образов, художественных средств и приемов, составивших его оригинальный стилистический ансамбль. Номинально, согласно названию, его жанровую принадлежность можно определить как исторический роман»³. В целом же, по мнению исследовательницы, современным казахским авторам свойственно мифопоэтическое мышление; в своих произведениях они синтезируют элементы модернизмы и реализма, появляются там и «романтические нотки»; имеют место в современном казахском романе и реминисценции.

Еще одно удивительное произведение Х. Адибаева – «Созвездия близнецов». Исследовательница Н. Сарсекеева: «Автор представлен здесь одновременно в нескольких ипостасях: рассказчик, лирический герой, скриптор (Р. Барт), повествователь, философ, собиратель истин и даже врач (как он сам себя именует). Читатель наблюдает не только перевоплощение автора в героев различных эпох и народов, но и свободное перемещение авторского сознания из эпохи Древнего Египта во времена Великой французской революции. При этом обнаруживается сходство образов Марата и Робеспьера с образами бунтарей Древнего Египта, которых роднит “вечная мечта о Мессии-освободителе, справедливом правлении”»⁴.

Многочисленные прозаические произведения принадлежат перу одаренного представителя русскоязычной казахской литературы является писатель-ученый Аслан Жаксылыков. В романе-тетралогии «Сны окаянных» («Поющие камни», «Сны окаянных», «Другой океан» и «Дом Суриката») А. Жаксылыкова, широко используя символику, в мифологическом ключе разрабатывает проблему глобального экологического кризиса.

Произведение можно рассматривать как в контексте модернизму, так и постмодерна и даже неореализма. Обусловлено это, вероятно, как многогранностью творческого сознания автора, так и его стремлением изобразить мир и, самое главное,

¹ Бельгер Г. Закон Абсолюта // Казахстанская правда. 2004. 15 июня. С. 6.

² Жаксылыков А.Ж. Образы, мотивы и идеи с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы // Типология, эстетика, генезис. Алматы, 1999. 50 с.

³ Алтыбаева М. Модификация художественного метода в современном казахском романе // Известия НАН РК, серия филологическая. 2006. № 2. С. 24–27.

⁴ Сарсекеева Н. Роль традиции изображения «искателя истины» в современной литературе Казахстана в контексте межнационального диалога // Вестник КазНУ. 2007. № 5. С. 67.

не упрощая, но с сохранением всего их многообразия. В романе представлена и духовная жизнь общества, и реалии повседневного существования в этом сложном мире. Значительна роль снов в этом произведении, отражающих реальность и в то же время способствующих раскрытию основной идеи произведения. Автор ставит перед собой цель раскрыть смысл человеческого бытия, постичь его глубинные слои, высветить скрытые стороны.

Аслану Жаксылыкову удалось создать уникальный художественный мир, в основе которого сны писателя. В одном из интервью он отмечал: «Первая книга, роман “Поющие камни” полностью приснился мне с готовым сюжетом, оставалось только записать его. Что я и сделал, это не выдумка, а правда. Я об этом иногда рассказываю на лекциях. В романе-тетралогии многие сцены – записи готовых сновидений, в том числе и в книге “Дом Суриката”. Я всегда начинаю работать, когда достаточно ясно “прорабатываю” сюжет через сны»¹. Это необычный феномен, не часто встречающийся в литературной практике.

Тетралогия «Сны окаянных» Аслана Жаксылыкова, роман «Созвездия близнецов» Хасена Адибаева привлекают внимание современных литературоведов. Они являются ярким примером экзистенциальной художественной прозы. Герои в произведениях этих писателей становятся инструментом осмысления действительности, раскрытия сущности бытия. Роман «Круг пепла» Д. Накипова, напротив, отличается конкретикой в изображении исторических и культурных событий 1950–2000-х гг.

Наиболее характерны для нынешнего, постсоветского этапа в существовании русскоязычной казахской литературы, в частности, объективный и исторический подход к осознанию жизненных явлений, выдвижение на первый план интересов нации, страны. Эти творческие принципы воплощены в повести А. Кодара «Порог невозврата»; в романах «Звук, с которым встает Солнце», «Без двух один» и «Любая любовь» и других произведениях И. Одегова, опирающегося на эстетику реализма.

В Казахстане имеется ряд литературно-художественных периодических изданий – как созданных еще во времена Советского Союза, так и возникших уже в независимом Казахстане. Среди них «Простор» и «Нива», «Аполлинарий», издаваемый Общественным фондом развития культуры и гуманитарных наук «Мусaget», «Тамыр» – проект выдающегося поэта Ауэзхана Кодара и, наконец, «Аманат», выпускаемый Международным домом Абая. В этих изданиях публикуются художественные произведения казахстанских авторов старшего и младшего поколения. Кроме того, важно отметить деятельность журнала «Книголюб», освещающего не только казахстанский, но мировой литературный процесс.

Подводя итог, можно сказать, что в русскоязычной художественной прозе Казахстана сегодня доминирует тенденция синтеза разных культурных традиций, а авторы заняты поисками своего оригинального стиля. Показательна также их нацеленность на создание произведений, в которых взаимодействуют элементы разных жанров и стилей, разных эстетических систем.

Отметим также интерес постсоветских русскоязычных казахских прозаиков к жанру романа. Объясняется это жанровое предпочтение особенностями художественного мышления казахских писателей, которым свойственна масштабное мироощущение, что проявляется в широком диапазоне анализируемых ими проблем, своего рода эпичность в восприятии мира. По мнению А. Исмаковой, этот

¹ Цит. по: knigo.info/publ/publichist/intervju/aslan_zhaksylykov_quot_vselennaja_shire_voobrazhenija_quot/26-1-0-103

глобальный подход обусловлен тем, что «казахский роман – финальный жанр развития казахской литературы»¹.

Сегодня роман – это жанр, который наиболее точно отвечает «идее времени», и способен передать всю сложность и многообразие современного мира. Концептуальность, возможность широко и свободно размышлять о времени и человеческих судьбах, чутко реагировать на процессы происходящие в окружающей нас действительности и полноценно отражать их в своем творчестве – вот что в первую очередь привлекает в романе современных писателей.

Русскоязычные авторы сохраняют тесную органическую связь с исторической судьбой казахского народа, с богатыми художественными традициями казахской литературы, – в то же время они способны воспринимать новое, что проявляется в их обращении к современным эстетическим концепциям, таким как постмодернизм, но это не лишает их прозу национального колорита.

ЛИТЕРАТУРА

Адибаев Х. Гибель Отрара. Алматы: Знание, 1997. 352 с.

Адибаев Х. Созвездия близнецов (сокровенное и таинственное): роман-откровение. Алматы: Атамұра, 2004. 184 с.

Алимжанов А. Гонец. М.: Молодая гвардия, 1977. 237 с.

Алтыбаева М. Модификация художественного метода в современном казахском романе // Известия НАН РК, серия филологическая. 2006. № 2. С. 24–27.

Бельгер Г. Закон Абсолюта. // Казахстанская правда. 2004. 15 июня. С. 6.

Жаксылыков А.Ж. Образы, мотивы и идеи с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы: Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Алматы, 1999. 50 с.

Жаксылыков А. Сны окаянных. Алматы, 2005. 513 с.

Исмакова А. Поэтика казахской художественной прозы начала XX века (тематика, жанр, стиль): Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Алматы, 1998. Цит по: www.dslib.net/literatura-rosii/pojetika-kazahskoj-hudozhestvennoj-prozy-nachala-hh-veka.html

Накипов Д. Круг пепла. Алматы, 2005. 224 с.

Одегов И. Звук, с которым встает солнце. Алма-Ата, 2003.

Одегов И. Без двух один. Алма-Ата, 2006.

Одегов И. Любая любовь. М., 2013.

Сарсекеева Н. Роль традиции изображения «искателя истины» в современной литературе Казахстана в контексте межнационального диалога // Вестник КазНУ, 2007. № 5. С. 66–72.

Сейсенбаев Р. Мертвые бродят в песках». Алматы: МКА, 2006. 672 с.

Сулейменов О. АЗ и Я. Алматы, 1991. 274 с.

Сулейменов О. «Мне нужна ситуация борьбы и соперничества» // Фергана. Информационное агенство. 2007. 15 февр. Цит по: www.fergananews.com/articles/4908

Сейсенбаев Р. Мертвые бродят в песках». Алматы: МКА, 2006. 672 с.

¹ *Исмакова А.* Поэтика казахской художественной прозы начала XX века (тематика, жанр, стиль): Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Алматы, 1998. Цит по: www.dslib.net/literatura-rosii/pojetika-kazahskoj-hudozhestvennoj-prozy-nachala-hh-veka.html

REFERENCES

- Adibaev Kh. (1997) *Gibel Otrara (The Death of Otrar)*. Almaty. Znanie Publ. 352 p.
- Adibaev Kh. (2004) *Sozvezdie Bliznecov (Constellations of Twins) (hidden and mysterious): Novel-revelation*. Almaty. Atamyra Publ. 184 p.
- Alimzhanov A. (1977) *Gonets (The Messenger)*. Moscow . Molodaya Gvardia Publ. 237 p.
- Altybaeva M. Modification of the Artistic Method in the Modern Kazakh Novel. *Proceedings of the National Center Archaeography and Source / Ministry of Communication and Information of the Republic Kazakhstan. Series Philological*. 2006. No 2, pp. 24–27.
- Belger G. The Law of Absolute. *Kazakhstanskaya Pravda*. 2004. June 15, p. 6.
- Zhaksylykov A.Zh. (1999) *Religious Images, Motives and Ideas in Kazakh Literature: Synopsis*. Almaty. 50 p.
- Zhaksylykov A. (2005) *Sny Okayannykh (The Damned's Dreams)*. Almaty. 513 p.
- Ismakova A. (1998) *Poetics of the Kazakh Prose of the Early Twentieth Century (thematics, genre, style): Synopsis of PR Doctor Thesis*. Almaty. Quoted from: www.dslib.net/literatura-rosii/pojetika-kazahskoj-hudozhestvennoj-prozy-nachala-hh-veka.html
- Nakipov D. (2005) *Krug Pepla (The Circle of Ash)*. Almaty. 224 p.
- Odegov I. (2003) *Zvuk, s kotorym Vstael Solnce (The Sound with which the Sun Rises)*. Alma-Ata.
- Odegov I. (2006) *Bez Dvukh Odin (One without the Two)*. Alma-Ata.
- Odegov I. (2013) *Ljubaya Ljubov (Any Love)*. Moscow.
- Sarsekeeva N. The Traditional Image of “The Seeker of Truth” in Contemporary Literature of Kazakhstan in the Context of Inter-ethnic Dialogue. *KazNU Bulletin. Philology series*. 2007. No 5, pp. 66–72.
- Seysenbaev R. (2006) *Mertvye Brodyat v Peskakh (The Deads are Wandering in the Desert)*. Almaty. MKA Publ. 672 p.
- Suleymenov O. (1991) *AZ i Ya (AZ and I)*. Almaty. 274 p.
- Suleymenov O. “I need the situation of struggle and rivalry”. *Fergana. Information Agency*. 2007. 15 February. Quoted from: www.fergananews.com/articles/4908

Сведения об авторе:
Алтынай Шаулиевна Аскарова,
стажер
кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Altynay Sh. Askarova,
Probationer
Department of the History of Newest Russian Literature
and Contemporary Literary Process
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Продолжаем публикацию статей, подготовленных участниками научной конференции «XII Поспеловские чтения. Литературоведческий тезаурус: обретения и потери», состоявшейся на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 15–16 декабря 2015 г. (ред.-сост. Л.В. Чернец, проф. кафедры теории литературы). Начало публикации см.: Stephanos. 2016. № 1(15)

С.Г. Исаев

Тезаурус на границах литературоведения («Записи и выписки» М.Л. Гаспарова)

Аннотация: В статье раскрывается характерный для творческих исканий второй половины XX столетия сдвиг научного дискурса к художественной литературе. В «Записях и выписках» М.Л. Гаспарова интердискурсивность повлекла за собой последовательное преобразование классической философско-литературоведческой терминологии, в частности пересмотр классической концепции творчества. Рассмотрен диссипативный процесс в области антропологических представлений Гаспарова, показано рождение в этой сфере «нового порядка из хаоса». Анализ интердискурсивности увязан с рассмотрением формирования новых черт жанра «Записей», показана их «романизация».

Ключевые слова: тезаурус, интердискурсивность, классика, неклассика, творческое «я», личность, антропология

Abstract: The article reveals the characteristic for the creative aspirations of the second half of the twentieth century, the shift in scientific discourse to fiction. In the 'Records and extracts' M.L. Gasparov international discourse led to a sequential transformation of classical philosophical and literary terminology, and also led the scientist to revise the classical conception of creativity. Considered dissipative process in the field of anthropological ideas Gasparova, shows the birth of a «new order out of chaos». Analysis of interdiscursivity linked to the review of formation of new features of the genre of 'Records' shown their «romanization».

Key words: thesaurus, interdiscourse, classic, neoclassica, creative 'I', identity, anthropology

Начиная со второй половины XX столетия в гуманитарных науках дает о себе знать тенденция инкорпорирования средств художественности в строгое, логически организованное научное пространство. Как известно, усилия в этом направлении предпринимают Жиль Делёз, Жак Деррида, Ролан Барт и др. выдающиеся

авторы. Так, Жиль Делёз собирается «написать роман, одновременно логический и психоаналитический», дав ему название «Логика смысла»¹. Жак Деррида, характеризуя особенности своей книги «О грамматологии», отмечает, что «она *маркирует* и в то же время *расшатывает* границу, замыкающую поле классической научности»². Уместно также вспомнить о переориентировании на «один из жанров литературы» литературоведческой методологии позднего Р. Барта в его «Фрагментах из речи влюбленного» (1977), в «Camera lucida» (1980) и фрагментах «Ролан Барт о Ролане Барте» (1975).

Стремление выйти за границы литературоведения характерно и для «Записей и выписок» М.Л. Гаспарова. С одной стороны, неопровержим их научный статус, который подчеркивают и включенные в книгу специальные статьи, и точность терминологии, и филологические приемы анализа и пр. По мнению Н.С. Автономовой, имя Гаспарова – в одном ряду с Якобсоном, Бахтиным и Лотманом³.

И все же, оставаясь научным произведением, «Записи и выписки», на наш взгляд, смещают свой предмет к границам литературоведения. Взаимодействие между «творческим» и «исследовательским» началами, по мнению Гаспарова, не только возможно, но и необходимо, поскольку функции исследования, расходясь с функциями творчества, могут дополнять друг друга: творчество, в том числе художественное, «усложняет картину мира», а наука «упрощает ее»⁴.

Проблема, рождающаяся в тексте «Записей и выписок», заключена не только в уяснении профиля этого сочинения. Здесь мы сталкиваемся с особым ракурсом видения интердискурсивности: она воспринята не только в границах индивидуальной антропологии, но и гораздо шире – в рамках пересмотра ученым представлений о человеке в изменившейся к концу XX столетия картине мира. Так, в суждениях об Ольге Михайловне Фрейденберг Гаспарова волнует то, что происходит в самом дискурсе, когда его *автор оказывается не на своем месте*. «О.Ф. явно была человеком творческим, но по каким-то обстоятельствам не могла создавать ни поэм, ни статуй, ни симфоний, и материалом имела только собственную жизнь и классическую филологию. С ними она и стала обращаться как скульптор с мрамором, сопротивляющимся ее идее...»⁵. Антропологическому ракурсу в понимании интердискурсивности Гаспаров придает импульс, открывающий параллельное движение научных мотивов, давая понять, что не на своем месте может оказаться и исследователь; и здесь внимание на себя обращает интимное восприятие именно второго варианта затронутого вопроса: «Я думал, что среди творческих типов исключений нет, но, может быть, и есть: кажется, человеком исследовательского склада на творческом месте был Джойс, расписывавший “Улисса” на карточках цветными карандашами, не самоутверждавшийся в литературных борьбах, а живший абсолютным

¹ Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. С. 7–8.

² Деррида Ж. Позитивизм. М.: Академический Проект, 2007. С. 44.

³ «Якобсон выступает здесь как один из первооткрывателей структурных методов в лингвистике, Лотман как ученый, использовавший структурно-семиотический метод в его развернутой форме, Гаспаров – как тот, кто, признавая любое научное исследование исследованием структуры, ставил акцент на позитивное изучение фактов и их сравнительно-статистическую обработку – на материале стиховедения» (Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 13).

⁴ Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: НЛО, 2001. С. 102. Далее сноски на данное издание приводятся в тексте с указанием страницы.

⁵ Ваш М.Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова. М.: Новое издательство, 2008. С. 24.

обывателем во всем, кроме только музыки и словесности. Может быть, поэтому я к нему и приятен»¹.

Так называемый второй антропологический поворот изменил представления о назначении научной деятельности: «Творческий деятель, – полагает Гаспаров, – стремится к самоутверждению, исследователь – к самоотрицанию» (с. 102). И еще о том же, но в обобщенном плане: «Искусство учит самоутверждаться, а наука – “не заноситься”» (с. 100).

Философско- и социально-антропологическая тенденция раскрытия человеческого «Я» в «Записях и выписках» заключена в номинировании творческого субъекта как части целого: «Я – ничто как личность, но я – нечто как частица среды, складывающей другие личности» (с. 141). Как следует из этого суждения, понимание личности в нем опирается на логику, акцентирующую «хоровое начало», коллективность, слияние усилий и уничтожение индивидуальности. Вместе с тем «Я» как частица среды, несущая на себе влияния среды и одновременно влияющая на формирующую ее среду, и сама социальная детерминанта также получают в структуре «Записей и выписок» не только утверждающее, но и резко сатирическое, ироническое освещение. «**Личность** – скрещение социальных отношений. Такова была купчиха Писемского, любившая мужа по закону, офицера из чувства и кучера для удовольствия» (с. 141). В последнем высказывании уже отчетливо проступает парадоксальность тезауруса «Записей и выписок», характерная для многих творческих деятелей второй половины XX столетия.

Перенесение рассмотренных выше методологических установок в сферу поэтики произведения также зиждется у Гаспарова на парадоксальном расхождении в номинировании научности как таковой и описании ее социально-психологических аспектов, а также в терминологическом определении объекта изучения и субъекта исследования: «**Литературовед.** Был тезис В.В. Федорова: “Изучение произведения осуществляет процесс собирания литературоведа в личность”. Можно ли сказать, что процесс измерения силы тока собирает амперметр в личность? Я вспомнил взбесившиеся фортепьяны Дидро» (с. 259). В ироничном ключе говорится и об авторских эмоциях, переживаниях и рефлексиях: «**Личность.** Начало ненаписанной книги о римских поэтах: “Все эти стихи были бы написаны на тех же силовых линиях и без этих поэтов, но явление этих поэтов стягивало эти линии в такие-то пучки, и натяжение это было болезненно и для нитей, и для скрепок – эта боль и составляет предмет нашего дальнейшего рассмотрения” и т. д.» (с. 259).

Внешне терминология и процесс проявления авторской субъективности складываются как установление факта исторической безличности и утраты новой эпохой личностного начала². В действительности, дело не только в окказиональном, социальном и историческом контекстах. Переживая их роль в «Записях и выписках», мы подходим к кульминации в движении понятия «личность» в рассматриваемом тексте, которое в нем претерпевает полную диссипацию³ и полное осво-

¹ Ваш М.Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова. С. 25.

² «**Личность** как дефект в течение безличной истории – ср. “эстетика изучает дыры, мешающие летать воздушным шарам” (Бп). “Не надо бояться потери личности – т. е. потери неумения или неспособности что-то сделать.” (А. Жид, 1,4 54)» (с. 259).

³ «**Личность** как точка пересечения Сюжет И. О. Живут шесть мужчин: семьянин, патриот, блондин, химик, спортсмен и мерзавец; и шесть женщин с такими же характеристиками. Все друг с другом связаны: супруги, любовники, приятели, сотрудники. Отношения запутываются, семьянин ревнует жену к спортсмену, по наущению мерзавца добывает у химика отраву и губит соперника. Начинается следствие, и скоро обнаруживается, что все шестеро были одним и тем же лицом.

бождение личности от самой себя: «**Я**. “Господи, избавь меня от меня” (Т. Browne)» (с. 71); «**Я**. Восп. Н. Русанова начинаются: <У Паскаля сказано: “Я” вещь ненавистная...» (с. 71).

Вместе с тем на периферии диссипативного поля, где происходит полное освобождение «Я» от самого себя, из хаоса начинает формироваться новый порядок. Поначалу номинирование «Я» как творческого субъекта приобретает оксюморонную форму (по принципу – смерть / возрождение): «**Я**. Из меня будет хороший культурный перебой» (с. 187). Затем негативный материал, накапливающийся вокруг номинирования авторской личности и авторского «Я», становится источником для формирования новой позиции. Преображение литературоведческой терминологической сферы «Записей и вывесок» начинается по мере их внутреннего движения от науки к литературе, – у границы, где номинирование входит в зону, актуализирующую творческий, литературно-художественный потенциал самого М.Л. Гаспарова. Благодаря взаимодействию в «Записях и выписках» разноприродных стихий – науки и искусства – структура номинирующих высказываний, посвященных личности автора, усложняется, приобретая форму оговорок, уклонений, отступлений и ремарок: «**Я** “Мое физическое «я» оказывается ненужным и неудобным приложением к моей работе. *Между тем, без него обойтись нельзя*” (О. Мандельштам к Н. Тихонову, март 1937) [выделено нами. – С.И.]» (с. 71).

Дальнейшее становление нового порядка в номинирующей деятельности, очевидно, опирается у Гаспарова на демонстрацию игровой, многоролевой природы «Я»: «**Личность** “У Макса вместо личности – пасхальное яйцо, а в нем другое, третье” (Шенгели о Волошине в письмах к Шкапской). См. ТОЧКА.» (с. 372). Или: «**Я** “Это дело двоих: меня и еще одного меня”, говорил Мейерхольд (Гладков 270)» (с. 187). Игровое понимание личности способствует «воскрешению» гаспаровского «научного» субъекта, который, «восставая» из небытия, оказывается не чужд внутренней субъективности, эмоциональности, раскрепощенности и потребности «говорить красиво».

Как отмечено в аннотации к изданию, рассматриваемый текст представляет «причудливый сплав дневниковых заметок, воспоминаний и литературно-критических эссе». Отмеченные издательством жанровые особенности сближают созданный в «Записях и выписках» дискурсивный массив с художественной прозой и «филологическим романом» XX столетия. Косвенные указания на жанровое своеобразие «Записей и выписок» содержатся в отдельных вставках: «*Сыну приснился сон про меня. Я иду на медведя, но больше всего стараюсь не сделать ему больно. Я нацупываю ему сердце, а он тем временем мотает на лапу мои кишки. Я его таки убил, но после этого понятным образом оказался в санатории “Омега”, где написал машинописный роман. В предисловии сообщается, что четные главы я писал, выздоравливая, а нечетные в бреду, и чередуются они для разнообразия. И что в романе много самоубийств, но на разных языках (NN удавился по-русски, а другие – следуют фразы латинская, испанская, немецкая...), поэтому не надо удивляться, что иные, умерев на одном языке, продолжают жить на других, и т. д.*» (с. 337).

Доверие к особой логике сна – одна из особенностей художественной литературы как таковой, после работ З. Фрейда и К.Г. Юнга – особенно. Интерес к снам сполна проявляется и в тексте Гаспарова. Вставки, пересказывающие сны, пронизывают все пространство «Записей и выписок». Поскольку они выделены

Больше того: не исключена возможность, что и следовательно то же самое лицо. Но что же, стало быть, произошло? самоубийство? или все-таки нет? Не разобрался» (с. 259).

курсивом, дизайн текста информирует об авторской воле постоянно. Сны, с одной стороны, явно нарушают порядок научной дискурсивности. С другой стороны, пересказ снов и апелляция к воспроизводимым в них сюжетам не противоречат строгим условиям научного мышления, поскольку в современной филологии сны определенно стали ее интерпретирующими моделями. Существенно, следовательно, отношение к снам. Констатируем: появление снов в «Записях и выписках» мы оцениваем как сигнал, сообщающий об использовании фрагментов, принадлежащих одновременно и науке, и художественному творчеству.

К фрагментам переходного типа в «Записях и выписках» Гаспарова, на наш взгляд, относятся и те части текста, которые посвящены «литературному быту». Подобно «филологическим романам» К. Вагинова, В. Каверина, В. Набокова, А. Гениса, Ю. Буйды, А. Байетт, Дж. Барнса, Д. Лоджа, «Записи и выписки» Гаспарова целенаправленно воссоздают атмосферу и обстановку, складывающуюся вокруг литературы, давая поражающие точностью деталей и психологической новизной бытовые сцены с участием выдающихся русских писателей (Пастернака, Мандельштама, Гумилева, Ахматовой, Цветаевой, И. Бродского) и выдающихся филологов (Б. Томашевского, Р. Якобсона, Ю. Лотмана, С. Аверинцева): «**Щина** “Тарелки вымыть не могла без Достоевщины”, говорил Пастернак о Цветаевой (Восп. О. Мочаловой, РГАЛИ, 273, 2, 6).» (с. 184). Или: «**Щи** Письмо от Ю.М. Лотмана: “Вышел тютчевский сборник: светлый проблеск в нынешней жизни. Это как на войне: фронт прорван, потери огромные, зато кухня та-а-акие щи сварила!”» (с. 184).

Соприкосновение «Записок...» с «бытом», литературной средой органично выводит текст Гаспарова к его собственной биографии, которая также предстает в мастерски отделанных, пленительных по интонации фрагментах, посвященных истории семьи самого Гаспарова и становлению его авторского самосознания. Благодаря этой формально нечеткой, подвижной, но интонационно всегда ощутимой и узнаваемой раме вся калейдоскопическая и занимательная научная «материальность» живет не отдельно, не сама по себе, а вместе с авторской судьбой, и ее приходится воспринимать как то, что составляет «начинку» авторского внутреннего мира, как то, благодаря чему опознаются, формируются и проверяются представления о мире и человечности.

Научный дискурс, таким образом, органично преобразуется. Собственно, научная его проекция не исчезает. Проблемы продолжают понятийно «формулироваться». Но сама структура научности теперь усложнена, дифференцируясь на три типа высказываний, которые, не противореча друг другу, построены различно. Одни из них (научно-литературные) являются суждениями, другие (биографические) – рассказами, третьи (отрывки из переводов) – чужими поэтическими фрагментами. В первом случае явления мира и человеческое «Я» определяются цепью логических определений, нередко взаимоисключающих друг друга, во втором – они персонафицируются в суждениях «Я» автора и предстают персонажами автобиографического повествования. В третьем случае – авторских персонажей заменяют персонажи чужих художественных произведений, появляющиеся на сцене.

С появлением в «Записях и выписках» литературно-художественных фрагментов понимание и отношение к человеку оказываются в новом смысловом поле. Пересмотр концепции творящего субъекта (авторского «Я») с учетом индивидуальных качеств личности, которая теперь позиционирует себя в художественном

пространстве, неизбежно приводит автора к преобразованию научно-дискурсивного поля в интердискурсивное.

Даже те особенности выразительной системы «Записей и выписок», которые мы уже назвали, на наш взгляд, позволяют отнести их и к художественной литературе, причем к литературе неклассического направления второй половины XX столетия. Можно заключить, что «Записи и выписки» Гаспарова – это приспособленная к XX столетию своеобразная хрестоматия гуманитарного знания. На самобытность этого текста кооперативно «работают» различные области культуры со своими методами, категориями, понятиями и средствами выразительности, что неизбежно и продвигает его к принципам универсальности и универсализации приемов и методов творчества.

ЛИТЕРАТУРА

Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 501 с.

Ваш М.Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова. М.: Новое издательство, 2008. 452 с.

Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: НЛО, 2001. 416 с.

Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.

Деррида Ж. Позиции. М.: Академический Проект. 2007. 160 с.

Ладокхина О.Ф. Филологический роман: фантом или реальность русской литературы XX в.? М.: Водолей, 2010. 168 с.

Разумова А.О. Путь формалистов к прозе // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 131–150.

Степанова И.М. Филологический роман как «промежуточная словесность» в русской прозе конца XX века // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки (филология). 2005. Вып. 6. С. 75–82.

REFERENCES

Avtonomova N.S. (2009) The Open Structure: Jacobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov . Moscow. Russian Political Encyclopedia Publ. 501 p.

Your M.G.: From the Letters of Mikhail Leonovich Gasparov . Moscow. New Publishing House. 2008. 452 p.

Gasparov M.L. (2001) Records and Extracts. Moscow. NLO. 416 p.

Deleuze Gilles. (1969) Logique du Sens. Paris. Les Editions de Minuit. 392 p.

Derrida Jacques. (1972) Positions. Paris. Les Editions de Minuit. 133 p.

Ladokhina O.F. (2010) Philological Novel: the Phantom or Reality of Russian Literature in the Twentieth Century? Moscow. Aquarius Publ. 168 p.

Razumova A.O. The Way of Formalists to Prose. *Issues of Literature*. 2004. No 3, pp. 131–150.

Stepanova M.I. Philological Novel as “intermediate verballity” in the Russian Prose of the Late XXth century. *The Tomsk State University Bulletin. Ser. Humanitie of Science (Philology)*. 2005. Vol. 6, pp. 75–82.

Сведения об авторе:
Сергей Георгиевич Исаев,
докт. филол. наук
профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
НовГУ им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)

Sergey Georgievich Isaev
Doctor of Philology
Professor
Department of Russian and Foreign Literature
NovSU them. Yaroslav the Wise (Novgorod the Great)
isaev_2042@mail.ru

Н.Г. Владимирова

**«Память термина» и его вариативность
в английском филологическом романе («Обладать» А.С. Байетт)**

Аннотация: В английском литературоведении исторически сложилось двойственное терминологическое определение романа как *romance* и *novel* – в отличие от абсолютного большинства европейских языков, оперирующих теми или иными модификациями «*romance*». В таком определении романа отразилась как стабильность «памяти термина» и «памяти жанра», так и тенденция жанровой модальности, обусловленная стремлением к вариативности и свободе формы. Вокруг этих фундаментальных понятий формируется и спектр современной терминосферы. Исследователи ставят вопрос о создании третьего жанра – *postmodern romance*, соединяющего черты *romance* и *novel*. Проза XX / X XI вв. создает неклассический вариант оригинального жанрового синтеза новых *romance* и *novel*, особенности которых рассматриваются на примере «филологического» романа А.С. Байетт «Обладать». Произведение включает современные теоретические рефлексии по поводу романа и семантики его терминологических определений.

Ключевые слова: «*romance*», «*novel*», «постмодернистский *romance*», память термина, память жанра, вариативность, трансформации жанра, жанровая модальность, жанровый синтез

Abstract: In English literary criticism historically there was ambivalent determination of artistic works – *romance* and *novel* – unlike most of the European languages operating one or another «*romance*» modification. Stability of «memory of term» and «memory of genre», tendency of genre modality, conditioned by aspiring to variations and freedom of form, was reflected in the determination of artistic works. Round these fundamental concepts terminology sphere is formed. Researches put a question about creation of the third genre «*postmodern romance*», connecting the features of *romance* and *novel*. 20 / 21 century prose creates the non-classical variations of original genre synthesis. New *romance* and new *novel* are examined on the A.S. Byatt «philological» novel 'Possession' example. The work includes modern reflection, concerning the semantics of terminological definition.

Key words: *romance*, *novel*, *postmodern romance*, «the memory of the term», «the memory of the genre», variability, genre transformation, genre modality, genre synthesis

В английской терминосфере исторически сложилась и сохраняется уникальная ситуация параллельного существования обозначающих роман терминов: *romance* и *novel* – в отличие от абсолютного большинства европейских языков, оперирующих теми или иными модификациями номинации «*romance*». В английских академических словарях и энциклопедиях¹ *romance* определяется двояко. В узком значении, на которое указывал еще Вальтер Скотт, *romance* – это «сочинения, написанные, в отличие от высокой латыни, на том или другом популярном в Европе диалекте романского языка (*vernacular*)», включая итальянский, испанский и, что примечательно, английский язык»². Последний – в его общем обозначении, вне существовавших различий между гэльским, британским, уэльским разновидностями³. Напомним, что северный диалект французского языка, язык французской Нормандии, пришел в Англию вместе с нормандским завоеванием, определившим его доминирование наряду с латынью на протяжении всего англо-норманнского периода (1066–1350) и создавшим почву для распространения новой формы литературы. Ранние *romance*, или «странный Инглис», как их именовали в старину, «имели грубую форму стиха, который пелся или декламировался на пирах князей и рыцарей в их пышных залах», – пишет Томас Булфинч⁴. Генезис слова *romance* американский автор связывает с процессом ассимиляции латыни и местных диалектов⁵. Можно констатировать истоки *romance*, восходящие к архаическому кельтскому фольклору, бытовавшему на территории французского полуострова Бретань и английской области Уэльс⁶.

Второе, более широкое понимание *romance* включало уже жанровый аспект. С опорой на определение Сэмюэля Джонсона⁷ Вальтер Скотт характеризует *romance* как «*military fable*» – военную сказку, небылицу, миф, легенду, выдумку о военных подвигах, «*a tale of wild adventures in love and chivalry*» («рассказ о безрассудных любовных приключениях и рыцарстве»)⁸, пространное повество-

¹ Academic Dictionaries and Encyclopedias: universalium.academic.ru/188606/romance

² Scott W. Essay on Romance // The Miscellaneous Prose Works of Sir Walter Scott, Bart. 30 Vols. Vol. VI: Chivalry, Romance, The Drama. Edinburgh, 1834. P. 130.

³ Это отмечено и в большинстве солидных справочных изданий: «Старое французское слово *romanz* изначально означало “народная речь”, или вульгарный язык, от популярного латинского слова *Romanice*, означавшего – написанное на народном просторечии, по контрасту с письменными формами литературной Латыни» (перевод мой. – *H.B.*). [«The Old French word *romanz* originally meant “the speech of the people”, or “the vulgar tongue” from a popular Latin word, *Romanice*, meaning written in the vernacular, in contrast with the written form of literary Latin»] (Academic Dictionaries and Encyclopedias: universalium.academic.ru/188606/romance).

⁴ Булфинч Т. Средневековые легенды и предания о рыцарях / Пер. с англ. К. Лукьяненко. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. С. 19.

⁵ «Оно появилось в языках, образовавшихся в Западной Европе, из смеси латыни и местных диалектов, получивших название романских языков» (Булфинч Т. Средневековые легенды и предания о рыцарях. С. 17).

⁶ «“Кельтизирующие” медиевисты (Шепперле, Браун, Лумис, Фраппье, Маркс, Ньюстед, Ниц), – пишет Е.М. Мелетинский, – убедительно продемонстрировали генетическую связь “бретонского цикла” французского романа с кельтской полуостровной традицией во французской Бретани и английском Уэльсе (включающей и ирландско-шотландские источники) с такими специфически древнекельтскими (ирландскими) жанрами, как “эхтра”, “имрама”, “айтхеда” (посещение иного мира, фантастическое плавание, похищение женщины)» (Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. С. 141–142).

⁷ Jonson S. A Writer of Novels // Dictionary of the English Language: whichenglish.com/Johnsons-Dictionary/index.html

⁸ Scott W. Essay on Romance // The Miscellaneous Prose Works of Sir Walter Scott, Bart. 30 Vols. Vol. VI: Chivalry, Romance, The Drama. Edinburgh, 1834. P. 129.

вание в стихах или прозе. Соответственно и герои *romance* – идеализированные типы, отправляющиеся в рыцарские странствия и совершающие подвиги во имя выполнения любовного или религиозного завета, наказания виновного или поддержания правого, стремления добыть необычный предмет (Грааль в средневековых романах Вольфрама фон Эшенбаха о Персифале, поиски Говеном утраченной уздечки от упряжи мула некоей девицы, взывающей о помощи, в добродушной пародии Пайена де Мезьера «Мул без узды»). *Romance* отличают наличие тайны, сложные взаимоотношения воинского / вассально-рыцарского долга и акцентированное чувство любви. Любовная история (*Love story*) и повествование о поисках приключений (*quest narrative*)¹ в исторической перспективе закрепились как определяющие черты жанра. Особенность поэтики *romance* – изображение фантастических, идеализированных миров и, как следствие, повышенная роль авторского вымысла², который Нортроп Фрай в «Анатомии критики» небезосновательно связывает с мифом и магией, соотнося обретаемую самоидентификацию героя с ритуально-мифологической инициацией и конфликтом³. Связь с реальностью в *romance* практически отсутствовала.

Romance доминирует на протяжении Средневековья (1200–1500) вплоть до XVII в., постепенно теряя свои позиции, чему способствовало и влияние распространявшегося пуританизма. «В середине XVII века, – отметила видный англист профессор Н.А. Соловьева, – в Англии появилось слово *novel*. Эта жанровая категория развивалась медленно от мемуаров и эпистолярного романа XVI–XVII веков к роману от третьего лица»⁴. Заметим, однако, что терминологическое обозначение *novel* не является изобретением XVII в. Самые разные исследователи связывают его истоки и генезис с ренессансным гуманизмом, философией Декарта и Локка⁵. Развитие *novel* определялось и поддерживалось национальными предпосылками, общими и отличными от генетических корней *romance*. Истоки *novel* связаны с повествованиями – *scela*, а также уэльскими сказаниями – «мабиногион», с их примечательной реалистичностью, вниманием к жизненным деталям, особенностям внешнего облика, тела и своеобразным соединением стиха и прозы.

Новизна определяется В. Скоттом⁶, опиравшимся на д-ра Джонсона, как отличительный признак историй из обычной жизни человека, да и сам жанр воспринимается как новый. Вымышленные пространственные повествования *novel* были нацелены на воссоздание человека как персоны, облаченной в социальную маску и помещенной в социальный контекст. Главным признаком новой романной формы Фрай вслед за Юнгом считает конфликт «экстравертного» и «интравертного». *Romance* и *novel* отличает соотношение персонального и интеллектуального. У пер-

¹ *Busato Cristian de Olivera*. John Fowle's The Magus as a Postmodern Romance. Curitiba, 1995. P. 4.

² Пестерева В.А. «Логика» повествования в романе А.С. Байетт «Обладать» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Волгоград, 2005. Вып. 4. С. 57.

³ *Busato Cristian de Olivera*. John Fowle's The Magus as a Postmodern Romance. Curitiba, 1995.

⁴ Соловьева Н.А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. М.: Форум права, 2008. С. 102.

⁵ *Romance* // Encyclopaedia Britannica, 2015: global.britannica.com/art/romance-literature-and-performance

⁶ В словаре английского языка д-р Джонсон приводит номинацию в двух транскрипциях, что свидетельствует о не устоявшемся понятии: «*novel* [nouvellui, Latin] – New; not ancient»; *no'vel* [nouveitcy French.] – a small tale. Dryden. *Novelist* [from novel] / 1. Innovator; alior of novelty. Bacon. 2. A writer of novels. *Dryden J. Novelist* [from novel] // *Jonson S. Dictionary of the English Language*: whichenglish.com/Johnsons-Dictionary/index.html

вого преобладает ориентация на риторическое, отвлеченное, идеальное (архетипическое в ранней форме), у второго – на конкретику индивидуально-образного изображения человека и чувства, их бытия в повседневности. Эти различия и потребовали терминологического закрепления.

К середине XVIII в. *romance* считается уже старомодным жанром, однако речь не идет о замене *romance* на *novel* или о трансформации в *novel* старого *romance*, как считали Н. Фрай, Дж. Бир, Я. Уот¹ и др.

В разные историко-литературные периоды их отношения складывались по-разному. «...Не всегда они эволюционировали поступательно. Иногда доминировала какая-либо одна жанровая категория, подчиняя и трансформируя другую, иногда старая жанровая форма “уходила в подполье”, но потом появлялась вновь...»² – отмечает Н.А. Соловьева. Преобладало сохранявшееся амбивалентное отношение к «старой» и «новой» романским моделям.

Готический роман возрождает *romance*³, однако фиксируются кардинальные изменения в его поэтике. Клара Рив в труде «*The Progress of Romance through Times, Countries and Manners*» (1785)⁴ считает устоявшимися жанровыми чертами ориентацию *novel* на современную автору реальную жизнь, ее быт и нравы, тогда как *romance* описывает то, чего не существовало и существовать, скорее всего, не могло, причем возвышенным слогом. Отчетливо проступают и черты предромантической эстетики, обусловившие дальнейшее восприятие *romance* уже не как рыцарского, но романтического романа, сохранившееся вплоть до нашего времени. Интерес к иррациональным, пограничным состояниям сна и яви, ночного и дневного сознания, сомнениям, тайным, беспричинным страхам, оживающим мифам и легендам, описания любви как страсти и необычных приключений определяют *Romance* как романтический роман. Это значение закрепилось и в переводе номинации на русский язык.

Черты *romance* с его установкой на создание абстрактного моделируемого мира оживают и в зарождающейся во второй половине XIX в. научной фантастике (*science fiction*), описывающей альтернативный мир необычайного. Однако викторианское столетие живет под знаком доминанты *novel* как социального реалистического романа с его ориентацией на изображение мира реального, достоверного, повседневного, а человека – как индивида, существующего в социальном контексте, которым определяется как формирование характера, так и логика поступков.

Сегодня следы поэтики повествования в стиле *romance* ищут в постмодернизме, связывая их с конструированием, моделированием вторичного художественного мира. Диана Элан (*Diane Elan*) называет свое исследование «*Romancing the Postmodernism*». Кристиан Бусато в выше цитированной диссертации представ-

¹ *Frye N. Anatomy of Criticism: Four Essays*. [With a new foreword by Harold Bloom]. New Jersey: Princeton University Press, 2000; *Frye N. The Secular Scripture and Other Writing on Critical Theory* / Eds. Josef Adamson and Jean Wilson. Toronto, Buffalo; London: Victoria Univ.; Univ. of Toronto Press, 2006. P. 3–152; *Beer G. The Romance*. London: Methuen, 1986; *Watt I. The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding*. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1974.

² Соловьева Н.А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. С. 102.

³ «Королева готического романа» Анна Рэдклиф выносит определение *romance* в сильную позицию текста – в названия своих произведений: «*A Sicilian Romance*» («Сицилийский роман», 1790), «*Romance of the Forest*» («Роман в лесу», 1791), «*The Mysteries of Udolfo. A Romance*» («Удольфские тайны», 1794).

⁴ «*The Progress of Romance through Times, Countries and Manners*» – первый английский трактат об истории жанра английского романа и его разновидностях.

ляет роман Джона Фаулза «Маг» как «постмодернистский romance», ставя вопрос о создании третьего жанра (postmodern romance)¹.

Роман XX–XXI столетий сохраняет в «памяти жанра» и в «памяти терминов» не только характерные черты romance и novel, но, подчиняясь тенденции современной жанровой модальности, демонстрирует широкую палитру вариативности, следуя установке на свободу формы. Определяющая тенденция развития современной романной прозы подтверждает сформулированное М.М. Бахтиным основополагающее теоретическое концептуальное положение: роман – первый неканонический и «пластичнейший из жанров» в эйдетической поэтике.

* * *

Убедительным и не единственным примером этого является роман А.С. Байетт «Обладать», снабженный примечательным авторским подзаголовком: «A Romance», – усиленным эпиграфом из предисловия к «Дому о семи фронтонах» Н. Готорна. Готорн проводит четкие границы между романскими формами romance и novel. «Romance» – романтический роман, «допускающий вольность в рассуждении манеры и материала», неприемлемую для «novel», романа реалистического как более поздней формы («the latter form»²), ориентированной, в отличие от первой, на «обстоятельную достоверность в изображении не только что возможных, но и правдоподобных, обыденных событий человеческой жизни»³. Romance, по мысли американского романиста, тоже способен «представить такую истину», но «в обстоятельствах большей частью выбранных или придуманных сочинителем...» (с. 7). Выделена и отличительная нарративная форма такой «повести» (tale «under the Romantic definition»), определяемая как историзация romance, как «попытка связать прошедшее с ускользающим настоящим». В романе Байетт не только есть устойчивые, исторически обусловленные признаки означенной в подзаголовке романной модели, но и акцентированы новые. Автору удается соединить воображение и вымысел, любовный и приключенческий жанры с достижениями нового историзма, нового биографизма и нового психологизма. Отмеченные В.А. Пестеревым приключенческий и авантюрный дискурсы, в сочетании с поиском (quest) и тайной как «обязательным событийным атрибутом romance»⁴, вступают в синтез со строго аналитическим началом и очевидными чертами нового филологического романа.

Базовым в жанровом генокоде romance XX в. остается создание идеализированного мира. Персонаж романа Байетт профессор Собрайл (в тексте оригинала Stopper) в своих биографических заметках о Рэндольфе Генри Падубе (в английском тексте Ash), иронически размышляя о платонической рыцарской любви и викторианском воздержании, что подвластно romance, «прививка» которого ощутима и в английском социальном романе, иронически нелюбопытно очерчивает пространство novel: «Хорошо известно, что многие именитые викторианцы тайком отводили душу с вульгарными особами из самых низов общества, разбитными, размалеванными оболстительницами, которые поднимали содом и липли к прохожим на Пикадилли, с заблудшими белошвейками и цветочницами, с “пад-

¹ *Busato Cristian de Olivera*. John Fowle's The Magus as a Postmodern Romance. Curitiba, 1995. Abstract. P. V.

² *Wyatt A.S.* Possession. A Romance. L.: Vintage, 1990. Далее ссылки делаются на это издание, страницы указываются в скобках.

³ *Байетт А.С.* Обладать. Романтический роман / Пер. с англ. В.К. Ланчикова, Д.В. Псурцева. М.: Торнтон и Сагден, 2002. С. 7. Далее ссылки делаются на это издание, страницы указываются в скобках.

⁴ *Пестерев В.А.* «Логика» повествования в романе А.С. Байетт «Обладать». С. 57

шими женщинами”, что умирали в подворотнях, кланчили на пропитание у Генри Мэйхью (с. 650) или, если повезет, возвращались на путь истинный стараниями Чарльза Диккенса и Анджелы Бердетт-Куттс» (с. 140). Собрайл (Storper) пытается найти объяснение, «которое зиждется на двух плодотворных, но одинаково непопулярных сегодня предпосылках: упомянутой выше идеализации куртуазных поэтов и теории сублимации, разработанной Зигмундом Фрейдом» (с. 141). В романе «Обладать» перед читателем предстает не традиционный классический *romance* и не его неоклассическая романтическая модель, а неклассический вариант, оригинальный художественный синтез переосмысленного *romance* и *novel*. В произведении присутствуют также жанровые особенности социально-психологического, исторического, детективного, готического романа, объединяемых в единстве текстового пространства романа филологического.

Филологическим произведение Байетт делают особенности персонажей-филологов, самого сюжета, который строится как исследование и расследование современными литературоведами текстов двух поэтов XIX в. В романе «Обладать» присутствуют образы Библиотеки, рукописи, записей, собрания сочинений; описывается творчество поэтов XIX столетия, читателю представляются их произведения – вставные персонажные тексты: поэмы, стихотворения, сочиненные Байетт в манере Эмили Дикинсон, Э.Б. Браунинг и Р. Браунинга. Роман насыщен литературоведческой терминологией, рассуждениями о поэтике и разных подходах к тексту в связи с концепциями видных теоретиков XX в. (Барта, Фуко, Фрая, или Лакана об отличиях «грамматического субъекта высказывания» от «субъективного “я” повествователя»). Его характеризует повышенная интертекстуальность, а также в не меньшей степени интер- и полидискурсивность – присутствие эстетического, филологического, исторического, естественно-научного дискурсов. Для романа характерно включение «паратекста» (Ж. Женетт) в виде образцов лекций, карточек, каталогов, ксероксов и микрофильмов, отрывков из книг и статей – образцов анализа поэтических произведений (книга Леоноры Стерн «Мотив и матрица в произведениях Кристобель Ла Мотт», с. 311, 317, 318]), наличие сносок, комментариев, вольных пересказов сказок, мифов и легенд, их интерпретаций, как, например, образа Мелюзины (с. 47–48). В этом же ряду и присутствие широко понимаемых текстов – примечаний, писем с рассуждениями о литературе, дневников, записных книжек, упоминание архивов, рукописей, документов, диссертаций, аналитически представленных методологических подходов к изучению произведений: биографического, гендерного, психоаналитического, – а также «препарирование текстов» в духе Новой критики. Возникает обширное рефлексивное пространство текста филологического романа. В таком необъятном интертекстуальном, интердискурсивном поле и располагается связанная с особенностями филологического романа терминосфера, включающая интересующие нас номинации

Миромодель ромэнс, покоящаяся на этикетно-литературном фундаменте, связанная с условно-куртуазным культом Дамы, и рыцарски-сублимированный план, дезавуируются в двух линиях романной фабулы – викторианской и современной, однако вместе с тем и поэтизируются, продолжая жить в сознании персонажей, сопрягаясь с поиском подлинного чувства, самоидентификации личности и инициацией героев в профессионально-творческой и лирической сфере – жизни сердца. Рэндольф, с одной стороны, отвергает светскую модель общения по образцу *romance*: «ни к чему не обязывающие беседы», одобренные «невинными любезностями, как прекрасная дама и преданный рыцарь» (с. 234). С другой стороны,

мир *romance* в его сказочно-мифологических старинных кельтских истоках продолжает жить в сознании персонажей.

Мод Бейли и Роланд отправляются в поисках писем и следов пребывания Кристабель Ла Мотт в «подлинную Бретань» – «really Brittany», испытывая сильное влияние романтического местного колорита («heavily influenced by Romantic local colour»), следы которого сохранились в творчестве Ш. Бронте, В. Скотта, У. Вордсворта или символистов. Вблизи Броселиандского леса (знаменитый топос рыцарских романов) поселяется в ожидании рождения ребенка Кристабель, сама родом из Бретани. В этом знаменитом топосе *romance* пересекаются два мира (с. 425), стирается граница между мифом, легендой и современностью. В поэзии Кристабель постоянна апелляция к знакомой с детства бретонской мифологии. В поисках разгадки тайны Мод и Роланд оказываются в тех же краях. Примечательна оценка Роланда, указывающая на главный признак рыцарского *romance*: «Это наше рыцарское приключение» (с. 413) – «It's our **Quest**» (p. 328), – говорит он.

Дочь настоятеля Эллен в молодые годы, о чем вспоминает уже прожившая жизнь почти 60-летняя женщина, жена Рэндольфа Генри Падуба (в тексте оригинала Ash), жила в книжном мире «высоких рыцарских романов» – *high Romances* (p. 22), воображая себя дамой сердца, непорочной Гиневрой и одновременно сочинительницей этих историй (author of a Tale, p. 122), как она говорит: «Поэтом и Поэмой» одновременно, – и не ставшей ни тем, ни другой¹.

В викторианскую эпоху с ее пуританизмом роль Дамы-жены оказалась далеко не такой возвышенно-идеальной, как это представлялась в старом рыцарском повествовании. Связь Рэндольфа и Кристабель, которую современный читатель первоначально мог бы воспринять как адюльтер, открывает драматическую «трагедию и тайну» жизней персонажей. Воспитанная на высоких образцах рыцарского романа и в строгих нормах викторианских представлений, исключавших саму мысль о жизни тела, Эллен оказалась не готовой к супружеским отношениям. Скрепленный церковью союз стал для Эша духовно-платоническим вынужденно. До встречи с Кристабель Рэндольф в силу сложившихся семейных отношений считал, «что влюбленность – одно из отвлеченнейших понятий, а та или иная влюбленная пара – всего-навсего его маски» (с. 165)². Для Эллен жизнь тела – это лишь мгновенные «телесные ощущения»: запах хлеба в печи, запах состава для чистки серебра или ощущения «близости мигрени, знаменуемой головокружением или опутшенностью, которые отнимают телесные силы» (с. 290; p. 230).

Ближе к концу романа, открывая тайну отношений, связывавших Эша и Кристабель Ла Мотт, Байетт дает описание первой ночи близости персонажей XIX в., невозможное ни в высоком рыцарском романе – «**high romance**», ни в **earlier novel** – в ранней викторианской прозе, дидактических, лишенных воображения *novel* с образами «кисейных барышень» из **нравоучительного романа**» – an **evangelical novel** (выделено мной. – *H.B.*) (с. 206; p. 165). Авторский дискурс включает сложившиеся к XIX в. номинации романной прозы: рыцарский роман – «высокий *romance*», нравоучительный роман – «**ранний novel**», «**evangelical novel**».

¹ Согласно представлениям о рыцарской доктрине, любовь мыслилась как исключительно платоническое чувство, чисто духовное поклонение Даме сердца, не предполагающее физического обладания объектом любви.

² «I have always believed this in love to be something of the most abstract masking itself under the particular forms of both lovers and beloved» (p. 132).

В романе важны два контрастно выписанных параллельных эпизода. Один – полный жизни, переполненный страстью – с Кристабель. Любуясь ее талией, Рэндольф вспоминает «странный языковой факт: “талиа” по-итальянски будет “vita”, так же как “жизнь”» (с. 363, 13; р. 287). Кристабель идентифицируется в сознании Рэндольфа с Изольдой (на это указывают примечательные детали внешности: золотые волосы и белые руки, описанные в старинных кельтских легендах, положенных в основу гомансе, средневековых рыцарских романов).

Описываемая Байетт история любви и страсти не ограничивается аллюзивно усиленной моделью гомансе, она получает развитие, координируясь с поэтикой novel. Кристабель жестоко скрывает от Рэндольфа судьбу их общего ребенка и тайну его рождения. Байетт меняет регистр романтического повествования, прибегая к социально-реалистической детерминации, присущей novel: в условиях жестких викторианских табу «большая часть страданий в этом мире приходится... на женскую долю...» (с. 624). Материнская судьба Кристабель в этих социальных обстоятельствах оказывается печальной. Она отдает дочь Мэй в семью своей сестры Софи, и Мэй не любит свою родную мать, которая представляется ей «злой одинокой старухой из сказки» (с. 626). Используя сказочный семиотический код, Кристабель, а вместе с ней и автор романа, вводит в повествование тему жестокости, несвойственную гомансе. В постскриптуме читатель узнает, что Рэндольф нашел ребенка, через которого он пытался передать свое последнее устное послание Кристабель, именуемой им *La Belle Dame Sans Merci* – Прекрасной Дамой, лишенной милосердия – воплощение жестокой красоты (с. 638). «Жестокость может быть слепой и неизбирательной, когда речь идет о действиях суровых законов самой природы, индифферентной к вопросам добра и зла...»¹ – убедительно пишет Е.С. Куприянова, представляя точку зрения О. Уайльда на феномен жестокости. «Однако гораздо страшнее оказывается жестокость, порожденная взаимоотношениями самих людей, – жестокость человека к человеку как следствие неправильного, несправедливого социального миропорядка», – резюмирует исследовательница².

В иной тональности описана картина первой брачной ночи с Эллен: «Тонкое, бледное дрожащее животное, она сама. Сложно устроенное нагое мужское существо. Похожее на быка и вместе на дельфина. <...> Запах, резкий, грубый, будящий смятение. Большая рука – тянется, добрая, но отбита шлепком, но отпихнута прочь, не однажды, а многожды» (с. 572). И он понял, что «воздержание – его удел» (с. 573). Кодом отношений Эллен с мужем стало объединявшие их умалчивание, ложь, недомолвки, положенные в основание жизни: «Не ведать, не думать ни о чем...» (с. 574). Незрелость чувств, черствость души и служение супружескому долгу как следование викторианской доктрине (женщина должна нести свой крест!), по сути, не менее трагично, чем табуирование свободной любви. Дезавуируя идеал рыцарской сублимированной любви, Байетт не отрицает ценности любви как естественного и высокого гуманного чувства. Она оркеструет повествование о «трагедии и тайне» первой пары, как и непросто складывающихся отношений современных героев, идентифицирующих себя с влюбленной парой из прошлого, научным дискурсом, создающим ироническую двунаправленную ин-

¹ Куприянова Е.С. Литературные сказки Оскара Уайльда и сказочно-мифологическая поэтика романа «Портрет Дориана Грея». Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. С. 153.

² Там же.

тонацию: с одной стороны – на развенчание изжившего себя романтического пафоса¹, с другой – на далекое от жизни сухое научное всеведение нашего времени².

Научный дискурс, рассеянный по всему произведению, суммирует современные представления о человеке и жизни его тела, апеллируя иронически и вместе с тем понимающе к трудам Фрейда, решительно изменяя классическую поэтику *romance*, равно как и сосуществующего с ним классического английского романа *novel*, определяемого героиней произведения Леонорой Стерн (исследовательницей-феминисткой, поклонницей гендерного анализа) как *earlier novel* (*более ранний роман*) – с характерным утверждением идеального типа подлинного джентльмена (*the true gentleman*, p. 125). Прокламируемой Рыцарской любви и викторианской доктрине с неизжитым пуританизмом в тексте романа Байетт противопоставлена проза Бальзака – реалистически правдивые *novel*, по которым Рэндольф пытался научиться кодексу адекватного жизненной реальности поведения мужчины в интимной сфере.

В романе передается и ощущение исчерпанности ранее достигнутых пределов знаний и уже использованных возможностей художественного слова: «мир, где мы живем, – это старый мир <...>, – мир, который наслаивал и наслаивал теории и наблюдения, покуда истины <...> не помрачились, не сделались в наши дни палимпсестом поверх палимпсеста...» (с. 204). «Любопытствующие и вопрошающие» герои викторианского века, как и современные персонажи романа, жаждут «новой метаморфозы» (с. 205). Призыв Рэндольфа «осознать свою слепоту и богооставленность» размыкает повествование, выводя его за пределы викторианского века к ситуации *fin de siècle*, концепции «Заката Европы» О. Шпенглера и далее – к миру XX / XXI века. В романе «Обладать» контекстно соединяются черты *high romance* (рыцарского романа), *neo-romance* (романтического романа) с классикой *novel* и современным неклассическим романом. Установка в эпиграфе историзованного *romance* на попытку связать прошлое с настоящим завершается мыслью о неслиянности времени и драгоценности любви и силы слова – поисками нового метафоризма, замыкающими герменевтический круг. В соответствии с ним осуществляется и движение романских форм *romance* и *novel* к их вариативности и творческому синтезу. Оно дискурсивно фиксируется нарратором в самом тексте произведения, апеллирующего к «сюжету *romance*» (*All that was the plot of a Romance*), одновременной погруженности в «вульгарный и возвышенный *romance*» (*a vulgar and a high Romance simultaneously*), существования каждого в ситуации подконтрольности *romance* в Западном мире, в ожидании того, что *romance* должен «открыть путь социальному реализму, даже если эстетический настрой времени противоречил этому». В произведении Байетт фиксируются синтез и смена жанровых регистров, поворот поэтики романа от романтических форм квеста и причастности тайному – к экзистенциальной парадигме: приверженности героев друг другу и поискам пути в мире обыденности (с. 530, 550)³. Байетт, как и Фаулз, предпочитает открытый конец, оставляя своих героев

¹ XX век «не держит в своей чести таких старомодных понятий, как *любовь, романтическая любовь, романтические чувства in toto*» (с. 528), говорится в романе.

² Роланд и Мод «были дети своего времени, своей культуры», теоретически подкованные: «...они все знали о фаллоκραтии и зависти к пенису...» (с. 528; p. 423).

³ *All that was the plot of a Romance*. He was in a *Romance*, a *vulgar and a high Romance simultaneously*, a *Romance* was one of the system that controlled him, as the expectations of *Romance* control almost everyone in the Western world, for better or worse, at some point or another. He supposed the *Romance must give way to social realism*, even if the aesthetic temper of the time was against it. In

«претерпевать» жизнь. «И снова выходить – в слепой соленый темный океан»¹. Определение современного романа «как модального и, вероятно, – множественного жанра» (С.Н. Бройтман) имеет значительные перспективы его дальнейшего развития, связанные с тем, что он «является мощным фактором деканонизации всей литературы»². Соглашаясь с этим, добавим, что «память терминов» *romance* и *novel* не только зафиксировала в подвижности семантики их номинаций «память жанра», но и отразила в изменчивости первого – лабильность второго.

ЛИТЕРАТУРА

Байетт А.С. Обладать. Романтический роман / Пер. с англ. В.К. Ланчикова, Д.В. Псурцева. М.: Торнтон и Сагден, 2002. 656 с.

Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: РГГУ, 2001. 420 с.

Булфинч Т. Средневековые легенды и предания о рыцарях / Пер. с англ. К. Лукьяненко. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 528 с. (Серия «Biblioteca mythologica»)

Гиришман М.М. Литературное произведение. Теория и практика анализа». М.: Высшая школа, 1991. 160 с.

Куприянова Е.С. Литературные сказки Оскара Уайльда и сказочно-мифологическая поэтика романа «Портрет Дориана Грея». Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. 300 с.

Лазарева Т.Г. Поэма, песнь, или роман? (О жанровой специфике «Песни последнего менестреля» Вальтера Скотта // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия гуманитарные и социальные науки. 2009. №3. С. 43–48.

Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. 319 с.

Пестерев В.А. «Логика» повествования в романе А.С. Байетт «Обладать» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Волгоград, 2005. Вып. 4. С. 54–63.

Соловьева Н.А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. М.: Формула права, 2008. 272 с.

Фаулз Дж. Подруга французского лейтенанта. М.: Правда, 1990. 480 с.

Academic Dictionaries and Encyclopedias: universalium.academic.ru/188606/romance

Beer G. The Romance. London: Methuen, 1986. 88 p.

Busato Cristian de Olivera. John Fowle's The Magus as a Postmodern Romance. Curitiba, 1995. 131 p.

Byatt A.S. Possession. A Romance. London: Vintage, 1990. 511 p.

Dryden J. Novelist [from novel] // *Johnson S.* Dictionary of the English Language: whichenglish.com/Johnsons-Dictionary/index.html

Frye N. Anatomy of Criticism: Four Essays.[With a new foreword by Harold Bloom]. New Jersey: Princeton University Press, 2000. 400 p.

Frye N. The Secular Scripture and Other Writing on Critical Theory / Eds. Josef Adamson and Jean Wilson. Toronto, Buffalo; London. Victoria Univ.; Univ. of Toronto Press, 2006. 588 p.

any case, since Blackadder and Leonora and Cropper had come, **it had changed from Quest, a good romantic form, into Chase and Race**, two other equally valid ones (выделено мною. – *Н.В.*)» (p. 425)..

¹ *Фаулз Дж.* Подруга французского лейтенанта. М.: Правда, 1990. С. 464.

² *Бройтман С.Н.* Историческая поэтика. М.: РГГУ, 2001. 420 с.

Jonson S. A writer of novels // Dictionary of the English Language: whichenglish.com/Johnsons-Dictionary/index.html

Romance // Encyclopaedia Britannica, 2015: global.britannica.com/art/romance-literature-and-performance

Scott W. Essay on Romance // The Miscellaneous Prose Works of Sir Walter Scott, Bart. 30 Vols. Vol. VI: Chivalry, Romance, The Drama. Edinburgh, 1834, pp. 127–216.

Watt I. The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding. Beckerly and Los Angeles: Univ. of California Press, 1974. 319 p.

REFERENCES

Byatt A.S. (2002) *Possession. A Romance* / Transl. from English by V.K. Lanchikov, D.V. Psurtsev. Moscow. Tornton & Sagdon Publ. 656 p.

Broitman S.N. (2001) *Historical Poetics*. Moscow. 420 p.

Bulf nch T. (2006) *Medieval Legends and Legends about Knights* / Transl. from English by K. Lukjanenko. Ekaterinburg. U-Factorija Publ. 528 p. (Series: «Biblioteca mythologica»)

Girshman M.M. (1991) *The Literary Work. Theory and Practice of Analysis*. Moscow. Vys-shaya Shkola Publ. 160 p.

Kupriianova E.S. (2007) *Literary Fairy Tales of Oscar Wilde and Fairy Tale-mythological Poetics of the Novel “Portrait of Dorian Grey”*. Novgorod the Great. NovGU named after Yaroslav the Wise Publ. 300 p.

Lazareva T.G. Poem, canto, or novel? (On the speci f c character of “Song of the last minstrel” Walter Scott. *Northen (Arctic) Federal University Bulletin. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2009. No 3, pp. 43–48.

Meletinskij E.M. (1986) *Introduction to the historical poetics of epos and novel*. Moscow. Nauka Publ. 319 p.

Pesterev V.A. The ”Logic” of narration in the novel of “Possession” by A.S. Byatt. *Volgograd State University Bulletin. Series 8*. 2005. No 4, pp. 54–63.

Solovieva N.A. (2008) *England of the XVIIIth century: Reason and Sense in the Artistic Consciousness of Epoch*. Moscow. Formula Prava Publ. 272 p.

Fowles J. (1990) *The French Lieutenant’s Woman*. Moscow. Pravda Publ. 480 p.

Academic Dictionaries and Encyclopedias: universalium.academic.ru/188606/romance

Beer G. (1986) *The Romance*. London. Methuen. 88 p.

Busato Cristian de Olivera. (1995) *John Fowle’ s The Magus as a Postmodern Romance*. Curitiba. 131 p.

Byatt A.S. (1990) *Possession. A Romance*. London. Vintage. 511 p.

Dryden J. Novelist [from novel. In: Jonson S. Dictionary of the English Language: whichenglish.com/Johnsons-Dictionary/index.html

Frye N. (2000) *Anatomy of Criticism: Four Essays*. [With a new foreword by Harold Bloom]. New Jersey. Princeton University Press. 400 p.

Frye N. (2006) *The Secular Scripture and Other Writing on Critical Theory* / Eds. Josef Adamson and Jean Wilson. Toronto, Buffalo; London. Victoria Univ.; Univ. of Toronto Press. 588 p.

Jonson S. A Writer of Novels. In: Dictionary of the English Language: whichenglish.com/Johnsons-Dictionary/index.html

Romance. In: Encyclopaedia Britannica, 2015: global.britannica.com/art/romance-literature-and-performance.

Scott W. Essay on Romance. In: The Miscellaneous Prose Works of Sir Walter Scott, Bart. 30 Vols. Vol. VI: Chivalry, Romance, The Drama. Edinburgh. 1834, pp. 127–216.

Watt I. (1974) The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding. Beckerly and Los Angeles. Univ. of California Press. 319 p.

Сведения об авторе:

Наталья Георгиевна Владимирова,
докт. филол. наук
профессор
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта
(Калининград)

Nataliya Vladimirova,
Doctor of Philology
Professor
I. Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)
natvl_942@mail.ru

Формы и жанры средневековой европейской литературы: проблемы тезауруса

Аннотация: В статье рассматривается оппозиция *словарь – тезаурус* и отмечаются основные тенденции, препятствующие формированию тезауруса, отвечающего актуальным задачам исследования средневековых европейских литератур. Эти тенденции рассмотрены преимущественно на примерах жанровых обозначений, применяемых к образцам стихотворного эпоса. В частности, предлагается обратить внимание на *подвижность* тех жанровых определений, которые функционировали в самом Средневековье.

Ключевые слова: словарь, тезаурус, средневековые литературы, повествовательные жанры, стиховые формы

Abstract: This article presents a *dictionary* and a *thesaurus* as opposite poles. It identifies the major trends affecting the development of the thesaurus corresponding to the actual objectives of the study of the history of Medieval European literature. These trends are examined primarily on examples of genre definitions applied to samples of epic poems. In particular, it is proposed to pay attention to the *mobility* of the genre definitions functioned in the Middle Ages.

Key words: dictionary, thesaurus, medieval literatures, narrative genres, verse forms

Известно, что *словарь* (если только это не специальный словарь синонимов) и *тезаурус* в определенном аспекте находятся в оппозиции: первому свойственна родо-видовая иерархическая вертикаль, которая принципиально отсутствует у второго. Если речь идет о литературоведческих понятиях, то *ситуацию словаря* можно представить так: в пределах национальных литератур существуют типологически сходные явления и название одного из них в силу тех или иных причин приобретает родовой статус и начинает подменять собой все параллельные обозначения, каждое из которых принадлежит какой-либо иной национальной традиции. *Ситуация тезауруса* иная: понятия не входят в отношения вертикального подчинения одному из них, но на равных правах сосуществуют в горизонтальной плоскости «тематического гнезда», а каждое из них разъясняется с указанием на типологическое родство со всеми остальными. Например: русскоязычный словарь литературных терминов может представить читателю описание и романской «новеллы», заметно повлиявшей на повествовательную способность всей запад-

ной литературы, и англо-американской «short story» (с ее ослабленной интригой, делающей образцы этого жанра похожими на нравоописательные чеховские рассказы) – как «рассказ». Но мыслимый тезаурус должен уравнивать «рассказ» в правах с «новеллой» и «short story», не выделяя первое понятие за счет остальных. Тут, по-видимому, функциональное отличие: словарь – продукция специалистов для широкой публики, тезаурус – продукция специалистов прежде всего для специалистов.

Если обратиться к медиевистике, то общую связанную с ней проблему можно определить так: на всем протяжении ее существования как дисциплины (и даже раньше, в период, когда о проблемах европейской средневековой литературы рассуждали не историки литературы, а философы-эссеисты), *словарь одерживал победу над тезаурусом*. В эпоху, предшествовавшую формированию представлений о существовании единой мировой литературы, по крайней мере единой европейской, представители наций, волюнтаристски присваивавших себе право считаться наиболее просвещенными (обычное свойство культур имперских), памятники «варварской» словесности описывали, применяя к ним понятия либо своей национальной поэтики, либо поэтики тех предшествующих цивилизаций, на родство с которыми «просвещенные» народы претендовали.

Так, романские народы в Средние века начали измерять свои и чужие литературы мерками, заимствованными у европейской цивилизации Античности (Рима и – опосредованно – Греции). Такое перенесение понятий имело, кроме удобства, политическую функцию: примененные по отношению к родной словесности античные термины казались полученным по праву наследством, а потому «удревняли» культуру соответствующей народности, например итальянцев; те же понятия, переносимые в тот же период на культуру соседей-«варваров», не имевших римского «происхождения», не только не «удревняли» ее, но показывали ее в роли культуры заимствующей, а потому вторичной. Эта традиция сохранилась и в Новое время, жива она и сейчас.

Проецирование жанров Античности на оригинальные жанровые системы «варварских», «поздних» европейских наций продолжается. Так, Европа достаточно поздно открыла для себя древнюю поэзию Уэльса, но когда открыла – немедленно поместила ее в прокрустово ложе античных жанров, даже в мелочах пренебрегая здравым смыслом. Раннесредневековый поэтический жанр «*marwnad*» («песня на смерть») при публикации переводов его образцов устойчиво именуют «элегией», «*trawsgan*» (песнь поношения) – «сатирой», даже «*awdl*» (вовсе не жанр, а квазистрофическую общность стихов) по нелепому поводу – в силу близости звучания слов – именуют «одой».

Одним из тех, кто задал эту традицию, был профессор-валлиец Дж. Гвеногврин Эванс, который при публикации своего перевода на английский язык поэмы барда Анейрина «Гододдин» (древнейшего героического эпоса средневековой Европы) делил ее на тематические и жанровые фрагменты – и к последним приравнивал имена античных жанров, например имя «элегии»¹. Подобным образом обошелся с предлагаемым англоязычному читателю валлийским материалом и поэт-переводчик Д. Гвин Уильямс, в издании «*Welsh Poems: Sixth Century to 1600*»², использовавший любые «понятные» термины, но не оригинальные валлийские: «эпиграмма», «ода», «стансы», которые, спору нет, неваллийцам более понятны. Но в

¹ Evans J. Gwenogvryn. (Ed.) Facsimile & Text of the Book of Aneirin. Pwllheli, 1908. P. 76.

² Williams Gwyn. (Ed.) Welsh Poems: Sixth Century to 1600. London: Faber & Faber, 1973.

этом и состоит порочность метода. Взять, к примеру, те же «стансы»: Уильямс и фрагменты из «Гододина» определил как «Selected stanzas» (а их истинная форма – как раз «awdl»), и знаменитые «Могильные трехстишия» назвал «Stanzas of the Graves» (сохранив в переводе для каждого трехстишия его настоящую форму – «englyn»), тем самым нивелируя формальные различия двух текстов.

Раз сами филологи-валлийцы подают такой пример, то англичане и континентальные европейцы тем более пользуются возможностью применять «удобные» античные термины. Эта сложившаяся в XX в. традиция дошла и до России: А.И. Фалилеев, составитель сборника «Из ранней валлийской поэзии», выпущенного в недавнее время в серии «Литературные памятники», опубликовал в нем перевод приписываемого Талиесину стихотворения «*Marwnad Owein*» под заглавием «Элегия Оуэну»¹.

На эту тенденцию неумеренной и временами неуместной «любви к Античности» наслаиваются другие – особого, континентального типа *европоцентризм* (проявляющийся в изначально высокомерном отношении к островным и полуостровным окраинам – к Ирландии, Скандинавии, даже в определенный период Великобритании), а также специфический *национализм*, проявляющийся в отношении основной нации государства к малым нациям, живущим в том же государстве или полностью растворившимся с течением времени. Таково было отношение англичан к покоренным соседям-кельтам – валлийцам, шотландцам, ирландцам, жителям острова Мэн. Таково было отношение французов, первоначально осознававших себя жителями региона Иль-де-Франс, к норманнам, бретонцам, валлонам, эльзасцам, баскам Гасконии, населению покоренного Прованса. Таково, наконец, было отношение континентальных французов к англичанам-островитянам. В Европе веками осуществлялась идеологическая борьба за признание культурного превосходства одной нации над другой, и подмена понятий была оружием в этой борьбе. Эти века создали устойчивую традицию, точнее сказать, инерцию, которая действует на восприятие всякого современного человека, попадающего на поле культуры. Беда в том, что этот человек иногда указанную инерцию за культуру и принимает. Но, если вернуться к началу рассуждения, это беда и это подмена только в том случае, когда мы, говоря о литературных понятиях, начинаем говорить о тезаурусе. Как было сказано выше, формированию научного тезауруса мешает то, что понятия стремятся выстроиться в иерархию с внелитературной целью – для создания читательского комфорта, для сужения круга терминов и, следовательно, более легкого их запоминания читателем.

Иногда понятия, относящиеся к области одной конкретной национальной поэтики, подменяются понятиями, относящимися к поэтике другой нации, по причине весьма своеобразно понимаемого «удобства» – «удобства» как для читателя, так и – в первую очередь – для того, кто эти понятия пытается приспособить к новой области. Если читателям уже известна одна национальная литература, то филологу намного проще сэкономить время путем отказа от тщательного объяснения семантического наполнения терминологических единиц, описывающих какую-либо новую (для читателей) литературу, и применять к этой новой литературе термины пусть с ней не связанные, зато находящиеся «на слуху» у читателей. Обоснованием такой подмены обычно являются «типологические схождения» явлений из двух литератур: для их описания волюнтаристски, крайне субъективно используются те или иные имена «экономными» филологами.

¹ Из ранней валлийской поэзии / Сост. А.И. Фалилеев. СПб.: Наука, 2012. С. 29.

Приведу несколько очевидных примеров подобного терминологического произвола, помогающего тезаурусу «превратиться в словарь».

Так, в частности, известно, что в древнеирландской традиции, которая и позднее поддерживалась национальной литературой, слово «scél» обозначало историю, сказ, повествование. Но с начала XX в. ирландские эпические памятники публикуются под именем *sag*. Например, известный кельтолог Р. Турнейзен в 1921 г. дает немецкоязычному собранию этих памятников «Die Irische Helden- und Königsage». Подобным образом подменяет понятия для «удобства» англоязычной публики и Дж. Мёрфи, публикуя в 1955 г. книгу «**Saga** and myth in ancient Ireland». Перед этой тенденцией прикладывания к ирландскому материалу северной, скандинавской мерки не устоял даже такой блестящий знаток западных литератур (в первую очередь романских), как А.А. Смирнов, который в 1929 г. в ленинградском издании («Academia») выступил редактором, переводчиком и комментатором сборника «Ирландские **саги**» – и тем самым задал для русскоязычного литературоведения традицию именования, которой придерживались издатели средневекового ирландского эпоса и в следующие десятилетия.

Укажу и на другой примечательный факт: на наследие кельтского фольклора широкая публика обратила внимание намного позже, чем на скандинавское (потому и произошло вышеупомянутое замещение оригинальных названий кельтских повествовательных жанров «сагами»), однако о существовании кельтских сказителей та же широкая публика знала раньше, чем о скандинавских. Поэтому в период 1760–1770-х гг. многие немецкоязычные литераторы заговорили об эддических сказаниях и скальдической поэзии, но начали называть скальдов «бардами» (в числе прочих такой формирующейся традиции стали придерживаться и Ф.Г. Клопшток, и И.Г. Гердер). А вслед за ними стали именовать северных певцов «бардами» и англичане.

Так, Дж. Уилкес, издатель многотомной «Лондонской энциклопедии», в статье «Scald», помещенной в т. XXII (1827 г.), нашел удобным для объяснения читателям регулярно использовать сочетание «Scandinavian **bards**», однако, осознав, что такое географическое смешение понятий следовало бы чем-то оправдать, пустился в рассуждения о том, что народы Европы сталкивались и в более ранние времена, так как скандинавы и раньше совершали набеги на южные земли, стало быть, уже тогда происходил и обмен «поэтическим воображением», – и договорился до существования в вестготский период на Пиренейском полуострове «Gothic Scalds»¹.

Френсис Джеймс Чайльд с 1882 г. публиковал 10-томное собрание «Английские и шотландские народные **баллады**», ныне известные как «Баллады Чайльда». Сам по себе интересен тот факт, что англичане однажды перенесли на фольклорную эпическую форму малого размера, свойственную их островной традиции, название континентального лирического жанра, причем предполагавшего индивидуальное авторство. Для приобщения ли к той культуре, которую осознавали более «продвинутой»? Неясно.

Известные творцы баллад, подобные Карлу Орлеанскому, долгое время пробывшему в английском плену, могли выступить популяризаторами жанров и форм. Но об этом можно только гадать... Однако более интересен тот факт, что среди указанных «баллад» сборника Чайльда есть и позднесредневековый текст, который

¹ Wilkes J. (Ed.) Encyclopaedia Londinensis, or, Universal Dictionary of Arts, Sciences, and Literature. Vol. XXII. London, 1827. P. 731–732.

впервые был напечатан в конце XV в., поэтому у Чайльда сохранил оригинальное название, – «Жеста о Робине Гуде» («The **Gest** of Robyn Hode», № 117А). Но в контексте сборника и «жеста» стала «балладой». Как видим, сохранением старого жанрового определения и одновременным привнесением нового была порождена двусмысленность.

Такую же двусмысленность в жанровой трактовке инационального материала породил и А.Х. Лихи, сотрудник Пемброк Колледжа, в Кембридже. В 1905–1906 гг. под его редакцией вышло двухтомное англоязычное издание «Героические **романы** Ирландии». А ведь этот составитель-переводчик уже с 1902 г. начал выпуск серии «Библиотека Ирландской **саги**», включавшей те же произведения.

Вообще, эта тенденция, проявляющаяся в терминологической подмене, затронула не только поэтические жанры, но и стиховые формы, композиционные приемы, и прочая – все, что ассоциируется со стихотворчеством. И порою *подмена* оказывается спутницей *замалчивания*.

Уместно привести в пример «Песнь о св. Фе Аженской», временем создания которой называют вторую треть XI в. и о существовании которой упоминал еще французский эрудит XVI в. Клод Фоше¹. Профессор из Лиссабона Жозе Лейте де Васконселос в 1901 г. обнаружил эту Песнь в рукописи MS. Leiden, Universiteitsbibliotheek, Codices Vossiani Latini, oct. № 60, которую нашел в соответствующем университете, – и в следующем году издал ее под заглавием «**Cançó** de Santa Fe». Заглавие имеет прямую связь с особенностями языка источника, а кроме того с присутствующей в нем топонимикой. Оно подчеркивает каталонское или южно-провансальское происхождение текста.

Но французы включают этот текст в историю своей литературы и упорно продолжают его публиковать под заглавием «**Chanson** de sainte Foi d' Agen», очевидно, на том основании, что, если все-таки эпос был сочинен по северную сторону от Пиренеев, т. е. в южном Провансе, то это земли, захваченные французами позднее, во время IV крестового похода, и ныне входящие в состав земель государства Франция. В область чистой филологии и истории литературы активно вмешиваются политика и политическая история. Ситуация выглядит так нелепо, как если бы кто-то взял песнопения якутов или юкагиров и опубликовал бы их в качестве «древнероссийского» фольклора.

А рядом с такой подменой – замалчивание. Вот фрагмент начала оригинальной песни:

Canczon audi q' es bella'n tresca,
Que fo de *razo Espanesca*;
Non fo de paraulla Grezesca
Ne de lengua Serrazinesca.
Dolz'e suaus es pius que bresca
E plus qe nulz pimentz q'om mesca;
Qui ben la diz a *lei Francesca*,
Cuig me qe sos granz pros l'en cresca
E q'en est segle l'en paresca.

[Слушал я песню, которая была прекрасна и побуждала танцевать,
У которой был *испанский* зачин.
Не было в ней ни греческой речи,
Ни сарацинского языка.

¹ *Fauchet C.* Recueil de l'origine de la langue et poesie Françoise, Ryme et Romans. Paris, 1581. P. 67–68.

Была она слаще и вкусней капли меда
И того питья, что приготовлено человеком.
Верю я, что тот, кто станет излагать <ее события> на манер *французской песни*,
Много преуспеет –
И что в таком виде она и явится миру!]

В начале фрагмента мы встречаем присутствующее на правах термина слово «*razo*» – и должны вспомнить о том, что «*razo*», или «*razó*», на старопровансальском означает *вступление, зачин*. У слова было и буквальное значение – *разум, смысл*. **Vidas et Razos** трубадуров (т. е. собрание сохранившихся и дошедших до нас их жизнеописаний) – это или их биографии (*vidas*), или написанные прозой предварительные пояснения, раскрывающие обстоятельства создания следующих за ними стихов какого-либо трубадура, а иногда и предлагающие толкование *смысла* этих стихов (все образцы таких пояснений есть *razos*).

И вот это очень важно для понимания того, что в тексте стихотворного повествования о св. Фе Аженской обозначает термин «*razo Espanesca*». Он прямо указывает на тот факт, что в средневековых романских литературах, по крайней мере определенного периода, термин «*razo*» относился не только к прозаическим предисловиям, но и к стихотворным вступлениям в эпическое повествование. А указание на то, что данный зачин является «испанским», требует переосмысления исторических связей провансальских сочинений, что не вполне «удобно» для истории «французской» литературы.

Между тем в том же фрагменте «Песни...» мы встречаем и термин «*lei Francesca*». Что же это за «французская песнь»? Мы едва ли ошибемся, если соотнесем эту неизвестную нам «*lei*» с песенным жанром, известным по творчеству англо-нормандских поэтов второй половины следующего века, например Марии Французской, – с жанром «*lai*». Действительно, сама «Песнь...» оформлена как «*lei Francesca*», на что и указано в вышеприведенном фрагменте. Если обратиться к ее стиховой форме, стоит отметить, что написана «Песнь...» коротким силлабическим стихом – восьмисложником (процитированная Вторая лесса – исключение в виде девятисложного стиха), а ведь это как раз та самая форма, которой жанр «*lai*» строго соответствовал: хотя французский и англо-нормандский восьмисложник не всегда признак жанра лэ, но всякий образец англо-нормандских лэ есть образец применения восьмисложника.

Так почему же на термине «*lei Francesca*» не сконцентрировано внимание французских исследователей? Дело в том, что век спустя, т. е. во второй половине XII в., восьмисложник, которым написаны *lais*, будет на фоне десяти- и двенадцатисложника опознаваться как форма более легкая, простоватая, даже примитивная. Да и краткость, беглость повествования в жанре лэ также могла быть опознана читателями или слушателями как черта неразвитой примитивной манеры, потому в дальнейшем оказалось удобным вообще происхождение данной традиции отписать иной, нефранцузской культуре – и в ход пошла боделевская формула «*la matière de Bretagne*». Кроме того, указание на то, что «Песнь...» предстанет перед слушателями в одеждах «французской песни», – это признание того, что произведение принадлежит какой угодно литературе, но не французской.

Лэ, а вместе с тем и другим жанрам стихотворного эпоса, принадлежащим средневековой романской поэзии, не повезло с их терминологическим отражением в языке современных литературоведов и читателей. И это тоже камень преткновения

при построении тезауруса средневековых литературных форм. Здесь суть проблемы в том, что наша современность, того не замечая, *активно пересматривает смысловое наполнение терминов той далекой эпохи на основе апостериорно привносимых жанровых представлений, свойственных эпохам куда более поздним.*

Так, современная история средневековых европейских литератур нередко тяготеет к следующему представлению перед читателем таких жанров стихотворного повествования, как **житие**, **жеста**, **роман** и лэ: а) жеста мыслится формой архаичной по отношению к роману, а потому рыцарским романом смещенной; б) обоим жанровым формам соответствуют большие формы стиха – десяти- и двенадцатисложник (тут прямая аналогия с соответствием формы античного героического эпоса форме гекзаметра, заменой которого в романских литературах до поры осознавались две вышеуказанные формы), однако жесту, или «песнь о деяниях», находят более «историчной», а роман – тяготеющим к полюсу вымысла, а не фактографии; в) этим жанровым формам противостоит жанр лэ, и противостоит он так, как вообще любая малая повествовательная форма противостоит большой; жанр лэ мыслится неким «дайджестом» длинного повествования (поэтому акцентируют внимание на том, что в поздних лэ обычны указания, что они, лэ, суть всего лишь пересказы историй, услышанных их авторами); в связи с этим и форма лэ, восьмисложник, кажется «упрощением» десяти- и двенадцатисложника; г) форма стихотворного жития оказывается в оппозиции по отношению к трем названным формам на основе тематики: кажется, что для рассказа о жизни церковного лица служил жанр жития (фр. *vie* или пров. *vida*, хотя мы видели, что термин *vida* применялся к произведениям, описывающим жизнь трубадуров, в том числе и тех, кто писал на далеко не церковные темы), а для рассказа о жизни лица мирского подходил любой другой жанр.

Но здесь я хотел бы обратить внимание не на то, обоснованы ли такие стереотипические представления, правильны они или нет, – а на то, что они представляют средневековые термины *статическими*, четко закрепленными за определенными формами повествования. Но не факт, что в реальности эти термины не были *динамическими*, что они находились в тех строгих оппозиционных отношениях, которые были обозначены выше. Потому что существуют примеры, доказывающие обратное.

Так, известно, что одним из наиболее популярных сюжетов, сообщающих о жизни святого, был сюжет об Алексии, человеке Божиим. Еще в конце XII в. в Италии был написан текст, поименованный «**Ritmo di sant' Alessio**» и представлявший особенную стиховую форму – разносложные двустишия с рифмами. Памятник считается одним из древнейших образцов литературного применения собственно итальянского языка. Но вот мы обращаемся к французской вариации того же сюжета, оформленной немногим позднее – на рубеже XII и XIII вв.: в рукописи Paris, BnF, fr. 12471 сочинение с этим сюжетом озаглавлено «**Li roumans de saint Alessin**» (Франция) и оформлено в виде десятисложников, объединенных ассонансами в квазистрофические группы стихов, лессы. Эту форму повторяет и сочинение XIII в. из рукописи Paris, BnF, fr. 1553; здесь примечательно то, что перед текстом дано заглавие «**Li vie saint Alesin et comment il morut**», но за последним стихом в рукописи следует приписка: «**Chi def ne li romans de saint Alesin**». Так что это – светский роман или агиографическое церковное сочинение? Вопрос, включивший «или», некорректен: пример указывает, что сами понятия о повествовательных жанрах были подвижны.

И пример с сюжетом о св. Алексии не единичный. То же можно было бы заметить и об одном сюжете из круга тех, что принадлежат произведениям «артуровского» цикла, – сюжете о короткой накидке, проверяющей жен на верность мужьям. Существуют два образца стихотворного повествования, воплотившие данный сюжет, и оба написаны срифмованными попарно восьмисложниками: в рукописи Paris, BnF, fr. 353 текст озаглавлен «**Li romanz de cort mantel**», в то время как в рукописи Paris, BnF, fr. 1104 встречаем «**Le lay du cort mantel**».

Удручают и прямо противоположные ситуации: бывает, что жанровое определение при рукописном тексте отсутствует, и современные публикаторы проявляют вольность, приписывая тексту принадлежность к тому или иному жанру. Поменялся издатель – может поменяться и указание на жанр. Так, в частности, произошло с сюжетом о сарацинском короле Айкуине (или Акуине). Существует единственное эпическое сочинение, являющееся источником современных публикаций, и его оригинальный текст находится в рукописи Paris, Arsenal, fr. 3846 (датируют XII–XIII вв.), где указания на жанр этого сочинения нет. И вот издатели волюнтаристски дают наименования: то «**Chanson d’Aiquin**», то «**Roman d’Aquin**». Аналогичным образом современные публикаторы обходятся и с текстами, содержащими сюжет об Ансеисе Картагенском.

Таковы основные – но далеко не все – тенденции в отношении литературоведения к Средним векам, препятствующие составлению разветвленного богатого тезауруса. До поры оставим в стороне такое тревожащее явление, как *ангажированность литературоведческой науки текущими тенденциями политической моды в сфере культуры*, ибо оно заслуживает отдельного, более детального рассмотрения. Но оно, безусловно, относится к факторам, препятствующим разработке удовлетворяющего научные потребности тезауруса средневековых литературных форм.

ЛИТЕРАТУРА

Из ранней валлийской поэзии / Сост. А.И. Фалилеев. СПб.: Наука, 2012. 368 с.

REFERENCES

Evans J. Gwenogvryn. (Ed.). Facsimile & Text of the Book of Aneirin. Pwllheli. 1908. 192 p.

Falileyev A.I. (Ed.) From Early Welsh Poetry. St.-Petersburg. Nauka Publ. 2012. 368 p.

Faucher C. (1581) Recueil de l’origine de la langue et poesie Françoise, R yme et Romans. Paris. 209 p.

Wilkes J. (Ed.) Encyclopaedia Londinensis, or, Universal Dictionary of Arts, Sciences, and Literature. Vol. XXII. London, 1827. 910 p.

Williams Gwyn. (Ed.) Welsh Poems: Sixth Century to 1600. London. 1973. 128 p.

Сведения об авторе:
Вадим Борисович Семенов,
канд. филол. наук
доцент
кафедра теории литературы
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vadim B. Semenov,
PhD
Docent
Department of Theory of Literature
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
vadsemionov@mail.ru

О происхождении литературоведческого понятия «полифония»¹

Аннотация: В статье показано, что музыкальный термин «полифония» впервые введен в литературоведческий дискурс в связи с анализом романной поэтики Ф.М. Достоевского не М.М. Бахтиным в книге «Проблемы творчества Достоевского» (1929), а В.Л. Комаровичем в статье «Роман Достоевского “Подросток” как художественное единство» (1924). Прослежены общие источники их открытия: работы русского символиста, поэта-философа Вяч.И. Иванова, с одной стороны, и датского эстетика-неокантианца Б. Христиансена – с другой. Если значение Иванова в предварении взглядов Бахтина давно отмечено исследователями, то вопрос о роли философского бестселлера Христиансена «Философия искусства» (рус. пер.: 1911) в становлении литературоведческого понятия «полифония» поднимается впервые в настоящей статье. Отмечены различия в семантическом наполнении нового термина у обоих достоевсковедов. Если Комарович воспринял «полифонию» в контексте отмеченной Христиансеном «телеологии» произведения и связал ее со «сверхэмпирическим» единством художественной структуры, то Бахтин принципиально противопоставил персонажное «многоголосие» авторской обобщающей воле и указал на несовместимость того и другого.

Ключевые слова: полифония, полифонический роман, Ф.М. Достоевский, М.М. Бахтин, В.Л. Комарович, В.И. Иванов, Б. Христиансен, телеология, доминанта, автор

Abstract: The article asserts that the musical term “polyphony” was for the first time introduced into literary discourse in connection with the analysis of novel by F.M. Dostoyevsky not by M.M. Bakhtin in “Problems of Dostoyevsky’s Art” (1929) but by V.L. Komarovich in the article “Dostoyevsky’s Novel *A Teenager* as an Artistic Unity” (1924). The common sources of their discovery are traced, on the one hand, in the work of the Russian symbolist poet and philosopher V.I. Ivanov, and the Danish esthetician B. Christiansen – on the other. If Ivanov’s role as a forerunner of Bakhtin’s views was observed by researches long ago, but the role of the philosophical bestseller by Christiansen “Philosophy of Art” (Russian translation: 1911) in the development of the concept of literary “polyphony” was for the first time raised in this article. Also the differences in the semantic content of a new term were marked here by both researchers of Dostoyevsky. Komarovich perceived “polyphony” of the work in the context of “teleology” marked by Christiansen and linked it with “superempirical” unity of art structure. Bakhtin funda-

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

mentally opposed the character's "voices" to the author's generalized will and referred to the incompatibility of the both.

Key words: polyphony, polyphonic novel, F.M. Dostoevsky, M.M. Bakhtin, V.L. Komarovich, V.I. Ivanov, B. Christiansen, "teleology", the dominant, the author

Принято считать, что впервые понятие «полифония» использовал в литературоведении М.М. Бахтин в книге «Проблемы творчества Достоевского» (1929). Однако в действительности первым о применении принципа музыкальной полифонии к анализу формы романа Ф.М. Достоевского заговорил В.Л. Комарович в статье «Роман Достоевского "Подросток" как художественное единство» (1924).

Истоки употребления понятия «полифония» в литературоведческих дискурсах исследователи обычно находят в работах Вяч.И. Иванова 1900-1910-х гг., оказавших серьезное влияние как на Бахтина, так и на Комаровича. О полифонии (многоголосии) как об аналоге хоровой соборности в противовес «индивидуальному монологу» Иванов писал еще в 1908 г. в работе «Две стихии в современном символизме»: «В полифоническом хоре каждый участник индивидуален и как бы субъективен. Но гармоническое восстановление строя созвучий в полной мере утверждает объективную целесообразность кажущегося разногласия. Все хоровое и полифоническое, оркестр и церковный орган, служат формально ограждением музыкального объективизма и реализма против вторжения сил субъективного лирического произвола <...>, соборным авторитетом созвучно поддержанного голосами или орудиями общего одушевления»¹.

Однако не менее актуальной для названных российских ученых в 1910-1920-е гг. была книга датского эстетика-неокантианца Б. Христиансена «Философия искусства» (рус. пер.: 1911), в которой литературная форма исследована в общеэстетическом контексте, проведены параллели с формой музыкального произведения и, по сути дела, сформулировано понятие «полифонии» как одного из принципов композиции литературно-художественного произведения.

Несколько слов о полузабытом ныне Христиансене. Бродер Христиансен (1869–1958) – датский философ, эстетик, ученик известного фрейбургского профессора философии неокантианца Г. Риккерта. Христиансен разделял с Риккертом учение о двух типах наук: о природе (изучающих безразличные к человеческим ценностям явления, метод которых является «генерализирующим», обобщающим, дающим возможность образовывать общие понятия путем логического подведения под них единичных явлений) и о культуре (у которых «индивидуализирующий» метод, ориентированный на познание неповторимых, единичных, уникальных, особенных явлений), – а также представление о ценностном характере последних; он применил выводы Риккерта к области эстетики и, уже, искусствознания. Огромное и до сих пор полностью не изученное влияние оказал на российскую литературоведческую мысль упомянутый выше философско-эстетический бестселлер Христиансена «Философия искусства», благодаря которому к русскому читателю впервые пришли такие ставшие общеупотребительными в науке об искусстве и литературе понятия, как «эстетический объект», «доминанта», «телеология», «единство стиля», «преодоление», «дифференциальные ощущения» и др.

Одной из самых продуктивных категорий эстетика-неокантианца стала «доминанта». По наблюдению автора, «эмоциональные факторы эстетического объекта»

¹ Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 149.

не равносильны, есть «доминанта» и ее сопровождающие, которые «усиливают ее своим созвучием, поднимают ее контрастом, окружают игрою вариаций»¹. Кроме того, «выбор доминирующего фактора не дело сознательной воли художника, но его инстинкта. Бывает и так, что в этом вопросе сознательная воля и инстинкт расходятся между собою; тогда сам художник менее всего может уяснить себе направление своего искусства <...>»². Непосредственно в ткани произведения, уточняет Христиансен, «доминанта» подчеркивается «посредством акцента»³.

Воздействие идей Христиансена на Комаровича отметил Бахтин в книге «Проблемы творчества Достоевского», работа над которой началась еще в конце 1910-х гг. Делая обзор имевшихся на тот момент определений типа романа Достоевского, Бахтин рассмотрел среди прочих и точку зрения Комаровича в его статье «Роман Достоевского “Подросток” как художественное единство» (закончена в 1920 г.). Анализируя этот роман, писал Бахтин, «Комарович вскрывает в нем пять обособленных сюжетов, связанных лишь весьма поверхностно фабулярной связью. Это заставляет его предположить какую-то иную связь по ту сторону сюжетного прагматизма <...>. Последнее внесюжетное единство романа Достоевского Комарович истолковывает монологически <...>, хотя он и вводит аналогию с полифонией и с контрапунктическим сочетанием голосов фуги. Под влиянием монополистической эстетики Бродера Христиансена он понимает внесюжетное, внепрагматическое единство романа как динамическое единство волевого акта: “Телеологическое соподчинение прагматически разъединенных элементов (сюжетов) является, таким образом, началом художественного единства романа Достоевского. И в этом смысле он может быть уподоблен художественному целому в полифонической музыке: пять голосов фуги, последовательно вступающих и развивающихся в контрапунктическом созвучии, напоминают «голосоведение» романа Достоевского.

Такое уподобление – если оно верно – ведет к более обобщенному определению самого начала единства.

Как в музыке, так и в романе Достоевского осуществляется тот же закон единства, что и в нас самих, в человеческом «я», – закон целесообразной активности. В романе же «Подросток» этот принцип его единства совершенно адекватен тому, что в нем символически изображено: «любовь-ненависть» Версилова к Ахмаковой – символ трагических порывов индивидуальной воли к сверхличному; соответственно этому весь роман и построен по типу индивидуального волевого акта»⁴.

Как видим, Комарович раньше Бахтина выдвинул концепцию романной формы Достоевского как полифонической.

По мнению же Бахтина, «единство мира Достоевского недопустимо сводить к индивидуальному эмоционально-волевому акцентному единству, как недопустимо сводить к нему и музыкальную полифонию. В результате такого сведения роман “Подросток” оказывается у Комаровича каким-то лирическим единством упрощенно-монологического типа, ибо сюжетные единства сочетаются по своим эмоционально-волевым акцентам, т. е. сочетаются по лирическому принципу»⁵.

¹ Христиансен Б. Философия искусства / Пер. с нем. Г.П. Федотова; под ред. Е.В. Аничкова. СПб.: Шиповник, 1911. С. 204.

² Христиансен Б. Философия искусства. С. 209.

³ Там же.

⁴ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой. 1929. С. 31–32.

⁵ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. С. 33–34.

Обратим внимание на то, что понятие «доминанта», воспринятое русскими формалистами от Христиансена¹, взято последним из теории музыки и затем, через общеэстетическую почву, перенесено на явления других искусств, в том числе художественной литературы. Такое же происхождение имеет понятие «полифония», также, возможно, подсказанное русским литературоведам (но уже не формалистам) еще в 1910-е гг. Христиансеном, – в его учении о сопровождающих «доминанту» мотивах, усиливающих ее своим созвучием или контрастом, окружающих ее игрой вариаций².

Как уже говорилось, первым аналогией романа Достоевского с полифонической музыкой провел Комарович, затем – Бахтин, чье определение «полифонический роман» приобрело широкую известность. Так что ставший крылатым термин с большой долей вероятности обязан своим происхождением не только наследию Вячеслава Иванова, но возник также из размышлений Бахтина над «Философией искусства» Христиансена, с одной стороны, и полемики с ней – с другой, что свидетельствует о полигенетичности названного термина.

Преемство Бахтина в этом аспекте от Иванова давно замечено исследователями (см., например: *Кристева Ю.* Разрушение поэтики (1967) // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: В 2 т. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002; *Садаёси И.* Иванов – Пумпянский – Бахтин // Comparative and Contrastive Studies in Slavic Languages and Literatures. Japanese Contributions to the Tenth International Congress of Slavists. Tokyo, 1988; *Фридендер Г.М.* Достоевский и Вячеслав Иванов // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. СПб.: Наука, 1994; *Есаулов И.А.* Полифония и соборность (М.М. Бахтин и Вяч. Иванов) // Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования. М., 1997; *Тамарченко Н.Д.* «Эстетика словесного творчества» Бахтина и русская религиозная философия: пособие по спецкурсу. М.: РГГУ, 2001; *Махлин В.Л.* Невельская школа. Круг Бахтина // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры. В 2 т. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2002; *Магомедова Д.М.* Полифония // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2008; и др.).

Впрочем, и сам автор «Проблем творчества Достоевского» в обзоре написанной к тому времени «критической литературы» о писателе-классике выделил Иванова как человека, впервые «нащупавшего» «основную структурную особенность художественного мира Достоевского». Бахтин противопоставил Иванова остальным «критикам» Серебряного века: Розанову, Волынскому, Мережковскому, Льву Шестову, пошедшим в деле исследования Достоевского по «пути философской монологизации», – в том, что тот в качестве основного «принципа мирозерцания» Достоевского выдвинул стремление утвердить чужое «я» не как объект, но как «полноправного субъекта». Однако, по мнению Бахтина, этот замеченный Ивановым «этико-религиозный постулат» писателя не стал у критика-символиста основанием для постижения новаторской – «полифонической» – формы романов Достоевского³.

¹ Подробнее см.: *Гречко В.* Скандинавский след: Бродер Христиансен, доминанта и формирование концепции русского формализма // Европа в России: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 299–311.

² См.: *Христиансен Б.* Философия искусства. С. 204.

³ См.: *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. С. 14–16.

Роль же Христиансена в происхождении литературоведческого понятия «полифония» рассматривается впервые. В связи с этим обратим внимание на следующие суждения. Н.К. Бонецкая причисляет Бахтина, высоко ценившего в 1910-е гг. журнал «Логос», к «кантианской линии» русской философии Серебряного века, подчеркивая его чуждость религиозной философии названного периода¹; С.Г. Бочаров называет «Проблемы творчества Достоевского» (замысел которых относится к 1919 г.) «постсимволистским прочтением Достоевского на фоне его символистского прочтения»: унаследовав проблематику Иванова и др. писавших о Достоевском символистов, Бахтин «сменил язык философствования» в соответствии с пройденной им неокантианской школой «самоограничения в последних (т. е. религиозно-метафизических. – *О.Б.*) вопросах». Работы раннего Бахтина – «эстетика, <...> решаемая в теологических терминах; эстетика на границе религиозной философии», но все же «не религиозная философия»². Новизна бахтинского истолкования Достоевского по сравнению с Ивановым – в приоритетном обращении к художественно-эстетическим особенностям произведений писателя («Достоевский-художник и есть мировоззренческий ключ как к “героям-идеологам” Достоевского, да и к нему самому как мыслителю и идеологу»), в переакцентуации с отвлеченных «теоретических» на конкретные «поэтические» задачи Достоевского³.

Отметим, что, рассуждая о «телеологической динамике» музыкального произведения, Христиансен рассматривал случай, когда «все тона мелодии прозвучат сразу и все вместе», – тогда «формой соединения эмоциональных впечатлений будет не экстенсивность, не сосуществование в сознании, но интенсивность, слияние»⁴, другими словами – не последовательность, а одновременность. При этом «телеологическое единство» произведения, по мысли датского эстетика, в то же самое время и «динамическое единство», объединяющее в себе форму и содержание. Недаром именно знаток Христиансена Комарович первым начал искать основу художественного единства романов Достоевского в особенностях других искусств, в первую очередь музыки, и заговорил о полифонии. Кроме того, Комарович, в отличие от Бахтина, в романе Достоевского отметил объединяющую все его «мотивы» «телеологию», связанную с личностью самого автора. «Индивидуальный волевой акт», служащий, по Комаровичу, основой единства романа Достоевского, – это «акт» не персональный, но авторский.

Несомненно, что для Комаровича Христиансен был важным авторитетом⁵ в области понимания художественной формы; литературовед обильно ссылаясь на него в одной из своих ключевых в методологическом отношении статей⁶. Актуальными для Комаровича стали мысли о «волевой природе субъекта», «воле как принципе активности», активности как «устремленности к цели». В основу своей программной статьи Комарович положил концепцию художественного произведе-

¹ Бонецкая Н.К. М. Бахтин в двадцатые годы // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: В 2 т. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 141–143.

² Бочаров С.Г. Событие бытия. О М.М. Бахтине // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: В 2 т. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 281, 293.

³ См.: Махлин В.Л. Невельская школа. Круг Бахтина // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: В 2 т. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2001. С. 129–130.

⁴ Христиансен Б. Философия искусства. С. 84.

⁵ Впрочем, не более важным, чем В.И. Иванов, как и в случае с Бахтиным.

⁶ См.: Комарович В.Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. второй. Л.; М.: Мысль, 1924. С. 31–68.

ния как «телеологического единства», состоящего из «напряженности и разрешения»: его структуру определяет «закон целесообразной активности», присущий индивидуальному «волевому акту» человеческого «я». Предварив бахтинскую концепцию «полифонического романа», Комарович, однако, понимал полифонию не как диалог «живых образов идей» – персонажей и рассказчиков¹, а как взаимоотношение их индивидуальных волей, разными путями вливающихся (или не вливающихся) в «сверхэмпирическое» единство. Как и для Иванова, «сверхэмпирической» целью для Комаровича являлось воссоединение личности с Богом.

Критический разбор Бахтиным статьи Комаровича о «Подростке» обнаружил разность восприятия обоими учеными одного и того же источника – «Философии искусства» Христиансена.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой. 1929. 244 с.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 6–300.

Бонецкая Н.К. М. Бахтин в двадцатые годы // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: В 2 т. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 132–201.

Бочаров С.Г. Событие бытия. О М.М. Бахтине // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: В 2 т. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 277–294.

Гречко В. Скандинавский след: Бродер Христиансен, доминанта и формирование концепции русского формализма // Европа в России: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 299–311.

Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.

Комарович В.Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. второй. Л.; М.: Мысль, 1924. С. 31–68.

Махлин В.Л. Невельская школа. Круг Бахтина // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры. В 2 т. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2001. С. 122–135.

Христиансен Б. Философия искусства / Пер. с нем. Г.П. Федотова; под ред. Е.В. Аничкова. СПб.: Шиповник, 1911. 289 с.

REFERENCES

Bakhtin M.M. (1929) Problems of Dostoevsky's Art. Leningrad: Priboj Publ. 244 p.

Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics. In: Bakhtin M.M. The Collected Works: In 7 v. Vol. 6. Moscow: Russkie Slovarei; Yazyki Slavyanskoj Kul'tury. 2002, pp. 6–300.

Bonetskaya N.K. M. Bakhtin in the Twenties. In: Mikhail Bakhtin: pro et contra. Creativity and Heritage of M.M. Bakhtin in the Context of World Culture: In 2 v. Vol. 2. St.-Peterburg: RKHGI Publ. 2002, pp. 132–201.

Bocharov S.G. The Event of Being. About M.M. Bakhtin. In: Mikhail Bakhtin: pro et contra. Creativity and Heritage of M.M. Bakhtin in the Context of World Culture: In 2 v. Vol. 2. St.-Petersburg. RKHGI Publ. 2002, pp. 277–294.

¹ См.: *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. С. 102.

Grechko V. Nordic Track: Broder Christiansen Identified, the Dominant and the Formation of the Concept of Russian Formalism. In: Europe in Russia: A Collection of Articles. Moscow. Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 2010, pp. 299–311.

Ivanov V.I. (1994) Native and Universal. Moscow. Respublika Publ. 428 p.

Komarovich V.L. Dostoevsky's novel "Teenager" as an artistic unity. In: F.M. Dostoevsky. Articles and Materials / Ed. by A.S. Dolinin. Collection Second. Leningrad; Moscow: Mysl' Publ. 1924, pp. 31–68.

Makhlin V.L. Nevel School. The Bakhtin Circle. In: Mikhail Bakhtin: pro et contra. Creativity and Heritage of M.M. Bakhtin in the Context of World culture: In 2 v. Vol. 1. St.-Petersburg. RKHGI Publ. 2001, pp. 122–135.

Khristiansen B. (1911) Philosophy of Art / Transl. of G.P. Fedotov; Ed. by E.V. Anichkov. St.-Petersburg. Shipovnik Publ. 289 p.

Сведения об авторе:

Ольга Алимовна Богданова,
докт. филол. наук
старший научный сотрудник
Институт мировой литературы, РАН

Olga A. Bogdanova,
Doctor of Philology
Senior Researcher
A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS
olgabogda@yandex.ru

**Первый семинар по художественному переводу для молодежи
(каталанский и русский языки).
МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет, февраль 2016**

А. Брасас

I Seminari de Traducció Literària per a Joves Russoparlants. Rússia, MGU

Аннотация: Мы описываем и анализируем результаты Первого семинара по литературному переводу для молодых носителей русского языка, который проходил 12–26 февраля на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 2015–2016 учебном году. Благодаря этой инициативе, новаторской для России, мы получили возможность обучать русскоговорящих студентов университета литературному переводу с каталанского языка на русский, что будет способствовать знакомству русских читателей с теми произведениями каталонской литературы, которые ранее на русский язык не переводились.

Ключевые слова: переводоведение, художественный перевод с каталанского, переводческая компетенция, дидактика перевода

Resum: Descrivim i analitzem els resultats del I Seminari de Traducció Literària per a Joves Russoparlants que ha tingut lloc del 12 al 26 de febrer a la Facultat de Filologia de la Universitat Estatal Lomonóssov de Moscou durant l'any acadèmic 2015–2016. Amb aquesta iniciativa, pionera a la Federació Russa, hem format joves universitaris russo-parlants en el món de la traducció literària catalana per tal d'assegurar la difusió de la literatura catalana encara no traduïda entre el públic rus.

Paraules clau: Traductologia, traducció literària catalana, competència traductora, didàctica de la traducció

Abstract: We describe and analyse the results of the First Seminar in Literary Translation for Young Russian-Speaking People that took place on February 12–26 at the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University during the academic year of 2015–2016. Due to this initiative, a pioneer one in Russian, we trained Russian-speaking university students in the field of literary translation from Catalan in order to ensure the dissemination of not yet translated Catalan literature among the Russian public.

Key words: translation studies, Catalan literary translation, translator's competence, didactics of translation

La llengua i literatura catalanes continuen essent objecte d'estudi per a Rússia, i una mostra d'aquest interès ha estat el seminari de traducció literària organitzat a la Universitat Estatal Lomonósov de Moscou (MGU) el propassat mes de febrer. Aquest projecte va néixer per tal de commemorar els 20 anys de les Primeres Jornades de Cultura Catalana a Sant Petersburg que es van dur a terme l'abril del 1996, i s'ha dissenyat amb la voluntat de continuar enfortint les relacions entre ambdues cultures i avançar en aquest apassionant camí de les relacions interculturals, tenint en compte que a la MGU s'hi ofereixen estudis de català des de fa gairebé 40 anys.

En aquesta edició s'han format joves universitàries russoparlants en el món de la traducció literària catalana i hem tingut com a objectiu principal assegurar la difusió de la literatura catalana encara no traduïda al públic rus, tenint en compte el perfil de l'alumnat que hi excel·leix. Per donar continuïtat a aquesta iniciativa, Marina Abràmova coordinarà un curs de traducció literària del català al rus al Departament de Literatures Estrangeres de la Facultat de Filologia de la MGU.

El dies 12 i 13 de febrer va tenir lloc la sessió teòrica del seminari. L'eminent traductora Marina Abràmova inicià el seminari amb la conferència "Història de les traduccions del català al rus", i seguidament tingueren lloc les comunicacions sobre traducció literària del català al rus i viceversa a càrrec dels eminents traductors i l'excel·lent professorat convidats especialment per a l'ocasió: Margarida Ponsatí, Anna Urzhumtseva, Miquel Cabal i Anna Bakànova.

El dia 13 de febrer arrencà el primer taller pràctic de la mà del traductor Miquel Cabal. L'alumnat afrontà les dificultats que suposa traduir autors com Andrei Platónov o Serguei Dovlàtov al català. Per fer-ho, van analitzar els diferents registres i estils de la llengua d'origen i d'arribada per aportar possibles solucions a l'hora de traduir al català, tasca no gens fàcil, tenint en compte que l'alumnat no és nadiu.

El cap de setmana del 19 i 20 de febrer les traductores Marina Abràmova i Anna Urzhumtseva van conduir la segona sessió pràctica del projecte. A la primera part, van presentar les dificultats de traducció de textos literaris com les rondalles populars mallorquines recollides per Mn. A. M. Alcover i la novel·la *Tirant lo Blanc*. Van explicar la metodologia, les etapes de traducció d'un text literari i van analitzar les característiques lèxiques de les obres tenint en compte les peculiaritats dels textos antics i dialectals. A la segona part, van discutir aspectes essencials de la traducció de prosa contemporània a partir de la novel·la *Jo Confesso* de Jaume Cabré i els contes del recull *l'illa de Maians* de Quim Monzó. El treball pràctic de traducció va incloure, entre d'altres coses, la reflexió sobre les dificultats lèxiques i de comprensió específiques d'ambdues obres i els criteris i mètodes que s'han d'adoptar a l'hora de redactar notes al text.

El 26 i 27 de febrer va tenir lloc l'última sessió del seminari, basada en la traducció poètica. La traductora i poeta Xènia Dyakonova fou l'encarregada de conduir la sessió. Va iniciar el taller amb una breu introducció sobre la seva trajectòria professional i la seva visió de la traducció de poesia a partir de dos poemes de collita pròpia traduïts per ella mateixa al català. L'objectiu era el d'exemplificar la metodologia emprada per poder reflexionar sobre el resultat tenint en compte els reptes que suposa traduir poesia. Tot seguit, ponent i assistents van treballar conjuntament per tal de traduir al rus poemes inèdits de Melcion Mateu i Gemma Gorga, poetes destacats del panorama literari català actual. En aquest punt cal destacar (tal i com ho va fer també la pròpia Xènia

Dyakonova) la capacitat de les alumnes per treballar en equip amb entrega, talent, exigència, generositat i esperit de col·laboració, tenint en compte les versions de les seves companyes, la qual cosa va permetre la producció de quatre traduccions poètiques d'un nivell molt notable.

En conclusió, considerem que el seminari ha estat excepcionalment profitós per a les estudiants, sobrepasant de llarg les expectatives inicials. Les alumnes han gaudit enormement de l'experiència i han ampliat els coneixements en traducció literària del català, a més de començar a considerar-la com a possible opció professional. Així mateix, hem refermat l'opinió que el professorat convidat per a l'ocasió era l'idoni per dur a terme aquesta tasca, que ha estat d'una complexitat extraordinària.

Aquest projecte ha estat possible, també, gràcies a la inestimable participació de la traductora Margarida Ponsatí, coorganitzadora de les jornades i responsable tant del seu disseny com de l'organització i presentació dels continguts.

L'Institut Ramon Llull, l'Àrea de Llengua i Universitats i l'Àrea de Literatura i Pensament han organitzat el seminari conjuntament amb la Universitat Estatal Lomonósov de Moscou.

Сведения об авторе:

Анна Брасас,
преподаватель каталанского языка
кафедра иберо-романского языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anna Brasas,
Lecturer of Catalan
Department of Ibero-Romance Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
annabrasas@gmail.com

Микел Кабал-Гуарро

Как переводить Платонова и не казаться самым бездарным переводчиком в мире¹

Аннотация: В данной статье рассматривается первая и основная проблема, с которой сталкивается любой переводчик Платонова, – необходимость найти подходящую для этого автора интонацию на иностранном языке, и вопрос в том, достижима ли эта цель. Сложность заключается еще и в том, что интонация, соответствующая текстам Платонова, всегда оказывается немного странной, и переводчик, обращаясь к произведениям этого автора, рискует своей репутацией достойного и добросовестного профессионала.

Ключевые слова: Андрей Платонов, литературный перевод, переводоведение, перевод на каталонский язык, перевод с русского языка

Abstract: The article concerns the first and the main problem any translator of Platonov comes across: the way to find a right voice for the author in the foreign language and the very possibility to achieve this goal. The hardest part of this work lies in the fact that the right voice of Platonov is always an odd one, so the translator risks his or her reputation of a good and accurate translator.

Key words: Andrey Platonov, literary translation, translation studies, Catalan translation, Russian translation

La langue de Platonov est des plus étranges. Elle n'a pas d'antécédents dans la tradition littéraire ni d'équivalents parmi les écrivains de la même génération. Sa nouveauté, souvent déconcertante, ne doit rien aux colifichets symbolistes ni aux violences spectaculaires de l'expressionnisme. L'avènement des temps nouveaux, avec leur lexique, leur jargon, leur mots d'ordre, leur reconstruction rigoureuse et puérile de l'univers, y laisse évidemment sa trace et vient y alourdir ou y dénaturer le parler des humbles, frères ou enfants de l'auteur.

Луи Мартинес (1933–2016, *in memoriam*)²

Уже почти десять лет назад я впервые оказался наедине с «Чевенгуром» Андрея Платонова, так как мне заказали перевести его на каталонский язык. На предва-

¹Я написал эту статью по-каталонски. Приношу благодарность за перевод моей коллеге Ксении Дьяконовой, которая помогает мне всегда, когда я в этом нуждаюсь.

²Вступление переводчика Луи Мартинеса к французскому изданию *Tchevengour*. Мартинес умер 6 февраля 2016 г. Кроме Платонова, он переводил на французский язык Мандельштама, Пастернака, Пушкина и других авторов.

рительный перевод первой фразы у меня ушло немало времени, и я почувствовал, что эта работа неизбежно станет поворотной точкой на моем пути начинающего переводчика.

Как известно, в работе над любым литературным переводом мы сталкиваемся с рядом сложностей, поэтому поначалу продвигаемся с трудом. Действительно, эти сложности сильно затрудняют работу на начальной стадии, но затем постепенно исчезают, и переводческий процесс становится все более динамичным по мере продвижения вперед. Тем не менее природа тех сложностей, с которыми я столкнулся при переводе Платонова, убедила меня в том, что дальше не станет легче, а, скорее, наоборот. Я понял, что трудностей будет накапливаться всё больше, если я не найду способ не столько преодолеть их, сколько перенести их в пространство каталанского языка именно в виде трудностей. Я решил, что пришло время создать каталанский язык Платонова.

Роберт Чандлер, выдающийся переводчик Платонова на английский язык, опубликовавший ряд статей и исследований об авторе, утверждает: «It is too easy to translate [Platonov] into unusual English; it is a great deal harder to find a language that is convincingly odd, a language whose wrongness has a certain rightness»¹.

При чтении любого платоновского текста по-русски сразу создается впечатление, что в нем что-то не так. Читатель чувствует, что русский язык автора не совпадает с его собственным языком и что текст написан не совсем по-русски – или, по крайней мере, это не тот русский язык, который обычно используется как в литературных, так и в нелитературных текстах. Но в данном случае, разумеется, читатель имеет дело с подлинником и осознает, что эти странности языка обусловлены эстетическим выбором автора, а не прихотью неловкого посредника.

Каталонский же читатель, столкнувшись со странным и неуклюжим языком, скорее всего решит, что перед ним плохой перевод, – перевод, лишенный гладкости исключительно по вине неумелого переводчика. Именно этого эффекта следует избегать при переводе Платонова. Всегда лучше не рассказывать об особенностях книги кому-то, кто как раз собирается прочесть ее, но в случае платоновских произведений без этого трудно обойтись.

Есть один более или менее распространенный подход к переводу, при котором перевода сравнивается с процессом «приручения». В этой статье я отнюдь не собираюсь исследовать классическую переводческую дихотомию «приручение – отчуждение»². Для меня очевидно, что в любом литературном переводе должны сочетаться черты того и другого, и стремление доказать, что есть только одна правильная переводческая стратегия, – это, как минимум, слишком упрощенный взгляд. Так или иначе, я хочу воспользоваться понятием «приручение» потому, что оно допускает двойную трактовку, уместную в данном случае. В толковом словаре каталанского языка у глагола «приручить» два основных значения: во-первых, «сделать ручным» (как правило, дикое животное), а во-вторых, «сделать более легким в общении» (например, нелюдимого человека).

Воспользуемся этим сравнением и проясним смысл первого значения: *сделать ручным* – значит «одомашнить, сделать родным». Поэтому, если мы захотим приручить странный (или дикий, следуя буквальному определению) текст, он должен стать родным, своим, домашним. Он должен будет вписаться в наше окру-

¹ Chandler R. Translating Soul // In Other Words: The Journal for Literary Translators. 2002. № 20. P. 10.

² Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. 2nd ed. London; N.Y.: Routledge, 2008; Nida Eugene A. Contexts in Translating. Amsterdam: John Benjamins Publ. 2001. (X, 125 p.)

жение, в некотором смысле, даже в нашу повседневную жизнь. Если мы добавим к этому смысловую нагрузку второго значения, мы поймем, что нам нужно также сделать текст более «легким в обращении», т. е. доступным. Одним словом, мы должны помочь читателю приблизиться к «нелюдимому» тексту.

Именно в этом суть проблемы: язык Платонова нелюдим. Он нелюдим настолько, что русскому читателю то и дело может казаться, что автор обращается с ним пренебрежительно. Вследствие этого может также сложиться впечатление, что все дело в пренебрежительном отношении переводчика не только к читателю, но и к тексту оригинала.

Итак, перед нами встает задача почти неразрешимая. Я полагаю, что есть один бесспорный принцип: странность, присущую платоновскому языку, необходимо передать на том языке, на который мы переводим. Создание этого «дикого» языка – одно из главных и самых ярких достижений автора. Возвращаясь к приведенной выше цитате из Р. Чандлера, следует отметить, что самое трудное при переводе Платонова – найти язык, «whose wrongness has a certain rightness».

В моем понимании, британский переводчик отстаивает особую, чарующую странность – неуклюжий и в то же время упоительный язык. Короче говоря, я считаю, что при переводе Платонова мы должны писать одновременно хорошо и плохо, правильно и неправильно, поэтично и в то же время грубо. В одной из личных записей автора (1931–1932) сказано, что «писать надо не талантом, а человечностью – прямым чувством жизни»¹. И мне кажется, что в «прямом чувстве жизни» заключено то постоянное противоречие, которое сопровождает нас ежедневно.

Копёнкин, революционер и Дон Кихот «Чевенгура», утверждает, что «когда будет всё сложно, тесно и непонятно, тогда честному уму выйдет работа, а прочему элементу в узкие места сложности не пролезть»². Таким образом, «сложность» становится единственно возможной средой, способствующей развитию и сохранению честного ума. И эта «узкая» и непонятная сложность вполне может быть отражением определенного противоречия, – противоречия, проявляющегося в большинстве платоновских произведений, например при сочетании утопических и дистопических элементов. В связи с этим некоторые исследователи называют платоновские произведения метаутопиями³.

Как же можно переводить Платонова и при этом не казаться самым бездарным переводчиком в мире? Я не знаю точного ответа, но мне кажется, что единственный путь – последовать совету автора и переводить человечно. Андрей Платонов не разработал никакой специальной стратегии, чтобы озадачить читателя. Он не был ни тенденциозным, ни догматичным автором. Поэтому как переводить, так и читать Платонова, как мне кажется, тоже нужно без заранее продуманных стратегий, избегая предвзятости и не следуя никаким догмам. А главное – человечно.

¹ Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии / Сост. Н.В. Корниенко; Публ. М.А. Платоновой. М.: Наследие, 2000. С. 97.

² Платонов А. Чевенгур. Котлован / Сост. Н.В. Корниенко; под ред. Н.М. Малыгиной. М.: Время, 2009. С. 135.

³ Striedter Ju. Journeys through Utopia: Introductory Remarks to the Post-Revolutionary Russian Utopian Novel // Poetics Today. 1982. № 3(1).; Morson G.S. The Boundaries of Genre: Dostoevsky's Diary of a Writer and the Traditions of Literary Utopia. Austin: University of Texas Press, 1981; Seifrid T. Andrei Platonov, Uncertainties of Spirit. Cambridge University Press, 1992.

«The greater part of a translator's work [...] has to do with something more diffuse and harder to talk about: the constant search, line by line, for the right rhythm, the right tone, the right voice»¹.

ЛИТЕРАТУРА

Venuti L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. 2nd ed. London; N.Y.: Routledge, 2008. 319 p.

Morson G.S. *The Boundaries of Genre: Dostoevsky's Diary of a Writer and the Traditions of Literary Utopia*. Austin: University of Texas Press, 1981. XI, 219 p.

Nida Eugene A. *Contexts in Translating*. Amsterdam: John Benjamins Publ., 2001. X, 125 p.

Platonov Andreï. *Tchevengour*. Paris: Robert Laffont, 1996. 432 p.

Платонов А.П. *Записные книжки. Материалы к биографии* / Сост. Н.В. Корниенко; Публ. М.А. Платоновой. М.: Наследие, 2000. 421 с. (2-е изд.: М.: ИМЛИ РАН, 2006).

Платонов А. *Чевенгур. Котлован* / Сост. Н.В. Корниенко; под.ред. Н.М. Малыгиной. М.: Время, 2009. 608 с.

Seifrid T. *Andrei Platonov, Uncertainties of spirit*. Cambridge University Press, 1992. 273 p.

Chandler R. *Translating Soul // In Other Words: The Journal for Literary Translators*. 2002. № 20. P. 9–14.

Striedter Ju. *Journeys through Utopia: Introductory Remarks to the Post-Revolutionary Russian Utopian Novel // Poetics Today*. 1982. № 3(1). P. 33–60.

REFERENCES

Venuti L. (2008) *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. 2nd ed. London; N.Y.: Routledge. 319 p.

Morson G.S. (1981) *The Boundaries of Genre: Dostoevsky's Diary of a Writer and the Traditions of Literary Utopia*. Austin. University of Texas Press. XI, 219 p.

Nida Eugene A. (2001) *Contexts in Translating*. Amsterdam. John Benjamins Publ. X, 125 p.

Platonov Andreï. (1996) *Tchevengour*. Paris. Robert Laffont Publ. 432 p.

Platonov A.P. (2000) *Notes. Materials to the Biography* / Eds. N.V. Kornienko, M.A. Platonova. Moscow: Nasledie Publ. 421 p. (2nd ed.: Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS. 2006).

Platonov A. (2009) *Tchevengour. Cotlovan* / Eds. N.V. Kornienko, N.M. Malygina. Moscow. Vremya Publ. 608 p.

Seifrid T. (1992) *Andrei Platonov, Uncertainties of Spirit*. Cambridge University Press. 273 p.

Chandler R. *Translating Soul. In Other Words: The Journal for Literary Translators*. 2002. No 20, pp. 9–14.

Striedter Ju. *Journeys through Utopia: Introductory Remarks to the Post-Revolutionary Russian Utopian Novel. Poetics Today*. 1982. No 3(1), pp. 33–60.

Сведения об авторе:
Микел Кабал-Гуарро,
переводчик, исследователь
Центр по Социолингвистике и Общению
Барселонский Университет

¹ Chandler R. *Translating Soul // In Other Words: The Journal for Literary Translators*. 2002. № 20. P. 14.

Miquel Cabal Guarro,
Translator, Researcher
University Centre for Sociolinguistics and Communication (CUSC)
University of Barcelona

Miquel Cabal Guarro,
traductor literari, investigador
del Centre Universitari de Sociolingüística i Comunicació
Universitat de Barcelona
miquelcabal@ub.edu

М.А. Абрамова

Из истории переводов каталонской литературы в России

Аннотация: В статье дается обзор основных тенденций переводов каталонской литературы на русский язык начиная с 1970-х гг. Отмечается зависимость переводческой стратегии от политической ситуации в Испании и России (Советском Союзе), выявляются несколько направлений переводов: современной поэзии и нарратива, средневековых произведений, фольклора. Отмечается важность переводческих интернет-порталов для распространения каталонской литературы, а также необходимость проведения мастер классов и семинаров по художественному переводу в первую очередь среди студентов для сохранения преемственности традиций русской переводческой школы. В статью включена обширная библиография русских переводов каталонской художественной литературы.

Ключевые слова: каталонская литература, художественный перевод, издательская стратегия, мастер-класс по переводу

Abstract: The article provides a survey of the main tendencies of the Catalan literature into Russian since 1970s. It is noted that the strategy of translation depends on the political situation in Spain and Russia (the Soviet U.). Several trends of translation are revealed: modern poetry and narrative, medieval compositions, folklore. The author stresses the importance of translators' web-portals for the dissemination of Catalan literature and the necessity of master-classes and seminars for the students investigating literary translation in order to preserve continuity of the Russian school of translation. The article provides an immense bibliography of Russian translations of Catalan fiction.

Key words: Catalan literature, literary translation, publishing strategy, master-class on translation

Данная статья является переработанным текстом выступления, открывавшего международный мастер-класс по художественному переводу с каталанского языка на русский и с русского на каталанский, который проходил в феврале-марте 2016 г. Я не ставлю перед собой задачу дать исчерпывающую статистику переводов каталонских авторов на русский язык. Если кто-то желает составить о них достаточно полное представление, то может обратиться к библиографическому указателю, выполненному сотрудником ВГБИЛ В.Г. Гинько «Художественная

литература Испании в русской печати. Каталонская литература»¹. Самому указателю предпосылается вступительная статья составителя, где приводится много любопытных данных о русско-каталонских культурных контактах в XIX и начале XX в. Но поскольку я имела счастливую возможность в течение нескольких десятилетий принимать участие в процессе знакомства русского читателя с произведениями каталонской литературы, то мне хотелось бы поделиться своими наблюдениями и, может быть, воспоминаниями о том, каким образом происходило уже в последней четверти XX в. формирование «каталонского фонда» в современной русскоязычной литературе.

Следует все же сказать, что, как справедливо отмечает В. Гинько, «открытие» Каталонии и ее литературы для российского читателя произошло во второй половине XIX в., когда русские путешественники – публицисты, литераторы, ученые – стали часто пересекать Пиренеи, чтобы узнать реальное лицо Испании – «без мантилий и кастаньет» – и запечатлеть его в своих корреспонденциях, очерках, путевых заметках. Только один каталонец приобрел известность в наших краях значительно раньше: в России XVII–XVIII вв. неожиданный и своеобразный отклик нашло наследие Рамона Люля» [6: 2]. Русские, побывавшие в Каталонии, открывают своим соотечественникам, что это совсем особая область Испании, со своим языком и традициями, рассказывают о спектаклях, газетах и журналах, выставках и пр. Но после революции 1917 г. в России каталонская культура оказалась в общем-то забытой. Хотя в тридцатые годы могла вдруг появиться заметка о «литературной жизни в республиканской Испании» (в журнале «Иностранная литература») с сообщением о присуждении литературной премии поэту Жозепу Льеонарту (за сборник «Элегии»), который, вообще говоря, все же не самый выдающийся каталонский поэт XX века... Причины этого – экстракультурные. С одной стороны, франкистский режим, с другой – сталинский, направленные, по сути, на культурную изоляцию собственной страны.

Однако в 1960-е гг., когда диктаторская хватка ослабляется в Испании, а в Советском Союзе начинается оттепель, первые переводы «нового поколения» начинают публиковаться. Сначала в литературных журналах, в первую очередь в «Иностранной литературе», – и это поэзия и рассказы. Пока что это совсем немногочисленные первые ласточки. Настоящее «вторжение» каталонской литературы в русскоязычное пространство начинается после смерти Франко. Этому способствовала в том числе целенаправленная культурная политика испанского посольства в России и, в частности, господина Антонио Самаранча: он передал много книг и в Московский университет, и во ВГБИЛ, пополнив там коллекцию ДИНа, благодаря которой, кстати, мы, студенты и аспиранты, в конце 1970-х гг. еще читали многие книги на каталанском языке. Кроме того, А. Самаранч выступил с инициативой внедрения каталонистики как полноценной дисциплины в систему университетского образования; в рамках ее с 1977 г. началось преподавание каталанского языка стараниями И.О. Бигвавы (была даже создана экспериментальная группа с каталанским в качестве первого), а с 1979 – истории каталонской литературы, который было поручено вести мне. Был также учрежден каталонский лекторат, и в 1979 г. приехал первый преподаватель – носитель языка Мария-Мерсе Сенабре и Жункоза. С тех пор работа лекторов не прерывалась ни на один год.

¹ Сборник был выпущен в 1998 г. в издательстве «Рудомино» и выложен на сайте кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ: forlit.philol.msu.ru/lib-ru

Следует признать, что инициатива в области каталонских штудий и переводов принадлежала Москве. Первое основательное знакомство с каталонской поэзией, пока что современной, состоялось благодаря публикации сборника «Огонь и розы» [16]. Он открывался поэзией Жуана Марагала и завершался стихами Пере Жимферре. Русский читатель знакомился также с творчеством таких классиков каталонской поэзии двадцатого столетия, как Жузеп Карне, Салвадор Эсприу, Жузеп-Мария де Сагарра, Жузеп-Висенс Фош. Я имела честь писать к нему предисловие, а кроме того работать с одним из переводчиков – Павлом Моисеевичем Грушко (наряду с ним переводили Марк Евсеевич Самаев и Сергей Филиппович Гончаренко; все трое были к тому времени известнейшими переводчиками с испанского). П.М. Грушко, не знавший каталанского, несмотря на имеющиеся испанские переводы многих каталонских стихов, просил меня сделать подстрочники, читать вслух оригиналы и отнестись к своей работе очень ответственно и, я бы сказала, трепетно. Мне кажется, ему особенно удалось переводы из Жуана Салвата-Папассейта, каталонского поэта-авангардиста начала XX в. В те времена презентаций книг в современном понимании не существовало, однако о выходе в свет интересных новинок тем не менее знали все. Ведь их было не так уж и много. Они исчезали с прилавков мгновенно. И покупали их люди, совсем не связанные с филологией, и вообще не гуманитарии. Помню, что, когда я пожаловалась одной знакомой, которая была врачом, что у меня не осталось ни одного экземпляра этой книги, она вдруг мне принесла его через несколько дней, выпросив у своей медсестры – та пожертвовала книгу мне, уже успев ее прочитать... Как видите, я на собственном опыте убедилась, что каталонская поэзия, так сказать, стала достоянием масс.

Но надо отдать должное питерцам (тогда еще ленинградцам): они не замедлили восполнить лагуну, которая присутствовала в сборнике «Огонь и розы», и в 1984 г. осуществили издание каталонской поэзии начиная с ее истоков – стихов Рамона Льюля, Жорди де Сан Жорди, Аузиаса Марка и других – и заканчивая поэтами XX в. При этом они представили новые переводы Ж. Карне, С. Эсприу, Г. Феррате, Ж. Салвата-Папассейта [7]. Таким образом, очень быстро читатель получил возможность представить себе более полно всю каталонскую поэзию и более объемно – поэтов современных. Это не всегда случается даже с более известными и «благополучными» литературами. В дальнейшем в русской переводческой практике сохраняются два направления – знакомить публику как с современной литературой, так и средневековой. К сожалению, XIX в. практически не представлен в русской культуре, в частности, ждет своего переводчика творчество каталонского Жуковского – Жасинта Вердагера, прежде всего его замечательная поэма «Каниго», равно как творчество замечательных писателей рубежа XIX–XX вв. – драматурга Анжела Гимера и романиста Виктора Каталя. Да и начало XX в. только-только раскрывается перед нашими читателями, опять же стараниями питерцев: Е. Зернова перевела несколько произведений классика каталонского модернизма Сантьяго Русиньола, «Повесть о сеньоре Эстеве» и два сборника его рассказов [20; 21; 22].

Еще одним большим событием стал выход в свет в 1981 г. романа Мерсе Родореды «Площадь Диамант» в переводе Эллы Брагинской, сначала в журнальном варианте («Иностранная литература») – верный признак того, что его прочтет огромное количество людей, а затем отдельной книгой [18]. Надо сказать, что три первые книги – оба сборника стихов и роман Родореды – были выпущены по инициативе сверху. Да иначе в те времена ничего издать и нельзя было, разве

что самиздатом. И авторы отбирались не переводчиками, а опять-таки предлагались «компетентными специалистами». Правда, политические соображения играли тут не последнюю роль. Так, например, Мануэл де Сеабре, писатель средней руки, получил премию Дружбы народов и – право на перевод своего романа «Бумажные солдатики», вышедший в 1985 г. в переводе А. Садикова. Хотя внутренняя рецензия на него была не слишком лестная. Но, правда сказать, большинство произведений каталонских авторов, отобранных для перевода, все же составляли золотой фонд каталонской литературы.

Характерно, что вслед за сборниками поэзии печатаются сборники рассказов писателей Каталонии [18], а также – что означает, безусловно, особое признание – монографические сборники произведений одного автора. Такой привилегии удостоились Пере Калдерс [10] (в замечательных переводах М. Киени, а также – В. Федорова и Н. Матяш) и, конечно, Салвадор Эсприу, один из классиков каталонской литературы XX в. [26] Эсприу безусловно является лидером по количеству переводов на русский. Некоторые его стихи переведены в трех, а то и в четырех вариантах. Его переводили С. Гончаренко, Вс. Багно, М. Киеня, И.О. Бигвава, Г. Мостовой, П. Скобцев, А. Косс, П. Грушко, В. Федоров, Е. Якименко... Переведена его лирика, его рассказы, пьесы... Он, наверно, наиболее известный в России каталонский писатель и наиболее притягательный для переводчиков (хотя и не самый простой).

Начиная с перестройки издательская деятельность меняется: постепенно становится возможным «пробиться в печать» со своими заветными предложениями. Так, впервые была представлена панорама современной каталонской драматургии в переводе И. Глущенко [1]. Кроме того, появляются два сборника, подготовленные каталонскими Московского университета: «Каталонская культура: история и современность» [12] и «Каталонская культура: вчера и сегодня» [11]. Помимо научных исследований в них предложены новые переводы. С одной стороны, С. Эсприу, а также замечательного поэта, номинированного на Нобелевскую премию по литературе, – Микела Марти и Пола. А с другой – «Lo llibre d'Amic i Amat» Рамона Льюля. К сожалению, переведено было не все произведение, а лишь вступление и пролог. Название его весьма не просто для передачи на русский язык; автор первого опубликованного перевода, Д.Л. Гуревич, предлагает вариант «Книга о Друге и Господине». А вот В.Е. Багно, подготовивший в 1997 г. целый том Рамона Льюля в серии «Литературные памятники», озаглавил его «Книга о любящем и возлюбленном». В этот же том включены «Книга о рыцарском ордене», «Книга о животных» и «Песнь Рамона» [13]. Впервые Рамон Льюль, великий современник Данте, был представлен в России в столь полном и научно подготовленном издании, с основательной сопроводительной статьей В.Е. Багно. Надо отметить, что Рамон Льюль, точнее его сочинения, имели очень интересную и неожиданно богатую судьбу в России. В XVII–XVIII вв. было сделано несколько десятков списков переложения его «Великого искусства» («*Arts Magna*»), основного теологического труда, причем заказчиками рукописей были представители разных сословий, как дворянского, так и «неученого» – купеческого. Льюль представал в России исключительно в качестве великого мистика и в XIX в. стал героем поэмы А.К. Толстого «Алхимик». Однако «русский Льюль» был несколько однобокой и искаженной фигурой, разумеется. Поэтому восстановление его подлинного облика, в том числе и как основателя каталонской литературы, необходимо. Нельзя не отметить предпринятых в этом отношении уси-

лий не только Д.Л. Гуревича, В.Е. Багно, А. Косс¹, но и Е.М. Вольф [5] – автора первого собственно филологического очерка о Льюле, а также Н. Чернейко [25]. Однако многие его сочинения все еще нуждаются в переводе, прежде всего его роман «Эваст и Блакерна».

При том, что средневековая каталонская словесность дала миру очень большое количество подлинных шедевров, на русский язык переведено сравнительно мало. Это роман «Тирант Белый» Мартуреля, вышедший в серии «Литературные памятники» в 2005 г. Я тоже имела счастье участвовать в его подготовке и переводе. Мне помогали Е. Гущина, Г. Денисенко и П. Скобцев [14]. Перевод средневекового произведения – это, разумеется, особая тема, которой должны быть посвящены переводческие семинары. Я хотела бы подчеркнуть, что нам очень помогли наши каталонские коллеги; особая благодарность Рафаэлю Алеманю и Антону Эспадалеру, профессорам Валенсийского и Барселонского университета. Помимо перевода было сделано более тысячи комментариев, что, как нам кажется, дает возможность современному русскому читателю лучше понять и полюбить роман.

Из переводов современных романов последнего десятилетия самыми интересными стали «В пьянящей тишине» А. Санчеса Пиньоля, «Свитер» Б. Бускетс и «Я исповедуюсь» Ж. Кабре [23; 2; 9]. Замечательным событием в истории каталонской культуры в России стала публикация посвященного каталонской литературе специального номера журнала «Иностранная литература» в 2010 г. [8] В нем приняли участие ведущие переводчики-каталонисты и были представлены самые разные жанры современной каталонской литературы: роман, пьесы, эссе, поэзия, рассказы.

Русская читающая публика имеет счастливую возможность познакомиться также с фольклорными произведениями Каталонии, которые необычайно красивы и многочисленны. Интересно, что первые переводы каталонских романсов вышли в Советском Союзе в журнале «Красная новь» в 1937 г. в переводе Владимира Ильича Нейштадта. Но в эпоху русского ренессанса каталонской литературы романсы вошли в состав питерского сборника «Из каталонской поэзии» уже в переводе М. Квятковской [7: 22–35]. А в 2011 г. стараниями А.О. Уржумцевой появилось изящное двуязычное издание сказок Мальорки [17]. На иберо-романской кафедре написаны курсовые и дипломные работы по каталонскому фольклору, будем надеяться, что эти усилия также завершатся публикацией переводов.

В нашу эпоху существует еще один замечательный способ опубликования переводов – интернет-издания. Один из самых крупных и престижных форумов переводчиков – это «Век перевода», организованный Е. Витковским. В нем участвуют многие наши выпускники, делающие переводы с разных языков. Я рада сообщить, что там появились переводы средневековой лирики Алины Звонаревой. Она очень удачно, на мой взгляд, переводит стихи Аузиаса Марка, Анселма Турмеды, Жорди де Сан Жорди².

Следует сказать, что работа семинаров по переводу – вещь необыкновенно плодотворная. Говорю это исходя из собственного опыта. Когда-то, а именно в 2002–2003 учебном году, на филологическом факультете МГУ был организован студенческий семинар по переводу одного из сборников рассказов Кима Монзо. Что из этого получилось – можно оценить, почитав книгу «Остров Майянс» [15]. Аналогичным образом и в Санкт-Петербургском университете Е. Зернова прово-

¹ А. Косс принадлежат единственные русские переводы поэзии Рамона Льюля. См.: Из каталонской поэзии. М.; Л., 1984. С. 36–40.

² www.vekperevoda.com/1950/zvonareva.htm

дила поэтический семинар, участники которого познакомили русскую публику с творчеством молодых поэтов Каталонии [24].

Поэтому в заключении мне хотелось бы поблагодарить всех, кто каким-то образом причастен к проведению этого семинара, и в первую очередь – неутомимую Анну Бразас, нынешнего лектора каталанского языка. Именно ей пришла в голову идея организовать усилия каталонистов разных поколений для того, чтобы поделиться знаниями, накопленным опытом и, возможно, вдохновить кого-то на новые переводы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барселонские премьеры. М., 1994. 298 с.
2. *Бускетс Б.* Свитер. М., 2008. 320 с.
3. *Васильева-Шведе О.К.* Каталанский и галисийский языки в культуре народов Пиренейского полуострова // IBERICA. Культура народов Пиренейского полуострова. Л., 1983. С. 116–136.
4. Время верных зеркал. СПб., 2001. 199 с.
5. *Вольф Е.М.* К истории каталонистики в России // IBERICA. Культура народов Пиренейского полуострова. Л., 1983. С. 137–149.
6. *Гинько В.Г.* Художественная литература Испании в русской печати. Каталонская литература. М., 1998. 61 с.
7. Из каталонской поэзии. Л., 1984. 232 с.
8. Иностранная литература. 2010. № 11. 198 с.
9. *Кабре Ж.* Я исповедуюсь. СПб., 2015. 736 с.
10. *Калдерс П.* Шутки судьбы. М., 1997. 223 с.
11. Каталонская культура: вчера и сегодня. М., 1997. 191 с.
12. Каталонская культура: история и современность. М., 1993. 63 с.
13. *Льюль Р.* Книга о любящем и возлюбленном. Книга о рыцарском ордене. Книга о животных. Песнь Рамона. СПб., 1997. 284 с.
14. *Мартурель Ж., Галба Ж.-М.* Тирант Белый. М., 2005. 832 с.
15. *Монзо К.* Остров Майянс. М., 2004. 192 с.
16. Огонь и розы. М.: Прогресс, 1981. 272 с.
17. Пять майоркинских сказок Антони М. Алковера (каталанский – русский) Манасог, 2011. 158 с.
18. Рассказы писателей Каталонии. М., 1987. 272 с.
19. *Родореда М.* Площадь Диамант. М., 1982. 224 с.
20. *Русиньол С.* Повесть о сеньоре Эстеве. СПб., 2009. 278 с.
21. *Русиньол С.* Серенький городок СПб., 2010. 239 с.
22. *Русиньол С.* Глиняные птицы. СПб., 2012. 217 с.
23. *Пиньоль Санчес.* В пьянящей тишине. М., 2006. 223 с.
24. Тень другого моря. Современная каталонская поэзия. СПб., 2000. 419 с.
25. *Чернейко Н.Г.* Философия Рамона Льюля // Каталонская культура вчера и сегодня М., 1997. С. 6–29.
26. *Эсприу С.* Избранное. М., 1987. 432 с.

REFERENCES

1. Barcelona's Premieres. Moscow. 1994. 298 p.
2. Busquets Blanca. (2008) Sweater. Moscow. 320 p.

3. Vasiljeva-Shvede O.K. Catalan and Galician Language in the Culture of the Peoples of the Iberian Peninsula. In: IBERICA. the Culture of the Peoples of the Iberian Peninsula. Leningrad. 1983. pp. 116–136.
4. Time of Faithful Mirrors. St.-Petersburg. 2001. 199 p.
5. Volf E.M. On the history of Catalan studies in Russia. In: IBERICA. the Culture of the Peoples of the Iberian Peninsula. Leningrad. 1983. pp. 137–149.
6. Ginko V.G. (1998) Fiction of Spain in the Russian Print. Catalan Literature. Moscow. 61 p.
7. From the Catalan Poetry. Leningrad. 1984. 232 p.
8. Inostrannaya Literatura. 2010. No 11. 198 p.
9. Cabre Jaume. (2015) I Am Coming Clean. St.-Petersburg. 2015. 736 p.
10. Calders Pere. (1997) Jokes Fate. Moscow. 223 p.
11. Catalan Culture: Yesterday and Today. Moscow. 1997. 191 p.
12. Catalan Culture: Past and Present. Moscow. 1993. 63 p.
13. Llull Ramon. (1997) The Book of the Lover and the Beloved. The Book is about a Knightly Order. The Book is about Animals. Song of Ramon. St.-Petersburg. 284 p.
14. Martorell Joanot, Galba Martí Joan de. (2005) Tirant the White. Moscow. 832 p.
15. Monzó Quim. (2004) Maians Island. Moscow. 192 p.
16. Fire and roses. Moscow. Progress Publ. 1981. 272 p.
17. Five Majorcan tales of Antoni M. Alcover (Catalan – Russian). Manacor. 2011. 158 p.
18. The Stories of the Catalan Writers. Moscow. 1987. 272 p.
19. Rodoreda i Gurguí Mercè. (1982) The Time of the Doves. Moscow. 224 p.
20. Rusiñol i Prats Santiago. (2009) The Tale of Mr Esteve. St.-Petersburg. 278 p.
21. Rusiñol i Prats Santiago. (2010) The Grey People. St.-Petersburg. 239 p.
22. Rusiñol i Prats Santiago. (2012) The Clay Birds. St.-Petersburg. 217 p.
23. Piñol Albert Sánchez. (2006) In the Heady Silence. Moscow. 223 p.
24. A Shadow of Another Sea. Contemporary Catalan Poetry. St.-Petersburg. 2000. 419 p.
25. Cherneyko N.G. Philosophy of Ramon Llull. Catalan Culture: Yesterday and Today. Moscow. 1997, pp. 6–29.
26. Espriu i Castelló Salvador. (1987) The Selected Works. Moscow. 432 p.

LITERATURA

- Busquets Blanca. (2006) El jersey. Barcelona. 222 p.
- Cabré Jaume. (2011) Jo confesso. Barcelona. 1008 p.
- Llull Ramon. (1980) Llibre d'Amic i Amat. Llibre d'Ave Maria. Barcelona, pp. 19–105.
- Llull Ramón. (1988) Llibre de l'ordre de cavalleria. Barcelona. 245 p.
- Llull Ramón. (2015) Llibre de les besties. Barcelona. 205 p.
- Llull Ramón. Cant de Ramon (magpoesia.mallorcaweb.com/llull/cant.html)
- Martorell Joanot, Galba J.-M. de. (1979) Tirant lo Blanc. Barcelona. 1299 p.
- Monzó Quim. (2000) L'Illa de Maians. Barcelona. 179 p.
- Rodoreda Mercè. (1988) La plaça del Diamant. Barcelona. 193 p.
- Rusinyol Santiago. (1979) L'auca del senyor Esteve. Barcelona. 171 p.
- Rusinyol S. (1902) El poble gris. Barcelona. 324 p. (taller.iec.cat/OCSR/documents/docs_pub/34.pdf)
- Rusinyol S. (1917) Ocells de fang. Barcelona. 309 p. (taller.iec.cat/OCSR/documents/docs_pub/94_1.pdf)

Piñol Sánchez Albert. (2002) La pell freda. Barcelona. 305 p.

Сведения об авторе:

Марина Анатольевна Абрамова,
канд. филол. наук
доцент
кафедра истории зарубежной литературы
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina A. Abramova
PhD
Associate Professor
Department of Foreign Literature History
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
m.a.abramova@gmail.com

Об истории испанской интонологии

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические вопросы испанской интонологии и история изучения испанской интонации. Анализируются основные подходы к описанию интонации испанских и латиноамериканских интонологов. Помимо описания просодических теорий Т. Наварро Томаса, А. Льорака и А. Килиса, которые традиционно находятся в центре внимания испанской фонетики, статья также содержит анализ актуального состояния испанской интонологии и краткий обзор исследований в этой области, выполненных в последние десятилетия.

Ключевые слова: испанская интонология, история изучения интонации, просодия, мелодический контур, тонема, Т. Наварро Томас, Х. М. Соса

Abstract: This article concerns the theoretical issues of Spanish intonology and the history of Spanish intonation studies. It presents the main ideas of various approaches used by Spanish and Latin American phoneticians for intonation description. In addition to reviewing the prosodic theories proposed by T. Navarro Tomás, A. Llorach and A. Quilis, on which the study of Spanish phonetics has traditionally been emphasized, this article also contains an analysis of the current state of Spanish intonology as well as a brief overview of researchers' work in this field during the last several decades.

Key words: Spanish intonology, history of intonation studies, prosody, melodic pattern, toneme, T. Navarro Tomás, J. M. Sosa

Интонология как отдельная дисциплина начала формироваться в Испании в начале XX в. в трудах Томаса Наварро Томаса. Т. Наварро Томас (1884–1979) – ученик Рамона Менендеса Пидалья, диалектолог, член Королевской Академии испанского языка – является основоположником испанской интонологии и родоначальником экспериментальной фонетики в Испании. Его теория оказала значительное влияние на развитие последующих концепций испанской интонации.

В центре теории Т. Наварро Томаса стоит описание мелодических контуров. Такой подход позволяет описывать целые интонационные структуры, которые отличаются по значению. Однако в испанской фонетике, в отличие от русской, не ставился вопрос определения точного количества базовых интонационных единиц испанского языка, подобных русским интонационным конструкциям (ИК), описанным Е.А. Брызгуновой.

В работах Т. Наварро Томаса большое внимание уделяется значениям, передаваемым интонационными контурами: модальности предложения, выражению синтаксических отношений между его частями. Т. Наварро Томаса интересует проблема соотношения интонации и синтаксиса, он не ограничивается анализом только просодических признаков, но рассматривает также синтаксическую структуру и коммуникативные типы предложений, связанные с различными контурами. Просодия понимается как дополнительное средство грамматической системы языка, она может выражать грамматически контрастные значения: «La tradición gramatical, que no sin resistencia, ha ido concediendo algún espacio a la pronunciación de los sonidos en el estudio de las lenguas modernas empieza a advertir que las formas de la entonación... actúan también en muchos casos con el carácter y papel de verdaderos elementos gramaticales»¹.

Свою модель испанской интонации Т. Наварро Томас излагает в «Пособии по испанскому произношению»² и в «Пособии по испанской интонации»³. Способ представления интонации в виде интонационных контуров может быть мотивирован дидактической целью. С точки зрения практики преподавания языка удобно выделять целые интонационные структуры, передающие различные значения. В тексте пособий, помимо теории, содержится большое количество практических советов для иностранных учащихся, которые хотят овладеть испанским произношением, в конце обоих учебников находятся раздел с упражнениями и тексты для чтения вслух. Пособия ориентированы на письменный текст, особое внимание уделяется разработке вопросов интонационной стилистики.

Т. Наварро Томас руководил фонетической лабораторией в Центре Исторических Исследований. Составленный им корпус содержит тексты, прочитанные Хосе Ортегой-и-Гассетом, Мигелем де Унамуно, Асорином, Антонио Мачадо и другими выдающимися современниками. Т. Наварро Томас стремился создать точную теорию, основанную на экспериментальных данных. Инструментом, с помощью которого он проводил измерения, был кимограф⁴, изменение частоты основного тона измерялось в музыкальных интервалах. В некоторых случаях он предлагает уподобить слоги слов нотам. Например, объясняя, чем отличается слово ¡*Espera!* (Подожди!), произнесенное с повелительной интонацией, от того же слова (*él*) *espera* ([он] ждет), произнесенного с повествовательной интонацией, Т. Наварро Томас поясняет, что в первом случае слоги этого слова соотносятся между собой, как ноты си-фа-фа, а во втором случае, как соль-до-ми.

Т. Наварро Томас разделяет понятия ударения и интонации и признает мелодику основным интонационным средством, так как она легче всего воспринимается при перцептивном анализе; таким образом, он ограничивается рассмотрением мелодического компонента просодии. Описывая интонационные контуры испанского языка, Т. Наварро Томас наглядно демонстрирует их в виде мелодических кривых (*inflexión tónica, curva melódica*). В случаях, когда мелодический контур различных предложений идентичен и недостаточно проанализировать направле-

¹ *Navarro Tomás T. Manual de entonación española. 4a ed. Madrid, 1974 [1944]. S. 306.*

² *Navarro Tomás T. Manual de pronunciación española. 18a ed. Madrid, 1974 [1918].* Здесь и далее перевод названия наш.

³ *Navarro Tomás T. Manual de entonación española. 4a ed. Madrid, 1974 [1944].* « Грамматическая традиция, с трудом признававшая важность науки о произношении звуков в изучении современных языков, начинает замечать, что интонационные контуры... во многих случаях ведут себя как настоящие грамматические элементы».

⁴ Прибор для записи кривой звуков в экспериментальной фонетике.

ние движения тона, чтобы передать различие в их звучании, Т. Наварро Томас прибегает к описаниям других составляющих интонационного оформления.

Функциональной единицей интонации, согласно Т. Наварро Томасу, является предложение (*frase*). Он выделяет три просодические характеристики высказывания: фонологическая структура предложения, мелодическая единица и тип интонации.

Фонологическая структура предложения состоит из двух частей: начальной – *rama tensiva, la prótasis* в терминологии Т. Наварро Томаса, и конечной – *rama destentiva, la apódosis*. Каждая из этих двух частей состоит из одной или нескольких мелодических групп (*grupo melódico*). Мелодические группы состоят, в свою очередь, из одной или нескольких мелодических единиц (*unidad melódica*).

Мелодическая единица является базовой единицей интонации и состоит из начальной мелодической кривой (*inflexión inicial*), основной (*cuervo*) и финальной (*inflexión final*) – термины, аналогичные английским терминам *pre-head, head* и *nucleus*. Финальная мелодическая кривая, или тонема, – наиболее информативная и коммуникативно значимая часть мелодической единицы. В пособиях подробно описываются ее виды и значения.

Согласно рассматриваемой теории, существует **четыре основных типа интонации**: логическая (*lógica*), повелительная (*volitiva*), эмоциональная (*emocional*) и идиоматическая (*idiomática*). Логическая интонация встречается в повествовательном и вопросительном предложениях. Тонемы повествовательной интонации, согласно Т. Наварро Томасу, бывают следующие: *cadencia* (значительное понижение тона), *anticadencia* (значительное повышение тона), *semicadencia* (небольшое понижение тона), *semianticadencia* (небольшое повышение тона), *suspensión* (ровное движение тона). Для других видов интонации Т. Наварро Томас также выделяет тонемы: в зависимости от вида вопроса тонемами вопросительной интонации могут являться тонемы *interrogación, absoluta, aseverativa, continuativa, relativa, intensificativa*; повелительной и эмоциональной интонации соответствуют повелительная (*desiderativo*) и эмоциональная (*emocional*) тонемы. Идиоматическую интонацию Т. Наварро Томас не рассматривает подробно, так как особенности различного произношения разбираются им в работах, посвященных диалектологии испанского языка.

Ф.Х. Кантеро Серена в работе «Теория и анализ интонации»¹ указывает на то, что в системе, предложенной Т. Наварро Томасом, содержатся некоторые несоответствия. Так, сначала для каждого типа интонации выделяются собственные тонемы, а затем утверждается, что пять тонем повествовательной интонации подходят для описания всех типов интонации; в частности, общий вопрос задается с тонемой *anticadencia*.

Фонологическое направление в изучении интонации представляет Аларкос Льорак (1922–1998), главный проводник европейского структурализма на Пиренейском полуострове. Фонологические концепции Пражской лингвистической школы получили распространение и известность в Испании благодаря его фундаментальному труду «Испанская фонология»². В первой части этой работы А. Льорак описывает и классифицирует различные способы просодического выделения на уровне слова и фразы, он выделяет минимальную единицу, обладающую просодической характеристикой, – просодему, равную фонологическому слогу и выполняющую различительную функцию. А. Льорак во многом опирается на работы Т. Наварро Томаса,

¹ *Cantero Serena F.J. Teoría y análisis de la entonación. Edicions de la universitat de Barcelona, 2002.*

² *Llorach A. Fonología española. 5a reimpressió. Madrid, 1981 [1950].*

он полагает, что главной составляющей интонации, ее конститутивным элементом, является пограничный тон, иначе *тонема*: «Lo verdaderamente pertinente en la entonación es esa inflexión final; mientras que los tonos anteriores pueden funcionar sin sujeción a un esquema rígido»¹. Согласно А. Льюраку, все элементы интонационной структуры высказывания, кроме пограничного тона, форма которого однозначно определяется синтаксической структурой предложения, могут варьироваться в зависимости от различных лингвистических и экстралингвистических факторов (коммуникативных целей, эмоционального состояния, намерений, социального статуса, происхождения, индивидуальных особенностей говорящего). Он также описывает универсальные интонационные оппозиции и отмечает универсальный характер выражения некоторых значений и эмоций.

Важный вклад в развитие испанской интонологии внесли работы А. Килиса (1933–2003). А. Килис также представляет фонологическое направление в изучении интонации. Его интересует проблема выделения единиц интонации и поиск минимальных смысловоразличительных единиц просодического уровня; он рассматривает способы выделения интонационных единиц, подобных *тонемам*.

Рассуждая о теории, предложенной Т. Наварро Томасом, А. Килис сравнивает европейскую традицию изучения интонации, описывающую интонацию в виде мелодических контуров, и американскую, для которой характерен анализ мелодических ярусов. А. Килис пытается совместить оба подхода и выделяет особый набор фонологически противопоставленных просодических элементов.

Для анализа испанской интонации он постулирует три вида просодических фонем: **ярусы** (*niveles*), **ударение** (*acentos*), **пограничный тон** (*junturas*). Согласно этому делению в испанском языке можно выделить три мелодических яруса: высокий, средний, низкий – и два вида ударения: сильное и слабое. А. Килис предлагает рассматривать *тонемы* *semicadencia* и *semianticadencia*, выделенные Т. Наварро Томасом, как частный случай нисходящего и восходящего пограничных тонов, поэтому в испанском языке, согласно А. Килису, пограничный тон может быть только двух типов: нисходящий, если предложение выражает идею законченности, завершенности, и восходящий, если предложение выражает идею незавершенности. Вслед за Т. Наварро Томасом, А. Килис полагает, что интонация – часть грамматической системы, он рассматривает интонационное оформление предложения в связи с его синтаксической структурой и семантикой.

А. Килис подробно описывает основные функции интонации, соответствующие трем функциональным уровням: лингвистическому, эмоционально-экспрессивному и социолингвистическому.

Кроме разработки общетеоретических проблем интонации, А. Килис занимался сравнительным интонационным исследованием различных испанских и латиноамериканских диалектных зон.

А. Идальго в работе «Некоторые аспекты испанской интонации: старые и новые подходы» утверждает, что идеи Т. Наварро Томаса и А. Килиса до сих пор имеют большое влияние на Пиренейском полуострове: «todavía no se hayan superado descripciones «antiguas», como las de Navarro Tomas (1944) o Quilis (1980–81) so-

¹ Llorach A. Fonología española. S. 51. «Главной составляющей интонации является пограничный тон, предшествующие же тоны могут варьироваться и не укладываются в какую-либо строгую схему»

bre el sistema entonativo del español»¹, современный этап исследования интонации характеризуется разнообразием подходов к ее описанию.

Во многих современных работах испанских фонетистов для описания интонации используется модель, предложенная Дж. Пьерхамберт. Эта модель была разработана для английского языка с опорой на некоторые положения метрической и автосегментной фонологии. Венесуэльский исследователь Хуан Мануэль Соса в работе «Испанская интонация. Звуковая структура, изменяемость и диалектология»² предлагает ввести в данную модель несколько изменений, которые позволяют более адекватно и точно применить ее к испанскому языку и описывать явления просодии испанского языка.

Х.М. Соса отмечает, что большинство интонационных групп испанского языка начинаются с тона, близкого к нейтральному (*base tonal* или *tono neutral*)³, из этого следует, что, в отличие от английского языка, нет необходимости в его уточнении (Н% или L%) ввиду того, что в испанской интонации нет феноменов, подобных английскому *hight pre-head*.

Другой феномен, в котором также нет необходимости при описании испанской интонации, – «групповой тон»⁴ (*phrase accent*) английского языка. Групповой тон располагается между последним тональным акцентом и конечным пограничным тоном, он используется, в основном, для описания некоторых особенностей конечных интонационных контуров английского языка, как правило, в тех случаях, когда конечный пограничный тон располагается далеко от последнего тонального акцента. Для анализа испанского языка этот вид тона не является обязательным, так как в испанском языке, как в языке с фиксированным центром фразового выделения (*núcleo fijo*), расстояние между последним тональным акцентом и конечным пограничным тоном не может быть больше двух неударных слогов, почему и не возникает оппозиции для различения типов значений.

Х.М. Соса подробно останавливается на описании всех возможных в испанском языке, в том числе в его латиноамериканских вариантах, претонем (предъядерных тональных структур) и финальных тоном (ядерных тоном) и описывает передаваемые ими значения. Основным критерием для выделения претонемы и тономы является противопоставленность другим претонемам и тономам на уровне содержания.

Некоторые испанские авторы критически относятся к ярусному способу представления интонации, тем не менее Королевская Академия испанского языка (RAE) принимает именно эту модель описания в «Проекте новой грамматики испанского языка»⁵, при написании которого, как говорится в предисловии, были учтены новейшие достижения структурной лингвистики, выделяются четыре интонационных яруса, отстоящих друг от друга последовательно на четыре полутона. Сторонником такого подхода к описанию интонации является также Мартинес Сельдран, руководитель фонетической лаборатории университета Барселоны и издательства *Estudios de Fonética Experimental* («Ярусный анализ: американская

¹ *Hidalgo A.* Aspectos de la entonación española: viejos y nuevos enfoques. Madrid, 2006. S. 84. «“Старинные” представления об интонационной системе испанского языка Т. Наварро Томаса (1944) и Килиса (1980–81) все еще не преодолены».

² *Sosa J.M.* La entonación del español. Su estructura fónica, variabilidad y dialectología. S.A. 1999.

³ *Sosa J.M.* La entonación del español. Su estructura fónica, variabilidad y dialectología. С. 94.

⁴ *Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Общая фонетика. М., 2001. С. 502.

⁵ RAE. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Madrid, 1973.

школа»¹). Главный недостаток этой модели, по мнению Х.М. Гарридо, состоит в сложности ее практического применения: «El principal problema que plantea el uso de este sistema es que resulta muy difícil llevarlo a la práctica: al analizar una curva, es bastante complicado determinar en qué nivel se halla cada segmento de la misma, y dónde se da el paso de un nivel a otro. Además, al estar limitado a unos pocos tonos el número de unidades, la cuantificación hace que se puedan perder variaciones que quizá son relevantes»².

В работах испанских и латиноамериканских интонологов, занимающихся исследованием не только мелодических, но и других фонетических интонационных характеристик речи, упор делается на коммуникативные аспекты функционирования интонационных контуров в речи и на прагматическую составляющую интонации. Предметом изучения является «просодическое поведение» говорящего³, а материалом для подобных работ служат записи живой звучащей речи. Среди исследователей стоит упомянуть в первую очередь А. Идальго («Интонация разговорной речи: разграничительная функция и единицы речи», «Экспрессивность и прагматическая функция интонации в разговорной речи. Некоторые частые употребления», «Речевая модальность и интонация. Заметки о прагматическом функционировании в речи суперсегментных элементов»⁴), Гарсия Риверона, занимающегося кубинским испанским («Некоторые аспекты испанской интонации I: методология», «Некоторые аспекты испанской интонации II: акустический анализ записей испанского языка на Кубе», «Некоторые аспекты интонации III: функции интонации испанского языка на Кубе», «Функции интонации: первое приближение к фактам»⁵), Монроя Касаса, изучающего мурсийский диалект испанского языка («Интонационная система современного разговорного мурсианского испанского: коммуникативные и поведенческие аспекты»⁶), и Эскандея Видаля («Вопросительные высказывания. Семантические и прагматические аспекты»⁷). Исследователи сосредотачивают свои усилия на определении функций интонации, на изучении ее использования в разных реги-

¹ *Martínez Celdrán E.* Análisis por niveles: la escuela americana // *Teorías de la entonación* / P. Prieto. (Ed.) Barcelona, 2003.

² *Garrido J.M.* Modelización de patrones melódicos del español para la síntesis y el reconocimiento de habla. Bellaterra, 1991. С. 15. «Главный недостаток этой системы состоит в сложности ее практического применения: во время анализа мелодической кривой достаточно сложно определить, на каком уровне произносится каждый ее сегмент и в какой момент происходит переход с одного уровня на другой. Кроме того, если ограничиться лишь несколькими тонами, при измерении могут быть не учтены некоторые колебания, которые, возможно, являются важными».

³ «<...> En estos casos interesa principalmente la realidad del comportamiento prosódico del hablante...» (*Hidalgo A.* Aspectos de la entonación española: viejos y nuevos enfoques. Madrid, 2006. S. 66).

⁴ *Hidalgo A.* La entonación coloquial. Función demarcativa y unidades de habla. Valencia. Universitat de València, 1997; *Hidalgo A.* Expresividad y función pragmática de la entonación en la conversación coloquial. Algunos usos frecuentes. Oralia, 1998; *Hidalgo A.* Modalidad oracional y entonación. Notas sobre el funcionamiento pragmático de los rasgos suprasegmentales en la conversación. Moenia, 2001.

⁵ *García Riverón R.* Aspectos de la entonación hispánica. I: Metodología. Cáceres, 1996; *García Riverón R.* Aspectos de la entonación hispánica. II Análisis acústico de muestras del español de Cuba. Cáceres, 1996; *García Riverón R.* Aspectos de la entonación hispánica. III Las funciones de la entonación en el español de Cuba. Cáceres, 1998; *García Riverón R.* El significado de la entonación: primer acercamiento a los datos. Gralia, 2002.

⁶ *Monroy Casas.* El sistema entonativo del español murciano coloquial: Aspectos comunicativos y actitudinales. Estudios Filológicos, 2002.

⁷ *Escandell Vidal M.V.* Los enunciados interrogativos. Aspectos semánticos y pragmáticos // *Bosque L. y Demonte V.* Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, 1998.

страх речи и на поиске прагматических вариантов интоном в зависимости от коммуникативно-прагматической установки говорящего.

К числу последователей функционального подхода можно отнести Ф.Х. Серена Кантеро. Его работы отличает интерес к формальному устройству (фонологической составляющей) интонации¹. В работах этого автора внимание уделяется не конкретным речевым реализациям, а глубинной структуре интонации. Ф.Х. Серена Кантеро считает, что на абстрактном уровне интонационным контурам соответствуют тонемы, которые в речи реализуются в виде интонационных контуров (аллоконтур, *alocontornos*). Кантеро выделяет ряд фонологических признаков, характеризующих тонемы испанского языка, при этом в центре его рассмотрения по-прежнему остается мелодическая составляющая интонационного оформления высказывания в испанском языке.

В последние десятилетия в Испании также получили распространение прикладные исследования просодии. Главным последователем перцептивного метода голландской школы на Пиренейском полуострове является Х.М. Гарридо². Он использует просодическую модель IPO (input – process – output) при описании интонации испанского языка и занимается вопросами синтеза и автоматического распознавания испанской речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Kodzасов С.В., Кривнова О.Ф.* Общая фонетика. М., 2001. 592 с.
- Cantero Serena F.J.* Teoría y análisis de la entonación. Barcelona, 2002. 234 p.
- Escandell Vidal M.V.* Los enunciados interrogativos. Aspectos semánticos y pragmáticos // Bosque, L y Demonte, V. Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, 1998. 3929–3991 p.
- García Riverón R.* Aspectos de la entonación hispánica. I: Metodología. Cáceres, 1996. 195 p.
- García Riverón R.* Aspectos de la entonación hispánica. II: Análisis acústico de muestras del español de Cuba. Cáceres, 1996. 197 p.
- García Riverón R.* Aspectos de la entonación hispánica. III: Las funciones de la entonación en el español de Cuba. Cáceres, 1998. 190 p.
- García Riverón R.* El significado de la entonación: primer acercamiento a los datos. Gralia, 2002. 75 p.
- Garrido J.M.* Modelización de patrones melódicos del español para la síntesis y el reconocimiento de habla. Bellaterra, 1991. 132 p.
- Garrido J.M.* Modelling Spanish Intonation for Text-to-Speech Applications. Tesis doctoral. Departamento de Filología Española Universitat Autònoma de Barcelona, 1996. 75 p.
- Garrido J.M.* La estructura de las curvas melódicas del español: propuesta de modelización. *Lingüística Española Actual*, 2001. 23(2), pp. 173–210.
- Hidalgo A.* La entonación coloquial. Función demarcativa y unidades de habla. Valencia. Universitat de València, 1997. 244 p.
- Hidalgo A.* Expresividad y función pragmática de la entonación en la conversación coloquial. Algunos usos frecuentes // *Oralia*, 1. 1998, pp. 69–92.

¹ *Cantero Serena F.J.* Teoría y análisis de la entonación. Edicions de la universitat de Barcelona, 2002.

² *Garrido J.M.* La estructura de las curvas melódicas del español: propuesta de modelización. *Lingüística Española Actual*, 2001; *Garrido J.M.* Modelling Spanish Intonation for Text-to-Speech Applications. Tesis doctoral. Departamento de Filología Española Universitat Autònoma de Barcelona, 1996.

Hidalgo A. Modalidad oracional y entonación. Notas sobre el funcionamiento pragmático de los rasgos suprasegmentales en la conversación // *Moenia*, 7. 2001, 271–292 p.

Hidalgo A. Aspectos de la entonación española: viejos y nuevos enfoques. Madrid, 2006. 96 p.

Llorach A. Fonología española. 5a reimpresión. Madrid, 1981 [1950]. 290 p.

Martinez Celdrán E. Analisis por niveles: la escuela americana // Teorias de la entonacion / P. Prieto. (Ed.). Barcelona, 2003, pp. 63–95.

Monroy Casas. El sistema entonativo del español murciano coloquial. Aspectos comunicativos y actitudinales. Estudios Filológicos, 2002, 215 p.

Navarro Tomás T. Manual de pronunciación española. 18a ed. Madrid, 1974 [1918], 326 p.

Navarro Tomás T. Manual de entonación española. 4a ed. Madrid, 1974 [1944], 306 p.

Pierrehumbert J. B. The phonology and phonetics of English intonation, PhD thesis, MIT . Distributed 1988, Indiana University Linguistics Club. 401 p.

RAE Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Madrid, 1973, 594 p.

Sosa J. M. La entonación del español. Su estructura fónica, variabilidad y dialectología. S.A. 1999, 474 p.

Quilis A. Tratado de fonología y fonética españolas. 2a ed. Madrid, 1999 [1993], 558 p.

Quilis A. Principios de fonología y fonética españolas. 10a ed. Madrid, 2010 [1997], 86 p.

REFERENCES

Cantero Serena F.J. (2002) Teoría y análisis de la entonación. Barcelona. 234 p.

Escandell Vidal M.V. Los enunciados interrogativos. Aspectos semánticos y pragmáticos. En: Bosque L., Demonte V. Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid. 1998, pp. 3929–3991.

García Riverón R. (1996) Aspectos de la entonación hispánica. I: Metodología. Cáceres. 195 p.

García Riverón R. (1996) Aspectos de la entonación hispánica. II: Análisis acústico de muestras del español de Cuba. Cáceres. 197 p.

García Riverón R. (1998) Aspectos de la entonación hispánica. III: Las funciones de la entonación en el español de Cuba. Cáceres. 190 p.

García Riverón R. (2002) El significado de la entonación: primer acercamiento a los datos. Grial. 75 p.

Garrido J.M. (1991) Modelización de patrones melódicos del español para la síntesis y el reconocimiento de habla. Bellaterra. 132 p.

Garrido J.M. (1996) Modelling Spanish Intonation for Text-to-Speech Applications. Tesis doctoral. Departamento de Filología Española Universitat Autònoma de Barcelona. 75 p.

Garrido J.M. La estructura de las curvas melódicas del español: propuesta de modelización. *Lingüística Española Actual*. 2001. No 23(2), pp. 173–210.

Hidalgo A. (1997) La entonación coloquial. Función demarcativa y unidades de habla. Valencia. Universitat de València. 244 p.

Hidalgo A. Expresividad y función pragmática de la entonación en la conversación coloquial. Algunos usos frecuentes. *Oralia*. 1998. No 1, pp. 69–92.

Hidalgo A. Modalidad oracional y entonación. Notas sobre el funcionamiento pragmático de los rasgos suprasegmentales en la conversación. *Moenia*. 2001. No 7. pp. 271–292.

- Hidalgo A. (2006) Aspectos de la entonación española: viejos y nuevos enfoques. Madrid. 96 p.
- Kodzasov S.V., Krivnova O.F. (2001) General Phonetics. Moscow. 592 p.
- Llorach A. (1981) Fonología española. 5a reimpresión. Madrid. 290 p. (1a reimpresión: 1950)
- Martinez Celdrán E. Analisis por niveles: la escuela americana. En: P. Prieto (Ed.) Teorias de la entonacion. Barcelona. 2003, pp. 63–95.
- Monroy Casas. (2002) El sistema entonativo del español murciano coloquial: Aspectos comunicativos y actitudinales. Estudios Filológicos. 215 p.
- Navarro Tomás T. (1974) Manual de pronunciación española. 18a ed. Madrid. 326 p. (1a ed.: 1918)
- Navarro Tomás T. (1974) Manual de entonación española. 4a ed. Madrid. 306 p. (1a ed.: 1944)
- Pierrehumbert J.B. The Phonology and Phonetics of English Intonation. PhD Thesis, MIT. Distributed 1988. Indiana University Linguistics Club. 401 p.
- RAE Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Madrid. 1973. 594 p.
- Sosa J.M. (1999) La entonación del español. Su estructura fónica, variabilidad y dialectología. S.A. 474 p.
- Quilis A. (1999) Tratado de fonología y fonética españolas. 2a ed. Madrid, 1999. 558 p. (1a ed.: 1993)
- Quilis A. (2010) Principios de fonología y fonética españolas. 10a ed. Madrid. 86p. (1a ed.)

Сведения об авторе:

Пронина Мария Кирилловна,
магистрант
кафедра иберо-романского языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria K.Pronina,
Graduate student
Department of Ibero-Romance Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
promarusia@icloud.com

И.В. Стефанчиков

Популизм как политическая стратегия (на примере дискурса партии «Подemos»)

Аннотация: В статье рассматривается специфика понятия «популизм» в политической теории и реализация данной политической стратегии в дискурсе испанской партии «Подemos». Статья содержит результаты исследования, проведенного на материале устных выступлений представителей партии, и может быть полезна всем, кто занимается изучением особенностей политического дискурса, а также интересуется междисциплинарными исследованиями в области филологии, социологии и политологии.

Ключевые слова: политика, популизм, политический дискурс, Испания, «Подemos»

Abstract: The article explores the concept of “populism” in political theory and the realization of a given political strategy in the discourse of the Spanish political party “Podemos”. The article is based on the research carried out on speeches made by party representatives. This article may be of use to anyone researching the characteristics of the political discourse as well as to anyone interested in pursuing interdisciplinary approaches to philology, sociology and political science.

Key words: politics, populism, political discourse, Spain, “Podemos”

Контекст: Испания в начале XXI в.

Появление в испанской политике партии «Подemos» (исп. *Podemos* – «Мы можем») вызвало широкий общественный резонанс. Образованная сравнительно недавно – в январе 2014 г., она смогла быстро завоевать популярность, что позволило ей занять третье место на генеральных выборах в парламент Испании в декабре 2015 г., отняв значительную часть электората у двух партий, десятилетиями доминировавших в испанской политике, – *PSOE* («Испанская социалистическая рабочая партия») и *Partido Popular* («Народная партия»). Важно отметить, что партия «Подemos» выросла из протестного движения, в связи с чем представляется целесообразным обратиться к социально-политическому контексту ее возникновения.

Экономический кризис, в который вступила Испания в 2008 г., заметно отразился на экономике страны и на благосостоянии ее жителей. Так, уровень безработицы в Испании вырос с докризисного показателя в 8,23% до 26,09% в 2013 г. Безрабо-

тица среди молодежи достигла в том же году отметки в 55,48%¹. Около 13 миллионов человек в 2013 г. – 27,3% населения – были подвержены риску оказаться за чертой бедности².

Испанское правительство перед лицом кризиса пошло на реформы, рекомендованные так называемой «Тройкой»³. Меры, получившие название «политика жесткой экономии» (*austeridad*), будучи направлены на снижение бюджетного дефицита, включали в себя сворачивание социально ориентированных программ, урезание зарплат и пенсий, расходов на здравоохранение и образование, а также повышение налогов.

Непопулярность мер «жесткой экономии» и обилие резонансных коррупционных скандалов, обострение борьбы за независимость Каталонии – все это стало причиной активизации социальных движений и всплеска протестных акций. Кульминационным моментом протестного движения стало *15-M*, движение «возмущенных» (*los indignados*). 15 мая 2011 г. сотни тысяч людей вышли на улицы под лозунгами: «Наши мечты не влезают в ваши избирательные урны», «Реальная демократия, сейчас же!», «Поколение “ни-ни”: ни *PP*, ни *PSOE*» и др. Протесты визуализировали общественный запрос на политические перемены.

Возможно, именно это стало причиной появления партий нового формата: *Ciudadanos* («Граждане»), *Vox*, *EQUO*, *Partido X* («Партия Икс»). Одной из них стала партия «Подemos», дискурс которой был выбран нами для изучения.

«Подemos»: не «левые vs. правые», а «народ vs. власть»

Традиционной для европейской политики конфигурацией политического пространства является разделение на «левых» и «правых», берущее свое начало во Французской революции 1789–1799 гг. Термины *la izquierda* и *la derecha* находятся в центре внимания любого политического обсуждения в испанских СМИ. Представители партии «Подemos» прямо заявляют, что придерживаются политических убеждений левой части спектра: «Es evidente que los que estamos aquí somos de izquierdas, se nos nota, pero lo que estamos diciendo va mucho más allá de etiquetas ideológicas...»⁴ («Очевидно, что все мы здесь левых взглядов, достаточно одного взгляда, чтобы это понять, но то, о чем мы говорим, значительно шире каких бы то ни было идеологических ярлыков»⁵).

Тот факт, что «Подemos» – левая партия, подтверждается, в том числе, при лингвистическом анализе. В частности, используются термины, характерные для дискурсов левых политических сил: *redistribución y justicia social*, *derechos sociales*, *clase trabajadora*, *neoliberal*.

Тем не менее дискурс «Подemos» в противовес этому привычному делению политического поля на «левых» и «правых» акцентирует внимание на противостоянии «народа» и «власти»: «El eje izquierda-derecha configura una geografía que no

¹ Данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm; data.oecd.org/unemp/youth-unemployment-rate.htm

² См. статью на портале ежедневной испанской газеты *El Mundo*: www.elmundo.es/espana/2015/02/10/54d9e51be2704ec57c8b4582.html

³ «Тройка» – описательное наименование трех организаций: Европейского центрального банка (ЕЦБ), Европейской комиссии (ЕК) и Международного валютного фонда (МВФ).

⁴ В качестве примеров в данной статье использованы фрагменты устных выступлений представителей партии «Подemos» за период с января 2014 по декабрь 2015 г., отобранные и объединенные нами в корпус.

⁵ Здесь и далее перевод наш.

sirve para el cambio» («Ось “левые – правые” формирует пространство, в котором не могут произойти перемены»)

На наш взгляд, это обусловлено тем, что дискурсивной стратегией партии стал **популизм**, что во многом определило особенности ее дискурса.

Прежде чем перейти к рассмотрению понятия «популизм», представляется важным отметить, что в своем исследовании мы опираемся на ключевое положение социального конструкционизма: коллективные идентичности не существуют вне и до дискурса, будучи создаваемы дискурсивно (ср. представление о «воображаемых сообществах» у Б. Андерсона⁶).

Популизм: к определению

Термин «популизм» не имеет общепринятого значения.

Получая в СМИ и в ходе политических обсуждений устойчивые пейоративные коннотации, «популизм» в бытовом понимании означает тактику заигрывания с широкими народными массами, спекулирование на проблемах общества в целях снискать популярность, а также идеологию, которая базируется на подобной тактике. Так, например, словарь Испанской Королевской Академии (*DRAE*) дает термину *populismo* следующее определение: *1. m. popularismo. 2. m. Tendencia política que pretende atraerse a las clases populares. U. m. en sent. despect⁷*.

Подобное понимание популизма перекликается с представлением о «психологии толпы», получившим разработку в знаменитом исследовании французского психолога и социолога Г. Лебона «Психология народов и масс». Популизм в привычном понимании в конечном итоге оказывается непосредственно связан с этим иррациональным, непредсказуемым, разрушительным характером «толпы», описываемым в работе Лебона.

В то же время известный исследователь популизма К. де ла Торре отмечает, что «популизм не является *a priori* ни угрозой демократии, ни ее спасителем»⁸. Рассматривая современные примеры популистских режимов (Венесуэла, Боливия, Эквадор), он принимает справедливость критики в их адрес (например, проявление авторитарных черт и излишняя симплификация социального устройства). Вместе с тем, ссылаясь на американского политолога Р. Даля, он замечает, что эти режимы расширяют политическое участие, поощряют социальную инклюзию ранее «исключенных» групп и ведут успешную борьбу с бедностью.

Кроме того, популисты отнюдь не являются единственными представителями политического мира, кто регулярно обращается к понятию народа. Как отмечает шведская исследовательница С. Несстрём, понятие «народ» обладает мощной легитимизирующей силой, что делает его одним из наиболее употребительных в истории политики⁹.

Значительный вклад в «декриминализацию» популизма внес Э. Лакло. Под «популизмом» он понимает не определенную идеологию или течение в политике, а набор дискурсивных средств, один из способов формирования группового единства. основополагающей характеристикой популизма, по его мнению, является

⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 31.

⁷ Представляется важным обратить особое внимание на помету: «часто употребляется с пренебрежительным оттенком».

⁸ de la Torre C. El populismo latinoamericano: entre la democratización y el autoritarismo // Nueva Sociedad. 2013. No 247. P. 136.

⁹ Näsström S. The Legitimacy of the People // Political Theory. 2007. Vol. 35. No 5. P. 624.

разделение общества на два антагонистических «лагеря»: «народ» и «власть». При этом народ как субъект формируется (зачастую вокруг харизматичного лидера) путем складывания воедино разрозненных «требований», их связи в «цепь эквивалентности», где каждое отдельное требование начинает восприниматься как часть одного большого противостояния¹⁰. По мысли Э. Лакло, группа «власть» в рамках популистского дискурса мыслится в качестве препятствия для реализации интересов «народа» как субъекта.

Как следствие, любой популизм обретает ярко выраженный антиинституциональный характер и наоборот – любой антиинституциональный дискурс можно охарактеризовать как «популистский». Таким образом, под категорию «популизма» попадают даже те, которые традиционно не рассматриваются как «популистские».

Мы принимаем понимание популизма, предложенное Э. Лакло, в качестве основного для нашего анализа. Ключевой чертой популистского дискурса, таким образом, является разделение общества на два антагонистических лагеря.

К исследованию языковых фактов

Подобное противопоставление наблюдается в дискурсе партии «Подemos». **Максимальная дихотомизация** политического поля, максимальное разделение на «мы» и «они» достигается, прежде всего, посредством использования местоимений, глагольных форм, обращений, стилистических фигур и номинаций. При этом в категорию «мы» включаются не только члены партии, но и ее сторонники, а потенциально – все население страны, Европы и даже мира, не являющееся частью элиты: в своих выступлениях представители партии выражают солидарность с участниками протестных движений разных стран: «Los movimientos populares están en todas partes – en Túnez, en Egipto <...> en Asia –. Siempre estaremos al lado de los que luchan contra la corrupción y el autoritarismo, sean de donde sean» («Народные движения есть повсюду: в Тунисе, в Египте <...> в Азии. Мы всегда будем на стороне тех, кто сражается с коррупцией и авторитаризмом, кем бы они ни были»).

Группа «мы» получает ряд устойчивых наименований, акцентирующих разные аспекты идентичности. «Мы» – это и «народ»: *el pueblo, la gente*; и «обычные люди»: *gente normal, gente corriente*; и «большинство людей»: *la mayoría, una mayoría social*; в то же время «социальные низы»: *los de abajo, los humildes, los exiliados*; наконец, все испанцы: *todos los españoles*. Видим и номинации, подчеркивающие положительные качества: *gente digna, gente valiente, heroes y heroínas anónimas; un pueblo con voz de gigante*.

Любопытно, что члены партии получают те же самые номинации, что и «народ»: *gente muy normal, los de abajo*: «Pero somos gente muy normal. Somos gente que hacemos una vida muy sencilla» («Но мы самые обычные люди. Люди, которые ведут очень простую жизнь»); «Al cambio los de arriba lo llaman experimento y caos. Los de abajo lo llamamos democracia» («Те, кто наверху, называют перемены экспериментом и хаосом. Мы, обычные люди, называем их демократией»).

К группе «они», как уже было сказано, относятся представители политического и экономического истеблишмента. Эта категория получает следующие наименования: «власть»: *los de arriba, los poderosos, los que mandan*; привилегированная «каста»: *la casta, la casta política, esa casta, los privilegiados*; «меньшинство»: *una minoría, una pequeña minoría, unos pocos, una minoría de privilegiados*; «богачи» и

¹⁰ Laclau E. On populist reason. London; N.Y., 2005. P. 74.

представители финансовых институтов»: *los ricos, 1% de ricos, grandes fortunas, las élites financieras, la oligarquía financiera, los vampiros financieros; los bancos, los mercaderes y los bancos*; «коррупционеры»: *los de los sobres, los que tienen cuentas en Suiza o en Andorra, los amigos del Gobierno*; «нелегитимная власть»: *poderes que nadie ha elegido, agentes contables de poderes exteriores, la Troika*; наконец, номинации, подчеркивающие отрицательные качества: *ladrones, mala gente, sinvergüenzas, títeres, esos aristócratas arrogantes*. Обилие разнообразных наименований в этой категории, вероятно, объясняется важной ролью, которую в дискурсе «Подemos» играет стратегия обличения.

Вместе с тем специфика дискурса изучаемой нами партии заключается в том, что разделение «мы – они» оказывается привязано не только к противопоставлению «народ» – «элита», но и к другому: «новое» – «старое».

В категорию «новое» нами включены не только слова и выражения, обозначающие сущностно новое: *lo nuevo, un nuevo lenguaje, un nuevo estilo, una nueva forma, un tiempo político nuevo, un país nuevo, un nuevo pacto, una nueva opción, una nueva gramática del cambio, una fuerza política nueva, esa nueva mayoría política, la nueva década, los ingredientes nuevos para el cambio, algo nuevo*; но и обладающие признаком «отличное от старого»: *un país diferente, un país distinto, un gobierno diferente, una alternativa diferente, una Europa diferente; otro lenguaje, otros símbolos, otra forma, otro estilo; renovar el acuerdo, hacer las cosas de otra manera, hacer política de otra manera, votar distinto*.

В категорию «старое»: *lo viejo, los partidos viejos, la vieja guardia, las viejas maquinarias* – включаются также слова со значением «старое как неизменное»: *los mismos, lo mismo, inmovilismo, señores del inmovilismo; seguir igual, para que todo siga igual; aplicando las mismas recetas fallidas*.

Дискурсивное создание дихотомии также происходит при помощи местоимений и соответствующих глагольных форм. Используются две модели в зависимости от жанра выступления и условий дискурсивной практики.

В случаях (1), когда представители партии обращаются к сторонникам или потенциальному электорату, т. е. к категории «мы» в расширительном понимании, сфера употребления личного местоимения 1-го л. мн. ч. *nosotros* («мы»), как правило, ограничивается обозначением членов партии, а местоимение 2-го л. мн. ч. *vosotros* («вы») зарезервировано для обращения к слушателям / аудитории: «Pero nosotros tenemos algo que no tiene nadie: a vosotros y vosotras» (« Но у нас есть то, чего нет ни у кого: у нас есть вы»).

В то же время попытка сконструировать категорию «мы», которая бы включила в себя максимально широкие слои населения, не может не отражаться в языке. Достаточно часто *nosotros* и соответствующая глагольная форма обозначают не только непосредственно партию и ее членов, но объединяет в себе весь «народ»: «...el problema es que los ciudadanos de mi país tuvimos que padecerlo como presidente» «...проблема в том, что мы, граждане этой страны, вынуждены были терпеть его в качестве председателя правительства»).

Для обозначения политических оппонентов используется местоимение 3-го л. мн. ч. *ellos* – «они»: «Ellos son los que han roto el pacto. Ellos son los que se pusieron de rodillas frente al totalitarismo de mercado. Ellos fueron los que entregaron la soberanía» («Это они нарушили договор. Это они встали на колени перед рыночным тоталитаризмом. Они предали суверенитет»). В отдельных случаях используется неопределенное местоимение *algunos* – «некоторые», «кое-кто». Как представля-

ется, такое употребление имеет отчетливый уничижительный оттенок: «Pero eso sirvió para que no entrara uno en el parlamento, entraron cinco. ¡Cinco!, y algunos se Pevaron un susto» («Но это позволило нам получить в парламенте не одно, а пять мест. Пять! И кое-кто сильно испугался»).

В случаях (2), когда представители партии обращаются к оппонентам, для их обозначения чаще всего используются формы вежливого обращения *usted / ustedes*. С одной стороны, это объясняется соображениями парламентского этикета, с другой – стремлением подчеркнуть дистанцию между двумя «лагерями»: «Y lo que debería existir es un gobierno que dijera: «Ustedes no van a llevar a la ruina a la gente» («А вот что должно было бы существовать, так это правительство, которое сказало бы: “Вам не удастся разорить народ”»)). В некоторых случаях видим употребление местоимений *tú / vosotros* и соответствующих им глагольных форм: «Donde sea, estoy esperando, Mariano, estoy esperándote» («Я жду тебя где угодно, Мариано, я жду тебя»).

Nosotros при обращении к оппонентам практически всегда уже объединяет партию и «народ»: «Pues bien, nosotros queremos proteger a nuestros trabajadores <...> Lo siento, pero no gozáis de nuestra confianza» («Так вот, мы хотим защитить наших работников <...> Мне очень жаль, но вы не можете рассчитывать на наше доверие»).

Стоит отметить, что многие особенности дискурса в свернутом виде присутствуют уже в названии партии (*Podemos*), представляющей собой глагольную форму 1-го л. мн. ч.

Лидеры партии «Подemos» в целом придерживаются норм парламентского речевого этикета в том, что касается обращений: *Señor Presidente; Señora Presidenta; Señora Presidenta, señoras y señores; ...sus Señorías...*

Тем не менее подчеркнутая вежливость подчас служит инструментом проявления иронического, саркастического или неприязненного отношения говорящего к адресату: «Si alguien tiene que esperar, que esperen sus Señorías» («Если кто-то должен подождать, в таком случае, извольте подождать Вы»).

Любопытно, что к королю Испании, Филиппу VI, во время официальных встреч лидер партии П. Иглесиас обращается на *tú*, что является грубым нарушением существующего в Испании речевого этикета общения с королем. Сайт газеты *El Mundo* приводит приветственные слова лидера «Подemos», обращенные к королю: «¿Cómo estás? Encantado»¹¹ («Как твои дела? Рад встрече»).

Кроме того, противопоставление «мы – они» может реализовываться в форме антитезы: «¡Eso es lo que no tienen ellos y tenemos nosotros! Y lo envidian, y lo envidian» («Это то, что есть у нас и чего нет у них! И они завидуют, они завидуют»); «No es vuestro. Lo creamos nosotros con nuestras manos» («Это не принадлежит вам. Это то, что создаём мы, своими собственными [букв. «нашими». – И.С.] руками»).

Отметим отдельно такой манипулятивный прием, как искусственное сужение выбора вариантов действия / оценки, предлагаемых противнику / адресату: «...hay básicamente 2 opciones: o gobernar a favor de los de arriba, o gobernar a favor de la gente. O gobernar como se ha hecho hasta ahora, o cambiar» («...по большому счету, есть лишь два пути: править в интересах верхушки или править в интересах народа. Править так, как это делалось до настоящего момента, или все изменить»).

Разделение общества на два антагонистических лагеря – «народ» и «власть» – означает, помимо всего прочего, символическую гомогенизацию каждой из групп.

¹¹ См. статью на портале испанской ежедневной газеты *El Mundo*: www.elmundo.es/espana/2016/01/22/56a1d2f4ca4741ca7d8b4673.html

Представители самой партии оказываются неотличимы и неотделимы от «народа»: «Nosotros venimos del pueblo y somos pueblo» (« Мы – люди из народа, мы и есть народ»).

Помимо идеологической нагрузки, подобные заявления имеют четкую цель – создать положительный образ партии. Это одна из реализаций стратегии позитивной саморепрезентации, наблюдаемой в дискурсе любой политической силы. Не менее важно и стремление солидаризироваться со слушателем. Так, выступая в родном для себя районе Мадрида, П. Иглесиас причисляет себя к «простым людям»: «Los de barrio tenemos una debilidad: no nos gustan los pijos. Y creo que a partir del 24 podemos limpiar de pijos las instituciones» (« У нас, парней с района, есть одна слабость: нам не нравятся пижоны. Думаю, после 24-го мы сможем очистить от них учреждения»).

Представители партии не упускают случая рассказать о том, что к ним подходят на улице, чтобы поблагодарить, пожелать удачи или рассказать о проблемах. Таким образом они дают понять, что вызывают у людей доверие: «...la gente desea poderse contar a alguien que le produzca confianza. Y eso es lo que nos cuenta la gente cuando nos para en la calle» (« Людям важно иметь возможность поделиться этим с кем-то, кто вызывает у них доверие. И именно об этом люди рассказывают нам, останавливая нас на улице»).

В этом смысле весьма показателен диалог, состоявшийся между телеведущим Х. Бильбао и представителем партии Х.К. Монедеро, в эфире телеканала *EiTV*, в ходе которого Х.К. Монедеро признается в том, что, рискуя опоздать на передачу, вынужден был в срочном порядке заштопать один из носков. Подобные «признания» нацелены на создание у аудитории образа лидеров «Подemos» как простых людей, скромно живущих, скромно одевающихся.

Одежда также стала частью коммуникативной (и в более широком смысле – политической) стратегии «Подemos». Депутаты этой партии регулярно посещают заседания Европарламента и Генеральных Кортесов в повседневной одежде. Сам П. Иглесиас неоднократно подчеркивал, что носит одежду, купленную в супермаркетах: «Me importa un cuerno que me critiquen por comprar ropa en el *Alcampo*¹². . .» («Меня совершенно не волнует, что меня критикуют за то, что я одеваюсь в “Алькампо”»).

Другой популистской чертой дискурса «Подemos» является попытка объединить «цепью эквивалентности»¹³ разнообразные, мало связанные между собой требования: отказ от приватизации здравоохранения и образования, субсидирование и поддержка малого и среднего бизнеса, высокоэффективное лечение для больных гепатитом, гарантия свободы репродуктивного выбора для женщин, прекращение увольнений и выселений и т. п. Артикулированные в пределах одного высказывания, перечисленные через запятую, они вдруг становятся единым целым. «Каста» при этом оказывается виновной во всех неразрешенных конфликтах и неудовлетворенных требованиях, эквивалентная цепь которых делает возможным дискурсивное формирование «народа» как субъекта политической борьбы.

При этом, как отмечает К. де ла Торре, лидеры-популисты ведут себя так, словно знают, что есть «народ» и какова его воля¹⁴: «La patria es la gente y la gente pide

¹² *Alcampo* – испанское подразделение сети гипермаркетов «Ашан».

¹³ *Laclau E.* On Populist Reason. London; N.Y., 2005. P. 73.

¹⁴ *de la Torre C.* El populismo latinoamericano: entre la democratización y el autoritarismo // *Nueva Sociedad*. 2013. No 247. P. 133.

hospitales, pide escuelas, pide derechos sociales, pide derechos civiles» (« Родина – это люди, и людям нужны школы, нужны социальные права, нужны гражданские права»); «Un pueblo con voz de gigante que pide cambio, justicia social y democracia» («Народ, громогласно требующий перемен, социальной справедливости и демократии»).

Наконец, как мы уже отмечали, для популистских проектов оказывается чрезвычайно важным вопрос социальной эксклюзии. Дискурс «Подemos» апеллирует к молодым людям, уехавшим из страны в поисках работы: «Esos millares de jóvenes exiliados que nos están viendo por ‘streaming’: os prometo que construiremos un país para que podáis volver» (« Я обращаюсь к молодым людям, вынужденно покинувшим страну, которые смотрят нас в Интернете: я обещаю вам, что мы построим страну, куда вы сможете вернуться»); к трудовым мигрантам (*trabajadores migrantes*), к так называемому «социальному дну», люмпенизированным элементам общества («Hay que destinar recursos de urgencia nacional a aquellos sectores más vulnerables y excluidos» – «Необходимо задействовать существующие ресурсы для оказания чрезвычайной помощи наиболее уязвимым и социально исключенным слоям населения»).

Заключение

Таким образом, дискурс политической партии «Подemos» представляет собой пример популистского дискурса. Проанализировав языковой материал, представленный в устных выступлениях представителей партии, мы обнаружили такие характерные для популизма черты, как максимальную дихотомизацию политического поля (достижимую, прежде всего, лексическими и грамматическими средствами языка), связывание разнообразных требований в цепь эквивалентности, формирующую «народ» как неделимый субъект политической борьбы. Кроме того, в качестве второстепенных признаков популизма, наблюдаемых в дискурсе партии, можно выделить обеспокоенность социальной эксклюзией и требование сохранения и расширения социальных прав населения.

Электоральный успех, продемонстрированный партией в первые два года существования, не только позволяет заявлять о том, что данный популистский дискурсивный проект уже оказался успешен в той или иной степени, но и делает перспективным его дальнейшее изучение в свете смены политической парадигмы, наблюдаемой в испанском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.

de la Torre C. El populismo latinoamericano: entre la democratización y el autoritarismo // Nueva Sociedad. 2013. No 247. P. 120–137.

Laclau E. On Populist Reason. London; N.Y., 2005. 276 p.

Näsström S. The Legitimacy of the People // Political Theory. 2007. Vol. 35. No 5. P. 624–658.

REFERENCES

Anderson B. (2011) Imaginary Communities: Reflections on the Origin and Dissemination of Nationalism. Moscow. 288 p.

de la Torre C. Latin American Populism: between Democratization and Authoritarianism. *Nueva Sociedad*. 2013. No 247, pp. 120–137.

Laclau E. (2005) *On Populist Reason*. London; N.Y. 276 p.

Näsström S. The Legitimacy of the People. *Political Theory*. 2007. Vol. 35. No 5, pp. 624,658.

Сведения об авторе:
Игорь Вячеславович Стефанчиков,
студент
кафедра иберо-романского языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Igor V. Stefanchikov,
Student
Department of Ibero-Romance Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
stefanho@ya.ru

Библиографии

Bibliography

**Библиография произведений
Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2002–2004)**

2002

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность <отрывок> // М.Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, вступ. статья В.М. Марковича, коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб.: РХГИ [Русский христианский гуманитарный институт], 2002. – (Русский путь). С. 159–161.

Вечера на хуторе близ Диканьки. СПб.: ООО «Кристалл», 2002. 224 с. – (Сер. Русский стиль).

Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Гуманитар. центр «Монолит», 2002.

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести. М.: «Изд-во АСТ», 2002. 301 [3] с. – (Классическая и современная проза).

Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 560 с. – (Русская классика).

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Сост., вступ. статья, коммент. В.А. Воропаева. М.: Дрофа: Вече, 2002. 544 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 5–60.
Коммент. С. 503–534.

Приложение:

Воропаев В.А. Гражданин земли Русской. С. 535–542.

Записки сумасшедшего: [повести] М.: Стрекоза-Пресс, 2002.

[Избранные произведения.] Ростов на Дону: Феникс, 2002.

Избранные сочинения: В 2 т. / Коммент. О. Дорофеева. М.: Мир книги: Литература, 2002.
Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород.

Т. 2. Повести (1836–1842); Ревизор; Женитьба; Мертвые души.

Мертвые души: поэма / Сост., коммент. М.А. Литовской. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. 304 с. – (Школьная литература).

Коммент. С. 251–267.

Зырянов О.В. «Мертвые души» требуют изучения...». С. 268–298.

Мертвые души: поэма (избранные главы). [М.:] Стрекоза-Пресс, 2002. 255 с. – (Классика для школы).

Школьникам – для подготовки к урокам литературы:

Краткая биография автора. С. 218–221.

Размышления о произведении. С. 222–241.

Тезисные планы сочинений. С. 242–247.

Сочинения. С. 248–255.

Мертвые души: поэма / Коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева; рис. А.М. Лаптева. М.: Детская литература, 2002. 352 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Коммент. С. 341–351.

Приложения:

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 304–312.

Белинский В.Г. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 313–318.

Воропаев В.А. Главы из книги «Н.В. Гоголь: Жизнь и творчество». С. 319–340.

Мертвые души. Выбранные места из переписки с друзьями / Сост., коммент. В.А. Воропаева. М.: Дрофа: Вече, 2002. 432 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Коммент. С. 371–417.

Приложения:

Мережковский Д.С. Из статьи «Гоголь и черт». С. 418–424.

Воропаев В.А. «Будьте не мертвые, а живые души». О названии поэмы Н.В. Гоголя. С. 424–429.

Мертвые души. Жуковский; М.: Кучково поле, 2002.

Мертвые души: В 2 т.: поэма / Ил. С. Григорьева, В. Неонова; миниатюры А. Саморезова; переплет Г. Юдина. М.: Интрейд Корпорейшн, 2002. 383 с.: ил.

[Издание класса «Гранд Люкс» на элитной итальянской бумаге. Переплет и футляр ручной работы из высококачественной натуральной кожи. Тираж 50 экз.]

Молитвы // Московский писатель. Энциклопедический журнал-меморандум. № 2(7). Июль – Декабрь. М., 2002. С. 8.

Ночь перед Рождеством. М.: Белый город, 2002. 48 с.

О благодарности. Неизвестное сочинение Гоголя / Публ., вступ. заметка и коммент. И.А. Виноградова // Воскресная школа. М., 2002. 16–31 марта. № 12. С. 8–9.

О малороссийских песнях // Народное образование. М., 2002. № 2.

О Средних веках // Народное образование. М., 2002. № 3. С. 243–248.

Петербургские повести / Вступ. статья и коммент. В.А. Воропаева; рис. Ф. Москвитина. М.: Детская литература, 2002. 234 с. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Гоголевский Петербург. С. 5–14.

Коммент. С. 211–233.

Петербургские повести. Пьесы / Сост., коммент. В.А. Воропаева. М.: Дрофа: Вече, 2002. 368 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Коммент. С. 320–348.

Приложения:

Гоголь Н.В. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 349–354.

Гоголь Н.В. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 354–362.

Немирович-Данченко В.И. Из речи, произнесенной на торжественном заседании Общества любителей российской словесности в Москве 28 апреля 1909 г., посвященном столетию со дня рождения Н.В. Гоголя. С. 363–366.

План преподавания всеобщей истории // Народное образование. М., 2002. № 1.

Повести. М.: Изд-во «Олимп», Изд-во АСТ, 2002. 272 с. – (Школьная хрестоматия).

Воропаев В.А. Коммент. С. 251–265.

<Повести:> Сборник / Сост. Л.С. Калужная. М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2002. 352 с. – (Библиотека мировой новеллы).

Гоголь Николай Васильевич. С. 3–4.

[Майская ночь, или Утопленница; Ночь перед Рождеством; Вий; Невский проспект; Портрет; Шинель; Тарас Бульба.]

Повести. Мертвые души / Ред.-сост. Л.Д. Страхова; вступ. статья Ю. Айхенвальда; коммент. В.А. Воропаева. М.: ООО «Изд-во Олимп»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – (Школа классики) С. 434–472.]

Загл. вступ. статьи: Гоголь. С. 5–14.

Коммент. С. 434–472.

Повести. Мертвые души / Коммент. В.А. Воропаева.] М.: ООО. Изд-во АСТ, 2002. – (Школьная библиотека).

Коммент. С. 533–588.

Повести; Мертвые души: поэма. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 544 с. – (Русская классика).

[Повести: Невский проспект; Портрет; Шинель; Коляска.]

Повести. Ревизор: пьеса / Сост., коммент. М.А. Литовской. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. 480 с. – (Школьная литература).

[Ночь перед Рождеством; Тарас Бульба; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем; Невский проспект; Портрет; Шинель.]

Коммент. С. 439–452.

Ложкова Т.А. Н.В. Гоголь-художник. С. 454–478.

Повести; Ревизор; Мертвые души. М.: АСТ: Астрель, 2002.

Ревизор: пьеса, сцены, дополнения и письма / Сост. Р. Грищенко. СПб.: СЗКЭО, ООО Издательский Дом «Кристалл», 2002. 160 с. – (Сер. Русский стиль).

Ревизор; Повести / Сост. А.В. Рогачев. Жуковский; М.: Кучково поле, 2002.

Сочинения / Сост., вступ. статья и примеч. В. Чалмаева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 1054 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: Пред бездной Гоголя. С. 5–26.

Приложение:

«Серебряный век» о Гоголе. С. 1007–1034.

[Д. Мережковский, В. Брюсов, А. Белый, А. Ремизов.]

Вехи жизни Николая Васильевича Гоголя. С. 1035–1036.

Примеч. С. 1037–1051.

Сочинения: В 2 т. / Под общ. ред. А.Ф. Стручкова. М.: Московский писатель, 2002.

Страхи и ужасы России (Письмо к графине ...ой) // Молодая гвардия. М., 2002. № 3. С. 256–259.

[Глава из книги «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя.]

Тарас Бульба: Повесть. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 173 [3] с. – (Классическая и современная проза).

Фонвизин Д.И. Бригадир. Недоросль. Грибоедов А.С. Горе от ума. Лермонтов. М.Ю. Маскарад. Гоголь Н.В. Ревизор. Женитьба: Пьесы. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 608 с. – (Русская классика).

Ревизор. С. 433–537.

Женитьба. С. 538–606.

ЛИТЕРАТУРА

А.К. Самоощупь // Алфавит. М., 2002. Май. № 22. С. 38–39.

Авдеев Д.А. Православная энциклопедия «Домашний доктор» в вопросах и ответах. Психиатрия, психотерапия, наркология. М.: «Русский Хронограф», 1991», 2002. 319 с.

[Фрагмент (о Гоголе) из работы проф. Д.Е. Мелехова «Психиатрия и проблемы духовной жизни». С. 167–174. Приводится в сокращении.]

Аверин Б. Гоголь и Набоков: Комедия «Ревизор» в романе «Смотри на Арлекинов!» // Театр. М., 2002. № 4. С. 15–17.

Айзерман Л. Павел Иванович Чичиков на рубеже веков и тысячелетий // Русская словесность. М., 2002. № 3. С. 21–28.

Акимова Н.Н. Ф.В. Булгарин: Литературная репутация и культурный миф. Монография. Хабаровск: Изд-во ХГПУ [Хабаровский гос. пед. ун-т] 2002. 182 с.
[В частности, Гоголь и Ф.В. Булгарин.]

Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Академический проект, 2002. 1152 с.
Гоголь Николай Васильевич. С. 232–233.

Альми И.А. О поэзии и прозе. Изд. 2-е, доп. СПб.: Изд-во «Семантика-С»; Изд-во «Скифия», 2002. 528 с.
Пушкинская традиция в комедии Гоголя «Ревизор». С. 36–49.
[Впервые: Проблемы современного пушкиноведения. Л., 1981. С. 13–24.]

Амехина Е.Е. Образ женщины в эпистолярном наследии Н.В. Гоголя и Н.М. Языкова // Проблемы литературного диалога: сб. научных трудов. Саратов: Изд-во Латанова В.П., 2002. С. 62–66.

Анастасий (Грибановский), митрополит. Мысли о Гоголе // Новый Век. М., 2002. № 2(22). С. 2.

Андренов Н.Б. Механизмы познания в творчестве Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. М., 2002. № 6. С. 70–75.

Антонова О.Ю. Символика полета в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Русская литература накануне третьего тысячелетия: Итоги развития и проблемы изучения. Вып. 3. Киев: Логос, 2002. С. 258–261.

Аринин В.И. Только в любви... Тайны русских гениев. М.: Современник, 2002. 240 с.: ил.

Из содерж.:

Хлестаков в Устюжне. С. 124–125.

Хлестаков пишет «Евгения Онегина». С. 125–128.

Гоголь и Хлестаков. С. 128–131.

А.С. и Н.В. С. 131–132.

Гоголь и черт. С. 132–133.

Портрет городничего. С. 133–141.

Дело... на Хлестакова. С. 141–143.

«Некто в партикулярном платье». С. 143–145.

Гоголь знал Волкова. С. 145–147.

Прототипы смотрят комедию. С. 147–150.

Вологда в... «Мертвых душах»? С. 150–151.

«Александр Сергеевич Пушкин, много, говорят, хохотавший». С. 151–152.

Потомки. С. 152–153.

Архипова Ю.В. Художественная специфика немой сцены «Ревизора» // Известия Уральского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2002. Вып. 5. № 24. С. 143–152.

Ауссем И.А. Смерть пророка (К 150-й годовщине смерти Н.В. Гоголя) // Русская словесность. М., 2002. № 3. С. 6–14.

Афанасьев Э.С. О художественности повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Литература в школе. М., 2002. № 6. С. 20–23.

Базавлук Л.М. Синтаксическая структура поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Сложное предложение и текст: межвузовский сб. статей. Орел: ОГУ [Орловский гос. ун-т], 2002. С. 6–9.

Балдина Е. Посвящено Гоголю. Новое литературоведческое периодическое издание // Вопросы литературы. М., 2002. Май – Июнь. С. 376–379.

[Обзор 7 выпусков «Гоголеведческих студий» (1996–2001. Нежин).]

Балдина Е.В. Посвящено Гоголю (Новое украинское периодическое издание) // Русская литература. СПб., 2002. № 2. С. 249–253.

[Об издании «Гоголеведческие студии» (1996–2001. Вып. 1–7. Нежин).]

Барабаш Ю.Я. Гоголь: подтексты «Петербургского текста» (-их», -ов»): («Невский проспект» и «Портрет») // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII международный съезд славистов (Люблина, август 2003). М., 2002. С. 173–184.

Барабаш Ю. «Мой бедный protégé»: (Проза Шевченко: после Гоголя) // Вопросы литературы. М., 2002. Вып. 6. Ноябрь – Декабрь. С. 127–155.

[Русскоязычные повести Шевченко в контексте гоголевской эстетики.]

Барабаш Ю. «Художник петербургский!»: (Гоголь, «Портрет». – Шевченко, «Художник». Четыре фрагмента) // Вопросы литературы. М., 2002. Январь – Февраль. С. 157–205.

Баранов А.Г. Наше родное. М.: Паломник, 2002. 320 с.

[Печ. по изд.: *Баранов А.* Наше родное. Книга для классного и домашнего чтения в сельских народных школах с трехлетним курсом. Третий год обучения. Изд. 28-е. СПб., 1906.]

Из содерж.:

Гоголь Н.В.: Днепр. С. 261; Степь. С. 261; Тарас Бульба. С. 271–272; Смерть Тараса Бульбы. С. 272–274.

Баранова О.С. Чичиков в гостях у Коробочки. Урок-исследование. IX класс // Литература в школе. М., 2002. № 6. С. 31–32.

Башкеева В.В. «Симфоническая личность» в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Русский язык и литература в исследованиях филологов Азии: сб. статей: Сер. Русский национальный текст. Вып. 1. Улан-Удэ, 2002. С. 76–89.

Белли Джузеппе Джоакино. Римские сонеты: К 150-летию со дня смерти Гоголя / Пер. с ит. и вступ. статья Е. Солоновича // Иностранная литература. М., 2002. № 8. С. 180–188. [Джузеппе Джоакино Белли (1791–1863). Итальянский поэт. Автор знаменитых «Римских сонетов» на римском диалекте – поэтического свидетельства жизни Рима тридцатых – сороковых годов XIX в. Публикуемые переводы выполнены по трехтомному изданию Giuseppe Gioachino Belli. Sonetti. Milano: Mondadori, 1952.]

Белоногова В.Ю. «Ты, Моцарт, недостойн сам себя...» (Гоголь о Пушкине) // Болдинские чтения: Материалы конференции. Саранск, 2002. С. 43–48.

Белоусов А.Ф. «Как в вашем званье не пить!» // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь, 2002. Ч. 8. С. 39–48.

[Рассказ И.С. Тургенева «Два помещика» в свете полемики писателя с гоголевскими представлениями о значении духовенства в русской жизни («Выбранные места из переписки с друзьями»)].

Белый А. [Письмо] С.И. Алянскому, 30 мая 1932 г., Москва // Лица: Биографический альманах. [Вып.] 9. СПб.: Феникс, 2002. С. 111–113.

[О книге А. Белого «Мастерство Гоголя».]

Белявская Л.Н. Испытание чертом: Символическое прочтение гоголевских текстов // Синергия культуры: Труды всероссийской конференции. Саратов, 2002. С. 326–329. [Образ нечистой силы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя.]

Березко А.Ф. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: особенности жанра и композиции // Вісник студентського наукового товариства / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя; редкол.: Г.В. Самойленко [и др.]. Ніжин, 2002. С. 18–19.

Битов А.Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства. М.: Независимая газета, 2002. 543 с. – (Сер. Эссеистика).

Блинова И.Ю. Пространственное изображение человеческой психики в творчестве Н.В. Гоголя // Художественные искания русских и зарубежных писателей: вопросы поэтики: межвузовский сб. научных статей. М., 2002. С. 69–77.

Бочаров С. «Красавица мира»: Женская красота у Гоголя // Театр. М., 2002. № 4. С. 24–30.

Бугрова Л.В. Мотив Дома в романтической повести 30-х годов XIX века // Мир романтизма: Материалы международной научной конференции «Мир романтизма» (X Гуляевских чтений). Вып. 6(30). Тверь, 2002. С. 36–43.

Бузина О. Николай Гоголь: жизнь за царя // Киевские ведомости. Киев, 2002. 2 июля. 14 с. – (Литературный ринг).

Булгаков Н., священник. Гоголь про нас // Русский Дом. М., 2002. № 3. С. 40–41.

Быков Д. Гоголевский проезд: Магистральный русский путь // Огонек. М., 2002. Апрель. № 8. С. 34–37.

В Петербурге мы сойдемся снова. К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя // Музыкальная жизнь. М., 2002. № 2. С. 36–40.

[Фрагмент из книги «Изнемогающая душа», посвященной теме «Гоголь и музыка»; готовится к выходу в Издательском Доме «Композитор».]

Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. 2-е изд., испр. и расшир. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002. 686 с.

[Рец.: *Самородницкая Е.* // Вопросы литературы. М., 2004. Вып. 2. С. 360–361; *Борисова И.* Сюжет Вайскопфа // Параллели. М., 2005. № 6/7. С. 435–438; Реф.: *Миллионщикова Т.М.* // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 7. Литературоведение. М., 2004. № 1. С. 104–109.]

Васильев С.А. Внутренняя форма поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Всемирная литература в контексте культуры: сб. статей и материалов. М., 2002. С. 32–33.

Вдовыкин Г.П. Путешествия Н.В. Гоголя // Вопросы гуманитарных наук. М., 2002. № 1. С. 13–16.

С. 15: Рис. Путешествия Н.В. Гоголя.

[«По результатам исследований Л.Н. Шаталовой (личное сообщение, 18. 05. 1995 г.) в Петербурге в 1839 г. на представлении «Ревизора» встретились Н.В. Гоголь, Т.Г. Шевченко, М.Ю. Лермонтов. Т.Г. Шевченко в 1840 г. написал портрет Гоголя».]

Вершинский А. Шабаш хаоса. Фрейд и Юнг вышли из подкладки гоголевской шинели // Алфавит. М., 2002. № 31. С. 29.

[О повести Гоголя «Вий».]

Вестник иностранной литературы, 1895–1900 // Иностранная литература. М., 2002. № 12. С. 276–310.

[О чем писали в журнале Вестник иностранной литературы: Постановка пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор» в Париже.]

Видия Т.Е. «Портрет» Н.В. Гоголя в контексте традиций европейского романа // Объединенный научный журнал = Intergrated sci. j. М., 2002. № 21. С. 45–48.

Видия Т.Е. «Портрет» Н.В. Гоголя в контексте традиций европейского готического романа // Актуальные проблемы современной науки. М., 2002. № 4. С. 135–138.

Виноградов В.П. Почему горят рукописи // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2002. № 1. С. 16–17.

Виноградов И. В Москве должен быть музей Гоголя // Библиотечная газета. М., 2002. № 6. С. 6.

Виноградов И. В Москве должен быть Музей Н.В. Гоголя // Отечество. М., 2002. Вып. 4. С. 51–52.

Виноградов И.А. Неизвестные автографы двух статей Н.В. Гоголя // Мир библиографии. М., 2002. № 5. С. 20–27.

[Автографы статей «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» и «О том же» в архиве синодальной канцелярии. К истории прохождения через цензуру книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».]

Виноградов И.А. Узы небесного братства // Домашний лицей. М., 2002. № 1. С. 13–28. [О повести Гоголя «Тарас Бульба».]

Виноградова З.В. Мотивы комедии Н. Гоголя «Ревизор» в пьесе М. Булгакова «Багровый остров» // «Юрьевские чтения»: Материалы междисциплинарной конференции молодых филологов. Вып. 2. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 23–29.

Виротайнен М. Ранний Гоголь: катастрофизм сознания // Театр. М., 2002. № 4. С. 31–33.

Вишневецкая И. «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!» // Век. М., 2002. № 9(476). С. 9.

Владимирова Т.Л. «Арабески» Н.В. Гоголя: проблема эстетической позиции // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. научных статей и тезисов II межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2002. С. 95–99.

Вокин М.А. К вопросу об эпических и романических началах в «Тарасе Бульбе» // Всемирная литература в контексте культуры: XIV Пуришевские чтения: сб. статей и материалов: В 2 ч. М., 2002. Ч. 1. С. 37–38.

Вокин М.А. Мотив богатырства в «Славенских вечерах» В.Т. Нарезного и в «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя // Забытые и второстепенные писатели XVII–XIX веков как явление европейской культурной жизни: Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Е.А. Маймина: В 2 ч. Псков, 2002. Ч. 1. С. 247–253.

Волосков И.В. Истоки религиозной философии Н.В. Гоголя // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. М., 2002. № 2. С. 47–57.

Воропаев В.А. Вечный спутник // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2002. № 4. С. 35–37.

[Б.К. Зайцев о Гоголе.]

Воропаев В. Воронский и его «Гоголь» // Вопросы литературы. М., 2002. Май – Июнь. С. 313–321.

- Воропаев В.А.* Гоголевские штудии // Вопросы русской литературы: межвузовский научный сб. Вып. 8(65). Симферополь, 2002. С. 86–104.
 Гражданин земли Русской. С. 86–93.
 У Богозданных пещер. С. 93–99.
 Нужно любить Россию. С. 99–104.
- Воропаев В.* Гоголь в критике русской эмиграции // Литература в школе. М., 2002. № 6. С. 13–19.
- Воропаев В.А.* Гоголь в критике русской эмиграции // Русская литература. СПб., 2002. № 3. С. 192–211.
- Воропаев В.А.* Гоголь и «русско-украинский вопрос» // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2002. № 1. С. 12–15.
- Воропаев В.А.* Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. М.: Макариевский фонд, 2002. 208 с. – (Православные просветители России).
 [Рец.: *Афанасьев В.* Опыт живой веры // Москва. Журнал русской культуры. М., 2003. № 3. С. 169–173; *Ефремов А.* Чище горного снега // Десятина. М. 2003. № 7(82). С. 8; *Ефремов А.* Чище горного снега // Роман-журнал XXI век. М., 2003. № 7(55). С. 67; <*Балдина Е.*> // Литературная учеба. М., 2003. Кн. 5. С. 131; *Балдина Е.* Новая книга о Гоголе // Новые гоголеведческие штудии. Симферополь, 2005. Вып. 2. С. 214–216; Реф.: *И. Г. Н.В.* Гоголь и христианская традиция // Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел культурологии. М., 2004. № 3. С. 72–73.]
- Воропаев В.* «Ей, гряди, Господи Иисусе» // Слово. М., 2002. № 2. С. 4–10.
- Воропаев В.* Жива вера – жив народ. Н.В. Гоголь и русско-украинский вопрос // Православная беседа. М., 2002. № 1. С. 53–55.
- Воропаев В.* Жизнь с Гоголем // Литературная Россия. М., 2002. 30 августа. № 35. С. 13.
- Воропаев В.* Из рассказов о Гоголе // Десятина. М., 2002. № 11(74). С. 8.
- Воропаев В.* Из рассказов о Гоголе // Десятина. М., 2002. № 12(75). С. 8.
- Воропаев В.* «Катехизис необыкновенно замечательный» // Москва. Журнал русской культуры. М., 2002. № 6. С. 231–234.
 [Гоголь и А.С. Хомяков.]
- Воропаев В.* Кончина Гоголя // Литературная Россия. М., 2002. 16 августа. № 33. С. 14–15.
- Воропаев В.* Лестница, возводящая на небо // Славянское единство. М., 2002. Февраль. № 2(67). С. 4.
- Воропаев В.* Лестница, возводящая на небо // Десятина. М., 2002. № 2. С. 7.
- Воропаев В.* Лестница, возводящая на небо // Духовный Собеседник. Самара, 2002. № 3(31). С. 112–126.
- Воропаев В.А.* Малоизвестная часть творческого наследия Н.В. Гоголя: выписки из творений святых отцов и богослужебных книг // Время и текст: Историко-литературный сб. СПб., 2002. С. 162–171.
- Воропаев В.А.* Мертвые души: кто они? (О названии поэмы Н.В. Гоголя) // Русская речь. М., 2002. № 3. С. 10–13.
- Воропаев В.* Мы все работаем у одного Хозяина. Гоголь в Троице-Сергиевой лавре // Воскресная школа. М., 2002. 16–31 июля. № 25–26. С. 10–11.

Воропаев В.А. Н.В. Гоголь: жизнь и творчество. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2002. 128 с. – (Перечитывая классику).

Воропаев В.А. «На зеркало неча пенять...» (Смысл эпитафии и «немой сцены» в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор») // Русская речь. М., 2002. № 6. С. 9–15.

Воропаев В. На родине Гоголя // Литературная Россия. М., 2002. 15 ноября. № 46. С. 6.

Воропаев В. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии // Литературная учеба. М., 2002. Кн. 1. С. 118–179; Кн. 2. С. 87–145.

Воропаев В. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии // Віра і Розум. Богословсько-філософський журнал. Харків, 2002. № 3. С. 246–271.

Воропаев В.А. «Нужно любить Россию» // Русский Дом. М., 2002. № 11. С. 46–47.

Воропаев В.А. «...Нужно проездиться по России» // Свет невечерний. Владимир, 2002. № 3. С. 39–44.

Воропаев В. По зову Божьему. К 150-летию со дня кончины Н.В. Гоголя // Православная беседа. М., 2002. № 5. С. 52–55.

Воропаев В. Об одном замечательном трактате // Воскресная школа. М., 2002. 16–31 июля. № 27–28. С. 16–17.

[Гоголь о трактате А.С. Хомякова «Церковь одна».]

Воропаев В. Панихида по Гоголю // Православная юношеская газета. М., 2002. № 12/13 (36/37). Июль. С. 13–14.

Воропаев В. Полтора века спустя. Гоголь в современном литературоведении // Москва. Журнал русской культуры. М., 2002. № 8. С. 219–225.

Воропаев В. Понимал ли Гоголь себя? Набоков о русском писателе-классике // Воскресная школа. М., 2002. 8–15 апреля. № 14. С. 12–14.

Воропаев В. Пословицы и притчи в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 2002. № 2. С. 96–102.

Воропаев В. Пошлости Набокова // Литературная Россия. М., 2002. 25 января. № 4. С. 14.

Воропаев В. Праведная кончина. К 150-летию со дня смерти Гоголя // Молодая гвардия. М., 2002. № 3. С. 243–255.

Воропаев В. Праведная кончина. К 150-летию со дня смерти Гоголя // Воскресная школа. М., 2002. 16–22 апреля. № 15. С. 12–13.

Воропаев В.А. Правильность пути: [интервью] // Глаголь. Журнал Печорского православного педагогического общества. 2002. № 7. С. 18–21.

Воропаев В.А. Светлые сороковины. К 150-летию со дня смерти Николая Васильевича Гоголя // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2002. № 8. С. 28–30.

Воропаев В.А. Сто рисунков к «Мертвым душам» // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2002. № 10. С. 57–60.

[По поводу кн.: *Гоголь Н.В.* Мертвые души: поэма / Рис. А.А. Агина и Е.Е. Бернадского; силуэты Ф.П. Толстого; примеч. и послесл. В.М. Гуминского. М.: Рекламно-компьютерное агенство газеты «Труд», <2001.> 399 с.: ил.]

Воропаев В.А. Творчество Н.В. Гоголя: авторефераты диссертаций (1945–2002) // Мир библиографии. М., 2002. № 5. С. 45–53.

Воропаев В. У Богозданных пещер. На родине Гоголя // Православный паломник. М., 2002. № 3. С. 32–36.

Воропаев В.А. Явление художника читателю // Литературная учеба. М., 2002. Кн. 3. С. 220–221.

[Рец. на кн.: Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях / Сост., статьи, примеч. И.А. Виноградова. М.: Издательский дом XXI век – Согласие, 2001. 776 с.: ил.]

Вострикова Е.Е. Образ женщины в эпистолярном наследии Н.В. Гоголя и Н.М. Языкова // Проблемы литературного диалога: сб. научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. С. 62–66.

Вранчан Е.В. Нравственная амбивалентность гоголевского смеха в поэме «Мертвые души» // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Материалы Вторых филологических чтений. Новосибирск, 2002. С. 121–122.

Галинская И.Л. [Реферат] // Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел культурологии М., 2002. № 2 (21). С. 34–40.

[Реф. кн.: *Щеглова Л.В.* Судьбы российского самопознания (П.Я. Чаадаев и Н.В. Гоголь) / МГУ им. М.В. Ломоносова; Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2000. 323 с.]

Ганичев В. Николай Гоголь объединяет народы // Роман-журнал XXI век. М., 2002. № 4. С. 2–3.

[По поводу выхода в свет иллюстрированного собрания сочинений Гоголя в одном томе с предисловием президента Украины Л.Д. Кучмы и посла России в Украине В.С. Черномырдина. Издание осуществлено изд-вом «Московский писатель» при участии Союза писателей России и Фонда культуры Украины.]

Гарин И.И. Загадочный Гоголь. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. 640 с.

Геймбух Е.Ю. Способ организации словесного ряда в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Русский язык в школе. М., 2002. № 1. С. 52–56.

Герасименко А.А. Сын страданья. М.: «Три Л», 2002. 208 с.

Из содерж.:

«Лестница, возводящая на небо» («О гневе и безгневию»). Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и другие). С. 71–77.

Гоголезнавчі студії = Гоголеведческие студии / Редкол.: П.В. Михед (відп. ред.), В.О. Воропаев, В.П. Казарін, З.В. Кирилюк, Г.А. Киричок и др.; Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя; Гоголівський науково-методичний центр. Вип. 9. Ніжин, 2002. 231 с. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Денисов В. Изображение Козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя (бунтовщик Тарас и другие). С. 4–12.

Кривонос В. Сон Тараса в «Тарасе Бульбе». С. 20–34.

Виноградов И.А. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель»: к истории замысла и его интерпретации. С. 35–53.

Абрамович С. Эротика в «Мертвых душах». С. 53–60.

Балдина Е. Гоголь и Белинский: о литературно-эстетическом аспекте полемики. С. 60–75.

Шульц С. «Женитьба» Гоголя и «Живой труп» Толстого в житейном контексте. С. 86–93.

- Сахаров В.* Пророки романтизма: Гоголь и Шатобриан. С. 97–102.
- Воропаев В.* Некролог М.П. Погодина «Кончина Гоголя». Рукопись с пометами графа А.П. Толстого, С.П. Шевырева и А.С. Хомякова. С. 106–114.
- Воропаев В.* Воронский и его «Гоголь». С. 157–165.
- Шульц С.* Диалог символистов с Гоголем. С. 171–173.
[Рец. на кн.: *Сугай Л.А.* Гоголь и символисты. Монография. М.: ГАСК [Государственная академия славянской культуры], 1999. 376 с.]
- Якубина Ю.* Поздний Гоголь: духовная проза. С. 173–178.
[Рец. на кн.: Духовная проза / Сост., вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Изд-во Отчий дом, 2001. 568 с.]
- Киричок Г.* Гоголь: границы литературы – границы религии. С. 179–185.
[Рец. на кн.: *Виноградов И.А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. 448 с.]
- Чоботько А.* Диалог христианских душ. С. 186–188.
[Рец. на кн.: Переписка Н.В. Гоголя с Н.Н. Шереметевой / Вступ. и сопроводит. статьи И.А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Наследие, 2001. 288 с.]
- Воропаев В.* Песнь благодарения Богу. О новых текстах Н.В. Гоголя. С. 189–190.
[Рец. на кн.: Неизданный Гоголь. Издание подгот. И.А. Виноградов. М.: Наследие, 2001. 600 с.: ил.]
- Анкета «Гоголезнавчих студій»:
Манн Ю. С. 192–193.
- Бібліографія:
Воропаев В. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2000). С. 194–211.
Гранатович Л. Бібліографія творів М. Гоголя і літератури про його життя і творчість, що вийшла в Україні 2000 року. С. 212–219. На рус. и укр. яз.
- Гоголь. Театр. Петербург // Театральный мир Петербурга. СПб., 2002. Вып. 1. С. 57–92.
[Статьи Г.А. Лапкиной, Б.А. Смирнова, Е.К. Соколинского и др., посвященные теме Петербурга в творчестве писателя, а также постановкам пьес Гоголя на петербургской сцене.]
- Голубкова А.А.* Розанов о Гоголе: этапы формирования интерпретации // Традиции русской классики XX века и современность: Материалы международной научной конференции. М., 2002. С. 41–45.
- Гольденберг А.Х.* Архетип блудного сына в творчестве Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы современной филологии: сб. научных трудов. Волгоград: Колледж, 2002. С. 148–159.
- Гольденберг А.Х.* Идея всеобщего пробуждения в творчестве Н.В. Гоголя и фольклорная традиция // Русское литературоведение в новом тысячелетии: Материалы первой международной конференции. Т. 1. М., 2002. С. 48–53.
- Гольденберг А.Х.* Традиции народной песни в поэтике «Мертвых душ» // Русская словесность. М., 2002. № 7. С. 5–19.
- Гольденберг А.Х.* Эволюция творчества Н.В. Гоголя в контексте традиций народной культуры // Филологический сборник: сб. научных статей, посвященный 70-летию филологического ф-та ВГПУ [Волгоградский гос. пед. ун-т]. Волгоград, 2002. С. 178–190.
[Картины жизни идеального помещика во 2-м томе «Мертвых душ» в свете жанровой поэтики русской величальной и волшебной сказки.]
- Гончарук В.В.* Пушкин и Гоголь: (Забытые родственные связи) // Труды Дальневосточной народной академии наук. Хабаровск, 2002. Вып. 1. С. 160–164.
[На стр. 165 публикуется таблица «Родословные связи А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя».]
- Горских Н.А.* Значение концепта *вещь* в художественном мире поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Картина мира: модели, методы, концепты: Материалы междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука». 1–3 ноября 2001 г. Томск, 2002. С. 106–109.

Горских Н.А. Некоторые аспекты функционирования вещи в художественном мире Н.В. Гоголя и Ф. Сологуба // Картина мира. Язык. Философия. Наука: доклады участников Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых. Томск, 2002. С. 118–121.

Горских Н.А. Функция вещи в художественном пространстве «Мертвых душ» Гоголя и «Мелкого беса» Сологуба // Проблемы литературных жанров: Материалы X международной научной конференции, посвященной 400-летию г. Томска 15–17 октября 2001 г. Томск: Издание Томского гос. ун-та, 2002. Ч. 1. С. 177–181.

Гуминский В. Гоголь, Александр I и Наполеон // Наш современник. М., 2002. № 3. С. 216–231.

Н.В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия: Первые Гоголевские чтения: сб. докладов / Правительство Москвы. Комитет по культуре Москвы. Городская библиотека № 2 им. Н.В. Гоголя. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 296 с.: ил.

Содерж.

Викулова В.П. Н.В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. С. 13–14.

Швыдкой М.Е. Приветствие участникам первых Гоголевских чтений. С. 17–18.

Барабаш Ю.Я. Подтексты «петербургского текста» (-их), -ов»). «Невский проспект» и «Портрет». С. 19–33.

Викторович В.А. «И стал я разглядывать...». Эволюция художественной оптики от Гоголя к Достоевскому. С. 34–48.

Дмитриева Е.Е. К вопросу об «исторических неточностях» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». С. 49–63.

Иваницкий А.И. Об эволюции роли риторики в гоголевской фабуле. С. 64–75.

Карасев Л.В. Ведьма и кошка. Детский опыт Гоголя. С. 76–81.

Кузнецов А.Н. Культурологическая аллюзия в «Записках сумасшедшего» Гоголя. С. 82–96.

Крашенинников А.Ф. О реальности основы сюжета повести Н.В. Гоголя «Нос». С. 97–104.

Мильдон В.И. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя как литературная форма. С. 105–124.

Орлицкий Ю.Б. Стиховое начало в прозе Гоголя. С. 125–133.

Анненкова Е.И. Наставническое слово в письмах Н.В. Гоголя и Игн. Брянчанинова. С. 134–137.

Воропаев В.А. Последнее пристанище. Гоголь в доме графа А.П. Толстого. С. 138–148.

Генералова Н.П. О первых переводах произведений Н.В. Гоголя во Франции (И.С. Тургенев, Луи Виардо и «Nouvelles russes de Nicjlas Gogol»). С. 149–165.

Чернова-Бургер И.М. Первые чешские переводы Н.В. Гоголя на перекрестке чешской и русской национальной мысли. К.В. Зап, Карел Гавличек, М.П. Погодин, С.П. Шевырев. С. 166–178.

Асланова Г.Д. Гоголь и Фет. С. 179–188.

Виноградов И.А. Гоголь и Уваров. С. 189–202.

Владимиров И.Ф. Гоголь и Булгаков. С. 203–211.

Гуминский В.М. Гоголь и Наполеон. С. 212–233.

Джимбинов С.Б. Гоголь и Розанов. С. 234–240.

Золотусский И.П. Гоголь и Достоевский. Вступление в тему. С. 241–250.

Богданов Н.Н. Патография Гоголя. С. 251–253.

Верещагина А.Г. Новое о статье Гоголя «Последний день Помпеи». С. 254–279.

Нечаева Н.С. Портфель Гоголя. С. 280–282.

Кузнецова А.Г. Письма М.И. Гоголь и ее дочерей к Аксаковым. Из рукописного фонда музея «Абрамцево». С. 283–289.

Гольденберг А.Х. Традиции народной песни в поэтике «Мертвых душ» // Русская словесность. М., 2002. № 7. С. 5–19.

Гольденберг А.Х. Идея всеобщего пробуждения в творчестве Гоголя и фольклорная традиция // Русское литературоведение в новом тысячелетии: Материалы 1-й международной конференции: В 2 т. М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2002. Т. 1. С. 48–53.

Гуминский В.М. Чичиков и Наполеон // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII международный съезд славистов (Любляна, август 2003). М., 2002. С. 159–172.

Гупало С. Неземная любовь Николая Гоголя // Зеркало недели. Киев, 2002. 26 окт. № 41(416). С. 21.

[Гоголь и А.О. Смирнова.]

Гургулова М. К проблеме поэтики Гоголя и Гаршина // Четене на литературната класика. София, 2002. С. 64–68.

Гуревич И.А. Проблематичность в художественном мышлении (конец XVIII–XX вв.). Томск: Изд-во Водолей, 2002. 256 с.

Из содерж.:

Недиалогическое раздвоение (Гоголь). С. 95–100.

Гурьянова Л.Б. Лексикографическая практика Н.В. Гоголя // Текст: проблемы изучения в вузе и школе. Пенза, 2002. Вып. 1. С. 26–31.

Де Лотто Ч. (*De Lotto C.*) Поучение Агапита в итальянском переводе Гоголя // Archivio italo-russo. II. Salerno, 2002. P. 79–88.

Демченко О. Отчего Гоголь перевернулся в гробу: 150 лет назад не стало автора «Мертвых душ» // Парламентская газета. М., 2002. 2 марта. № 43. С. 6.

Денисов В.Д. Образ храма в творчестве Гоголя // Христианство и русская литература СПб., 2002. Сборник 4. С. 279–291.

Денисов В.Д. Тарас-бунтовщик. К вопросу об истоках гоголевской эпопеи // Вопросы русской литературы: межвузовский научный сб. Вып. 8(65). Симферополь, 2002. С. 74–85.

День памяти Н.В. Гоголя в Москве 4 марта 2002 года // Роман-журнал XXI век. М., 2002. № 4. С. 5.

Джафарова К.К. Сборник Н.В. Гоголя и идеи философии истории // Русский язык и межкультурная коммуникация в полиэтническом регионе: Доклады Всероссийской научной конференции 3–4 октября 2002 г. Махачкала, 2002. С. 48–51.
[«Арабески» Гоголя.]

Дмитриева Е. Вий – кто он? // Наука и жизнь. М., 2002. № 8. С. 56–59.

Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. 1056 с.
Гл. 6: Николай Васильевич Гоголь. С. 135–167.

Драматургия русских классиков: [сборник] / Сост. Л.С. Калюжная. М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2002.

Е. Е. Неведомая сила // Алфавит. М., 2002. № 9. С. 39.

Есин Б.И. Многозначительное сходство: Гоголь и Белинский о значении направления в журнале // Из века в век: Из истории русской журналистики, 1702–2002. М., 2002. С. 62–67.

Жаравина Л.В. Единосущие литературных героев: «Преступление и наказание» сквозь призму «Мертвых душ» // Литература и культура в контексте христианства. Ульяновск, 2002. С. 53–55.

Желтов Д.В. Диканька и Петербург: Цвет и свет ночи в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Вып. 5. Саратов, 2002. С. 35–37.

[Оппозиция Украина – Петербург в повести Гоголя.]

Живаева Л.Н. Индивидуальные концепты языковой личности и анафония (на материале прозы Н.В. Гоголя и А. Белого) // Текст: проблемы изучения в вузе и школе. Вып. 1. Пенза, 2002. С. 32–39.

Жулякова Н.В. Творчество Н.В. Гоголя в рецепции «Сибирской газеты» // Проблемы литературных жанров: Материалы X международной научной конференции, посвященной 400-летию г. Томска 15–17 октября 2001 г. Томск: Издание Томского гос. ун-та, 2002. Ч. 1. С. 233–237.

[Обзор публикаций о Гоголе в «Сибирской газете» (Томск) за 1881–1888 гг.]

Жуковский В.А. О молитве (Из письма к Н.В. Гоголю) <Отрывок> // Московский писатель. Энциклопедический журнал-меморандум. № 2(7). Июль – Декабрь. М., 2002. С. 5–7.

Журавлева А.И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 288 с.

[О Гоголе: С. 244–245.]

Загорская Т. Игровое пространство комедии (О декорационном оформлении первой постановки «Ревизора» Н.В. Гоголя) // Театральная жизнь. М., 2002. № 4. С. 32–36.

Зарецкий В.А. Три литературных путешествия по России: Аввакум – Радищев – Гоголь: Учебное пособие / Стерлитамакский гос. пед. ун-т. Стерлитамак, 2002. 78 с.

[Рец.: *Макеев А.* Путешествие по России // Филологические записки. Воронеж, 2004. Вып. 22. С. 270–272.]

Зарытова И.В. Гоголь в зеркале западноевропейской литературы // Проблемы взаимодействия языков и культур. Елабуга, 2002. С. 31–35.

Зингерман Б. Связующая нить. Писатели и режиссеры. М.: ОГИ, 2002. 432 с.

[Образ русской провинции в творчестве Гоголя (Цитаты и комментарии). С. 47–80.]

Злочевская А.В. Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века. М.: Изд-во МГУ, 2002. 188 с.

Гл. 4: В. Набоков и феномен русской сатиры. С. 131–161.

[О Гоголе: С. 132–146 и др.]

Зорин А.Н. Мистериальность «Женитьбы»: (О жанровом синтетизме гоголевской комедии) // Автор. Текст. Аудитория: межвузовский сб. научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. С. 14–18.

Зыкова Г.В. Методические указания и задания к работе над творчеством Н.В. Гоголя // Методические указания и контрольные работы по русской литературе для поступающих на филологический факультет МГУ. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002.

Зырянов О.В. Кто вышел из гоголевской «Шинели»? // Известия Уральского гос. ун-та. Екатеринбург, 2002. № 24. С. 123–143.

Зябликов А.В. Гоголь – Блок: К вопросу о преемственности историософских идей // Вестник Костромского гос. технологического ун-та. Кострома, 2002. № 6. С. 9–11.

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Письмо по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя / Публ. и коммент. И.А. Виноградова // Святитель Игнатий

(Брянчанинов) Полн. собр. творений. Т. 4. Аскетическая проповедь. М.: Паломник, 2002. С. 509–512.

[Публ. авторизованная копия письма святителя Игнатия.]

Из русской мысли о России / Авт.-сост. И.Т. Янин. Калининград: ФГУИПП [Федеральное гос. унитарное издательско-полиграфическое предприятие] «Янтарный сказ», 2002. 472 с.

Н.В. Гоголь. С. 57–63.

[Фрагменты из книги «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя.]

Ильюнина Л. Пути Божии и человеческие / Духовный ред. протоиерей Иоанн Миронов; худож. Т. Михайлова. СПб.; М.: «Диоптра», «Лествица», 2002. 192 с.: ил.

Из содерж.:

Последние дни Гоголя. С. 107–114.

Иллюстраторы Н.В. Гоголя / Сост. Б.С. Мерзликин. М.: Библиотечка журнала «Полиграфист и издатель», 2002.

Инютин В.В. Мотивы и история // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 2002. Вып. 18. С. 61–65.

[В связи свыходом в свет изданий: *Кривонос В.Ш.* Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб., 1999; *Зарецкий В.А.* Народные исторические предания в творчестве Н.В. Гоголя. Екатеринбург; Стерлитамак, 1999. 460 с.]

Исаева И.Н. «Вий» Н.В. Гоголя. VI класс // Литература в школе. М., 2002. № 6. С. 38.

История русской литературной критики: Учебник для вузов / Прозоров В.В., Милованова О.О., Елина Е.Г. и др. М.: Высшая школа, 2002. 463 с.

[О Гоголе: С. 73–81. Указ. имен.]

Казарин В.П. Великий сын Украины и России: [К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя] // У Лукоморья: Научно-педагогический филологический журнал для детей, юношества и педагогов. Симферополь, 2002. № 2. С. 6–20.

Карандашова О.С. Гоголевская реминисценция в романе В.О. Пелевина «Жизнь насекомых» // Историко-литературный сборник. Вып. 3. Тверь, 2002. С. 116–120.

[Реминисценции из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и повести «Рим» в романе В. Пелевина.]

Карандашова О.С. Универсальное и бытовое пространство в гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Историко-литературный сборник. Вып. 2. Тверь, 2002. С. 47–51.

Карташов В. Смерть Гоголя остается загадкой // Медицинская газета. М., 2002. 14 августа. № 62. С. 15.

Карташов В. Увлечение Николая Гоголя // Природно-ресурсные Ведомости. М., 2002. Март. № 9(16). С. 6.

[Занятия Гоголя ботаникой.]

Карташов В. Фитотерапия по Гоголю // Фармацевтический Вестник. М., 2002. 26 февр. № 7(246). С. 23.

Касаткина Е.Г. Музыкальный компонент как проявление идиостиля писателя // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2002. Вып. 5. С. 199–201.

[На материале творчества Гоголя и М. Булгакова.]

Катермина В.В. Номинация-обращение как проявление национально-культурных особенностей языковой личности (На материале произведений Н.В. Гоголя и Ч. Диккенса) // Сфера языка и прагматика речевого общения. Краснодар, 2002. Кн. 1. С. 251–256.

Киченко А.С. Гоголевские мифы о Пушкине: попытка изучения и интерпретации // *Вісник Черкаського ун-ту. Черкаси, 2002. Сер. Філологічних наук. Вип. 29. С. 105–109.*

Классический психоанализ и художественная литература / Сост. и общ. ред. В.М. Лейбина. СПб. и др.: Питер, 2002. 445 с. – (Хрестоматия по психологии).

[Работы классиков зарубежного и отечественного психоанализа, в частности, о Гоголе.]

Клейман Т. Макароны по-гоголевски. Как всякий истинный малоросс, Николай Васильевич был в душе хлебосол // *Вечерняя Москва. М., 2002. 4 апреля. № 61.*

Клейменова Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М.: Academia, 2002. 624 с.

Гоголь и Общество любителей российской словесности. С. 367–393.

[Указ. имен.]

Клягина Л.Р. Гоголь и Шагал: к проблеме соотношения авторского сознания в иллюстрациях к поэме «Мертвые души» // *Кормановские чтения. Ижевск, УдГУ [Удмуртский гос. ун-т], 2002.*

Клягина Л.Р. Город Гоголя и город Шагала // *Известия Уральского гос. ун-та. Екатеринбург, 2002. № 24. С. 170–177.*

Кожин В.В. Разгул широкой жизни. «Мертвые души» Н.В. Гоголя // *Кожин В.В. Победы и беды России. Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 159–184. – (Сер. История России. Современный взгляд). 512 с.*

Кожин В.В. О русском национальном сознании: Избранные статьи о наиболее актуальных вопросах российского государства. М.: Алгоритм, 2002. 380 с. – («История России. Современный взгляд»).

Из содерж.:

Чаадаев и Гоголь: о литературе 1830-х годов.

Козлова А.В. Временная структура «Миргорода» Н.В. Гоголя в свете дуальных моделей // *Проблемы литературных жанров: Материалы X международной научной конференции, посвященной 400-летию г. Томска 15–17 октября 2001 г. Томск: Издание Томского гос. ун-та, 2002. Ч. 1. С. 162–166.*

[Мифическое и профанное время в цикле повестей Гоголя.]

Кондакова Ю.В. Гоголь и Булгаков: мистика творчества // *Известия Уральского гос. ун-та. Екатеринбург, 2002. № 24. С. 152–170.*

[Гоголевская традиция в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова.]

Конспекты уроков для учителя литературы: 6–10 классы: Н.В. Гоголь, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой: Пособие для учителя / В.Ю. Антышева и др. М.: Гуманитарный исследовательский центр ВЛАДОС, 2002. 320 с.

Из содерж.:

Планы, конспекты уроков:

Антышева В.Ю. 6 класс. Повесть «Майская ночь, или Утопленница». С. 8–17.

Айрапетова Н.А., Ильчук В.П. 7 класс. Повесть «Тарас Бульба». С. 18–31.

Волгожанина В.В. 8 класс. Комедия «Ревизор». С. 32–37.

Антышева В.Ю. 9 класс. Повесть «Портрет». С. 38–51.

Кобелева Е.А. 10 класс. Поэма «Мертвые души». С. 52–62.

Материалы к урокам:

Воропаев В.А. Лествица Николая Гоголя. С. 64–84.

Виноградов И.А. Узы небесного братства: повесть «Тарас Бульба». С. 85–113.

Константинова Н.В. Два варианта одного сюжета: «Двойник» Ф.М. Достоевского и «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя // *Творчество Достоевского: Проблемы, жанры,*

интерпретации: сб. материалов V научно-практической конференции, посвященной 180-летию Ф.М. Достоевского. Новокузнецк, 2002. Вып. 5. С. 29–31.

Константинова Н.В. «Двойник» Ф.М. Достоевского и «Шинель» Н.В. Гоголя: мотив лица-шинели // Молодая филология: сб. научных трудов / Под ред. Н.Е. Меднис, М.А. Лаппо. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2002. Вып. 4. Ч. 1. С. 112–118.

Копылова Г.Г., Пушкина В.М., Пушкина Д.Н., Голуюкова К.Ф. Страсть к накопительству: Литературный этюд. М.: Русский след, 2002. 39 с.

Кормилицын А.А. Говорящие фамилии в английских переводах комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Проблемы литературного диалога: сб. научных трудов. Саратов: Изд-во Латанова В.П., 2002. С. 84–90.

Котельников В. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М.: Прогресс-Плеяда, 2002. 384 с.: 64 с. ил.

Близ оптинских стен. С. 261–274.

[Рец.: *Воропаев В.* На пути к Оптиной // Москва. Журнал русской культуры. М., 2003. № 11. С. 197–199.]

Кофтан М. Идеино-художественные функции хронотопа в формировании жанра «записки сумасшедшего» (по произведениям Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» и В.С. Высоцкого «Жизнь без сна» // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения: Доклады студентов и аспирантов филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2002. Вып. 1. С. 183–188.

Крафт Т. Помещики в кривом зеркале гротеска – Плюшкин // Литературоведение XXI века: Письмо – текст – культура. Trieste, 2002. С. 93–106.

Кравченко Н.П. Проповеднические мотивы русской публицистики (На примере «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя) // Духовные начала русского искусства и образования. Великий Новгород, 2002. С. 114–116.

Кривонос В. Загадка эпилога «Шинели» Гоголя // Литература: Ежедневное приложение к газете «Первое сентября». М., 2002. № 9. С. 9–11.

Кривонос В.Ш. Сон Тараса в структуре повести «Тарас Бульба» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2002. Т. 61. № 4. С. 10–18.

Крисанова Н.В. О поэтике цикла повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Духовное возрождение. Вып. 10 (юбилейный). Белгород, 2002. С. 304–308.

Критика 40-х годов XIX века / Сост., вступ. статья, преамбулы и примеч. Л.А. Соболева. М.: ООО «Изд-во «Олимп»: ООО Изд-во АСТ», 2002. 413 [3] с. – (Библиотека русской критики).

Из содерж.:

Спор о «Мертвых душах»:

Плетнев П.А. Чичиков, или «Мертвые души» Гоголя. С. 41–57.

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 57–70.

Белинский В.Г. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 70–79.

Сенковский О.И. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.Гоголя. С. 79–108.

Полевой Н.А. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.Гоголя. С. 108–133.

Шевырев С.П. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.Гоголя:

Статья первая. С. 133–155.

Статья вторая. С. 155–184.

Кройчик Л.Е. Еще раз о финале «Мертвых душ» // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 2002. Вып. 18. С. 234–241.

Крупчанов Л.М. «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя. Проблемы творческой истории // Из истории русской литературы. К 70-летию проф. В.И. Коровина. М., 2002.

Крюков В.М. По делу «Карамазовых» // Восток – Запад: Историко-литературный альманах, 2002. М., 2002. С. 205–229.

[Проблематика романа Достоевского «Братья Карамазовы» в контексте полемики писателя с историософской концепцией Гоголя.]

Кузнецова-Чапчахова Г. «Дело мое – душа и прочное дело жизни» // Российский писатель. М., 2002. Март. № 6(33). С. 4–5.

Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. 288 с.

Гоголь как Ходжа Насреддин. С. 76–81.

И еще об одной устной новелле Гоголя. С. 81–90.

Повесть «Нос» в свете поэтики анекдота. С. 90–92.

Гоголь и анекдоты-небылицы (лживые истории). С. 92–97.

К истории двойной устной новеллы. С. 98–103.

История о бычачьих глазах. С. 103–105.

Гоголь и поэтика лжи. С. 106–111.

Об испанских рассказах Гоголя. С. 112–114.

О специфике устных рассказов Гоголя. С. 115.

Параллель к одному эпизоду из «Носа». С. 116–117.

Повесть «Коляска» как анекдот. С. 118–123.

Стреляющая шинель. С. 123–125.

Композиционные принципы Гоголя и их истоки. С. 125–127.

Путь Гоголя художника и природа анекдота. С. 127–132.

Приложение: Н.В. Гоголь. С. 254–257.

Лебедев Ю.В. Историко-философский урок «Шинели» Н.В. Гоголя // Литература в школе. М., 2002. № 6. С. 27–30.

Лебедева О.Б. Эстетические и композиционно-структурные функции «Повести о капитане Копейкине» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русская повесть как форма времени: сб. статей. Томск, 2002. С. 143–154.

Левина Г.Л. Античная традиция в цикле Гоголя «Миргород» (К постановке вопроса: Платон и Гоголь) // Труды Дальневосточного гос. технического ун-та. Владивосток, 2002. № 132. С. 16–18.

Левкиевская Е.Е. «Белая свитка» и «красная свитка» в «Сорочинской ярмарке» Н.В. Гоголя // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 400–412.

[Фольклорная семантика цветовой оппозиции «белый-красный» в произведении Гоголя.]

[Краткое изложение см.: *Гудимова С.А.* // Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел культурологии М., 2004. № 4. С. 111–113.]

Лепяхин В.В. Икона в русской литературе XIX века // Христианство и русская литература. СПб., 2002. Сборник 4. С. 110–148.

[О Гоголе: С. 122–127.]

Лепяхин В. Икона в русской художественной литературе. Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Изд-во Отчий дом, 2002. 736 с.

Из содерж.:

Икона в жизни и творчестве Н.В. Гоголя. «Тарас Бульба», «Страшная месть», «Вий», «Ночь перед Рождеством». С. 145–163.

Живопись и иконопись в повести «Н.В. Гоголя «Портрет». По редакции «Арабесок». С. 164–199.

Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820–1828). Гоголеведческие студии. Вып. 8. / Сост. Н.М. Жаркевич – от составителей, 1821, 1823, 1825, 1827 гг., примечания; З.В. Кирилук – 1820 г.; Ю.В. Якубина – 1822, 1824, 1826, 1828 гг., примечания, аннотированный указатель имен; вступ. статья П.В. Михеда. Нежин: ННГУ [Нежинский пед. гос. ун-т], 2002. 232 с.

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородко (проблемы изучения). С. I–VI.

Линков В.Я. История русской литературы XIX века в идеях: Учебное пособие. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. 192 с.

Диалектика «Мертвых душ». С. 13–26.

Лион П.Э., Лохова Н.М. Литература. Для школьников старших классов и поступающих в вузы: Учебное пособие. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002. 512 с.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 200–240.

Література та культура Полісся: сб. научных трудов. Вип. 16: Спадщина М. Гоголя в сучасних дослідженнях (До 150-річчя від дня смерті письменника) / Відп. ред. та упоряд. Г.В. Самойленко; Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя. Ніжин: НДПУ, 2002. 200 с. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Радецкая М.М. Диалог культур в идиллии Н.В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен». С. 3–8.

Якубина Ю.В. Православный календарь в жизни Гоголя-гимназиста. С. 8–15.

Солдатенко Т. Н.В. Гоголь и А.О. Смирнова-Россет. С. 18–25.

Казнина Д.А. Фольклорные традиции гоголевских пейзажей в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». С. 25–29.

Пионтковская И.П. Функция метафоры в поэтической структуре «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. С. 30–35.

Дикарева Л.Ю. Лингвосомиотические способы объективации идеи превращения в художественной прозе Н.В. Гоголя. С. 51–58.

Арват Н.М. К вопросу о гоголевском идиостиле (на материале повести «Страшная месть»). С. 58–67.

Белая А.С. О национально-языковом колорите повести Н. Гоголя «Страшная месть». С. 67–72.

Бондарь Н.А. Пространственный компонент в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть». С. 72–76.

Гетман Л.И. К проблеме полиэмоциональности гоголевских текстов. С. 76–80.

Целехович Т.П. Обживание «овеществленного» пространства как испытание духа в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики». С. 81–83.

Чикарькова М.Ю. Пейзаж в повести Гоголя «Вий». С. 83–89.

Сидоренко В.А. Художественное время в повести Н.В. Гоголя «Шинель». С. 89–92.

Битварди Д. Носом к носу – носа не увидеть. С. 96–98.

Улюра А. «Старички прошедшего века» в повестях Н.В. Гоголя. С. 98–101.

Бондарева Е.Е. Стихия барокко в необарокковой интерпретации («Мертвые души» Н. Гоголя в булгаковском прочтении). С. 116–124.

Войнова Н.М. Место повести «Рим» в творчестве Н.В. Гоголя. С. 124–129.

Кривонос В. Сюжет пространства и сюжет героя в «Риме» Гоголя. С. 129–138.

Пятакова Г. Традиции М.Д. Чулкова в творчестве Н.В. Гоголя. С. 143–148.

Буюнова К. Гоголь и Данте: к вопросу о трехчастной форме «Божественной комедии» и «Мертвых душ». С. 148–152.

Ливищ Е.И. Гоголь, Де Квинси и Жюль Жанен. С. 153–161.

Мусий В.Б. Мотив двойничества в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Онуфриусе» Теофиля Готье. С. 165–171.

Лю Хунбо. Наследие Гоголя в Китае: проблемы перевода и восприятия. С. 171–176.

Васильев К.К. Творчество Гоголя в литературной критике Юрия-Георгия Липы. С. 179–181.

Самойленко Г.В. Нежинская Гоголиана на современном этапе. С. 182–186.

Лойфман И.Я. Урок милосердия: (К 160-летию «Шинели» Н.В. Гоголя) // Новые идеи в философии науки и научном познании. Екатеринбург, 2002. С. 245–250.

Лотман Ю. Маска в художественном мире Гоголя и маски Анатолия Каплана // Труды по знаковым системам. Тарту, 2002. Т. 30. Вып. 2. С. 695–705.

[О масках гоголевских персонажей, выполненных фотографом А. Капланом (перевод послесловия к немецкому изданию «Мертвых душ». Берлин, 1981).]

Ляпина А.В. О «Женитьбе» Н.В. Гоголя: VIII класс // Литература в школе. М., 2002. № 6. С. 33–37.

Малкина В.Я. Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра / Российский гос. гуманитарный ун-т, Тверской гос. ун-т. Тверь, 2002. 144 с. – (Литературный текст: проблемы и методы исследования; Приложение).

[На материале Пушкина, Гоголя, Брюсова.]

Манн Ю. «Гоголь становится модным писателем» // Известия. М., 2002. 31 октября. № 199.

[Беседу вела Ю. Рахаева.]

Манн Ю. Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя, или «Сильные кризисы, чувствуемые целою массою» // Вопросы литературы. М., 2002. Июль – Август. С. 170–200.

Манн Ю. Мотив и жанр (К своеобразию повести Гоголя «Тарас Бульба») // Русская повесть как форма времени: сб. статей. Томск, 2002. С. 135–142.

Манн Ю. Пишу и сжигаю. Все должно возникнуть заново из пепла – как птица феникс // Независимая газета. М., 2002. 16 марта. С. 12.

Манн Ю. Произведение, не похожее на другие // Театр. М., 2002. № 4. С. 21–24.

[«Ночи на вилле» Гоголя.]

Манн Ю. Рукописи горят: 150 лет назад Гоголь сжег второй том «Мертвых душ» / Беседа вел А. Щуплов // Российская газета. М., 2002. 21 февраля. С. 8.

Манько Л.В. «Мертвые души» Н.В. Гоголя в IX классе национальной школы // Русская словесность. М., 2002. № 2. С. 56–64.

Марцина И.Ю. Своеобразие комического у Теуво Паккала («Бык советника коммерции» (1901) и «Ревизор» Н.В. Гоголя) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2002. № 1. С. 106–118.

Матвеев Б.И. Античные образы в произведениях Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 2002. № 2. С. 3–9.

[Функции античных имен в прозе Гоголя.]

Медведев Ю. Гоголь: наваждение греха // Автограф. М., 2002. Февраль. № 22. С. 8.

Меленберг А. Гоголь Николай Васильевич // Католическая энциклопедия. Т. 1. М.: Изд-во Францисканцев, 2002. Стлб. 1340–1341.

Мельник В.И. И.А. Гончаров: духовные и литературные истоки: Монография. М.: МГУП, 2002. 284 с.

[Гоголь и Гончаров: С. 254, 267–272.]

Мильдон В.И. Вершины русской драмы. М.: Изд-во МГУ, 2002. 256 с. – (Классика жанра).

Из содерж.:

«Русский анекдот» («Ревизор» Н.В. Гоголя). С. 111–136.

Михед П.В. Возвращаясь к Гоголю и «русско-украинскому вопросу» // Вопросы русской литературы: межвузовский научный сб. Вып. 8(65). Симферополь, 2002. С. 105–126.
[По поводу статьи: *Воропаев В.А.* Гоголь и «русско-украинский вопрос» // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2002. № 1. С. 12–15.]

Михед П.В. Кризь призму бароко. Киев: Ніка-Центр, 2002. 328 с. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Об истоках художественного мира Н.В. Гоголя (Н.В. Гоголь и В.Т. Нарезный). С. 51–59.

Развитие критического реализма в творчестве Гоголя. С. 60–73.

Гоголь на путях к новой эстетике слова. С. 121–133.

«Из лона скорби к утешению...» (Сильвио Пеллико в творческой судьбе Н.В. Гоголя). С. 134–142.

Способы сакрализации художественного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя (Заметки к новой эстетике писателя). С. 161–175.

О загадке «Прощальной повести» Н.В. Гоголя. С. 227–238.

Две вехи пророческого слова в русской литературе: Гоголь и Достоевский. С. 239–254.

Творчество Гоголя в свете украинской русистики: о некоторых проблемах изучения. С. 293–306.

Н.В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородко (Проблемы изучения). С. 323–331.

Моисеенко Л.Н. Цвет и свет в творчестве Н.В. Гоголя // *Studia Slavica Savariensia – VII. Nemzetközi szlavisztikai napok. Szombathely, 2002.* С. 343–362.

Мостовская Н.Н., Кан Ын Кён. Творчество Гоголя и эстетика абсурда (некоторые наблюдения) // *Время и текст: Историко-литературный сб.* СПб., 2002. С. 155–161.

Музалевский М.Е. К вопросу о цикличности пространства-времени в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // *Литературоведение и Журналистика.* Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002.

Нгуен Бао Кхань. Семантические историзмы в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // *Филологические традиции и современное литературное образование.* М., 2002. С. 74–81.

Н.В. Гоголь. Лирические отступления. Птица тройка. Графический аккомпанемент Александра Лаврухина. М., 2002. 12 с.

[Графика А. Лаврухина.]

Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой: Учебное пособие. М.: АСТ: Астрель, 2002. 63 с. – (Сер. Школьные сочинения).

«Не с вами он...»: (К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя) / Вступ. статья, коммент., подгот. текста Г.Ю. Борисовой // *Отечественный архив.* М., 2002. № 5. С. 64–78.

Немзер А. Памятные даты. М.: Время, 2002. 512 с.: ил.

Н.В. Гоголь. Не дает ответа! С. 154–161.

Никишаева В.П. Птица-тройка и Павел Иванович Чичиков: (Люди и животные в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души») // *Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении.* Новосибирск, 2002. Т. 1. С. 227–232.

Николай Гоголь – в России и Украине // *Роман-журнал XXI век.* М., 2002. № 4. С. 4.

[По поводу презентации в Киеве в Фонде культуры Украины 17 апреля 2002 года тома сочинений Гоголя с предисловием президента Украины Л.Д. Кучмы и посла России в Украине В.С. Черномырдина. Издание осуществлено изд-вом «Московский писатель» при участии Союза писателей России и Фонда культуры Украины.]

Николаенко А. Заключительная драма Гоголя // *Таганрогская правда.* Таганрог, 2002. 1 марта. С. 6.

Нечипоренко Ю. Космогония Гоголя // *Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября».* М., 2002. № 1. С. 2–3.

Новый Век: Православная общественно-просветительская газета с книжно-рекламным обозрением. М., 2002. № 2(22). 20 с.

[Посвящается 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя.]

Содерж.:

Анастасий (Грибановский), митрополит. Мысли о Гоголе. С. 2. [Фрагмент.]

[Печ. по изд.: *Анастасий (Грибановский)*, митрополит. Мысли о Гоголе // Сборник статей, посвященных памяти Н.В. Гоголя (1852–1952). Буэнос-Айрес, 1952].

Восторгов Иоанн, священномученик, протоиерей. Честный служитель слова. Речь на панихиде по Н.В. Гоголю при открытии ему памятника в Тифлисе (1903). С. 3. [Фрагмент.]

[Печ. по изд.: Протоиерей Иоанн Восторгов. Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. 2. СПб.: Изд-во Царское дело, 1995 / Репринтное издание.

Воропаев В. Последнее пристанище. С. 3–5.

Виноградов И. Узы небесного братства. С. 6–7.

Споров Б. Дело, взятое из души. С. 8–9.

Виноградов И. Спасен я был Государем. Неизвестное письмо Н.В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу. С. 10–11.

Воропаев В. Лестница, возводящая на небо. С. 12–14.

Перенесение праха Н.В. Гоголя. С. 15–16.

[Печ. по изд.: Перенесение праха Н.В. Гоголя / Публ. Л. Ястржембского // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. 1. М.: Студия «Тритэ» – «Российский Архив», 1991.]

[Записка В.Г. Лидина «Перенесение праха Гоголя» из архива московского краеведа Б.С. Земенкова.]

Споров Б. Новый Гоголь. С. 17.

[Рец. на кн.: Гоголь Н.В. Духовная проза / Сост., вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Отчий дом, 2001. 568 с.]

Воропаев В. Песнь благодарения Богу. С. 18.

[Рец. на кн.: Неизданный Гоголь. Издание подгот. И.А. Виноградов. М.: Наследие, 2001. 600 с.: ил.]

Споров Б. Ближе к родине небесной. С. 19–20.

[Рец. на кн.: Переписка Н.В. Гоголя с Н.Н. Шереметевой / Вступ. и сопроводит. статьи И.А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Наследие, 2001. 288 с.]

Одной «страшной тайной» станет меньше. Найдено письмо, проливающее свет на смерть Гоголя // Известия. М., 2002. 29 апр. № 75. С. 8.

[Беседа обозревателя газеты Ю. Рахаевой с Ю. В. Манном. Отрывок из письма Н.А. Рамазанова Н.В. Кукольнику.]

Озерова И.Г. Обиходная речь персонажа как отражение его социального статуса (на материале пьесы Н. Гоголя «Женитьба») // Література та культура Полісся. Вып. 19. Ніжин, 2002. С.28–32.

Осадчая Л.А. Повесть «Невский проспект» как введение к «Петербуржским повестям» Н.В. Гоголя // Молодая филология: сб. научных трудов. Вып. 4. Ч. 1. Новосибирск, 2002. С. 33–41.

Павлова О.В. Мотив кладоискательства в произведениях Гоголя и Ирвинга // Мир романтизма: Материалы международной научной конференции «Мир романтизма» (X Гуляевских чтений). Тверь, 2002. С. 80–86.

Падерина Е. Мотив книги и чтения в творческом сознании Н.В. Гоголя // Театр. М., 2002. № 4. С. 17–21.

Патеев Р. Хлестаков заговорил на суахили и... покорил Занзибар // Азия и Африка сегодня. 2002. № 7. С. 75–76: ил.

[Российский культурный центр в Танзании провел презентацию суахилийского издания «Ревизор». Постановка пьесы на сцене Российского культурного центра в Дар-эс-Саламе.]

Песков В. Тайны жизни и загадки смерти // Загородные вести. [Тула,] 2002. 15 мая.

[Гоголь и Хомяковы.]

Петренко А.Ф. Сюжеты и герои булгаковской прозы 1920-х годов: уроки Гоголя // Вестник Пятигорского лингвистического ун-та. Пятигорск, 2002. № 4. С. 35–39.

Петров А.В. К вопросу о смыслообразующей тенденции жанра «Повести о капитане Копейкине» // Русская повесть как форма времени: сб. статей. Томск, 2002. С. 155–164.

Православная традиция в художественном творчестве и общественной мысли (XIX–XX вв.). Вып. 1. Русская литература и религиозная живопись (XIX век). Хрестоматия / Сост. Г.Н. Мелехова. М., 2002. 272 с.

Николай Васильевич Гоголь. С. 121–172.

Прозоров В.В. Хлестаков и Пушкин в сюжете комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Филология: межвузовский сб. научных трудов. Вып. 5: Пушкинский. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. С.149–153.

Прокопенко В. Тарас Бульба местного разлива // Московский комсомолец. М., 2002. 18–25 июля. С. 28.

[О переводе повести Гоголя «Тарас Бульба» на украинский язык.]

Простаков В. Гоголь в Риме // Italica! М., 2002. Февраль. № 2 (26). С. 10.

Рапацкая Л.А. Русская художественная культура: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманитарный издательский центр Владос, 2002. 608 с.

[Н.В. Гоголь. С. 342–345.]

Раскольников Ф.А. Статьи о русской литературе. М.: Вагриус, 2002. 351 с.

Из содерж.:

Стиль как содержание: опыт анализа отрывка из повести Гоголя «Старосветские помещики» «Нечто совершенно оригинальное»: к вопросу о жанре поэмы Гоголя «Мертвые души».

[Указ. имен.]

«Ревизор» в театре имени Вс. Мейерхольда: сб. статей / Сост. А.А. Гвоздева; РАН. Институт истории искусств. СПб.: Академия, 2002. 151 с.: ил. – (Современный театр; Вып. 4).

Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 7: Ахру / Подгот. текста, статья, коммент. Е.Р. Обатниной. М., 2002. 604 с.

[О Гоголе: С. 564–567.]

Ронен И. Идеи Тынянова и замысел книги Эйзенштейна о Пушкине и Гоголе // Звезда. СПб., 2002. № 12. С. 194–197.

[«Ревизор» Гоголя как пародия на «Бориса Годунова» А.С. Пушкина.]

Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 1: А – Ж. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос»: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2002. 688 с.: ил.

Гоголь Н.В. С. 466–467.

Ростовцева И. Выбранные места из общения с классиками // Литературная Россия. М., 2002. 19 апр. № 16.

Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 2002. 599 с.

[О Гоголе: С. 377–379.]

Румянцев А. «Душевная правда» Николая Гоголя // Сибирь. Иркутск, 2002. № 2. С. 173–193.

[«Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя.]

Рюпина С.В. Кем приходится гусак свинье, или Образы животных в «Миргороде» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2003. Вып. 6. С. 30–33.

Рылов Ю.А. Гоголь – переводчик? // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 2002. Вып. 18. С. 52–60.

[Атрибуция Гоголю перевода комедии Дж. Жиро «Дядька в затруднительном положении» (для бенефиса М.С. Щепкина в 1839 г.)]

Савенкова Л.Б. Паремии в драматургии Н.В. Гоголя // Русская литература XIX века в контексте мировой культуры. Ростов на Дону, 2002. С. 75–76.

Самойленко Г.В. Нежин – город юности Гоголя. Нежин: НГПУ [Нежинский гос. пед. ун-т], 2002. 262 с.

Сапожникова Н.В. «Русский танатос» Н.В. Гоголь в письмах о цене жизни, смерти и бессмертии // Мировоззрение и культура: сб. статей / Под общ. ред. В.В. Кима; Российское философское общество и др. Екатеринбург: Изд-во «Банк культурной информации», 2002. С. 342–354.

Сапченко Л. Сумасшедший дом в произведениях русской литературы (От Карамзина – к Чехову) // Вопросы литературы. М., 2002. Вып. 6. С. 342–353.

Сахаров В. Потемкин и запорожцы у Гоголя: Материалы к историческому комментарию // Литературная Россия. М., 2002. 29 ноября. № 48. С. 10.

Сахаров В.И. Русская проза XVIII–XIX веков. Проблемы истории и поэтики: Очерки. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 216 с.

Из содерж.:

Проза Гоголя и романтическая традиция. С. 62–82.

«...Предвижу большой талант» (В.Ф. Одоевский и Гоголь). С. 83–97.

Суровый наследник (Гоголь и Лев Толстой). С. 98–107.

[Реф.: *Михайлова О.В.* // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 7. Литературоведение. М., 2004. № 1. С. 98–104.]

[О Гоголе: С. 101–102.]

Свиридов Г.В. Музыка как судьба / Сост., предисл. и коммент. А.С. Белоненко. М.: Молодая гвардия, 2002. 798 [2] с.: ил. – (Библиотека мемуаров. Близкое прошлое; Вып. 2). [Указ. имен.]

Сегень А. Гоголь // Российский писатель. М., 2002. Март. № 6(33). С. 4.

[Выступление на могиле писателя 4 марта 2002 года.]

Сегень А. На могиле Гоголя // Роман-журнал XXI век. М., 2002. № 4. С. 24.

Седов Н.К. «Женитьба Н.В. Гоголя и раннее творчество Ф.М. Достоевского // Автор. Текст. Аудитория: межвузовский сб. научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. С. 18–22.

Сергеев В. Сенсации не получилось // Таганрогская правда. Таганрог, 2002. 12 июля. С. 5.

[Интервью с А.И. Николаенко о публикации письма Н.А. Рамазанова к Н.В. Кукольникову.]

Сдобнов В.В. Русская литературная демонология: Этапы развития и творческого осмысления: Монография. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. 316 с.

[О Гоголе: С. 290–297.]

Сивкова А.В. Основные лексические парадигмы в повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и новелле Э.Т.А. Гофмана «Приключение в ночь под Новый год» // Балтийские исследования: сб. научных трудов. Вып. 1. Калининград, 2002. С. 53–60.

Симонова И.А. Федор Чижов. М.: Молодая гвардия, 2002. 279 с.: ил. – (Жизнь замечательных людей. Сер. биограф. Вып. 805).

Синяк Е.В. Язык как средство трансляции культуры (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Материалы научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация». М.: МГПУ [Московский городской пед. ун-т], 2002.

Синяк Е.В. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: историко-функциональный анализ // Сборник работ молодых ученых МГПУ [Московский городской пед. ун-т.] Вып. 10. М.: МГПУ, 2002.

Синяк Е.В. Программа спецкурса «Мы изучаем творчество Н.В. Гоголя» // Научно-методический сборник «Школа с русским этнокультурным компонентом». М.: МГОПУ [Московский гос. открытый пед. ун-т] им. М.А. Шолохова, 2002.

Скобельская О.И. «Пушкинское» и «гоголевское» как различные возможности творческого самовыражения // Вісник Черкаського ун-ту. Черкаси, 2002. Сер. Філологічних наук. Вип. 29. С. 100–105.

Скобельская О. Русский усадебный мир: Нестандартный урок по поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». 9 класс // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України. Киев, 2002. № 4. С. 37–39.

Скураатовский В. Гоголь – тайный советник Европы // Зарубіжна література. Киев, 2002. № 45. С. 8.

Смирнов А.С. Принципы анализа иронического дискурса романтической эпохи // Современные методы анализа художественного произведения. Смоленск, 2002. С. 71–80. [Романтическая ирония в повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка».]

Сокол Е.М. В.Г. Белинский в творческих судьбах Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского 1840-х годов (к проблеме методики трактовки зальцбруннского письма Белинского Гоголю) // Исследовательская деятельность педагога как фактор повышения профессионального мастерства: Материалы I методологической городской конференции педагогов г. Ханты-Мансийска. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. С. 47–54.

Споров Б. Знаем ли мы Гоголя? В год 150-летия со дня смерти писателя этот вопрос, как никогда, актуален // Учительская газета. М., 2002. 9 апреля. № 15. С. 19.

Споров Б. «...Ближе к родине небесной» // Литературная учеба. М., 2002. Кн. 3. С. 218–220.

[Рец. на кн.: Переписка Н.В. Гоголя с Н.Н. Шереметевой / Вступ. и сопроводит. статьи И.А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Наследие, 2001. 288 с.]

Споров Б. Ближе к родине небесной // Москва М., 2002. № 7. С. 199–202.

[Рец. на кн.: Гоголь Н.В. Духовная проза / Сост., вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Отчий дом, 2001. 568 с.; Переписка Н.В. Гоголя с Н.Н. Шереметевой / Вступ. и сопроводит. статьи И.А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Наследие, 2001. 288 с.]

Степанов Н.С. Михаил Булгаков – продолжатель традиций русской классической сатиры // Русская литература накануне третьего тысячелетия: Итоги развития и проблемы изучения. Вып. 3. Киев: Логос, 2002. С. 192–199. [О Гоголе: С. 193–194.]

Степанян В.Н. Предсмертные слова знаменитых людей. СПб.: Филологический ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2002. 220 с.
Николай Васильевич Гоголь. С. 138.

Струтинская Е.И. От Гофмана к Гоголю. Сценографические работы В.В. Дмитриева 20-х годов // Люди и судьбы. XX век. Книга очерков. М.: ОГИ, 2002. С. 103–115.

Супронюк О.К. Из разысканий о П.И. Мартосе, авторе письма к Пушкину 1836 г. // Пушкин и его современники: сб. научных трудов. СПб., 2002. Вып. 2. С. 371–379.

Суркова К.В. «Мельмот Скиталец» Ч.Р. Метьюрина и «Портрет» Н.В. Гоголя: проблема традиций // Филология в системе современного университетского образования. Вып. 5. М., 2002. С. 55–58.

Таганрожец проливает свет на отношения Гоголя и Кукольника // Таганрогская правда. Таганрог, 2002. 5 февр. С. 3.

[О публикации работы А.И. Николаенко в сборнике трудов Нежинского педагогического университета.]

Тазбир Я. «Тарас Бульба» – наконец по-польски // Новая Польша. Варшава, 2002. № 5. С. 33–40.

[Краткое изложение см.: *Душенко К.В.* // Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел культурологии М., 2004. № 4. С. 42–45.]

Талашов Г.П. Пушкин, Гоголь, Лермонтов на страницах «Литературной газеты» (1840–1845). СПб., 2002. 47 с.

Тарасова Е.К. Н.В. Гоголь в немецкоязычном литературоведении (70–90 годы XX века). М.: Эдиториал УРСС, 2002. 160 с.

[Рец. *Воропаев В.А.* // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2002. № 3. С. 227–230.]

Тимофеева И.Ф. Проблема творческого переосмысления текста художественного произведения при переводе («Шинель» Н.В. Гоголя в Италии) // Материалы XLI МНСК «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2002. С. 6–8.

Томачинский В. Стилистический синтез Гоголя // Континент. Париж; М., 2002. № 4(114). С. 372–384.

Троцюк С.Н. Лингвистический анализ художественного текста как средство развития связной речи на уроках русского языка при обучении студентов нефилологических факультетов (Из опыта работы в ГПА: теоретические посылки к проблеме) // Современные вопросы филологии: сб. научных трудов кафедры русского языка и литературы ГПА [Гос. полярная академия]. Вып. 2: Методика преподавания русского языка. Проблемы лингвистики и литературоведения. СПб., 2002. С. 23–28.

Трочини К. О влиянии идеалистической эстетики на творчество Н.В. Гоголя: «Арабески» // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 2002. Вып. 18. С. 39–52.

[«Арабески» Гоголя и эстетика русского романтизма.]

Труайя Анри. Гоголь в Париже / Пер. с фр. Н.Т. Унанянц // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2002. № 1. С. 18–25.

[Статья 1971 г.]

Труайя Анри. Русские биографии / Публ. и пер. с фр. Н.Унанянц // Наука и жизнь. М., 2002. № 1. С. 72–78.

Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. 448 с.: ил. – (Из наследия русской эмиграции).

Содерж.:

От составителя. С. 5–10.

Погодин А. Поразительная книга. С. 13–17.

[Впервые: Новое Время. Белград, 1925. 15 февраля. № 1139.]

Лукаш Иван. Поликсена (Из рассказов деда о Гоголе). С. 18–27.

[Впервые: Перезвоны. Рига, 1925. № 4. С. 81–85.]

Айхенвальд Ю. «Человек, который смеется» (К 75-летию кончины Гоголя). С. 28–31.

[Впервые: Сегодня. Рига, 1927. 4 марта. № 51.]

Кульман Н. Душевная драма Гоголя (К 75-летию со дня кончины). С. 32–39.

[Впервые: Возрождение. Париж, 1927. 6 марта.]

Новгородцев П.И. Гоголь в его «Переписке с друзьями». С. 40–53.

[Впервые: Россия и славянство. Париж, 1929. 27 апреля. [Статья-лекция, опубликована посмертно.]

Ремизов А. Тайна Гоголя. С. 54–59.

[Впервые: Воля России. Прага, 1929. № 8–9. С. 63–67.]

Амфитеатров А. Женщины Гоголя (К 80-й годовщине кончины Гоголя). С. 60–67.

[Впервые: Сегодня. Рига, 1932. 6 марта.]

Северянин И. Гоголь. С. 68.

[Из книги: Северянин И. Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах. Белград, изд. автора, 1934.]

Ходасевич В. Памяти Гоголя. С. 69–76.

[Впервые: Возрождение. Париж, 1934. 29 марта.]

Адамович Г. Андрей Белый и Гоголь. С. 77–83.

[Впервые: Последние Новости. Париж, 1934. 14 июня. № 4830.]

Бицилли П. Гоголь и Чехов (Проблема классического искусства). С. 84–97.

[Впервые: Современные Записки. Париж, 1934. № 56. С. 298–308.]

Зайцев Б. Жизнь с Гоголем. С. 98–118.

[Впервые: Современные Записки. Париж, 1935. № 59. С. 272–287.]

Флоровский Г., протоиерей. Проблема христианской культуры у Гоголя (Из книги «Пути русского богословия»). С. 119–133.

[Впервые: *Флоровский Г.,* протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 260–270.]

Лозинский Г.Л. Пушкин и Гоголь («Евгений Онегин» и «Мертвые души»). С. 134–138.

[Впервые: «Пушкин. Однодневная газета». Париж, 1937. Февраль.]

Туроверов Н. Гоголь. С. 139–140.

[Из книги: *Туроверов Н.* Стихи. Книга четвертая. Париж, 1942. См. также: Русская Мысль. Париж, 1952. 5 марта. № 429.]

Ильин И. Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни. С. 141–184.

[Впервые: *Ильин И.А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 3. М.: Русская книга, 1997. С. 240–276. В основу трактата положена лекция на немецком языке, прочитанная И. Ильиным в Цюрихе в марте 1944 года (пер. З.Г. Антипенко).]

Федотов Г. О книге В. Набокова «Nicolai Gogol» (Norfolk, Conn., New Directions, 1944). С. 185–187.

[Впервые: Новый Журнал. Нью-Йорк, 1944. № 9.]

Чижевский Д. Неизвестный Гоголь. С. 188–230.

[Впервые: Новый Журнал. Нью-Йорк, 1951. № 27. С. 126–158.]

Тэффи Н. После юбилея (Отрывки впечатлений и разговоров). С. 231–245.

[Впервые: Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 1952. 16 марта.]

Иоанн (Шаховской), епископ. Душа Гоголя (К 100-летию со дня его кончины). С. 246–249.

[Печ. по изд.: Россия. Нью-Йорк, 1952. 7 июня. № 4890. См. также: Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 1952. 30 марта. В основу статьи положено выступление владыки Иоанна в программе радиостанции «Голос Америки», вещавшей на СССР.]

Мейер Г. Трудный путь (Место Гоголя в метафизике российской литературы). С. 250–277.

[Впервые: Возрождение. Париж, 1952. № 19. С. 159–175.]

Ремизов А. Сердечная пустыня (Из книги «Огонь вещей»). С. 278–287.

[Впервые: Опыты. Нью-Йорк, 1953. № 2. С. 34–40.]

Зеньковский В., протопресвитер. Н.В. Гоголь (Из книги «Русские мыслители и Европа»). С. 288–305.

[Из книги: *Зеньковский В.* протопресвитер. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1955. С. 43–63.]

Зеньковский В., протопресвитер. Памяти Н.В. Гоголя (К 150-летию со дня рождения). С. 306–309. [Впервые: Вестник РСХД. Париж, Нью-Йорк, 1959. № 53. С. 1–3.]

Иванов Г. «По улице уносит стружки...». С. 310.

[Из книги: *Иванов Г.* Стихи. 1943–1958. Нью-Йорк, 1958.]

Шик А. Юность Никоши (Из книги «Безрадостная жизнь Гоголя»). С. 311–329.

[Впервые: Мосты. Мюнхен, 1958. № 1. С. 253–265.]

Тхоржевский И. Николай Васильевич Гоголь. С. 330–338.

[Впервые: Возрождение. Париж, 1959. № 87. С. 5–10.]

Газданов Г. О Гоголе. С. 339–356.

[Впервые: Мосты. Мюнхен, 1960. № 5. С. 171–183.]

Ильин В.Н. Адский холод Гоголя. С. 357–380.

[Впервые: Возрождение. Париж, 1962. № 131. С. 71–86.]

Анненков Ю. Театр Гоголя. С. 381–402.

[Впервые: Возрождение. Париж, 1964. № 154. С. 61–75.]

Коммент. С. 405–432.

Об авторах. С. 433–440.

Тулякова Е.И. Истоки гоголевской философии природы (на материале статей и писем 1825–1833 гг.) // Проблемы литературных жанров: Материалы X международной конференции, посвященной 400-летию г. Томска 15–17 октября 2001 г. Томск: Издание Томского гос. ун-та, 2002. Ч. 1. С. 167–171.

Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция. Избранные труды. М.: Аграф, 2002. 496 с.

Из содерж.:

Достоевский и Гоголь (к теории пародии). С. 300–339.

У могилы Гоголя // Вестник Союза писателей России. М., 2002. Январь – Июнь. С. 54–55.

Удодов Б.Т. Художественная антропология «Мертвых душ» // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 2002. Вып. 18. С. 5–26.

Улыбина О.Б. Гоголь и романтическая модель сна в русской литературе 20–30-х гг. XIX века // Филологический вестник. Вып. 3. Саранск, 2002. С. 131–138.

Умерканов Ф. Мысли мои, мое имя, мои труды будут принадлежать России: К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя // Бельские просторы. Уфа, 2002. № 2. С. 170–175.

Устименко Н.М. Гоголевский интертекст в рассказе В.М. Шукшина «Забуксовал» // Русская литература XIX века в контексте мировой культуры. Ростов на Дону, 2002. С. 77–79.

Фанкин Ю. Очищение огнем. Повесть о Н.В. Гоголе / Ил. к произведениям Гоголя Ф. Москвитина // Роман-журнал XXI век. М., 2002. № 4. С. 8–23.

Фаустов А.А. Мечта и истина в «Невском проспекте» // // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 2002. Вып. 18. С. 26–39.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). СПб., 2002. [О Гоголе: С. 66–67.]

Феномен «Шинели» Н.В. Гоголя в свете философского мирозерцания писателя (К 160-летию издания): Коллективная монография. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 212 с.

Содерж.:

Предисловие: 3–7.

- Мирошников Ю.И.* Н.В. Гоголь – романтик. С. 8–24.
- Савенков А.И.* Духовность и ее выражение в творчестве Н.В. Гоголя. С. 24–44.
- Чернов Л.С.* Н.В. Гоголь и юродство. С. 45–70.
- Клягина Л.Р.* Эстетика «двух реальностей» в художественном мировоззрении Н.В. Гоголя. С. 70–85.
- Зырянов О.В.* «Вечная идея» гоголевской «Шинели»: герменевтические этюды. С. 86–165.
- Мирошниченков Ю.И.* Антропология гоголевской «Шинели». С. 165–191.
- Жуков Е.А.* История трех потрясений. С. 191–211.
[Рец.: *Зернов А.* «Шинель» как единство литературы и философии // Урал. Екатеринбург, 2003. № 9. С. 251–252.]
- Франк С.* Заражение страстями или текстовая «наглядность»: Pathos и ekphrasis у Гоголя // Экфрасис в русской литературе. М., 2002. С. 31–41.
[«Последний день Помпеи» Гоголя из сборника «Арабески» в контексте художественной критики России первой половины XIX в.]
- Фрик Т.Б.* Н.В. Гоголь и В.Ф. Одоевский в структуре пушкинского «Современника» (к вопросу о художественном единстве журнала) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. научных статей и тезисов II межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2002. С. 73–76.
- Хализев В.Е.* Теория литературы: Учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.
[Указ. имен.]
- Хатилин К.И.* Духовное завещание Гоголя // Русский вестник. М., 2002. 12 марта.
- Хомук Н.В.* Архитектоника сада в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» // Картина мира: модели, методы, концепты: Материалы междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука», 1–3 ноября 2001 г. Томск, 2002. С. 136–140.
- Хомук Н.В.* Отношения «я» – «другой» как циклообразующий фактор «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя // Проблемы литературных жанров: Материалы X международной научной конференции, посвященной 400-летию г. Томска 15–17 октября 2001 г. Томск, 2002. Ч. 1. С. 172–176.
[Формы диалога автора и героя в контексте жанровой поэтики «петербургских повестей» Гоголя.]
- Хомук Н.В.* «Староветские помещики» Н.В. Гоголя: к проблеме антропоцентричности художественного мира // Русская повесть как форма времени: сб. статей. Томск, 2002. С. 124–135.
- Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков: Библиографический указатель. 1800–2000 / Сост. А.П. Дмитриев, Л.В. Дмитриева; под ред. В.А. Котельникова. СПб.: Наука, 2002. 891 с.
[Указ. имен.]
- Целехович Т.П.* Мотив пути в художественном пространстве «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Творчество молодых 2002: сб. научных работ студентов и аспирантов УО «ГГУ им. Ф. Скорины» / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель, 2002. С. 242–243.
- Целехович Т.П.* Образ лестницы как концептоситель в пространстве поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Творчество молодых 2001: сб. научных работ студентов и аспирантов УО «ГГУ им. Ф. Скорины» / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель, 2002. С. 100–102.

Целехович Т.П. Семантические составляющие образа сада в творчестве Н.В. Гоголя // Наукові записки Ніжинського держ. пед. ун-ту ім. М. Гоголя. Сер. Філологічні науки. Ніжин, 2002. С. 26–30.

Целехович Т.П. Специфика реализации мотива смерти в творчестве Н.В. Гоголя // Слово и время. Первые научные чтения, посвященные памяти В.Н. Соболенко: сб. научных статей / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель, 2002. С. 171–176.

Чавдарова Д. Натюрморт в «Мертвых душах» Гоголя (тезисы) // Studia litteraria Polono-Slavica. W-wa, 2002. № 7: Portret – akt – martwa natura: Портрет – акт – натюрморт The portrait – the nude – the still life. С. 387–401.

Черная Т.К. «Повесть о капитане Копейкине» – идейно-эстетический центр «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Сборник материалов международной научной конференции «Русская литература XIX века в контексте мировой культуры. Ростов на Дону, 2002. С. 30–31.

Чернова Т.А. Новая шинель Акакия Акакиевича // Литература в школе. М., 2002. № 6. С. 24–26.

Чиж В.Ф. Болезнь Н.В. Гоголя: Записки психиатра. М.: ТЕРРА – Книжный клуб: Республика, 2002. 511 с.

Шаулов С.С. С.Т. Аксаков, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский: мифологическое в структуре текста // Конкурс научных работ студентов вузов Республики Башкортостан 2002 г.: сб. материалов. Уфа, 2002. С. 160–163.

Шорохов А. Великорусский Гоголь: История одной победы // Москва. Журнал русской культуры. М., 2002. № 1. С. 185–196.

Штильман С.Л. «Книга отражений». «Обломов» (Гоголевские мотивы в романе И.А. Гончарова) // Русская словесность. М., 2002. № 3. С. 28–33.
[Реминисценции из «Мертвых душ» Гоголя в романе И.А. Гончарова.]

Штильман С.Л. Литературные реминисценции из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Проблемы современного филологического образования. Вып. 2. М.; Ярославль, 2002. С. 92–98.

Штильман С.Л. Учимся читать классику от заглавия до последней строки: Пособие для учителей и учащихся. М.: Школьная Пресса, 2002. 160 с. – (Приложение к журналу «Русская словесность». Вып. 10).

Из содерж.:

<Говорящие имена у Гоголя>. С. 33–34.

Гоголь под маской гротеска. С. 81–92.

Шульц С.А. «Записки сумасшедшего»: топика и нарратив // Slavica Tergestina, 2002. № 10. С. 107–121.

Шульц С.А. «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя: топика и нарратив // Литературоведение XXI века: Письмо – текст – культура. Trieste, 2002. С. 107–121.

Шульц С.А. Из новых зарубежных исследований о Гоголе // Филологический вестник Ростовского гос. ун-та. Ростов, 2002. № 2. С. 73.

[Рец. на кн.: *Drubek-Meyer. N. Gogol's eloquentia corporis Eeinverlubung Identität und die Grenzen der Figuration München, 1998 364 S; Frank S. Der diskurs des Erhabenen bei Gogol und die longishe Tradition München, 1999. 469 s. Gøgøl Exploring Absense.*]

Шульц С.А. Историческая поэтика драматургии Л.Н. Толстого (герменевтический аспект). Ростов на Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. 240 с.
[О Гоголе: С. 55–57, 80–82, 176–177, 230, 233–234 и др.]

Эммануэль Вагеманс. Русская литература от Петра Великого до наших дней / Пер. с нидерланд. Д. Сильвестрова. М., 2002. 560 с.
Николай Гоголь. С. 104–112.

Юдина М.Б. «Анализ» и «синтез» в писательской рефлексии Гончарова 1870-х годов // Историко-литературный сборник. Тверь, 2002. Вып. 2. С. 59–69.

Янушкевич М.А. Рудименты архаического сознания в сюжетосложении комедий Аристофана и комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Классическая филология и Сибирь: Материалы регионального научно-методического совета по классической филологии. Томск, 2002. С. 68–76.

Яркова А.В. Очерки Б.К. Зайцева о Н.В. Гоголе в контексте литературной критики XX века // Пушкинские чтения... СПб., 2002. С. 213–218.

2003

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки / Ил. Н.В. Доценко. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 316 с.

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: повести. М.: Эксмо, 2003. 560 с. – (Сер. Русская классика).

Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Центрполиграф, 2003.

Вечера на хуторе близ Диканьки / Вступ. статья и коммент. И. Виноградова; рис. А. Лаптева. М.: Детская литература, 2003. 300 с.: ил. – (Школьная библиотека).
Загл. вступ. статьи: И по ту, и по эту сторону Диканьки. С. 5–46.
Коммент. С. 282–299.

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Сост., вступ. статья, коммент. В.А. Воропаева. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2003. 544 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).
Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 5–60.
Коммент. С. 503–534.

Приложение:

Воропаев В.А. Гражданин земли Русской. С. 535–542.

Духовная проза: Сборник. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 476 [4] с. – (Мировая классика).

Содерж.:

Выбранные места из переписки с друзьями. С. 7–234.

Авторская исповедь. С. 245–286.

Размышления о Божественной Литургии. С. 287–342.

Правило жития в мире. С. 343–350.

Из писем, набросков и записных книжек. С. 351–424.

Современники о Гоголе. С. 425–477.

Избранные сочинения: В 2 т. / Коммент. О. Дорофеева. М.: Мир книги: Литература, 2003.

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород.

Т. 2. Повести (1836–1842); Ревизор; Женитьба; Мертвые души.

Мертвые души. М.: Эксмо, 2003.

Мертвые души: Анализ текста. Основное содержание. Сочинения / Авт.-сост. Л.Д. Страхова. М.: Дрофа, 2003.

Мертвые души. Выбранные места из переписки с друзьями / Сост., коммент. В.А. Воропаева. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2003. 432 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Коммент. С. 371–417.

Приложения:

Мережковский Д.С. Из статьи «Гоголь и черт». С. 418–424.

Воропаев В.А. «Будьте не мертвые, а живые души». О названии поэмы Н.В. Гоголя. С. 424–429.

Молитва // Душе христианина: сб. духовной поэзии. Клязьма, 2003. С. 8–9.

Невский проспект / Худож. М.А. Бычков. Калининград: Янтарный сказ, 2003. 107 с. ил. *Кургатников А.* Невский – на все времена. С. 102–104.

Нос; Шинель; Мертвые души // Хрестоматия по литературе 8–11 классы: В 2 кн. Кн. 1 / Подгот. текстов У.Ю. Веринной. Минск: Харвест, 2003. 736 с.

Гоголь Н.В. С. 500–601. [Тексты печ. в сокращении.]

Песнь молитвенная ко Пресвятой Деве Марии Богородице // Русский паломник. М., 2003. № 27. С. 20.

Петербургские повести / Худож. Н. Домашенко; послесл. О. Сокуровой. СПб.: Изд-во «Геликон Плюс», 2003. 304 с.

Содерж.:

Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Коляска; Записки сумасшедшего; Рим (отрывок).

Загл. послесл.: Гоголевский Петербург: опыт духовного путешественника. С. 276–303.

О художнике этой книги. С. 303.

Петербургские повести: Шинель. Невский проспект. Нос. М.: ООО «Изд-во Астрель»: «Изд-во АСТ», 2003. 125 [3] с. – (Библиотека школьника).

Петербургские повести. Пьесы / Сост., коммент. В.А. Воропаева. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа: Вече, 2003. 368 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Коммент. С. 320–348.

Приложения:

Гоголь Н.В. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 349–354.

Гоголь Н.В. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 354–362.

Немирович-Данченко В.И. Из речи, произнесенной на торжественном заседании Общества любителей российской словесности в Москве 28 апреля 1909 г., посвященном столетию со дня рождения Н.В. Гоголя. С. 363–366.

Повести. Ревизор. Мертвые души. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 810 [6] с. – (Библиотека школьника).

Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 4: Ревизор / Подгот. текста и коммент. И.А. Зайцевой, Ю.В. Манна; отв. ред. тома Ю.В. Манн. М.: Наука, 2003. 1001 с.: ил.

Коммент. С. 537–888.

Ревизор. Комедия в пяти действиях / Вступ. статья В. Воропаева; коммент. И. Виноградова, В. Воропаева; рис. В. Бритвина. М.: Детская литература, 2003. 127 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии «Ревизор». С. 5–20.

Коммент. С. 120–126.

Ревизор. М.: АСТ: Астрель, 2003.

Старосветские помещики: повести / Вступ. статья В. Гуминского; коммент. В. Воропаева; рис. А. Симанчука. М.: Детская литература, 2003. 172 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Гоголь и четыре урока «Миргорода». С. 5–14.

Коммент. С. 151–171.

Тарас Бульба: Повесть / Вступ. статья В. Воропаева; коммент. И. Виноградова; худож. Е.А. Кибрик. М.: Детская литература, 2003. 188 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Гражданин земли Русской. С. 5–12.

Коммент. С. 167–188.

Тарас Бульба: Повесть / Пер. з рос. В. Шкляра. Київ: Дніпро, 2003. 164 с. На рус. и укр. яз.

Фонвизин Д.И. Бригадир. Недоросль. Грибоедов А.С. Горе от ума. Лермонтов М.Ю. Маскарад. Гоголь Н.В. Ревизор. Женидьба: пьесы. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 608 с. – (Русская классика).

Ревизор. С. 433–537.

Женидьба. С. 538–606.

ЛИТЕРАТУРА

Азарова Н.М. Текст. Пособие по русской литературе XIX века. Ч. 1. М.: Век книги, 2003. 512 с.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 363–501.

Азарова Н.М. Текст. Пособие по русской литературе XIX века. Ч. 2. М.: Век книги, 2003. 304 с.

Николай Васильевич Гоголь. С. 226–250.

Александрова Т.А. Н.В. Гоголь в оценках Д.С. Мережковского // Наукові записки Харківського держ. пед. ун-ту ім. Г.С. Сковороди. Харьков: ХГПУ, 2003. Вып. 1(33). С. 77–81.

Александрова Т.А. Н.В. Гоголь в оценке Л.Я. Гуревич // Литература в контексте культуры: сб. научных статей. Днепропетровск: ДНУ [Днепропетровский национальный ун-т им. О. Гончара], 2003. Вып. 12. С. 59–64.

Александрова Т.А. Н.В. Гоголь и русская культура «Серебряного века» // Восьмые международные чтения молодых ученых памяти Л.Я. Лившица: Тезисы. Харьков, 2003. С. 9–10.

Алексеев В.В. Свет Андроникова монастыря. М.: Глобус, 2003. 176 с.: ил.

Из содерж.:

Молитвенный подвиг Гоголя:

Размышление. С. 85.

Великий Россиянин. С. 86–90.

Пушкин и Гоголь. С. 91–95.

Живые и «мертвые души». С. 96–102.

Пророк святой Руси. С. 103–112.

Дом графа Толстого. С. 113–121.

«Я бываю часто у Хомяковых». С. 122–129.

Молитва Гоголя. С. 130–131.

Паломничество. С. 132–134.

Россия и монархия. С. 135–143.

Алексеева У.С. «Статья «Светлое Воскресение» и процесс создания образа идеального бытия в позднем творчестве Н.В. Гоголя // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 299–304.

Алпатова И. Брачные игры на подмостках жизни. «Женитьба» Гоголя в Театре им. М.Н. Ермоловой // Культура. М., 2003. 19–25 июня.

Алпатова И. Руки вверх! «Вий» в Театре имени Пушкина // Культура. М., 2003. 12–18 июня.

Анненкова Е.И. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя на рубеже культурных эпох // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. Языковедение. Лингводидактика. Чебоксары, 2003. № 4. С. 111–120.

Анненкова Е.И. Фольклорный, библейский и литературный аспекты мотива нищенства в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Фольклор: традиции и современность. Таганрог, 2003. Вып. 2. С. 92–98.

Арабов Ю. Человек по имени Гоголь // Киносценарии. М., 2003. № 5. С. 54–75. [Продолжение. Начало см. 1996. № 4].

Астапов С.Н. «Устремить все общество к прекрасному». Н.В. Гоголь // Русские мыслители. Ростов на Дону: «Феникс», 2003. С. 176–185.

Аржаных Т.Ф. Власть и интеллигенция в публицистике Н.В. Гоголя // Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения: Материалы научной конференции 30–31 мая 2003 г. Екатеринбург, 2003. С. 57–59.

Аржаных Т.Ф. Н.В. Гоголь о предназначении и исторической ответственности интеллигенции // Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации: Материалы XIV международной научно-теоретической конференции 25–27 сентября 2003 г. Иваново, 2003. С. 186–187.

Аржаных Т.Ф. Творческое наследие Н.В. Гоголя в идейной жизни России второй трети XIX века (К истокам становления самосознания русской дореволюционной интеллигенции) // Молодая наука в классическом университете: Материалы научной конференции-фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых 21–25 апреля 2003 г. Иваново, 2003. С. 41–42.

Архипова Ю.В. «Ревизор» Н.В. Гоголя: проблемы интерпретации // Проблемы литературного образования: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2003. Ч. 2. С. 99–102.

Афанасьев В. Опыт живой веры // Москва. Журнал русской культуры. М., 2003. № 3. С. 169–173.

[Рец. на кн.: *Воропаев В.А.* Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. М.: Макариевский фонд, 2002. 208 с.]

Базылев В.Н. Мещанин как семиотический типаж в русской культуре (Из семиотических комментариев к гоголевскому «Ревизору») // Семиотика и имиджология деловых культур. Тамбов, 2003. С. 42–44.

Базылев В.Н. Письмо Городничему и письмо Тряпичкину (Из семиотических комментариев к «Ревизору») // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. М.; Пенза, 2003. С. 118–121.

Баканова М.А. Эссе В.В. Набокова «Николай Гоголь» (К вопросу о литературных влияниях) // Филологические штудии. Иваново, 2003. Вып. 7. С. 61–65.

<Балдина Е.> [Рецензия] // Литературная учеба. М., 2003. Кн. 5. С. 131.

[Рец. на кн.: *Воропаев В.А.* Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. М.: Макариевский фонд, 2002. 208 с. – (Православные просветители России).]

Барабаш Ю. «Если я забуду тебя, Иерусалим...» Гоголь и Шевченко. Сравнительно-типологические опыты. [Харків:] Акта, 2003. 447 с. – (Сер. «Харківська школа»).

Барабаш Ю.Я. «Художник Петербургский!»: Гоголь и Шевченко: в едином культурном пространстве // *Нация. Личность. Литература.* Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 60–77.

Барановская Е.П. В защиту Блока // Святоотеческие традиции в русской литературе: сб. статей. Омск, 2003. С. 90–102.

Барановская Е.П. «Флора на петроградских улицах»: об эллинистической сущности Петербургского текста // *Пушкинские чтения. Петербургский текст повседневной культуры: Материалы всероссийской научной конференции.* СПб., 2003. С. 69–76.

Барановская Е.П., Мисюров Н.Н. «Золотой горшок» Э.Т.А. Гофмана как романтическая модификация платоновских мифов // *Вестник Омского ун-та.* Вып. 2(28). Омск, 2003. С. 66–68.

Бегунов В. Загадочная улыбка ведьмы. «Панночка» Нины Садур в Областном театре им. А. Островского // *Культура.* М., 2003. № 29.

Безруков А.А. В. Кожин – теоретик 60-х годов и православная сущность русской классической литературы XIX века: к вопросу об определении художественного метода Н.В. Гоголя, создателя поэмы «Мертвые души» // *Наследие В.В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии: Материалы II международной научно-практической конференции.* Ч. 2. Армавир, 2003. С. 3–8.

Белая А.С. О лингвокультурологической информативности бытовой лексики в произведениях С.Т. Аксакова и Н.В. Гоголя // *Аксаковские чтения Уфа,* 2003. Ч. 2. С. 3–6.

Белова Н.А. Малые литературные жанры в контексте прозаических циклов Н.В. Гоголя // *Научные труды Нижневартковского гос. пед. ин-та.* Нижневартовск, 2003. Вып. 1. С. 121–132.

[Особенности циклизации «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя.]

Белова Н.М. Общественный быт России в книге маркиза де Кюстина «Россия в 1838 году» и гротескные образы Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина // *Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Саратов,* 2003. Т. 3. Вып. 2. С. 125–128.

Белоногова В.Ю. Выбранные места из мифов о Пушкине. Нижний Новгород: Деком, 2003. 120 с.

Белоногова В. Штраф за жадность // *Алфавит.* М., 2003. № 39.

Белоусова В. «Он в Риме был бы Брут...» // *Studia rossica posnaniensia.* Poznan, 2003. Z. 31. С. 19–23.

[Аллюзия на П.Я. Чаадаева в повести «Вий».]

Белявская Л.Н. «Как непонятен человек...» (Символическое прочтение поэмы Н.В. Гоголя «Ганц Кухельгартен») // *Нелинейный мир науки, образования, культуры.* М.; Астрахань, 2003. С. 193–198.

Бен Г. Был ли Тарас Бульба антисемитом и что думал об этом Гоголь? // *Звезда.* 2003. № 7. С. 203–207.

Березко А.Ф. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: к проблеме жанрового своеобразия // Наука. Образование. Культура: Материалы VI международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов, Брянск, 23 апреля 2003 г. / Брянский гос. ун-т им. И.Г. Петровского; редкол.: В.Д. Соколов [и др.]. Брянск, 2003. С. 24–27.

Березко А.Ф. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: к проблеме жанровой специфики // Инновации 2003: Материалы X Республиканской студенческой научно-практической конференции. Мозырь, 24–25 апреля 2003 г. / МозГПИ им. Н.К. Крупской; под ред. В.В. Валетова. Мозырь, 2003. Ч. 1. С. 127–128.

Березко А.Ф. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: к проблеме формирования синтетического жанра // Слово и время: Материалы научной конференции, посвященной 60-летию Н.Н. Воинова, Гомель, 25–26 сентября 2003 г.: В 2 ч. / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; редкол.: Л.Л. Ермакова [и др.]. Гомель, 2003. Ч. 1. С. 96–100.

Беспалова Е. В Симбирске удивительно весело... // Мономах. [Ульяновск,] 2003. № 2(33). С. 26–27.

[О намерении Гоголя посетить Симбирск в 1850 г.]

Блюм А.В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2003. 404 с.

[О Гоголе: С. 72, 288–289, 336–337.]

Большая литературная энциклопедия / Красовский В.Е. и др. М.: Филологическое об-во «Слово»: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. 845 с.: ил.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). С. 143–179.

Боровиков Д.С. Титулярные «сочинители» (О пишущих героях «петербургских» повестей Н.В. Гоголя) // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2003. Вып. 6. С. 33–36.

Булгаков Николай, священник. «Душа слышит свет». Н.В. Гоголь – про нас. М.: Издание Храма Державной иконы Божией Матери, 2003. 81 с.

[Приложение:]

Священномученик митрополит Серафим (Чичагов). Слово в 100-летнюю годовщину рождения Н.В. Гоголя. С. 74–79.

Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / Сост, примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2003. 608 с. – (Русские мемуары. Москва и москвичи).

Комик Щепкин о Гоголе. С. 493–495.

Буслакова Т.П. Русская литература XIX века: Учебный минимум для абитуриента. М.: Высшая школа, 2003. 574 с.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 321–348.

Вайман С. Драматический диалог. М.: Едиториал УРСС, 2003. 208 с.

Гоголевская диалогика. С. 123–132.

Вайскопф М. Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 568 с. – (Научная библиотека).

Из содерж.:

Поэтика петербургских повестей Гоголя (Приемы объективации и гипостазиования). С. 47–105. [Впервые: Slavica Hierosolymitana. 1978. № 3.]

Путь паломника: Гоголь как масонский писатель. С. 106–119.

[Первая публ.: Путь паломника (о масонских и теософских источниках Гоголя) // Russian Literature and History / In Honour of Professor Ilya Serman. Jerusalem. 1989. Здесь печатается по

тексту: *Вайскопф М.* Гоголь как масонский писатель // Гоголевский сборник / Под ред. С.А. Гончарова. СПб., 1993.]

Путешествие в Египет: опыт истолкования гоголевского «Вия». С. 120–145.
[Впервые: Wiener Slawistischer Almanach. 1991. № 21.]

Гоголь и Скворода: проблема «внешнего человека». С. 146–163.
[Впервые: Советское славяноведение. 1990. № 4.]

Нос в Казанском соборе: о генезисе религиозной темы у Гоголя. С. 164–185.
[Впервые: Wiener Slawistischer Almanach. 1987. – Bd. 19.]

Материал и покррой гоголевской «Шинели». С. 186–196.
[Доклад на международной научной конференции «Гоголь как явление мировой литературы» (ИМЛИ, ноябрь, 2002 г.).]

Птица тройка и колесница души: Платон и Гоголь. С. 197–218.
[Доклад, прочитанный в апреле 1988 г. на симпозиуме «Логос Гоголя» в университете Уэсли (США). На рус. яз. впервые: Гоголь: Материалы и исследования / Под ред. Ю.В. Манна. М., 1995.]

Отрицательный ландшафт: имперская мифология в «Мертвых душах». С. 219–233.
[Впервые: Русский текст. 1995. № 3.]

Вечность и время в поэтике Гоголя. С. 234–254.
[Впервые: Гоголевский сборник / Под ред. С.А. Гончарова. Вып. 2. СПб., 1994.]

«Зачем так звучно он поет?» Гоголь и Белинский в борьбе с Пушкиным. С. 255–271.
[Доклад, прочитанный на Пушкинском семинаре Иерусалиме в январе 1999 г. и на юбилейной международной конференции «Пушкин и пушкинистика на пороге XXI века» 1 июня 1999 г. в Москве // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 44.]

Семья без урода. Образ еврея в литературе русского романтизма. С. 300–334 [О Гоголе. С. 326–329 и др].
[Впервые: Новое литературное обозрение. М., 1998. № 28.]

[Рец.: *Борисова И.* Сюжет Вайскопфа // Параллели. М., 2005. № 6/7. С. 435–438.]

Васильков Я.В., Разаускас Д. Балтийский ключ к проблеме Вия-Вайю // Scripta Gregoriana. М., 2003. С. 24–46.

[Балто-индоиранские корни корни образа Вия в одноименной повести Гоголя.]

Василькова А. Совсем не Гоголь и не совсем Шекспир // Культура. М., 2003. № 16.

[О постановке кукольного спектакля «Невский проспект» в петербургском театре «Потудань».]

Венедиктова Т. Из пира в мир, или Заложник грезы (Писательский «анекдот» от В. Ирвинга и Н.В. Гоголя) // Вопросы литературы. М., 2003. № 3. С. 168–187.

[Мифологема сна в новелле У. Ирвинга «Рип Ван Винкль» и в «Коляске» Гоголя.]

Венедиктова Т. Писатель как герой литературного мифа: Ирвинг и Гоголь // Популярная литература: Опыт культурного мифотворчества в Америке и в России. М., 2003. С. 123–133.

[Сравнительный анализ новеллы У. Ирвинга «Рип Ван Винкль» и повести Гоголя «Коляска».]

Ветчинкина Ю.В. Оппозиция «свое – чужое» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки Н.В. Гоголя (Предисловия) // Пространственно-временные модели художественного текста. Самара, 2003. С. 95–102.

Видугирите И. Репрезентация женщины в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Литература. Научные труды. 2002. Т. 44(2). Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 2003. С. 7–18.

Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой / Отв. ред. А.П. Чудаков; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 2003. 390 с.

Из содерж.:

О языке ранней прозы Гоголя. С. 5–53.

[Впервые: Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 94–138.]

Язык Гоголя и его значение в истории русского языка. С. 54–96.

[Впервые: Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.; Л., 1953. Т. 3. С. 4–44.]

Виноградов И.А. Гоголь и юный Достоевский // Домашний лицей. М., 2003. № 3. С. 20–31.

Виноградов И.А. Н.В. Гоголь и С.С. Уваров: из истории взаимоотношений // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 127–149.

Виноградов И.А. «Ночь перед Рождеством». Чарующий мир гоголевской прозы // Домашний лицей. М., 2003. № 1. С. 2–12.

Виноградов И.А. Художник-христианин: Об изучении творчества Н.В. Гоголя // Филология и школа. М., 2003. Вып. 1. С. 260–295.

Виноградова З.В. «Искусство как прием» Н. Гоголя // Актуальные вопросы изучения литературы, русского языка и проблемы столичного образования: Материалы второй межвузовской научно-практической конференции молодых ученых-филологов. М.: МГПУ [Московский городской пед. ун-т], 2003. С. 24–29.

Виноградова З.В. Размышления о стиле М.Я. Козырева и Н.В. Гоголя // Актуальные вопросы изучения литературы, русского языка и проблемы столичного образования: Материалы второй межвузовской научно-практической конференции молодых ученых-филологов. М.: МГПУ [Московский городской пед. ун-т], 2003. С. 111–117.

Виноградская Н.Л. Международная научная конференция «Гоголь как явление мировой культуры» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2003. Т. 62. № 2. Март – Апрель. С. 75–80.

[Конференция проводилась 31 октября – 2 ноября 2002 г. в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (Москва).]

Виротайнен М. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. 503 с.

Из содерж.:

Замкнутый мир

1. Мир и стиль («Старосветские помещики» Гоголя). С. 312–330.
2. Проблема замкнутой формы в эстетике Гоголя. С. 331–359.
3. Мифы города в мире Гоголя. С. 360–372.

Воропаев В. Афонский знакомец Гоголя // Десятина. М., 2003. № 2(77). С. 7.

Воропаев В.А. Афонский знакомец Гоголя // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2003. № 7. С. 40–41.

Воропаев В. Афонский знакомец Гоголя // Православная беседа. М., 2003. № 4. С. 52–54.

Воропаев В.А. Гоголь в современном литературоведении // Крымский Пушкинский научный сборник. Вып. 3(12): Русская культура и славянский мир. Симферополь: Крымский Архив, 2003. С. 158–168.

Воропаев В. Гоголь, которого мы не знаем. Штрихи к портрету великого писателя // Православная юношеская газета. М., 2003. Март – Апрель. № 3–4(49–50). С. 28–30.

Воропаев В. Жива вера – жив народ. Н.В. Гоголь и русско-украинский вопрос // Русский Вестник. М., 2003. № 20(622). С. 19.

Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Десятина. М., 2003. № 1(76). С. 8.

- Воропаев В.* Из рассказов о Гоголе // Десятина. М., 2003. № 4(79). С. 8.
- Воропаев В.* Из рассказов о Гоголе // Литературная Россия. М., 2003. 24 января. № 3. С. 16.
- Воропаев В.* Из рассказов о Гоголе // Православная беседа. М., 2003. № 1. С. 29–31.
- Воропаев В.* Из рассказов о Гоголе // Благовест. Самара, 2003. Апрель. № 7(259). С. 8–9. [Вступ. заметка А. Жоголева. С. 8.]
- Воропаев В.* Из рассказов о Гоголе // Купель. Детский православный журнал для семейного чтения. М., 2003. № 2(21). С. 14–16.
- Воропаев В.* Инок в міру // Русскій паломникъ. М., 2003. № 27. С. 21–23.
- Воропаев В.* Инок в миру. Духовная жизнь Н.В. Гоголя // К единству! Журнал Международного Фонда единства православных народов. М., 2003. № 4. Июль-август. С. 42–44.
- Воропаев В.А.* «Нет ничего торжественнее смерти...» О праведной кончине Гоголя // Свет невечерний. Владимир, 2003. № 5. С. 54–60.
- Воропаев В.* Николай Гоголь: опыт духовной биографии: [Продолжение] // Віра і Розум. Харків, 2003. № 4. С. 290–308.
- Воропаев В.* Панихида по Гоголю. К 150-летию со дня смерти // Глагол. Журнал Печорского Православного педагогического общества. 2003. № 8. С. 13–15.
- Воропаев В.* Под защитой угодника Божия. Диканьский образ святителя Николая Чудотворца в жизни Гоголя // Десятина. М., 2003. № 9(84). С. 7.
- Воропаев В.* Под защитой угодника Божия. Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя // Литературная Россия. М., 2003. 24 октября. № 43(2123). С. 14.
- Воропаев В.А.* «Размышления о Божественной Литургии» Николая Гоголя: из истории создания и публикации // Вестник Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. М., 2003. № 1. С. 10–30.
- Воропаев В.А.* Рассказы о Николае Васильевиче Гоголе // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2003. № 4. С. 48–51.
- Воропаев В.* Русская эмиграция о Гоголе // Литературная учеба. М., 2003. Кн. 3. Май – Июнь. С. 82–109.
- Воропаев В.А.* Русская эмиграция о Н.В. Гоголе // Русская речь. М., 2003. № 2. С. 16–21; № 3. С. 11–17; № 4. С. 10–18.
- Воропаев В.* Толстой Александр Петрович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О.А. Платонов; сост. А.Д. Степанов. М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. С. 795–796.
- Воропаев В.* Толстой Александр Петрович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское мировоззрение / Гл. ред., сост. О.А. Платонов. М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. С. 831–832.
- Высоцкая В.В.* Неосвоенное пространство Акакия Акакиевича Башмачкина и Франсуа Россиньоля // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. М., 2003. С. 57–60.

[Образ Франсуа Россиньоля в рассказе Г. Газданова «Бистро» и «Шинель» Гоголя.]

Высоцкая В.В. «Шинель» Гоголя: опыт интерпретации // Вопросы филологических наук. М., 2003. № 1. С. 7–11.

Гаунина Е.А., Цыганова К.Л. Коннотативный аспект лексики повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Материалы докладов VIII научной конференции молодых ученых Мордовского гос. ун-та им. Н.П. Огарева: 12–17 мая 2003 г. Саранск, 2003. С. 153–156.

Генералова Н.П. И.С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 2003. 584 с.

[Перевод повестей Гоголя, вышедший в Париже в 1845 г.] С. 84–92.

[Указ. имен.]

Герб И. Гоголя читали? // Персона. М., 2003. № 2. С. 55–59.

[Беседа с А.Г. Филиппенко, актером и режиссером («Театр Александра Филиппенко»)].

Глазунова О.И. Петербург в жизни и творчестве русских писателей. СПб.: Златоуст, 2003. 455 с.

Гоголевский сборник / Редкол.: Е.И. Анненкова, О.М. Буранок, С.А. Гончаров, В.Ш. Кривонос. СПб.; Самара: Изд-во СГПУ [Самарский гос. пед. ун-т], 2003. 284 с.

Содерж.:

<Кривонос В.Ш.> От редактора. С. 3–4.

Статьи:

Строганов М.В. Гоголь: от циклической к линейной концепции истории. С. 5–17.

Назирова Р.Г. Гоголь и английский готический роман. С. 17–24.

Сдобнов В.В. Фантастическое и реальное в демонологии Гоголя первой половины 1830-х гг. С. 24–36.

Хомук Н.В. Повесть Гоголя «Тарас Бульба»: от эпического мира – к трагическому. С. 37–48.

Малкина В.Я. «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя и «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго. С. 48–56.

Кривонос В.Ш. «Еврейский сюжет» в повести Гоголя «Тарас Бульба» (К проблеме этноконфессиональных мифов в творчестве писателя). С. 57–82.

Фаустов А.А. Герменевтика повести Гоголя «Портрет». С. 82–120.

Шульц С.А. Чичиков: Одиссей или Эней? (Об «эпическом» в «Мертвых душах»). С. 120–136.

Петров А.В. Феномен элегической центрации в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 136–147.

Гольденберг А.Х. «Вечный» сюжет у Гоголя и кризисные модели русской литературы. С. 147–162.

Воропаев В.А. Гоголь как духовный писатель. С. 162–173.

Анненкова Е.И. Споры о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. С. 173–188.

Строганова Е.Н. «Бородавка на носу» у Гоголя (Гоголевское слово в «Современной идиллии» М.Е. Салтыкова-Щедрина). С. 188–207.

Орлицкий Ю.Б. Кручных и Гоголь (К постановке проблемы). С. 207–218.

Сообщения и материалы:

Михед П.В. Н.В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородко (Проблемы изучения). С. 219–227.

Таумов И.Д. Из наблюдений над мотивами драматургии Н.В. Гоголя. С. 228–234.

Чернов Д.А. Заметки о духовно-назидательных сочинениях Н.В. Гоголя. С. 234–244.

Сапченко Л.А. О «Завещании» Н.В. Гоголя. С. 244–248.

Из наследия:

Алдошина Н.Б. Незавершенные статьи А.В. Дружинина о Гоголе. С. 249–281.

[Рец.: *Балдина Е.В.* Новый Гоголевский сборник: Традиции и перспективы // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2004. № 4. С. 165–167; То же: // Новые гоголеведческие студии. Симферополь, 2005. Вып. 2. С. 216–218.]

Н.В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения: сб. докладов / Правительство Москвы; Комитет по культуре г. Москвы; Городская библиотека № 2 им. Н.В. Гоголя; под общ. ред. В.П. Викуловой. М.: Книжный дом «Университет», 2003. 248 с. [3] л. цв. ил.

Содерж.:

Summary. Аннотированное содержание на английском языке. С. 5–11.

<Приветственные слова и поздравления участникам конференции:>

Худяков С.И. С. 12–13.

Викулова В.П. С. 14–15.

Фокин В.В. С. 16.

Манн Ю.В. С. 17–18.

Отечественное гоголеведение: постановка проблемы, методы изучения:

Есаулов И.А. Пасхальность в поэтике Гоголя. С. 21–28.

Воропаев В.А. Полтора века спустя (Гоголь в современном литературоведении). С. 29–41.

Виноградов И.А. Первый биограф Гоголя. С. 42–51.

[П.А. Кулиш как создатель первой биографии Гоголя.]

Золотусский И.П. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья». С. 52–63.

Белоногова В.Ю. К пушкинским аллюзиям в «Записках сумасшедшего». С. 64–73.

Кривонос В.Ш. Тарас и Андрий в повести «Тарас Бульба» Гоголя. С. 74–88.

Арват Н.Н. Ритм и троичность в идиостиле Н.В. Гоголя. С. 89–96.

Манн Ю.В. Двухликий Сквозник-Дмухановский (К истории сценической интерпретации). С. 97–107.

Гуминский В.М. Гоголь и Александр I (Из комментариев к «Мертвым душам»). С. 108–121.

Делекторская И.Б. Гоголевские мотивы в творчестве Сигизмунда Кржижановского. С. 122–128.

Гоголь и мировая литература:

Мильдон В.И. Контуры художественной философии Гоголя. С. 131–137.

Дмитриева Е.Е. «Пожив в такой тесной связи с ведьмами и колдунами...» (Об особенностях гоголевского фольклоризма: «Вечера на хуторе близ Диканьки»). С. 138–152.

Овечкин С.В. Видение и слово у Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород»). С. 153–161.

Гетман Л.И. Рыцари веры или филистерские мещане? (О полиэмоциональности образов старосветских помещиков). С. 162–166.

Иваницкий А.И. Гоголь и Гофман: гротеск и его преодоление. С. 167–180.

Солонович Е.М. Поэт, открытый Гоголем. С. 181–187.

[Итальянский поэт Джузеппе Джоакино Белли.]

Барабаш Ю.Я. «Портрет» в европейском интерьере (Гоголь и художники-назарейцы). С. 188–200.

Гоголь: факты прошлого и настоящего:

Долгополова С.А. Гоголевская комната в Мурановском доме (О роли предания в усадебной жизни). С. 203–215.

Кунишенко А.И. Иллюстрации художника Виталия Горяева к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 216–226.

Карташов В.С. Два ботанических автографа Гоголя. С. 227–231.

Викулова В.П. Дом Гоголя на Никитском бульваре (историко-архитектурная хронология). С. 232–241.

Об авторах. С. 242–246.

[Реф. Миллионщикова Т.М. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 7. Литературоведение. М., 2004. № 4. С. 91–96.]

Гоголь как явление мировой литературы: сб. статей по материалам международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя / Редкол.: Е.Е. Дмитриева, Ю.В. Манн (отв. ред.), Е.Г. Падерина. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 400 с.

Содерж.:

Манн Ю. Предварительные замечания. С. 5–8.

I

Виролайнен М. Ранний Гоголь: катастрофизм сознания. С. 9–14.

Бочаров С. «Красавица мира». Женская красота у Гоголя. С. 15–35.

Гольденберг А. Проблема архетипов в антропологии позднего Гоголя. С. 36–41.

Михед П. Об апостольском проекте Гоголя. С. 42–55.

Есаулов И. Пасхальность в поэтике Гоголя как научная проблема. С. 56–60.

Шукин В. Романтический урбанизм и смысловые координаты гоголевского городского пространства. С. 61–66.

Кривонос В. Наполеоновский миф у Гоголя. С. 67–72.

Тюпа В. Место Гоголя в истории русской сатиры: 73–78.

Де Лотто Ч. Гоголь: одежда и мода. С. 79–86.

Гуревич П. Роль образов пластических искусств в художественном мире Гоголя (на материале художественной прозы). С. 87–95.

Орлицкий Ю. Силлабо-тонический метр в прозе Н.В. Гоголя: Предварительные замечания. С. 96–102.

II

Супронюк О. Из новых материалов к характеристике литературной среды раннего Гоголя (по неопубликованным письмам Н. Кукольника 1827 г.). С. 103–106.

Друбек-Майер Н. Приемы ревизии в идиллии «Ганц Кюхельгартен» Гоголя. С. 107–117.

Звездин А. Образ ведьмы у Гоголя: фольклорные истоки и средневековая мистика (попытка реконструкции интертекста). С. 118–127.

Соливетти Карла. Возрождение Хомы и кривизна мира. С. 128–138.

Заславский О. Замысел «Гетьмана»: Реконструкция сюжета и композиции С. 139–144.

Улюра А. «Старички прошедшего века» в повестях Гоголя. С. 145–148.

Маркович В. О соотношении комического и трагического в пьесе Гоголя «Ревизор». С. 149–160.

Зайцева И. Вокруг «Ревизора» (к биографии Гоголя). С. 161–167.

Бельтраме Франка. К вопросу о парадоксальности богоискания в повести Гоголя «Нос». С. 168–177.

Гюнтер Ханс. Между мамоной и мистикой. Проблематика художника в «Портрете» Гоголя. С. 178–183.

Денисов В. Черты «Портрета» (особенности черновой и первопечатной редакции повести). С. 184–192.

Вайскопф М. Материал и покррой гоголевской «Шинели». С. 193–201.

Печерская Т. Еще раз о фантастическом в «Шинели» Гоголя. С. 202–207.

Манн Ю. Произведение, не похожее на другие. С. 208–215.

[«Ночи на вилле» Гоголя.]

Падерина Е. Рим как роман (по письмам Гоголя второй половины 30-х – начала 40-х гг.). С. 216–230.

Дмитриева Е. Путешествия в усадьбу и усадебное гостеприимство: К проблеме жанрового генезиса «Мертвых душ». С. 231–238.

Большакова А. Усадебные локусы в «Мертвых душах»: К вопросу о структурной организации произведения. С. 239–250.

Головина Т. Живые души (быт и бытие помещиков 1830-х годов по материалам одного усадебного архива). С. 251–257.

Виноградская Н. Повторы как элемент структуры диалога в «Женитьбе» Гоголя. С. 258–267.

Сапченко Л. Значение главы «Карамзин» в «Выбранных местах из переписки с друзьями». С. 268–272.

Ковалева Ю. Творчество Гоголя и традиции учительной литературы: символика гибнущей и спасающейся души. С. 273–277.

Анненкова Е. Письма Н.В. Гоголя к о. Матвею и В.Г. Белинскому: духовно-творческое самоопределение писателя в свете автобиографических сочинений св. Григория Богослова. С. 278–285.

III

Перлина Н. Средневековые видения и «Божественная комедия» как эстетическая парадигма «Мертвых душ». С. 286–296.

Страно Джакома. Европейские и русские литературные источники в творческом процессе Гоголя (Гоголь и Чулков). С. 297–304.

Самородницкая Е. «Британской музы небылицы»: об отношении Гоголя к готическим романам. С. 305–310.

Овечкин С. Романтическая риторика и гоголевский стиль. С. 311–315.

Бакиш Н. Герой-«чуждак» у Грильпарцера и Гоголя. С. 316–320.

[Сравнительный анализ повестей Ф. Грильпарцера «Бедный музыкант» и Гоголя «Шинель».]

Греков В. «Последний день Помпеи» глазами Н.В. Гоголя и В.Ф. Одоевского: От разрушения «идиллии» к разрушению космоса. С. 321–326.

Иваницкий А. Гоголь и Гофман: исток и преодоление гротеска. С. 327–335.

Майер Присцилла. Из гофмановского «Золотого горшка» – «Шинель» Гоголя / Пер. М. Гапотченко. С. 336–344.

[Ансельм и Кардильяк как литературные прототипы Акакия Акакиевича Башмачкина.]

Белянцева А., Тамарченко Н. Проблема двойничества у Гоголя, Гофмана и Достоевского. С. 345–350.

[«Нос» Гоголя, «Двойники» Э.Т.А. Гофмана, и «Двойник» Ф.М. Достоевского. Сравнительный анализ.]

Карташова И. Гоголь и Гюго. С. 351–356.

Барабаш Ю. Шотландско-ирландские параллели в гоголеведении украинского зарубежья. С. 357–365.

Золотусский И. Толстой читает «Выбранные места из переписки с друзьями». С. 366–376.

Аверин Б. Гоголь и Набоков (комедия «Ревизор» в романе «Смотри на арлекинов!»). С. 377–382.

Скандура Клаудия. Итальянские переводы произведений Н.В. Гоголя. С. 383–393.

Головачев В. Загадка гениальности // Труд-7. М., 2003. 19 июня.

[О «Клиническом архиве гениальности и одаренности» (1925) Г.В. Сегалина.]

Гольденберг А.Х. Архетипы народной культуры в творчестве Н.В. Гоголя 40-х годов // Проблемы литературного образования: Материалы IX всероссийской научно-практической конференции: В 5 ч. Екатеринбург, 2003. Ч. 2. С. 79–86.

Гольденберг А.Х. Традиции духовной культуры и современность в художественном мышлении Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы современной духовной культуры: сб. научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Волгоград: ВГИПК РО [Волгоградский гос. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования], 2003. С. 125–132.

Гольденберг А.Х. Традиции учительного «слова» в поэтике «Мертвых душ» // Русская словесность. М., 2003. №7. С. 5–13.

Гольденберг А.Х. Эпический архетип в типологии гоголевских характеров // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. С. 102–108.

Горных А.А. Формализм: от структуры к тексту и за его пределы. Минск: И.П. Логвинов, 2003. 312 с.

[Жан Поль] Вебер о Гоголе. С. 210–211.

Гресь Марк. Смерть Гоголя // Академия. Киев. 2002. № 12 /2003. № 1. С. 50–55.

Гришин Г.А. Антитеза обыкновенного/невероятного в сюжете первого тома поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2003. Вып. 6. С. 36–41.

Гупало С. Высокая болезнь Николая Гоголя // Зеркало недели. Киев, 2003. 5 апреля. № 13(438). С. 23.

Давыденко Л.А. Костюм в художественном мире Н.В. Гоголя: к постановке вопроса // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых, посвященный 100-летию со дня рождения Г.А. Гуковского. Саратов, 2003. Вып. 6. С. 42–45.

Давыдова М. Пахнет дело его коза нострой // Известия. М., 2003. 28 июля.

[О постановке «Ревизора» режиссером Маттиасом Лангхоффом в «Театро ди Дженова» (Италия). Спектакль показан на Чеховском фестивале в Москве.]

Давыдова М. Бэк ин Ю-Эс-Эс-А // Известия. М., 2003. 19 ноября.

[«Ревизор» Алвиса Херманиса (Новый рижский театр) на сцене МТЮЗа.]

Давыдова С.И. Влияние идейных исканий гениев русской литературы на философствование в России // Проблемы славянской культуры и цивилизации. Уссурийск, 2003. С. 5–9. [На примере творчества Гоголя и Ф.М. Достоевского.]

Де Лотто Ч. Ведьмы, шинели и ревизоры в итальянском кино // Новое литературное обозрение. М., 2003. № 61. С. 179–203.

Джафарова К.К. Тема художника и искусства в повестях Н.В. Гоголя «Невский проспект» и «Портрет» // Сборник научных статей кафедры русской литературы и кафедры зарубежной литературы ДГУ [Дагестанский гос. ун-т]. Махачкала, 2003. С. 13–29.

Джафарова К.К. Этические тенденции в произведениях Н.В. Гоголя об искусстве // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып. 6. Махачкала, 2003. С. 12–16.

Дмитриева Е. Издание Гоголя: проблема этическая, эстетическая, текстологическая? // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. М.: ОГИ, 2003. С. 33–50.

[О текстологических принципах издания нового Полного собрания сочинений и писем Гоголя в 23 т. (ИМЛИ РАН).]

Дмитриева Е.Е. Речевая характеристика образа автора и образов персонажей в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Печать и слово Санкт-Петербурга: сб. научных трудов. – (Петербургские чтения – 2003). СПб., 2003. С. 120–125.

Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный. М.: ОГИ, 2003. 528 с.: 16 л. ил.

Духовный лабиринт Гоголя и сад Плюшкина. С. 289–297.

Докукин Г., протоиерей. История одного спектакля // Православная беседа. М., 2004. № 2. С. 52–55.

[О спектакле «Ревизор с Развязкой» русского духовного театра «Глас». Откл. на статью Е.Д. Коношкова «Разными дорогами» (Православная беседа. М., 2004. № 2).]

Евгин А. «В начале было слово...»: (Оптина пустынь в жизни Н.В. Гоголя) // От наших корней: Культура и искусство Калужского края. Калуга, 2003. С. 209–220.

Евенко Е. Проблема власти в творчестве позднего Гоголя // День научного творчества студентов. М., 2003. С. 78–80.

Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. М.: Языки славянской культуры, 2003. 368 с. – (Studia philologica).

Булгаков и Гоголь (Тема борьбы со злом). С. 203–209.

Егоров И.В. Теория диалога в эстетике раннего М. Бахтина и принципы анализа литературного произведения // Современные методы анализа художественного произведения. Смоленск, 2002. С. 45–57.

[Анализ поэмы «Мертвые души» в свете теории диалога, впервые разработанной М.М. Бахтиным в статье «Слово в жизни и слово в поэзии» (Звезда, 1926).]

Еремин М.А. О границах внутреннего мира в драматургии Н.В. Гоголя // Парадигмы: сб. статей молодых филологов. Тверь: ТГУ [Тверской гос. ун-т], 2003. С. 160–166.

Ермилова Г.Г. «Старосветские помещики» Гоголя: презентация смерти // Малые жанры: теория и история. Иваново, 2003. С. 40–53.

Есин Б.И. История русской журналистики XIX века. М., 2003.

За столом с литературными героями: Кулинарный путеводитель по шедеврам мировой литературы / Сост. М. Милославская. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 627 с.
Николай Гоголь. С. 383–389.

Зайонц М. Страшна украинская ночь // Итоги. 2003. № 23. С. 60–61.

[Режиссер Нина Чусова поставила на сцене филиала Театра им. Пушкина «Вия» Гоголя.]

Заманова И.Ф. Двоемирие как композиционный прием в сборнике Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Русское литературоведение в новом тысячелетии. М., 2003. Т. 1. С. 132–136.

Зарудня И.Я. «Черт вас возьми, степи, как вы хороши!»... (Картина украинской природы в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба») // Русская словесность в школах Украины. 2003. № 6. С. 31–32.

Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.: Русская панорама, 2003. 704 с.: ил. – (Страницы российской истории).

[Указ. имен.]

Зверева Ю.В. Философская критика А. Волынского (90-е гг. 19 в.) // Подходы к изучению текста: Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей. Ижевск, 2003. С. 191–195.

Зернов А. «Шинель» как единство литературы и философии // Урал. Екатеринбург, 2003. № 9. С. 251–252.

[Рец. на кн.: Феномен «Шинели» Н.В. Гоголя в свете философского мирозерцания писателя (К 160-летию издания): Коллективная монография. Екатеринбург, 2002. 212 с.]

Злочевская А.В. Два самозванца в русской литературе, или Еще один пушкинский сюжет в «Ревизоре»? // Русская словесность. М., 2003. № 4. С. 7–14.

Зырянов В.Н. Устаревшая лексика в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Наука и образование: VII Общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (14–18 апреля 2003 г.). Томск, 2003. Т. 2: Лингвистика, русский язык и литература. С. 223–275.

Зырянов О.В. Лирическое воззвание к человеку: о поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Филологический класс: региональный методический журнал учителей словесников Урала. 2003. № 9. С. 70–76.

Иванова-Алленова Т.Ю. О роли философски-эстетической категории ужасного в произведениях Н.В. Гоголя (филологический аспект) // Русский язык в системе славянских языков: история и современность. М., 2003. С. 19–22.

Иваньшина Е.А. Семантика заколдованного места в пьесе М.А. Булгакова «Адам и Ева» (к вопросу о гоголевской традиции в творчестве Михаила Булгакова) // Эйхенбаумовские чтения: Материалы международной конференции. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2003. Вып. 4. С. 173–180.

Игнатий (Брянчанинов), святитель. О книге Н. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» // Соколов Л. Святитель Игнатий. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения / Репринтное воспроизведение издания 1915 года. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. Ч. 3. С. 120–122.

Исаченко А.В. Николай Васильевич Гоголь и проблемы русского реализма / Univerzita Komenského v Bratislave. Bratislava, 2003. 209 с.

Казаков А.А. Творчество Н.В. Гоголя на пересечении традиций // Сибирский филологический журнал. Барнаул и др., 2003. № 2. С. 144–146.

Калмыкова В. Гоголевские типы в иллюстрациях Агина // Юный художник. 2003. № 3. С. 18–20.

Каминская Н. Страшный суд был вчера. «Ревизор» Театро ди Дженова // Культура. М., 2003. 3–9 июля.

[«Ревизор» Маттиаса Лангхоффа на Чеховском фестивале в Москве.]

Катермина В.В. Номинации национальной принадлежности человека: На материале произведений Н.В. Гоголя // Текст в системе высшего профессионального образования. Таганрог, 2003. С. 55–57.

Катермина В.В. Социальная номинация персонажей в произведениях Н.В. Гоголя и Ч. Диккенса // Научная мысль Кавказа: Приложение. Ростов на Дону, 2003. № 11. С. 157–163.

Киреев Р. Гоголь: «Случилось что-то вроде любви» // Наука и религия. М., 2003. № 8. С. 26–29.

[Гоголь и графиня А.М. Виельгорская.]

Киреев Р. Гоголь. Талызинский особняк // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 2003. № 10. 8–15 марта.

Кобозева И.М. Тема речевого этикета в бессмертной поэме Н.В. Гоголя // Московский лингвистический журнал. М., 2003. Т. 7. № 2. С. 125–150.

Коваленко О. Калужские встречи (Н.В. Гоголь в Калуге) // От наших корней: Культура и искусство Калужского края. Калуга, 2003. С. 187–208.

Кожурина Л.И. Методический опыт от гоголевской Агафьи Тихоновны // Информационный и научно-методический сборник. М.: Б. изд., 2003. Вып. 1. С. 120–122.

[Сформированность читательской культуры учащихся в письменных работах по литературе и опыт их анализа учителем общеобразовательного учебного заведения и Культурно-образовательного центра «Аспекты образования», Москва.]

Колосова Н.Н. Россети черноокая. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. 304 с.: 48 ил.

«Друг... ближайший моему сердцу». Н.В. Гоголь и А.О. Смирнова. С. 107–184.

Кондратенко В.В. «Миргород» Н.В. Гоголя: единство художественного пространства // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2003. Вып. 6. С. 25–30.

Копнина Г.А., Сквородников А.Л. Чичиков как манипулятивная личность: к вопросу о коммуникативном подходе к анализу художественного текста // Художественный текст и языковая личность. Томск, 2003. С. 76–83.

Корнеева Ю.Б. Сопоставительный анализ семантических особенностей так называемых экзистенциальных символов в художественных произведениях русских и зарубежных авторов // Сопоставительная лингвистика. Екатеринбург, 2003. № 2. С. 64–68.

[На материале повести А. фон Шамиссо «Необычайная история Петера Шлемеля», сказки Х.К. Андерсена «Тень» и повести Гоголя «Портрет».]

Красовский В.Е., Леденев А.В. Литература. Пособие для поступающих в вузы. М.: Филологическое об-во Слово: Изд-во Эксмо, 2003. 734 с.

[Красовский В.Е.] Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 175–229.

Кропоткин П.А. Русская литература. Идеал и действительность. Курс лекций. М.: «Век книги», 2003. 320 с. – (Русская гимназия).

Из содерж.:

Гоголь. С. 68–71.

«Тарас Бульба» – «Шинель». С. 71–74.

«Ревизор». С. 74–78.

«Мертвые души». С. 78–86.

Крутикова Н.Е. Дослідження и статті різних років. Київ: Стилос, 2003. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

«Украинские повести» Н.В. Гоголя. С. 194–291.

«Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя как утопия и ее западноевропейские параллели. С. 292–320.

Гоголь и Капнисты. С. 321–392.

Куделин А.Б. К характеристике исторических взглядов Гоголя: От «Арабесок» к «Выбранным местам из переписки с друзьями» // Куделин А.Б. Арабская литература. Поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи / РАН ИМЛИ им. А.М. Горького. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 414–432.

Кудрявкина Н.В. Традиции Н.В. Гоголя в романе С.А. Клычкова «Сахарный немец» // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 4. Тамбов, 2003. С. 91–97.

Кузнецов В.Я., Ерохин В.Н., Айштут К.М. и др. Словоуказатель к комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2003. С. 117–119.

Кузнецова Е.Г., Бушканец Л.Е. Гоголь и Неруда: (К проблеме преемственности литератур) // Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых. Казань, 2003. С. 154–159. [Сравнительный анализ «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и повести Я. Неруды «Пана Рышанека и пана Шлегла».]

Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем / Вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 704 с.

Загл. вступ. статьи: Первый биограф Гоголя. С. 3–81.

Коммент. С. 640–679.

[Рец.: *Споров Б.* Биограф или интерпретатор? // Москва. Журнал русской культуры. М., 2004. № 2. С. 213–216.]

Кулиш П.А. Опыт биографии Н.В. Гоголя. *Тарасенков А.Т.* Последние дни жизни Н.В. Гоголя. *Котляревский Н.* Н.В. Гоголь. М.: Альтернатива – Евролинц, 2003. 244 с.: ил.

Кривонос В. Еврейская тема в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Корни = Roots. Саратов; Нижний Новгород, 2003. № 19. С. 28–50.

Лагина Н. Мать его слепила из того, что было // Московская среда. М., 2003. 10–16 декабря.

[Московский детский музыкальный театр «Экспромт» (руководитель – народная артистка России Людмила Иванова) поставил спектакль «Маменька» (Фантазия в одном действии по воспоминаниям М.И. Гоголь и письмам Н.В. Гоголя).]

Лапина И. Психоаналитик... для Гоголя // Природа и человек. М., 2003. № 10. С. 16.

[Доктор В.Ф. Чиж и его книга «Болезнь Гоголя»; переиздана издательством «Республика», выпустившем двухтомник Чижа.]

Лебедев А.А. Гоголевская традиция изображения персонажа в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой» // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. Филология. Вып. 3. Тольятти, 2003. С. 55–69.

Лебедев А.А. «Превращение бабочки в гусеницу» (один общий сюжет прозы А.П. Чехова и Н.В. Гоголя) // Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре: Материалы международной научной конференции. Волгоград, 2003. С. 143–148.

Лебедев А.А. Эволюция героя в повести Чехова «Палата № 6» и гоголевская традиция // Текст: теория и методика. Научные труды 1-й всероссийской конференции. Тольятти, 2003. С. 182–190.

Лебедев Ю.В. Русская литература XIX века. 10 кл. Учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. Ч. 1. Изд. 4-е. М.: Просвещение, 2003. 320 с.: ил.
Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 197–268.

Лебедина Л. У каждого народа свой Хлестаков // Труд-7. М., 2003. 12 июля.
[О постановке «Ревизора» режиссером Маттиаса Лангхоффа в рамках Пятого международного театрального фестиваля им. Чехова.]

Левченко Ян. Между куклой и чертом: Владислав Старевич и экранизация гоголевской фантастики // Новое литературное обозрение. М., 2003. № 61. С. 164–178.

Лепяхин В. Значение и предназначение иконы. М.: Паломник, 2003. 511 с.
Н.В. Гоголь. С. 335–342.

Лимборский И.В. Мир, наполненный гармонией и цельностью бытия: Гоголь и украинское рококо // Русская словесность в школах Украины. Киев, 2003. № 6. С. 47–50.

Лимонов Э. Священные монстры. М.: Изд-во «Ад маргинем», 2003. 318 с.

Из содерж.:

Гоголь: бессмертные типы. С. 126–131.

Литвинова В.И., Драннишникова Е.А. «Мертвые души» Н.В. Гоголя в аспекте современного изучения классики // Вестник Хакасского гос. ун-та. Сер. 6. Филология: Литературоведение. Абакан, 2003. Вып. 2. С. 215–217.

Ломов А.Г., Абреимова Г.Н. Внутрисистемные изменения фразеологизмов в языке пьес Н.В. Гоголя // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Елец, 2003. Вып. 2. С. 160–174.

Манн Ю. Н.В. Гоголь: академический комментарий в поисках жанра // Проблемы текстологии и эдичионной практики: Опыт французских и российских исследователей. М.: ОГИ, 2003. С. 103–111.

[Принципы комментирования в новом Полном собрании сочинений и писем Гоголя в 23 т. (ИМЛИ РАН).]

Манушина О.В. Заметки по антропонимической системе комедии Гоголя «Ревизор» // Современное русское языкознание и лингводидактика: сб. материалов международной юбилейной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Н.М. Шанского. М., 2003. С. 186–192.

Маркова В.В. «Ревизор» Н.В. Гоголя: «сборный город» в свете феномена безмолвия // Город как культурное пространство. Тюмень, 2003. С. 282–287.

Мелехов Д.Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни // Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни. 3-е изд., исправл. М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2003. С. 3–61.
О Гоголе. С. 40–44.

Мельник В.И. Стихотворение А.С. Пушкина «К Гнедичу» (Проблемы смысла и комментария) // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания / Воронежский гос. ун-т. Вып. 19. Воронеж, 2003. С. 110–115.

Мериме П. Статьи о русской литературе /Издание подгот. А.Д. Михайлов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 112 с.

Николай Гоголь («Русские повести». – «Мертвые души». – «Ревизор») / Пер. А.К. Виноградова. С. 11–39.

Коммент. С. 94–97.

Приложение:

Гоголь Н.В. <Заметка о Мериме>. С. 89–90.

Коммент. С. 106.

Минченко Д. Байки из склепа // Московский комсомолец. М., 2003. 23 февраля – 1 марта. С. 10–11.

О Гоголе: С. 10.

Михайлина Е. Подглядываете? Так я буду запирать! // Московский комсомолец. М., 2003. 9 июня.

[Гоголь в гостях у А.О. Смирновой. Работа над 2-м томом «Мертвых душ».]

Михайловский А. «Грустно теперешнее зрелище праздника...» // Соловьевские исследования. М., 2003. Вып. 2(7). С. 110–122.

Гоголь: праздник в русской земле.

[Гл. «Светлое Воскресенье из книги «Выбранные места из переписки с друзьями».]

Михайловский А. «Грустно теперешнее зрелище праздника...» // Отечественные записки. 2003. № 1(10).

Михед П. «Приватизация» Гоголя? (Возвращаясь к «русско-украинскому вопросу») // Вопросы литературы. М., 2003. Май – Июнь. С. 94–112.

[Откл. на статью В. Воропаева «Гоголь и «русско-украинский» вопрос» (Московский журнал. История Государства Российского. М., 2002. № 1).]

Морозова Н.П. Повесть Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» в контексте литературной полемики о Н.М. Карамзине // Театр и литература: сб. статей к 95-летию А.А. Гозенпуда. СПб.: Наука, 2003. С. 128–132.

Муратова Я. Многоликий Гоголь // Знамя. М., 2003. № 2. С. 233–236.

[Н.В. Гоголь. Ревизор. Театр им. Вахтангова. Режиссер Р. Туминас; Старосветские помещики. МХАТ им. Чехова. Режиссер М. Карбаускас. Женитьба. Театр им. Маяковского. Режиссер С. Арцыбашев.]

Мякинина Е.С. Особенности повествовательных категорий в петербургских повестях Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы русского языка и литературы: Материалы международной конференции молодых филологов. Красноярск: КГПУ [Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева], 2003. С. 252–261.

Наседкин Н.Н. Достоевский. Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2003. 800 с. – (Сер. Русские писатели).

Гоголь Николай Васильевич. С. 552–553.

Недавний А., Корец М. Гоголь рожден по молитве // Труд-7. М., 2003. 8 мая. С. 19.

[Необыкновенные истории, случившиеся близ Диканьки и Миргорода благодаря чудотворным иконам.]

Немзер А. Замечательное десятилетие русской литературы. М.: Захаров, 2003. 608 с.

Из содерж.:

Окрест Гоголя. С. 79–108.

Немировский Е.Л. Библиография «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Мир библиографии. М., 2003. № 6. С. 51–63.

[Список изданий поэмы Гоголя на русском и иностранных языках (1842–2002).]

Непомнящи К.Т. Абрам Терц и поэтика преступления / Пер. с англ. Е. Ишуниной, И. Кирилловой, Е. Панасовой, Т. Фонтусовой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. 358 с. – (Сер. USlavistica).

Деканонизация классики: «Прогулки с Пушкиным» и «В тени Гоголя». С. 189–239.

Нецветаев Л. В мастерской Александра Иванова [Стихотворение] // Мономах. [Ульяновск,] 2003. № 2(33). С. 27.

[Гоголь и Н.М. Языков в мастерской А.А. Иванова в Риме.]

Нечипоренко Ю. Рынок по Гоголю (Отрывки) // Орфей. М., 2003. № 2. С. 161–184.

Николаева С.Ю. Гоголевские реминисценции в пасхальных текстах В. Хлебникова // Творчество Велимира Хлебникова в контексте мировой культуры XX века. Астрахань, 2003. Ч. 1. С. 188–191.

Никольская О. Ура памяти // Вечерняя Москва. М., 2003. 26 февраля.

[Беседа с главным художником Москвы Игорем Воскресенским. Памятник Гоголю скульптора Н. Андреева.]

Николюкин А.Н. О русской литературе: Теория и история. М.: ИНИОН РАН, 2003. 560 с.

Из содерж.:

Розанов и Гоголь. С. 358–372.

Никуличев Ю. Вокруг «замечательного десятилетия»: от чистых идей к проклятым вопросам // Вопросы литературы. М., 2003. № 1. С. 209–241.

От Пушкина к Гоголю: некоторые черты развития русской литературы в зеркале литературной критики 1830–1840-х годов.

Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. Изд. 2-е, исправл. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 304 с.

Н.В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем (отрывки). С. 85–107.

О.А.Г. Разговор о Гоголе в Мексике // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 20. Воронеж, 2003. С. 290.

[О международной конференции «Гоголь и его заветы» в г. Цакатехас (Мексика) 17–21 февраля 2003 г.]

Обатнина Е. Метафизический смысл русской классики («Огонь вещей» А.М. Ремизова как опыт построения герменевтики) // Новое литературное обозрение. М., 2003. № 61. С. 220–246.

Одинокое В.Г. Русские писатели XIX века и русская духовная культура / Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск, 2003. 261 с. – (Труды гуманитарных факультетов НГУ. Сер. 5. Учебные пособия).

Осадчая Л.А. «Шинель» Гоголя в парадигме религиозной культуры // Сибирский учитель. Новосибирск, 2003. № 1. С. 54–56.

Павленко Н.И. Михаил Погодин. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 360 с.

[О Гоголе: С. 291–304.]

Павлова О.В. Некоторые особенности юмора В. Ирвинга // Мир романтизма: Материалы международной научной конференции «Мир романтизма» (XI Гуляевских чтений). Тверь, 2003. С. 193–197.

Падерина Е.Г. «Странная вещь»: Некоторые домислы об отношениях Гоголя и Пушкина // Пушкин в XXI веке: Вопросы поэтики, онтологии, историзма. Новосибирск, 2003. С. 155–171.

Панарин А.С. Глобальные деконструкции как новейшая стадия развития нигилизма // Полигнозис. М., 2003. № 4. С. 3–13.

[Анализ буржуазного сознания в произведениях Гоголя.]

Панарин А. Н.В. Гоголь как зеркало русского странствия по дорогам истории // Москва. Журнал русской культуры. М., 2003. № 6. С. 145–166.

[Архетип странника в творчестве Гоголя. «Страшная месть», «Мертвые души» (второй том).]

Петров А.В. Гоголь и Гоббс (К вопросу об актуальности сопоставления «Левиафана» и «Мертвых душ» // Русская литература в современном культурном пространстве: Материалы II Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию Томского гос. пед. ун-та (1–3 ноября 2002 г.). Ч. 1. Томск, 2003. С. 56–61.

[Дискурсивные основы поэтики «Мертвых душ» Гоголя в свете философского метода Т. Гоббса.]

Плетнева А. Повесть Н.В. Гоголя «Нос» и лубочная традиция // Новое литературное обозрение. М., 2003. № 61. С. 152–163.

Полежаева Е. Проверочная работа по тексту поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 2003. № 10.

Померанц Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М.: РОСПЭН, 2003. 351 с. – (Российские Пропилеи).

Попов А.В. Литературно-критические суждения Н.В. Гоголя о роли А.С. Пушкина в истории русской литературы: Опыт анализа исследовательских позиций // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2003. Вып. 6. С. 139–141.

Попова З.А. Рецепция классических текстов в «Городе Эн» Л.Добычина // Проблемы литературы XX века: в поисках истины. Архангельск, 2003. С. 127–141.

[Традиции Гоголя («Мертвые души») в творчестве Л.И. Добычина.]

Попова И.Л. [Рецензия] // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2003. Т. 62. № 2. Март – Апрель. С. 52–56.

[Рец. на кн.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 1. М.: Наследие, 2001. 920 с.]

Прозоров В.В., Захаров К.М. Иван Хлестаков и саратовский край // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего. Саратов, 2003. С. 99–101.

Прокопенко В. Замашка украинской природы: «Тарас Бульба» в самостийном переводе // Родина. М., 2003. № 4. С. 58–59.

[О переводе на украинский язык «Тараса Бульбы» для студентов и школьников.]

Промышляева С.В. Художественное пространство «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в аспекте барочной поэтики // Малые жанры: теория и история. Иваново, 2003. С. 32–40.

Радь Э.А. Трансформация сюжета о «блудном сыне» в произведениях русской литературы: Учебное пособие по спецкурсу для студентов филологических факультетов вузов. Стерлитамак; Самара: Изд-во СГПИ [Самарский гос. пед. ин-т], 2003. 167 с.

Рассовская Л.П. Тема «лишнего человека» в художественной интерпретации Пушкина и Гоголя. Самара: Самарский ун-т, 2003.

Ратников К.В. От гротеска к катарсису: интерпретация С.П. Шевыревым эпизодов с губернским городом N. в поэме Гоголя «Мертвые души» // Проблемы изучения литературы. Анализ художественного текста: исследования и методика: сб. научных трудов / Челябинский гос. ун-т. Вып. 4. Челябинск: Изд-во «ЮжУралИнформ», 2003. С. 67–72.

Ратников К.В. Степан Петрович Шевырев и русские литераторы XIX века. Челябинск: Изд-во «Околица», 2003. 176 с.

Из содерж.:

«Русская «Одиссея» в восприятии Н.В. Гоголя и С.П. Шевырева. С. 81–95.

Романова Г.А. Гоголевские мотивы в русской драматургии 1920-х годов // Литературные чтения. СПб., 2003. С. 94–101.

Романова Г.А. Ф.В. Булгарин и Н.В. Гоголь о феномене театра в петербургской общественной и культурной жизни 1820–1830-х гг. // Печать и слово Санкт-Петербурга: сб. научных трудов. – (Петербургские чтения – 2003). СПб., 2003. С. 269–276.

Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. [2-е изд.] М.: Аграф, 2003. 599 с.
[О Гоголе: С. 377–379.]

Руднев П.А. Гоголевская тема и Апокалипсис у Розанова: театральные контексты // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии. Кострома, 2003. С. 181–194.

Русская литература XIX века. 9 класс: Учебник для школ и классов гуманитарного профиля: В 2 ч. Ч. 2. М.: Московский Лицей, 2003. 392 с.
[Шапошникова В.В.] Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 301–369.

Рыжкин И. «Нос» – опера Шостаковича и повесть Гоголя (К новым аспектам рассмотрения) // Сборник трудов / Российская академия музыки им. Гнесиных. М., 2003. Вып. 149. С. 53–75.

Рюпина С.В. Кем приходится гусак свинье, или Образы животных в «Миргороде» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2003. Вып. 6. С. 30–33.

Савельев О.А. Авантюрный герой в произведениях Н.В. Гоголя и в мировой культуре // Юность +. М., 2003. № 1. С. 25–28.

Савосин С.В. Некоторые эстетические проблемы в переписке А.А. Иванова и Н.В. Гоголя // Свет науки молодой. Кострома, 2003. Ч. 2. С. 41–44.

Сапченко Л.А. Идея «памятника» в наследии Н.М. Карамзина, Н.В. Гоголя и Н.М. Языкова // «По царству и поэт»: Материалы всероссийской научной конференции «Н.М. Языков и литература пушкинской эпохи». Ульяновск, 2003. С. 118–123.

Сафронова Л.В. «В тени Гоголя» А. Терца – текст-манипулятор // Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию АУ им. Абая и памяти профессора А.Л. Жовтиса. Алматы, 2003. С. 262–267.
Гл. 3. Гоголь в художественном творчестве В.В. Набокова. С. 15–20.

Сергеева Е.С. Ритм прозы Гоголя в итальянских переводах // Вопросы филологических наук. М., 2003. № 4. С. 33–39.

Сергий (Рыбко), иеромонах. Духовная жизнь начинается с покаяния. М., 2003. 414 с.
[О книге Гоголя «Размышления о Божественной Литургии»: С. 363–364.]

Сечин В. Но был ли Гоголь «голубым»? // Гороскоп. М., 2003. № 8(104). С. 44–49.

Сечин В.В. Сколько было Гоголей. М.: Воскресенье, 2003. 96 с.

Сивкова А.В. Семантический параллелизм в структуре «демонических» образов у Гоголя: чубарый конь в «Мертвых душах» и черт в «Ночи перед Рождеством» – «одно и то же лицо»... // Структура текста и семантика языковых единиц: сб. научных трудов. Калининград, 2003. С. 107–119.

Сивопляс И.Э. Сенаторская ревизия Л.А. Перовского и «Ревизор» Н.В. Гоголя: к определению места действия комедии // «По царству и поэт»: Материалы всероссийской научной конференции «Н.М. Языков и литература пушкинской эпохи». Ульяновск, 2003. С. 243–250.

[Рапорт Л.А. Перовского Правительствующему Сенату от 21 ноября 1835 г. о проведенной им ревизии в Симбирской губернии как один из возможных источников комедии Гоголя.]

Сидоров И.С. Радугин и Хлестаков (Об одном из возможных источников «Ревизора» // *Philologica*. Двухязычный журнал по русской и теоретической филологии. 2001/2002. Т. 7. № 17/18. С. 167–171.

[Анонимная заметка «Хвастун в дальней губернии» из «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду» (октябрь 1834 г.) как возможный источник комедии Гоголя.]

Синяк Е.В. Проблема историко-функционального изучения литературного произведения // Сборник работ молодых ученых МГПУ [Московский городской пед. ун-т]. Вып. 14. М.: МГПУ, 2003.

Скокова Л.И. На границе двух эпох (Из истории творческой биографии И.С. Тургенева. 1852–1861). Тула: Гриф и К, 2003. 128 с.

Гоголь и Тургенев. С. 5–9.

Скуратовский В. ...На пороге как бы двойного бытия (из наблюдений над мирами Гоголя) // Зарубежная литература. Киев, 2003. № 11(315). С. 5–6.

Смирнова-Россет А.О. Записки / Сост. О. Смирновой. М.: Захаров, 2003. 528 с. – (Биографии и мемуары).

Соколов Б.В. Гоголь: Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2003. 544 с.: ил. – (Сер. Русские писатели).

Вступ. статья: Николай Гоголь – писатель XXI века. С. 5–15.

Сохряков Ю. Гоголь Николай Васильевич // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О.А. Платонов; сост. А.Д. Степанов. М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. С. 190–193.

Сохряков Ю. Гоголь Николай Васильевич // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское мировоззрение / Гл. ред., сост. О.А. Платонов. М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. С. 172–176.

Спиридонов В.Н. В «защиту» Русской Тройки // Дружба-3. Слово и образ в художественной литературе. М., 2003. С. 28–37.

[Интерпретация образа русской тройки («Мертвые души») в рассказе В.М. Шукшина «Забуксовал».]

Сто русских писателей / Оформление Е. Шилова. СПб.: ООО Изд-во «Золотой век», 2003. 256 с.: ил.

Гоголь Н.В. С. 49–53.

Сусыкин А.А. Символика изображения в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Лингвистика. М., 2003. № 5. С. 207–212.

Сушков Б.Ф. Пророк в своем отечестве. Пушкин. Гоголь. Толстой (О невестребованных идеях и идеалах русских гениев). Тула: ИПП «Гриф и К», 2003. 582 с.

Из содерж.:

Зеркало Гоголя: «Нос» и носология. С. 245–322.

Таумов И.Д. О некоторых особенностях художественного пространства в драматургии Н.В. Гоголя // Пространственно-временные модели художественного текста: сб. статей и материалов. Самара, 2003.

Таумов И.Д. Элементы карнавализации в комедиях Гоголя // Парадигмы: сб. статей молодых филологов. Тверь, 2003. С. 154–159.

«Тарас Бульба» – книжная новинка // Иностранная литература. 2003. № 6. С. 315–316. [О новом переводе «Тараса Бульбы» на польский язык.]

Терц Абрам. В тени Гоголя. М.: Аграф, 2003. 416 с.

Тимофеева И.Ф. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в итальянских переводах // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. Т. 2. Вып. 1. Новосибирск, 2003. С. 11–18.

Тимофеева И.Ф. Художественный перевод как объект теоретических дискуссий // Материалы 4-х Филологических чтений «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении». Новосибирск, 2003. С. 195–201.

Узелевский Б.И. Достоевский, Гоголь и Булгаков // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. № 18. С. 120–124.

Ушакова С.В. Степь в хронотопе русской литературы (Пушкин, Гоголь, Аксаков, Тургенев, Чехов) // И.С. Тургенев и Ф.И. Тютчев в контексте мировой культуры (К 200-летию Ф.И. Тютчева и 185-летию И.С. Тургенева): Материалы международной конференции. Орел, 2003. С. 36–40.

Фатюшина Е.И. Проблема специфики художественного творчества в прозе В.Ф. Одоевского, Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева // Русское литературоведение в новом тысячелетии. Т. 1. М., 2003. С. 298–301.

Фрик Т.Б. Жанровое своеобразие пушкинского «Современника» // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты: Материалы III международной научной конференции. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2003. С. 125–126.

Халупова П. Современные постановки «Ревизора» в чешских театрах // Дружба-3. Слово и образ в художественной литературе. М., 2003. С. 129–134.

Хольмстрем И.Н. Н.В. Гоголь и проблема текстовой целостности // Русский язык как иностранный. Исследования. Практика. Вып. 6. СПб., 2003. С. 118–121.

Хоменко Ю.Н. Гоголь и проблемы художественного перевода // Література та культура Полісся. Вип. 23: Українсько-російські та білоруські мовно-літературні та культурні зв'язки / Відп. ред. та упоряд. Г.В. Самойленко; Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя. Ніжин: НДПУ, 2003. С. 21–29.

Целехович Т.П. Мотив света в творчестве Н.В. Гоголя // Слово и время: Материалы научной конференции, посвященной 60-летию Н.Н. Воинова. Гомель, 25–26 сентября 2003 г.: В 2 ч. / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель, 2003. Ч. 2. С. 220–224.

Черная Т.К. Человек в художественном мире гоголевской «Шинели» // Материалы международной научной конференции «Антропологическая парадигма в филологии». Ч. 1. Литературоведение. Ставрополь, 2003.

Чичибабин Б. Путешествие к Гоголю // Зарубіжна література. Киев, 2003. № 11(315). С. 1.

<Шевченко Т.Г.> Шевченкова Криниця: зб. афоризмів із творів Тараса Шевченка / Вступ. слово Л.І. Андрієвського, упоряд. Н.В. Дорошенко, Т.В. Майдонович. 2-е вид.,

доопрац. Київ: Вид-во «Криниця», 2003. 258 с. – (Сер. Скарби Тарасової Гори) На рус. и укр. яз.

<Отзыв о Гоголе из письма к княжне В.Н. Репниной от 7 марта 1850 г. Оренбург>. С. 224–225.

Шилов Н.П. Н.В. Гоголь о признаках литературной одаренности // Культура – искусство – образование. Челябинск, 2003. С. 131–133.

Щаренская Н.М. Фигуры контраста в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Язык в прагматическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика. Ростов на Дону, 2003. С. 115–125.

Яковлев Г. А повертись-ка, сын! Изучать ли в школе «Тараса Бульбу» // Зарубіжна література. Киев, 2003. № 37(341). С. 6–8.

Языков Н.М. Златоглавая, святая... Стихотворения. Сказки, поэма. Проза. Письма. Современники и потомки о Н.М. Языкове. Стихи, посвященные Н.М. Языкову. Творчество Н.М. Языкова в письмах современников. Москва Николая Языкова / Сост., вступ. статья и примеч. Е.Ю. Филькиной. М.: Русский мир, 2003. 512 с.: ил. – (Большая Московская Библиотека).

Н.В. Гоголю. С. 137–139.

Письма Гоголю [24]

Из статьи «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». С. 376–379.

Янчевская А.Ю. Проблемы искусства в духовных исканиях Н.В. Гоголя: Пособие по спецкурсу / Науч. ред. И.В. Карташова. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2003. 204 с.

2004

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести / Подгот. текста, примеч. и статья Е.О. Ларионовой; ил. С.М. Дудина и др. СПб.: Вита Нова, 2004. 432 с. ил. – (Фамильная библиотека: Парадный зал).

Примеч. С. 372–410.

Загл. статьи: «Вечера на хуторе близ Диканьки»: История создания и литературно-фольклорные источники. С. 411–424.

Об иллюстрациях. С. 425–429.

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести. М.: Принт-Пресс, 2004.

Вечера на хуторе близ Диканьки: [повести]. М.: Эксмо, 2004.

Внутреннее путешествие. Н.В. Гоголь. Из писем В.А. Жуковскому // История. М., 2004. 1–15 июля. № 25–26. С. 27–29.

Записки сумасшедшего: повесть / Худож. С.В. Любаев. М.: Молодая гвардия; Псков, 2004. 112 с.: ил.

Записки сумасшедшего: повести / Вступ. статья В.М. Марковича, коммент. Е.С. Чертовой. СПб.: Азбука-классика, 2004. 288 с.

Загл. вступ. статьи: Безумие и норма в петербургских повестях Гоголя. С. 5–30.

Коммент. С. 257–285.

Избранные произведения: Мертвые души: поэма; Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Записки сумасшедшего; Коляска; Нос; Шинель: Повести / Вступ. статья А. Пыпина; коммент. О. Дорофеева. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. 800 с. – (Бессмертная библиотека; Библиотека мировой классики).

Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 5–18.

Коммент. С. 765–797.

Майская ночь, или Утопленница; Ночь перед Рождеством; Страшная месьть; Заколдованное место; Вий // Страшная месьть: Сборник: Таинственная проза русских писателей первой половины XIX века / Коммент. Б. Акимова. М.: Литература, Издательский дом Родионова, 2004. С. 169–312.

Коммент. С. 437–441.

Мертвые души: поэма / Ил. Марка Шагала; вступ. статья И. Золотусского. М.: Фортуна ЭЛ, 2004. 256 с. – (Сер. Книжная иллюстрация).

Загл. вступ. статьи: Гоголиана Марка Шагала. С. 5–24.

[Откл.: Вознесенский А. Дар Третьяковке – в книжном варианте. Мертвые души» в иллюстрациях Шагала // Независимая газета. М., 2004. 19 февраля; *Войцеховский Б.* Шаггал нарисовал «Мертвые души» // Комсомольская правда. М., 2004. 12 февраля; *Лецик А.* «Мертвые души» Шагала // Культура. М., 2004. 19–25 февраля; Шаггал соединился с Гоголем. Вышли в свет «Мертвые души» с иллюстрациями Шагала [Игорь Золотусский комментирует выход книги в свет] // Известия. М., 2004. 12 февраля.]

Мертвые души: поэма. М.: Изд-во АСТ, 2004. 456 с. – (Мировая классика).

Мертвые души: поэма. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 512 с. – (Русская классика).

Содерж.:

Мертвые души; Повести: Невский проспект, Нос, Портрет, Шинель, Коляска, Записки сумасшедшего.

Мертвые души; Выбранные места из переписки с друзьями (в сокращении) / Сост., вступ. статья, коммент. С.Р. Федякина. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. 829 с. – (Библиотека школьника).

Загл. вступ. статьи: Уголки и пространства поэмы Гоголя. С. 5–16.

Критика и воспоминания о Н.В. Гоголе:

Белинский В.Г. Из статьи «Похождения Чичикова, или «Мертвые души»». С. 718–722.

Белинский В.Г. Из статьи «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души»». С. 722–724.

Белинский В.Г. Из письма Н.В. Гоголю. С. 724–729.

Плетнев П.А. Из письма Н.В. Гоголю. С. 730.

Киреевский И.В. Из заметки «Введение к библиографии». С. 730–731.

Чаадаев П.Я. Из письма П.А. Вяземскому. С. 731–733.

Аксаков С.Т. Из письма Н.В. Гоголю. С. 733–734.

Аксаков К.С. Из статьи «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 734–737.

Хомяков А.С. Из письма С.П. Шевыреву. С. 737–738.

Герцен А.И. Из дневника. С. 738–739.

Герцен А.И. Из статьи «О романе из народной жизни в России». С. 739–740.

Герцен А.И. Из книги «О развитии революционных идей в России». С. 740.

Данилевский Н.Я. Из статьи: «Россия и Европа». С. 741.

Федоров Н.Ф. Из статьи «Проективное определение литературы. О «Мертвых душах»». С. 742–744.

Анненский И.Ф. Из статьи «Художественный идеализм Гоголя». С. 744–745.

Анненский И.Ф. Из статьи «Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье». С. 745–746.

Розанов В.В. Из статьи «Пушкин и Гоголь». С. 746–747.

Ремизов А.М. Из книги «Огонь вещей». С. 747–750.

Мочульский К.В. Из книги «Духовный путь Гоголя». С. 750–760.

Набоков В.В. Из эссе «Николай Гоголь». С. 761–766.

Мейер Г.А. Из статьи «Трудный путь. Место Гоголя в метафизике российской литературы». С. 766–770.

Газданов Г.И. Из статьи «О Гоголе». С. 770–777.

Бахтин М.М. Из лекций. «Мертвые души». С. 777–780.

Коммент. С. 781–811.

Вехи жизни и творчества. С. 812–821.

Вопросы и задания для самостоятельной работы. С. 822–825.
Рекомендуемая литература С. 826.

Мертвые души; Миргород; Вечера на хуторе близ Диканьки / Худож. С.И. Лемехов. М.: Дрофа-Плюс, 2004. 600 с.: ил.

Нос: повесть / Худож. Ю.В. Иванов. М.: Белый город, 2004. 48 с.

Нос: [повесть] / Худож. И. Мосин. М.: Янико, 2004. 112 с.: ил.
[Миниатюрный формат.]

Петербургские повести / Сост. и вступ. статья М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2004. 352 с. – (Сер. Закладка).

Загл. вступ. статьи: Вокруг «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя. С. 5–22.

Приложение:

Портрет (1-я редакция). С. 187–228.

Взгляд критики:

Белинский В.Г. Из статьи «О русской повести и повестях г. Гоголя». С. 229–237.

Розанов В.В. Как произошел тип Акакия Акакиевича. С. 238–249.

Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя. С. 250–268.

Чижевский Д.И. О «Шинели» Гоголя. С. 269–292.

Набоков В.В. Из статьи «Николай Гоголь». С. 293–305.

Гиппиус В.В. Из книги «Гоголь». С. 306–312.

Мочульский К.В. «Духовный путь Гоголя». С. 313–320.

Бицилли П.М. «Проблема человека у Гоголя». С. 321–328.

Манн Ю.В. Художник и «ужасная действительность» (О двух редакциях повести «Портрет»). С. 329–339.

Даты жизни и творчества. С. 340–347.

Петербургские повести / Сост. и вступ. статья М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2004. 352 с.

Петербургские повести. Пьесы / Сост., коммент. В.А. Воропаева. М.: Дрофа, 2004. 368 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Коммент. С. 320–348.

Повести. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во «Астрель», 2004. 267, [5] с. – (Школьная хрестоматия).

Содерж.:

Ночь перед Рождеством; Старосветские помещики; Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Записки сумасшедшего.

[*Воропаев В.А.*] Коммент. С. 251–261.

Темы сочинений и рефератов по творчеству Н.В. Гоголя. С. 266.

Тезисный план сочинения. С. 267–268.

Повести; Мертвые души / Сост., справочно-методический аппарат Л.Д. Страховой, вступ. статья Ю. Айхенвальда, коммент. В.А. Воропаева. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2004. 489, [7] с. – (Школа классики).

Загл. вступ. статьи: Гоголь. С. 5–14.

Коммент. С. 434–472.

Материалы к уроку и сочинению. С. 475–490.

Повести; Ревизор / Вступ. статья, коммент. С.Р. Федакина. М.: Олма-Пресс Образование, 2004.

Тарас Бульба: повесть / Ил. Е.А. Кибрика. М.: Детская литература, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

- А. С. Премии Гоголя // Литературная газета. М., 2004. 23–29 июня.
[О вручении премии им. Гоголя в Санкт-Петербурге.]
- Аксакова В.С. Дневник: 1854–1855 гг. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель»: ОАО «Люкс», 2004. 400 с.: 32 ил. – (Мемуары).
- Из содерж.:**
Из записной книжки В.С. Аксаковой. Последние дни жизни Гоголя. С. 200–205.
- Приложение:**
Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. С. 206–361.
- Аверьянова М.А. Постыжение Н.В. Гоголем тайны обожения // Преподобный Серафим Саровский и русская литература. М., 2004. С. 171–175.
- Автухович Т. Сплетня как феномен жизни и литературы // Филолог. Пермь, 2004. Вып. 5. С. 15–18.
- Александров Г. Александр Филиппенко из государства Чичиковых. «Я согласен ходить с протянутой рукой» // Аргументы и факты. М., 2004. № 35.
[Беседа с артистом А. Филиппенко.]
- Александрова Т.А. Гоголь в оценках А. Волынского // Наукові записки Харківського держ. пед. ун-ту ім. Г.С. Сковороди. Харків: ХГПУ, 2004. Вып. 1(37). С. 77–81.
- Александрова Т.А. Книга Д.С. Мережковского о Гоголе в откликах современников // Наукові записки Харківського держ. пед. ун-ту ім. Г.С. Сковороди. Харків: ХГПУ, 2004. Вып. 3(39). Ч. 2. С. 62–75.
- Александрова Т.А. Хлестаков и Чичиков в оценках Д. Мережковского // Девятые международные чтения молодых ученых памяти Л.Я. Лившица: Тезисы. Харків, 2004. С. 11–12.
- Алехин Ю.В. Тайна смерти Гоголя // Вечерний Новосибирск. Новосибирск, 2004. 21 февраля.
- Анисов Л. Александр Иванов. М.: Молодая гвардия, 2004. 345 с. – (Жизнь замечательных людей).
- Арват Н.М. Троичность в поэме Гоголя «Мертвые души» // VII Гоголівські читання: зб. наукових праць Полтавського держ. ун-ту. Філологічні науки. Полтава, 2004. С. 169–172.
- Аржаных Т.Ф. «Интеллектуальное иночество» и «литературное подвижничество» русской интеллигенции второй трети XIX века // Интеллигенция и Церковь: прошлое, настоящее, будущее: Материалы XV международной научно-теоретической конференции 23–25 сентября 2004 г. Иваново, 2004. С. 194–195.
- Аржаных Т.Ф. Литературная доминанта русской интеллигенции первой половины XIX века // Молодая наука в классическом университете: Материалы научной конференции-фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. 19–23 апреля 2004 г. Иваново, 2004. С. 45–46.
- Аржаных Т.Ф. Н.В. Гоголь в контексте идейной жизни России первой половины XIX века // Интеллигенция и мир. Иваново, 2004. № 1–2. С. 124–132.
- Аржаных Т.Ф. «Русская тема» в общественно-литературной жизни России первой половины XIX века // Молодые женщины в науке: Материалы всероссийской научной конференции 2–3 апреля 2004 г. Иваново, 2004. С. 14–16.

Архипова Ю.В. «Шинель» Гоголя как апокалиптическая повесть // Новые идеи в философии природы и научном познании. Философские проблемы науки и культуры. Вып. 2(13). Екатеринбург, 2004. С. 324–333.

Аршинова А.А. О происхождении фамилии «Гоголь». Черноклобуцкие гипотетические предки Н.В. Гоголя – защитники и граждане Киевской Руси // Аспирант и соискатель. М., 2004. № 5. С. 30–33.

Афанасьев Э.С. О художественности повести Н.В. Гоголя «Нос» // Литература в школе. М., 2004. № 4. С. 13–14.

Баженова А. Москва как второй Петербург. Гоголь и Запад // Российский писатель. М, 2004. Ноябрь. № 19–20(94–95). С. 6.

Базавлук Л.М. Особенности структуры и семантики простого и сложного предложения в художественной прозе и публицистике Н.В. Гоголя // Предложение и текст: актуальные проблемы: межвузовский сб. статей. Орел: Орловский гос. ун-т, 2004. С. 114–117.

Базавлук Л.М. Прием стилистического повтора как одна из характеристик языкового ощущения Н.В. Гоголя // Ученые записки / Орловский гос. ун-т. Т. 1. Филология. Синтаксис русского языка. Орел: Орловский гос. ун-т, 2004. С. 9–12.

Балашова Е.А. «Выбранное место» в «Ревизоре» // V Всероссийские чтения «Оптина Пустынь и русская культура», посвященные братьям Киреевским. Калуга, 2004. С. 8–10.

Бакулина Т.М. Викторина по повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Русский язык и литература в учебных заведениях. Киев, 2004. № 4. С. 55–59.

Барабаш Ю. «Наш» или «не наш»? Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья // Вопросы литературы. М., 2004. Вып. 1. С. 144–180.

Белецкая Е.М. Казачество в народном творчестве и в русской литературе XIX века: Монография. Тверь: Золотая буква, 2004. 252 с.

Казачество в романтическом мире Гоголя:

«Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 144–163.

Эпический мир запорожского казачества. С. 163–181.

Белобородова Н.Г. Функция экфрасиса в повести Н.В. Гоголя «Портрет» // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Материалы третьих Филологических чтений. Т. 2. Литературоведение. Новосибирск: Изд-во НГПУ [Новосибирский гос. пед. ун-т], 2004. С. 51–57.

Белоусов А.Ф. Опыт анализа литературной темы (На материале романа Л. Добычина «Город Эн») // Строчение повествовательного текста. Смоленск, 2004. С. 89–92.

[Гоголевская тема в романе Л. Добычина.]

Беминг Михаэла. Предки Полиграфа Полиграфовича Шарикова: к вопросу о литературных связях М.А. Булгакова (Гоголь, Гофман, Сервантес) / Пер. с ит. О.Б. Лебедевой // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 311–330.

[Пер. из «Universita degli studi di Napoli – L, Orientale».]

Березко А.Ф. Ответ Н.В. Гоголя В.Г. Белинскому в контексте христианских взглядов писателя // Роль православия в духовно-нравственном воспитании школьников: сб. первых городских Свято-Покровских образовательных чтений, Гомель, 2 ноября 2004 г. / СШ № 67; редкол.: В.А. Баранов [и др.]. Гомель, 2004. С. 71–75.

Березко А.Ф. Проблема переосмысления фигуры поэта-пророка в художественной реальности Н.В. Гоголя в контексте явления старчества // Слово в культуре: сб. научных статей: В 2 ч. / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; под общ. ред. Л.С. Банниковой. Гомель, 2004. Ч. 1. С. 304–311.

Березняк Н. Концепция двоемирия в повести Н.В. Гоголя «Портрет» // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания. Ставрополь, 2004. Ч. 1. С. 134–136.

Беспалова С.В. Социально-нравственная проблематика в «Выбранных местах из переписки с друзьями» // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 13. С. 335–342.

Біла А.С. Социокультурная информация средствами языка в поэме Гоголя «Мертвые души» // VII Гоголевские чтения: Материалы международной конференции (Полтава, март 2004). Полтава, 2004. С. 182–184.

Бобылев В.Г. Метафорическое использование грамматических категорий и форм в художественном тексте // Русский язык в школе. М., 2004. № 1. С. 64–71.

Богданова П. Вокруг Гоголя. Валерий Фокин отметил 35-летие творческой деятельности // Новые театральные известия. М., 2004. № 4. С. 11.

Борисов Ю. От Гоголя до Блока // Библио Глобус. Книжный дайджест. М., 2004. № 7. Июль. С. 29.

[Об издании: Гоголь и Италия: Материалы международной конференции «Николай Гоголь: между Италией и Россией». М.: РГГУ, 2004. 285 с.]

Боровиков Д.С. Херсонский сочинитель, или о пишущих персонажах «Мертвых душ» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2004. Вып. 7. С. 40–43.

Брагина Н.Н. О музыкальных интерпретациях повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Проблемы истории и теории литературы и фольклора. М., 2004. С. 92–99.

Бродецкий А.Я. Немая сцена в «Ревизоре» – эмбрион авторитарного театра // Интеграция науки и искусства. М., 2004. С. 263–273.

Бузина Т. Искупление Гоголя – «Страшная месть» и «Мастер и Маргарита» // Слово. Грамматика. Речь. М., 2004. Вып. 6. С. 212–216.

Буровин А.В., Захарченко С.С. Декабрист Николай I (Феномен «единого поля» русской культуры на примере образа Манилова в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Филологические науки в МГИМО. М., 2004. № 18. С. 154–176.

Вайман С.Т. Русский ренессанс // Русская художественная культура. Контуры духовного опыта. СПб.: Олетейя, 2004. С. 180–202.

О Гоголе: С. 191–201.

Немая сцена. С. 199–217.

Вайскопф М. Кривонос в Казанском соборе // Солнечное сплетение. М.; Иерусалим, 2004. № 7. С. 210–216.

[По поводу статей В.Ш. Кривоноса о повести «Шинель» (Вопросы литературы. М., 2004. № 6; Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 63. № 6).]

Варламов А. Заметки о прозе Пушкина и Гоголя // Октябрь. 2004. № 4. С. 165–171.

[«Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «Тарас Бульба».]

Васильев С.А. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: внутренняя форма и жанровый синтез // Ученые записки Московского гуманитарного пед. ин-та. М., 2004. С. 166–173.

Васильева Г.М. «Фауст» И.В. Гете в русской литературе (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.В. Набоков) // Проблемы мировой политики и международных отношений. Новосибирск, 2004. С. 94–125.

Великанская М.Г. Особенности мифологического образа русалки в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы истории и теории литературы и фольклора. М., 2004. С. 99–105.

Ветчинкина Ю.В. Особенности временной структуры «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы изучения литературы в вузе и школе: Материалы всероссийской конференции литературоведов Поволжья: В 2 т. Т. 1. Тольятти: ТГУ [Тольяттинский гос. ун-т], 2004. С. 225–230.

Ветчинкина Ю.В. Трансформация пространства героя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Первые ознобишинские чтения: сб. материалов юбилейной международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию Д.П. Ознобишина. Инза; Самара, 2004. С. 90–94.

Видугирите И. «Размышления о Божественной Литургии». Границы театральности в творчестве Н.В. Гоголя // *Literatura=Literatura*. Vilnius, 2004. № 46(2). С. 38–49.

Викулова В. Дом Гоголя // Роман-газета. М., 2004. № 4. С. 2–3, ил. (обложка).

Викулова В.П. Храм Николая Угодника в Диканьке // Крымский Пушкинский научный сборник. Вып. 4(13): Литература и религия. Симферополь: Крымский Архив, 2004. С. 179–188.

Вильнова С.В. Пушкинская тема в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Качество профессионального образования. Оренбург, 2004. Ч. 2. С. 103–109.

Виноградов И. Гоголь Николай Васильевич // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русская литература / Гл. ред., сост. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2004. С. 247–248.

Виноградов И.А. Н.М. Языков и А.А. Иванов: Из истории взаимоотношений // Николай Языков и русская литература. М., 2004. С. 46–52.

Виноградов И.А. «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Русский литературоведческий альманах: сб. научных трудов, посвященный 75-летию со дня рождения В.Н. Аношкиной (Касаткиной). М.: Пашков дом, 2004. С. 229–246.

Владимирова Т.Л. Римский текст в Петербургских повестях Н.В. Гоголя // Теоретические и прикладные аспекты филологии: сб. научных трудов, посвященных 10-летию кафедры РЯЛ ИЯК ТПУ [Томский политехнический ун-т]. Томск: STT, 2004. С. 288–291.

Владимирцев В.А., Гройсман А.Л. Психологические проблемы и тайны в произведениях Н.В. Гоголя, или современная психология в поисках души // Интеграция науки и искусства. М., 2004. С. 274–291.
[Антропология Гоголя в свете современной психологии.]

Влащенко В.И. «Две необыкновенные крысы» в «Ревизоре» // Литература в школе. М., 2004. № 4. С. 19–24.

Вокин М.А. Герой «Тараса Бульбы» в призме взаимодействия эпического и романного: к проблеме гоголевского человека // Русская литература и философия: постижение человека. Липецк, 2004. Ч. 1. С. 64–70.

Волгин И.Л. Возвращение билета: Парадоксы национального самосознания. М.: Грантъ, 2004. 767 с.

[На материале творчества Гоголя, П.Я. Чаадаева, Ф.М. Достоевского и др.]
[Указ. имен.]

Воробьева И. «Лице слезами омывая...» // Северная пчела. Историческая литературно-политическая газета. 2004. 21 апреля.

[Печатается «Песнь молитвенная ко пресвятой Деве Марии Богородице» Гоголя.]

Воробьева Т.Л. «Женитьба Н.В. Гоголя и развитие русской комедии 1920-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. Томск, 2004. № 282. С. 163–169.

Вороненков И.И. Алогизмы в повести Н.В. Гоголя «Нос» и способы их передачи при переводе на английский язык // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2004. Вып. 7. Ч. 1–2. С. 129–131.

Воропаев В. Возвратиться в Россию через Иерусалим. Паломничество Н.В. Гоголя по Святым местам // История. М., 2004. 1–15 июля. № 25–26. С. 20–26.

Воропаев В. Встреча с Гоголем. Из воспоминаний Марфы Сабининой // Русский Инвалид. М., 2004. № 2–3. Февраль – Март. С. 15.

Воропаев В. Гоголь Николай Васильевич // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русская литература / Гл. ред., сост. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2004. С. 248–258.

Воропаев В. Жизнь с Гоголем. К 120-летию со дня рождения Бориса Зайцева // Collegium. Международный научный журнал. Киев, 2004. № 14. С. 24–28.

Воропаев В. Из рассказов о Гоголе // Купель. Детский православный журнал для семейного чтения. М., 2004. № 1(23). С. 24–29.

Воропаев В.А. Н.В. Гоголь: жизнь и творчество. В помощь старшеклассникам, абитуриентам, преподавателям. 4-е изд. М.: Изд-во МГУ; Самара: Изд-во «Учебная литература», 2004. 128 с. – (Перечитываемая классику).

Воропаев В. Николай Гоголь: опыт духовной биографии: [Продолжение] // Віра і Розум. Харків, 2004. №5. С. 241–256.

Воропаев В.А. Под защитой угодника Божия. Диканьский образ святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя // «Правило веры и образ кротости». М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 2004. С. 263–270.

Воропаев В. Предисловие // Полн. собр. творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. 6. М.: Паломник, 2004. С. 748–761.

[Предисловие к письмам святителя Игнатия к Обер-прокурору Святейшего Синода графу А.П. Толстому.]

Вострикова Е.Е. Доминантные образы переписки Н.В. Гоголя и Н.М. Языкова // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. Вып. 7. Ч. 1–2. С. 124–129.

Вранчан Е.В. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева (К проблеме жанра) // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении:

Материалы Третьих филологических чтений. Новосибирск, 2004. Т. 2: Литературоведение. С. 58–64.

Вранчан Е.В. Повесть «Коляска», ее место в творчестве Н.В. Гоголя // Аспирантский сборник Новосибирского гос. пед. ун-та. Новосибирск, 2004. Ч. 3. С. 27–32.

Гаджиева Л.И. Мотив предательства в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» и в рассказе М.А.Шолохова «Шибалково семья» // Сборник научных трудов / Под ред. Ю.Г. Круглова; Студенческие шолоховские чтения. М., 2004. С. 43–48.

Гаунина Е.А., Цыганова К.Л. Словообразовательные средства коннотации в русском языке в сопоставлении с украинским на материале повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // IX научная конференция молодых ученых, аспирантов и студентов (г. Саранск, 19–24 апреля 2004 г.). Саранск, 2004. С. 18–21.

Глушнев С. Возвращение «Мертвых душ» // Арагаст = Парус. М., 2004. № 1. С. 143–146. [По поводу выхода в свет 2-го тома «Мертвых душ» Гоголя с текстом воссозданным Ю.А. Авакяном (Информационно-издательский центр «САМПО», 2003.)]

Глуценко Н.В. «Имя победило мир...»: («Ревизор» Н. Гоголя и «Елизавета Бам» Д. Хармса) // Имя текста, имя в тексте. Тверь, 2004. С. 85–89.

[Семантика имени в заглавии пьесы Д. Хармса в контексте гоголевской традиции.]

Глянц В.М. Гоголь и Апокалипсис. М.: Изд-во ЭЛЕКС-КМ, 2004. 328 с.

[Рец.: *Балла О.* Писатель по несчастью. Что лучше: спасти мир или писать «Ревизора»? // Независимая газета. М., 2004. 9 сентября.]

Гоголь и Италия: Материалы международной конференции «Николай Гоголь: между Италией и Россией». Рим, 30 сентября – 1 октября 2002 г. / Московский гос. гуманитарный ун-т; сост. М. Вайскопф, Р. Джулиани. М.: РГГУ, 2004. 285 с.

Содерж.:

Вайскопф М. Предисловие. С. 7–10.

Джулиани Рита. Сюжетные и жанровые особенности «Рима» / Пер. с ит. А. Ямпольской. С. 11–37.

Беркоф Джованна Броджи. Барочными маршрутами повести Н.В. Гоголя «Рим». С. 38–66.

Толстая Е. «Рим» как физиологический очерк. С. 67–78.

Соливетти Карла. «Рим» Гоголя: totum pro parte. С. 79–101.

Паперный В. Повесть «Рим», город Рим и мессианизм позднего Гоголя. С. 113–128.

Романо Алессандро. Гоголь, парижский корреспондент (Замечания о повести «Рим») / Пер. с ит. А. Ямпольской. С. 129–140.

Шварцбанд Самуил. Об одном письме Н.В. Гоголя из Рима. С. 141–169.

Серман И. Римские письма Гоголя. С. 170–181.

Вайскопф М. Смерть в Италии. О литературном генезисе «Рима» и отрывка «Ночи на вилле». С. 182–194.

Манн Ю. Произведение, не похожее на другие. С. 195–207.

[«Ночи на вилле» Гоголя.]

Маццителли Габрэле. История неосуществившейся встречи: Гоголь и царь Николай I / Пер. с ит. К. Троччини. С. 208–220.

Рылов Ю. Гоголь – переводчик? С. 221–234.

Карташова И. Путешествие Гоголя в Италию в контексте романтических странствий. С. 235–244.

Страно Джакома. Николай Гоголь и Винченцо Линарес: сходство без контакта. С. 245–257.

[Сравнительный анализ «Народных рассказов» В. Линареса и «Вечеров на хуторе близ Диканьки».]

Буонкрисиано Паола. Рассказ «Жена Гоголя» Томмазо Ландольфи / Пер. с ит. М. Мискарян. С. 258–268.

Галатерия Маринелла Маша. Гоголевские отголоски в романе Паолы Мазино «Монте Иньозо» / Пер. с ит. А. Ямпольской. С. 269–284.

[Реминисценции из «Портрета» в романе П. Мазино.]

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь в изложении для школьников: «Мертвые души» с приложением лучших сочинений / Подгот. текстов В.В. Петрова. Минск: Современный литератор, 2004. 192 с.

<Изложение поэмы «Мертвые души»>. С. 3–153.

Сочинения по поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 154–188.

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь в изложении для школьников «Мертвые души» / Подготовка текстов В.В. Петрова. Минск: Харвест, 2004. 96 с. – (За 90 минут).

Краткое содержание поэмы «Мертвые души». С. 3–84.

Сочинения. С. 85–94.

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь и Православие: сб. статей о творчестве Н.В. Гоголя / Международный Фонд единства православных народов; сост. В.А. Алексеев. М.: ЗАО «Издательский дом «К единству!», 2004. 479 с. – (Русские писатели и Православие).

Содерж.:

Алексеев В.А. Ко Христу взыскующее сердце (Вместо предисловия). С. 3–6.

Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. С. 7–111.

Виноградов И.А. Узы небесного братства. Повесть Гоголя «Тарас Бульба» и ее судьба. С. 112–197.

Вениамин (Федченко), митрополит. Взгляд Н.В. Гоголя на литературное творчество / Подгот. текста [и примеч.] И.А. Виноградова. С. 198–200.

Зеньковский Василий, протопресвитер. Памяти Н.В. Гоголя. К 150-летию со дня рождения / Подгот. текста [и примеч.] И.А. Виноградова. С. 201–204.

Феодор (Бухарев), архимандрит. О героях поэмы «Мертвые души» / Подгот. текста [и примеч.] И.А. Виноградова. С. 205–230.

Серединский Тарасий, протоиерей. Мысли при чтении сочинения «Выбранные места из переписки с друзьями» Николая Гоголя. 1847 года / Подгот. текста [и примеч.] И.А. Виноградова. С. 231–238.

Томачинский В.В. Путеводитель к Светлому Воскресению. Н.В. Гоголь и его «Выбранные места из переписки с друзьями». С. 239–275.

Споров Б.Ф. Гоголь – новое прочтение. Заметки на полях книг. С. 276–329.

Булгаков Николай, иерей. Н.В. Гоголь – про нас. С. 330–336.

Есаулов И.А. Пасхальность в поэтике Гоголя. С. 337–349.

Гуминский В.М. Гоголь и четыре урока «Миргорода». С. 350–358.

Лепяхин В.В. Икона, религиозная и светская живопись в творчестве Н.В. Гоголя. С. 359–397.

Дунаев М.М. Николай Васильевич Гоголь. Из книги «Православие и русская литература». С. 398–411.

Георгиевский Г.П. Оптинские письма Гоголя / Подгот. текста В.А. Воропаева, [О.Ю. Щербаковой], [примеч.] В.А. Воропаева. С. 412–429.

Малиновский Д.К. О том, как надо разумеать смешное в произведениях Гоголя / Подгот. текста [и примеч.] И.А. Виноградова. С. 430–478.

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь и Православие / Сост. И.А. Виноградов, В.А. Воропаев; вступ. статья и примеч. И.А. Виноградова. М.: Изд-во Отчий дом, 2004. 527 с. – (Православная Церковь и русская литература).

Содерж.:

Предисл. С. 5–18.

Анастасий (Грибановский), митрополит. Мысли о Гоголе. С. 19–20.

Восторгов Иоанн, священномученик, протоиерей. Честный служитель слова. С. 21–25.

Серафим (Чичагов), святитель. Слово в 100-летнюю годовщину рождения Н.В. Гоголя. С. 25–28.

Зеньковский Василий, протопресвитер. Н.В. Гоголь в его религиозных исканиях. С. 29–40.

Мочульский К. Духовный путь Гоголя. С. 40–154.

Виноградов И. Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук. С. 154–306.

Воропаев В. Гоголь и отец Матфей. С. 306–339.

Константин (Зайцев), архимандрит. Гоголь как учитель жизни. С. 340–357.

Аристов Н. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях. С. 357–420.

Тальберг Н. Гоголь – глашатай Святой Руси. С. 421–425.

Вербицкий Ф. Великий россиянин. С. 425–435.

Приложение:

Игнатий (Брянчанинов), святитель. Письмо по поволу «Выбранных мест из переписки с друзьями». С. 436–437.

Шевырев С. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя. С. 438–464.

Примечания. С. 465–519.

Библиография. С. 520–524.

[Рец.: *Семанов С.* Православная вера и русские классики. Новый книжный ряд // Русский вестник. М., 2008. № 12(744).]

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь и театр: Третьи Гоголевские чтения: сб. докладов / Комитет по культуре города Москвы; Городская библиотека № 2 им. Н.В. Гоголя; под общ. ред. В.П. Викуловой. М.: Книжный дом «Университет», 2004. 368 с.: [2] л. цв. ил: ил.

Содерж.:

Summary. **Аннотированное содержание на английском языке.** С. 6–14.

Дементьева Н.Л. [Приветственное слово] С. 15.

Манн Ю.В. [Приветственное слово] С. 16–18.

Викулова В.П. Вместо предисловия. С. 19–22.

Драматургия Гоголя:

Барабаш Ю.Я. Гоголь и традиции староукраинского театра (Два этюда). С. 25–39.

Гетман Л.И. Театральность гоголевских образов. С. 40–45.

Еремин М.А. Мотив лица в художественном мире гоголевской драматургии. С. 46–53.

Могилевская Н.М. Концепт внесценического персонажа в драматургии Н.В. Гоголя. С. 54–58.

Васильчикова Т.Н. Принципы организации сценического пространства в драматургии Н.В. Гоголя и в драме немецкого экспрессионизма. С. 59–70.

Мир гоголевских комедий:

Гуминский В.М. Гоголь о любви и браке. С. 73–89.

Бельтраме Ф. Неоконченная пьеса «Владимир 3-ей степени» как своеобразная творческая лаборатория Н.В. Гоголя. С. 90–100.

Иваницкий А.И. «Господин де Пурсоньяк» Мольера и «Женитьба» Гоголя. С. 101–107.

Зорин А.Н. «Выбор невесты» накануне «Женитьбы» (гофмановская поэтика и комедия Н.В. Гоголя). С. 108–117.

Падерина Е.Г. «Игроки» и «Ревизор». С. 118–132.

Вокруг «Ревизора»:

Ищук-Фадеева Н.И. «Ревизор» Гоголя: между прошлым и будущим. С. 135–147.

Мильдон В.И. Город в «Ревизоре». С. 148–156.

Потапенко С.Н. Иван Хлестаков как «человек играющий». С. 157–166.

Орлицкий Ю.Б. Ритмическая структура «Ревизора» (предварительные замечания). С. 167–175.

Есаулов И.А. К интерпретации финала «Ревизора» (методологические замечания). С. 176–181.

Купцова О.Н. «Ревизор»: «явление последнее» (о театральной истории «немой сцены»). С. 182–192.

Сапченко Л.А. «Памятник» и «живая картина» в творчестве Гоголя и Карамзина. С. 193–203.

Денисов В.Д. М.Н. Загоскин и «загоскинское» в комедии Гоголя «Ревизор». С. 204–209.

Фролова С.Е. Михаил Чехов – Хлестаков (заметки на полях «Ревизора»). С. 210–218.

Манн Ю.В. Мейерхольдовский «Ревизор» в аспекте театральной традиции. С. 219–229.

Деполь Ж. Заумный «Ревизор» Терентьева. С. 230–239.

Солнцева Л.П. «Ревизор» в Праге. С. 240–246.

Интерпретация гоголевских произведений:

Юнисов М.В. Гимназисты играют Гоголя. С. 249–259.

Виноградов И.А. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (из истории сценических интерпретаций). С. 260–271.

Уварова И.П. Заколдованное место (о последних постановках «Мертвых душ»). С. 272–286.

Румянцева О.О. «И вдруг заблестел перед ним Петербург...» (Образ столицы в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» и в пьесе Е.И. Замятина «Блоха»). С. 287–295.

Литаврина М.Г. Гоголевские традиции в театре русского Зарубежья (эмигрант Бунчук и другие). С. 296–305.

Де Лотто Ч. Гоголь в итальянской кинематографии. С. 306–318.

Кривуля Н.Г. Экранизация произведений Н.В. Гоголя в отечественной анимации. С. 319–331.

Кривошеева И.В. Опера «Записки сумасшедшего» Ю. Буцко. С. 332–344.
Грибкова А.Б. Гоголь в музыкальной афише Москвы на рубеже тысячелетий. С. 345–357.
Об авторах. С. 358–363.

Голенищев-Кутузов И.Н. Лики времени. Парижские эссе. М.: МЦНМО [Московский центр непрерывного математического образования], 2004. 256 с.: ил.

Из содерж.:

Гоголь в Италии. С. 192–195.
[Впервые: Возрождение. Париж, 1932. 2 апреля.]

Гольденберг А.Х. О формах выражения этической позиции автора в гоголевском тексте // Этика и социология текста: сб. статей научно-методического семинара «TEXTUS». Вып. 10. СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ [Ставропольский гос. ун-т], 2004. С. 166–171.

Гольденберг А.Х. Проблема художественной совместимости гоголевских образов // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре: Материалы международной научной конференции. Часть I. Волгоград: «Перемена», 2004. С. 134–145.
[Система образов во 2-м томе «Мертвых душ».]

Горбунова Ю.И. Особенности строения и функционирования лексико-семантической группы имен прилагательных совокупного размера (На примере поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте. М., 2004. С. 229–231.

Горбунова Ю.И. Семантические и функциональные особенности имен прилагательных «толстый» и «тонкий» (на примере поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Язык. Культура. Личность. М., 2004. Ч. 2. С. 29–32.

Горячева М. «Женитьба» Н.В. Гоголя и «Предложение» А.П. Чехова: Сюжет и характер // Диалоги с Чехов. София, 2004. С. 277–281.

Греков В.Н. «Странное чудовище» «Женитьбы» (Опыт комментария к театральной эстетике Н.В. Гоголя в постановках 1840–1920 гг. // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: Проблемы образования и коммуникации. М., 2004. С. 224–242.

Грекова Е.В. Лица и роли // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: Проблемы образования и коммуникации. М., 2004. С. 216–223.
[Мотив маски в «Записках сумасшедшего» Гоголя, «Медном всаднике» А.С. Пушкина и «Маскараде» М.Ю. Лермонтова.]

Григорьев Д.С. Фрагмент анализа языковой личности (на материале повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба») // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития. Оренбург, 2004. С. 101–106.

Громов Е.С. Интерпретация русской классики в конце XIX–начале XX вв. // Русская художественная культура. Контуры духовного опыта. СПб.: Олетейя, 2004. С. 219–247.
[О Гоголе: С. 239–245.]

Гротеск в литературе: Материалы конференции к 75-летию профессора Ю.В. Манна / Ред. Н.Д. Тамарченко, В.Я. Малкина, Ю.В. Доманский. М.; Тверь, 2004. 154 с.

Из содерж.:

Гольденберг А.Х. \ Фольклорный гротеск в поэтике Гоголя. С. 24–29.

Гюнтер Х. Гротескное тело у Гоголя. С. 29–31.

Малкина В.Я. Гротескное тело у Г. Уолпола и Н. Гоголя («Замок Отранто» и «Страшная месть»). С. 32.

Овечкин С. Гротеск в нарративной структуре цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 3–36.

Ищук-Фадеева Н.И. «Все» и «всё» у Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки»). С. 37–41.

Джафарова К.К. Гротеск и арабеска (на примере сборника Н.В. Гоголя «Арабески»). С. 41–42.

- Кривонос В.Ш.* Еще раз о «фантастическом окончании» «Шинели» Гоголя. С. 42–48.
- Гуминский В.М.* «Мертвые души» в иллюстрациях // Литература в школе. М. 2004. № 4. С. 9–12.
- Гураль С.К.* Некоторые мотивы творчества Н.В. Гоголя в интерпретации американских исследователей // Россия и Запад: диалог культур. М., 2004. Вып. 12. Ч. 1. С. 210–215.
- Давыдкина Н.А.* О функционировании наречий в художественном тексте // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения. М., 2004. С. 145–148. [На примере произведений Гоголя.]
- Данильцева З.М.* Повесть Н.В. Гоголя «Шинель»: Материал для урока. IX класс // Литература в школе. М., 2004. № 4. С. 36–38.
- Дерюгина Л.В.* Пушкинское и Пушкинско-Петербургское в «Невском проспекте» // «Литературоведение как литература»: сб. в честь С.Г. Бочарова. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. – (Studia philologica). С. 84–110.
- Джафарова К.К.* Традиции европейской и русской истории и литературы в цикле Н.В. Гоголя «Арабески» // Русская словесность в мировом культурном контексте: Материалы международного конгресса. М., 2004. С. 19–21.
- Джон Тхэ Вон.* Некоторые приемы комического у Н.В. Гоголя (на материале поэмы «Мертвые души») // Русский язык и славистика в наши дни. М., 2004. С. 561–567.
- Джулиани Р.* Гоголь и празднование дня основания Рима в 1837 г. // Jews and Slaves. Vol. 14. Judaeo-Slavica et Russica. Festschrift Professor Ilya Serman. Edited by W. Moskovich, S. Schwarzband, M. Weiskopf, V. Khazan. Иерусалим; М., 2004. С. 167–174.
- Долгушин Дмитрий*, священник. В.А. Жуковский и Н.В. Гоголь: к истории отношений // Τέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики): межвузовский сб. филологических трудов. Вып. 1. Новосибирск, 2004. С. 93–105.
[История отношений В.А. Жуковского и Гоголя, сходство их духовного пути, пережитый ими кризис «эстетического гуманизма».]
- Долженков П.Н.* «Степь» и «Мертвые души»: скрытый сюжет в повести Чехова // Век после Чехова: Международная научная конференция: Тезисы докладов. М., 2004. С. 64–67.
- Долженков П.Н.* «Степь» и «Мертвые души»: скрытый сюжет в повести А.П. Чехова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 2004. № 3. С. 12–28.
- Донченко А.С.* Антропонимическая система пьес Н.В. Гоголя «Ревизор» и «Женитьба» // Проблемы качества образовательной системы СурГПИ: поиски и решения: сб. тезисов докладов Восьмой отчетной научной конференции преподавателей, аспирантов и соискателей института, 30 января 2004 г.: В 2 ч. Сургут: РИО СурГПИ [Сургутский гос. пед. ин-т], 2004. Ч. 1. С. 102–103.
- Духовные истоки воспитания. Православная культура в школе. Уроки русской литературы: Учебное пособие. М.: Духовные истоки, 2004. 222 с.
- Из содерж.:**
- Донченко Л.М.* Сущность искусства в понимании Н.В. Гоголя (По повести «Портрет»). С. 131–138.
«Шинель» Н.В. Гоголя. С. 139–147.
Над чем смеялся Гоголь в комедии «Ревизор». С. 148–157.
- Душенко К.В.* [Реферат] *Тазбир Я.* «Тарас Бульба» – наконец по-польски // Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел культурологи. М., 2004. № 4. С. 42–45.

[Реф. статьи польского историка-медиевиста Я.Тазбира в изд.: Новая Польша. Варшава, 2002. № 5. С. 33–40.]

Егошина О. Неелова как мужчина: Знаменитая актриса примерила на новой сцене «Современника» гоголевскую «Шинель» // Новые известия. М., 2004. 6 октября.

[О спектакле «Шинель» Валерия Фокина на новой сцене «Современника», где Марина Неелова сыграла роль Акакия Акакиевича.]

Еникеева Д. «...Имя мое после меня будет счастливее меня» // Московская правда. М., 2004. 6 апреля.

[Освоение художественного мира Гоголя на Западе.]

Еремин М.А. Пародийные черты внутреннего мира гоголевской драматургии // Смех в литературе: семантика, аксиология, полифункциональность: Материалы межвузовской конференции. Самара: Самарский гос. ун-т, 2004. С. 53–58.

Ермакова П.В. Социолингвистическое комментирование комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в России и в Англии // Социально-политические процессы в меняющемся мире: сб. научных трудов. Тверь, 2004. № 5. С. 105–109.

Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.

Гл. 8: Пасхальность в поэтике Гоголя. С. 227–257.

Еськова Н.А. Популярная и занимательная филология. М.: Флинта: Наука, 2004. 176 с. В традициях гоголевских дам (О словах *уборная* и *туалет*). С. 39–42.

Жаравина Л.В. «Письмо сердца» и «письмо разума» в творческой эволюции Н.В. Гоголя (К проблеме второго тома «Мертвых душ») // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре. Волгоград, 2004. Ч. 1. С. 145–149.

Жуков А.С. Трагическое в творчестве Н.В. Гоголя и М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский выпуск № 7: Материалы международной научной конференции «Изучение творчества М.Ю. Лермонтова на современном этапе». Пенза, 2004. С. 161–168.

Завьялова Е. Синдром искренности // Аргументы и факты. М., 2004. № 17.

[О спектакле «Приходите... Завтра?!» (инсценировка «Повести о капитане Копейкине») в московском Театре Простодушных.]

Зарытова И.В. Гиперболизация человеческих пороков в произведениях Гоголя и Канетти // Идеи и образы русской и зарубежной литературы. Елабуга, 2004. С. 20–24.

Заславский О.Б. Очами в очи (О произведении Гоголя «Ночи на вилле») // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2004. Т. 6. № 63. С. 26–31.

Застрожнова (Сокол) Е.М. «Маленький человек» в свете христианской традиции (от Гоголя к Достоевскому). М.: ТЕИС, 2004. 240 с.

Гл. 1: Проблема «маленького человека» в творчестве Н.В. Гоголя. С. 18–57.

Захаров К.М. «Говорят, пиковая дама всегда продаст...»: К проблеме интертекстуальности произведений Н.В. Гоголя // Язык и межкультурная коммуникация. СПб., 2004. С. 184–186.

[Пушкинский подтекст комедии Гоголя «Игроки».]

Зверева Ю.В. Евангельские образы в критике Ю.Н. Говорухи-Отрока // Библия и национальная культура: межвузовский сб. научных статей и сообщений. Пермь, 2004. С. 204–207.

Зимина М.А. Нарративный аспект мотива безумия в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Диалог культур. Барнаул, 2004. С. 87–92.

Золотусский И.П. Гоголь и Достоевский // Литература в школе. М., 2004. № 4. С. 2–5.

Зызыкин М. Царская власть в России. М.: «Москва», 2004. 624 с. – (Сер. Наследие Русского Зарубежья).

Гоголь и Царская власть (К столетию со дня смерти Н.В. Гоголя). С. 595–618.

[Первоначально: Наша страна. Буэнос-Айрес, 1952. № 106, 107, 108, 109, 110, 113.]

И. Г. Н.В. Гоголь и христианская традиция // Культурология. Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел культурологии М., 2004. № 4. С. 72–73.

[Реф.: *Воропаев В.А.* Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. М.: Макариевский фонд, 2002. 208 с. – (Православные просветители России); *Кривонос В.Ш.* Образы-символы Гоголя в контексте христианской традиции // Художественный язык литературы 20-х годов XX века. Самара, 2001. С. 208–217.]

Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: В 3 т. Т. 2. Письма 1840–1857 гг. / Сост., подгот. текстов, примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2004. 676 с. – (Русские мемуары. Москва и москвичи).

Из содерж.:

Несколько слов о Гоголе. С. 511–513.

[Впервые: Московский сборник. Т. 1. М., 1852.]

Иоанн (Шаховской), архиепископ Сан-Францисский. Беседы с русским народом. М.: Лодья, 2004. 158 с. / По материалам издания: Епископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) Время веры. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954.

Из содерж.:

Гармония творения (О Гоголе). С. 21–22.

[О «Размышлениях о Божественной Литургии».]

[Первоначально: Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), еп. Время веры. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 84–86.]

Катаева Н. Гоголь и дядя Миша // Аргументы и факты. М., 2004. № 12.

[Гоголь и М.А. Булгаков.]

Казарин В.П. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» в контексте романтической драмы // Казарин В.П. От античности до наших дней: Избранные работы по литературе и культуре. Симферополь: Крымский Архив, 2004. С. 103–118.

[Впервые: Жанры в историко-литературном процессе: межвузовский сб. Вологда, 1985. С. 45–59.]

Казарин В.П. «Нечто совершеннейшее в человечестве...» (Украина и Россия – Гоголь и Пушкин) // Крымский Пушкинский научный сборник. Вып. 4(13): Литература и религия. Симферополь: Крымский Архив, 2004. С. 5–14.

Казарин В.П. Нечто совершеннейшее в человечестве: Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Литературная газета. М., 2004. 28 июля – 3 августа. № 30. С. 8.

Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Радуга. Журнал художественной литературы и общественной мысли. Киев, 2004. № 7–8. С. 154–160.

Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Черное море: Литературно-художественный журнал. Симферополь, 2004. № 1. С. 81–85.

Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Литературный Крым: Газета крымских писателей. Симферополь, 2004. 30 июля. № 27–28. С. 1–3.

Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Русский Севастополь. Севастополь, 2004. Сентябрь. № 7. С. 6–7.

Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин: [Отдельный оттиск.] Симферополь: Крымский Архив, 2004. 11 с.

Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // Филолог. Пермь, 2004. Вып. 5. С. 10–14.

Казарин В.П. Украина и Россия – Гоголь и Пушкин // *Studia philologica: Мжвзівський філологічний журнал Кримського центру гуманітарних досліджень*. Сімферополь, 2004. № 1. С. 4–10.

Кальмова У.М., Матюшенко Л.М. Художественная реальность как способ познания психологии человека (Н.В. Гоголь) // Сборник трудов студентов и молодых ученых Кемеровского гос. ун-та, посвященный 50-летию Кемеровского гос. ун-та. Кемерово, 2004. Вып. 5. С. 194–195.

[Мотив безумия в «петербургских повестях».]

Капитанова Л.А. Н.В. Гоголь в жизни и творчестве: Учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. М.: Русское слово, 2004. 160 с.: фотоил. – (В помощь школе).

Катаев В.Б. Гоголевский год // Катаев В.Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 44–50.

Катермина В.В. Личное имя собственное как показатель социальной принадлежности (На материале произведений Н.В. Гоголя и Ч. Диккенса) // Проблемы региональной ономастики. Майкоп, 2004. С. 107–109.

Ким Хюн И. Изображение «пошлого» человека в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Слово: сб. научных трудов студентов и аспирантов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2004. Вып. 2. С. 58–65.

Киреев Р.Т. Великие смерти: Гоголь. Л. Толстой. Чехов. М.: Глобулус, Изд-во НС ЭНАС, 2004. 152 с. – (Литературный семинар).

Гоголь. Талызинский особняк. С. 7–52.

[Рец.: *Роднянская И.* // Новый мир. М., 2005. № 6. С. 191–192.]

Киселев В.С. «Арабески» Гоголя и традиции романтической циклизации // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2004. Т. 63. № 6. С. 15–25.

Киселев В.С. Коммуникативная стратегия автора в «Арабесках» Н.В. Гоголя // Теоретические и прикладные аспекты филологии: сб. научных трудов. Томск, 2004. С. 278–283.

Киселев В.С. Проблема знака в эстетике и поэтике раннего Гоголя // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. Абакан, 2004. Вып. 8. С. 80–84.

Киселев В.С. Цикл петербургских повестей Н.В. Гоголя и романы Ф.М. Достоевского: к истории становления романного жанра // Достоевский и время: сб. статей. Томск, 2004. С. 95–111.

Киченко А.С. Молодой Гоголь (истоки и пути эволюции ранней прозы) / Черкаський національний ун-т ім. Б. Хмельницького. Черкасси, 2004. 191 с.

Климутина А.С. Мотив отсечения головы в повести А. Королёва «Голова Гоголя» // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: сб. трудов молодых ученых. Томск: Изд-во. Томского гос. ун-та, 2004. Вып. 5. Ч. 1: Литературоведение. С. 73–75.

Ковалева Ю.Н. «Русское чувство» в позднем творчестве Н.В. Гоголя // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре. Волгоград, 2004. Ч. 1. С. 131–134.

Козлова А.В. Гастрономический сюжет в раннем творчестве Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород») // Наука и образование: VIII всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (с международным участием) (19–23 апреля 2004 г.). Томск, 2004. Т. 2. Ч. 1: Филология. С. 15–21.

Кокарева В.В. Описать пошлость тоже нужен талант. Превентивное прочтение поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» как средство развития у учащихся интереса к произведению // Русская словесность в школах Украины. Киев, 2004. №2. С. 35–37.

Контрольная работа «Оценивание по теме». Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Библиотека журналу «Русский язык и литература в школах Украины». Киев, 2004. Вип. 6. С. 106–108.

Конференция-дискуссия по теме «Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Библиотека журналу «Русский язык и литература в школах Украины». Киев, 2004. Вип. 6. С. 103–106.

Конюшков Е. Разными дорогами // Православная беседа. М., 2004. № 1. С. 52–55.
[О постановке Русским духовным театром «Глас» «Ревизора с развязкой» Гоголя.]

Коржова Е.Ю. Путеводитель по жизненным ориентациям: Личность и ее жизненный путь в художественной литературе. СПб.: Общества памяти игумении Таисии, 2004. 480 с.

Из содерж.:

Петр Петрович Петух (Н.В. Гоголь. «Мертвые души»). С. 46–51.

Акакий Акакиевич Башмачкин (Н.В. Гоголь. «Шинель»). С. 88–91.

Плюшкин (Н.В. Гоголь. «Мертвые души»). С. 92–96.

Коровина Р.Н. «Исчезающие в суеде дней наших...» «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя. VI класс // Литература в школе. М., 2004. № 4. С. 46–47.

Коровина Р.Н. О повести Н.В. Гоголя «Вий». VI класс // Литература в школе. М., 2004. № 8. С. 39–41.

Коршукова А.В. Собачий сюжет и его генезис в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: сб. трудов молодых ученых. Томск, 2004. Вып. 5. Ч. 1: Литературоведение С. 79–81.

Кошелев В.А. Хомяков и Гоголь // А.С. Хомяков: Личность – творчество – наследие. Хмелитский сборник. Вып. 7/ Гос. музей-заповедник «Хмелита». Смоленск, 2004. С. 233–256.

Кривонос В.Ш. «Бедный Акакий Акакиевич» (Об идеологических подходах к «Шинели» Гоголя) // Вопросы литературы. М., 2004. Вып. 6. С. 139–156.

Кривонос В. Гоголь: пограничность сновидческих образов // Граница как механизм смыслопорождения. Самара, 2004. Вып. 2. С. 96–101.

Кривонос В.Ш. Наполеоновский миф в поэме Гоголя «Мертвые души» // Смех в литературе: семантика, аксиология, полифункциональность: Материалы межвузовской конференции. Самара, 2004. С. 46–52.

Кривонос В.Ш. Повесть Гоголя «Шинель»: проблемы и трудности интерпретации // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2004. Т. 63. №. 6. С. 3–14.

Кто проспал дольше всех? // Вокруг света. М., 2004. № 9. С. 174.
[Опровержение слухов, что Гоголя похоронили спящим.]

Крчалова Т. Между днем и ночью: Новое прочтение повести Н. Гоголя «Вий» в драматическом тексте Н. Садур «Панночка» // Русская филология. Тарту, 2004. № 15. С. 175–181.

Ковалев Ю. Микола Гоголь – «блудный сын Украины» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. М., 2003–2004. № 7/8. С. 233–236.

[Л. Масенко о творчестве Гоголя в книге «Язык и политика» (Киев, 1999).]

Кузовкина Т. Гоголь и Теньер (К вопросу о том, как изображать низкую действительность) // Лотмановский сборник. М., 2004. 3. С. 295–304.

Кузовкина Т.Д. Некролог Булгарина Жуковскому // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. № 3. С. 276–293.

[Некролог в «Северной Пчеле» от 26 апреля 1852 г. в контексте полемики Ф.В. Булгарина с гоголевским направлением в русской литературе.]

Кулакова Т.А. Мотив услужения в «Тарасе Бульбе» Гоголя // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Тольятти, 2004. Гуманитарные науки и образование: опыт, проблемы, перспективы. Ч. 3. С. 115–119.

Кулакова Т.А. Слуга Осип в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»: мотив всеведения // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2004. Вып. 7. Ч. 1. С. 24–27.

Кулакова Т.А. О семантике «услужения» в художественной структуре «Вечеров на хуторе близ Диканьки» // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2004. Вып. 4. С. 226–230.

Кулакова Т.А. О художественных функциях мотива «услужения» в «Тарасе Бульбе» Гоголя / Материалы международной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Гуманитарные науки и образование. Ч. 3. Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 2004. С. 153–156.

Кулешов В.И. История русской литературы XIX века: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект Трикста, 2004. 800 с. – (Gaudeamus).
Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 262–335.

Курилов А.С. «Мертвые души», или поэзия жизни провинциальной России // Филологические науки. М., 2004. № 6. С. 55–64.

Курочкина-Лезина А.В. Архетипическая образность русского православия в духовной прозе Н.В. Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями») // Православие и русская литература Арзамас, 2004. С. 46–52.

Кучерская М. Арабов переписет «Мертвые души» // Российская газета. М., 2004. 26 мая. [Интервью с кинодраматургом Ю. Арабовым.]

Лазарева А.Н. Из истории нравственно-религиозной мысли. Гоголь и Соловьев // Философские исследования. М., 2004. № 1. С. 172–186.

Лакшин В.Я. А.Н. Островский. 3-е изд. М.: Гелеос, 2004. 768 с.
Наследник Гоголя? С. 275–290.

Ларионова М.Ч. Имя и фольклор // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре. Волгоград, 2004. Ч. 1. С. 19–24.

Лебедев А.А. «Превращение бабочки в гусеницу» (Один общий сюжет прозы А.П. Чехова и Н.В. Гоголя) // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре. Волгоград, 2004. Ч. 1. С. 169–176.

Лебедина Л. Башмачкин женского рода: Вчера в «Современнике» на новой площадке «Другая сцена» родился театральный шедевр // Труд. М., 2004. 6 октября.

[О спектакле «Шинель» Валерия Фокина на новой сцене «Современника», где Марина Неелова сыграла роль Акакия Акакиевича.]

Левина Г.Л. «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя в русле взаимодействия языческой и христианской культур // Интерпретация литературного и культурного текста. Биробиджан, 2004. С. 52–60.

Гудимова С.А. [Реферат] // Культурология. – Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел культурологии М., 2004. № 4. С. 111–113.

[Реф. статьи: *Левкиевская Е.Е.* «Белая свитка» и «красная свитка» в «Сорочинской ярмарке» Н.В. Гоголя // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 400–412.]

Изотова Е.В. Образ Франции в третьем томе «Сочинений» Н.В. Гоголя 1842 года издания // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2004. Вып. 7. Ч. I–II. С. 131–136.

Климутина А.С. Мотив отсечения головы в повести А. Королёва Голова Гоголя // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: сб. трудов молодых ученых. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2004. Вып. 5. Ч. 1: Литературоведение. С. 73–75.

Константинова Н.В. «Мании» раздвоенного сознания (От гоголевского Поприщина к героям Ф.М. Достоевского) // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Материалы Третьих Филологических чтений. 28–29 ноября 2002 г. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2004. Т. 2. С. 69–76.

Леонова А.В. Признак контролируемости/неконтролируемости в аспекте авторской интерпретации (На примере творчества Н.В. Гоголя) // Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. Новосибирск, 2004. Ч. 2. С. 72–79.

Литература. Начальный курс. 8 кл.: Учебник-хрестоматия для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. Ч. 1 / Авт.-сост. Г.И. Беленький. 4-е изд. М.: Мнемозина, 2004. 351 с.: ил.

Николай Васильевич Гоголь. С. 200–286.

Література та культура Полісся. Вип. 24: До 195-річчя з дня народження М. Гоголя та 25-річчя поновлення вивчення спадщини письменника у Ніжинській вищій школі / Відп. ред. та упоряд. Г.В. Самойленко; Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя. Ніжин: НДПУ, 2004. 198 с. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Самойленко Г.В. Нежинская гоголиана на рубеже веков (1979–2004). С. 3–12.

Арват Н.Н. Формы и функции периода в художественных произведениях Н.В. Гоголя. С. 18–27.

Мощенская Л.Г. Мир казаков в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». С. 48–52.

Романова Л.В. Экспрессия синтаксических конструкций в произведении Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 67–70.

Целехович Т.П. «Я воюю с ними и изгоню их...»: мифологема одержимого бесом в «Страшной мести» Н.В. Гоголя. С. 70–77.

Волковинский А.С. Эпитет в прозаическом тексте Н. Гоголя (еще раз о том, как сделана «Шинель»). С. 78–85.

Сквира Н.М. Функциональная природа евангельских формул в контексте второго тома «Мертвых душ» Гоголя. С. 85–88.

- Белая А.С.* Языковое выражение коммуникативных стратегий литературных героев в поэме Н. Гоголя «Мертвые души». С. 89–91.
- Петрова С.П.* Эргономика на уроках русской литературы в якутской школе (На материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»). С. 91–94.
- Николаенко А.И.* О значении наследия Н.В. Кукольника для современного понимания отдельных моментов истории русской культуры. С. 94–99.
[К творческой биографии Гоголя.]
- Якубина Ю.В.* Гоголь и Гребенка (нежинский период биографии). С. 100–108.
- Розанова Л.Н.* Гоголь и Основьяненко: украинский менталитет в русской литературе. С. 108–111.
- Хомчак Е.Г.* Типология создания образов в произведениях Н.В. Гоголя и И.А. Гончарова. С. 112–118.
- Пустовит Т.Н.* Гоголевский взгляд на историю и современная историческая проза (на материале произведений Д. Балашова). С. 125–129.
- Намакитанская И.Е., Куглер Н.О.* Гоголевские мотивы в поэтике В.С. Высоцкого. С. 129–140.
- Сапченко Л.А.* «Русский помещик» из «Выбранных мест...» Н.В. Гоголя: проблема жанра. С. 140–145.
- Жаркевич Н.М.* Трилогия В.П. Авенариуса «Ученические годы Гоголя» в контексте художественных традиций русской классической литературы. С. 145–151.
- Краснобаева О.* Теория гоголевского комического в рецепции А. Крживона. С. 155–163.
[Откл. на кн.: *Kriziwon Andreas. Das Komische in Gogols Erzählungen.* Peter Lang, Berlin; Bern; New York, 1994. 225 p.]
- Чоботько А.В.* В. Розанов о роли Н. Гоголя в истории России. С. 184–196.
- Мадлевская Е.Л.* Преодоление страха в русской народной традиции (На материале мифологических и бытовых рассказов и повести Н.В. Гоголя «Вий») // *Языки страха: женские и мужские стратегии поведения.* СПб., 2004. С. 109–120.
- Майорова С.Ю.* О дантовской традиции в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: Материалы всероссийской научно-практической конференции «Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения. К 100-летию со дня рождения писателя». Арзамас: АГПИ [Арзамасский гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара], 2004. С. 154–161.
- Макеев М.С.* Мертвые души вдоль железной дороги: о «фиктивной» датировке и одном источнике замысла «Железной дороги» Н.А. Некрасова // *Вестник Московского ун-та.* Сер. 9. Филология. М., 2004. № 4. С. 24–37.
- Макеев С.* Майор Ковалев из «горячей точки». Дело о пропавшем носе, или Откуда г-н Гоголь почерпнул свой знаменитый сюжет // *Совершенно секретно.* М., 2004. № 8(183). Август. С. 32–33.
- Манн Ю.В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М.: Аспект Пресс, 2004. 813 с.: 32 с. ил.
[Рец. // *Независимая газета.* М., 2004. 2 сентября; *Самородницкая Е.* // *Новое литературное обозрение.* М., 2005. № 72(2). С. 381–383; *Соболев Л.* «Никто не разгадал меня совершенно...» // *Вопросы литературы.* М., 2005. № 6. С. 326–332.]
- Манн Ю.В.* Гоголь как интерпретатор Пушкина // *Филологические науки.* М., 2004. № 1. С. 78–87.
[О статье Гоголя «Несколько слов о Пушкине».]
- Манн Ю.В.* «Мертвые души» Гоголя как поэма (разрозненные штрихи к старой теме) // *Феномен русской классики.* Томск, 2004. С. 182–187.
- Манн Ю.В.* «Первая идиллия Гоголя» // «Литературоведение как литература»: сб. в честь С.Г. Бочарова. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. – (Studia philologica). С. 79–83.
- Манн Ю.В.* Синдром «Ревизора» // *Вопросы литературы.* М., 2004. № 5. С. 140–174.

Марина Неелова станет Башмачкиным: Современник // Ваш досуг. М., 2004. № 29. С. 45.

Марков А.Ф. Магия старой книги. Записки библиофила. М.: Аграф, 2004. 672 с.: ил. К юбилею Н.В. Гоголя. С. 230–232.

Маркович В.М. «Задоры», Русь-тройка и «новое религиозное сознание». Отелеснивание духовного и спиритуализация телесного в 1-м томе «Мертвых душ» // Wiener Slawistischer Almanach. 2004. Bd. 54.

Медведев А.В. О двух оперных замыслах Д. Шостаковича (из опыта совместной работы над либретто опер «Портрет» и «Черный монах») // Век после Чехова: Международная научная конференция: Тезисы докладов. М., 2004. С. 122–128.

Мережковский Д.С. Гоголь: Творчество, жизнь и религия // Мережковский Д.С. Собр. соч. Т. 6: Грядущий хам / Сост. и коммент. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 354–434.

Миллионщикова Т.М. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 7. Литературоведение. М., 2004. № 1. С. 104–109.

[Реф. кн.: Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. 2-е изд., испр. и расшир. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002. 686 с.]

Миллионщикова Т.М. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 7. Литературоведение. М., 2004. № 4. С. 91–96.

[Реф. кн.: Н.В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения: сб. докладов. М.: Книжный дом «Университет», 2003. 248 с.]

Моисеев П.А. Особенности перевода произведений русской литературы на французский язык на примере произведений Н.В. Гоголя // Исследования в области французского языка и французской культуры. М., 2004. С. 201–206.

Моисеева Л.П. Страницы истории русской литературы. Пушкин – Лермонтов – Гоголь: Учебное пособие. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2004. 269 с. – (Сер. Как статья студентом).

Гл. 8: Поэма о «человеческой бедности». С. 194–268.

Молин Ю. Болезнь Гоголя называлась Россия... // Вестник Александро-Невской лавры. СПб., 2004. № 3(7). С. 2, 8–9.

Монахова И. Примеры отражения религиозного мистического опыта в литературе // Уровень. М., 2004. № 2. С. 1–7.

Мордовцева Т.В. Отечественный колорит ликов Танатоса: на перекрестке культуры и знания // ОНС: Общественные науки и современность. М., 2004. № 5. С. 165–176.

[Проблема жизни и смерти в истории русской культуры и литературы (Чехов, Гоголь, Платонов).]

Москалев А. Тайна Гоголя. 195 лет назад родился гениальный русский писатель // Парламентская газета. М., 2004. 6 апреля.

Моторин А.В. Фаворская радость святого Серафима Саровского и светлый смех Гоголя // Преподобный Серафим Саровский и русская литература М., 2004. С. 45–56.

Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя / Сост. И.Ф. Владимиров. М.: Издательский дом «Наш дом – L'Age d'Homme», 2004. 160 с. – (Гоголевская библиотека).

Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя. С. 5–130.

Приложение:

Мочульский В.Н., проф. «Авторская исповедь Н.В. Гоголя. С. 139–154.

Владимиров И. Об авторе. С. 155–158.

Мусафирова О. На «Сорочинской ярмарке» есть все – даже негры с крокодилами! Под Киевом снимают очередной новогодний мюзикл // Комсомольская правда. М., 2004. 20 июля.

Мякинина Е.С. Люлька и трубка в вещном мире Н.В. Гоголя // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых: Материалы третьей всероссийской конференции молодых ученых. М.; Ярославль: МПГУ Ремдер, 2004. С. 61–67.

Наумова О. Запрещенный Гоголь // Новый Акрополь. М., 2004. № 2. С. 34–58.

Нгуен Бао Кхань. Наименования предметов туалета в качестве художественно-изобразительной детали (в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Лингвистика и поэтика: сб. научных трудов. М., 2004. С. 150–154.

Некрасов А.С. Повторная номинация как средство создания символа в структуре художественного текста: На материале повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» // Проблемы русского языка и методики его преподавания. Балашов, 2004. Вып. 2. С. 49–52.

Немировский Е.Л. Иллюстрированные издания «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Компьютер-арт. Журнал для полиграфистов и издателей. М., 2004. № 1. С. 64–69 (Продолжение следует).

Нечипоренко Ю. Рынок по Гоголю (отрывки) // Орфей: Литературно-эзетерический альманах. 2004. № 2. С. 184–185.

Нива Жорж. Гогольград / Пер. с фр. Б. Сигова // Зарубіжна література. Київ, 2004. № 37(389). С. 16–21.

Никанорова Ю.В. Проблема изучения творчества Гоголя в Германии // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. научных трудов IV всероссийской конференции студентов и молодых ученых. Томск, 2004. С. 116–119.

Никифорова С.А. Изучение повести Н.В. Гоголя «Шинель». IX класс // Литература в школе. М., 2004. № 4. С. 33–35.

Николаева П.В. Об идиллических мотивах в творчестве Н.В. Гоголя // Жанрологический сборник. Елец, 2004. Вып. 1.

Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века: Монография. М.; Ярославль: Литера, 2004. 360 с.

Образ пасхального праздника в творчестве Н.В. Гоголя. С. 143–159.

Новикова Е. «Маменька» из Диканьки. Гоголь с Пушкиным сошлись // Культура. М., 2004. 22–28 апреля.

[Четвертые Гоголевские чтения «Гоголь и Пушкин». Спектакль «Маменька» Московского музыкального театра «Экспромт».]

Ордина О.Е. Гоголь: смысл жизни и творчества в зеркале ценностей православной традиции // Научные труды Вятского социально-экономического института. Киров, 2004. Вып. 3. С. 126–134.

Орлова И.А. Цветовая палитра в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русская речь. М., 2004. № 6. С. 13–18.

Осипенко В.Г., Козлова А.В. Художественные функции мотива огня в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Наука и образование: VIII всероссийская конференция студентов,

аспирантов и молодых ученых (с международным участием) (19–23 апреля 2004 г.). Томск, 2004. Т. 2. Ч. 1: Филология. С. 201–206.

Осокина И. «Не собирайте сокровищ на земле...». «Портрет» Н.В. Гоголя. IX класс // Литература в школе. М., 2004. № 4. С. 41–43.

Падерина Е.Г. Ритмическая организация пьесы Гоголя «Игроки» // Сибирский филологический журнал. Барнаул и др., 2004. № 3/4. С. 23–32.

Палагин Ю.Н. Николай Васильевич Гоголь // Русские писатели XIX века о Сергиевом Посаде. Ч. III: из книги «Русские и зарубежные писатели XIV–XX веков о Сергиевом Посаде». Сергиев Посад, ООО «Все для Вас-Подмосковье», 2004. С. 97–98.

Паперный В.В. О творчестве позднего Гоголя // Лотмановский сборник. М., 2004. № 3. С. 305–326.

Пахаренко В. Два пути к украинскому Иерусалиму // Вопросы литературы. М., 2004. Вып. 6. С. 330–340.

[Рец. на кн.: *Барабаш Ю.* «Коли забуду тебе, Єрусалиме...». Гоголь і Шевченко. Порівняльно-типологічні студії. Харків, 2001. 373 с.]

[Русскоязычная версия книги («Если я забуду тебя, Иерусалим...»). Гоголь и Шевченко Сравнительно-типологические опыты») вышла в Харькове в 2003 г.]

Петров А.В. Сюжет преобразования идиллии в творчестве раннего Гоголя // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 171–181.

Петров А.В. Творчество Гоголя и современное научное знание в образовательной перспективе: Постановка проблемы // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: сб. трудов молодых ученых. Томск, 2004. Вып. 5. Ч. 1: Литературоведение. С. 196–200.

Петрова А.Л. Пространство «свое» и «чужое» в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Слово в тексте, словаре и культуре. Калининград, 2004. С. 209–219.

Петрова Л.М. «Постоялый двор» И.С. Тургенева (к проблеме: Тургенев и Гоголь) // Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К.Д. Муратовой. 21–25 сентября 2004 года. Орел, 2004. С. 141–148.

Петрушина М.В. Реализация модальности неодобрения в художественной речи Н.В. Гоголя // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте. М., 2004. С. 99–111.

Примак И.В. Гоголевская традиция в романе Андрея Белого «Петербург» // IX научная конференция молодых ученых, аспирантов и студентов (г. Саранск, 19–24 апреля 2004 г.). Саранск, 2004. С. 73–76.

Приходько Л.И. Гоголь в Нежине // Зарубіжна література. в навчальних закладах України. Київ, 2004. № 7. С. 15–17.

Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-западе России: опыт, традиции, инновации: Материалы научной конференции, посвященной 10-летию РГНФ 29 июня – 2 июля 2004 г.: сб. научных трудов. Т. 2: Филология. Искусствознание. Социология. Проавождение. Экономика. Психология. Педагогика. Комплексное изучение человека / Редкол.: А.В. Дворецкий (отв. ред.), Т.А. Бабакова и др.; Петрозаводский гос. ун-т. Петрозаводск, 2004. 314 с.

Из содерж.:

Близнецова В.В. Жанровая традиция в «Выбранных местах из прерписки с друзьями Н.В. Гоголя». С. 45–48.

Произведения Н.В. Гоголя и литература о нем: Библиографический указатель. (1992–2001) / Московская городская библиотека «Дом Гоголя»; сост. В.П. Викулова, Н.Ф. Савченкова. М.: ФАИР ПРЕСС, 2004. 255 с.

Радомская Т.И. К истории герменевтики «Мертвых душ» Н.В. Гоголя: Свт. Игнатий (Брянчанинов) о своеобразии творческого мира писателя // Актуальные проблемы изучения литературы в вузе и школе: Материалы всероссийской конференции и XXIX зональной конференции литературоведов Поволжья. Тольятти, 2004. Т. 1. С. 112–120.

Радомская Т.И. Обретение Отечества: Русская словесность первой половины XIX века (А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь). М.: Совпадение, 2004. 655 с.

Разумихин А. «Мертвые души»: Опыт современного прочтения // Литература: Ежедневное приложение к газете «Первое сентября». М., 2004. № 13.

Ранкур-Лаферьер Дэниэл. Русская литература и психоанализ / Пер. с англ. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2004. 1017 с. – (Русская потаенная литература).

Из содерж.:

Прототип гоголевского Вия / Пер. Ю.С. Евтушенкова. С. 60–85.

Гоголевский смех и группа Бахтина. С. 86–95.

Истолкование сна Шпоньки / Пер. Н.В. Николаева. С. 193–209.

Рассовская Л.П. Изображение человека в художественных произведениях Пушкина и Гоголя: диалоги и дискуссии / Самарский гос. ун-т. Самара: Самарский ун-т, 2004. 198 с.

Рассовская Л.П. Кошунственные произведения Пушкина и Гоголя («Гавриилиада» и «Нос») // Вестник Самарского гос. ун-та. Гуманитарная сер. Самара, 2004. Спец. вып. С. 32–44.

Ретин Л. Какие рукописи сжег Гоголь, осталось загадкой // Комсомольская правда. М., 2004. 7 июня.

Рогалев А.Ф. Имя и образ: Имена собственные в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Народная асвета. Минск, 2004. № 4. С. 26–28.

Рогалев А.Ф. Подтекст именованья персонажей в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русский язык и литература. Минск, 2004. № 4. С. 89–104.

Ролик А.Ф. Фразеологизмы в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и способы их передачи в немецком переводе произведения // Наукові записки. Філологічні науки / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя. Ніжин, 2004. С. 78–81.

Русская культура. С древнейших времен до наших дней. М.: Белый город, 2004. 736 с.: ил. [О Гоголе: С. 366–371.]

Русская литература XI–XX вв.: Пособие для абитуриентов / Под ред. Н.И. Якушина и В.И. Баранова. М.: ООО «ГИД «Русское Слово – РС», 2004. 512 с.

Якушин Н.И. Творчество Н.В. Гоголя (1809–1852). С. 116–134.

Руцкая Г.С., Берсенева Т.С. Поэтика экстрасенсорных явлений в произведениях Э.Т.А. Гофмана и Н.В. Гоголя // Традиции и взаимодействия в мировой литературе. Пермь, 2004. С. 44–49.

Рюпина С.В. Власть вещи в повести Гоголя «Шинель». Признаки властности в пространстве гоголевских произведений // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2004. Вып. 7. Ч. 1–2. С. 27–31.

Саатчян Г.Р. Ильф и Петров в гоголевской шинели: заметки читателя-источниковеда // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М., 2004. С. 311–314. [Гоголевские истоки образа Остапа Бендера в дилогии И. Ильфа и Е. Петрова.]

Савран А.А. Одинокая птица, или Выбранные места из жизни и творений Гоголя: Литературно-драматическая композиция // Все для учителя. Киев, 2004. № 4–5. С. 73–80.

Самородницкая Е. Гоголь post mortem: Проблема посмертной репутации писателя // Новое литературное обозрение. М., 2004. № 68(4). С. 297–303.

[Рец. на кн.: Moeller-Sally S. Gogol's afterlife: The evolution of a classic in imperial and Soviet Russia. Evanston, Illinois Northwestern University Press, 2002. – (Studies in Russian literature and theory) 214 p.]

Самородницкая Е. [Рецензия] // Вопросы литературы. М., 2004. Вып. 2. С. 360–361.

[Рец. на кн.: Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. 2-е изд., испр. и расшир. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002. 686 с.]

Сатарова Л.Г. М.А. Шолохов и Н.В. Гоголь: духовные истоки прозы о казачестве // Шолоховские чтения: сб. научных трудов. М., 2004. Вып. 4. С. 85–90.

Сафронов А.В. Абсурд, которого не может не быть // Вестник Международного ин-та А. Богданова. М., 2004. № 4. С. 63–79.

[Системный подход А.А. Богданова в анализе творчества Гоголя.]

Сахаров В.И. Романтизм в России: эпоха, школы, стили: Очерки. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 256 с.

Из содерж.:

Пророки романтизма (Гоголь и Шатобриан). С. 232–237.

«Виновник многих прекрасных минут в моей жизни» (В.А. Жуковский и Гоголь). С. 238–250.

Сахаров В. Потемкин и запорожцы у Гоголя. Исторический комментарий // Сахаров В. Русское масонство в портретах. М.: ООО «АиФ Принт», 2004. С. 137–142.

Сацкая С.И. Опыт лингвокультурологического описания соборности в логико-синтаксической организации сложно-подчиненных предложений текста поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Современная филология в международном пространстве языка и культуры. Астрахань, 2004. С. 76–78.

Свет и цвет в славянских языках / Edited by Károly Gadányi. Melbourne: Academia Press, 2004.

Из содерж.:

Моисеенко Л. Образная функция цвета и света в произведениях Н.В. Гоголя (некоторые наблюдения). С. 151–170.

Моисеенко Л.Н. О цветовых неологизмах Гоголя. С. 171–177.

VII Міжнародні Гоголівські читання: зб. наукових праць. Полтава: ПДПУ [Полтавський національний пед. ун-т ім. В.Г. Короленка], 2004. 246 с. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Кеба А.В. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и «Чевенгур А.П. Платонова: типологические аспекты поэтики. С. 48–53.

Остапенко. И. Путешествие Чичибабина к Гоголю. С. 102–105.

Мусий В.Б. Миф в структуре «Главы из исторического романа» Н.В. Гоголя. С. 126–130.

Семеновская О.В. «Мертвые души» Гоголя в драматургии XX века // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях. Смоленск, 2004. Ч. 2. С. 109–120.

[Об инсценировке «Мертвых душ» М.А. Булгаковым и пьесе Н. Садур «Брат Чичиков».]

Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы / Под ред. А.П. Казаркина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 307 с.: ил. – (Международные исследования в общественных науках: МИОН).

[О роли творчества Гоголя в трудах Г.Н. Потанина: С. 212.]

Серман И.З. Гоголь и Блез Паскаль // Русская литература. СПб., 2004. № 2. С. 162–168.

Сивкова А.В. Идиостиль ранней прозы Н.В. Гоголя: на материале сопоставления текстов повести «Ночь перед Рождеством» и новеллы Э.Т.А. Гофмана «Приключение в ночь под Новый год» // Художественный текст и культура: Материалы международной научной конференции 2–4 октября 2003 г. Владимир, 2004. С. 117–122.

Сивкова А.В. К вопросу о «несходстве» текстов раннего и позднего Гоголя: Словесная репрезентация мотива дороги // Функционирование лексических единиц и грамматических категорий в русском языке: сб. научных трудов. Калининград, 2004. С. 113–119. [На материале «Ночи перед Рождеством» и поэмы «Мертвые души».]

Сивкова А.В. «Черт и ему подобные...»: структура и семантическое функционирование демонических образов в тексте повести Н.В. Гоголя «Ночь перед рождеством» // Русский язык: исторические судьбы и современность: II международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.: Труды и материалы. М., 2004. С. 142–143.

Ситковский Г. В тени Шинели. Марина Неелова сыграла Башмачкина // Газета. М., 2004. 6 октября.

Скатов Н. Русская литература в первой половине XIX века // Литература в школе. М., 2004. № 1. С. 2–5.

Словарь афоризмов русских писателей / А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов. М.: Русский язык – Медиа, 2004. XX, 636 с.

Гоголь Николай Васильевич. С. 98–108.

Слюсарь А.А. О концепции национального характера в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Национально-культурный компонент в текстах мировой литературы: Учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов / Отв. ред. Н.М. Раковская; ОНУ [Одесский национальный ун-т] им. И.И. Мечникова, Филологический факультет, кафедра мировой литературы. Одесса: Астропринт, 2004. Ч. 1. С. 79–92.

Смирнов А.С. Романтическая ирония в русской литературе первой половины XIX века и творчество Н.В. Гоголя: Пособие. Гродно: Гродненский гос. ун-т, 2004. 134 с.

[Рец.: *Кормилов С.* // Вопросы литературы. М., 2006. Вып. 4. С. 366–367.]

Смирнов Ким. У Гоголя нет московской прописки. В столице до сих пор не открыт дом-музей великого писателя // Новая газета. М., 2004. 19–21 апреля.

[Публ. выступление историка Сигурда Шмидта на Четвертых Гоголевских чтениях в Москве.]

Смирнова И.А. А.О. Смирнова-Россет в русской культуре XIX века. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2004. 556 с.

Верный друг Гоголя. С. 271–314.

Современные вопросы филологии: сб. научных трудов кафедры русского языка и литературы ГПА [Гос. полярная академия]. Вып. 3: Методика преподавания русского языка. Проблемы лингвистики и литературоведения. СПб., 2004.

Из содерж.:

Троцюк С.Н. К определению понятия «речевые способности» в лингвистике, психолингвистике и методике преподавания русского языка в свете проблемы языка и речи. С. 15–33.

Соколова Е.В. «Живое» и «мертвое» в повести А.П. Чехова «Степь» // Филологические записки. Воронеж, 2004. Вып. 21. С. 164–169.

[Поэтика повести в свете гоголевской оппозиции «живое / мертвое».]

Соломонов А. Хуже, чем одиночество. Марина Неелова играет Башмачкина // Известия. М., 2004. 6 октября.

Соснов А. Страницей Гоголя ложится Невский. Новый литературный конкурс в Петербурге // Литературная газета. М., 2004. 26 мая – 1 июня.

Сохряков Ю. Гоголь как мыслитель и публицист // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русская литература / Гл. ред., сост. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2004. С. 258–260.

Сохряков Ю.И. И.А. Ильин – религиозный мыслитель и литературный критик. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 252 с.

Споров Б. Биограф или интерпретатор? // Москва. Журнал русской культуры. М., 2004. № 2. С. 213–216.

[Рец. на кн.: *Кулиш П.А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем / Вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 704 с.]

Степанов А.В. Н.В. Гоголь: лексикографические интересы писателя // Русский язык в школе. М., 2004. № 2. С. 48–51.

Степанова Т.М. Борис Зайцев о Николае Гоголе (Восприятие сквозь призму детства // Мировая словесность для детей и о детях. М., 2004. Ч. 1. Вып. 9. С. 196–203.

Русский символизм и мировая культура: сб научных трудов / Под ред. Л.А. Сугай. М.: Инженер, 2004. Вып. 2. С. 113–166.

Сугай Л.А. Гоголь в жизни и творчестве символистов. Летопись событий // Русский символизм и мировая культура: сб. научных трудов / Под ред. Л.А. Сугай. М.: Инженер, 2004. Вып. 2. С. 156–230.

Сугай Л.А. Лекции Брюсова о русской литературе XIX века // Брюсовские чтения 2002 года / Ереванский гос. лингвистический ун-т им. В.Я. Брюсова. Ереван: Лингва, 2004. С. 366–385.

Лекция 5: Эпоха Гоголя. С. 372–379.

Таланты и поклонники. В Мариинке скрестили Гоголя с Достоевским // Новые известия. М., 2004. 12 апреля.

[О постановке в Мариинском театре оперы Д. Шостаковича «Нос».]

Тальберг Н.Д. О вере, Царе и Отечестве. От Крещения Руси до клятвопреступного бунта. Кн. 1. М.: Правило веры, 2004.

Гоголь – глашатай Святой Руси (Ответ клеветникам подлинной России). С. 578–597.

[Впервые: Великий Россиянин. Сборник статей, посвященных памяти Н.В. Гоголя (1852–1952). Буэнос-Айрес, 1952. С. 54–66.]

Таумов И.Д. О влиянии трагедий Пушкина на комедии Гоголя // Актуальные проблемы изучения и преподавания филологических дисциплин: Литературоведение: Материалы межвузовской научно-практической конференции (май 2003). Самара, 2004.

Таумов И.Д. Пушкин и Гоголь: к вопросу о пародическом использовании в драме // Смех в литературе: семантика, аксиология, полифункциональность: Материалы межвузовской конференции. Самара, 2004. С. 39–46.

Тимофеева И.Ф. Проблемы переводной множественности: повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в Италии // Русская литература и внелитературная реальность. Историко-литературный сборник: Материалы «Герценовских чтений» 2003 г. СПб., 2004. С. 60–63.

Тихомирова О.А. «Говорящие» имена главных персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 2004. Вып. 22. С. 126–134.

Тихонова В.В. Образ степи как семантическая составляющая концепта «пространство» // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте. М., 2004. С. 147–149.
[Образ степи в повести Гоголя «Тарас Бульба».]

Трофимова И.В. Повесть Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала»: притча о «мертвой душе» // Русский язык и литература как отражение национально-культурного развития. СПб., 2004.

Трофимова И.В. Повесть Н.В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: феномен главного героя // Русское слово. СПб., 2004. № 5. С. 189–191.

Троцюк С.Н. Виды анализа художественного текста: отличительные особенности и теоретические предпосылки // Современные вопросы филологии: сб. научных трудов кафедры русского языка и литературы ГПА. Вып. 3: Методика преподавания русского языка. Проблемы лингвистики и литературоведения. СПб., 2004. С. 34–37.

Труайя Анри. Николай Гоголь / Пер. с фр. Ш. Кадыргулова. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 640 с.: ил.– (Русские биографии).

Тулякова Е.И. Философия природы Н.В. Гоголя в 1832–1835 гг. (на материале статей, писем, отрывков, исторических материалов) // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: сб. трудов молодых ученых. Томск: Изд-во ТГУ [Томский гос. ун-т], 2004. Вып. 5. Ч. 1: Литературоведение. С. 166–169.

Успенский Б.А. Время в гоголевском «Носе»: («Нос» глазами этнографа) // Успенский Б.А. Историко-философские очерки. М., 2004. С. 49–68.

Уртминцева М.Г. «Энкомион» И.С. Тургенева о Гоголе (К проблеме античных источников жанра) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. Нижний Новгород, 2004. Вып. 1. С. 17–24.
[Традиции античного биографического повествования в форме энкомиона (гражданской надгробной речи) в мемуарном очерке И.С. Тургенева «Гоголь».]

Фаустова Т.С. Текстовая реализация лексемы «душа» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Текст: семантика, форма, функция: Материалы межвузовской научно-практической конференции, 6–7 октября 2004 г. Тамбов, 2004. С. 288–291.

Федоров В.В. Значение отрицательной ценности у Пушкина и Гоголя («Скупой рыцарь» и «Мертвые души») // Східнослов'янська філологія: зб. наукових праць. Донецьк, 2004. Вип. 5. С. 81–87.

Федулова О.В. Мифологическое пространство в произведениях Н.В. Гоголя и В. Ирвинга // Слово: сб. научных трудов студентов и аспирантов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2004. Вып. 2. С. 50–57.

Федулова О.В. Мотив вешего сна в произведениях Гоголя и Ирвинга // Мир романтизма: Материалы международной научной конференции «Мир романтизма» (XII Гуляевских чтений). Тверь, 2004. С. 213–218.

Федулова О.В. Новелла В. Ирвинга «Адалантадо семи городов» и ее религиозно-философские истоки // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы Тверской межвузовской конференции ученых филологов и школьных учителей. Тверь, 2004. С. 368–373.

Фрик Т.Б. Современник» А.С. Пушкина как художественное единство (к постановке проблемы) // Теоретические и прикладные аспекты филологии: сб. научных трудов, посвященный 10-летию кафедры русского языка и литературы Института языковой коммуникации Томского политехнического ун-та. Томск: STY, 2004. С. 273–277.

Хомайко Ю. «Полюбите нас черненькими» // Слобід. край. 2004. 3 квіт. № 64. С. 7.

Хомук Н.В. Отношения «Я – Другой» как миромоделирующий фактор «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 188–198.

Цветков В., протоиерей. Святитель Игнатий (Брянчанинов) и русские литераторы // Православие и русская литература. Арзамас, 2004. С. 322–328.

Целехович Т.П. «Голос сыновней любви»: образ церкви в художественном пространстве Н.В. Гоголя // Слово в культуре: сб. научных статей: В 2 ч. / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель, 2004. Ч. 2. С. 214–221.

Целехович Т.П. Духовные авторы о творчестве Н.В. Гоголя // Роль православия в духовно-нравственном воспитании школьников: сб. первых городских Свято-Покровских образовательных чтений. Гомель, 2 ноября 2004 г. / СШ № 67. Гомель, 2004. С. 87–95.

Целехович Т.П. Н.В. Гоголь и В.С. Соловьев: к вопросу о назначении искусства // Студенческий альманах: Материалы Второго семинара студентов высших учебных заведений Республики Беларусь, посвященного 150-летию со дня рождения В.С. Соловьева (1853–1900). Жировичи, 8–10 ноября 2004 г. / Минская Духовная академия. Жировичи: Минская духовная академия: Ступени, 2004. С. 76–81.

Целехович Т.П. Ян Борщевский и Николай Гоголь: в поисках встречи // Скарына і наш час: матэрыялы III Міжнар. навук. канф., прысвеч. 80-годдзю з дня нараджэння праф. УЛ.В. Анічэнкі. Гомель, 7 кастр. 2004 г. / Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. Гомель, 2004. С. 200–205.

Церяк М. Проблемы онтологизма изображения зла в эстетическом мировоззрении Гоголя // *Dissertationes Slavicae*. Материалы и сообщения по славяноведению. *Studies in Slavic Philology Slavistische Mitteilungen / Sectio Historiae litterarum* XXIII. Szeged, 2004. С. 103–112.

Черная Т.К. Внутренний закон моделирования жизни в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания. Ставрополь, 2004. Ч. 1. С. 110–117.

Черная Т.К. Русская литература XIX века (ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2004. 624 с.

Гл. 4: Н.В. Гоголь. Синтетизм самодвижущейся художественной системы и дидактической авторской позиции. С. 417–581.

Черная Т.К. Три основополагающие художественные концепции у истоков русской классической литературы // Вестник Ставропольского гос. ун-та. Ставрополь, 2004. Вып. 39. С. 114–123.

[«Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Мертвые души» в истории русской культуры.]

Черниговская М.С. Работа с тропами на уроках литературы (Анализ изобразительно-выразительных средств в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект») // Воспитательное пространство школы как среда жизненного самоопределения личности: Материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Бэлиг, 2004. Ч. 2. С. 102–105.

Чижова И.Б. Чистейшей прелести чистейший образец. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 608 с.: ил.

[Гоголь и А.О. Смирнова. С. 565, 573–582.]

Чоботько А.В. Смех и сатира у В. Розанова и Н. Гоголя // Наукові записки. Філологічні науки / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М.Гоголя. Ніжин, 2004. С. 108–112.

Чухлиб Т. Тарас Бульба – предок Гоголя? // Родина. М., 2004. № 5. С. 27–29.

Шабаршина В.В. Гоголь и Мережковский (по материалам работы Д.С. Мережковского «Гоголь и черт») // Русское литературоведение в новом тысячелетии: Материалы второй международной конференции. Москва, апрель 2003 г.: В 2 т. / Гл. ред. Ю.Г. Круглов. М.: Издательский дом «Таганка», 2004. Т. 2. С. 201–204.

Шама И.Н. Символика женских портретов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя: оригинал и перевод // Университетское переводоведение. СПб., 2004. Вып. 5. С. 365–375.

[Символика женских образов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и их англоязычной версии.]

Шапченко Н.В. Тестовое задание по IV главе поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (9 класс) // Русский язык и литература в учебных заведениях. 2004. № 4. С. 54.

Шаргунов А. Прочное дело жизни // Русский Дом. М., 2004. № 4. С. 19–19.

Шахова Л. Сближение отдалённых реальностей: Художественные характеры Гобсека и Плюшкина на уроке литературы // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 2004. № 35.

Шевергина В.В. Персонажи несказочной прозы в повести Н.В. Гоголя «Вий» // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. М., 2004. С. 267–273.

Шевцов В. Не дает ответа!.. Ад, чистилище и невидимый рай русской жизни // Независимая газета. М., 2004. 29 января.

[О Гоголе и его поэме «Мертвые души».]

Шевырев С.П. Об отечественной словесности / Сост., вступ. статья коммент. В.М. Марковича. М.: Высшая школа, 2004. 304 с. – (Классика литературной науки).

Из содерж.:

Миргород. Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя. С. 101–109.

Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В. Гоголя. Статья вторая. С. 181–203.

Шимадина М. Психиатрический романс. «Записки сумасшедшего» в «Мастерской Петра Фоменко» // Коммерсантъ. М., 2004. 17 сентября.

[Моноспектакль Анатолия Горячева «Он был титулярный советник» (по повести Гоголя «Записки сумасшедшего».)]

Шипов Я., священник. Православие: словарь школьника. М.: ООО «Изд-во РОСМЕН-ПРЕСС», 2004. 320 с.

Штейн М.Г. Об оказании Николаем I материальной помощи семье А.С. Пушкина и Н.В. Гоголю // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2004. № 3(26). С. 42–44.

[В статье печатаются письма Н.Н. Пушкиной к Николаю I от 1 февраля 1837 г. и Н.В. Гоголя от 18 апреля 1837 г.]

Щеблыкин И.П. Об одной распространенной ошибке в толковании поэмы Н.В. Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Литература в школе. М., 2004. № 4. С. 6–9.

Щербакова Т. Неизвестный автограф В.Я. Брюсова // Дальний Восток. Хабаровск, 2004. № 6. С. 204–205.

[Об экземпляре книги В.Я. Брюсова «Испепеленный: К характеристике Гоголя» (М., 1909), подаренной академику Ф.Е. Коршу (фонд Дальневосточной гос. научной библиотеки).]

Эсалнек А.Я. Основы литературоведения. Анализ романного текста: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 184 с.

Мертвые души Н.В. Гоголя. С. 52–56.

Яковлева А. В поисках живых душ. Из какой «Шинели» мы выходим // Литературная газета. М., 2004. 1–7 декабря. № 48. С. 9.

[О замысле многосерийного фильма о Гоголе на телеканале «Культура».]

Якубина Ю.В. «Я всегда чувствовал в себе маленькую страсть к живописи» // Наукові записки. Філологічні науки / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя. Ніжин, 2004. С. 94–99.

Янушкевич А.С. Стилистические мифологемы Гоголя в пространстве русской литературы 1920–30-х годов // Текст. Поэтика. Стил: Книга, посвященная юбилею В.В. Эйдиновой. Екатеринбург, 2004. С. 88–110.

Янушкевич М.А. Типология героя в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: Чичиков – «человек случая» и «человек судьбы» // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 199–207.

Czerják M. Проблемы неполноты бытия в повести Гоголя «Шинель» // Slavica. Debrecen, 2004. № 33. С. 161–169.

[Проблематика повести в свете религиозно-философского учения Г. Сковороды.]

Автор-составитель:

Владимир Алексеевич Воропаев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Author-composer:

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Научная жизнь

Academic Life

III Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»

23–26 мая 2016 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова проходил III Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире», в котором приняли участие 215 ученых из 22 стран: России, Азербайджана, Армении, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Германии, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Латвии, Македонии, Польши, Сербии, Словакии, Словении, Украины, Чехии, Швейцарии, Эстонии, Японии.

Были проведены два пленарных заседания, работали 14 секций и 5 круглых столов, посвященные проблемам современного славянского языкознания, литературоведения и культурологии. Обсуждались фундаментальные аспекты филологии: активные процессы в фонетике, грамматике, словообразовании и лексике современных славянских языков, история и предыстория славянских языков, проблемы их кодификации, лексикология и лексикография, славянская диалектология, славянские языки в СМИ и Интернете, славяноязычные текст, стиль и дискурс, концептосферы славянских языков, теория и практика их преподавания, типологические схождения и национальное своеобразие славянских литератур, славянский фольклор, языковая ситуация и языковая политика в славянских странах, библейские и античные традиции, балтославянские языковые, литературные и культурные связи, научная фантастика в славянских странах.

Большой вклад в проведение Симпозиума внес Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова во главе с председателем Оргкомитета ректором МГУ академиком В.А. Садовничим и заместителем председателя деканом филологического факультета профессором М.Л. Ремнёвой.

Участники симпозиума на заключительном заседании, состоявшемся 26 марта 2016 г., констатировали следующее.

1. Универсальное и уникальное по своей сущности понятие славянской взаимности, включающее в себя генетические, исторические, культурные и идейные связи славянских этносов, в настоящее время оказалось перед экзистенциальным вызовом. В связи с этим существенно возрастает значение исследований, направленных на изучение истоков общности славянских языков и литератур в их взаимодействии друг с другом, а также их современного состояния.

2. При этом бережное отношение к родному языку и культуре не противоречит идее славянской взаимности, так как взаимодействие и взаимовлияние близкородственных языков и культур способствуют их взаимообогащению.

3. Славянские языки и культуры, оказавшиеся в силу исторических обстоятельств на перекрестье разных культур и традиций (православной и католической, христианской и мусульманской, европейской и азиатской), представляют собой самодостаточную ценность, которая обладает статусом общечеловеческого достояния. Изучение как инославянской, так и родной культуры способствует обогащению мирового культурного наследия и препятствует развитию негативных тенденций, спровоцированных унификацией и монокультуризацией современного общества.

4. Для сохранения эффективного развития славянских языков и культур жизненно необходимым является сотрудничество между филологами-славистами,

работа над совместными проектами, а также интенсивный обмен мнениями на международных форумах. Примером такого плодотворного взаимодействия является Международный славистический симпозиум, инициированный и регулярно проводящийся филологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова.

*Информация предоставлена Оргкомитетом
Международного славистического симпозиума.*

Ф.И. Панков, И.В. Тресорукова

Выставка-презентация российских университетов в Солунском университете имени Аристотеля

29–30 марта 2016 г. в Солунском университете имени Аристотеля (Салоники, Греция) в рамках мероприятий перекрестного года греческой культуры в России и русской культуры в Греции прошла выставка-презентация четырех ведущих российских университетов: МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО, РУДН и КубГУ (Краснодар). Это мероприятие явилось результатом совместной инициативы, которая была выдвинута на встрече ректора Университета имени Аристотеля П. Миткаса с ректором МГУ имени М.В. Ломоносова В.А. Садовничим в рамках визита первого в апреле 2015 г. в Москву.

В официальном приветствии, адресованном участникам выставки-презентации, ректор Университета имени Аристотеля Периклис Миткас подчеркнул, что это мероприятие носит особый характер и является несомненным свидетельством развития и укрепления связей в сфере науки и образования между нашими странами. Ректор заявил, что сейчас в Университете имени Аристотеля обсуждается вопрос о создании кафедры русского языка и русской культуры. П. Миткас отметил также, что отношения Университета имени Аристотеля с российскими вузами основаны на глубоких и многолетних связях и подписанных двусторонних соглашениях о сотрудничестве, что вносит несомненный и существенный вклад в развитие греческо-российских отношений в области высшего образования: в частности, двустороннее соглашение между МГУ имени М.В. Ломоносова и Университетом имени Аристотеля действует уже на протяжении более чем пятнадцати лет, и у студентов и профессорско-преподавательского состава есть возможность проходить языковую практику и обмениваться опытом со своими коллегами.

Делегация МГУ имени М.В. Ломоносова была самой репрезентативной, в числе ее членов были представители филологического факультета, ИРЯиК и ВМК. От филологического факультета на выставке в презентации программ обучения на всех ступенях высшего образования принимали участие профессора и доценты кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, а также кафедры византийской и новогреческой филологии, среди которых профессор докт. ист. наук М.В. Бибиков, доцент докт. филол. наук Ф.И. Панков и доцент канд. филол. наук И.В. Тресорукова. На выставке-презентации были освещены основные возможности обучения на филологическом факультете МГУ по разным направлениям подготовки. Были представлены также различные программы научного сотрудничества студентов и аспирантов, в част-

ности, в рамках Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», различных олимпиад и универсиад, проводимых МГУ имени М.В. Ломоносова по разным научным направлениям.

В первый день выставки российская делегация встретила с проректором по академическим вопросам, профессором психологии Ариадни Стояниду. В процессе встречи состоялся обмен мнениями по вопросам сотрудничества в сфере преподавания русского языка в Греции и греческого языка в России, были выдвинуты предложения по проведению Олимпиад для студентов. Заместитель директора ИРЯиК В.В. Частных выступил с предложением об учреждении именных стипендий для студентов Университета имени Аристотеля, которые особо проявили себя в изучении русского языка и русской культуры, и для студентов МГУ имени М.В. Ломоносова, изучающих греческий язык и проявивших себя в этой области; эти стипендии будут давать возможность пройти языковые курсы в стране изучаемого языка. Предложение нашло горячую поддержку со стороны греческих коллег.

Выставка-презентация вызвала живой интерес у ее посетителей и многочисленные вопросы со стороны студентов, обучающихся по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры Университета имени Аристотеля, которые выразили желание продолжить образование на филологическом факультете МГУ. Наибольший интерес вызвали программы по направлению «Русский язык как иностранный». Был задан также ряд вопросов по возможной переподготовке и повышению квалификации преподавателей русского языка как иностранного. Были высказаны предложения по развитию сотрудничества между Университетом имени Аристотеля и филологическим факультетом МГУ в рамках продвижения преподавания русского языка в Греции и обмена опытом профессорско-преподавательского состава.

За два дня у стенда филологического факультета побывало не менее пятисот студентов, заинтересованных в обучении в России и, в частности, в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Интерес вызвали также программы обучения, предлагаемые ИРЯиК, для подготовки к поступлению в МГУ имени М.В. Ломоносова и в другие вузы России. ИРЯиК был представлен на выставке заместителем директора института В.В. Частных. Среди студентов и потенциальных абитуриентов были как граждане Греции, так и соотечественники, проживающие за рубежом, однако стремящиеся к получению высшего образования на родине.

Греки проявили внимание и к магистерским программам факультетов ВМК, физического, географического, биологического и химического факультетов, факультета фундаментальной медицины и др.

В рамках двустороннего сотрудничества между Университетом имени Аристотеля и МГУ имени М.В. Ломоносова важную роль играет программа «ЯСОН» по продвижению изучения греческого языка и греческой культуры для студентов вузов стран Причерноморского бассейна, которая проводится на протяжении последних пятнадцати лет. Куратором программы является канд. филол. наук, преподаватель русского языка в Университете имени Аристотеля Димитрис Фотиадис, который явился инициатором и вдохновителем проведения выставки российских вузов на территории Греции. Большую поддержку в проведении выставки оказал также Центр греческого языка и лично директор Центра, профессор Иоаннис Казазис.

Сведения об авторах:
Федор Иванович Панков,
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Член делегации МГУ

Ирина Витальевна Тресорукова,
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Член делегации МГУ

Fedor I. Pankov,
Associated Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University,
Member of the Delegation of the MSU
pankovf@mail.ru

Irina V. Tresorukova,
Associated Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
Member of the Delegation of the MSU,
itresir@mail.ru

Т.А. Пахарева

**Первая Международная научная конференция
«Анализ и интерпретация художественного текста:
проблемы, стратегии, опыты» (Киев, май 2016)**

11–12 мая 2016 г. в Национальном педагогическом университете имени М.П. Драгоманова в Киеве состоялась Первая Международная научная конференция «Анализ и интерпретация художественного текста: проблемы, стратегии, опыты». Организаторы задумывали ее как площадку для диалога филологов, чьи научные интересы сосредоточены и на теоретических аспектах аналитики художественного текста, и на рефлексии по поводу аналитических стратегий работы с текстом в историко-литературном контексте, и на практике анализа и интерпретации художественного текста в академических исследованиях и в процессе преподавания литературы. В качестве основной проблемы, предложенной к обсуждению в этом году, была выбрана проблема художественного мира литературного произведения. С одной стороны, распространенность употребления этого понятия в течение уже нескольких десятилетий в филологической науке на постсоветском пространстве предполагает его научную выверенность и апробированность. С другой же, понятие художественного мира не имеет четкой дефиниции и в филологической практике употребляется скорее интуитивно, коррелируя с понятиями «внутреннего мира» произведения (по Д.С. Лихачеву) или даже структуры художественного текста (по Ю.М. Лотману). Кроме того, проблематизирует существование категории художественного мира и отсутствие полностью адекватного ей понятия в мировой филологической практике (ближайшим аналогом можно считать «fictional world», все же не тождественный тому комплексу смыслов, который, по факту употребления в русской филологической традиции, заложен в понятие художественного мира). Размышления на эту тему составили основу теоретической секции конференции.

Историко-литературный блок (секции русской, украинской и зарубежной литературы) и секции, посвященные методике преподавания литературы и лингвистическому анализу, были сфокусированы вокруг стратегий имманентного и контекстуального анализа художественного произведения с попыткой очертить «возможности и пределы» такового.

Наконец, секция «Опыты» была посвящена анализу поэтического текста. Специальное внимание организаторами конференции было привлечено к стихотворению Н. Гумилева «И год второй к концу склоняется...», поскольку в 2016 г. этот поражающий своей актуальностью текст отмечает свое столетие.

Всего в течение двух дней на пленарных и секционных заседаниях было прослушано более 70-ти докладов участников из пяти стран (Беларуси, Италии, России, Украины, Франции). Интенсивность работы и дискуссионная активность участников позволяют надеяться, что конференция «Анализ и интерпретация художественного текста: проблемы, стратегии, опыты» станет регулярной.

Сведения об авторе:

Татьяна Анатольевна Пахарева,
докт филол. наук
профессор
кафедра русской и зарубежной литературы
Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова (Киев, Украина)

Tatiana A. Pakhareva
Doctor of Philology
Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Foreign Philology Faculty
National Pedagogical Dragomanov University (Kiev, Ukraine)
pakhareva67@mail.ru

Михаил Булгаков в славянском мире

15 мая 2016 г. исполнилось 125 лет со дня рождения М.А. Булгакова – писателя, которого во всем мире не только знают по имени, но и читают.

Вокруг юбилея устраивались всевозможные развлекательно-просветительные акции. Однако «серьезных» мероприятий, связанных с именем Булгакова, было на удивление мало. По существу, в России в эти дни состоялась всего одна международная научная конференция¹ – «Михаил Булгаков и славянская культура»; она прошла 17–19 мая 2016 г. в Институте славяноведения РАН². Как явствует из названия, биография, поэтика и творческое наследие писателя рассматривались на конференции в особом аспекте – не только в русском «контексте», но также в сопоставлении с культурами славянских народов Европы (Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии, Польши, Сербии, Словакии, Словении, Хорватии, Черногории, Чехии) и культурами других восточноевропейских стран, например Венгрии и Румынии.

Ряд выступлений был посвящен общим вопросам булгаковской поэтики, анализу базовых мотивов, формирующих художественный мир писателя. Так, в докладе *Е.А. Иваньшиной* (Воронеж) «Между живыми и мертвыми: о генеративных узлах, граничной семантике и обрядах перехода в творчестве М. Булгакова» рассматривалось общее семантическое «ядро» булгаковских текстов, анализировался их инвариантный мифопоэтический сюжет, являющийся трансформацией сюжета волшебной сказки. *Е.Н. Ковтун* (Москва) в докладе «Михаил Булгаков и славянская фэнтези» говорила о влиянии булгаковского стиля на представителей современных литературных течений, о том, в какой мере можно считать Булгакова предшественником одной из наиболее популярных разновидностей фантастической литературы. В докладе *Н.М. Куренной* (Москва) «Мотив дворянской усадьбы в раннем творчестве М.А. Булгакова» образ усадьбы в рассказе «Ханский огонь» и повести «Роковые яйца» был проанализирован как гротескный символ изменений, произошедших в социально-политическом устройстве страны, и, шире, распада культурных основ российской жизни. Доклад *А.Г. Ляпустина* (Москва) «Христология М.А. Булгакова в свете теории двух источников» посвящен генезису евангельского сюжета в романе «Мастер и Маргарита», в том числе проявившемуся в

¹ Ранее (29 февраля – 1 марта 2016 г.) в Московской государственной консерватории прошла научная конференция «М.А. Булгаков и музыка» (mosconsv.ru/ru/event_p.aspx?id=145236%20).

² Конференция проводилась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 16-04-14028 г).

нем влиянию книги Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный». *Н.М. Филатова* (Москва) в докладе «О польских родственных связях Л.Е. Белозерской-Булгаковой» рассказала о малоизвестных эпизодах биографии второй жены Булгакова, а также затронула некоторые аспекты истории польского булгаковедения; в частности, речь шла о деятельности крупнейшего польского ученого-русиста, эссеиста и переводчика А. Дравича, автора книги «Мастер и дьявол».

Значительная часть докладов была посвящена вопросам рецепции булгаковского творчества (читательское восприятие, литературная критика, сценическое воплощение и т. п.) в европейских странах. В докладе *И.А. Герчиковой* (Москва) «М. Булгаков на чешской сцене» говорилось не только о постановках пьес Булгакова в Чехии (начиная с драмы «Дни Турбиных», которая уже в 1927–1928 гг. ставилась русскими эмигрантскими театрами и самодеятельными коллективами), но и о переводах булгаковских текстов – начиная с первого чешского издания романа в 1928 г. *А. Ибришимович-Шабич* (Сараево) в докладе «Произведения М. Булгакова на сценах сараевских театров» представила часть большого исследования, посвященного тому, как боснийско-герцеговинская литературная и театральная критика воспринимала осуществлявшиеся в сараевских театрах постановки русских классиков, среди которых Булгакову принадлежит особое место. Доклад *Ю.П. Гусева* (Москва) «Воланд в Будапеште» посвящен довольно экзотичному аспекту булгаковедения: речь шла о личности и биографии советского авиаконструктора Р.Л. Бартини (итальянско-венгерского происхождения), который, предположительно, мог оказаться одним из «прототипов» булгаковского Воланда. *А.В. Усачева* (Москва) в докладе «М. Булгаков в современной Румынии: “Мастер и Маргарита” глазами румынских литературоведов» проанализировала специфику восприятия булгаковского романа в Румынии начиная с 1960-х гг. до сегодняшнего дня, выявила основные тенденции посвященных писателю критических работ. *Е. Малити* (Братислава) в докладе «Михаил Булгаков в словацкой культуре: вопросы рецепции и перевода» говорила как об общих проблемах восприятия творчества Булгакова в Словакии, так и о различных подходах переводчиков к булгаковским оригиналам; кроме того, речь шла о воздействии творчества Булгакова на современных словацких писателей. *М. Лойк* (Любляна) в докладе «Постановки произведений Булгакова на словенской сцене» представила характеристику ряда спектаклей – не только постановок оригинальных пьес («Мольер», «Иван Васильевич», «Зойкина квартира», «Мертвые души», «Бег», «Багровый остров»), но также предпринятых словенскими режиссерами инсценировок булгаковской прозы («Собачье сердце», «Мастер и Маргарита»). В докладе *А.Г. Шешкен* (Москва). «Булгаковский мотив в македонской литературе XXI века (роман В. Урошевича “Невеста змея”, 2008)» рассмотрено сатирическое произведение современного македонского писателя, пародирующее сюжет волшебной сказки и имеющее ряд мотивных перекличек с романом «Мастер и Маргарита».

Разумеется, речь шла и о различных аспектах переводческой деятельности. В докладе *Е.С. Вучкович* (Москва) «Авторская трансформация фразеологизмов как средство создания комического эффекта в повести “Собачье сердце” и ее отражение в сербских переводах» на конкретных примерах анализировались и систематизировались затруднения, возникающие при переводе булгаковских фразеологизмов. *С.А. Заболотная* (Воронеж) в докладе «“Белая гвардия” на македонском языке: комментарий и перспективы» рассказала о ведущейся работе по переводу первого романа Булгакова на македонский язык и имеющихся языковых проблемах. Доклад

Н.Н. Стариковой (Москва) «Реалии советской Москвы в словенском переводе романа “Мастер и Маргарита” (к проблеме контекста)» посвящен трудностям перевода, обусловленным сложной художественной структурой булгаковского романа, соединением в нем нескольких культурных и историко-религиозных традиций, стилистических и языковых пластов, пропущенных через сатирический, гротескный быт московской жизни 1930-х гг. *Е.В. Шатко* (Москва) в докладе «Специфические “советские” реалии в переводах романа “Мастер и Маргарита” (на материале переводов В. Флакер и М. Чолича)» сопоставила два перевода, не просто различающихся на уровне языковых особенностей их авторов, но отражающих принципиальное различие стратегий при передаче специфических примет эпохи в данном произведении. Говоря о проблемах перевода, участники конференции неоднократно затрагивали также вопросы комментирования булгаковских текстов, вызывающих специфические затруднения у иностранного читателя. В докладе *Н.А. Луньковой* (Москва) «Проблема переводческого комментария (на примере перевода романа “Мастер и Маргарита” на болгарский язык)» рассмотрен переводческий комментарий к изданию недавнего (2012) перевода булгаковского романа и проанализированы недочеты, допущенные комментатором.

Живое внимание участников конференции привлекали экранизации произведений Булгакова – как современные, так и осуществленные несколько десятилетий назад. Три доклада были в той или иной мере посвящены итало-югославской картине «Мастер и Маргарита», поставленной в 1972 г. сербским режиссером А. Петровичем. *Д. Маравич* (Нови-Сад) в докладе «Фильм А. Петровича “Мастер и Маргарита” по мотивам романа М.А. Булгакова» рассказывала о возникновении замысла, процессе создания картины, ее восприятии публикой и критиками, а также об истории запрещения фильма. Целью доклада *А. Майер-Фраатц* (Иена) «Экранизации романа “Мастер и Маргарита” польского режиссера А. Вайды и югославского режиссера А. Петровича как критические комментарии к современности начала 70-х годов XX века» стало сопоставление двух картин в аспекте режиссерского замысла: с одной стороны, «собственно» экранизация (Петрович), с другой – «авторское» публицистическое произведение с использованием мотивов булгаковского романа (Вайда). В докладе *И. Перушко* (Загреб) «Михаил Булгаков в интерсемиотическом и межязыковом переводе: итало-югославская экранизация романа “Мастер и Маргарита” (1972) и хорватский сборник ранней прозы М. Булгакова “Как закалялся мастер” (2013)» рассматривались теоретические проблемы, связанные с «переводом» литературного произведения на язык других видов искусства.

Среди булгаковских произведений наибольшее внимание привлекал, конечно, роман «Мастер и Маргарита»; несколько выступлений посвящено поэтике этого произведения. *И.З. Белобровцева* (Таллин) в докладе «Роман “Мастер и Маргарита”: точка видения как оценка» проанализировала связи между пространственными категориями в «закатном» романе и аксиологической системой писателя. Близким по проблематике явился доклад венгерской исследовательницы *И. Киш* (сейчас преподающей в Москве) «Диалог на обрыве: к вопросу о формообразующих принципах в творчестве М. Булгакова» – речь шла о мотиве «обрыва», играющем важную роль во всех редакциях «Мастера и Маргариты» и выступающем одной из важнейших визуальных форм пространства, времени и повествования. В докладе *А. Петрова* (Белград – Питтсбург). «Эротическое в романе “Мастер и Маргарита”» речь шла о пародийном функционировании эротических мотивов в данном произведении и их влиянии на систему персонажей булгаковского рома-

на. *А.А. Кораблев* (Донецк) в докладе «“Мастер и Маргарита” как роман-путь» проанализировал «открывающие» книгу образы Бездомного и Берлиоза, которые, по мнению выступавшего, персонифицируют две рецептивные установки: непосредственную, предполагающую сосредоточенность на тексте и диалогический контакт с автором, и опосредованную – предусматривающую знание контекста, а также наличие «доказательств» и определенной «точки зрения».

Стоит отметить, что принять «заочное» участие в конференции «Михаил Булгаков и славянская культура» мог любой желающий – заседания транслировались в Интернете. По окончании конференции видеозаписи всех докладов были размещены на портале Института славяноведения: www.inslav.ru/sobytiya/2344-2016-bulgakov

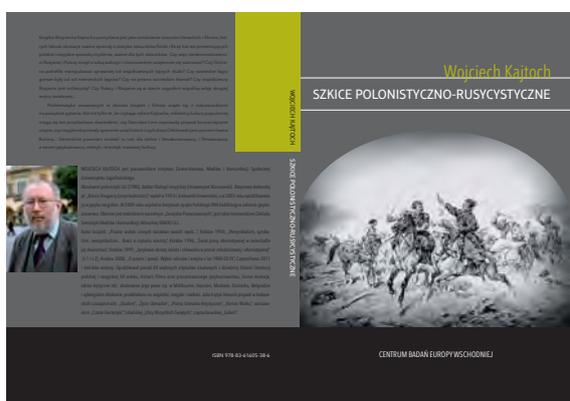
Сведения об авторе:
Евгений Александрович Яблоков,
докт. филол. наук
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения, РАН

Evgeny A. Yablokov,
Doctor of Philology
Leading Researcher
Institute of Slavonic Studies RAS
eajablokov@gmail.com

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

«Польско-русские очерки» Войцеха Кайтоха

В 2015 г. Центром исследований Восточной Европы Варминско-Мазурского университета (Ольштын, Польша) была издана книга Войцеха Кайтоха «Польско-русские очерки»¹. Тексты, вошедшие в книгу, создавались автором на протяжении более 30 лет. Жанр этой книги нельзя определить однозначно: с одной стороны, это сборник отдельных, самостоятельных статей; с другой, – поскольку эти тексты не представляют собой

свободной последовательности, а их композиция хронологически и тематически глубоко продуманна и обоснованна, – можно говорить о настоящей книге как о своего рода монографии, разделы которой объединены не только тематикой, так или иначе затрагивающей «русский вопрос», но и авторским выбором и интерпретацией определенных объектов польского и русского литературного и – шире – культурного пространства. Расположены тексты в хронологическом порядке – в зависимости от времени, когда имели место анализируемые события: первый раздел («Заметки о том, как Ян Хризостом Пасек с Москвой воевал») затрагивает определенный фрагмент польско-русских взаимоотношений в XVII в.; во втором («“Две головы птицы” Владислава Терлецкого») рассматривается роман, в котором описываются события польского восстания 1863–1864 гг.; далее следуют размышления о событиях 1930-х гг. и войне, нашедшие отражение в польской и русской литературе («Лагерная тематика в творчестве Тадеуша Боровского, Густава Херлинга-Грудзинского и Александра Солженицына»). Продолжают их разделы, посвященные возникшим в СССР литературным концепциям, которые в 1950-е гг. стали осваиваться на польской почве («Соцреализм как способ мышления о литературе»; «Утопия и тело: о трех научно-фантастических романах 50-х гг. XX века»). Затем следует литературно-критический очерк о периоде перестройки («Из письменного стола: о последних советских романах»). А далее ряд исследований, посвященных кинематографу последних лет в России, Польше и соседних странах, в частности – российским фильмам о чеченских войнах, сериалам на военную и историческую тематику («Из проблематики современного милитаризма. Как российская кинематография

¹ Kajtoch W. Szkice polonistyczno-rusycystyczne. Olsztyn, 2015. 188 s.

“освоила” чеченский конфликт»; «Открытие врага. О некоторых “польских” художественных фильмах российского и белорусского производства, посвященных Второй мировой войне»; «О познавательных плюсах исторических детективных телесериалов»). Завершает книгу теоретико-литературное эссе, посвященное анализу типологии способов создания символического пласта художественного произведения («О символической таинственности в рассказе»). Однако, как автор сам указывает в предисловии к книге, представленные в ней тексты (разделы, статьи) можно классифицировать иначе: первые три касаются польского взгляда на Россию и русских; разделы 4, 6, 7 описывают проблемы российской жизни так, как их воспринимает современный поляк, каковым и является автор книги; в 5 и частично 3 разделах присутствует компаративистская направленность; в 9 и 10 же разделах речь не идет о сопоставлении польской и российской точек зрения на некоторую проблему, а в центре внимания оказывается вопрос о том, как в польской и русской литературах разрешались некоторые общеевропейские художественные проблемы. А вот в 8 разделе внимание сосредоточено на российском взгляде на поляков. И, как завершает обзор проблематики книги сам ее автор, для полноты охвата различных подходов книге, возможно, недостает только исследования, в котором поляков и русских сравнил бы компетентный представитель третьей стороны¹.

Представленные в книге тексты различаются и методологически и представляют несколько областей, которыми автор интересуется в первую очередь: это классический структуралистский литературоведческий анализ, литературная критика и исследования в русле кино- и медиаведения. Встречаются в книге и элементы лингвистического и риторического анализа. Необходимо подчеркнуть и общую нацеленность представленных в книге текстов, о которой автор пишет в конце предисловия: «культурные и ментальные взаимоотношения двух народов – поляков и русских – не могли и не могут быть настолько идеальными, как нас когда-то пытались убедить, но они не могут быть и настолько плохи, как нас пытаются убедить сейчас. И поскольку поляки и русские, с одной стороны, не слишком хорошо понимают друг друга, а с другой – не обречены на полное непонимание, то стоит трудиться над тем, чтобы они понимали друг друга лучше, насколько это возможно. А чтобы начать понимать друг друга, необходимо лучше друг друга узнать, получить знания и сведения, выходящие за рамки устойчивых стереотипов»². Этому и служит в первую очередь рецензируемая книга, несомненно представляющая большой интерес как для российских полонистов (и им доступная в первую очередь, поскольку написана по-польски³), так и для русистов, представляя нетривиальный взгляд на многие известные произведения и явления.

Первый раздел книги посвящен наиболее удаленным от сегодняшнего дня событиям – середине XVII в., времени русско-польских войн 1653–1670 гг., которые были описаны в «Дневниках»⁴ их участника, польского шляхтича Яна Хризостома Пасека. Автор анализирует смысловое наполнение слова «Moskwa», употребляемого Пасеком как для обозначения русского государства, его столицы, так и для обозначения русского войска и вообще русских, а также отношение к ним, отраженное в тексте «Дневников». В. Кайтох приходит к выводу, что Пасек не во-

¹ Ibid. S. 8.

² Ibid. S. 8.

³ Ряд статей вышел и в русском переводе; см. библиографические данные: *Kajtoch W. Szkice polonistyczno-rusycystyczne*. S. 187.

⁴ *Pasek j.Ch. Pamiętniki*. Kraków, 1929 (wolnelektury.pl/media/book/pdf/pamietniki.pdf).

евал с «Москвой», руководствуясь по отношению к противнику религиозной или иной ненавистью, не видно у Пасека и какого-либо чувства превосходства по отношению к русским. Он отмечает отличия в нравах, поведении, стиле жизни, но в первую очередь как интересные детали, могущие заинтересовать читателя. Более важно, что в его тексте отражено и ощущение некоей общности с «москалями» (тогда в этом определении не было никакого негативного оттенка), хотя бы потому, что они христиане и дворяне. А поскольку Пасека можно считать типичным польским шляхтичем той эпохи (в чем сходятся все исследователи), то этот вывод можно расширить и воспринимать как отношение, характерное для Польши середины – второй половины XVII в.

Несомненный интерес у читателей должен вызвать следующий раздел, трактующий уже о событиях второй половины XIX в., где размышления о польско-русских отношениях базируются на анализе исторического романа Владислава Терлецкого «Две головы птицы», написанного в 1967–1969 гг. Показывая эволюцию взглядов писателя на принципы создания исторического произведения, В. Кайтох подчеркивает, что исследуемый им роман был призван заставить читателя развивать критический взгляд на прошлое, поэтому в задачи писателя входило создание таких образов, которые позволили бы читателю освободить свое сознание от налета устоявшихся стереотипов. В. Кайтох демонстрирует сложную организацию повествовательных планов произведения, которая позволяет Терлецкому установить диалог с читателем и образно представить сложные морально-психологические проблемы истинного и ложного патриотизма, верности и предательства, честности и манипуляций, а шире – говорить не только о самой истории, но и о механизмах, ею управляющих.

В разделе, посвященном лагерной литературе, автор рассматривает типологию «лагеря» (стоит отметить, что в польском языке существует несколько лексем для обозначения разновидностей этого явления: *lagier, lagier, obóz, obóz koncentracyjny, KC*, или *kacet, obóz zagłady, obóz terroru*), а затем анализирует произведения двух польских авторов – Тадеуша Боровского и Густава Херлинг-Грудзинского и А.И. Солженицына (Боровский описывает гитлеровский концлагерь, существовавший на территории Польши; Херлинг-Грудзинский, как и Солженицын, – опыт пребывания в сталинских лагерях). По мнению В. Кайтоха, авторы анализируемых произведений по-разному интерпретируют «лагерь» и, описывая его, ставят перед собой разные цели: Боровский исследует лагерь в социологической перспективе, Херлинг-Грудзинский – в этической; Солженицын пишет произведение, нацеленное на противодействие («*utwór interwencyjny*»). В. Кайтох подробно анализирует методы и средства того, «как писать о кошмаре». Он подчеркивает, что и Боровский, и Херлинг-Грудзинский не говорят всего напрямую, но Боровский «скрывается за молчанием», а Херлинг-Грудзинский – за словами. Они оба подвергают сомнению высказывания героев и повествователя, но Боровский показывает, что герой хуже, чем он сам о себе думает, а Херлинг-Грудзинский – что лучше. У Херлинг-Грудзинского мы находим глобальные философские обобщения, где лагерная система представляется царством азиатского Сатаны и противопоставляется традиционным европейским и христианским ценностям.

В четвертом разделе обращает на себя внимание фраза, с которой он начинается: «для польского литературоведения соцреализм является художественным и литературным направлением в настоящее время практически мертвым». Но при том, что оно отрицается и порицается, это направление мало кому хорошо из-

вестно, поскольку в описании его принципов преобладают работы, созданные до 1989 г., а значит, ненейтральные. Автор же подчеркивает, что, занимаясь проблемами русской и польской литературы XX в., он неоднократно испытывал потребность и необходимость реконструировать соцреалистический способ мышления о литературе, что и стало поводом для написания данного текста.

Объектом исследования в пятом разделе являются произведения жанра научной фантастики, созданные во второй половине 1950-х гг., которые, по мнению В. Кайтоха, отражают период, когда в широком масштабе серьезно и разносторонне занимались футурологией – размышлениями о социальном, психологическом и биологическом будущем человека. Подробный анализ избранных произведений данного жанра и проблематики приводит автора к вопросу, почему и как Ст. Лему удалось в «Магеллановом облаке» избежать несовершенства и определенной схематичности в представлении человека, его биологической сущности, что присуще двум другим анализируемым романам: «Затерянное будущее» Л. Боруны и А. Тжепко и «Туманность Андромеды» И. Ефремова. Предлагаемый ответ звучит следующим образом: романы Боруны-Тжепко и Ефремова жанрово были утопиями, нацеленными на показ объективно важного знания о настоящем и будущем человека. Герои произведений были лишь иллюстрациями для общих утверждений о недостатках современного капитализма и светлых перспективах коммунистического будущего. В. Кайтох отмечает попытки Ефремова освободиться от сильного схематизма, но это препятствовало бы созданию последовательного и убедительного образа будущего. Лем же, изображая человека будущего с использованием общих принципов изображения человека, господствовавших в тогдашней западноевропейской литературе, – как существо непоследовательное, подверженное действию обстоятельств, не до конца познанное и понятное, – смог создать и более развитый сюжет, и образ человека, по-разному реагирующего на то, что может его встретить в космосе.

Приведенные в шестом разделе размышления о произведениях российской литературы эпохи перестройки (а это «Пожар» В.Распутина, «Печальный детектив» В. Астафьева и «Плаха» Ч. Айтматова) интересны прежде всего «польским» взглядом на них. В центре внимания польского исследователя то, как реализуется критика строя у авторов – лауреатов различных официальных премий (т. е. не диссидентов, не оппозиционеров), авторов деревенской прозы (т. е. тех, кто в своем творчестве не занимается интеллигентской проблематикой и политикой). Это позволяет познакомиться с явлением, отличным от ситуации, характерной для польского литературного процесса.

Материал, представленный в седьмом разделе, поражает своим охватом: к анализу привлечено 19 кино- и телефильмов, созданных в России в период с 1996 по 2008 г. Не все они хорошо известны и среднему российскому зрителю, поэтому наблюдения автора представляют большой интерес не только для польского читателя, который, естественно, имеет мало сведений о том, что происходит в российском кинематографе, но и для российского, который должен был бы знать, но знает очень мало. Раздел снабжен подробной справочной информацией обо всех анализируемых фильмах. В. Кайтох выделяет несколько этапов в разработке темы «чеченской войны» – от мессианизма и пацифизма на начальном этапе к более четкому определению противника и усилению милитаристской составляющей. Завершение же чеченской компании создает возможность перехода к рефлексии и формированию более определенных символов и оппозиций в восприятии этих событий. Раздел за-

вершает следующий общий вывод: точка зрения российских кинематографистов на чеченский конфликт эволюционировала от шока и отчаяния к оптимистическому осознанию справедливости борьбы и уверенности в себе и своих действиях.

Еще один свежий – польский – взгляд на российский кинематограф предлагается в восьмом разделе, озаглавленном «Открытие врага. О некоторых “польских” художественных фильмам российского и белорусского производства, посвященных Второй мировой войне». Как пишет автор, в Польше практически отсутствует информация о российских и белорусских кинопроизведениях военной тематики, созданных за последние 10–15 лет, что, считает он, может таить в себе опасность, поскольку период Второй мировой войны определил существование все еще актуального набора польско-российско-украинско-белорусско-литовских «трудных вопросов», болевых точек. Поэтому необходимо знать, каково осознание этих вопросов-проблем и представление о них у соседей поляков. В. Кайтох затрагивает вопрос представления в российском кинематографе Варшавского восстания 1944 г., деятельности польского эмиграционного правительства, Армии Крайовой (например, в эпосе «Освобождение» и «Солдаты свободы»). Анализируя кинопродукцию последнего периода, автор выделяет три базовых типажа поляка, предлагаемых российскому зрителю: «поляк, который колеблется» (испытывая недоверие и неприязнь к русским и Красной Армии, не спешит помогать, а часто и вредит); «поляк борющийся» (представленный, например, в сериале «СМЕРШ», – это бойцы АК, воюющие против русских, подчеркивается их патриотизм, католицизм и галантность); причем жестокая и жесткая позиция поляков-аковцев, представленная в фильме «СМЕРШ», хоть и не нарушает исторической правды, однако не была принята ни одной стороной: в Польше фильм был расценен как антипольский, в России послужил закреплению образа поляка как врага. И, наконец, третий типаж – «поляк как жертва обстоятельств» (например, польский крестьянин в фильме О. Жулиной «Обреченные на войну») – жертва крутых маршрутов истории, оказавшийся помимо своей воли между ее жертвами, ставший в одночасье гражданином другой страны, везде чужой, без поддержки и помощи.

Рассмотренные польские сюжетные линии в современных российских фильмах и сериалах позволяют автору выдвинуть предположение, что в 2005–2010 гг. в России появился шанс изменить точку зрения на польско-российские отношения в годы Второй мировой войны. Наступило время, когда исчезли информационные барьеры, которые мешали русским узнать правду о важнейших фактах (17 сентября 1939 г., Катынь, судьба восточных территорий Польши и др.), которые во многом определяли отношение поляков к русским во второй половине XX в., и российское кино (а вместе с ним и миллионы российских зрителей) могло признать, что поляки тогда русских и Россию не любили, причем имели для этого веские основания. Эта констатация могла бы стать фундаментом для дальнейшей разработки и углубления польской тематики и – в результате – распространения минимума информации, необходимого для создания нормальных отношений. Однако тенденция эта не получила развития, интерес к польской тематике в современном российском кино угас, и на экран стали возвращаться стереотипы. Вновь необходимо отметить, что данный раздел завершается богатым, тщательно обработанным справочным материалом, включающим практически полный список русскоязычных фильмов о войне, в которых есть линии и персонажи, связанные с Польшей или поляками.

Следующий сюжет продолжает, с одной стороны, проблематику отражения исторических событий в художественных произведениях, с другой – вновь об-

ращается к вопросу о реализации этого в сфере популярной, массовой культуры. В десятом разделе В. Кайтох рассуждает о познавательной пользе исторических детективов, или детективов, действие которых происходит в прошлом. Разбирая жанровые особенности указанного типа произведений (и близких им), он обращает внимание на такие обязательные их составляющие, как сценографическая точность, которая помимо придания достоверности событиям и переживаниям героев обладает и идейной нагрузкой (ср. образ города у Говорухина в «Место встречи изменить нельзя» и совсем иной в «Петле времени», где дореволюционная эпоха представляется как оазис ясности и моральной стабильности). Анализ ряда российских исторических детективов позволяет В. Кайтоху сделать и важные обобщения, например, о существовании в СССР двух структур власти, занимающих одно социальное пространство, что становится сюжетным стержнем не одного сериала. Сериалы кроме того оказываются средством для популяризации знаний по истории страны на протяжении нескольких десятилетий («Крик совы» – 1956 год; «Мосгаз» – эпоха Хрущева; «Охотники за бриллиантами» – эпоха Брежнева; «При загадочных обстоятельствах» – эпоха последних генсеков). В книге подчеркивается, что если рассматривать российский исторический кинодетектив последней четверти века, то в нем можно увидеть признаки типичных реалистических произведений, понимаемых как произведения «художественной социологии». Он показывает не только историю специфического государственного двоевластия – в нем можно увидеть и историю военного поколения, тех ветеранов, которые выиграли войну, пошли в милицию, постепенно старели... Таким образом, мы в нем видим не только «малый реализм», реализм деталей, но и «большой реализм», когда за судьбой отдельного человека проступают законы общественного развития.

И завершает книгу раздел о конструктивной роли логических противоречий, абсурда в создании символа как неотъемлемой части художественного обобщения. В этом разделе рассматриваются, в частности, произведения Б. Лесьмяна, Ст. Лема. Как особая эстетическая категория описывается символическая таинственность. Автор постулирует, что выявленная абсурдность, как и другие текстовые фигуры, может существовать наряду с возможностью прочтения (интерпретации, восприятия) текста, понимания фабулы, хода событий как значащего, логически не противоречивого целого. Этот эффект может быть достигнут разными путями, что автор демонстрирует на примере двух, казалось бы, абсолютно далеких произведений – «Ночь на мосту влюбленных» молодого польского прозаика Лукаша Орбитовского и «Господин из Сан-Франциско» И. Бунина, которые трактуются как символические новеллы (рассказы, повествования). Представленный анализ автор предлагает рассматривать как предварительную попытку показать такие особенности основных составляющих прозаического произведения (повествование, композиция, концепция героя, представленная реальность, идейное содержание и под.), которые бы склоняли к прочтению произведения как зашифрованного сообщения, содержащего чрезвычайно важные, хотя и неочевидные размышления о самой сущности человеческой души, цивилизации и мире. Указанные базовые компоненты должны содержать противоречия и элементы абсурда, сплавленные воедино, что должно активизировать читательское восприятие и нарушать до некоторой степени жанровые установки.

Даже краткое представление содержания разделов рецензируемой книги позволяет судить о разнообразии затронутой тематики, богатстве проанализированного материала и значимости затронутых теоретических проблем. А также о том,

что объединяет все эти разделы, – об огромном интересе и неравнодушии автора к России, ее восприятию в Польше – и, наоборот, восприятию Польши в России. Эту книгу точно стоит прочитать.

Сведения об авторе:
Ольга Олдржиховна Лешкова,
канд. филол. наук
доцент
кафедра славянской филологии
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga O. Leshkova,
PhD
Associate Professor
Department of Slavic Philology
Lomonosov Moscow State University
(olleshkova@gmail.com)

С.И. Кормилов

**Долгова С.Р., Михайлова Н.И. «Края Москвы, края родные...»
А.С. Пушкин и Москва. М.: Вече, 2013. 320 с.; ил.**

Под одной обложкой объединены две книги: «В архивах я был...» С.Р. Долговой, более 50 лет работающей в Российском государственном архиве древних актов, и «А.С. Пушкин. Московские сюжеты» Н.И. Михайловой, сотрудницы Государственного музея А.С. Пушкина (Москва) на протяжении более 40 лет, заместителя директора по научной работе. В отличие от авторов многих современных литературоведческих книг они не выдают сборник за монографию, отдельные очерки – за главы: архивные или музейные находки и открытия в общем всегда случайны, в цельный «сюжет» не выстраиваются. Но тема собранных очерков все же одна – новое о пушкинской Москве.

Первая книга названа усеченной цитатой из письма Пушкина к жене от 14 и 16 мая 1836 г. из Москвы в Петербург: «В архивах я был и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть <...>»¹. Хотя поэт уже отчаялся воздействовать на Николая I примером его прапрадеда, мысль написать историю Петра он не оставлял. Но, высоко ценя архивы, он иногда, например говоря о собственных предках, использовал не документы, а недостоверные предания. «В незавершенной рукописи автобиографических записок А.С. Пушкин рассказал о своем деде: “Лев Александрович служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях. Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. <...>” Но... это была легенда» (с. 9–10). О крепости говорится и в стихотворении «Моя родословная» (1830). А пушкинист Р.В. Овчинников документально доказал, что во время дворцового переворота в пользу Екатерины II и даже в следующем году, когда Л.А. Пушкин и вышел в отставку подполковником, он находился вне Петербурга. Московед С.К. Романюк нашел свидетельство о его участии в церемонии коронации Екатерины в Москве². Служи

¹ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Т. 10. Л., 1979. С. 452. Далее ссылки на это издание даются в тексте с обозначением тома римской цифрой и страницы – арабской.

² С.Р. Долгова ограничивается констатацией этого факта. Московед пишет, что Л.А. Пушкин «в крепости не сидел, во время переворота спокойно жил в своем московском доме и, более того, в числе виднейших московских дворян участвовал в церемонии “вшествия” Екатерины в Первопрестольную перед торжественной коронацией ее в сентябре 1762 г.» (*Романюк С.К.* Москва за Садовым

про крепость и повешенного француза были порождены более ранним и не столь страшным событием. «В декабре 1755 года Л.А. Пушкин и его шурин А.М. Воейков были осуждены военным судом за истязание домашнего учителя венецианца Харлампия Меркади и около двух с половиной лет, с 19 декабря 1755 года по май 1758 года, содержались под строгим домашним арестом, имея право выходить из дома только в ближайшую церковь, да и то в сопровождении караульных солдат» (с. 10). Уже Сергей Львович, отец заблуждавшегося классика, защищал доброе имя своего отца, рисовал его как «безукоризненного семьянина и христианина, человека любимого и почитаемого всеми, кто знал его» (там же). Рассказывается история приходской церкви Пушкиных в Старой Троицкой слободе, лежавшей по обе стороны Самотечного пруда. В ней служили священники Малиновские. Из этой семьи вышли архивист, знаток «Слова о полку Игореве» Алексей Федорович и первый директор царскосельского лицея Василий Федорович Малиновские.

В другом очерке рассказано о прадеде А.С. Пушкина по матери, привезенном из Африки вместе с братом и еще одним «арапом» в 1704 г. Авраам, первоначально называвшийся Петровым по имени Петра I, крестившего его в 1705 г. (о чем гласит мраморная доска на церкви св. Параскевы в Вильне), собрал библиотеку из 400 томов, что правнук считал признаком его высокой культуры. После смерти Екатерины I он, оставшись на службе, был сослан в Сибирь (тогда и употребил впервые фамилию Ганнибал), но вызволен ввиду большой потребности в инженерах генерал-фельдцейхмейстером Минихом. В церкви его имени Суйда крестили будущую няню Пушкина, венчались родители поэта.

Третий очерк посвящен генералу Александру Александровичу Пушкину, старшему сыну Александра Сергеевича, герою Балканской войны. Четвертый называется «Вотчина Васильчиковых село Зачатьевское – Лопасня в XVII–XVIII веках», только при чем тут Пушкины, автор не объясняет. Другое дело – история Болдина, известного с первой четверти XVII в. Это было большое имение. «Из прошения С.Л. Пушкина Александру I становится известно, что Болдино в это время имело второе название – Сергиевское, и в нем проживало 562 души “мужеского пола”» (с. 29). Но бесхозяйственные владельцы не умели извлекать из него доход. У А.С. Пушкина к маю 1836 г. накопилось около 77 тысяч рублей долгов.

Первоначально богаты были и Гончаровы, которым отведено четыре очерка, даже пять («Бабушкина брошка» – о затерявшемся украшении Н.Н. Гончаровой, ставшей Пушкиной и потом Ланской). Их предки были горшечниками, имели небольшую гончарную лавку в Калуге, а при Петре I у Афанасия Абрамовича Гончарова были фабрики, заводы и «семьдесят пять вотчин» (с. 53). Императрица Елизавета Петровна присвоила ему чин коллежского асессора, дававший право на потомственное дворянство. «В 1789 году Екатерина II подтвердила это право специальным указом, выданным уже внуку Афанасия Абрамовича, Афанасию Николаевичу, деду Натальи Николаевны» (там же). В качестве дворян Гончаровы практически разорились. В 1812 г. с приближением французов к их имению Полотняный Завод в Калужской губернии рабочие разбежались по окрестным деревням. Тут С.Р. Долгова выражается весьма неточно: «Неприятель до Полотняного Завода не дошел, а при отступлении под Малоярославцем наполеоновские войска были наголову разбиты» (с. 62). Малоярославец они все-таки захватили, но от него их вынудили отступить; почти полностью они были уничтожены лишь постепенно.

кольцом. М., 2007. С. 160). На месте большой усадьбы Пушкиных сейчас сад «Эрмитаж» (там же. С. 160–162).

Очерк «Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год» – о тетради, найденной в родовом архиве Тургеневых (Е.А. Свербеева, урожденная княжна Щербатова, была связана тесной дружбой с А.И. Тургеневым). «Со многими из названных в дневнике лиц Пушкин встречался на вечерах у Вяземского в разные годы, но упомянутые в дневнике даты были неизвестны пушкинистам» (с. 78).

«Мадам восточная звезда» – так обратился И.П. Мятлев к Анне Давыдовне Баратынской (жене брата поэта) из семьи Абамелек, в которой «соединились две старинные грузинские и армянские фамилии» (с. 89). Ее мать была из семьи Лазаревых, основателей Лазаревского института восточных языков. Сама она переводила на английский стихи русских поэтов. Пушкина видела в разгар преддвульней истории¹. В книге публикуются ее письма к племяннику С.С. Абамелек-Лазареву, путешественнику-востоковеду, коллекционеру.

В очерк о Е.А. Долгоруковой включено стихотворение ее отца А.Ф. Малиновского «Катишина деревенская песенка». «Малиновские до замужества Екатерины жили на Мясницкой в доме, построенном в конце XVIII века, как предполагают некоторые исследователи, итальянским архитектором Ф. Кампорези. Это хорошо сохранившееся двухэтажное здание и сейчас можно увидеть в конце Мясницкой (д. 43). Весной 1830 года, будучи женихом, Пушкин особенно часто бывал в этом доме» (с. 114)². В Петербурге Долгорукова тоже с ним встречалась. Любопытно ее сообщение (в записи Ф. Толя), что Пушкин, умирая, перечислил книги, которые его вдова должна была прочитать для самообразования. Через пять лет Долгорукова признала свою подругу очень поумневшей.

«Архивны юноши» – это выражение С.А. Соболевского Пушкин в седьмой главе «Евгения Онегина» применил к сотрудникам Московского главного архива министерства иностранных дел, будущим известным литераторам, историкам, государственным деятелям. При Павле I армейская муштра отвратила многих молодых дворян от военной службы. «Чтобы пресечь своеволие дворян, император запретил им начинать службу иначе, как в военном звании; исключение сделано было только для Коллегии иностранных дел и подведомственного ей Московского архива. В архив хлынула “золотая молодежь” <...>» (с. 101). Граф А. И. Мусин-Пушкин хотел сдать в него принадлежавший ему единственный список «Слова о полку Игореве», но не успел, и список сгорел в его доме во время московского пожара 1812 г.

Короткий очерк «Маленькая поэма “Кавказский пленник”» содержит восторженный отзыв о пушкинской поэме А.И. Бухарского, популярного в 1790-е гг. драматурга и поэта (для литератора XVIII в. это произведение действительно маленькое), в письме к петербургскому почт-директору К.Я. Булгакову: она «восхитительна. Какие чувства, какое сладкопение и особливо какая живопись! Мне, однако же, один стих показался пятнышком на сей прекрасной картине: “И гро-

¹ Она имела отношение и к кругу общения Лермонтова (см.: Амирханян М.Д., Амирханян А.М. М.Ю. Лермонтов и армянский мир. Ереван, 2014. С. 15–41).

² Об этом доме (в нем располагалась «школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам», впоследствии – Строгановское училище) и его обитателях рассказывается во многих путеводителях по Москве, например: «Увы, Екатерину Алексеевну приходится лишь пожалеть. Она наверняка испытывала тайную любовь к поэту, но рассчитывать ей было не на что. Историк Баргнев писал, что несчастная девушка пошла в своего дедушку, Федора Малиновского: “Княгиня походила на него не только умом, но и наружностью, крайне невзрачною”.

О том, чтобы составить конкуренцию прелестнице Наталье Николаевне, конечно, не было и речи. Екатерина Алексеевна могла рассчитывать только на роль пушкинского конфидента» (Митрофанов А. Прогулки по старой Москве. Мясницкая. М., 2007. С. 223).

хот русских барабанов”. Он ослабляет силу предыдущего стиха, который грянул громом; при том же заметно, что барабаны грохочут тут для рифмы к Цицианову» (с. 126). Хотя к чему-нибудь да надо было придраться в первом крупном шедевре русского романтизма.

И С.Р. Долгова, и Н.И. Михайлова написали об адресате пушкинского послания «К вельможе» князе Н.Б. Юсупове. Поскольку их книги не претендуют на то, чтобы быть неким единым трудом, они не попробовали объединить очерки «Вельможа и поэт» и «Московский Дон Жуан в испанской трагедии “Каменный гость”» в один. В небольшом первом самое интересное – сообщение о знакомстве Юсупова в Лондоне с Бомарше, который 7 мая 1776 г. вписал стихотворение в его альбом. Оно приводится без указания переводчика, хотя французский драматург явно не зарифмовал по-русски пять строк четырехстопного ямба. Второй очерк значительно пространнее, даром что посвящен частной теме. Она неожиданная, это отмечено еще в совместном предисловии «От авторов». Владелец Архангельского был любвеобилен не только в молодости.

Начинается книга Н.И. Михайловой очерком «Московская дворянская семья» с главной мыслью о том, что в дворянском обществе Москвы превыше всего ценились родственные связи (об этом известно и из признания грибоедовского Фамусова Скалозубу). «От знакомства и от дружбы можно отказаться, а от родства, как ты ни вертись, признавай не признавай, а отказаться нельзя»¹, – говорила небызвестная Е.П. Янькова.

Статья (тут уместно такое обозначение жанра) «1826 год. Две коронации в Москве. Поэт и царь» – психологическое объяснение надежд Пушкина на нового царя, освободившего его из михайловской ссылки². Его возвращение было триумфальным, потому исследовательница и говорит о второй «коронации» в Москве (С.Р. Долгова в очерке «Архивны юноши» тоже писала, что современники видели в этом важнейшее общественное событие). Н.И. Михайлова не скрывает того, что декабристы негодовали на пушкинские «Стансы» («В надежде славы и добра...»), но напоминает и о другом, связывая самооправдательное стихотворение «Друзьям» с реакцией императора на пушкинскую записку «О народном воспитании». «<...> А.Х. Банкендорф в письме передает Пушкину слова Николая I о “просвещении неопытном, безнравственном и бесполезном”, “опасном для общего спокойствия”. Пушкин же эти слова отдает льстецу, приближенному к трону, обвиняя таким образом в лести тех, кто повторяет царю его же суждение о вреде просвещения. <...> Не исключено, что Николай I узнал в этом стихотворении цитату из его собственного суждения. Возможно, именно этим объясняется оскорбительное для Пушкина запрещение печатать стихотворение “Друзьям”, не возбраняющее, впрочем, его распространение» (с. 171–172).

Станным для многоопытного пушкиниста представляется идеализированное изображение в книге митрополита Филарета (сравнительно недавно канонизированного) и отношений между ним и Пушкиным. Поэт сочувствовал наставнику великого князя протоиерею Герасиму Павскому, крупному филологу, когда, как сообщал Б.В. Томашевский в комментарии к пушкинскому дневнику, «Филарет обвинил его в том, что в его двух книгах “Начертание церковной истории” и “Христианское

¹ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 145.

² См. также: Колесникова В. Николай Первый. Лики масок государя. Психологические этюды. М., 2008. С. 104–145 (глава «“Любимый” цензор Пушкина»).

учение в краткой системе” находятся неблагонамеренные места» (VIII, 368). В феврале 1836 г. Пушкин записал: «Филарет сделал донос на Павского, будто бы он лютеранин. <...> Жаль умного, ученого и доброго священника! <...> Митрополит на место Павского предлагал попа Кочтова, плута и сплетника. Государь не захотел и выбрал другого, человека, говорят, очень порядочного. Этот приезжал к митрополиту, а старый лукавец сказал: “Я вас рекомендовал государю”» (VIII, 46–47). Данной цитаты в книге Н.И. Михайловой нет, а есть патетическое заключение: «По существу, А.С. Пушкин в стихотворении “В часы забав иль праздной скуки” оставил нам поэтический и вместе с тем достоверный портрет московского митрополита Филарета, первого духовного проповедника пушкинского времени» (с. 189). Нет, названное стихотворение написано вынужденно. Пастырь устроил автору «поэтическую» выволочку за то, что он представил свою жизнь как «дар напрасный, дар случайный». Филарет перефразировал эти слова: «Не напрасно, не случайно / Жизнь от Бога мне дана <...>». Пушкин вскоре после того, как было с трудом замято дело о «Гавриилиаде» (а он помнил, что в Михайловское его сослали по обвинению в атеизме), с помощью почтительного стихотворения «В часы забав иль праздной скуки...» защищался от царского любимца в рясе, и то не совсем по своей воле. Б.В. Томашевский напоминал, что он сделал это «по просьбе Е.М. Хитрово, знакомой Пушкина, почитательницы Филарета» (III, 453), да и Н.И. Михайлова не скрывает этого, как и того, что «она была духовной дочерью Святителя» (с. 184). Не смущает автора очерка даже качество корявых виршей Филарета, приводимых на стр. 180, – его ответа на стихотворение И.И. Козлова «Высокопреосвященному Филарету». И такое верноподданническое стихотворение митрополита не устроило. Он начертал:

В день безопасности, в час мирного досуга
– Да, – хорошо – Царя петь доблества его;
Другое больше нужно нам:
Молиться за Него, молиться друг за друга.

Златоуст, ничего не скажешь.

К счастью, остальные части книги лишены тенденциозности.

Содержательны очерки «Издатель “Московских ведомостей” князь Петр Иванович Шаликов»¹, «Альбом московской барышни Елизаветы Ушаковой», «Московская поэма В.Л. Пушкина “Опасный сосед” и двоюродный брат А.С. Пушкин Буянов», где, в частности, подмечено: «<...> декларация Буянова – “Все равны в борделе у б...” – не что иное, как пародирование лозунга Великой французской революции, провозглашавшей свободу, равенство и братство» (с. 230), – и др. Рассмотрена московская тематика в «Борисе Годунове». Н.И. Михайлова не обходит ранее продемонстрированных В.С. Листовым анахронизмов в исторической трагедии, возводит некоторые ее эпизоды к детским впечатлениям автора – например, сон Григория Отрепьева с крутой лестницей на башню соотносится с тем, «что во время прогулок по Москве с крепостным дядькой Никитой Козловым Пушкин-ребенок по крутой лестнице поднимался на колокольню Ивана Великого, с высоты смотрел на город, на снующую на площади толпу» (с. 245). Но сомнительно, чтобы Николай I первоначально выступил против публикации пьесы главным образом на основании рецензии Булгарина, «возможно, и не читая “Бориса Годунова”», и «рекомендовал господину Пушкину “с нужным очищением” пере-

¹ См. также: *Васькин А.* В поисках лермонтовской Москвы. М., 2014. С. 120–126.

делать трагедию в “Историческую повесть или роман наподобие Вальтера Скотта”» (с. 251). Выводить на сцену русских царей тогда считалось неприличным¹.

Седьмая, московская, глава «Евгения Онегина» сопоставлена с тем, что писали о Москве И.И. Дмитриев, А.С. Грибоедов, Е.А. Баратынский. Показано, как на сей раз Николай I защитил Пушкина от нападков Булгарина.

Московская тема есть и в «Пиковой даме». Ее героиню, графиню, в молодости парижане называли «la Venus moscovite» – «московской Венерой». На Западе Россия все еще оставалась «Московией». «Возможно, образ московской Венеры был подсказан Пушкину тем, что дочь Н.П. Голицыной графиню Е.В. Апраксину, в отличие от ее матери – красавицу, в Париже называли разгневанной Венерой <...>» (с. 283). Жила она в Москве на Знаменке. Пушкин у нее был в 1827 г. на представлении оперы Россини «Сорока-воровка». Московский друг поэта П.В. Нащокин «сообщил пушкинисту П.И. Бартеневу о том, что сюжет “Пиковой дамы” восходит к семейному преданию Голицыных <...>» (с. 284). Подмосковные имения детей Н.П. Голицыной располагались вокруг пушкинского Захарова. Пушкин был знаком с московским генерал-губернатором князем Д.В. Голицыным, сыном «пиковой дамы». Прототипом старухи в его повести могли быть и другие известные в Москве женщины.

Очерк «Александр Дюма на родине Александра Пушкина» – выигрышный для французского романиста, побывавшего в ряде мест России, где бывал и наш классик. Он попытался представить биографию поэта в единстве с его творчеством. В рассказе о жизни Пушкина много ошибок, зато «Дюма восхищается могучим гением русского поэта, глубоко скорбит о его трагической гибели, осознает его значение для России, необходимость познакомить с ним европейских читателей <...>» (с. 307–308).

Ошибки есть и у обоих авторов рецензируемого издания. «В 1782 году князь (Н.Б. Юсупов. – С.К.) вновь встретил Бомарше и устроил для августейшей четы великого князя Петра Федоровича и его супруги Марии Федоровны чтение “Женитьбы Фигаро”» (с. 120). Да не Петра Федоровича, уже двадцать лет как убитого, а Павла Петровича. Лермонтов и князь Р.А. Долгоруков служили «в Царско-сельском лейб-гусарском полку» (с. 115). Лейб-гусарский полк никогда не назывался Царскосельским, только квартировал в Софии – городке, слившемся с Царским Селом. Слово «ассессор» двойное с содержит на конце, а не в начале (с. 67, 73). Есть описки и опечатки: «жалует» вместо «желает» (с. 120), Б.А. Жуковский (с. 90) вместо В.А., Ф.Н. Тютчев (с. 305) вместо Ф.И.; Василий Шуйский вступил на престол, конечно, в 1606, а не 1806 г. (с. 247). Первый известный предок Пушкина Радша жил в XIII столетии, но на стр. 57 читаем: «Потомок Радши во II колене, Григорий Иванович Слизнев, по прозванию Мятлев, был воеводой в Чебоксарах (1556) и Рославле (1563)». Уж наверно, не «во II колене», а в 11-м. На стр. 152 коронация Николая I отнесена к 22 августа 1826 г., на стр. 173 – к 25 августа, поскольку в этот день архиепископ Филарет «произнес “Речь его Императорскому величеству Николаю Павловичу Самодержцу Всероссийскому пред

¹ Трагедия М.П. Погодина «Петр I» полностью была издана лишь в 1873 г., в 1833 и 1835 печатались только отдельные «Сцены из жизни Петра Великого». Запрет наложил 22 декабря 1831 г. сам Николай I. Мотивировка: «Лицо императора Петра Великого должно быть для каждого русского предметом благоговения и любви; выводить оное на сцену было бы почти нарушением святости, и по сему совершенно неприлично. Не позволять печатать» (Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. Т. 113. Январь. – Февраль. – Март. С. 315–316). Пушкину царь со временем уступил, поскольку Годунов все-таки не Романов.

высочайшим вступлением в Успенский собор для Священнейшего Коронования и Миропомазания”. В этот же день он был возведен в сан митрополита за заслуги перед церковью и отличное служение». В строке «С Ордынки до Миус, от Лужников до Всполя»¹ из сочинения В.С. Филимонова «Москва. Три песни» (1845) слово «Миус» заменено на более привычное «Миус» (с. 137). В пушкинском послании «К вельможе» – «Всё изменилось. Ты видел вихорь бури» (III, 161), а не «Все изменилось» (с. 121), ломающее метр. Ломает метр и объединение в одну строку окончания предшествующего стиха с последующим стихом из элегии «Андрей Шенье»: «Над нами единый властвует топор» (с. 159). Не так, как было у автора, записана на стр. 214 «шутливая пушкинская эпитафия» Александру Лаптеву, влюбленному в Елизавету Ушакову (и подана она так, будто Н.И. Михайлова первая обратила на нее внимание):

Пленился он смазливой рожей.
Он умер, мы умрем,
И вы умрете тоже.

В альбоме Ушаковой – рисунок. «На горизонтальной плоскости намогильной плиты пером Пушкина бегло написано:

Пленился он сма-
зливой рожей
Он умер, мы умрем

Окончание выехало на вертикальную грань плиты:

и вы умрете тоже.

Под этим – каллиграфическими большими буквами:

+ЛАПТЕВ+»².

В «Борисе Годунове» первые слова – «Наряжены мы вместе город ведать» (V, 187) – произносит Воротынский, а не Шуйский (с. 241). Почему-то исследовательница Пушкина уверена: «Конечно же, ему была известна первая речь Цицерона против Катилины <...>» (с. 253), – хотя автор «Евгения Онегина» скромно признавался, что в лицее «читал охотно Апулея, / А Цицерона не читал <...>» (V, 142). В словосочетании «начальник III отделения его императорского величества» (с. 250) пропущено слово «канцелярии» («отделения канцелярии») – в самом величестве отделений, понятно, не было. Во фразе «шеф жандармов, генерал-адъютант князь В.А. Долгоруков направил донесение начальнику 2-го округа корпуса жандармов» (с. 298) неправомерно употреблено слово «донесение»: начальники подчиненным донесений не посылают. Не прокомментированы слова А. Дюма о Петре I, который в детстве «занимался со своим учителем дьяконом Зотовым» (с. 304). На самом деле не с «дьяконом», а с дьяком – светским чиновником.

Такие недосмотры снижают впечатление от нужной, полезной книги.

Сведения об авторе:
Сергей Иванович Кормилов,
докт. филол. наук,
профессор
кафедра истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса

¹ Филимонов В.С. «Я не в Аркадии – в Москве рожден...»: Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. Материалы к биографии В.С. Филимонова. М., 1988. С. 209.

² Мурьянов М.Ф. Пушкинские эпитафии. М., 1995. С. 81.

филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey I. Kormilov,
Doctor of Philology
Professor
Department of the History of Newest Russian Literature
and Contemporary Literary Process
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
profkormilov@mail.ru

О.Р. Темиришина

**Сквозь литературу:
Сборник статей к 80-летию Леонида Генриховича Фризмана.
Киев: Издательский дом Дмитрия Бугаго, 2015. 464 с.**

Сборник статей «Сквозь литературу» посвящен 80-летию Леонида Генриховича Фризмана. Выдающийся ученый, «первый пушкинист Украины», известный историк литературы – именно так характеризуется Леонид Генрихович в статье Е.А. Андрущенко, открывающей сборник. Однако наилучшее представление о сфере деятельности юбиляра дает широкий тематический охват книги, который отражает в первую очередь область интересов самого адресанта сборника: здесь затронуты практически все исторические эпохи развития словесности, от древней литературы до творчества современных поэтов (в этом смысле название «Сквозь литературу» представляется вполне оправданным). Тем не менее сборник интересен не столько своим тематическим разнообразием, сколько тем, что он, представляя разные подходы к художественному тексту, отражает актуальную сферу интересов современной филологической науки.

Пожалуй, самой важной областью филологии является исследование литературных жанров, их генезиса и трансформаций. Анализ жанра как становящегося динамического целого представлен в статье О.Л. Калашниковой «Беллетризация документа или документализация романа: история Ваньки-Каина». Исследовательница рассматривает роман о Ваньке Каине как пограничный жанровый феномен, находящийся между документальным и художественным полюсами. Выявляя принципы смысловой интерполяции этих жанровых кодов, О.Л. Калашникова показывает, как они формируют облик произведения. Так, с одной стороны, установка на документ обуславливает специфику композиции и семантики романа (включение «документальных» фрагментов, нумерация «дел»), с другой стороны, в тексте отчетливо просматривается собственно «романное» начало (игра с повествовательными точками зрения). Такое смешение знаменует появление «оказионального» жанра криминальной биографии, и связано оно, по заявлению автора, со стихийным ростом историзма в литературе XVIII в.

В работе О.Б. Кафановой «“Дубровский” А.С. Пушкина: у истоков русского усадебного романа» избран иной ракурс жанрового анализа, интертекстуальный. В статье автор выявляет ряд соположений-сходств между романом Пушкина «Дубровский» и романом Жорж Санд «Валентина». Отсутствие явных предпосылок для подобного сближения (которое, кстати, было намечено Б.В. Томашевским) заставляет искать «точки контакта» в жанрово-семантической сфере. О.Б. Кафанова,

обращаясь к жанровому коду усадебного романа, определяет его важнейшие структурные черты (связанные с усадебным хронотопом и героями) и выстраивает метасюжет, который реализуется в соответствующих текстах Пушкина и Жорж Санд.

При этом автор обращает внимание на то, что данная жанрово-типологическая структура, соотношенная со спецификой композиции и сюжетики, предполагает разное ценностное наполнение. Это позволяет установить как типологическое «средство» на жанровом уровне, так и ряд отличий, связанных с особенностями индивидуальных поэтик. Анализ текстовых переключек в жанровом аспекте представляется нам теоретически продуктивным, так как жанр может служить критерием верификации цитатных аналогий, ибо он является той типологической данностью, которая может подтвердить (либо опровергнуть) факт генетического сходства.

Выявлению типологических и генетических связей, подтвержденных жанровым анализом, посвящена работа Е.А. Тахо-Годи и Ю.Ю. Анохина «На пиру одиноких (Боратынский – Вяземский – Мандельштам – Кенжеев)». Авторы работы рассматривают трансформацию традиции «застольной», пиршественной песни в постромантический период и выявляют ряд структурных черт, которые объединяют тексты (где эта традиция прямо или косвенно представлена) в некое окказиональное жанровое единство. В контексте этого единства неожиданно по-новому трактуется стихотворение Мандельштама «Я пью за военные астры, за все, чем корили меня...», которое, включаясь в традицию «одинокого пира», репрезентирует тему верности «общему поэтическому прошлому» (с. 179).

В статье И.В. Черного «Художественное своеобразие романа В.И. Крыжановской-Рочестер “Царица Хатасу”» в жанровом аспекте анализируется «египетский роман» полузабытой писательницы. И.В. Черный, определяя положение романа на жанровой шкале, указывает на его возможные источники и прототипы, анализирует фактическую основу повествования и приходит к выводу о том, что произведение зиждется на смешении жанровых установок приключенческого, любовного, исторического и оккультного романов.

Препятствием для адекватного литературоведческого анализа романов писательницы является отсутствие их нормальных изданий. И здесь нам хотелось бы указать на неточность, допущенную в статье в связи с описанием издания полного собрания сочинений писательницы. Автор указывает на то, что этим благородным делом занимается *Google Play*, между тем *Google Play* – это всего лишь платформа для размещения медийного контента, фактическим же издательством является «Zuma Inc.».

В работе А.В. Кулагина («Цикл А. Кушнера “Стансы”: жанр, композиция, контекст») в жанрово-семантическом аспекте рассматриваются особенности соответствующего цикла Кушнера. Определив этот цикл как сознательно выстроенное единство, исследователь, во-первых, намечает его поэтическую генеалогию, связанную с определенными формальными метами самого жанра; во-вторых, выявляет внутренний сюжет этого цикла, соотношенный с ценностными установками самого поэта.

Не менее интересны статьи, посвященные вопросам поэтической семантики. Исследование художественных произведений в семантическом аспекте является определенным «трендом» литературоведения, что согласуется с антропоцентрической перспективой современного гуманитарного знания. Ср., например, такие активно развивающиеся парадигмы, как когнитивная лингвистика, этнолингвистика и проч. В этом ряду поэтическая семантика оказывается одним из вариантов

функционального подхода, который подчеркивает первичность понятия языковой функции по отношению к структуре. В этом смысле художественные произведения оказываются поистине благодатным материалом, так как дают возможность увидеть язык «в действии».

Поэтическая функция языка в первую очередь связывается с системными отношениями в лексике, поэтому практически все работы, где поднимаются вопросы поэтического значения, базируются на анализе образности и мотивики в лексико-семантическом аспекте. Так, в статье С.И. Кормилова «Тело и душа, жизнь и смерть, земля и небо в поэзии Лермонтова» представлен анализ лексики поэзии Лермонтова в ее парадигматическом аспекте.

Основой для анализа становятся бинарные оппозиции, вынесенные в заглавие статьи. Через эти фундаментальные противопоставления исследователь выходит к глубинным основаниям картины мира Лермонтова, которые концептуализируются в лексике через семантическую сочетаемость слов, их смысловую валентность. Исследователь показывает, как каждая из оппозиций притягивает к себе ряд образов и мотивов, прирастает смыслами, в результате чего создаются сложные семантические парадигмы.

Основная особенность данных парадигм – ценностная амбивалентность, внутренняя противоречивость (что согласуется, как доказывает С.И. Кормилов, с особенностями романтического сознания, трагического *par excellence*). Так, образы тела и души интерпретируются Лермонтовым отнюдь не в традиционном христианском контексте. Лермонтовские телесные образы, замечает исследователь, исключительно физиологичны; более того, телесно выраженная индивидуальность парадоксально становится залогом вечной жизни, что, видимо, объясняется изначально амбивалентной установкой Лермонтова по отношению к вечности. Лермонтов, как справедливо пишет ученый, мечтает «о вечном, пусть неполном земном бессмертии» (с. 160). По сути такая греза – это примирение изначально конфликтно-амбивалентной пары «жизнь – смерть», ее нейтрализация. И этот «конфликт-примирение» обуславливает совершенно неожиданный бунтарский подтекст в гармоничном стихотворении «Выхожу один я на дорогу...».

Маленькое уточнение: на с. 148 говорится про запись Печорина в журнал «после бессонной ночи перед дуэлью». Он сделал эту запись не перед дуэлью и не сразу после нее, а вспоминая о ней минимум полтора месяца спустя, в крепости.

Статья И.И. Степанченко «Парадигматический анализ лексики поэтического произведения как средство интерпретации его содержания» формализует в лингвистическом аспекте некоторые процедуры толкования поэтического текста. Парадигматический подход, заявленный в заглавии, дает возможность отразить некоторые приемы анализа содержания текста – задача весьма актуальная, так как этот анализ всегда расплывчат, он не предполагает верификаций, делается, как правило, «на глаз». Касаясь сложнейшей проблемы восприятия текста реципиентом, автор моделирует этот процесс, показывая векторы «переструктурирования» текста в сознании реципиента.

Особую ценность придает работе выявление типологии текстов с установлением разных типов парадигматических связей. Используя лингвистическую аналогию, автор полагает, что парадигмы в текстах проективного типа образуются по комплиментарно-сочинительному принципу, в то время как парадигмы в текстах концептуального типа связаны с отношениями подчинения. Это позволяет поставить анализ поэтического текста на твердую основу лингвистической методоло-

гии и подтвердить некоторые догадки, связанные с эстетической сферой, конкретными доказательствами.

В статье А.Т. Гулака «Чудесная поэтическая удаль Александра Твардовского (О синтаксической организации поэмы “Василий Теркин”» семантика текста рассматривается через призму его синтаксической организации. Так, эффект «создания динамического повествования» (с. 341) связывается автором с набором интонационно-синтаксических форм, выражающих поэтическую экспрессию. При этом поэтический синтаксис привязывается к такой повествовательной категории, как «точка зрения». Эта исследовательская перспектива позволяет перейти от собственно синтаксического уровня к субъектной организации текста и исследовать функциональный аспект поэтической структуры.

Вопросы структуры поэтического текста поднимаются и в работе В.А. Кошелева «Пушкин: поэтика “пропущенной строфы”», где старая тема о пропусках в «Евгении Онегине» рассматривается в новом ракурсе. Автор полагает, что у пропущенных строк есть три функции: композиционная (пропущенные строфы членят текст на части), семантико-прагматическая (инициируют игру с читателем) и нарративная (маркируют логическое развитие биографии главного героя).

Анализ еще одного известного «минус-приема» находим в работе А.С. Силаева «“Робость художника” или художническая смелость мастера? (Об одной из граней пушкинской тематики в творческом наследии М.А. Булгакова)». Отсутствие главного героя, Пушкина, в известной пьесе Булгакова «Александр Пушкин. Последние дни» А.С. Силаев связывает с автобиографической основой драмы, полагая, что этот прием позволил Булгакову смоделировать в пьесе символический образ судьбы поэта.

Подход к тексту с позиций семантического анализа представлен и в работе «Мифопоэтическая семантика комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума”» (А.Б. Перзекке, М.Ю. Перзекке). Авторы, постулируя мысль о необходимости новых прочтений комедии, утверждают, что ее сюжет может трактоваться как «сказочный». В результате чего нарратив произведения начинает двоиться: пространственные перемещения Чацкого соотносятся с сюжетом сказочного путешествия, а другие герои комедии оказываются своеобразными функциональными вариантами персонажей волшебной сказки (Софья – царевна, Молчалин – колдун и т. д.).

Эта оригинальная интерпретация все же вызывает ряд вопросов. Любой сюжет, как в свое время показал Ю.М. Лотман, – это всегда переход героя через определенную границу, поэтому связывать такого рода переходы только лишь со сказочным хронотопом не всегда правомерно. Что касается героев, которым приписаны «сказочные» функции, то их характерологические черты и поведение могут найти более простое объяснение, для которого не требуется привлечения сказочных архетипов.

Вопросам поэтической семантики Ахматовой посвящены в сборнике две статьи: «Смех, гротеск и трагическая буффонада в поэтике Анны Ахматовой» (Роман Мных) и «История как театр в художественном мире Анны Ахматовой» (Т.А. Пахарева). Роман Мных, подробно рассматривая теорию смеха, определяет типологию мотивов, связанную со смеховым началом у Ахматовой, а также исследует их «семантическую ауру». Т.А. Пахарева анализирует метафору «история как театр» у Ахматовой, показывает ее образные воплощения и доказывает, что эта метафора является важным компонентом ахматовского мифа.

Ряд статей сборника посвящен проблеме функционирования «чужого слова». Все эти работы можно разделить на три типа: работы, в которых затрагивается проблема интертекста как такового (исследования Н.Л. Васильева, Бартоша Осевича), статьи, где рассматривается более общая проблематика, связанная с вопросами литературной традиции и влияния (работы С.А. Кибальника, Т.М. Марченко, Эмилии Обуховой, В.А. Гусева), и исследования, где поднимаются вопросы рецепции текста в той или иной традиции (Ю.В. Манна, М. Кшондзер, Л. Геллера и др.). В последнем случае текст понимается как некий «длящийся» феномен, который отражается в зеркалах других текстов и культур, поэтому исследуется не столько само художественное произведение, сколько тот метатекст, который функционирует «вокруг» него.

Работа Н.Л. Васильева «“Так он писал темно и вяло...” (К вопросу о литературных источниках пушкинского комментария к элегии Ленского)» посвящена проблеме функционирования конкретных цитат в тексте-реципиенте. Обращает на себя внимание сама методика выявления источника: исследователь, комплексно подойдя к этой проблеме, делает средством верификации поэтических переключек биографические схождения поэтов и некоторые типологические жанровые параллели.

Бартош Осевич в статье «“Письмо в семнадцатый век” Александра Галича и “Анкор, еще раз” Яцека Качмарского как современные экфразисы», анализируя соответствующие тексты в поликодовом аспекте (чему способствует сама природа авторской песни), выявляет ряд переключек между поэтами.

С.А. Кибальник в статье «Пушкинский смех» с позиции философско-эстетического подхода рассматривает типы комического и способы его воплощения в творчестве Пушкина. Замечая, что комическое у него не привязано к жанровому коду, исследователь, пытаясь найти истоки такого «внежанрового» понимания категории комического, вполне закономерно обнаруживает их в литературе романтизма. Анализируя комическое как конструктивный элемент философско-эстетической системы Пушкина, С.А. Кибальник выявляет его связь с иными категориями авторской эстетики, этики и онтологии («естественное», «идеальное», «истинное», «доброе» и проч.). Такое «системное» понимание комического связывается исследователем с пушкинским универсализмом и совершенно справедливо объясняет чуждость зрелого Пушкина сатирическим жанрам, которые являются слишком односторонними, демонстрируют отрицающий и унижающий смех.

Вопрос о традициях в русской романтической литературе поднимается и в статье Т.М. Марченко «Казацкие летописи в культурной жизни России XIX века: к вопросу об онтологическом статусе». Исследовательница доказывает, что летопись оказывается своеобразной семиотической базой, на основе которой романтики творят свой вторичный условный мир. Кроме того, автор работы показывает роль казацких летописей в общерусском культурном контексте, определяет их влияние на мировоззрение русских поэтов-романтиков и вычленяет основные этапы рецепции казацких летописей в России.

Проблема традиции поставлена и в работе Эмилии Обуховой «“Шел я по улице незнакомой...” О стихотворении Николая Гумилева “Заблудившийся трамвай”». Автор, последовательно анализируя текст Гумилева, выявляет весь комплекс интертекстуальных мотивов, связанных с реализацией основных тем стихотворения. В качестве «претекстов» выступают в первую очередь произведения Пушкина. И здесь необходимо отметить, что многие интертекстуальные параллели, обнару-

женные исследовательницей (в частности, касающиеся структуры пространства у Пушкина и Гумилева), литературоведению уже давно известны.

В рецептивном аспекте проблема литературной традиции исследуется в работе В.А. Гусева «Пушкинский и гоголевский миф в духовном пространстве русской культуры». Исследователь рассматривает фигуры Пушкина и Гоголя как некие мифологемы и намечает основные векторы развертывания этих мифообразов в русской культуре. Этот интересный подход позволяет, с одной стороны, увязать личность писателя, его биографический путь и творчество в некое духовно-целостное единство, а с другой стороны, показать через зеркало рецепции, как в русском культурном пространстве формируются представления о классиках. При этом в последнем случае речь идет не столько о Пушкине и Гоголе, сколько об особенностях самой «воспринимающей» культуры.

Вопросы прагматики текста в его тесной связи с особенностями культуры-реципиента рассматриваются в статье Ю.В. Манна «Из жизни одного жанра (повесть Н.В. Гоголя “Рим” глазами европейцев)». Здесь в центре внимания находится проблема «начальной рецепции» гоголевской повести в западноевропейской культуре. Однако автора интересует не только прагматика текста, но и его жанрово-семантические особенности, которые, возможно, мотивируют эту прагматику: «История рецепции “Рима”, – замечает исследователь, – наглядное выражение сложности поэтической структуры...» (с. 190).

В работе М. Кшондзер проблема восприятия текстов Гоголя получает свое развитие, однако на этот раз гоголевское творчество исследуется в символистском контексте. М. Кшондзер указывает на сложность процесса восприятия творчества Гоголя русскими символистами, в котором переплетаются как основные символистские установки, так и личная природа таланта. Однако в любом случае тексты Гоголя для символистов оказываются своеобразным зеркалом, которое отражает их индивидуальную манеру и мотивику. Ярким примером такого «вчитывания» в текст «своих» смыслов оказывается трактат Белого «Мастерство Гоголя». М. Кшондзер показывает, как сквозь антропософскую призму Белый трактует Гоголя, семантически расширяя его образы и темы.

Интересным представляется анализ концепции творчества, предпринятый в работе М.В. Строганова («“Моё праздное время”, или Творчество как неработа»). Материалом для анализа стала литература рубежа XVIII–XIX вв. Творчество как концепт рассматривается здесь с позиций семантического анализа, который предполагает определение смысловой дистрибуции исходного понятия. Автор работы выявляет ряд соотношенных с творчеством категорий (праздность, досуг и проч.) и показывает их смысловое движение и развитие.

Вопрос о рецепции поэтического текста подспудно поднимается в статье И.Я. Лосиевского «Защита поэта. Вадим Шершеневич». Статья представляет собой отклик на небольшую рецензию К. Кобрин, где Шершеневич был назван «бездарной обезьяной русской поэзии». Автор пытается реабилитировать поэта, показывая, что «изумительные по идиотизму» строчки часто оказываются решениями задач поэтической формы, связанных с авангардистскими установками поэта. Однако только «освобожденной» формой, полагает И.Я. Лосиевский, Шершеневич не ограничивается, и в доказательство этой мысли исследователь приводит стихи, действительно пронизанные лирической стихией.

Фактически статья подтверждает тезис об «историческом» прочтении литературы и недопустимости проекции на нее вкусовых ощущений, базирующихся на

эстетике современной критике эпохи. Кроме того, в работе подспудно поднимается вопрос о том, «что такое хорошо и что такое плохо» в поэзии. Думается, что здесь есть только один критерий – продуктивность той или иной поэтической модели, и в том плане Шершеневич может быть полностью оправдан: многие поэтические эксперименты нашего времени генетически соотнесены с образным строем лирики Шершеневича.

Проблема, связанная с прочтением произведения, встает и в работе С.Д. Абрамовича («Сотериологическая концепция книги “Екклезиаста”»), где предметом философско-культурологической дискуссии становится вопрос о времени в древнем тексте.

Вопросы восприятия литературного текста в связи с его культурологическим статусом косвенно затрагиваются в исследовании Л. Геллера «О теориях массовой литературы». Автор анализирует терминологические ряды, связанные с номинацией литературы этого рода, определяет ее базовые признаки и выстраивает ее модель. Широкий охват концепций с примерами из самых разных областей дает возможность ученому показать саму динамику изменения взгляда на феномен массовой литературы, выявить основные принципы ее создания и определить способы функционирования в контексте культуры.

Ряд работ сборника посвящен судьбам забытых и полузабытых писателей и поэтов. Рассматривается и часто реконструируется их творческая биография, обозначаются основные вехи жизненного пути, анализируются некоторые ключевые тексты. Так, в статье К.В. Бондаря («Хрущов и другие») описывается жизненный и творческий путь И.П. Хрущова (полузабытого прозаика и общественного деятеля); в работе Р.Г. Назарьяна («“Да будет легка ей окраинная земля...”») рассматривается литературная и педагогическая деятельность Л.Х. Симоновой-Хохряковой; в исследовании Е.С. Анненковой («“Почувствовать свое предназначенье...”»: о мотивах творческого замысла и написания романа Г. Кузнецовой “Пролог”») анализируется соответствующий роман Г. Кузнецовой.

И, наконец, особняком стоят исследования, связанные, скорее, с историко-культурной, нежели собственно литературоведческой тематикой. М. Альтшуллер в своей статье «Два гудка (Максим Горький и Борис Корнилов)» рассматривает маленький эпизод советского прошлого в контексте своих собственных ассоциаций. В.Я. Звизняцкий («Молодая Россия и древняя Украина от Полтавы до Рима») не без политических коннотаций выявляет образы-мифы России и Украины в «Полтаве» Пушкина и «Риме» Гоголя, сводя их противопоставление к антитезе «молодой – древний», данной в заголовке статьи. Т.С. Шевчук («Легенды Змеиного острова») анализирует в перспективе заявленной темы разного рода историко-этнографические источники, касающиеся истории Змеиного острова.

Таким образом, сборник отличается богатым содержанием, широким тематическим охватом и разнообразием представленных концепций. Он может быть полезен широкому кругу читателей-филологов, интересующихся вопросами истории русской и мировой литературы.

Сведения об авторе:

Олеся Равильевна Темиришина,
докт. филол. наук,
профессор

кафедра истории журналистики и литературы
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова

Olesya R. Temirshina,
Doctor of Philology
Professor
Department of History of Journalism and Literature
A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics
olesja@temirshina.ru

**Головачева И.В. Фантастика и фантастическое:
поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы.
СПб.: ИД «Петрополис», 2013. 412 с.**

В современном российском академическом литературоведении исследования фантастической литературы и ее различных жанровых вариаций (хоррора, научной фантастики и т. д.) по-прежнему явление редкое. При этом регулярно выходящие переводы зарубежных исследований указывают на несомненный интерес к данной проблематике¹.

Книга И.В. Головачевой – первое по-настоящему теоретическое исследование фантастической литературы в отечественном литературоведении (последняя аналогичная книга выходила в России в 1985 г.²). Необходимость в обобщающем исследовании такого рода давно назрела; труд И.В. Головачевой чрезвычайно актуален и сопоставим с «Дискурсами фантастического» Ренаты Лахманн.

Большинство авторов, творчество которых рассмотрено в книге, можно отнести скорее к предтечам жанра, чем к фантастам в строгом смысле слова: это Э.А. По, Н. Готорн, Г. Джеймс. Кроме того, в основном материалом исследования является американская литература – помимо перечисленных авторов, проанализировано творчество А. Азимова, О. Хаксли.

Автор исследует фантастику как жанр, объединяющий следующие направления: научную фантастику (science fiction), готику и фэнтези. Эти «институализированные жанры» привлекают ученого зыбкостью границ между близкими поджанрами. В качестве необходимого инструмента анализа введено также понятие «фантастического», с помощью которого зачастую то или иное произведение и относят к жанру фантастики. Тем не менее исследовательница видит существенную разницу между «фантастическим» и фантастикой как жанром. При этом сам термин «фантастическое» понимается традиционно: это элемент невозможного в произведении, который не получает реалистичного объяснения. С другой стороны, поясняет автор, «понятие “фантастическое” нам необходимо для обозначения особого способа репрезентации странного, чужого, иного, отчужденного» (стр. 16)³. Эта цитата уже приоткрывает сущностный интерес Головачевой: это проблематика взаимоотношений *Я и Другого*.

¹ См., напр.: *Кайуа Р.* В глубь фантастического. Отраженные камни / Пер. с фр. Н. Кисловой. СПб.: Иван Лимбах, 2006.

² *Чернышева Т.А.* Природа фантастики. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985.

³ Цит по: *Головачева И.В.* Фантастика и фантастическое. СПб.: ИД Петрополис, 2013. Здесь и далее в скобках указаны страницы.

разработки данной темы унаследован Головачевой от другого исследователя фантастического, Цв. Тодорова, о чем автор открыто заявляет, приводя соответствующую цитату из работы фантастоведа (стр. 12).

Головачева анализирует существующие в отечественной и зарубежной критике и литературоведении определения и разграничения поджанров фантастики, такие как «литература ужаса», «научная фантастика» и т. д., и не удовлетворяется ими. Концентрируясь на проблематике раскрытия границ другого, чужого, иного, Головачева видит более глубокие перспективы фантастики: «Фантастическое как форма выражения более произвольного, свободного вымысла позволяет расположить чуждое в самом центре обыденного, приподнять завесу конечной реальности, некоего центрального смысла бытия» (стр. 17). Позицию Головачевой можно сблизить с точкой зрения Р. Лахманн на фантастику: «В отличие от нефантастической литературы, играющей роль “протоантропологии” <...>, литературная фантастика выходит за границы антропологических будней и предлагает себя в качестве мета- или даже антиантропологии» (стр. 20).

Исследователь смело вводит иные определения данных явлений. Книга, собственно, и посвящена построению границ между поджанрами фантастики и описанию наполнения отдельных поджанров.

Уже в творчестве столь раннего фантаста, если его вообще можно отнести к представителям данной литературы, как Г. Джеймс, Головачева находит существенный сдвиг к плюралистичности, расширению ограниченности мировосприятия, переход к восприятию «открытой Вселенной»¹. Так, выявлена взаимосвязь художественных произведений Генри с книгой его брата Уильяма «Мир с плюралистической точки зрения» (стр. 39–48). Именно в творчестве Г. Джеймса определяется как одна из ведущих тема «рефлексии и саморефлексии, размышлений о содержании “Я”, о возможности его познания, о доступности восприятия “Я” как единого целого» (стр. 125). Одним из ключевых моментов, формирующих творческую новизну и причастность произведений Джеймса к фантастическому, является поиск границ познания, «осознание истины как процесса, принятие того, что истине может быть присуща двойственность, что привело Генри Джеймса к пониманию невозможности всеобъемлющего знания и понимания» (стр. 43).

Отдельная глава книги посвящена творчеству О. Хаксли, чьи труды уже становились темой исследования И.В. Головачевой².

В книге детально прослежена эволюция «готического» как особого комплекса тем и образности, выход «готического» в другие жанровые зоны, такие как фэнтези и scif (стр. 258–259). Головачева отмечает особые функциональные образы, такие, как монстр, которые вследствие своей «высокой валентности» (способности порождать сюжет. – *Е.Н.*) способны быть центром [произведения] фэнтези, “готики” и научной фантастики» (стр. 150). Анализируя общие элементы поджанров, автор выявляет тенденции их развития. Так, взаимодействие утопии с научной фантастикой стало плодотворной ветвью, поддерживающей существование жанра утопии в наши дни.

Двойничество и его функции и вариации – сквозная тема книги, один из фокусов интереса Головачевой. Исследовательской находкой И.В. Головачевой можно считать сопоставление роли призраков, их сюжетных функций в «Повороте вин-

¹ См.: *Койре А.* От замкнутого мира к бесконечной Вселенной. М., 2001.

² *Головачева И.В.* Наука и литература: Археология знания Олдоса Хаксли. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.

та» Г. Джеймса с Тенью Отца Гамлета, а также определение оборотничества как варианта двойничества (стр. 167).

Анализируя отдельные устойчивые мотивы и образы фантастики, такие как Монстр, Вампир, оборотничество, двойничество и т. д., Головачева доходит до глубинных содержательных уровней и выявляет основную смысловую функцию каждого мотива. Головачева достигает этого посредством «раскрытия интертекстуальных связей, т. е. анализируя своеобразную эстафету [образов], передающих по наследству закодированные в этом архетипе смыслы от произведения одного автора к тексту другого» (стр. 22). Так, оборотничество выступает способом актуализации тем трансгрессии, стирания границ и их необходимой первичной проблематизации, проблеме нормы / альтернативы.

Не слишком удачна достаточно громоздкая терминология, определяющая типы фантастического: сверхъестественное как не/реальное, научная фантастика как не/реальное... Опора на термины классического труда Цв. Тодорова «Введение в фантастическую литературу», сами по себе не вполне прозрачные и ясные, скорее затрудняет понимание для непрофессионального читателя, чем облегчает его. В поисках необходимого основания для отделения фантастики от фэнтези, Головачева опирается на когнитивность, относя НФ к жанрам «не только описывающим, но и проблематизирующим, взывающим к рациональному, аналитическому пониманию» (стр. 208). Хотя подобное ограничение едва ли может успешно служить разграничивающим принципом, в задачи исследования не входит определение фэнтези.

Головачевой удается увидеть одну из основных сложностей, приводящих к огромным трудностям в создании терминологии фантаствоведения: фантастическое не обязательно является фантастикой, а в фантастике может не обнаруживаться фантастического – эту мысль автор пытается донести до читателя на протяжении всей книги (стр. 92, 258, 377). Продолжая исследование различных поджанров фантастики, Головачева в главе о футуристически ориентированных типах фантастики: апокалиптической, постапокалиптической и утопической вариациях – приходит к выводу, что существующую классификацию необходимо поставить под сомнение и признать, что никакой единой фантастики просто не существует (стр. 259).

Несмотря на то что элементы и мотивы фантастического как целостность зачастую атрибутированы как маргинальные, Головачева подчеркивает: цель исканий писателей в этом русле размышлений далека от маргинальности и незначительности. «Подлинная тема любого фантастического произведения – именно человек или то, что имеет столь непосредственное к нему отношение, что определяет его жизнь и мышление» (стр. 152). При этом фантастика делает огромный шаг вперед по сравнению с готикой, поскольку в ней *Абсолютное другое* – дабы слияние с ним стало хотя бы потенциально возможно, то есть мыслимо, – перестает быть оппозицией по принципу «свой – чужой», это противопоставление в фантастике стремится быть снятым и исчезнуть (стр. 152–153).

Головачева видит основные когнитивные перспективы исследований современной готики и фэнтези в анализе «того, как человек сам себя представляет в новых (например, трансгенных и трансгендерных) координатах» (стр. 153, 180). Это координаты «расширения и обновления антропологической системы координат», в которой «чуждое расположено в самом центре обыденного» (стр. 152, 17). Причина того, что именно эти темы активно реализуются в современной ли-

тературе, кроется, на взгляд исследователя, в «сомнении человека (человечества) в перспективности человеческого» (стр. 23).

Книга будет полезна не только ученым, занимающимся специальной проблемой жанров. В процессе определения границ (под)жанров Головачевой удастся охарактеризовать внутреннее содержание, смысловое наполнение видов фантастической литературы. «Фантастика и фантастическое» будет ценным инструментом для ученых, исследующих тематику и проблематику фантастической литературы, ее предысторию и зарождение, а также эволюцию и дальнейшие перспективы развития и взаимопроникновения поджанров. Исследование, несомненно, представит новые ракурсы темы футурологам, исследователям творчества Н. Готторна, Г. Джеймса, Э.А. По, О. Хаксли.

Помимо собственно филологов, антропологов и других исследователей такого междисциплинарного и кросс-уровневого феномена, как фантастическое, труд И.В. Головачевой обращен к широкому кругу читателей, увлеченных проблемами антропологических границ личности, познания и перспектив литературного процесса.

Сведения об авторе:
Евдокия Антоновна Нестерова,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Evdokia A. Nesterova,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Краткая версия рецензии опубликована в «Вопросах литературы» (2016. № 2).

In Memoriam

In Memoriam

**Памяти
Никиты Алексеевича Струве
(16.02.1931–07.05.2016)**

7 мая в Париже на 86-м году жизни скончался литературовед, издатель, переводчик Никита Алексеевич Струве...

Для нас, еще заставших времена «самиздата» и «тамиздата», это имя незабываемо, как и книги, которые мы читали «под подушкой» – часто в слепых ксерокопиях и почти всегда за одну ночь, потому что их ждали и передавали по кругу. «Архипелаг ГУЛАГ», «Чонкин», «Неизданные стихи и письма» Гумилева, воспоминания Н.Я. Мандельштам – все это наша юность, и все это Никита Струве и его легендарная «ИМКА». Рискну предположить, что первый его приезд в Москву – в 1990-м, с грузовиком вождельных «имковских» изданий и с лекциями по истории русского зарубежья – для многих из нас стал куда более убедительным символом новой

эпохи, чем даже падение Берлинской стены...

Никита Струве – это тот случай, когда биография во многом предопределена фамилией, которая, как заметил однажды С.С. Аверинцев, «слишком много значит в истории русской культуры», чтобы носитель ее мог «уйти от долга перед традицией, перед понятиями и правилами, воспринятыми по праву наследства» («Верность здравомыслию», 1992).

Он родился 16 февраля 1931 г. в парижском предместье Булонь-Бийанкур в семье русских эмигрантов. Его дед – Петр Бернгардович Струве (1870–1944), общественный деятель, философ, публицист, издатель, инициатор и участник сборников «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), в 1906–1918 главный редактор московского литературно-политического журнала «Русская мысль», в эмиграции основатель и бессменный редактор парижской газеты «Возрождение»; отец – Алексей Петрович Струве (1899–1976), библиограф и антиквар; мать – Екатерина Андреевна Струве (1896–1978), племянница композитора Г.Л. Кагуара; дядя – Глеб Петрович Струве (1898–1985), поэт, критик, литературовед, автор культовых книг «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956; 2-е изд.: Париж, 1984; 3-е изд.: М., 1996) и «О четырех поэтах: Блок, Сологуб, Гумилев, Мандельштам» (Лондон, 1981); брат – протоиерей Петр Алексеевич Струве (1925–1968), деятельный участник (впоследствии вице-президент) Русского студенческого христианского движения (РХСД), в 1960-е годы член редколлегии журнала «Le messenger orthodoxe»; жена – Мария Александровна Струве (р. 1925), иконописец,

дочь священника и историка церкви прот. А.В. Ельчанинова (1881–1934), духовная дочь о. Сергия Булгакова.

Начало университетской карьеры Н.А. Струве связано с Сорбонной, где он учился и где затем преподавал русский язык. В 1965 был переведен в университет Париж – Нантер (с 1979 профессор, позднее заведующий кафедрой славистики, с 2000 профессор-эмеритус). В 1979 защитил докторскую диссертацию по творчеству О.Э. Мандельштама; в 1982 она была издана на французском, а в 1988 – на русском языке (в автопереводе). В 1970 выпустил антологию русской поэзии XX века, в 1994 – антологию русской поэзии XIX века (в собственных переводах на французский).

С 1951 сотрудничал в одном из старейших эмигрантских периодических изданий – «Вестник Русского [студенческого] христианского движения» («Вестник РХСД», с 1959 – «Вестник РХД»), в течение десятков лет возглавлял редколлегию этого журнала, а также православного франкоязычного журнала «Le messager orthodoxe».

С 1956 вошел в состав правления знаменитого издательства «УМСА-Press», основанного в 1921, в 1925 переведенного из Берлина в Париж и до 1948 руководимого Н.А. Бердяевым. Пост директора «ИМКИ» Н.А. Струве занимал с 1978 и до последних дней жизни.

Начиная с 1990-х просветительская деятельность Никиты Алексеевича Струве тесно связана с Россией. В сентябре 1990 он привез в Москву уникальную коллекцию книг, которая экспонировалась в залах ВГБИЛ и затем была передана в дар российским библиотекам. Вторая такая выставка прошла в 1991 в Петербурге. В том же 1991 году Н.А. Струве стал соучредителем и председателем правления совместного предприятия «Русский путь», поначалу функционировавшего как филиал «ИМКИ», а впоследствии превратившегося в самостоятельное издательство (с 2001 Н.А. Струве руководил им как главный редактор). За несколько лет выставки книг издательства «УМСА-Press» были организованы в 40 городах России, а также в странах СНГ и Восточной Европы. При этом экспозиция обязательно работала и как читальный зал, а программа мероприятий практически всегда включала лекции самого Н.А. Струве. Более 50 библиотек получили в дар коллекции изданий русского зарубежья.

Наконец, в 1995 году совместными усилиями Н.А. Струве, Русского общественного фонда Александра Солженицына и Правительства Москвы была создана Библиотека-фонд «Русское зарубежье» (с 2009 – Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, при котором функционирует и книжный магазин «Русское зарубежье»). Личный вклад Струве в формирование коллекции библиотеки-фонда трудно переоценить: это письма и рукописи П.Б. Струве, С.Н. Булгакова, И.А. Бунина, А.В. Ельчанинова, Б.К. Зайцева, Г.П. Федотова, И.С. Шмелева и др. В июне 1999 г. Н.А. Струве был отмечен Государственной премией РФ «За сохранение и пропаганду культурного наследия русского зарубежья в России». В 2012 году при участии Н.А. Струве в Доме русского зарубежья прошла международная конференция «“УМСА-Press” в истории русского книгоиздания за рубежом». Немало сил вложил Н.А. Струве и в создание музея С.Н. Булгакова в Ливнах Орловской области.

В своем последнем интервью на вопрос, есть ли надежда на воскресение русской культуры, Н.А. Струве ответил грустно: «Пока что незаметно, чтобы она воскресала», – и тут же добавил: «Но, повторяю, я не пророк» (Русский очевидец. rusoch.fr/lang/ru/guests/v-chest-yubileya.html). Будем надеяться, что дар пророчества и правда не принадлежал к числу его многочисленных талантов и что все сделанное им для сохранения наследия русской литературы и религиозной мысли не пропадет втуне...

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Н.А. СТРУВЕ

Les Chretines en URSS. Paris, 1963; 2-e ed.: 1964.

Anthologie de la poesie russe. La Renaissance du XXe siecle / Introduction, choix, traduction et notes. Paris, 1970; 2-e ed.: 1991.

Ossip Mandelstam: la voix, l'idee, le destin. Paris, 1982.

Осип Манделъштам. Лондон, 1988; 5-е изд.: М.: Русский путь, 2016.

Anthologie de la poesie russe du XIXe siecle / Introduction, choix, traduction et notes. Paris, 1994.

Православие и культура. М., 1992; 2-е изд., испр. и доп.: М.: Русский путь, 2000.

Soixante-dix ans d'emigration russe (1919–1989). Paris, 1996.

Екатерина Домогацкая

STEPHANOS

2016

№3 (17)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow

2016

Май — May